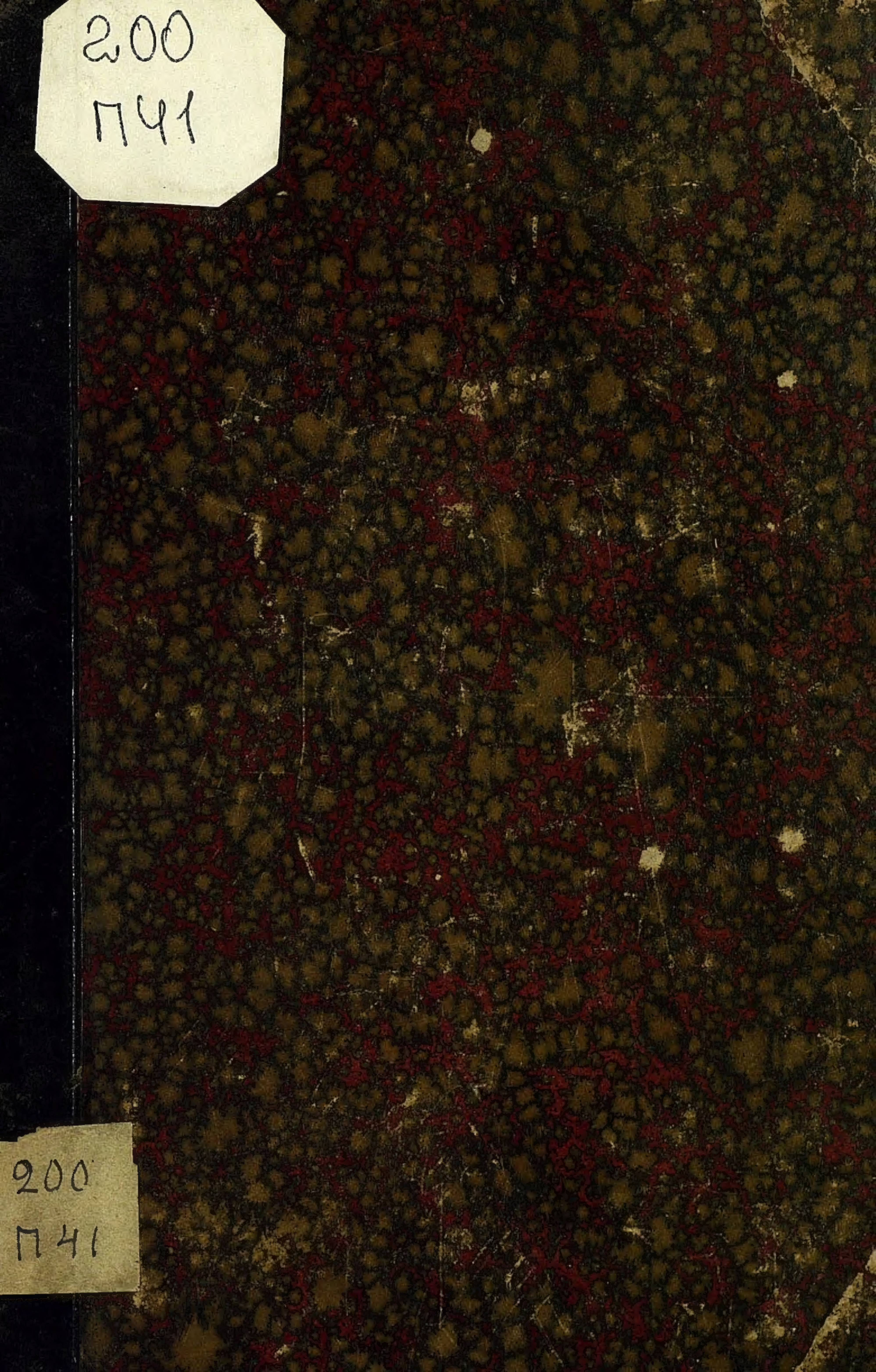

200
П41
200
П41

IN ARTE VOLUPTAS
EX LIBRIS

ПО ПОВОДУ ОТПАДЕНІЯ
ОТЪ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
графа Льва Николаевича Толстого.

Сборникъ статей „Миссіонерскаго Обозрѣнія".

Изданіе *В. М. Скворцова.*

ВТОРОЕ (дополненное).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія В. В. Комарова, Невскій, 136.
1904.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать разрѣшается С.-Петербургъ; 27 Января 1904 г.

Цензоръ Архимандритъ **Меѳодій**.

Типо-литографія В. В. Комарова, Невскій, 136.

Содержаніе

„Сборника статей по поводу отлученія гр. Толстого“.

Заключеніе.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Разборъ послѣднихъ религіозныхъ трактатовъ гр. Л. Н. Толстого.

I.

«Обращеніе къ духовенству».

II.

III.

ПРЕДИСЛОВІЕ ИЗДАТЕЛЯ.

Настоящій сборникъ статей „Мисс. Обозрѣнія“ „*По поводу отпаденія отъ Церкви гр. Л. Н. Толстого*“ представляетъ собою результатъ литературной (полемической) борьбы нашего органа съ религіознымъ лжеученіемъ яснополянскаго мыслителя. Стремясь быть чуткимъ и жизненнымъ литературнымъ органомъ внутренней миссіи Церкви, „Мисс. Обозрѣніе“, естественно, должно было зорко слѣдить и своевременно откликаться на всѣ перипетіи толстовской эпопеи и нашъ журналъ, волею-неволей, первымъ сталъ лицемъ къ лицу съ яснополянской ересью.

Въ 1897 г. нами былъ возбужденъ вопросъ о толстовщинѣ на 3-мъ всероссійскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ, бывшемъ въ Казани. По изслѣдованіи еретическихъ мудрованій гр. Толстого, разбросанныхъ въ многихъ его религіозныхъ трактатахъ и объединенныхъ въ катихизисѣ „штундоваго братства“, съѣздъ спеціалистовъ миссіонерства уже тогда призналъ толстовское религіозное движеніе *оформившеюся религіозно-соціальною сектою*, крайне вредною не только въ церковномъ, но и въ политическомъ отношеніи.

Рѣшеніе миссіонерскаго съѣзда дало толчекъ миссіонерской полемической литературѣ о толстовствѣ и мы широко раскрыли страницы нашего органа для полемическихъ статей объ этой новой сектѣ.

Изслѣдуя религіозное движеніе среди закавказскихъ духоборъ, мы ясно поняли и твердо установили, что главная причина этого страшнаго, по своему безумному анархическому характеру, броженія заключается въ пропагандѣ ученія толстовства, усвоеннаго несчастными духоборами со всею фанатическою крайностью, къ какой способна такая прямолинейная темная масса „дѣтей природы“, какими были духоборы. Въ „Мисс. Обозр.“

тогда былъ помѣщенъ длинный рядъ статей и очерковъ, выяснявшихъ весь вредъ и несостоятельность религіозно-соціальной стороны доктринъ яснополянскаго лжеучителя и ту страшную опасность толстовства, которую эта секта несетъ въ общество и народную среду, естественно подготовляя здѣсь почву для всякаго рода анархіи и нигилизма.

Посланіе Св. Синода отъ 22 февраля 1901 г. объ отпаденіи гр. Толстого отъ Церкви дало новый сильный толчекъ нашей миссіонерской полемической литературѣ.

Какъ извѣстно, этотъ знаменательный актъ Церкви раздѣлилъ все мыслящее и читающее наше общество на два враждующихъ лагеря, причемъ оба они не имѣли яснаго представленія о подлинномъ еретичествѣ яснополянскаго отщепенца.

Особенно въ затруднительномъ положеніи было наше сельское духовенство, не имѣвшее въ своихъ рукахъ матеріала и данныхъ для твердаго и убѣжденнаго отвѣта на возраженія дерзко вопрошавшихъ защитниковъ Толстого: за что же именно отлученъ гр. Толстой, въ чемъ его вина предъ Церковью, справедливо-ли Св. Синодъ поступилъ и правильно-ли опредѣлилъ въ своемъ посланіи ученіе Толстого? * „Мисс. Обозр.“ помѣстило тогда рядъ статей, въ коихъ характеризовалось религіозное міровоззрѣніе гр. Толстого по его послѣднимъ трактатамъ, изданнымъ заграницей.

Но вотъ появился въ заграничной печати и вихремъ понесся всюду у насъ, по рукамъ почитателей, знаменитый *отвѣтъ* Льва Ник. св. Синоду отъ 4 апрѣля 1901 г.

Познакомившись съ „Отвѣтомъ“, мы увидѣли, что документъ этотъ долженъ послужить самою убѣдитель-

---

*) Насколько смутное представленіе имѣло тогда духовенство объ ученіи и вѣрованіяхъ яснополянскаго философа, довольно припомнить, какъ „блестящій столичный проповѣдникъ“, о. Гр. Петровъ доказывалъ въ ученомъ философскомъ обществѣ, что гр. Толстой настоящій христіанинъ, что его ученіе служитъ на пользу Церкви, подводя къ ней общество и т. д. И этотъ надѣлавшій тогда много шуму въ столичномъ обществѣ эпизодъ случился за 2—3 мѣсяца до посланія Св. Синода на докладѣ Д. С. Мережковскаго, который первый изъ свѣтскихъ писателей смѣло выступилъ съ доказательствомъ антихристіанства Толстого.

ной апологіей высокой справедливости и цѣлесообразности акта Св. Синода: безъ этой откровенной новой исповѣди самого яснополянскаго еретика, синодальный актъ надолго остался бы непонятымъ среди защитниковъ Толстого.

Тогда мы исходатайствовали разрѣшеніе на опубликованіе „Отвѣта гр. Толстого Св. Синоду" на страницахъ „Мисс. Обозрѣнія" (напечатаннаго въ іюньск. кн. 1901 г.).

«Отвѣтъ» открылъ глаза огромной массѣ *слѣпыхъ* почитателей Льва Ник., понявшихъ тогда впервые, какой, дѣйствительно, великій еретикъ и страшный врагъ Христа и Церкви ихъ яснополянскій кумиръ.

Опубликованіе «Отвѣта» вызвало цѣлую серію *откликовъ* со стороны не только духовныхъ людей, но и просвѣщенныхъ вѣрующихъ мірянъ; мы охотно открыли страницы „Мисс. Обозр." для этихъ откликовъ, видя въ нихъ и судъ, и свидѣтельство, и приговоръ общественной вѣрующей мысли и совѣсти въ этой тяжбѣ Церкви съ ея заклятымъ врагомъ и болѣе жестокимъ хулителемъ, чѣмъ всѣ другіе, какихъ знаетъ исторія христіанства.

Эта „тяжба" толстовства съ православіемъ, благодаря времени, нынѣ потеряла въ обществѣ свою остроту, но борьба далеко еще не закончилась, а въ захолустныхъ провинціальныхъ, въ полуинтеллигентныхъ *низахъ*, а равно и въ народной средѣ, она только еще разгорается, такъ какъ Левъ Ник. не дремлетъ и самъ подливаетъ масла въ огонь своими позднѣйшими, крайне дерзкими, чисто пропагаторскими трактатами, написанными имъ для этой именно среды. А потому мы, въ интересахъ приходской миссіи, сочли полезнымъ разбросанный на страницахъ „Мисс. Обозр." въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ полемическій матеріалъ соединить въ одной книжкѣ и издать ее, въ видѣ безплатнаго къ нашему журн. приложенія.

Нашъ Сборникъ вызвалъ похвальные отзывы въ печати и былъ принятъ читателями „Мисс. Обозр." съ благодарностью: мы получили множество добрыхъ отзывовъ отъ приходскихъ священниковъ и мірянъ о несомнѣнной пользѣ книжки для миссіи противъ толстовства. Вмѣстѣ съ этимъ къ намъ начали поступать съ разныхъ мѣстъ—наиболѣе отъ свѣтскихъ лицъ—требованія на Сборникъ. Все это дало намъ побужденіе вновь издать „Сборникъ", дополнивъ его другими статьями, не вошедшими въ первое изданіе.

Такъ восполнена гл. IX-я, посвященная „Голосу мірянъ“ и заключающая въ себѣ сужденія о толстовствѣ людей свѣтскихъ разныхъ общественныхъ положеній, взглядовъ и образованія; а также восполнена гл. XIII, трактующая объ отношеніяхъ къ гр. Толстому въ мірѣ нашего *раскола*.

Въ слѣдующихъ главахъ болѣе полно приведены сужденія о толстовствѣ русской литературной и философской критики, въ томъ числѣ В. С. Соловьева, и иностранной критики. Въ новое изданіе Сборника включены также историческія справки и параллели („Герценъ и Толстой“, „Генри Друммондъ и Левъ Толстой“, „св. Серафимъ гр. Толстой“). Сборникъ заканчивается подводящею итоги статьей „о трагизмѣ толстовства и мирѣ Евангелія“.

Въ виду извѣстнаго нашей миссіи распространенія (особенно въ провинціи и именно среди полуинтеллигенціи и рабочихъ классовъ) двухъ послѣднихъ безбожныхъ твореній яснополянскаго лжеучителя—„Обращенія къ духовенству“ и „Возстановленія и разрушенія ада“, мы сочли полезнымъ для борьбы съ толстовствомъ присоединить къ Сборнику, въ видѣ „Приложенія“, разборъ этихъ двухъ листковъ; тѣмъ болѣе, что въ этихъ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ Толстой предъ лицомъ всего міра такъ рѣшительно и, кажется, безповоротно явилъ свое антихристіанство. Со всею страшною прямотою онъ возсталъ на „Господа и на Христа Его“, возсталъ на Его святую Церковь, съ ея Божественными установленіями, возсталъ на всѣ учрежденія гражданственности, благословленныя Церковью „Бога жива“ къ воспитанію плотскаго человѣка для царства Божія, „да совершенъ онъ будетъ, на всякое благое дѣло уготованъ“; Толстой объявилъ войну государственности, культурѣ, наукѣ и прочимъ пособіямъ къ возрастанію человѣка „въ мужа совершенна“. Какъ бы уготовляя путь антихристу, имѣющему, по ученію свв. отцовъ, придти „на безначаліе“, яснополянскій отступникъ въ названныхъ сочиненіяхъ самымъ рѣшительнымъ образомъ проповѣдуетъ полный анархизмъ и въ религіозномъ и государственномъ смыслѣ. „Обращеніе къ духовенству“ и „Разрушеніе ада“, изданныя въ Лондонѣ Чертковымъ и K⁰, соработниковъ Льва Николаевича, занесены и къ намъ и разсѣяны какъ душепагубные плевелы среди

пшеницы русской церковной нивы. Верха, средины и низы русскаго народа узнали уже эти плевелы и узнали путями привлекательной тайности, „намъ спящимъ“. Что же? Спать-ли и теперь стражамъ нивы Христовой, „поставленнымъ пасти Церковь Господа и Бога“? (Дѣян. 20, 28). Прятать-ли имъ голову свою (по подобію страуса) отъ толстовской опасности, чтобы не видѣть ее для себя и своей паствы? „Не стыдимся исповѣдывать Распятаго“ и не боимся стать, по мѣрѣ нашихъ силъ, на защиту стада Христова „отъ волка грядущаго“. Съ болью на сердцѣ мы дѣлаемъ необходимыя выдержки изъ безбожныхъ писаній яснополянскаго еретика, чтобы противопоставить толстовскую тьму свѣту Христову. „Свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ и тьма его не объятъ“. Для человѣка вѣрующаго и даже такого, въ которомъ теплится хоть искра вѣры Христовой, выдержки эти способны сами собою показать всю ложь новаго отступника и возбудить въ душѣ негодованіе къ яснополянскому богохульнику, вмѣстѣ съ отвращеніемъ къ его противохристіанскому мудрованію. При поставленіи же ихъ предъ лице Истины, предъ словомъ Божественнаго Писанія, писанія эти явятся послѣднимъ и роковымъ самообличеніемъ толстовскаго нечестія. Темныя слова изъ богохульныхъ произведеній Толстого, приведенныя въ полемическихъ видахъ, въ нашемъ Сборникѣ, да не смутятъ вѣру и совѣсть братій нашихъ, а невѣрующіе и сѣятели плевелъ и смутъ, конечно, давно уже просмаковали и использовали разбираемыя нами творенія и мы знаемъ, что для нихъ наше обнаженіе ихъ кумира вовсей его наготѣ— предъ лицемъ церковнаго общества, снятіе маски запретной таинственности съ его богомерзкихъ писаній—дѣло крайне нежелательное; ибо въ мутной водѣ всегда лучше рыбу удить. И мы глубоко убѣждены и вѣруемъ, что не мужественная откровенность полемики съ ересями способна вредить Церкви Божіей, а робкое замалчиваніе зла. Сила вѣры и здравомыслія людей Церкви безмѣрно сильнѣе вражьяго стана. Нужно только пробудить благодушную дремоту православной среды и дерзкій врагъ скроетъ свое жало. Свѣтъ да не убоится тьмы.! Вспомнимъ, что и Христосъ обличалъ богохульное толкованіе Его чудесъ книжниками и фарисеями, какъ якобы дѣлъ Вельзевула, князя бѣсовскаго. Вспомнимъ, что и апостолы и св. отцы, при защитѣ Христовой истины,

считались со страшными ученіями „антихристовъ многихъ", приводя и обличая ихъ въ своихъ писаніяхъ. „Духъ Утѣшитель, наставляющій на всяку истину", съ Церковью Христовой пребываетъ „во вѣкъ". Подъ Его святою сѣнью не устыдимся и не убоимся и мы толстовскихъ богохульствъ, такъ какъ они, какъ ложь и тьма, исчезнутъ предъ Истиной и Свѣтомъ, „яко исчезаетъ дымъ". „Колицы ратоваша на Церковь, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, и ратовавшіе погибоша, борима есть и неодолѣвается; и чесо ради попусти (Богъ) брань? яко да покажетъ свѣтлѣйшую тоя (Церкви) побѣду".

В. Скворцовъ.

I.

ВВЕДЕНІЕ.

Графъ Левъ Николаевичъ Толстой и его ученіе [1]).

(Общій очеркъ).

Кому не извѣстно имя Льва Николаевича Толстого, или кто, по меньшей мѣрѣ не слыхалъ про него? Въ былые времена это—одинъ изъ крупнѣйшихъ литературныхъ писателей, пріобрѣвшій себѣ извѣстность историческимъ романовъ «Война и миръ», въ коемъ описывается эпоха отечественной войны 1812 года. Этимъ романомъ зачитывались въ свое время всѣ образованные люди. И если бы онъ продолжалъ идти по этому пути, то, безспорно, укрѣпилъ бы за собой всеобщую славу великаго художника. Но въ послѣднія десятилѣтія онъ задумалъ обратить свой талантъ въ другую сторону, захотѣлъ быть богословомъ, или, вѣрнѣе, не прямо богословомъ, а соціальнымъ философомъ на богословской подкладкѣ. Въ своихъ взглядахъ и стремленіяхъ онъ явился порицателемъ общественнаго строя жизни и особенно хулителемъ церкви, не въ мѣру забогословствовавшемся, пожелавшемъ указать совсѣмъ другія основы жизни государственной и внести новыя понятія объ истинахъ религіи.

Вслѣдствіе такой метаморфозы имя его облетѣло теперь всю Россію и раздѣлило всѣхъ мыслящихъ людей на два лагеря, на его приверженцевъ и противниковъ, проникло оно и въ темную народную массу. Изъ послѣдней наиболѣе воспринимается его ученіе нѣкоторыми нашими сектантами, особенно

[1]) Публичная лекція. [illegible]

духоборцами и штундистами, проникаетъ, оно и въ среду старообрядцевъ. Къ немалому изумленію приходится видѣть его книги на полкахъ въ шкафу у безпоповцевъ, а сужденія его выслушивать даже изъ устъ единовѣрцевъ. Вотъ какъ обаятельно его имя! Въ своемъ лицѣ онъ какъ бы возглавилъ у насъ все нецерковное и враждебное православію. Церковь и графъ Толстой точно ариѳметическіе плюсы и минусы, точно двѣ силы: центробѣжная и центростремительная, точно два теченія, влекущія людей въ противоположныя стороны. Нѣтъ надобности говорить, что имя Толстого извѣстно и въ Европѣ и даже въ Америкѣ. Совершенно напрасно, поэтому въ послѣдней своей исповѣди онъ заявлялъ, что людей, которые раздѣляютъ его взгляды, «едва ли есть сотня» [1]).

Высшая духовная власть отечественной Церкви, зная о сочиненіяхъ Толстого и о томъ какое вліяніе они производятъ въ обществѣ, долго хранила тѣмъ не менѣе молчаніе. Но около трехъ лѣтъ назадъ и она оказалась вынужденной провозгласить во всеуслышаніе, что графъ Толстой отторгся отъ православной Церкви и съ своей стороны произнести нѣчто похожее на отлученіе, хотя и въ мягкой формѣ сравнительно съ формою древнихъ каноническихъ отлученій. Обстоятельство это подняло цѣлую бурю въ общественномъ мнѣніи, заставило встрепенуться близкихъ кровныхъ графа и его самого. Явился протестъ прямо отъ его лица не только, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, неудачный, но и подтверждающій справедливость и неизбѣжность отлученія.

Все сказанное естественно возбуждаетъ интересъ къ тому, чтобы узнать и ясно представлять себѣ, что же такое на самомъ дѣлѣ графъ Толстой, какъ

---

[1]) Миссіон. обозр. 1901 г. іюнь стр. 807.

мыслитель и писатель съ упорной точки, зрѣнія, чѣмъ онъ могъ такъ возбудить и увлечь общество, а церковную власть довести до необычайнаго въ наше время постановленія.

О Толстомъ и его ученіи говорить теперь и легко и весьма трудно. Если собрать все, что написано имъ самимъ и противъ него, или по поводу его, то безъ преувеличенія можно сказать, что изъ всего написаннаго образовался бы цѣлый шкафъ книгъ. Поэтому стоитъ взять двѣ-три книги, прочитать ихъ, и свободно можно говорить и писать о Толстомъ и его ученіи. Но чтобы оріентироваться во всемъ, что напечатано и,—имѣя въ виду извѣстную цѣль, взять существенное и представить оное въ ясномъ видѣ и въ связномъ порядкѣ, для этого нужно и много потрудится, и особенно сохранить спокойное равновѣсіе, чтобы освѣтить дѣло какъ слѣдуетъ и не вдаться въ ненужныя разглагольствія, а тѣмъ болѣе въ излишній паѳосъ.

Мы не имѣемъ въ виду входить въ обстоятельную полемику и опровергать тѣ или другія положенія знаменитаго писателя, а хотѣли бы только показать гр. Толстого, каковъ онъ былъ и есть, обрисовать, съ нѣкоторыми только поясненіями, его общественныя и нравственно-религіозныя воззрѣнія, а также и разсказать кое-что про жизнь ближайшихъ его учениковъ и послѣдователей, стремившихся осуществить его идеалы.

Первыми произведеніями гр. Толстого, обратившими на него вниманіе, какъ на новаго мыслителя были его «Исповѣдь» и «Въ чемъ моя вѣра»? Сочиненія эти сначала появились на русскомъ языкѣ написанными на гектографѣ и, какъ недозволенныя къ обращенію въ публикѣ, сразу возбудили необычайный интересъ, переходили по секрету изъ рукъ въ руки и коментировались на

разные лады. Началось сильное общественное движеніе, хотя на первыхъ порахъ и довольно глухое. При секретности и малодоступности означенныхъ произведеній, когда общество болѣе узнавало о нихъ по слухамъ, чѣмъ по непосредственному знакомству, стали появляться и печатныя опроверженія; опроверженія эти расходились очень быстро, но ихъ пріобрѣтали и читали не столько для того, чтобы уразумѣть увлеченія появившагося философа и его фантастическія иллюзіи, сколько для того, чтобы вкусить отъ запретнаго плода.

Въ означенныхъ произведеніяхъ со стороны положительной графъ Толстой останавливалъ все свое вниманіе на евангельскихъ изреченіяхъ: «не протився злу, не гнѣвайся, не разводись, не клянись, не осуждай не воюй», и на основаніи ихъ пожелалъ создать счастіе на землѣ или какъ потомъ сталъ выражаться, «царство Божіе среди людей». Ясно и понятно, что этимъ-то новымъ якобы открытіемъ старыхъ божественныхъ словъ, авторъ сразу и завоевалъ себѣ симпатіи и славу великаго мыслителя и даже христіанскаго богослова, со стороны весьма многихъ недовольныхъ жизнію, для которыхъ съ такою легкостію указывался рай на землѣ. Дѣло въ томъ, что до него, до этого открытія всѣ были убѣждены, что эти заповѣди Христа Спасителя относятся къ жизни частныхъ людей, имѣютъ для нихъ значеніе и силу нравственнаго закона, начертаны какъ идеалъ, къ коему долженъ стремиться послѣдователь Христова ученія, чтобы достигнуть личнаго совершенства. Поэтому и во имя этого мы и должны прощать обиды, не воздавая зломъ за зло, не должны даже волновать себя гнѣвомъ противъ другого, не должны пересуживать другихъ, видя ихъ слабости, обязаны блюсти святость семейнаго союза, быть такъ прав-

дивыми, чтобы и простому нашему слову утвержденія, или отрицанія—да, или нѣтъ,—могли вѣрить, а не требовалось бы прибѣгать къ торжественному удостовѣренію именемъ Божіимъ т. е. къ присягѣ, что не должно поднимать войны братоубійственной (ибо всѣ люди по ученію евангельскому братья между собою), особенно безъ необходимости, по внѣшнимъ лишь расчетамъ пріобрѣтенія,—при чемъ нимало не уничтожалась любовь къ отечеству (патріотизмъ), во имя котораго требовалось тѣмъ же ученіемъ положить душу свою за други своя, т. е. самопожертвованіе ради другихъ и по любви къ нимъ, какъ къ самому себѣ. Такъ это понимали всѣ, отъ древнихъ христіанъ и до новыхъ и намъ современныхъ. Графъ Толстой не захотѣлъ такъ думать, потому что увидѣлъ въ этомъ нѣчто, совершенно невозможное.

«Какъ можно любить ближняго, какъ самого себя, замѣчалъ онъ, когда въ меня вложены ни на мгновеніе не покидающая меня любовь къ себѣ и очень часто столь же постоянная ненависть къ другимъ» [1])? Требованія терпѣнія и самоотверженія *противны человѣческой природѣ».* [2])—Здѣсь, въ этомъ исходномъ пунктѣ виденъ уже плохой богословъ, не знающій, или не желающій знать, что въ человѣкѣ существуетъ на ряду съ закономъ Бога, другой законъ, противорѣчащій закону ума и плѣняющій человѣка въ послушанія себѣ, такъ что человѣкъ дѣлаетъ не то, что хочетъ, а то, чего не хочетъ (Рим. 7, 23 и 15),—плохой богословъ и не глубокій психологъ, не замѣчающій и не сознающій внутренняго въ себѣ самомъ раздвоенія. Какъ бы то, впрочемъ ни было, но, сдѣлавъ исход-

---

[1]) См. изслѣдованія проф. А. Ѳ. Гусева. «Основныя начала ученія гр. Толстого“, стр. 17.

[2]) Тамъ же стр. 33.

нымъ пунктомъ своихъ возрѣнiй и разсужденiй всѣми ощущаемыя склонности не высокой пробы чувства и природы, а между тѣмъ стремясь открыть секретнымъ для всѣхъ ключемъ запертый ларчикъ земного счастья, онъ, какъ мудрѣйшiй современный философъ и соцiологъ, переставилъ означенныя требованiя съ личной почвы на почву общественную, потребовалъ устроить по этому образцу жизнь государственную, предъявивъ эти требованiя болѣе всего къ правительству, осудилъ поэтому весь существующiй порядокъ и особенно завинилъ Церковь, поддерживающую этотъ порядокъ нравственно-властнымъ словомъ ученiя.

Основанiя и соображенiя свои для такой именно перестановки графъ Толстой высказываетъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ своихъ первыхъ сочиненiй. «Напрасно говорятъ, пишетъ онъ, будто христiанское ученiе касается личнаго спасенiя, а не касается вопросовъ общественныхъ, государственныхъ... Я мужикъ и меня выбираютъ въ старшины, въ судьи, въ присяжные, заставляютъ присягать, судить, наказывать. Что мнѣ дѣлать? Я долженъ выбирать между заповѣдями Христа и человѣческими требованiями» [1]). «Дѣятельность нашего сословiя почти вся состоитъ въ противленiи злу. Таковы: военные, судейскiе, администраторы. Нѣтъ такого частнаго человѣка, которому бы не предстояло рѣшенiе между служенiемъ Богу, исполненiемъ Его заповѣдей, или служенiемъ учрежденiямъ государственнымъ. Личная жизнь переплетѣна съ общественно-государственной жизнiю, а послѣдняя требуетъ дѣятельности, прямо противной заповѣдямъ Христа. По этому зло есть порядокъ». «Человѣческiе суды не только не согласны

---

[1]) Тамъ же стр. 35.

съ заповѣдію о непротивленіи злу, но прямо ей противорѣчатъ, какъ противорѣчатъ и всему ученію Христа, и что, потому, Христосъ если только думалъ о судахъ, непремѣнно долженъ (?) былъ отрицать ихъ... Христосъ говоритъ: должно прощать всѣмъ, прощать безъ конца; суды же не прощаютъ, но наказываютъ, дѣлаютъ не добро, а зло тѣмъ, кого они называютъ врагами общества. Выходя изъ сказанныхъ положеній, почтенный графъ и предавался мечтаніямъ о томъ, какъ было бы хорошо, если бы общественная жизнь была устроена по образцу «пяти заповѣдей». Придутъ непріятели: нѣмцы, турки, дикари, если вы не будете воевать, говорятъ обыкновенно,—то они перебьютъ васъ. Это—неправда. *Если-бы* существовало общество христіанъ, не дѣлающихъ никому зла, и *отдающихъ весь излишекъ своего труда* другимъ людямъ то никакіе непріятели:— ни нѣмцы, ни турки, ни дикіе не стали бы убивать и мучить такихъ людей. Они брали бы себѣ все то, что и такъ отдавали бы эти люди, для которыхъ нѣтъ различія между русскимъ, нѣмцемъ, туркомъ и дикаремъ. Поэтому, заключаетъ Толстой, «дѣло состоитъ въ отреченіи отъ войны». Своя внутренняя, домашняя жизнь рисуется имъ такъ»: не станемъ отнимать другъ у дружки, а будемъ помогать одинъ другому. Станемъ пахать, сѣять, водить скотину и всѣмъ хорошо будетъ жить. Такъ училъ, по словамъ пріобрѣтателя счастія, Іисусъ Христосъ, чтобы люди могли достигнуть безмятежной и довольной жизни на землѣ, и въ этомъ *сущность* Христовой проповѣди [1]). Поэтому и въ уста Спасителя онъ влагаетъ уже такія рѣчи, какихъ въ евангеліяхъ нѣтъ. «Кто слышалъ эти Мои заповѣди: не

1) Тамъ же стр. 199. 37. 270. 280. 36.

противиться злу, не различать свой народъ отъ чужаго,—кто слышалъ эти заповѣди и исполняетъ ихъ, тотъ, какъ разумный человѣкъ, строитъ домъ свой на камнѣ.

А св. апостоловъ вотъ съ какою проповѣдію посылалъ Господь: «Идите вы по разнымъ городамъ и вездѣ разглашайте исполненіе воли Отца, говоря, что воля Отца въ пяти заповѣдяхъ»... Въ половинѣ праздника Іисусъ вошелъ въ храмъ и сталъ учить народъ о томъ, что ихъ служеніе Богу ложное, что Богу надо служить не въ храмѣ и не жертвами, а въ духѣ и дѣломъ,—исполненіемъ пяти заповѣдей» [1])

Съ подобными слишкомъ уже свободными пріемами относительно того, что содержится въ Евангеліи, мы еще встрѣтимся а теперь оставимъ эти подтасовки гр. Толстымъ *своихъ* мыслей къ евангельскому тексту, а обратимъ пока вниманіе на то, какъ, въ самомъ дѣлѣ, не увлечься всѣми этими иллюзіями, на христіанской повидимому почвѣ? Выходитъ, что до графа Толстого, никто не могъ открыть настоящій смыслъ Евангелія, а только искажали его,—и люди и церковь; графъ первый заговорилъ дѣйствительнымъ языкомъ Христа. И какъ легко и просто водворить на землѣ рай! Стоитъ только ввести въ общественную и государственную жизнь евангельскія требованія, очистивъ ее отъ наслоившихся требованій церкви и государства. Такимъ образомъ графъ Толстой сдѣлалъ двѣ услуги и совершилъ два подвига:—и путь къ земному благополучію указалъ, а вмѣстѣ и открылъ ключъ къ истинному разумѣнію Христова ученія. Да вѣдь это во сто разъ важнѣе, чѣмъ открытіе Америки...

Но,—ахъ ужъ это «но», да «если бы»,—но что

5) Тамъ же,

если не всѣ жители земли воспримутъ его проповѣдь, а главное, не всѣ станутъ осуществлять ее на дѣлѣ? Что, если двѣ трети населяющихъ землю людей, до которыхъ и не дошло даже ученіе Толстого, или которые не пожелаютъ его принять, не перестанутъ не только противиться злу, но и сами будутъ причинять зло другимъ, что, если и на самомъ дѣлѣ,—какъ не давно и было,—нападутъ китайцы, японцы турки и др. подобные, что тогда, противиться ли намъ,—сочувствующимъ ученію Толстого, этому злу, или не противиться, оставивъ все, и жилища и имущества и семьи безъ защиты, на ихъ разграбленіе? Почтенный изобрѣтатель новой доктрины оговаривается, что они возьмутъ только то, что мы сами хотѣли бы отдать. Но что, если на самомъ-то дѣлѣ они захотятъ и то взять, чего мы совсѣмъ не хотѣли бы уже отдавать:—обезчестить жену, увезти въ рабство дѣтей, или же, обобравъ дочиста, оставить насъ нищими? Что тогда? Стать ли хотя на защиту жены и дѣтей, но вѣдь это будетъ уже уступка и ограниченіе требованія... Поставимъ вопросъ уже. Возьмемъ одно наше государство. Что, если не всѣ до единаго 100 милліоновъ русскихъ подданныхъ послѣдуютъ ученію гр. Толстого, а не болѣе, какъ 10—20 милліоновъ, а между тѣмъ, законы уже измѣнены по рекомендаціи гр. Толстого, какъ опять жить? Лѣнтяй сосѣдъ свелъ со двора лошадь, которую вовсе мы не хотѣли бы ему отдавать, пьяница скралъ вещи, грабитель зимою снялъ съ меня на дорогѣ шубу, развратникъ обольстилъ жену, или дочь. Какъ тутъ быть? Противиться я не могу, жаловаться не имѣю права, а если пожалуюсь, или буду какими нибудь способами противиться, то я же виноватъ останусь, и хотя меня и не будутъ судить по внѣшнему закону, такъ какъ судовъ не будетъ,—но я долженъ

быть осужденъ въ глазахъ общества. И выйдетъ, что при новомъ, проэктируемомъ Толстымъ государственномъ или просто общественномъ устройствѣ я попаду изъ огня да въ полымя.—Ясно одно, что ничего подобнаго на дѣлѣ и быть не можетъ, что все это одно лишь доктринерство, красивое и увлекательное развѣ только на словахъ, или на бумагѣ и имѣющее одно *отрицательное* значеніе недовольства существующими порядками. Возьмемъ вопросъ еще уже, представимъ дѣйствительныхъ послѣдователей Толстого, хотя въ одинъ милліонъ, живущихъ совершенно изолированно, по правиламъ пяти заповѣдей. Кто и что поручится, что и они, всѣ до единаго не будутъ лѣниться, лгать,—чтобы и каждому ихъ слову можно было вполнѣ вѣрить,—не будутъ позволять себѣ излишества и прелюбодѣйствовать, не будутъ и красть, и отнимать чужое, въ тоже время не будутъ ни гнѣваться, ни жаловаться, не пересуживать, а всѣ будутъ работать другъ на друга, поле пахать, огородъ разводить, скотину пасти, и такъ не день и не годъ, а всю жизнь? Едва ли поручится за это и самъ изобрѣтатель золотого вѣка и сочинитель земнаго рая.

Между тѣмъ, пока что будетъ, а дѣйствительная жизнь толстовцевъ показываетъ намъ совсѣмъ другія картины, далеко не идиллическаго свойства. Вотъ разсказъ о томъ, какъ жили и дѣйствовали толстовцы въ Павловскѣ Харьковской губерніи Сумскаго уѣзда, руководимые княземъ Хилковымъ, извѣстнымъ приверженцемъ Толстовскихъ идей. Хилковъ завелъ тамъ школу, но больше училъ крестьянъ жизни. Наука была простая: «не нужно собственности, не нужно властей, не нужно судовъ, не нужно податей, не нужно войска». И учили этому не простые люди. Какъ же мужику имъ не вѣрить? Благо проповѣдь-то ужъ очень хороша! И мужики

заговорили, что вся бѣда въ попахъ. «Якъ-бы ни було поповъ, не було бы и царей, не було бы ни войска, ни судовъ, ни губернаторовъ, не драли бы съ насъ и грошей въ подати»... „Насъ много, а когда будетъ еще больше, такъ что въ Россіи будетъ больше насъ, чѣмъ православныхъ, тогда весь государственный строй мы передѣлаемъ по своему". А по немногу и начинаютъ передѣлывать. Павловскіе Толстовцы отказывались отъ взноса податей и отъ воинской повинности. Земскій начальникъ потребовалъ одного Толстовца въ волость. Тотъ не пошелъ. Десятники повели его въ волость. Толстовецъ вопитъ на все село о незаконности существующихъ властей. Приносили его въ волость на рукахъ, онъ въ присутствіи начальства либо немедленно садился, либо ложился на землю, на вопросы или молчалъ, или обличалъ начальство. Выходила картина. Толстовцы въ 1894 году отказывались, въ числѣ 39 семействъ, отъ присяги на вѣрноподданничество. Послѣднее, недавнее буйство павловцевъ,— разграбленіе церкви—школы, хотя произведено малеванцами (штунда), но несомнѣнно, не безъ вліянія уже достаточно привившихся идей Толстого. Извѣстное, нѣсколько лѣтъ назадъ происходившее движеніе кавказскихъ духоборовъ, приведшее многихъ изъ нихъ къ переселенію въ Америку, также во многомъ обязано тѣмъ же идеямъ.

Вотъ обратная сторона Толстовской медали на почвѣ жизни, судя по которой проповѣдь графа является не созиданіемъ, а только разрушеніемъ, почему ее справедливо и называютъ проповѣдію *анархизма*, т. е. полнаго безначалія.

Логическая ошибка Толстого въ томъ, что онъ началъ не съ того конца. Задумавъ осчастливить общество, исцѣливъ его отъ современныхъ недуговъ, онъ захотѣлъ повліять сразу на весь обще-

ственный и государственный организмъ, чрезъ коренную реформу существующаго строя жизни, т. е. не излѣчивая людей, вліяя на единицъ и чрезъ нихъ преобразуя жизнь, а измѣнивъ только формы жизни. Это похоже на то, какъ если бы какой врачъ вздумалъ однимъ рецептомъ оздоровить всю громадную палату своихъ больныхъ, многоразличными недугами болѣющихъ, а не захотѣлъ бы лѣчить каждаго больного и такъ постепенно оздоравливать свою палату. Если бы авторъ поглубже проникъ въ сущность Христова благовѣстія, которое есть не форма жизни, а духъ и самая жизнь,— могущая уживаться съ какой угодно формой,—если бы онъ обратилъ должное вниманіе на то, что царство Христово не отъ міра сего и что не придетъ оно такъ открыто и видимо, что могутъ говорить люди: „вотъ оно, здѣсь, или тамъ", а что оно внутрь каждаго; то легко уразумѣлъ бы, что и законы этого царства относятся лично къ каждому послѣдователю Христа, а не къ внѣшнему устройству человѣческихъ обществъ, и что только чрезъ облагороженіе личности достигается улучшеніе и внѣшнихъ формъ соціальной жизни. И если бы при этомъ графъ Толстой обратилъ должное вниманіе и на исторію *христіанской* цивилизаціи и изучилъ ее, то увидѣлъ бы, какъ свѣтъ христіанства, просвѣщая находившихся во тьмѣ, вліялъ и на жизнь общественно-государственную, чрезъ ту же церковь, которую онъ такъ порочитъ,—какъ облегчались подъ этимъ вліяніемъ и тяготы жизни внѣшней:— уничтожалось рабство, прекращались позорныя казни и пытки, получало достойную оцѣнку насиліе и безчестіе,—и какъ становилось человѣку легче жить и на землѣ.

Все это дѣлалось не вдругъ, чрезъ механическое только измѣненіе государственныхъ законовъ

и разрушеніе существовавшихъ порядковъ, а постепенно, по мѣрѣ усвоенія христіанскихъ понятій массою частныхъ людей. Революціи формъ, безъ подготовки и положительнаго содержанія, всегда приводили только къ большему злу и къ народнымъ бѣдствіямъ. Такимъ образомъ и Толстому при болѣе внимательномъ отношеніи къ Евангелію и не раздраженномъ чувствѣ къ исконнымъ авторитетамъ Церкви, не трудно было бы уразумѣть, что и смыслъ пяти заповѣдей Спасителя вовсе не тотъ, — прямо соціальный, какой онъ имъ придаетъ, а тотъ какой придавали имъ до него. Революцію понятій онъ построилъ на отрицаніи и это отрицательное отношеніе къ существующимъ порядкамъ прежде всего, какъ мы видѣли, и сказалось, у ближайшихъ его апостоловъ, которые стали проводить это и въ народную массу. Какъ, въ какомъ видѣ и насколько осуществлялись положительныя начала гр. Толстого, т. е. означенныя пять заповѣдей, увидимъ далѣе.

Коснулся графъ Толстой и семьи. Не долго спустя послѣ первыхъ его произведеній появилась „Крейцерова соната“, на первыхъ своихъ страницахъ проповѣдующая аскетизмъ и пригодная, повидимому, для любой церковной проповѣди, но въ сущности представляющая разсказъ аномальной супружеской жизни, приведшей къ трагедіи его героевъ. Разсказъ наполненъ циническими подробностями, заставляющими краснѣть молодыхъ дѣвушекъ. Содержаніе его такъ бы и должно остаться, какимъ оно есть, и оцѣниться, какъ явленіе уродливое и только. Но авторъ сдѣлалъ изъ него въ заключеніи слишкомъ большой скачекъ отверженія брачной жизни вообще и такимъ образомъ явился и разрушителемъ семьи. И здѣсь результатъ получился опять отрицательный, въ смыслѣ брака только *церковнаго;* и явился не христіанскій аске-

тизмъ, какъ добровольное отреченіе отъ радостей супружеской жизни, далеко не для всѣхъ вмѣстимое, а нѣчто совсѣмъ другое: или простое холостячество, или и худшее. По крайней мѣрѣ наставленія Толстого не помѣшали одному талантливому его послѣдователю „наплодить съ полдюжины дѣтей отъ Толстовскаго брака“, какъ заявилъ объ этомъ его бывшій другъ [1]).

Въ первыхъ своихъ сочиненіяхъ Толстой основывался на Евангеліи и большинству читателей, недостаточно съ Евангеліемъ знакомымъ, представлялся строго христіанскимъ мыслителемъ, открывшимъ новый, болѣе вѣрный путь къ его разумѣнію. Но Евангеліе не представляетъ разрушенія ни общественныхъ, ни семейныхъ началъ и не можетъ ужиться съ анархіею. Спаситель заповѣдалъ воздавать кесарева кесареви, а Его апостолъ писалъ: всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется, нѣсть бо власть, аще не отъ Бога, сущіи же власти отъ Бога учинены суть. Тѣмъ же противляяйся власти, Божіею повелѣнію противляется (Римл. 13, 1—2). Бракъ честенъ и ложе не скверно. И уподобленъ онъ святѣйшему союзу Христа съ церковію и благословленъ Христомъ, совершившемъ на немъ первое свое чудо (Іоан. 2, 11). Поэтому Толстому понадобилось сводить прямые счеты съ Евангеліемъ. И вотъ, помимо искаженія Христовыхъ словъ, гдѣ, какъ мы уже видѣли, онъ оттѣнялъ свои предвзятыя мысли, примѣряя ученіе Спасителя на свой аршинъ,—въ послѣдующихъ своихъ сочиненіяхъ Толстой началъ урѣзывать Евангеліе, сколько то оказалось ему нужнымъ, и создавать свою доктрину, совершенно разрушающую самыя основы христіан-

---

[1]) Мисс. Обозр. 1899 г. дек. стр. 77.

скаго ученія. Въ первыхъ его сочиненіяхъ взгляды его на Христа и на Евангеліе не совершенно ясны. Въ дальнѣйшихъ произведеніяхъ: „Краткое изложеніе Евангелія“, „Катихизисъ“ и „Критика догматическаго богословія“ онъ является уже прямымъ сектантомъ. Все Евангеліе заключается, по его представленію, только въ означенныхъ пяти заповѣдяхъ, остальное или пререкаемо, или прямо не вѣрно. Такимъ образомъ въ томъ видѣ, въ какомъ мы его имѣемъ, оно представляетъ смѣшеніе истины съ неправдой.

Взглядъ этотъ далеко не новый. Не будемъ проникать въ глубь исторіи и тамъ отыскивать его начало; если поищемъ его дома, то точно такой взглядъ найдемъ у нашихъ духоборовъ. Они хотя не отвергаютъ прямо ни Евангелія, и ученія св. апостоловъ и, гдѣ нужно, пользуются ими, но выбираютъ лишь то, что имъ на пользу, остальное же или замалчиваютъ, или не признаютъ. Одинъ изъ первыхъ ихъ учителей, „просвѣщенныхъ духомъ“, называлъ Библію „хлопотницей“, въ коей перемѣшаны зерно съ мякиною; необходимо отдѣлять первое отъ послѣдней. Графъ Левъ Николаевичъ такъ именно и поступаетъ, сокративъ Евангеліе, какъ истый духоборецъ. А при такомъ пріемѣ чего только нельзя придумать, или отвергнуть? И онъ, дѣйствительно, измѣнилъ и ученіе о Богѣ и о Лицѣ Господа І. Христа и взглядъ на богослуженіе и таинства.

Слова: „Богъ“, „Отецъ небесный“ въ сочиненіяхъ Толстого, встрѣчаются весьма часто, но значеніе ихъ совсѣмъ другое. „Богъ есть духъ. Если мы любимъ другъ друга, Богъ въ насъ пребываетъ. Развѣ вы не знаете, что вы храмъ Божій и Духъ Божій живетъ въ васъ“. Все это слова евангельскія и апостольскія, но Толстой поясняетъ ихъ такъ:

„Лучшія качества людей и есть тотъ Богъ, который живетъ въ нихъ“. „Богъ, какъ истина, не есть самостоятельное существо, лично и самобытно существующее, но какъ-бы слитно и нераздѣльно пребываетъ съ родомъ избранныхъ, безъ которыхъ не могъ бы ни открыться, ни прославиться“. „Божество есть умъ, сердце и воля людей“. [1])

Въ одномъ разсказѣ „Чѣмъ люди живы?“ Толстой заявляетъ, что „любовь и есть Богъ“ (понятія переставлены сравнительно съ ученіемъ св. Іоанна богослова, что „Богъ есть любовь“ 1-е Іоан. 4, 8 и 16).

Въ лицѣ добраго сапожника, пріютившаго сироту, ангелъ и узналъ Бога; въ его женѣ онъ также узналъ Бога, и сказавъ про это людямъ, улетѣлъ на небо [2]). Въ другомъ мѣстѣ Толстой говоритъ, что Богъ есть и законъ природы [3]). Еще далѣе: „Бога никто не видалъ, какъ не видалъ никто бѣлизны безъ бѣлаго предмета, доброты безъ добраго человѣка и т. п. Значитъ, Богъ есть отвлеченное свойство, но не лицо. Бога нигдѣ, кромѣ нашей мысли и нѣтъ. Богъ—духъ, т. е. наши качества. Богъ есть не иное что, какъ духовная сущность въ человѣкѣ“. Поэтому, „по духу, добавляетъ онъ» и люди всемогущи и вообще имѣютъ божескія свойства“ [4]). Отсюда всякій есть и Сынъ Божій. „Каждый человѣкъ долженъ признать себя сыномъ Бога, такимъ же, каковъ Богъ по своей природѣ“ [5]). Таковъ былъ и Іисусъ Христосъ. „По природѣ Онъ такой же человѣкъ, какъ и всѣ люди и постольку же причастенъ Божественной

---

[1]) Миссіон. Обозр. 1898 г. май, стр. 733—734.
[2]) Миссіон. Обозр. 1896 г. іюль, стр. 7.
[3]) Гусевъ, стр. 16.
[4]) Тамъ же, стр. 281.
[5]) Тамъ же.

жизни, какъ и они“ [1]). Почему же Онъ называется Спасителемъ? Вотъ отвѣтъ: „поскольку Онъ научилъ людей новому образу жизни, ведущему ихъ къ избавленію отъ страданій и бѣдствій, постольку Онъ можетъ быть названъ и спасителемъ ихъ“ [2]). Правда, „Онъ страдалъ, но не воскресъ' даже никогда и не говорилъ (??) о Своемъ воскресеніи“ [3]). И другіе, конечно, не воскреснутъ. Не нужно воображать, что будетъ какая-то другая жизнь, въ какомъ-то другомъ мѣстѣ [4]). Безсмертіе людей въ ихъ родѣ [5]).

Конечно, ничто не ново подъ луною. И все это, священнымъ книгамъ противорѣчащее богословствованіе, это урѣзанное по вкусу автора «Евангеліе» тоже не новое, а даже слишкомъ старое. Но не будемъ опять ходить далеко. И здѣсь,—какъ и во взглядѣ на священныя книги, наши духоборы предупредили графа Толстого, такъ что онъ едва не буквально повторяетъ ихъ лжеумствованія. Вотъ маленькая справка. По ученію духоборцевъ, «есть Богъ единъ, всемогущій. По своему существу Онъ—духъ: духъ силы, духъ премудрости, духъ воли. Троица непостижима, но Она и въ мірѣ и въ человѣкѣ: въ мірѣ Отецъ есть свѣтъ, Сынъ животъ, Духъ Святый—покой; въ человѣкѣ: Отецъ—память, Сынъ—разумъ, Духъ Святый—воля. Подъ именемъ Сына Божія надобно понимать премудрость Бога Вседержителя, которая облеклась въ натуру міра и въ буквы откровеннаго слова. Въ новомъ завѣтѣ это—духъ воплотившейся премудрости и любви, несказанной радости и утѣшенія. Этотъ духъ внутренно рождается въ каждомъ. Іисусъ Христосъ

[1]) Тамъ же, стр. 285.
[2]) Тамъ же, 284.
[3]) Тамъ же, 384.
[4]) Тамъ же, 279.
[5]) Тамъ же, 283.

былъ Богъ и человѣкъ, лучшій изъ праведныхъ людей, которому, впрочемъ, и другіе могутъ быть равными. Онъ пострадалъ отъ жидовъ на крестѣ и умеръ, воскресъ, но какою плотію, неизвѣстно. По воскресеніи пребываетъ въ родѣ избранныхъ, невидимо. Но это уже не тотъ Іисусъ Христосъ, Который родился отъ Маріи, а просто Богъ—Слово. Будущая жизнь будетъ заключаться не въ воскресеніи бренныхъ тѣлъ, а въ воскресеніи падшаго духа [1]).

Сходство поразительное! Въ сущности то и другое ученіе—безбожіе, съ тѣмъ отличіемъ, что у духоборцевъ чувствуется нѣсколько болѣе духовнаго элемента, тогда какъ у Толстого все сводится лишь къ землѣ и ея благополучію; дальше земли и земного онъ ничего не желаетъ и знать.

При пантестическомъ представленіи Божества, какъ человѣческаго разума и законовъ природы, при указанномъ взглядѣ на спасеніе и Спасителя, при отрицаніи личнаго безсмертія и загробной жизни, само собою понятно и неизбѣжно слѣдуетъ и отверженіе всякаго богослуженія и особенно церковныхъ тайнодѣйствій. Мы уже видѣли, какъ Толстой кощунственно влагалъ въ уста Христа Спасителя проповѣдь въ іудейскомъ храмѣ, что Богу нужно служить не въ храмѣ и не жертвами, а.. исполненіемъ пяти заповѣдей. А вотъ и еще: «По евангелисту Іоанну, разсуждаетъ онъ, первое дѣло Іисуса есть такъ называемое очищеніе храма, въ дѣйствительности же уничтоженіе храма, храма въ Іерусалимѣ, который считался домомъ Бога, сятыней изъ святынь. Не имѣя возможности сразу уничтожить храмъ, онъ уничтожилъ все, что нужно для богослуженія въ немъ» (?) [2]).

---

[1]) Руководство по Истор. и Облич. раскола, т. II, ч. 3, стр. 177—179. Изд. 6-е.

[2]) У Гусева, стр. 10.

Въ этомъ отношеніи къ богослуженію вообще Толстой идетъ далѣе духоборцевъ, которые, чувствуя инстинктивную потребность въ признаніи духовнаго начала, не отбросили совершенно богослуженія. У нихъ есть свой культъ, хотя и своеобразный, есть богослужебныя собранія. У Толстого нѣтъ ничего, какъ нѣтъ въ сущности и никакой религіи. Правда, у него есть упоминаніе о молитвѣ и вотъ молитва, какою Христосъ Спаситель молился Отцу Небесному предъ Своими страданіями: «Отецъ Мой Духъ. Прекрати во мнѣ борьбу искушенія. Утверди меня въ исполненіи твоей воли,—не хочу своей воли,—чтобы защищать свою плотскую жизнь, а хочу твоей воли, чтобы не противиться злу» [1]. Кому хоть сколько-нибудь извѣстна предсмертная молитва Господа, тотъ пойметъ, насколько не соотвѣтствуетъ дѣйствительности то, что графъ Толстой влагаетъ Ему въ уста. А затѣмъ, и помимо этого, съ точки зрѣнія самого Толстого, какому Отцу-Духу Христосъ молился, когда никакого Отца, Бога-Духа и нѣтъ, кромѣ самого человѣка?—Развѣ себѣ самому?! Но какъ молиться къ несуществующему,—справедливо замѣчали нѣкоторые критики. Выходитъ, что въ устахъ нашего писателя молитва и на самомъ дѣлѣ—пустое слово.

Мы обрисовали, хотя и въ краткихъ чертахъ и не многословно, ученіе увлекательнаго для многихъ современнаго мыслителя о Богѣ и Богочеловѣкѣ, видѣли, что это не что иное, какъ отверженіе личнаго Бога и всякаго богослуженія. Но отвлеченныя вѣрованія не очень еще мутятъ души, въ силу

1) Тамъ же.

принципа, что всякій можетъ вѣровать, какъ хочетъ, и особенно они проходятъ какъ бы не замѣченными при томъ условіи, если художникъ,—каковъ графъ Толстой,—яркими красками и замысловатыми ихъ сочетаніями прикрываетъ пустоту и ничтожество картины, красивой фразой ослабляя рѣзкость отрицанія. Но иное дѣло, когда вопросъ переносится на почву болѣе видимыхъ, реальныхъ отношеній, гдѣ онъ болѣе понятенъ каждому, хотя сколько-нибудь уважающему религію. И графъ Толстой не останавливается на однихъ отвлеченныхъ воззрѣніяхъ; онъ не стѣсняется забросать грязью народныя вѣрованія и дорогіе священные предметы православной Церкви. И въ этомъ отношеніи едва ли какой невѣрующій ближайшаго времени, или явный сектантъ,—хотя изъ тѣхъ же духоборцевъ,—доходилъ въ печати до такого возмутительнаго глумленія, какъ нашъ интеллигентный писатель-художникъ. Разумѣемъ его сужденія относительно таинствъ православной Церкви, ихъ обстановки и совершенія.

Начнемъ съ небольшого, выраженнаго нѣкогда Толстымъ сомнѣнія въ пресуществленіи хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христовы на литургіи. «Когда, послѣ многихъ лѣтъ,—разсказываетъ одинъ изъ бывшихъ его послѣдователей, потомъ образумившійся,—онъ приступилъ ко святому причащенію и, подошедъ къ царскимъ вратамъ, долженъ былъ вслѣдъ за священникомъ повторить извѣстныя слова исповѣданія въ принятіи истиннаго тѣла и крови Христовыхъ, то его, по собственному признанію, рѣзнуло по сердцу». Сообщающій это замѣчаетъ: «Душевный человѣкъ не принялъ того, что отъ Духа Божія и эти жесткія еще для неувѣровавшихъ учениковъ Христовыхъ слова почелъ за безуміе. Очевидно, высокія истины хри-

стіанскаго ученія не глубоко проникли въ сознаніе Толстого, скользя по поверхности. Видя вмѣстѣ съ невѣровавшими и соблазнявшимися іудеями во Іисусѣ Христѣ «плотника», сына Іосифа и Маріи. Толстой не уразумѣлъ христіанской тайны воплощенія, по которой Божество для спасенія падшаго человѣчества снизошло до принятія истинной плоти человѣческой, а потому не уразумѣлъ и другой, тѣсно связанной съ нею тайны искупленія.»

Если Христосъ истинный Богъ и жизнь вѣчная (1 Іоан. 5, 20), пріискренне пріобщился нашей плоти и крови, чтобы приблизить и низвести къ намъ жизнь Божественную; сдѣлавъ ее для насъ болѣе удобовоспріемлемою, то и мы, чтобы быть причастниками этой жизни, должны войти въ живѣйшее и тѣснѣйшее общеніе со Христомъ, должны органически соединиться съ Нимъ, какъ вѣтви съ виноградною лозою (Іоан. 15, 1—6), какъ члены Его тѣла съ Главою (1 Коринѳ. 12, 27), должны питаться Имъ, чтобы *жить* Имъ (Іоан. 6, 57). Толстой не воспринялъ этихъ истинъ такъ глубоко, вѣрою не постигъ того, что если въ тайнѣ воплощенія Божество снизошло до принятія плоти человѣческой, то въ тайнѣ искупленія человѣчество возвышается до принятія плоти Божественной. Поэтому, когда слова объ истинной плоти и крови Христовыхъ коснулись его, не очищеннаго словомъ евангельской истины, слуха, то его рѣзнуло по жесткому, холодному, не уязвленному любовію креста Христова, сердцу» [1]).

Это пока только сомнѣніе невѣрующаго. Но далѣе, не признавъ Христа Богомъ и осудивъ Церковь, Толстой прогрессивно развиваетъ свой отрицательный взглядъ на таинства и на всю христіан-

[1]) „Миссіон. Обозр.“, 1899 г., январь. стр. 76—77.

скую религію въ болѣе и болѣе рѣзкихъ формахъ и доходитъ до прямого надъ ними глумленія. Вотъ выдержки изъ его недавняго произведенія. «Единственное орудіе познанія есть разумъ человѣка, а потому всякая проповѣдь, утверждающая что-либо противное разуму, есть обманъ. Основа всѣхъ грѣховъ и бѣдствій человѣка—обманъ вѣры, и чтобы жить по ученію Христа, человѣку нужно прежде всего освободиться отъ обмановъ вѣры. Разсужденія или вымыслы безконечно различны о томъ, какъ произошелъ міръ, или грѣхъ, что будетъ послѣ смерти, правда ли то, что три Бога вмѣстѣ составляютъ одного, правда ли, что человѣкъ (разумѣетъ Христа Богочеловѣка) умеръ и воскресъ, ходилъ по водамъ, улетѣлъ на небо въ тѣлѣ, что съѣдая хлѣбъ и вино, я съѣдаю тѣло и кровь, что Богъ ходилъ въ огненномъ столбѣ, Будда поднялся въ лучахъ солнца, Магометъ леталъ на небо,—какія сопоставленія!—рѣшеніе разума одно и тоже: это неправда».

Молитвы, таинства, благолѣпіе храмовъ, пѣніе, куреніе ѳиміама, иконы, священная утварь,—все это «одуряющія дѣйствія и представленія, которыми стараются запечатлѣть въ душѣ обманъ, выдаваемый за истины вѣры» [1]). «Если бы Христосъ пришелъ теперь и увидѣлъ, что дѣлается Его именемъ въ Церкви, то, навѣрно, выкинулъ бы всѣ эти ужасные (?!) антиминсы и копья, и чаши, и свѣчи, и иконы и все то, посредствомъ чего они (священники), *колдуя*, скрываютъ отъ людей и Бога и Его ученіе» [2]). Но всѣ эти довольно еще общаго свойства выраженія далеко уступаютъ тому, что написано имъ въ его «Воскресеніи». Тамъ есть

---

[1]) „Миссіон. Обозр.", 1901 г., февраль, стр. 245—246.
[2]) „Миссіон. Обозр.", 1902 г., мартъ, стр. 618.

небольшая глава, подъ названіемъ «Обѣдня». Что говорится здѣсь на немногихъ страницахъ и о священникѣ, совершителѣ «Обѣдни», и о самомъ таинствѣ Евхаристіи, и о чтеніи акаѳиста Іисусу Сладчайшему, того и передать уже невозможно. Такъ много тутъ совершенно безцеремоннаго кощунственнаго глумленія надъ тѣмъ, что вѣра народная привыкла считать величайшею святынею. Поэтому нельзя не признать всей правдивости замѣчанія г. Мережковскаго въ его докладѣ, состоявшемся 6 февраля прошедшаго года въ С.-Петербургскомъ философскомъ обществѣ,—человѣка *свѣтскаго молодого писателя и критика.* «Обряды—это ступеньки,—заявляетъ онъ,—по которымъ человѣчество восходитъ къ Богу. Пусть старыя ступеньки уже разрушились отъ времени, но я все же благоговѣйно цѣлую ихъ, какъ нѣчто жившее и живое, какъ дорогое лицо умершей матери. Православная Церковь и для Толстого была матерью. Пусть даже она умерла для него, даетъ ли это право на безстыдныя надругательства? Это пошло, стыдно, невозможно. То, что писалъ Толстой о православіи—самыя позорныя страницы русской литературы. Не надо быть вѣрующимъ, достаточно только имѣть уваженіе къ своему народу и всему человѣчеству для того, чтобы не оскорблять обрядовъ. Здравый смыслъ—добрая вещь: однако, существуютъ такія области, куда его пускаютъ только подчищать и прислуживать, затворять и отворять двери и проч., но нельзя съ его неприличнымъ, мѣщански-лакейскимъ ликомъ давать ему тамъ власть барина и господина... Вольтеръ говорилъ, что Бога нужно было бы выдумать, даже если бы Его не было, но Толстой далеко опередилъ Вольтера» [1]).

---

[1]) «Миссіон. Обозр.», 1901 г., февр., стр. 240—241.

Какъ послѣ всего этого смотрѣть на Толстого и его ученіе и какъ должна отнестись къ нему власть церковная?

Не говоря о многихъ, голосъ которыхъ неизвѣстенъ въ печати, одинъ изъ аппонентовъ г. Мережковскаго, говорилъ, что «Толстой и лицомъ такъ похожъ на того великорусскаго богатыря—мужика, который выковалъ великое государство, что онъ ведетъ насъ къ Евангелію, которое служитъ для него настольной книгой, подводитъ къ дверямъ рая“ [1])! Но это евангеліе, къ которому Толстой ведетъ не есть *исключительно* откровеніе Христа, но такое откровеніе, которое, по словамъ его самого, высказывали болѣе или менѣе ясно всѣ лучшіе люди человѣчества до и послѣ Евангелія, начиная отъ Моисея, Исаіи, Конфуція, древнихъ грековъ, Будды, Сократа и до Паскаля Спинозы, Фихте, Фейербаха,»—вотъ какое это Евангеліе, и что поэтому и въ истинномъ Евангеліи Христовомъ, не смотря на всѣ извращенія со стороны Церкви, онъ, Толстой, почуявъ истину, открылъ нѣчто новое, совсѣмъ непохожее на то, чему учатъ христіанскія Церкви [2]). Это признаніе, помимо всего сказаннаго, есть лучшее показаніе того, что всѣ тѣ,—а ихъ не мало,—которые думаютъ и утверждаютъ, что Толстой—христіанинъ, точно насмѣхаются надъ христіанствомъ, которое не есть только доктрина, но живая связь съ Христомъ—Богочеловѣкомъ. Да и изъ ученія Христова если взять лишь нѣсколько строкъ, то не значитъ еще слѣдовать всецѣло Евангелію самому и другихъ вести къ нему. Поэтому и тѣ, которые осуждаютъ власть церковную за всенародное съ ея стороны засвидѣтельствованіе, что Толстой,—уже давно ставшій во враждебныя

[1]) Миссіон. Обозр. 1901 г. февр. стр. 243.
[2]) Стр. 245.

къ Церкви отношенія и отвергающій основныя ея вѣрованія и *его*, т. е. *церковною властію* отъ единенія съ Церковію отлучается,—тѣ, которые осуждають такой Церковный приговоръ, или не знаютъ ученія Толстого, или слишкомъ индеферентны къ ученію Церкви и Евангелія.

Упомянутый уже нами оппонентъ Мережковскаго, видимо не сочувствующій означенному церковному опредѣленію, переставляетъ вопросъ другою стороною. «Важно не то, заявляетъ онъ, какъ Толстой относится къ Церкви, а какъ Церковь *должна* отнестись къ нему» [1]). Это, что называется, прямо уже съ больной головы на здоровую. Что, если бы его другъ, или близко знакомый, принятый въ семьѣ, какъ свой человѣкъ, сталъ бы позорить его семью и ея порядки, рѣзко порицать предъ дѣтьми и отца и мать, предлагая совершенно перевернуть весь семейный строй жизни, и тѣмъ мутить его дѣтей,—ужели бы онъ продолжалъ оставаться другомъ такого смутьяна и принимать его въ свой домъ? Ужели бы онъ не сказалъ и дѣтямъ:—«берегитесь его, онъ возстановляетъ васъ противъ отца и матери, нарушая семейный покой, даже болѣе, я запрещаю вамъ водить съ нимъ знакомство, пока онъ не объяснится по крайней мѣрѣ со мною и не извинится въ посягательствѣ на семейный миръ». И кто сталъ бы осуждать за это бдительнаго отца и требовать отъ него чего то другого?...

Церковь есть одна громадная семья и это предостереженіе относительно Толстого сказано дѣтямъ ея. Что же Толстой? Есть ли съ его стороны объясненіе и какого свойства? Извиняется ли онъ?

Заявленіе церковной власти и ея рѣшительное, хотя и очень мягкое слово почему-то встревожило

---

1) Миссіон. Обозр. 1901 г. февр. стр. 215

его и близкихъ къ нему. Первая заговорила графиня въ письмѣ на имя митрополита С.-Петербургскаго, первенствующаго члена Св. Синода, потомъ выступилъ и самъ графъ, но не съ раскаяніемъ и просьбою о прощеніи, а съ печатнымъ протестомъ противъ Синодальнаго опредѣленія. Протестъ этотъ или отвѣтъ Синоду очень поучителенъ и съ точки зрѣнія принципа самого Толстого о непротивленіи злу, и какъ наилучшее доказательство его дѣйствительныхъ вѣрованій и отношеній къ христіанству и Церкви. Поэтому, мы приведемъ его въ существенныхъ выдержкахъ, хотя безъ сомнѣнія многимъ онъ и извѣстенъ. «Я не хотѣлъ сначала отвѣчать, пишетъ Толстой, на постановленіе обо мнѣ Синода, но постановленіе это вызвало очень много писемъ, въ которыхъ одни бранятъ меня за то, что я отвергаю то, чего не отвергаю, другіе увѣщеваютъ меня повѣрить въ то, во что я не переставалъ вѣрить и третьи выражаютъ со мной единомысліе и я рѣшилъ отвѣтить и на самое постановленіе, указавъ на то, что въ немъ *несправедливо*».

Посмотримъ, что же это такое.

«Постановленіе Синода вообще имѣетъ много недостатковъ... Оно незаконно или умышленно-двусмысленно (?) потому, что если оно хочетъ быть отлученіемъ отъ церкви, то не удовлетворяетъ тѣмъ церковнымъ правиламъ, по которымъ можетъ произноситься такое отлученіе».—Толстой говоритъ еще о церковныхъ правилахъ, которыя топчетъ ногами!—«Оно произвольно, потому что обвиняетъ одного меня въ невѣріи, тогда какъ не только многіе, но почти всѣ (?) образованные люди раздѣляютъ такое невѣріе».—Толстой хочетъ, значитъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ осудили почти всѣхъ образованныхъ людей,—которые своего невѣрія не обнаружили въ такой, какъ онъ, откры-

той формѣ и, что особенно важно, не распространяли его чрезъ печать и не производили такимъ образомъ народнаго соблазна и смущенія! Но это еще формальная сторона дѣла. Сущность его въ томъ, что опредѣленіе Синода содержитъ, по словамъ протестатора, «явную неправду, представляетъ изъ себя то, что на юридическомъ языкѣ называется *клеветой*. Оно, наконецъ, есть подстрекательство къ дурнымъ чувствамъ и поступкамъ, вызвавшее озлобленіе и ненависть, доходящую до угрозъ убійства».

Оставимъ подстрекательство, о которомъ никто, конечно, и не думалъ, и которое свойственно со стороны только низшихъ или равныхъ, но никакъ власть имѣющихъ, и остановимся нѣсколько на клеветѣ. Было бы весьма прискорбно, если бы и въ данномъ случаѣ клевета возъимѣла свое дѣйствіе, если бы Толстому приписали то, чего на самомъ дѣлѣ онъ не раздѣляетъ, назвали его невѣрующимъ, когда онъ вѣруетъ, кощунникомъ, когда онъ и не думаетъ посмѣяваться. Послушаемъ же его дальнѣйшихъ объясненій.

«Я дѣйствительно,— заявляетъ онъ, — отрекся отъ Церкви, пересталъ исполнять ея обряды и написалъ въ завѣщаніи своимъ близкимъ, чтобы они, когда я буду умирать, не допускали ко мнѣ церковыхъ служителей и мертвое мое тѣло убрали бы поскорѣе, безъ всякихъ надъ нимъ *заклинаній* (!), и молитвъ, какъ убираютъ всякую противную и ненужную вещь».

«Тоже, что сказано, что я проповѣдую ниспроверженіе всѣхъ догматовъ христіанской Церкви и самой сущности вѣры христіанской, то это *несправедливо* (?!). Сказано, что я отвергаю Бога, во Святой Троицѣ славимаго, Создателя и Промыслителя вселенной, отрицаю Господа Іисуса Христа, Бого-

человѣка, Искупителя и Спасителя міра, пострадавшаго насъ ради человѣковъ и нашего ради спасенія и воскресшаго изъ мертвыхъ. То, что я отвергаю непонятную Троицу и басню (!) о паденіи перваго человѣка, исторію о Богѣ, родившемся отъ Дѣвы, искупляющемъ родъ человѣческій, то это *совершенно справедливо* (несправедливо—значитъ справедливо!). Бога же духа (но какого?—Совершенно безличнаго) Бога—любовь, единаго Бога, начало всего (?) не только не отвергаю, но ничего не признаю дѣйствительно существующимъ, кромѣ Бога».—Что же это за Богъ такой? Это философскій пантеизмъ, безбожіе перевернуто на всебожіе, что въ сущности одно и тоже—«Я вѣрю въ Бога, какъ духъ, какъ любовь, вѣрю въ то, что Онъ во мнѣ и я въ немъ. Вѣрю, что воля Бога яснѣе выражена въ ученіи *человѣка* Христа, котораго понимать Богомъ и которому молиться *считаю величайшимъ кощунствомъ*» (!).

«Еще сказано: не признаетъ загробной жизни и мздовоздаянія. Если разумѣютъ жизнь загробную въ смыслѣ второго пришествія, ада съ вѣчными мученіями, діаволами, и рая—постояннаго блаженства,—*совершенно справедливо*, что я не признаю *такой* загробной жизни».—Жаль, что нѣтъ объясненія, какую *загробную жизнь* онъ признаетъ.

«Сказано также, что я отвергаю всѣ таинства. Это *совершенно справедливо*. Всѣ таинства я считаю низменнымъ, грубымъ *колдовствомъ*».—Толстой негодуетъ на все это, какъ на средства, употребляемыя іерархіей для гипнотизаціи простого народа и дѣтей... «Если чувашенинъ,—пишетъ онъ,—мажетъ своего идола сметаной и сѣчетъ его, я могу не оскорблять его вѣрованія и равнодушно пройти мимо... но когда люди своимъ суевѣріемъ, во имя того Бога, которымъ я живу (?) и того ученія

Христа, которое дало мнѣ жизнь и можетъ дать ее всѣмъ людямъ,—проповѣдуютъ грубое *колдовство*,—я не могу этого видѣть спокойно».

«Я не могу никакъ иначе вѣрить, такъ, какъ я вѣрю. Я не говорю, чтобы моя вѣра была одна несомнѣнно на всѣ времена истинна, но я не вижу другой, болѣе простой, ясной (?) и отвѣчающей всѣмъ требованіямъ моего ума и сердца Если я узнаю такую, сейчасъ же приму ее» [1]).

Но довольно. Все теперь совершенно ясно,—ясно, что такое графъ Толстой съ его ученіемъ по отношенію къ Евангелію, къ основнымъ христіанскимъ вѣрованіямъ и къ Церкви и въ какое положеніе поставилъ онъ на самомъ дѣлѣ церковную власть, вынудивъ ее возвысить свой авторитетный голосъ, чтобы предохранить отъ невѣрія въ Бога и Христа шаткіе умы многихъ чадъ Церкви. Насколько имѣла она основаній и побужденій къ этому, сознавая свои Богомъ возложенныя на нее обязанности, предъуказанныя ей священныя задачи, вмѣстѣ съ дарованными правами, въ этомъ не можетъ быть теперь вопроса. Не судью осуждаютъ за произнесеніе приговора надъ виновнымъ, если этотъ приговоръ и строгъ,—а о виновномъ только могутъ разсуждать, такъ ли онъ виновенъ, какъ думаютъ и справедливъ ли приговоръ. И въ данномъ случаѣ не о Церкви нужно говорить, якобы она нарушила по отношенію къ Толстому заповѣдь любви христіанской, а о томъ, насколько Толстой самъ попралъ уже эту любовь Церкви, осмѣявъ все то, что для нея дорого, какъ завѣты и наслѣдіе Главы Церкви—Христа. Но Церковь и теперь не теряетъ еще надежды на его раскаяніе и проститъ ему грѣхъ его. Будемъ надѣяться и мы

---

1) «Миссіон. Обозр.», 1901 г., іюль, стр. 806 и далѣе

Этимъ можно бы и закончить и поставить здѣсь точку. Но есть еще одинъ интересный вопросъ, уже не изъ области вѣры, а изъ области той же соціальной жизни, которую Толстой и имѣлъ въ виду уврачевать, указавъ ключъ къ земному благополучію. Вопросъ этотъ въ томъ, насколько его ученіе и указанныя имъ пути могутъ привести къ этому. Лучшимъ отвѣтомъ и наглядною его иллюстраціею можетъ служить жизнь тѣхъ изъ наиболѣе послѣдовательныхъ его учениковъ, которые попытались примѣнить къ жизни положительныя требованія его соціальной философіи. Не знаю какъ теперь, но немного лѣтъ назадъ существовали въ разныхъ мѣстахъ, такъ называемыя, толстовскія колоніи. Что же они собой представляли и какая ихъ судьба.

Два года назадъ счастливый случай свелъ насъ съ однимъ изъ бывшихъ послѣдователей Толстого (М. А. Н—мъ), который былъ, кажется, не только участникомъ, но и устроителемъ колоніи въ Тверской губерніи. Мы естественно поинтересовались тѣмъ, что побудило его оставить толстовство, и онъ разсказалъ про свою бывшую жизнь слѣдующее. „Жили мы, нѣсколько человѣкъ по требованію извѣстныхъ пяти заповѣдей, сами исполняли всѣ черныя работы: обработывали купленную землю, возили навозъ, рубили дрова, были истопниками и проч., работали съобща и содержаніе имѣли общее, по началамъ коммуны; при этомъ никакихъ занятій, такъ называемыхъ „благородныхъ", удовлетворяющихъ чувство эстетическое,—въ родѣ музыки, рисованія,—у насъ не было; занятія эти мы считали несоотвѣтствующими назначенію человѣка. Словомъ, опростились мы такъ, какъ только можно было опроститься. Жили такъ годъ, другой; сначала все шло хорошо, но потомъ стали замѣчать

въ себѣ какую-то внутренную пустоту и неудовлетворенность. Поднимались неотвязчивые вопросы: для чего все это? Ужели для того только мы такъ опустились въ нашемъ образѣ жизни, чтобы напитать свой желудокъ непосредственно отъ своихъ личныхъ работъ, не соотвѣтствующихъ ни образованію, ни бывшему въ обществѣ положенію, или для примѣра только другихъ? Уже ли въ этомъ и все счастіе? Стали сказываться потребности духовной природы. На первыхъ порахъ мы, каждый въ отдѣльности, носились съ своей тоской, не повѣряя ее другому, чтобы не вередить наболѣвающую рану. Но потомъ, не выдержавъ, я поѣхалъ за совѣтомъ къ Льву Николаевичу и услышалъ отъ него такую фразу, которая рѣшила мою дальнѣйшую участь. Я оставилъ колонію, а вскорѣ она и совсѣмъ распалась. Вотъ разсказъ,—какъ мы его, поняли,—бывшаго колониста, одного изъ искреннихъ и преданнѣйшихъ учениковъ Толстого, пожелавшихъ осуществить его ученіе и требованія въ жизни и найти счастіе въ томъ именно, что онъ рекомендовалъ.

Но здѣсь чувствуется только односторонность этихъ требованій, игнорированіе потребностей души, которыя графъ Толстой и оставлялъ въ сторонѣ. Но далѣе уже въ печати извѣстны разсказы и о томъ, насколько достигалось въ устроенныхъ по его режиму колоніяхъ и внѣшнее, матеріальное благополучіе. Вотъ разсказъ очевидца о жизни въ одной изъ такихъ колоній въ предѣлахъ Оренбургской губерніи, по которому, какъ замѣчаетъ его передатчикъ, „никакой карандашъ художника не могъ бы такъ зло и каррикатурно изобразить этихъ *интеллигентныхъ пахарей*, какъ ухитрились изобразить себя они сами“.

Жили они на особомъ хуторѣ. „Народъ *блаженный*“, отзывался о нихъ мѣстный крестьянинъ,

чудны больно... Все изъ господъ... сами землю пашутъ, навозъ кладутъ на поле, косятъ... Да только все у нихъ не по-людски выходитъ“... Тутъ были: бывшіе чиновники, сыновья большихъ баръ, курсистки, еврейки. „Прежде всего, передаетъ разсказчикъ, меня поразила ихъ обувь—крайне неудобная, тяжелая, шлепающая по землѣ. Обуви изъ кожи не носили,—они не хотѣли поощрять, косвеннымъ образомъ, убійства животныхъ, а потому покупали на гутаперчевыхъ заводахъ особые пласты и сами кроили и шили себѣ обувь... Хозяйство ихъ было въ плачевномъ состояніи... Сѣно было давнымъ—давно покошено и сложено въ стога, а „блаженные“ рѣшили почему-то отложить покосъ до конца іюля—и все сѣно пожгло, состарѣлось и стало жесткимъ... Всѣ вокругъ жали поспѣвшую пшеницу и рожь, а „блаженные“ поливали капусту,—посаженную на горѣ, поливали въ самую „жарищу“ изъ насоса пожарной трубы,—и только еще собирались взяться за сѣно. Произошло поэтому то, что и должно было произойти: пшеница и рожь высыпались на корню. Кормить скотъ зимою стало нечѣмъ. Пришлось продать овецъ,—главное богатство хутора! Хуторъ совсѣмъ обѣднѣлъ. На оставшееся имущество явились благодѣтели—евреи, которые по дешевой цѣнѣ скупили весь урожай картофеля, а за тѣмъ забрали въ руки и весь хуторъ. Годъ спустя тамъ хозяйничали уже евреи“ [1]).

И здѣсь произошло раззореніе толстовской колоніи по винѣ лицъ, принявшихся не за свое дѣло.

Туже участь испытала кавказская колонія, повидимому, самая лучшая, организовавшаяся лѣтъ 16—18 назадъ. Инвентарь проданъ, всѣ дѣла хозяйственныя ликвидированы, часть обитателей возвра-

[1]) Миссіон. Обозр. 1899 г. апрѣль, стр. 473—476.

тилась по домамъ, другая уѣхала въ Америку, въ духоборческую Канаду. Колонія погибла «отъ разброда въ принципахъ насельниковъ и нравственной усталости жить въ вѣчномъ круговоротѣ противорѣчій и съ совѣстью и съ жизнью, которая въ этой фальшивой атмосферѣ представляла для людей искреннихъ источникъ несчастія» [1]).

Что же, наконецъ, въ Америкѣ, куда переселились духоборы, подъ вліяніемъ толстовскихъ идей? Можетъ быть, они нашли тамъ обѣтованную землю, слѣдуя по стопамъ своего пророка, новаго и въ новомъ духѣ насадителя культуры? Въ газетѣ «Кавказъ» напечатано письмо одного изъ духоборовъ, Ивана Гончарова.

«Возлюбленные и дорогіе братцы и сестрицы, живущіе на Кавказѣ! Вы жалуетесь на скуку, а между тѣмъ лучше бы я и весь вѣкъ свой прожилъ на Кавказѣ, чѣмъ переселяться въ Канаду. У меня голова кружится и руки опустились. Жизнь наша въ Канадѣ горька и полна лишеній. Лѣсъ у насъ таскаютъ на людяхъ, для чего къ бревну привязываютъ нѣсколько мужчинъ и женщинъ; въ плугъ при распашкѣ земли также впрягаются люди. На дняхъ я отправился въ поле размыкать горе и вижу: въ одномъ мѣстѣ пашутъ два плуга, въ каждый изъ которыхъ впряглись по семи паръ мужчинъ и женщинъ. То были наши Горѣловскіе (изъ села Горѣлаго ахалцыкской губ.), причемъ въ первой парѣ ходили Савва Астафуровъ и Семенъ Ящинъ (прежде—люди весьма зажиточные, владѣвшіе крупными стадами овецъ и другого скота), въ другомъ мѣстѣ пахало нѣсколько плуговъ, которые таскали Троицкіе (изъ села Ново-Троицкаго); въ третьемъ мѣстѣ нѣсколько стариковъ лопатками ковыряли

---

1) Миссіон. Обозр. 1899 г. окт. стр. 425.

землю. *Между всѣми происходятъ* споры и раздоры, порождаемые нуждою». Далѣе описывается, насколько плоха тамъ земля и какъ дороги скотъ и мука (корова 125—150 р. пудъ овса 80 коп. и 1 р. пудъ муки—второго сорта 2 р. 40 коп. ячменя нѣтъ, сѣна тоже нѣтъ), а также и рабочіе (въ мѣсяцъ отъ 30 до 50 рублей). Милые братья, не приведи васъ Господь Богъ бросить русскую землю и ея разноцвѣтныя поля. Хорошо было нашимъ расписывать о прелестяхъ Канады; теперь же, въ Канадѣ они мечтаютъ о русской землѣ. Похлопочите, братцы, чтобы меня обратно приняли, и если напишете, что правительство разрѣшаетъ мнѣ вернуться, пріѣду и все вамъ разскажу, все горе наше вамъ повѣдаю» 1). По послѣднимъ газетнымъ извѣстіямъ, особенной тяготы могло бы и не быть при обычномъ порядкѣ жизни. Но дѣло въ томъ, что лошади остаются безъ работы, коровы не выдаиваются и всѣ работы исполняютъ люди, такъ что не животные имъ служатъ, а они животнымъ. Все перевернуто вверхъ дномъ и счастія нѣтъ никакого. Колонія начинаетъ уже распадаться переселеніемъ многихъ въ другія мѣста. По какимъ требованіямъ будутъ тамъ жить переселенцы, то неизвѣстно.

Вотъ какое благополучіе доставилъ графъ Толстой и своимъ увлеченнымъ послѣдователямъ. Одинъ изъ бывшихъ его поклонниковъ съ воплями душевной о немъ скорби обращается къ Толстому во время недавней постигшей его болѣзни, напоминая и о томъ, сколько людей онъ сдѣлалъ своимъ ученіемъ несчастными, сколькихъ надломилъ душевно и какихъ достигъ результатовъ въ лицѣ своихъ колонистовъ.

«Вотъ уже болѣе 5 лѣтъ (писано 5 ноября

1) Тамъ же, стр. 423—424.

1899 г.), какъ я и нѣкоторые другіе изъ вашихъ обожателей и послѣдователей круто разошлись дорогами... Вы, давно, какъ кумиръ нашего сердца,— разбитъ, какъ властитель нашихъ думъ и юныхъ мечтаній—низверженъ,—путемъ тяжелой борьбы, путемъ многихъ скорбей и великихъ злостраданій... Вы написали прегрѣшную подпольную книгу въ доказательство вѣры вашей, что «царство Божіе внутрь насъ», а я пріобрѣлъ во внутренней борьбѣ, что и царство сатаны внутрь насъ и открывается въ отношеніяхъ къ ближнему... Мучительно и ужасно жить въ сѣни смертной гордыни, самообожанія, упорства, жестокосердія. Помню какъ одержимый этими злыми демонами, я мучилъ мою бѣдную страдалицу мать.

Въ тайнѣ души я всегда любилъ ее. И мама моя чуяла сердцемъ, что, мучая ее злыми рѣчами, революціонными, безтолковыми фанфаронадами, самъ я болѣе ее мучаюсь. Такъ бы, кажется, упалъ передъ матерью на колѣни, въ слезахъ, цѣлуя ея трудовыя руки, но слезъ не было въ сердцѣ... оно сдѣлалось гнѣздилищемъ падшихъ нечистыхъ духовъ. Вотъ милый Левъ Н—чъ, не тоже ли самое испытывается въ васъ по отношенію къ матери—Церкви... Но вы страшитесь, вамъ тяжело, вспоминая, сколько ругательствъ и хуленій высказано вами въ вашихъ писаніяхъ, наипаче въ критикѣ Догматическаго православнаго Богословія. Но это ложный стыдъ.. Не поздно и для васъ покаяніе... Подведите же итоги вашей борьбы съ Іисусомъ Галилеяниномъ, котораго вы низводили съ высоты Божественнаго достоинства на ступень едва-ли не ниже себя,— и скажите устами Юліана Богоотступника,—который вѣдь не ниже васъ по даннымъ отъ Бога талантамъ:—*Ты побѣдилъ меня!* Посмотрите на ближайшіе плоды вашего мудрованія. Церковь стоитъ

вотъ уже 2 тысячи лѣтъ. А ваше яснополянское царство, или вѣрнѣе, братство не устояло и въ теченіе какого нибудь десятка лѣтъ. Почему? А потому, что оно построено вами на пескѣ и на болотѣ горделивыхъ страстей. Гдѣ—ваши апостолы, первенцы и піонеры толстовской секты, на которыхъ почивала ваша любовь и лучшія надежды? Одни, испивъ до дна чашу разочарованія, сдѣлались преданными сынами церкви и государства. (Изъ нихъ Аркадій В—чъ Ал—нъ, исходивъ всю Русь, изслѣдовавъ всѣ лжеученія, побывавъ въ св. землѣ, вернулся въ лоно церкви, Михаилъ Ал—чъ Н—въ, издатель вашего смердящаго злобою на военное званіе и на помазанника Божія, лучшаго изъ царей нашей исторіи, состоитъ смотрителемъ одного училища и миссіонерствуетъ во славу православія).

Другіе, какъ, молодой талантливый Г—е послѣ 10 лѣтнихъ мукъ жизни по толстовскому режиму, проклялъ день своего впаденія въ капканъ вашего ученія и умчался за границу. Абаза—единственная надежда у матери, не справившись съ душевной борьбою, съ двоящимися своими мыслями,—застрѣлился. Дрожжина, въ безплодной борьбѣ съ воинской дисциплиной, заѣла скоротечная чахотка въ госпиталѣ исправительнаго баталіона. Ваше же ученіе свело десятки духоборовъ (постниковъ) въ могилу, сотни довело до ссылки, а тысячи разорило и выкинуло за бортъ отечества, въ Канаду, гдѣ теперь они клянутъ судьбу. В. Г. Черткова, князя Д. А. Хилкова (оба единственная надежда своихъ матерей), П. И. Бирюкова, Н. М. Трегубова, Е. И. Попова, М. А. Бодянскаго постигла административная ссылка и они емигрировали за границу, гдѣ изъ *непротивленцевъ* сдѣлались озлобленными сѣятелями всякаго противленія, неправды и хулы на Россію и на православную Церковь. А гдѣ нынѣ

толстовскія колоніи опростившихся интеллигентовъ? Всѣ разсыпались, разбрелись... Гдѣ же прочность и незыблемость вашихъ началъ и основъ?» [1])

Когда какого либо религіознаго сектанта одушевляютъ идеи жизни духовной, мысли о Богѣ и о безсмертіи и чаянія блаженства въ будущемъ, то всѣ земныя, временныя невзгоды и лишенія получаютъ смыслъ самопожертвованія и оцѣниваются какъ принятый подвигъ во имя высшей воодушевляющей идеи. Но у Толстого нѣтъ ни Бога, ни безсмертія, все сводится къ земному лишь благополучію и за предѣлами земли онъ ничего не хочетъ прозрѣвать, кромѣ развѣ памяти въ потомствѣ. Поэтому и всѣ житейскія невзгоды и претерпѣваемыя лишенія, какимъ я самъ себя подвергаю, теряютъ всякій разумный смыслъ и лишены всякаго утѣшенія. Они являются засвидѣтельствованіемъ развѣ того *только*, что средства къ достиженію земного счастія, мною придуманныя, не цѣлесообразны и приходится оставить ихъ какъ ненужныя. Если я стремлюсь къ земному счастію и благополучію, то ради чего мнѣ и претерпѣвать все это, какъ бы напрашиваясь?!

Такимъ образомъ и съ точки зрѣнія тѣхъ цѣлей, какія графъ Толстой имѣлъ въ виду, объ ученіи его можно сказать, что «не все то золото, что блеститъ», не все то хорошо и правдиво, что представляется мнѣ такимъ въ моемъ воображеніи и, тѣмъ болѣе, не все то цѣльная истина, что взято въ обрывкѣ, какъ сорванная съ дерева вѣточка, на деревѣ только и цвѣтущая, да еще пересаженная на другую совсѣмъ почву, мысль, взятая изъ области

---

[1]) Миссіон. Обозр. 1899 г. дек. стр. 712—718.

лично-нравственныхъ и идеаловъ перенесенная въ область общественно-соціальную, изъ царства Христова въ царство отъ міра сего. Здѣсь вѣточка рано или поздно должна на глазахъ всѣхъ засохнуть, мишурный блескъ мысли потемнѣть и исчезнуть.

Профессоръ Н. Ивановскій.

II.

Какъ и когда совершилось отпаденіе Гр. Л. Н. Толстого отъ православной Церкви.

Когда, унесенный бурнымъ потокомъ міра сего, Толстой испилъ „чашу нѣги сполна“, то горькій осадокъ на днѣ ея отрезвилъ его, пробудилъ дремлющую совѣсть и, давъ почувствовать всю безсмыслицу прежней грѣховной жизни, онъ побудилъ разочарованнаго мыслителя искать новой лучшей жизни,—жизни, имѣющей настоящій, истинный смыслъ. И вотъ съ тѣхъ поръ въ жизни Толстого начался длинный, уже болѣе трехъ десятилѣтій длившійся, періодъ исканія истины. Въ началѣ тяжелый и мучительный, едва не завершившійся печальной катастрофой самоубійства, онъ постепенно теряетъ свой острый характеръ, и въ послѣдніе годы Толстой пріобрѣтаетъ спокойствіе человѣка, умъ котораго, усталый послѣ долгихъ, безплодныхъ поисковъ истины, подъ благовиднымъ предлогомъ вовсе отказывается найти ее. Не замѣчая, что время утрачено въ безплодныхъ шатаніяхъ и блужданіяхъ колеблющейся мысли, Толстой успокоился на томъ хитросплетенномъ коварнымъ разумомъ,—который долгое время не находя истины, хочетъ увѣрить себя, что онъ нашелъ ее,—самопротиворѣчивомъ положеніи, будто истина—въ самомъ *процессѣ* исканія истины. Этимъ обманчивымъ положеніемъ, конечно, не только оправдываются всѣ тѣ противорѣчія и тѣ, всѣхъ здравомыслящихъ людей удивлявшіе парадоксы, которые высказывались ищущимъ истины Толстымъ, но дается разрѣшеніе и впредь дѣлать тоже, безъ всякой надежды найти когда либо ту Истину, которая одна можетъ дать истинный, непризрачный покой (Маѳ. 11, 28—30).

А между тѣмъ былъ моментъ, когда Толстой очень близко подходилъ къ этой искомой имъ Истинѣ. Это было тогда, когда онъ вмѣстѣ съ Левинымъ пытался проникнуть въ тайники народнаго духа и узнать, чѣмъ живетъ, что таитъ въ могучей груди своей этотъ таинственный, непонятный сфинксъ, богатырь — народъ. Здѣсь онъ нашелъ то, что спасло его отъ самоубій-

ства—вѣру въ Бога. Но такъ какъ вся его прошлая, почти полувѣковая жизнь, слишкомъ богатая впечатлѣніями, питавшими чувственность, давала мало матеріала для опытовъ жизни внутренней, духовной, то естественно, что не имѣя богатства и широты опыта внутренняго, Толстой не могъ проникнуть въ душу народную такъ глубоко, какъ это сдѣлалъ геніальный Достоевскій. Поэтому онъ и не нашелъ здѣсь того Христа, Котораго носитъ въ сердцѣ своемъ, съ Которымъ живетъ и страдаетъ православный русскій народъ—христоносецъ.

Вмѣстѣ съ народомъ Толстой близко подошелъ къ Церкви православной и нѣкоторое время даже усердно выполнялъ ея обряды, вѣря, что въ томъ вѣроученіи, которому онъ хотѣлъ слѣдовать, была истина. Но, къ сожалѣнію, сближеніе его съ Церковью не пошло далѣе выполненія обряда. Незнакомство съ рѣшеніемъ вопросовъ жизни, предлагаемымъ Церковью, сдѣлало для него невозможнымъ общеніе съ православіемъ. Воспитанный въ „просвѣщенныхъ понятіяхъ“ beau mond'а, по которымъ понятіе Церкви равносильно „грязному, косматому, жадному попу“, „грубому, невѣжественному идолопоклоннику мужику“, да „запаху ладана и постнаго масла“, такъ претящаго утонченному великосвѣтскому обонянію, Толстой, естественно, видѣлъ въ Церкви одну только внѣшность, и не могъ замѣтить той внутренней связи, какая существуетъ между членами живаго организма Церкви, какъ тѣла Христова. Смотря на Церковь сквозь узкую призму традицій большаго свѣта, давно уже переставшаго свѣтить нашему темному народу, онъ не замѣтилъ въ ней духа той живой, въ теченіе вѣковъ питающей многомилліонныя массы православнаго русскаго народа, церковной традиціи, которая, передаваясь отъ отцовъ къ дѣтямъ, изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ непрерывною струею течетъ въ ней со времени основанія Церкви Христомъ и Апостолами, неся въ свѣтлыхъ волнахъ своихъ чистое вселенское церковное самосознаніе.

И вотъ, когда въ первый разъ послѣ многихъ лѣтъ, желая причаститься, Толстой подошелъ къ царскимъ дверямъ и долженъ былъ вслѣдъ за священникомъ повторить извѣстныя слова, исповѣдуя свою вѣру въ принятіе истиннаго Тѣла и Крови Христовыхъ, то его, по

собственному признанію „рѣзнуло по сердцу“. Душевный человѣкъ не принялъ того, что отъ Духа Божія, и эти „жесткія“ еще для неувѣровавшихъ учениковъ Христовыхъ слова почелъ за безуміе. Очевидно, высокія истины христіанскаго ученія не глубоко проникли въ сознаніе Толстого; скользя по поверхности, онѣ достигли только плотянаго ума, который не можетъ разумѣть того, о чемъ надо судить духовно (I Кор. 2, 14). Смотря на христіанскія истины лишь съ внѣшней формальной стороны, Толстой не усвоилъ всего ихъ внутренняго, глубокаго содержанія, не постигъ той внутренней таинственной стороны ихъ, которая дѣлаетъ эти богооткровенныя истины въ отличіе отъ другихъ, изобрѣтаемыхъ и постигаемыхъ человѣческимъ разумомъ истинъ, догматами, т. е. *истинами вѣры*, полными при всецѣломъ проникновеніи ими явленія „духа и силы“ (1 Кор. 2, 4). Видя вмѣстѣ съ невѣровавшими и соблазнявшимися Іудеями во Іисусѣ Христѣ „плотника, сына Іосифа и Маріи, братьевъ и сестеръ котораго всѣ знали“ (Мр. 6, 3; Іоан. 6, 42), Толстой не уразумѣлъ христіанской тайны воплощенія, по которой Божество для спасенія падшаго человѣчества снизошло до принятія истинной плоти человѣческой, а потому не уразумѣлъ и другой, тѣсно связанной съ нею тайны искупленія. Если Христосъ—„истинный Богъ и жизнь вѣчная“ (I Іоан. 5, 20), пріискриннѣ пріобщился нашей плоти и крови, чтобы приблизить и низвести къ намъ жизнь Божественную, сдѣлавъ ее для насъ болѣе удобовоспріемлемою, то и мы, чтобы быть причастниками этой жизни, должны войти въ живѣйшее и тѣснѣйшее общеніе со Христомъ, должны органически соединиться съ Нимъ, какъ вѣтви съ виноградною Лозою (Іоан. 15, 1—6), какъ члены Его тѣла съ Главою (I Кор. 12, 27), должны *питаться* Имъ, чтобы *жить* Имъ (Іоан. 6, 57). Конечно, душевный человѣкъ не понимаетъ тайны безсѣменнаго зачатія и вкушенія подъ видомъ хлѣба и вина истиннаго Хлѣба жизни (Іоан. 6, 49) и склоненъ считать это безуміемъ. Но тотъ, для кого безумное Божіе премудрѣе человѣковъ“ (I Кор. 1, 25), кто воспринимаетъ христіанскія истины не однимъ разумомъ кичащимъ, но всѣмъ своимъ существомъ, всѣми силами души,—по природѣ христіанки, и съ такою радостью откликающейся на чудный призывъ Христа слѣдовать

за Нимъ, тотъ ясно видитъ внутреннюю, насущную необходимость христіанскихъ таинъ воплощенія и искупленія для нравственной жизни человѣка и, всецѣло проникаясь ими, онъ самъ преобразуется, дѣлается новымъ твореніемъ во Христѣ (2 Кор. 5, 17).

Къ сожалѣнію, Толстой не воспринялъ этихъ истинъ такъ глубоко, онъ вѣрою не постигъ того, что если въ тайнѣ воплощенія Божество снизошло до принятія плоти человѣческой, то въ тайнѣ искупленія человѣчество возвышается до принятія плоти Божественной. Поэтому, когда слова объ истинной плоти и крови Христовыхъ коснулись его, не очищеннаго словомъ Евангельской истины, слуха, то его рѣзнуло по жесткому, холодному, не согрѣтому спасительной баней пакибытія, не уязвленному любовію Креста Христова, сердцу. Правда, скрывъ подъ маской „самоуничиженія и смиренія" невольно вспыхнувшее въ немъ не доброе чувство раздраженія, Толстой пріобщился „безъ кощунственныхъ чувствъ", но онъ не сталъ причастникомъ искомой имъ истинной, имѣющей смыслъ,—жизни, которая есть вѣчная жизнь со Христомъ. Недостаточно испытавъ себя, Толстой „ѣлъ и пилъ недостойно", а потому не испыталъ сладостныхъ ощущеній души, достойно встрѣтившей Жениха-Христа. Тотъ духъ, который нѣкогда владѣлъ рукою Евы, когда она срывала запрещенный плодъ съ древа познанія добра и зла, смутилъ Толстого, когда онъ готовился достойно вкусить благословенный плодъ отъ Древа Жизни, и доброе сѣмя, уже готовое пасть на почву, достаточно подготовленную предшествовавшимъ внутреннимъ переворотомъ, было похищено.

Поэтому-то ища истины, Толстой не нашелъ той единой вѣчносущей Истины, Которая „многократно и многообразно вѣщая отцамъ чрезъ пророковъ, въ послѣдніе дни возглаголала намъ въ Сынѣ" (Евр. 1, 1—2), возвѣстившемъ о Себѣ: „Я есмь путь и истина и жизнь" (Іоан. 14, 6). Поэтому-то, ища смысла жизни, онъ не нашелъ того единаго Божественнаго Смысла (Логоса), Который, открывая Себя „частично и посредствомъ путей естественныхъ въ разумѣ древнихъ философовъ, по исполненіи временъ вполнѣ и всецѣло открылъ Себя въ Ипостасномъ Словѣ, пришедшемъ во плоти" (Іоан. ,1 14. Клим. Ал. Іуст. фил.), въ Которомъ обитаетъ вся

полнота Божества" (Кор. 2, 9). Который есть „Альфа и Омега, Начало и Конецъ" (Откр. 1, 8), „Образъ Бога невидимаго" (Кол. 1, 15), и „сіяніе Его славы" (Евр. 1, 3). Отблескъ Отца свѣтовъ въ Сынѣ достигъ сознанія Толстого, преломившись сквозь обманчивую призму новѣйшаго языческаго лжеименнаго гносиса, поэтому вмѣсто Христа Спасителя, вѣчнымъ блескомъ *примиренія* въ ясномъ сознаніи Церкви вселенской сіяющаго и всякую грѣшную человѣческую душу, скорбящую же и озлобленную и помощи Божіей требующую, къ Себѣ призывающаго, предъ нимъ предсталъ блѣдный, преходящій образъ учителя и мудреца земнаго, который предписываетъ страждущему человѣчеству рецепты, но не даетъ лѣкарства.

Не согрѣтый животворнымъ лучемъ истины Божественнаго Логоса, не просвѣщенный „Свѣтомъ во откровеніе языкомъ", Толстой, желая осмыслить такъ художественно изображаемую имъ дѣйствительность разсматриваетъ ее при тускломъ, блѣдномъ свѣтѣ блуждающихъ огоньковъ, тамъ и сямъ едва мерцающихъ въ безбрежномъ морѣ буддійской нирваны и гоголевскаго обсалюднаго „ничто". Не удивительно, если при такомъ невѣрномъ свѣтѣ онъ невѣрно опредѣляетъ діагнозъ болѣзни и потому предлагаетъ вредныя, ядовитыя лѣкарства. Желая уврачевать міръ отъ разъѣдающихъ его язвъ и недуговъ, Толстой указываетъ новые устои жизни, забывая или вѣрнѣе, потемняя самородный блескъ драгоцѣннаго Камня, отъ вѣка положеннаго во главу угла (I Пет. 2, 6), и представляющаго единственно прочное и незыблемое основаніе, на которомъ долженъ строить всякій, кто хочетъ строить на пескѣ. Надѣленный отъ Бога десятью талантами, гордо выступаетъ онъ самъ, „во свое имя", и принимается за дѣло, которое ему не поручено. Въ увлеченіи онъ рубитъ направо и налѣво, незамѣчая, что вмѣстѣ съ сухими вѣтвями подъ его ударами падаютъ и здоровыя, питающіяся соками, идущими прямо изъ корня, и вмѣсто широковѣтвистаго дерева въ результатѣ получается одинъ оголенный стволъ.

Бракъ, семья, государство, Церковь, наука, искусство—все это подвергается имъ жестокой критикѣ, которая не удерживается въ должностныхъ границахъ критики основательной, но переступая ихъ теряетъ рав-

новѣсіе, и незамѣтно достигаетъ того кульминаціоннаго пункта откуда всѣ вещи созерцаются сквозь призму самообольщеннаго кичливаго разума, вѣрѣ Хистовой не покоряющагося. Отсюда, съ этой вершины Толстой разсматриваетъ міръ сей, во злѣ лежащій, до него доносятся стоны и вопли изъ этой юдоли плача, онъ искренно хочетъ помочь страждущему человѣчеству, но... въ легкой дымкѣ потемняющаго ясность сознанія горделиваго самообольщенія предъ нимъ, вмѣсто возвѣщеннаго Христомъ Евангелія Царствія, вырисовываются причудливые силуэты его собственнаго фантастическаго царства. Какъ художникъ, такъ тонко анализирующій проявленія зла во всѣхъ его видахъ, даже до самыхъ тайныхъ и сокровенныхъ изгибовъ и движеній сердечныхъ, какъ мыслитель, Толстой не возвысился до дивнаго *синтеза*, какимъ разрѣшается проблемма зла въ христіанствѣ. Случайно остановивъ взоръ свой на словахъ Спасителя: „не противься злому“ (Мѳ. 5. 39), онъ вдругъ увидѣлъ въ нихъ ключъ къ уразумѣнію смысла христіанскаго ученія и средство къ избавленію человѣчества отъ всѣхъ бѣдствій. Ослѣпленный и пораженный этимъ внезапно открывшимся ему, расширеннымъ, одностороннимъ и несогласованнымъ съ другими мѣстами Евангелія смысломъ отрывочно истолкованныхъ словъ, Толстой не замѣтилъ основной идеи христіанства, вѣчнымъ блескомъ *примиренія* сіяющей. Поэтому, такъ мастерски, съ такимъ неподражаемымъ совершенствомъ изображая всѣ малѣйшія детали и самыя сложныя перипетіи вѣковой борьбы добра со зломъ, онъ не усмотрѣлъ въ широтѣ христіанскаго міровоззрѣнія основнаго закона, управляющаго ходомъ и изъясняющаго смыслъ этой борьбы.

Жизнодавецъ, „на крестѣ руцѣ простершій“ и все, искупленное Его честною Кровію, грѣшное человѣчество къ Себѣ призывающій, не предсталъ его духовному взору въ царственномъ величіи Бого-человѣка, снизшедшаго въ преисподняя земли и адъ умертвившаго блистаніемъ Божества“. „Солнце правды прежде солнца зашедшее иногда во гробъ“, не взошло для него въ свѣтоносный день возстанія и не освѣтило истиннаго пути жизни. Торжествующіе клики христіанъ, чистымъ сердцемъ Христа Воскресшаго славящихъ, свѣтло празднующихъ „смерти умерщвленіе, адово разрушеніе,

нного житія вѣчнаго начало“, не нашли отзвука въ его сумрачномъ сердцѣ...

За рѣшеніемъ вѣчно волнующей духъ человѣческій проблеммы о злѣ Толстой обращается къ современнымъ философскимъ системамъ, которыя по этому вопросу лишь повторяютъ, различно комбинируя то, что выработано было древнимъ міромъ языческимъ. И вотъ изъ странъ далекой Индіи встаетъ предъ нимъ фантастическій призракъ Майи. Призракъ этотъ окутываетъ всю видимую дѣйствительность, которая въ покровахъ Майи исчезаетъ и сама обращается въ призракъ, а значеніе дѣйствительности получаетъ безконечный океанъ міровой божественной жизни. Майя носится надъ этимъ безвиднымъ океаномъ, представляя собою атмосферу, необходимую для индивидуализаціи сознанія; здѣсь, какъ бы переломляясь, единая міровая сущность дробится и даетъ начало безконечному разнообразію формъ жизни; но все это—лишь пузырьки на поверхности океана, все это, въ томъ числѣ и личность человѣческая, только волны, лишь на мигъ вздымающіяся, чтобы навсегда исчезнуть въ необъятномъ лонѣ водъ...

Въ этомъ міровоззрѣніи, усвоенномъ Толстымъ, дана принципіальная основа того широкаго отрицанія существующихъ формъ жизни семейной, общественной, государственной и церковной, которое имъ развивается. Если существованіе личности призрачно, неистинно, если конечная цѣль личности—слиться и исчезнуть въ лонѣ міровой жизни, то всѣ формы и условія жизни личности, какъ *такой*, должны быть отвергнуты, такъ какъ они поддерживаютъ въ личности ложное убѣжденіе въ ея самоцѣнности, и этимъ затрудняютъ наступленіе Царствія Божія; Царствіе же Божіе, съ этой точки зрѣнія, мыслится не какъ „присносущный покой, идѣже празднующихъ гласъ непрестанный и безконечная сладость зрящихъ лица Божія доброту неизрѣченную“, а, какъ погруженіе личнаго сознанія въ общеміровую, космическую безсознательную жизнь природы, какъ мрачная, холодная нирвана, гдѣ царствуетъ вѣчная правда небытія.

Такъ, не возвысившись до чудной, вполнѣ отвѣчающей всѣмъ важнѣйшимъ запросамъ духа человѣческаго, концепціи міровоззрѣнія христіанскаго, Толстой осмысливаетъ видимую дѣйствительность въ свѣтѣ міро-

воззрѣнія пантеистическаго и на немъ успокоивается, плѣненный широтой, открывающихся предъ нимъ необъятныхъ перспективъ,—широтой безграничной, безпредѣльной, духъ захватывающей и увлекающей до головокруженія и потери всякаго личнаго сознанія.

Въ этомъ, думается, тайна обаянія толстовскаго ученія, въ этомъ же и его (πρῶτον ψεῦδος) первая ложь [1]).

Что такова именно исторія и психологія процесса отпаденія гр. Л. Н. Толстого отъ родной православной Церкви, подтвержденіе этого мы находимъ и въ собственныхъ словахъ Льва Николаевича, заимствуемыхъ нами изъ предисловія къ его книжкѣ „Христіанское ученіе“. Надъ обработкой изложенной въ ней системы своего ученія нашъ новый лжеучитель трудился, по словамъ издателя книжки, г. Черткова, два года, а ему сдалъ для напечатанія 2 сент. 1897 г. Вотъ что и какъ говоритъ здѣсь гр. Толстой о времени и процессѣ своего отпаденія отъ православія и христіанства.

Жилъ я *до 50-ти лѣтъ*, думая, что та жизнь человѣка, которая проходитъ отъ рожденія и до смерти, и есть *вся* жизнь его, и что потому цѣль человѣка есть счастье въ этой смертной жизни, и я старался получить это счастье, но чѣмъ дальше я жилъ, тѣмъ очевиднѣе становилось, что счастья этого нѣтъ и не можетъ быть. То счастье, которое я искалъ, не давалось мнѣ, то же, котораго я достигалъ, тотчасъ переставало быть счастьемъ. Несчастій же становилось все больше и больше, и неизбѣжность смерти становилось все очевиднѣе и очевиднѣе, и я понялъ, что *послѣ этой* безсмысленной и несчастной жизни *меня ничего не ожидаетъ*, кромѣ страданія, болѣзни, старости и *уничтоженія*; я спросилъ себя: зачѣмъ? и не получилъ отвѣта.

И я пришелъ въ отчаяніе.

То, что говорили мнѣ нѣкоторые люди, въ чемъ я самъ иногда старался увѣрить себя, что надо желать счастья не себѣ одному, но другимъ, близкимъ и всѣмъ людямъ, не удовлетворяло меня, во 1-хъ, потому, что я не могъ искренно такъ же, какъ себѣ, желать счастья другимъ людямъ, во 2-хъ и главное—потому, что другіе люди точно такъ же, какъ и я, обречены были на несчастіе и смерть. И потому всѣ мои старанія объ ихъ благѣ были тщетны.

Я пришелъ въ отчаяніе. Но я подумалъ, что мое отчаяніе можетъ происходить отъ того, что я особенный человѣкъ, что

---

[1]) Открытыя письма къ другу, увлекающемуся ученіемъ гр. Толстого. „Мисс. Обозр.“ 1899 г. стр. 76 и далѣе.

другіе люди знаютъ, зачѣмъ живутъ, и потому не приходятъ въ отчаяніе.

И я сталъ наблюдать другихъ людей, но другіе люди точно такъ же будто бы, какъ и я, не знали, зачѣмъ они живутъ,— одни старались суетой жизни заглушить это незнаніе, другіе же увѣряли себя и другихъ, что они *вѣрятъ въ разныя вѣры*, которыя съ дѣтства внушены имъ; но вѣрить въ то, во что они вѣрили, невозможно было *такъ это было глупо* (sic). Да и многіе изъ нихъ, мнѣ казалось, *только притворялись*, что они вѣрятъ, но въ глубинѣ души не вѣрили (?).

Продолжать суетиться я уже не могъ: никакая суета не скрывала непрестанно стоящаго передо мною вопроса, и также не могъ вновь начать вѣрить въ ту вѣру, которая была преподана мнѣ съ дѣтства и которая, какъ я возмужалъ умомъ, сама собой отпала отъ меня. Но чѣмъ больше я изучалъ, тѣмъ больше я убѣждался, что тутъ и не можетъ быть истины, что тутъ одно лицемѣріе (?) и корыстные виды обманывающихъ и слабоуміе, упрямство и страхъ обманутыхъ.

Не говоря уже о внутреннихъ противорѣчіяхъ этого ученія, о низменности, жестокости его, признающаго Бога карающимъ людей вѣчными мученіями,—главное, что не позволяло мнѣ повѣрить въ это ученіе, было то, что я зналъ, что рядомъ съ этимъ православнымъ христіанскимъ ученіемъ, утверждавшимъ, что оно одно въ истинѣ, было другое христіанское— католическое, третье лютеранское, четвертое реформатское, и всѣ различныя христіанскія ученія, изъ которыхъ каждое про себя утверждало, что оно одно въ истинѣ; зналъ я и то, что рядомъ съ этими христіанскими ученіями существуютъ еще нехристіанскія религіозныя ученія,—буддизма, браманизма, магометанства, конфуціанства и др.,—точно также считающія только себя истинными, всѣ же другія ученія—заблужденіемъ.

Это написано въ 1897 году, но тѣ же самыя воззрѣнія, но только съ большею богохульною рѣзкостью, гр. Л. Толстой высказывалъ въ началѣ уже 90-хъ годовъ,—въ первыхъ своихъ религіозно-еретическихъ трактатахъ. Такъ, въ „Изслѣдованіи Евангелія" нашъ яснополянскій лжеучитель заявляетъ, что онъ сначала спрашивалъ разъясненій своихъ религіозныхъ сомнѣній и запросовъ у монаховъ, священниковъ, архіереевъ, митрополитовъ, ученыхъ богослововъ. Данныя послѣдними разъясненія показались ему неубѣдительными, неясными, „недобросовѣстными". Тогда онъ самъ взялся за богословскія книги и сталъ изучать ихъ.

„И вотъ изученіе это,—пишетъ гр. Толстой,—привело меня къ убѣжденію, что та вѣра, которую исповѣдуетъ наша іерархія, и которой она учитъ народъ, есть не только ложь, но и безнравственный обманъ. Въ православномъ вѣроученіи я нашелъ изложеніе самыхъ непонятныхъ, кощунственныхъ (!) и

безнравственныхъ (!) положеній, не только не допускаемыхъ разумомъ, но совершенно непостижимыхъ и противныхъ нравственности, и никакого ученія о жизни и смыслѣ ея".

„Я былъ приведенъ къ убѣжденію, что Церкви никакой нѣтъ. Всѣ различно вѣрующіе христіане называютъ себя истинными христіанами и отрицаютъ одни другихъ"...

„И въ нашемъ европейскомъ мірѣ, и въ Америкѣ, гдѣ все по новому, всѣ, какъ сговорились, повторяютъ тотъ же самый глупый обманъ; исповѣдуютъ каждый свои истинныя вѣры, считая ихъ едиными истинными, не замѣчая того, что другія точь въ точь то же самое дѣлаютъ" (Изслѣд. Еван., изд. 1893 г. стр. 3—7).

Такимъ образомъ отступленіе отъ Церкви и возстаніе на Христа явилось у гр. Толстого, не какъ плодъ серьезнаго, научнаго философскаго и апологетическаго изслѣдованія христіанской религіи въ ея существѣ и исторіи, и не какъ переходъ отъ глубокой живой вѣры къ тяжкому невѣрію.

Яснополянскій реформаторъ христіанства приступилъ къ разрѣшенію мучившихъ его сомнѣній не съ смиренною вѣрою въ Бога и молитвою о помощи свыше, и не съ добросовѣстнымъ опасливымъ научнымъ скепсисомъ,—онъ ринулся прямо, съ огульнымъ отрицаніемъ всего въ Церкви, какъ лжи и обмана.

Живой вѣры Л. Н. никогда, повидимому, не имѣлъ и только послѣ 50 лѣтъ барской жизни заглянулъ въ свое сердце и, увидавъ тамъ мерзость запустѣнія, началъ тогда искать Господа. Идя скользкимъ путемъ „лжеименнаго разума", нашъ реформаторъ дошелъ до отпаденія собственнымъ умомъ.

Научный багажъ яснополянскаго богослова оказывается совсѣмъ не громоздкій: не видно, чтобы Л. Н. тратилъ время и утруждалъ себя исторіей Церкви, святоотеческими твореніями, хотя тамъ были и Оригены, Златоусты, Василіи Великіе и Августины, — не говоримъ о нашихъ отечественныхъ богословахъ,—ни апологетическими изслѣдованіями западныхъ и восточныхъ богослововъ.

Я исписалъ много бумаги. Сначала отъ слова до слова анализировалъ символъ вѣры, потомъ катихизисъ Филарета, потомъ посланіе восточныхъ патріарховъ, потомъ введеніе въ богословіе Макарія, потомъ догматическое богословіе того же Макарія. Серьезный научный тонъ, тотъ самый, которымъ написаны эти книги, особенно новѣйшія—какъ богословіе Макарія— при разборѣ этихъ книгъ былъ невозможенъ. Только что я хо-

тѣлъ ухватиться за мысль, чтобы обсудить ее, какъ она сейчасъ выскальзывала именно потому, что она была выражена умышленно неясно, и невольно я возвращался къ анализу самаго выраженія мысли, и оказывалось, что выраженія таковы, что мысли опредѣленной никакой нѣтъ, всѣ слова не имѣютъ того смысла, который они имѣютъ обыкновенно въ русскомъ языкѣ, а какой-то особенный, но такой, опредѣленіе котораго не дано.

Съ чтеніемъ символа вѣры по-славянски, въ томъ дословномъ переводѣ съ неяснаго греческаго текста, я могъ еще кое-какъ соединить свои понятія о вѣрѣ, но при чтеніи посланія восточныхъ патріарховъ, уже болѣе подробно выражающихъ тѣ же догматы, я уже не могъ соединять своихъ понятій вѣры и почти не могъ понимать того, что разумѣлось подъ словами, которыя я читалъ. Съ чтеніемъ катихизиса это несогласіе и непониманіе мое еще увеличилось. При чтеніи богословія сначала Дамаскина, а потомъ Макарія, непониманіе и несогласіе дошло до высшей степени.

Я долго трудился надъ этимъ и наконецъ достигъ того, что выучилъ богословіе, какъ хорошій семинаристъ, и могу, слѣдуя ходу мыслей, руководившихъ составителей, объяснить основу всего, связь между собою отдѣльныхъ догматовъ и значеніе въ этой связи каждаго догмата и, главное, могу объяснить, для чего избрана именно такая, а не другая связь, кажущаяся столь странною.

И достигнувъ этого, я ужаснулся. Я понялъ, что все это вѣроученіе есть искусственный (посредствомъ самыхъ внѣшнихъ, неточныхъ признаковъ) сводъ выраженій вѣрованій самыхъ различныхъ людей, не сообразованныхъ между собою и взаимно другъ другу противорѣчащихъ. Я понялъ, что соединеніе это никому не можетъ быть нужно, никто никогда не могъ вѣрить и не могъ не вѣрить во все это вѣроученіе (Крит. Догм Бог. стр. 5—8 изд. 1900 г.).

Въ предисловіи къ своему „христіанскому ученію“ гр. Толстой разсказываетъ, что онъ не могъ уже вернуться ни къ родной, ни къ чужой вѣрѣ и *смутно* припомнилъ отъ дѣтства удержанныя представленія о Евангеліи, — *почуялъ* въ немъ истину, несмотря *на всѣ извращенія* Евангелія въ христіанскихъ церквахъ, *откинувъ всѣ толкованія,* принялся его читать и изучать и толковать по-своему, покончивъ предварительно съ вопросомъ о божествѣ Христа, зачисливъ Богочеловѣка и Спасителя міра въ число *лучшихъ людей* человѣчества, на ряду съ Моисеемъ, Исаіей, Буддой, Сократомъ, Спинозой, Фихте.

„Я не могу вернуться ни къ той вѣрѣ, которой былъ наученъ съ дѣтства, ни повѣрить въ какую-либо изъ тѣхъ, которыя исповѣдывали другіе народы, потому что во всѣхъ были

однѣ и тѣ же противорѣчія, безсмыслицы, чудеса, отрицающія всѣ другія вѣры, а главное ихъ обманъ,—требованія слѣпого довѣрія своему ученію" (Стр. 3-я).

„Въ Евангеліи, несмотря на всѣ извращенія, которымъ оно подверглось въ ученіи христіанской церкви, я чуялъ истину... Откинувъ всѣ толкованія евангельскаго ученія, я сталъ читать и изучать Евангеліе, и уяснялось мнѣ *нѣчто новое*, совсѣмъ непохожее на то, чему учатъ христіанскія церкви, но отвѣчающее на вопросъ моей жизни... Евангеліе не есть исключительно откровеніе Христа, но этотъ самый отвѣтъ на вопросы жизни высказали болѣе или менѣе ясно всѣ лучшіе люди человѣчества до и послѣ евангелія, начиная отъ Моисея, Исаіи, Конфуція, древнихъ грековъ, Будды, Сократа и до Паскаля, Спинозы, Фихте, Фейербаха... Такъ что въ познаніи почерпнутой мной изъ евангелія истины, я не только не одинъ, но былъ со всѣми лучшими людьми прежняго и нашего времени. И я утвердился въ этой истинѣ, успокоился и радостно прожилъ послѣ этого 20 лѣтъ" (Стр. 5).

Въ основу своего сочиненія новой мнимохристіанской вѣры нашъ россійскій реформаторъ кладетъ разумъ:

„Единственное орудіе познанія есть разумъ человѣка, а потому всякая проповѣдь, утверждающая что-либо противное разуму, есть обманъ". „Истина не можетъ войти въ человѣка помимо разума, и потому человѣкъ, который думаетъ, что онъ познаетъ истины вѣрою, а не разумомъ, — только обманываетъ себя; внушеніе недовѣрія къ разуму имѣетъ желаніе обмана и есть величайшее кощунство". „Основа всѣхъ грѣховъ и бѣдствій человѣка—обманъ вѣры, и чтобы жить по ученію Христа (читай Толстого), человѣку нужно прежде всего освободиться отъ обмановъ вѣры". „Для того, чтобы быть свободнымъ отъ обмановъ вѣры, человѣку надо понимать и помнить, что у него нѣтъ и не можетъ быть никакого другого, кромѣ разума, другого познанія, всякій человѣкъ вѣритъ только разуму, и что поэтому люди, говорящіе, что они вѣрятъ не разуму, а Моисею, Буддѣ, Христу, Магомету, Корану, Библіи, обманываютъ себя". „Разсужденія или вымыслы" безконечно различны о томъ, какъ произошелъ міръ или грѣхъ, что будетъ послѣ смерти, правда ли то, что три Бога вмѣстѣ составляютъ Одного, правда ли, что человѣкъ (разумѣемъ Христа Богочеловѣка) умеръ и воскресъ, ходилъ по водамъ, улетѣлъ на небо въ тѣлѣ, что, съѣдая хлѣбъ и вино, я съѣдаю тѣло и кровь (какое богохульство!), что Богъ ходилъ въ огненномъ столбѣ, Будда поднялся въ лучахъ солнца, Магометъ леталъ на небо,—рѣшеніе же разума одно и тоже: это неправда" (Стр. 70—73).

Молитвы, таинства, благолѣпіе храмовъ, пѣніе, куреніе ѳиміама, иконы, священную утварь Толстой кощунственно называетъ „одуряющими дѣйствіями и представленіями, которыми стараются запечатлѣть въ душахъ людей обманъ, выдаваемый за истины вѣры". „Религіозное воспитаніе дѣтей—ядъ". „Пятый пріемъ обмана вѣры, мудрствуетъ гр. Толстой, самый жестокій, потому что онъ состоитъ въ томъ, что ребенку, спра-

шивающему у старшихъ, жившихъ прежде него и имѣвшихъ возможность познать мудрость прежде жившихъ людей о томъ, что такое этотъ міръ и его жизнь, и какое отношеніе между тѣмъ и другимъ, отвѣчаютъ не то, что думаютъ и знаютъ эти старшіе, а то, что думали люди, жившіе тысячи лѣтъ тому назадъ, и во что никто изъ большихъ уже не вѣритъ и не можетъ вѣрить. Вмѣсто духовной, необходимой ему пищи, о которой проситъ ребенокъ, ему дается губящій его духовное здоровье ядъ, отъ котораго онъ можетъ исцѣлиться только величайшими усиліями и страданіями" (67).

Комментаріи излишни.

Нужно ли еще болѣе яснаго свидѣтельства того, что Толстой не христіанинъ, когда самъ Л. Н. свидѣтельствуетъ о себѣ такъ откровенно!

Приведемъ въ заключеніе еще одну выдержку, поясняющую, какъ понимаетъ и опредѣляетъ Толстой Бога.

„Богъ, познаваемый человѣкомъ въ себѣ, есть *желаніе* блага всему существующему, есть начало всякой жизни, *есть любовь*, какъ и сказано въ Евангеліи—Богъ есть любовь" (Стр. 17).

„Богъ—Существо духовное, единое, нераздѣльное—заключилъ себя въ отдѣльныя тѣла существъ и въ тѣло отдѣльнаго человѣка, единое какъ бы раздѣлилось само въ себѣ;—Богъ—Сущность жизни, которую человѣкъ сознаетъ въ себѣ и познаетъ во всемъ мірѣ, какъ желаніе блага, а вмѣстѣ и та причина, въ которой сущность эта заключена въ условія отдѣльной и тѣлесной жизни" (18—19).

Слѣдовательно, гр. Л. Н. Толстой, по его словамъ, отпалъ окончательно отъ Церкви и Христа уже 23 года.

Полагаемъ, что и этихъ немногихъ капель изъ всего моря антихристіанскихъ мудрованій Толстого достаточно, чтобы понять, какой вѣры держится яснополянскій пророкъ, какъ, когда и куда онъ ушелъ отъ Христа и Евангелія и отечественной Церкви. Что касается вопроса, какъ Церковь должна относиться къ яснополянскому отступнику, это ясно изъ слѣдующихъ словъ ап. Павла (котораго св. писанія такъ не любитъ сочинитель новаго христіанства): „Грѣхи нѣкоторыхъ людей явны и прямо ведутъ къ осужденію, а нѣкоторыхъ открываются впослѣдствіи" (1 Тим. 5, 24). Грѣхи Л. Н. Толстого, какъ вѣроотступника и богохульника, явны, а потому вины его неоспоримо влекутъ и примѣненіе церковнаго закона, основаннаго на божественной заповѣди: „аще кто преслушаетъ Церковь—буди тебѣ якоже язычникъ" (Мѳ. 18, 17). „Еретика, послѣ перваго и втораго

вразумленія, отвращайся, зная, что таковой развратился и грѣшитъ, будучи *самоосужденъ*“ (Тит. 3, 10—11).

Изъ всего приведеннаго ясно, что яснополянскій лжеучитель искалъ истины ощупью, шелъ по чутью, распоряжался Богооткровеннымъ ученіемъ, вѣковымъ достояніемъ христіанской богословской науки, далеко не по философски, а съ рѣшительностью поэта или военнаго человѣка. Вотъ почему гр. Толстой съ такимъ легкимъ сердцемъ облыгаетъ и науку и вѣрующихъ во Христа, являя тѣмъ лишь собственное невѣріе и самообманъ, вовлекшій великаго писателя чрезъ бѣсовскую гордость ума „въ явную прелесть“. Христіанство, изложенное въ ученіи св. Церкви, по вѣрѣ и разуму всѣхъ истинныхъ послѣдователей Христа Спасителя, есть богооткровенное спасительное ученіе вѣры, постигая которое своимъ богопросвѣщеннымъ умомъ, самъ св. апостолъ Павелъ восклицаетъ: *О, глубина богатства и премудрости и разума Божія!* (Рим. 11, 33). А для гр. Толстого вся эта премудрость Божія, въ тайнѣ сокровенная, слѣдовательно, только вѣрою постигаемая,—только одна ложь, обманъ и путаница. Примѣръ не новый въ исторіи христіанства такого „буйства мысли премудрыхъ и разумныхъ вѣка сего“, отъ холоднаго, гордаго разума которыхъ Господь утаилъ истинное уразумѣніе своей тайны искупленія и спасенія человѣчества, а далъ ее людямъ живой младенческой вѣры. Не даромъ сказано,—по вѣрѣ, а не *по разуму* вашему дано вамъ будетъ *).

---

*) Мисс. Обозр. 1901 г. февр. 245—244, мартъ, 291—293.

III.

Какъ относилась православная Церковь къ религіозному блужданію гр. Толстого.

Церковь, въ лицѣ своихъ просвѣщеннѣйшихъ архипастырей и ученыхъ апологетовъ, со скорбію, но зорко слѣдила за совершавшимся въ душѣ великаго писателя религіознымъ переворотомъ и за „буйствомъ“ его ума и пера, неустанно писавшимъ все новые и новые противоцерковные и противохристіанскіе трактаты, печатавшіеся заграницей и внутри Россіи (на ремингтонахъ),—и давала благовременную отповѣдь на лжеученіе яснополянскаго мудреца. Ни одно религіозное и философское ученіе не имѣетъ такой широкой и богатой полемической литературы, какъ опроверженіе толстовскаго еретичества. Особенно въ этой полемикѣ приснопамятно славное имя высокопреосвященнаго Никанора Одесскаго,—онъ первый изъ архипастырей „повѣдалъ Церкви“ ex caphedra о еретичествѣ гр. Толстого и тогда же въ одной изъ проповѣдей предалъ Толстого публичному осужденію (анаѳемѣ). Еретичество Толстого не менѣе ревностно обличалъ и другой просвѣщенный архипастырь, арх. Амвросій Харьковскій.

Помимо печатнаго обличенія и вразумленія гр. Толстого въ его заблужденіяхъ были со стороны Церкви сдѣланы попытки и къ устному вразумленію и увѣщанію. Такъ, Тульскій протоіерей о. Ивановъ и въ „Миссіонер. Обозрѣніи“ (май, 1901 г.), и подробнѣе въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ (№ 8 за 15 апр.) сообщаетъ о бесѣдахъ, направленныхъ къ вразумленію графа, еще покойнаго тульскаго архіепископа Никандра, который, въ отчаяніи отъ ожесточенія графа, молилъ Бога, чтобы ему умереть раньше Льва Николаевича и не быть свидѣтелемъ его нехристіанской кончины. Бесѣдовалъ устно и посылалъ Льву Николаевичу нѣсколько писемъ увѣщательныхъ, оставленныхъ безъ

отвѣта, и этотъ маститый, просвѣщенный пастырь—о. Ивановъ.

Вотъ увѣщательное письмо о. Иванова.

Ваше Сіятельство,

Графъ Левъ Николаевичъ!

Извѣстный вамъ, бывшій студентъ Московскаго университета и горячій послѣдователь вашего ученія, Михаилъ Аркадіевичъ Сопоцько просилъ меня переслать вамъ давно составленную имъ, а нынѣ пересмотрѣнную и передѣланную мною книжку „Плоды ученія гр. Л. Н. Толстого". Исполняя его желаніе, я съ своей стороны просилъ бы васъ, графъ, не бросать ее, не прочитавши. Книжка дышетъ искренностію и представляетъ, къ счастію и радости вѣрующаго христіанина, не единственный примѣръ обращенія отъ полнѣйшаго невѣрія къ самой искренней вѣрѣ. Современное невѣріе, полнѣйшее отрицаніе христіанства обыкновенно представляется болѣзнью неизлѣчимою, грѣхомъ, для котораго невозможно раскаяніе, который потому и должно отнести къ тѣмъ грѣхамъ противъ Духа Святаго, о которыхъ читаемъ мы въ Евангеліи. Но вотъ, Слава Богу, и хулящихъ Духа Святаго самъ Духъ Св. не лишаетъ своей благодати, лишь только душа хулителя хоть немного дрогнетъ въ сторону раскаянія. Такъ именно и случилось съ Михаиломъ Аркадіевичемъ, такъ случается и не съ нимъ однимъ. М. А. натура цѣльная, искренняя, которая неспособна двоиться или оглядываться назадъ, не любитъ лицемѣрить, рисоваться, останавливаться на полдорогѣ. Раньше онъ былъ увлеченъ вашимъ ученіемъ,—и не теоретически, не на словахъ, а всею убѣжденною душою, всею жизнью, и былъ „толстовцемъ" больше, чѣмъ вы сами, Л. Н. Толстой. Возвратившись въ христіанство (несомнѣнно, по особому сверхъестественному дѣйствію Св. Духа), онъ и тутъ не остановился на полдорогѣ: Духъ Св. влечетъ его къ христіанскому аскетизму. Что будетъ далѣе,—одному Богу извѣстно. Но во всякомъ случаѣ вы ошибаетесь, если назовете теперешнее его состояніе увлеченіемъ, которое такъ же можетъ пройти, какъ прошло его прежнее отрицательное, толстовское настроеніе. Я не буду гово-

рить о силѣ благодати Духа Св., подъ вліяніемъ которой онъ находится теперь. Сверхъестественному вы не повѣрите. Такъ вотъ вамъ естественное: онъ испыталъ теперь и то и другое,—и полное отрицаніе вѣры до грубѣйшаго матеріализма, и полное проникновеніе вѣрою до самоотреченія, Христа ради славнаго аскетизма; послѣ испытанія перваго онъ выбралъ послѣднее,— выборъ былъ вполнѣ свободный, сознательный,—возвращеніе опять къ отрицанію невозможно.—Ахъ, если бы и вашего сердца коснулась благодать Духа Св. „поне на старость". Что мудренаго? Милость Божія къ человѣку велика и неисповѣдима. Объ васъ, чтобы Господь призвалъ васъ къ раскаянію, къ истинной православной вѣрѣ, я знаю, многіе молятъ Господа, М. А. тоже молится. Молюсь и я,—не хочу скрывать. Вы когда-то, лѣтъ 15 или 20 назадъ, послушались меня—прочитали Догматическое Богословіе Макарія и Филарета. Но вмѣсто того, чтобы научиться и убѣдиться въ православной вѣрѣ христіанской, почувствовали въ себѣ потребность написать критику, опроверженіе на православное богословіе (какъ жаль, что вы не сообщили мнѣ тогда своего произведенія, которое появленіемъ своимъ обязано было отчасти мнѣ. Я бы не оставилъ безъ отвѣта вашей „критики"). Тогда я еще не зналъ васъ; изъ вашего двукратнаго собесѣдованія со мною въ моемъ домѣ, кое-о-чемъ я догадывался, но это было далеко не то, чѣмъ вы оказали себя позднѣе и особенно въ послѣднее время. Вы тогда интересовались русскими аскетами, выражали намѣреніе изучать ихъ жизнь, приглашали даже меня издавать вмѣстѣ съ вами для народа сказанія о нихъ. Скорблю, что тогда я не зналъ, да и вы, кажется, не знали о преосвященномъ Ѳеофанѣ. Вотъ съ кѣмъ вамъ слѣдовало-бы тогда побесѣдовать (а не съ митрополитомъ М.). А вотъ и теперь какъ хорошо бы вамъ побесѣдовать съ о. Іоанномъ Кронштадтскимъ. Можетъ быть его сильное, благодатное слово благотворно подѣйствовало бы на васъ. Я слышалъ, вы болѣете, и отъ того, конечно, не можете побывать у о. Іоанна. Скажите, я написалъ бы ему, и онъ, можетъ быть, самъ къ вамъ пріѣхалъ бы. Вѣроятно, вы, не смотря на старость, все-же обращаетесь къ врачамъ, чтобы полѣчили вашу болѣзнь. Не можетъ быть, чтобы, не смотря на застарѣлость вашихъ убѣжденій, вы не

чувствовали болѣзненнаго состоянія вашей души, безотрадности этихъ убѣжденій, страха загробной участи. Какъ хотите, но въ вашемъ теперешнемъ положеніи, если бы не мѣшали гордость и упорство, слѣдовало бы обратиться къ такому духовному врачу, какъ о. Іоаннъ. Не думаю, чтобы вы, польщенные вниманіемъ къ вамъ чуть не всего образованнаго міра, устыдились предъ этимъ міромъ своего поступка: что, молъ, скажетъ весь свѣтъ,—Левъ Толстой позвалъ къ себѣ о. Іоанна Кронштадтскаго...

Прежде чѣмъ кончить письмо, позвольте напомнить еще одно обстоятельство. Вспомнилось мнѣ то время, когда вы охотно бесѣдовали съ покойнымъ преосвященнымъ Никандромъ, просили у него посвященія въ стихарь и разрѣшенія говорить поученія съ церковнаго амвона. Преосвященный не рѣшился удовлетворить ваше (конечно, не шуточное) желаніе, можетъ быть, чуя недобрые зачатки въ вашихъ убѣжденіяхъ. Послѣ, когда стали ясно обнаруживаться ваши недобрыя убѣжденія, покойный ужасно скорбѣлъ о томъ, что вы умрете, не раскаявшись, и что ему пришлось бы не разрѣшить похоронить васъ по-христіански (онъ даже выражалъ желаніе умереть раньше васъ; Богъ исполнилъ его желаніе). Мое напоминаніе не отразится ли въ душѣ вашей скорбными воспоминаніями объ этой въ высшей степени симпатичной личности... Когда я только-что хотѣлъ закончить это письмо, пришло газетное сообщеніе о всенародномъ объявленіи отъ Свят. Синода объ отлученіи васъ отъ святой христіанской Церкви. Страшно это, но это неизбѣжно. Это является удовлетвореніемъ общаго, всенароднаго, никѣмъ не скрываемаго желанія. Давно уже слышится въ обществѣ и даже въ народѣ: что смотритъ Правительство, какъ это терпитъ и молчитъ Синодъ? Нѣкоторые пока успокаивались на томъ, что все ваше антихристіанское и антиправительственное ученіе подходитъ подъ всѣ анаѳемы недѣли православія. Но не трогательно ли то, что какъ въ недѣлю православія, такъ и въ синодальной грамотѣ все оканчивается молитвою объ обращеніи и раскаяніи анаѳематствуемыхъ, доколѣ они живы. Не того же ли ждетъ Самъ Господь Богъ, дарующій вамъ долголѣтнюю жизнь, длящій вашу жизнь, не смотря на смертельныя ваши болѣзни?

Графъ! Неужели вы твердо и ясно убѣждены, что *тамъ* ничего не будетъ? Нѣтъ, въ этомъ никто не можетъ быть убѣжденъ и этого никто не можетъ доказать. Вы скажете, что и доказать никто не можетъ, что тамъ будетъ судъ, и такъ далѣе. Ну, и остановитесь на томъ пока, что ни того, ни другого доказать нельзя. Но вѣдь что-нибудь одно должно случиться: или ничего, или все. А что, если все—и судъ, и мука вѣчная? Можно ли оставаться безсмысленно равнодушнымъ передъ этимъ послѣднимъ вопросомъ?—Графъ! отбросьте вашу сатанинскую гордость („гордость всяку отложше и удобь-обстоятельный грѣхъ"), что-то въ родѣ маніи величія. Знаете ли? Ваше теперешнее (сомнительное, впрочемъ) величіе тотчасъ послѣ вашей смерти покроется позоромъ, а потомъ вскорѣ совершеннымъ забвеніемъ, и развѣ только историческимъ воспоминаніемъ, какое заслужилъ себѣ Арій и подобные еретики, да еще церковнымъ напоминаніемъ въ недѣлю православія, да и то безъ воспоминанія имени вашего. Но дѣйствительнымъ величіемъ покрылось бы ваше имя за одно ваше подобно Савлову раскаяніе, за публичное ваше осужденіе всѣхъ вашихъ богоборныхъ и противонаціональныхъ и противоправительственныхъ сочиненій. По этимъ сочиненіямъ вы хуже разбойника (читайте басню Крылова). Но вы сдѣлаете много добра всему русскому народу, а, можетъ быть, и всему свѣту, если окончите свою жизнь такъ же, какъ окончилъ свою разбойникъ, распятый вмѣстѣ съ Спасителемъ нашимъ на крестѣ.

Графъ! Много я вамъ наговорилъ такого, что, можетъ быть, непріятно для васъ. Но въ моемъ доброжелательствѣ къ вамъ прошу не сомнѣваться. А еще просилъ бы я васъ объ одномъ, не прошу васъ отвѣчать подробно на мое письмо, но прошу написать мнѣ два-три слова о томъ, что вы прочитали мое письмо.

Протоіерей *Александръ Ивановъ.*

Одинъ изъ тульскихъ священниковъ, нѣкто о. Димитрій Троицкій, съ благословенія своего архипастыря, епископа Питирима, многократно посѣщалъ графа и бесѣдовалъ съ Львомъ Николаевичемъ.

При постигшей графа 1900 г. тяжкой болѣзни, высокопреосвященный Владиміръ, митрополитъ московскій, въ своихъ отеческихъ заботахъ о спасеніи души знаменитаго русскаго писателя, поручалъ вновь сдѣлать увѣщаніе графу чрезъ протоіерея о. Соловьева, бывшаго законоучителя дѣтей графа. Послѣдній трижды былъ въ домѣ графа для увѣщательной бесѣды, но Л. Н. подъ разными предлогами (нездоровья, срочной правки корректуры „Воскресенія“...) уклонился отъ свиданія и бесѣдъ съ почтеннымъ пастыремъ; графъ очень разсердился, когда узналъ, что о. С. посланъ къ нему іерархомъ. Въ первыя два посѣщенія съ о. С. бесѣдовала о графѣ супруга его, графиня Софья Андреевна, и обѣщала даже, по совѣту о. С—ва, пригласить къ графу о. Іоанна Кронштадтскаго, а въ послѣдній разъ и она не вышла къ увѣщателю. Не говоримъ о частныхъ попыткахъ къ увѣщанію графа, предпринимавшихся духовными лицами, посѣщавшими графа (напр., мы знаемъ, что бесѣдовалъ съ Львомъ Николаевичемъ архимандритъ Антоній, нынѣ епископъ Волынскій), и мірянами (напр., изъ бывшихъ его единомышленниковъ С—ко), не говоримъ о литературномъ изобличеніи заблужденій графа. Авторы обязательно присылали Льву Николаевичу свои труды, направленные противъ его мудрованій, но оказывается, что книги эти графъ и не разрѣзывалъ. Развѣ все это не попытки?

Въ 1897 г. Церковь, въ лицѣ Миссіонерскаго съѣзда въ Казани, признала толстовское движеніе въ интеллигенціи, народѣ и сектантствѣ опредѣлившимся какъ съ положительной, такъ и съ отрицательной стороны распространяемаго имъ лжеученія и признала его *за особую секту*. Постановленіе съѣзда утверждено Св. Синодомъ. Символическимъ изложеніемъ ученія толстовства, какъ секты, тогда признанъ былъ „катихизисъ Іисусова братства по евангелію (штунды)“. Онъ широко распространенъ среди послѣдователей этого религіознаго движенія уже съ конца 1880 годовъ, въ гектографированныхъ и ремингтоновскихъ рукописяхъ, нерѣдко начертанныхъ славянскимъ полууставомъ; составленъ катихизисъ въ вопросо-отвѣтной формѣ, напоминающей форму изложенія извѣстнаго Филаретовскаго катихизиса. Эпиграфомъ толстовскаго катихизиса, названнымъ „догматомъ братства“, служатъ слѣдующія слова: „Богъ

Духъ=разумъ, Богъ Отецъ=жизнь, Богъ Сынъ=разумъ въ жизни, три сіи едино суть". Катихизисъ состоитъ изъ введенія, трактата объ откровеніи *Божественномъ*, о пяти заповѣдяхъ секты: изъ нихъ первая — *не убивай*, или *не воюй*, вторая—*не прелюбодѣйствуй*, третья—*люби всѣхъ людей* одинаково и не предпочитай соотечественниковъ, четвертая—*не противься злу*, пятая—*не клянись* (противъ присяги); оканчивается катихизисъ особымъ трактатомъ (приложеніе) „о молитвѣ и другихъ способахъ общенія съ Богомъ".

Сличая религіозно-соціальныя воззрѣнія гр. Л. Толстого, разбросанныя въ его нецензурныхъ религіозно-нравственныхъ сочиненіяхъ послѣдняго писательскаго періода съ вѣроизложеніемъ „Катихизиса", нельзя не видѣть, что послѣдній представлялъ собою тогда квинтъэссенцію упомянутыхъ сочиненій и трактатовъ,—суммированіе анти-христіанскихъ, еретическихъ и соціалистическихъ воззрѣній яснополянскаго лжепророка, облеченныхъ въ катихизическую, общедоступную форму изложенія; не подлежитъ сомнѣнію, что катихизисъ имѣетъ миссіонерскія задачи популяризаціи религіозныхъ воззрѣній гр. Толстого среди полуинтеллигентныхъ слоевъ и въ средѣ простого народа.

Разборъ догматическихъ положеній катихизиса уже тогда приводилъ къ изобличенію гр. Толстого и его послѣдователей въ явномъ отступленіи отъ православной Церкви и въ анти-христіанскомъ еретичествѣ, заключающемъ въ себѣ отрицаніе всѣхъ основныхъ догматовъ Церкви, съ ея устройствомъ, таинствами и обрядами, и сущности христіанства.

Отличительною чертою вѣроизложенія толстовскаго катихизиса служитъ то, что онъ затрогиваетъ и стремится разрѣшить не религіозныя только вѣрованія, но и соціально-политическіе вопросы жизни народа, по на почвѣ религіозной, въ духѣ или пассивной анархіи, или прямого соціализма. Вслѣдствіе чего, по заключенію съѣзда, толстовство признано, по характеру и направленію своему, не только *еретическою сектою, но и религіозно-соціальною*. Въ народномъ пониманіи послѣдняя сторона выступаетъ рѣзче первой, такъ что всѣ извѣстныя анархическія дѣйствія, и соціалистическія воззрѣнія Харьковскихъ, Воронежскихъ толстовцевъ изъ православнаго народа, а равно и извѣстныя преступныя

дѣянія закавказскихъ духоборъ-постниковъ находятъ себѣ и мотивъ и оправданіе въ вѣроизложеніи катихизиса.

Тождество катихизиса съ несомнѣнными произведеніями гр. Толстого, наблюдаемое не только въ воззрѣніяхъ, строѣ мыслей, но и въ выраженіяхъ и стилѣ изложенія, даютъ основаніе заключать, что дѣло изданія катихизиса не обошлось безъ непосредственнаго участія самого Льва Николаевича. Выпущенное же въ 1898 г. „Христіанское ученіе“ представляется лишь болѣе полнымъ развитіемъ основныхъ положеній, высказанныхъ въ катихизисѣ. „Христіанское ученіе“—это своего рода догматика толстовства.

Говорятъ: если Толстой—не христіанинъ и отступникъ, *то почему же онъ называетъ свое мудрованіе „христіанскимъ ученіемъ“* и вездѣ въ своихъ писаніяхъ проповѣдуетъ христіанскую мораль, внушая жить „по Божьей волѣ“, „по христіански“, самъ живетъ аскетомъ, то и дѣло ссылается въ своихъ сочиненіяхъ литературныхъ на Евангеліе, изъ котораго приводитъ тексты и проч.

Въ этой-то мистификаціи, а точнѣе—въ фальсификаціи христіанства, и заключается самый страшный обманъ (вольный или невольный,—этого не будемъ касаться) и соблазнъ толстовства, служащій камнемъ преткновенія для нашего такъ называемаго интеллигентнаго общества, познанія котораго въ области богословія рѣдко у кого идутъ далѣе знанія нѣсколькихъ ходячихъ текстовъ. Проповѣдуя религію безъ живаго личнаго Бога и христіанство безъ Христа Спасителя и Искупителя, опираясь на Евангеліе, превращая его, какъ и прочія „Писанія“,—гр. Толстой идетъ обольстительнымъ путемъ антихриста, почему о. Іоаннъ Кронштадтскій не разъ прямо называлъ яснополянскаго лжеучителя въ своихъ проповѣдяхъ—*антихристомъ*. Въ предотвращеніе этого именно, страшнаго и обольстительнаго соблазна, губящаго души „невѣждъ“ (въ знаніи вѣры) „и неутвержденныхъ“, и являлась необходимость *для Церкви возвысить свой голосъ и открыто засвидѣтельствовать міру, въ чемъ заключается религіозное лжеученіе Льва Толстого, и какъ относится къ нему Церковь.* Тѣмъ болѣе, что соблазнъ и ухищренія самого яснополянскаго мудреца и его учениковъ въ распространеніи мнимо-христіан-

скаго лжеученія толстовства не прекращаются, а растутъ; при этомъ соблазнъ и проповѣдь толстовства не ограничиваются только кругомъ интеллигентнаго общества,— лжеученіе толстовства просачивается въ народную среду, производя „истребленіе" въ умахъ и сердцахъ „сихъ малыхъ" самыхъ священныхъ и дорогихъ чувствъ вѣры христіанской. Да и справедливо ли было бы умолчаніе Церкви о грѣхахъ и хулахъ „великаго писателя"? Въ то время, когда послѣдователи толстовства числятся отпадшими отъ Церкви и несутъ всѣ послѣдствія своего сектантскаго состоянія въ Церкви и государствѣ, глава новой въ русской Церкви секты, наоборотъ, въ смутныхъ понятіяхъ извѣстной части общества величается и превозносится, какъ образцовый христіанинъ, служитъ предметомъ поклоненія и не какъ великій писатель-художникъ,—за это ему честь и слава,—а именно какъ религіозный мыслитель, какъ проповѣдникъ церковной анархіи. Все это не свидѣтельствуетъ ли о смутѣ въ умахъ и сердцахъ, и Церковь, по долгу и требованію высшей правды, не была ли наконецъ обязана произнести свой приговоръ? У Церкви Божіей нѣтъ и быть не можетъ „лицезрѣнія", судъ ея нелицепріятенъ,— она всѣмъ членамъ своимъ воздаетъ „единою мѣрою",— не наклоняясь ни на шуію, ни на десно, а тѣмъ паче не склоняя своего святаго знамени предъ „идолами времени", не сообразуясь съ духомъ вѣка сего. Страшно было бы, если бы и соль потеряла силу; если бы Церковь доселѣ не произнесла своего приговора объ ученіи гр. Толстого и своемъ къ нему отношеніи.

Со всею силою сталъ предъ лицемъ правящей церковной власти вопросъ о лжеученіи гр. Толстого и объ отношеніи къ нему Церкви во время тяжкой и, казалось, безнадежной болѣзни Льва Николаевича зимою 1899 года. Тогда пастыри Церкви и миссіонеры и просвѣщенные міряне, знакомые съ богохульными твореніями яснополянскаго еретика, вопрошали своихъ епископовъ и Св. Синодъ, какъ имъ поступать, въ случаѣ смерти Толстого, относительно служенія панихидъ и поминальныхъ службъ. „Могу ли я, не лицемѣря, голосомъ пѣть *„со святыми упокой*, Христе, душу раба Твоего Льва", и въ то же время про себя думать: Льва, который Тебя, Христе, оскорблялъ, оплевалъ, не признавалъ, какъ Бога. Нѣтъ, я этого *по совѣсти* не могу сдѣлать,

а, между тѣмъ, отъ меня будутъ почитатели требовать служенія панихидъ, не какъ молитвы, а какъ декорумъ, какъ профанацію священнѣйшаго для вѣрующихъ обряда". Тогда писалъ намъ въ редакцію одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ московскихъ пастырей.

И тогда было первое сужденіе въ Св. Синодѣ объ еретичествѣ гр. Толстого и признано было, что онъ рѣшительно *отпалъ* отъ общенія съ Церковью и, какъ таковой, по церковнымъ канонамъ, по смыслу и по существу погребальнаго обряда, заключающаго въ себѣ торжественное засвидѣтельствованіе со стороны Церкви о вѣрности и *неуклонности* содержанія усопшимъ истинной вѣры, послѣднее на землѣ *увѣнчаніе* за вѣру и благочестіе,—не можетъ быть въ случаѣ смерти погребенъ по православному обряду, если предъ смертью не возстановитъ общенія съ Церковью чрезъ таинства исповѣди и пріобщенія св. Тайнъ. Въ такомъ родѣ и преподаны были Св. Синодомъ указанія всѣмъ епископамъ. И здѣсь церковная власть поступила съ болящимъ „талантливымъ сыномъ Россіи" въ высшей степени осторожно и деликатно, всячески ожидая обращенія заблудшаго и опасаясь ожесточенія его сердца: какъ сердобольная мать Св. Синодъ объявилъ свое первое распоряженіе *секретнымъ* циркуляромъ.

Въ немъ были кратко изложены главнѣйшіе пункты еретичества гр. Толстого и преподано указаніе, какъ священнослужителямъ поступать въ случаѣ смерти, относительно погребенія и служенія панихидъ.

Но вотъ Господь воздвигъ болящаго гр. Льва Николаевича отъ одра болѣзни. Ни Божье посѣщеніе, ни увѣщанія нисколько не поколебали еретическаго упорства яснополянскаго лжеучителя, онъ коснѣлъ въ своихъ заблужденіяхъ. Церковная власть естественно должна была „повѣдать" всенародно объ отпаденіи гр. Толстаго и призвать вѣрующихъ къ молитвѣ о заблудшемъ, что Церковь и сдѣлала своимъ извѣстнымъ посланіемъ.

IV.

Опредѣленіе Святѣйшаго Сѵнода

отъ 20—22 Февраля 1901 года № 557, съ посланіемъ вѣрнымъ чадамъ Православныя Грекороссійскія Церкви о графѣ Львѣ Толстомъ.

Святѣйшій Сѵнодъ, въ своемъ попеченіи о чадахъ Православной Церкви, объ охраненіи ихъ отъ губительнаго соблазна и о спасеніи заблуждающихся, имѣвъ сужденіе о графѣ Львѣ Толстомъ и его противохристіанскомъ и противоцерковномъ лжеученіи, призналъ благовременнымъ, въ предупрежденіе нарушенія мира церковнаго, обнародовать, чрезъ напечатаніе въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“, нижеслѣдующее свое посланіе:

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,

Святѣйшій Всероссійскій Сѵнодъ вѣрнымъ чадамъ Православныя Каѳолическія Грекороссійскія Церкви

о Господѣ радоватися.

«Молимъ вы, братіе, блюдитеся отъ творящихъ распри и раздоры, кромѣ ученія, ему же вы научитеся, и уклонитеся отъ нихъ» (Римл. 16, 17).

Изначала Церковь Христова терпѣла хулы и нападенія отъ многочисленныхъ еретиковъ и лжеучителей, которые стремились ниспровергнуть ее и поколебать въ существенныхъ ея основаніяхъ, утверждающихся на вѣрѣ во Христа, Сына Бога Живаго. Но всѣ силы ада, по обѣтованію Господню, не могли одолѣть Церкви святой, которая пребудетъ неодолѣнною во вѣки. И въ наши дни, Божіимъ попущеніемъ, явился новый лжеучитель, графъ Левъ Толстой. Извѣстный міру писатель,

русскій по рожденію, православный по крещенію и воспитанію своему, графъ Толстой, въ прельщеніи гордаго ума своего, дерзко возсталъ на Господа и на Христа Его и на святое Его достояніе, явно предъ всѣми отрекся отъ вскормившей и воспитавшей его Матери, Церкви Православной, и посвятилъ свою литературную дѣятельность и данный ему отъ Бога талантъ на распространеніе въ народѣ ученій, противныхъ Христу и Церкви, и на истребленіе въ умахъ и сердцахъ людей вѣры отеческой, вѣры православной, которая утвердила вселенную, которою жили и спасались наши предки и которою доселѣ держалась и крѣпка была Русь святая. Въ своихъ сочиненіяхъ и письмахъ, во множествѣ разсѣеваемыхъ имъ и его учениками по всему свѣту, въ особенности же въ предѣлахъ дорогого Отечества нашего, онъ проповѣдуетъ, съ ревностью фанатика, ниспроверженіе всѣхъ догматовъ Православной Церкви и самой сущности вѣры христіанской: отвергаетъ личнаго живаго Бога, во Святой Троицѣ славимаго, Создателя и Промыслителя вселенной, отрицаетъ Господа Іисуса Христа—Богочеловѣка, Искупителя и Спасителя міра, пострадавшаго насъ ради человѣковъ и нашего ради спасенія и воскресшаго изъ мертвыхъ, отрицаетъ безсѣменное зачатіе по человѣчеству Христа Господа и дѣвство до рождества и по рождествѣ Пречистой Богородицы Приснодѣвы Маріи, не признаетъ загробной жизни и мздовоздаянія, отвергаетъ всѣ таинства Церкви и благодатное въ нихъ дѣйствіе Святаго Духа и, ругаясь надъ самыми священными предметами вѣры православнаго народа, не содрогнулся подвергнуть глумленію величайшее изъ Таинствъ, святую Евхаристію. Все сіе проповѣдуетъ графъ Левъ Толстой непрерывно, словомъ и писаніемъ, къ соблазну и ужасу всего православнаго

міра, и тѣмъ не прикровенно, но явно предъ всѣми, сознательно и намѣренно отторгъ себя самъ отъ всякаго общенія съ Церковію Православною. Бывшія же къ его вразумленію попытки не увѣнчались успѣхомъ. Посему Церковь не считаетъ его своимъ членомъ и не можетъ считать, доколѣ онъ не раскается и не возстановитъ своего общенія съ нею. Нынѣ о семъ свидѣтельствуемъ предъ всею Церковію къ утвержденію правостоящихъ и къ вразумленію заблуждающихся, особливо же къ новому вразумленію самого графа Толстого. Многіе изъ ближнихъ его, хранящихъ вѣру, со скорбію помышляютъ о томъ, что онъ, на концѣ дней своихъ остается безъ вѣры въ Бога и Господа Спасителя нашего, отвергшись отъ благословеній и молитвъ Церкви и отъ всякаго общенія съ нею.

Посему, свидѣтельствуя объ отпаденіи его отъ Церкви, вмѣстѣ и молимся, да подастъ ему Господь покаяніе въ разумъ истины (2 Тим. 2, 25). Молимтися, милосердый Господи, не хотяй смерти грѣшныхъ, услыши и помилуй и обрати его ко святой Твоей Церкви. Аминь.

Подлинное подписали:

Смиренный *Антоній*, Митрополитъ С.-Петербургскій и Ладожскій.

Смиренный *Ѳеогностъ*, Митрополитъ Кіевскій и Галицкій.

Смиренный *Владиміръ*, Митрополитъ Московскій и Коломенскій.

Смиренный *Іеронимъ*, Архіепископъ Холмскій и Варшавскій.

Смиренный *Іаковъ*, Епископъ Кишиневскій и Хотинскій.

Смиренный *Маркеллъ* Епископъ.

Смиренный *Борисъ* Епископъ.

V.

Протестъ графини Толстой противъ Синодальнаго опредѣленія.

Толстовскій вопросъ, выдвинутый постановленіемъ Св. Синода, отъ 22 февраля, засвидѣтельствовавшимъ во всеобщее свѣдѣніе фактъ отпаденія графа Льва Николаевича Толстого отъ православной Церкви, скоро же разросся въ цѣлую эпопею... Казалось бы, что ясный, мирный, молитвенносострадающій духовнымъ немощамъ заблудшаго этотъ церковный актъ, преслѣдовавшій одну только нравственную цѣль, и не долженъ бы создавать почвы для злобы и агитаціи, выносящей вопросъ этотъ на площадь, призывающей толпу непризванныхъ судей врываться въ дѣло столь интимной душевной жизни человѣка, какъ религіозныя вѣрованія и догматы Церкви. Но на дѣлѣ вышло иначе.

Посланіе Св. Синода оказалось знаменіемъ пререкаемымъ,—мечемъ раздѣлившимъ все наше мыслящее, такъ называемое интеллигентное общество на два несогласныхъ между собою въ убѣжденіяхъ и взглядахъ лагеря. Люди церковные,или, по крайней мѣрѣ, понимающіе церковную точку зрѣнія, конечно, не затруднились признать въ этомъ постановленіи актъ вполнѣ обоснованный и въ данномъ случаѣ неизбѣжный. Но за то люди либеральнаго и антицерковнаго лагеря, наоборотъ, до крайности возмутились, озлобились на Церковь и іерархію правящую и не находятъ возможности ни понять синодальнаго постановленія, ни примириться съ нимъ.

Въ домашній споръ ввязалась пресса всѣхъ западноевропейскихъ странъ, которая посвятила массу статей „толстовскому дѣлу", съ самыми превратными толками по адресу православія, хотя появились и трезвые голоса съ справедливыми сужденіями о лжи толстовской вѣры и философіи. Такова наша статья англійскаго писателя Кальдерона подъ заглавіемъ: „Лже-Толстой".

Вина въ такой недостойной агитаціи противъ справедливаго акта іерархіи отечественной Церкви грубо ложится всею своею тяжестью на совѣсть самихъ Толстыхъ.

Протестующее нижеслѣдующее письмо графини Толстой было первымъ призывомъ къ этой агитаціи. Препроводивъ письмо это тремъ митрополитамъ и г. Оберъ-Прокурору Св. Синода, графиня Толстая пустила его въ то же время и въ обращеніе „на улицу"... въ гектографированныхъ экземплярахъ оно ходило по рукамъ въ обществѣ. Но этого мало: графиня поспѣшила свой протестъ распространить заграницей, пославъ его тотчасъ же всѣмъ иностраннымъ друзьямъ графа, съ просьбою перевесть письмо и напечатать и непремѣнно *въ самыхъ распространенныхъ* изданіяхъ. Предъ нами лежитъ 13 № (за мартъ) женевскаго листка „Свободная Мысль", издаваемаго толстовцемъ, эмигрантомъ г. Бирюковымъ, гдѣ на 125 стр. находимъ письмо графини Толстой такого содержанія:

...«Посылаю вамъ опредѣленіе Синода объ отлученіи отъ Церкви Льва Николаевича и мое письмо, написанное и посланное уже Побѣдоносцеву и тремъ митрополитамъ. Очень прошу васъ перевести его на французскій языкъ и какъ можно скорѣе отдать въ самыя распространенныя періодическія изданія заграницей. Мы всѣ очень взволнованы и негодуемъ. Большое утѣшеніе находимъ въ сочувствіи людей, посѣщающихъ насъ. Получаемъ телеграммы, письма, поздравленія, адресы съ многими подписями, даже корзины съ живыми цвѣтами...»

Комментаріи излишни*)... На протестъ этотъ данъ достойный отвѣтъ митрополитомъ Антоніемъ, укоризненно отозвались о „протестѣ" и многіе безпристрастные люди изъ того же самого интеллигентнаго общества.

Вотъ это протестующее письмо гр. Толстой и отвѣты на него высокопреосвященнаго митрополита Антонія и людей Церкви.

Письмо графини С. А. Толстой къ митрополиту Антонію.

Ваше высокопреосвященство.

Прочитавъ вчера въ газетахъ жестокое распоряженіе синода объ отлученіи отъ церкви мужа моего, графа Льва Николаевича Толстого, и увидавъ въ числѣ подписей пастырей церкви и вашу подпись, я не могла

*) Мисс. Обозр. іюнь 1901 г. стр. 797—799, статья.

остаться къ этому вполнѣ равнодушной. Горестному негодованію моему нѣтъ предѣловъ. И не съ точки зрѣнія того, что отъ этой бумаги погибнетъ духовно мужъ мой: это не дѣло людей, а дѣло Божіе. Жизнь души человѣческой, съ религіозной точки зрѣнія — никому, кромѣ Бога, невѣдома и, къ счастью, не подвластна. Но съ точки зрѣнія той церкви, къ которой я принадлежу и отъ которой никогда не отступлю,—которая создана Христомъ для благословенія именемъ Божьимъ всѣхъ значительнѣйшихъ моментовъ человѣческой жизни: рожденій, браковъ, смертей, горестей и радостей людскихъ, — которая громко должна провозглашать законъ любви, всепрощенія, любовь къ врагамъ, къ ненавидящимъ насъ, молиться за всѣхъ,—съ этой точки зрѣнія, для меня непостижимо распоряженіе сѵнода.

Оно вызоветъ не сочувствіе (развѣ только „Моск. Вѣдомостей“), а негодованіе въ людяхъ и большую любовь и сочувствіе Льву Николаевичу. Уже мы получаемъ такія изъявленія и имъ не будетъ конца отъ всего міра.

Не могу не упомянуть еще о горѣ, испытанномъ мною отъ той безсмыслицы, о которой я слышала раньше, а именно: о секретномъ распоряженіи сѵнода священникамъ не отпѣвать въ церкви Льва Николаевича, въ случаѣ его смерти.

Кого же хотятъ наказывать? — умершаго, не чувствующаго уже ничего, человѣка, или окружающихъ его, вѣрующихъ и близкихъ ему людей? Если это угроза, то кому и чему?

Неужели для того, чтобы отпѣвать моего мужа и молиться за него въ церкви, я не найду—или такого порядочнаго священника, который не побоится людей передъ настоящимъ Богомъ любви, или „не“ порядочнаго, котораго я подкуплю большими деньгами для этой цѣли?

Но мнѣ этого и не нужно. Для меня церковь есть понятіе отвлеченное, и служителями ея я признаю только тѣхъ, кто истинно понимаетъ значеніе церкви.

Если же признать церковью людей, дерзающихъ своей злобой нарушать высшій законъ—любовь Христа, то давно бы всѣ мы, истинно вѣрующіе и посѣщающіе церковь, ушли бы отъ нея.

И виновны въ грѣшныхъ отступленіяхъ отъ церкви—

не заблудившіеся люди, а тѣ, которые гордо признали себя во главѣ ея, и, вмѣсто любви, смиренія и всепрощенія, стали духовными палачами тѣхъ, кого вѣрнѣе проститъ Богъ за ихъ смиренную, полную отреченія отъ земныхъ благъ, любви и помощи людямъ, жизнь, хотя и внѣ церкви, чѣмъ носящихъ бриллiантовыя митры и звѣзды, но карающихъ и отлучающихъ отъ церкви— пастырей ея.

Опровергнуть мои слова лицемѣрными доводами— легко. Но глубокое пониманіе истины и настоящихъ намѣреній людей—никого не обманетъ.

Графиня Софія *Толстая.*

26 Февраля 1901 г.

Отвѣтъ митрополита Антонія.

Милостивая государыня,
Графиня Софія Андреевна.

Не то жестоко, что сдѣлалъ Синодъ, объявивъ объ отпаденіи отъ Церкви вашего мужа, а жестоко то, что самъ онъ съ собой сдѣлалъ, отрекшись отъ вѣры въ Іисуса Христа, Сына Бога живаго, Искупителя и Спасителя нашего. На это-то отреченіе и слѣдовало давно излиться вашему горестному негодованію. И не отъ клочка, конечно, печатной бумаги гибнетъ мужъ вашъ, а отъ того, что отвратился отъ Источника жизни вѣчной. Для христіанина не мыслима жизнь безъ Христа, по словамъ Котораго „вѣрующій“ въ Него имѣетъ жизнь вѣчную и переходитъ отъ смерти въ жизнь, а „невѣрующій не увидитъ жизни, но гнѣвъ Божій пребываетъ въ немъ“ (Іоан. III, 15, 16, 36, V, 24), и потому объ отрекающемся отъ Христа одно только и можно сказать, что онъ перешелъ отъ жизни въ смерть. Въ этомъ и состоитъ гибель вашего мужа, но въ этой гибели повиненъ только онъ самъ одинъ, а не кто-либо другой.

Изъ вѣрующихъ во Христа состоитъ Церковь, къ которой вы себя считаете принадлежащей, и для вѣрующихъ, для членовъ своихъ Церковь эта благословляетъ именемъ Божіимъ всѣ значительнѣйшіе моменты человѣческой жизни: рожденій, браковъ, смертей, го-

рестей и радостей людскихъ, но никогда не дѣлаетъ она этого и не можетъ дѣлать для невѣрующихъ, для язычниковъ, для хулящихъ имя Божіе, для отрекшихся отъ нея и не желающихъ получать отъ нея ни молитвъ, ни благословеній, и вообще для всѣхъ тѣхъ, которые не суть члены ея. И потому съ точки зрѣнія этой Церкви распоряженіе Сѵнода вполнѣ постижимо, понятно и ясно, какъ Божій день. И законъ любви и всепрощенія этимъ ничуть не нарушается. Любовь Божія безконечна, но и Она прощаетъ не всѣхъ и не за все. Хула на Духа Святаго не прощается ни въ сей, ни въ будущей жизни (Мѳ. XII, 32). Господь всегда ищетъ человѣка Своею любовію, но человѣкъ иногда не хочетъ идти на встрѣчу этой любви и бѣжитъ отъ Лица Божія, а потому и погибаетъ. Христосъ молился на крестѣ за враговъ Своихъ, но и Онъ въ Своей первосвященнической молитвѣ изрекъ горькое для любви Его слово, что погибъ сынъ погибельный (Іоанн. XVII, 12). О вашемъ мужѣ, пока живъ онъ, нельзя еще сказать, что онъ погибъ, но совершенная правда сказана о немъ, что онъ отъ Церкви отпалъ и не состоитъ ея членомъ, пока не покается и не возсоединится съ нею.

Въ своемъ посланіи, говоря объ этомъ, Сѵнодъ засвидѣтельствовалъ лишь существующій фактъ, и потому негодовать на него могутъ только тѣ, которые не разумѣютъ, что творятъ. Вы получаете выраженія сочувствія отъ всего міра. Не удивляюсь сему, но думаю, что утѣшаться вамъ тутъ нечѣмъ. Есть слава человѣческая и есть слава Божія. „Слава человѣческая какъ цвѣтъ на травѣ: засохла трава, и цвѣтъ ея отпалъ, но слово Господне пребываетъ во вѣкъ" (I Петр. I. 24, 25).

Когда въ прошломъ году газеты разнесли вѣсть о болѣзни графа, то для священнослужителей во всей силѣ всталъ вопросъ: слѣдуетъ ли его, отпавшаго отъ вѣры и Церкви, удостоивать христіанскаго погребенія и молитвъ? Послѣдовали обращенія къ Сѵноду, и онъ въ руководство священнослужителямъ секретно далъ и могъ дать только одинъ отвѣтъ: не слѣдуетъ, если умретъ, не возстановивъ своего общенія съ Церковію. Никому тутъ никакой угрозы нѣтъ, и иного отвѣта быть не могло. И я не думаю, чтобы нашелся какой-нибудь, даже не порядочный священникъ, который бы рѣшился совершить надъ графомъ христіанское погребеніе, а если

бы и совершилъ, то такое погребеніе надъ невѣрующимъ было бы преступной профанаціей священнаго обряда. Да и зачѣмъ творить насиліе надъ мужемъ вашимъ? Вѣдь, безъ сомнѣнія, онъ самъ не желаетъ совершенія надъ нимъ христіанскаго погребенія?

Разъ вы—живой человѣкъ, хотите считать себя членомъ Церкви, и она дѣйствительно есть союзъ живыхъ разумныхъ существъ во имя Бога живаго, то ужъ падаетъ само собою ваше заявленіе, что Церковь для васъ есть понятіе отвлеченное. И напрасно вы упрекаете служителей Церкви въ злобѣ и нарушеніи высшаго закона любви, Христомъ заповѣданной. Въ сѵнодальномъ актѣ нарушенія этого закона нѣтъ. Это, напротивъ есть актъ любви, актъ призыва мужа вашего къ возврату въ Церковь и вѣрующихъ къ молитвѣ о немъ.

Пастырей Церкви поставляетъ Господь, а не сами они гордо, какъ вы говорите, признали себя во главѣ ея. Носятъ они брилліантовыя митры и звѣзды, но это въ ихъ служеніи совсѣмъ не существенное. Оставались они пастырями, одѣвались и въ рубище, гонимые и преслѣдуемые, останутся таковыми и всегда, хотя бы и въ рубище пришлось имъ опять одѣться, какъ бы ихъ ни хулили, и какими бы презрительными словами ни обзывали.

Въ заключеніе прошу прощенія, что не сразу вамъ отвѣтилъ. Я ожидалъ, пока пройдетъ первый, острый порывъ вашего огорченія.

Благослови васъ Господь и храни, и графа—мужа вашего—помилуй!

Антоній, митрополитъ С.-Петербургскій.

1901.
Марта 16.

Открытое письмо православнаго къ графинѣ С. А. Толстой.

Милостивѣшая Государыня.
графиня Софья Андреевна!

Сегодня [1]) въ вагонѣ желѣзной дороги одинъ мальчикъ-гимназистъ любезно предложилъ мнѣ прочитать копію съ письма вашего К. П. Побѣдоносцеву, по поводу отлученія вашего мужа отъ общенія съ православною Церковію. Если письмо, адресованное на имя г. Оберъ-Прокурора Св. Синода въ копіи свободно ходитъ по рукамъ, то ясно, что оно—открытое письмо, и на него вправѣ каждый читатель откликнуться. Позвольте же и мнѣ, какъ одному изъ такихъ читателей, высказать откровенно то, что думаю я—и надѣюсь—не одинъ, а всѣ мы, православные русскіе люди, вѣрные завѣтамъ своей матери Церкви.

Простите, графиня, что письмо ваше производитъ первое же впечатлѣніе очень невыгодное. Видно, что вы писали его подъ живымъ впечатлѣніемъ прочитаннаго въ газетахъ опредѣленія Св. Синода и не имѣли времени лучше обдумать то, что пишете. Иначе вы были бы осторожнѣе. Вы пишете:

„К. П—чъ, вы не могли, конечно, думать, что прочитавъ сегодня въ газетахъ жестокое распоряженіе Синода съ подписями пастырей Церкви объ отлученіи мужа моего графа Л. Н. Толстого, я останусь вполнѣ къ этому равнодушна. Горестному негодованію моему нѣтъ предѣловъ“...

Но позвольте, графиня: что такое случилось? Развѣ вы до сегодня, до дня этого опубликованія синодальнаго опредѣленія, вовсе не знали, чему учитъ, что пишетъ и печатаетъ за границей вашъ супругъ? Вѣдь онъ ниспровергаетъ всѣ догматы православной Церкви, ругается надъ самыми священными предметами вѣры православной, ужасно кощунствуетъ надъ святѣйшимъ таинствомъ Божественнаго Причащенія, не говоря уже

---

[1]) Письмо это написано и послано граф. Толстой ранѣе извѣстнаго отвѣта высокопреосвященнѣйшаго Антонія, митрополита С.-Петербургскаго. Разбираемое авторомъ письмо графини, очевидно адресовано было на имя г. Оберъ-Прокурора Св. Синода, но оно тождественно съ первымъ.

о другихъ святыняхъ, — прямо говоритъ, что послѣ земной жизни его ничто не ожидаетъ, кромѣ уничтоженія, слѣдовательно отвергаетъ будущую жизнь, что всякая вѣра есть глупость, а въ вѣрѣ православной одно лицемѣріе, корысть поповъ и слабоуміе тѣхъ, кто имъ вѣритъ, что вѣра православная есть ложь и обманъ, что Церкви никакой нѣтъ, и всѣ вѣрующіе глупцы. Ужели вы, графиня, ничего этого не знали, не читали и не подозрѣвали? Скажите же, положа руку на сердце: что осталось послѣ всего этого общаго между вашимъ мужемъ и православною Церковію? Не отлучилъ ли онъ самъ себя раньше всякаго отлученія отъ Церкви? Почему же онъ *можетъ* всячески поносить Церковь, издѣваться надъ нею и ея сватынями, кощунствовать, оскорблять совѣсть вѣрующихъ и смущать ихъ своимъ лжеученіемъ, а Церковь, въ лицѣ своихъ архипастырей, которые обязаны охранять свое стадо отъ волковъ, не *можетъ* сказать спокойно своимъ вѣрнымъ чадамъ: берегитесь Толстого, онъ самъ себя отлучилъ отъ Церкви, онъ ее поноситъ, онъ богохульствуетъ и страшно грѣшитъ передъ Богомъ грѣхомъ хулы на Духа Святаго. Полагаемъ, что ни вы, ни самъ графъ, супругъ вашъ, не согласились бы признать за нимъ такое исключительное право на всякое отрицаніе, на поношеніе Церкви, лишивъ права поносимую имъ Церковь сказать просто своимъ чадамъ: онъ вышелъ изъ послушанія мнѣ, не слушайте его... Вѣдь это значило бы признать графа безгрѣшнѣе самого папы римскаго. Итакъ, скоро ли, долго ли, надобно было ожидать, что православная Церковь подастъ, наконецъ, голосъ по поводу тѣхъ хуленій, какія распространяетъ о ней графъ Толстой. Это ея право, ея святая обязанность. Если это кажется для васъ неожиданнымъ, то приходится только удивляться вашей недальновидности и негодовать на то, что Церковь спокойно, въ духѣ любви, сдѣлала предостереженіе своимъ чадамъ отъ заблужденій, какія распространяетъ вашъ мужъ, что она открыто объявила предъ цѣлымъ свѣтомъ, что онъ прервалъ съ нею всякое общеніе, что *поэтому* и она не считаетъ его своимъ членомъ, что она приглашаетъ всѣхъ вѣрующихъ даже къ молитвѣ, чтобы Господь вразумилъ вашего мужа—негодовать на это... простите: по меньшей мѣрѣ непонятно...

„И не съ точки зрѣнія того, пишете вы дальше, что отъ этого погибаетъ духовно мой мужъ. Это не дѣло людей, а дѣло Божіе“...

Что погибаетъ человѣкъ — это не дѣло Божіе, а дѣло сатаны, графиня. Богъ не хочетъ даже смерти грѣшника, не только его погибели. Не хочетъ онъ погибели и вашего мужа, но помните: Богъ никого и насильно не спасаетъ. Аще не покаетеся, вси погибнете, гласитъ его святая правда.

Но простите, графиня, одинъ вопросъ: какъ вы вѣруете? Вѣруете ли во всей потнотѣ Святому Евангелію и всему, что заключено въ словѣ Божіемъ? Вѣдь если вы держитесь на Священное Писаніе тѣхъ воззрѣній, какія проповѣдуетъ вашъ мужъ, то безполезно и говорить съ вами на этой почвѣ. Но тогда—о какой же „духовной погибели“ вы говорите? Вѣдь „духъ“ можетъ не погибнуть только въ „жизни будущаго вѣка“, въ которую мы вѣруетъ, а вашъ мужъ не вѣруетъ: такъ или иначе, но по его воззрѣнію, духъ исчезаетъ въ моментъ смерти какъ паръ, какъ дымъ, — воззрѣніе не новое: его держались безбожники еще во времена царя Соломона.

„Съ религіозной точки зрѣнія той Церкви, пишите вы, къ которой я принадлежу и отъ которой никогда не отступлю, которая создана Христомъ для благословенія именемъ Божіимъ всѣхъ значительнѣйшихъ моментовъ человѣческой жизни: рожденій, браковъ, смертей, горестей и радостей; которая громко должна провозглашать законъ любви, всепрощенія, любовь къ врагамъ, къ ненавидящимъ насъ, молиться за всѣхъ“...

Простите, графиня, здѣсь остановлюсь. Нѣсколько строкъ дальше вы говорите: „Для меня Церковь есть понятіе отвлеченное“. Какъ же это? Вы, значитъ, принадлежите къ „отвлеченному понятію“? Какимъ же это образомъ „отвлеченное понятіе“ именемъ Божіимъ благословляетъ всѣ важнѣйшіе моменты человѣческой жизни? Какимъ образомъ „отвлеченное понятіе“ „должно громко провозглашать законъ любви, всепрощенія, любви къ врагамъ, ненавидящимъ насъ, молиться за всѣхъ“? „Отвлеченное понятіе“ должно „молиться за всѣхъ“?!.. Не отрицайтесь, графиня, это вѣдь ваши собственныя слова. Вы говорите, что Церковь, къ которой вы принадлежите, должна молиться за враговъ, и вы же

говорите, что для васъ „Церковь есть отвлеченное понятіе“... Видимо, вы спустились: для насъ Церковь есть общество вѣрующихъ, соединенныхъ единствомъ вѣры, таинствъ и священноначалія, или іерархіи. Такъ, Церковь *можетъ* молиться за враговъ и приглашаетъ въ посланіи Св. Синода къ молитвѣ за вашего мужа. А „отвлеченное понятіе“, какъ угодно, не можетъ молиться ни за кого...

„Съ этой точки зрѣнія, говорите вы, для меня непостижимо распоряженіе Синода“.

Не распоряженіе, графиня, а *простое* заявленіе Синода, что вашъ мужъ пересталъ быть православнымъ христіаниномъ.

„Оно вызоветъ, продолжаете вы, не сочувствіе, а негодованіе въ людяхъ (какихъ это людяхъ? православныхъ или ни во что не вѣрующихъ)? и большую любовь и сочувствіе къ Льву Николаевичу. Уже мы получаемъ (это въ первый же день, какъ только вы прочитали посланіе и пишите *тотчасъ* это письмо?—Позвольте сомнѣваться) такія изъявленія, и имъ небудетъ конца со всѣхъ сторонъ міра“.

Все это можетъ быть. Можетъ быть, что вамъ и будутъ присылать такія „изъявленія“ со всѣхъ концовъ міра. Мы живемъ въ такой вѣкъ, когда тайна беззаконія дѣется, когда „отступленіе“, предреченное апостоломъ Павломъ, идетъ быстрыми шагами. Что мудреннаго, если всѣ сіи отступники выражаютъ вамъ „сочувствіе и любовь“? И особенно это понятно, если „сочувствіе“ идетъ со стороны нашихъ полуобразованныхъ интеллигентовъ, людей, давно оторвавшихся отъ Церкви, и еще болѣе понятно, если отъ людей, живущихъ въ „разныхъ странахъ міра“: извѣсто, что живущіе въ „разныхъ странахъ міра“ большею частію люди неправославные, для которыхъ православная Церковь ничто... Вѣдь все это представители міра, Христу враждебнаго, міра, который Христа ненавидитъ (Іоан. 15, 18).

Дальше вы пишете: „Не могу не упомянуть еще о томъ горѣ, испытанномъ мною отъ той безсмыслицы, о которой я слышала раньше, а именно—о секретномъ распоряженіи Синода священникамъ не отпѣвать въ Церкви Льва Николаевича въ случаѣ его смерти. Кого хотятъ наказать? Умершаго, нечувствующаго уже ни

чего человѣка, или окружающихъ его вѣрующихъ, близкихъ ему людей? Если распоряженіе Синода угроза, то кому и чему?"

Но позвольте, графиня: душа-то умершаго будетъ что-нибудь чувствовать и сознавать, или нѣтъ? О ней-то вы забыли, или, какъ самъ супругъ вашъ, не вѣрите въ загробную жизнь? Но тогда о чемъ же вы хлопочете? О чемъ безпокоитесь?

Вѣдь если духъ вашего супруга исчезнетъ вмѣстѣ съ послѣднимъ его дыханіемъ и тамъ, за гробомъ, ничего не будетъ, то какой же смыслъ будетъ имѣть молитва о немъ? Вотъ это и будетъ съ *вашей* точки зрѣнія полная „безсмыслица". Вѣдь если говорить о молитвѣ за умершаго, то можно говорить только съ нашей, а не съ вашей точки зрѣнія. Съ нашей точки зрѣнія это, конечно, угроза, и угроза страшная: душа отшедшаго сама себѣ помочь не можетъ, и если есть какая надежда на спасеніе, то надежда на молитвы Церкви. Но сіи молитвы помогаютъ только той душѣ, которая вѣровала въ сей жизни въ силу сихъ молитвъ, а вашъ мужъ не вѣруетъ: для него онѣ безполезны. Да и желаетъ ли онъ ихъ? Нѣтъ сомнѣнія, что не желаетъ, а въ такомъ случаѣ надгробное пѣніе надъ вашимъ мужемъ было бы съ *его* точки зрѣнія *насиліемъ*, а съ *нашей*—кощунствомъ...

„Неужели вы думаете, пишете вы, если я захочу отпѣвать моего мужа послѣ его смерти и молиться за него въ Церкви, я не найду или такого порядочнаго священника, который бы не побоялся людей предъ настоящимъ Богомъ любви (вѣдайте, графиня: никакой „порядочный" священникъ не послушался бы васъ больше, чѣмъ Христа, Который сказалъ апостоламъ и всѣмъ Его преемникамъ: *слушаяй васъ Меня слушаетъ, и отметаяйся васъ Мене отметается*, (Лук. 10, 16), или непорядочнаго, котораго я купила бы большими деньгами для этой цѣли?"

И не стыдно вамъ, графиня, говоритъ это?... Ужели вы могли бы вѣрить искренно такой „купленной" молитвѣ?...

„Но этого мнѣ не нужно, говорите вы. Для меня Церковь есть понятіе отвлеченное и служителями ея (отвлеченнаго то понятія?) я признаю только тѣхъ, кто истинно понимаетъ значеніе Церкви (понятія отвлечен-

наго?) Если же признать Церковью людей, дерзающихъ разрушать своею злобою высшій законъ любви Христа"...

Остановитесь, графиня. Во-первыхъ, помните, если когда нибудь вы учили нашъ катихизисъ, что Церковь не есть только люди, но собраніе вѣрующихъ во Христа, соединенныхъ единствомъ вѣры, таинствами и іерархіею, а во-вторыхъ, что за странныя понятія! Это люди, о которыхъ вы говорите, то есть члены нашего Святѣйшаго Сѵнода, приглашаютъ молиться за вашего мужа; ну какая же тутъ *злоба*? Вѣдь, наконецъ, надо же вамъ и совѣсти послушать!..

„То давно бы всѣ мы, истинно вѣрующіе (такъ ли, графиня: *истинно* ли вы вѣруете?), посѣщающіе Церковь (давно ли вы были въ Церкви?), ушли отъ нея. И виноваты въ грѣшныхъ отступленіяхъ отъ Церкви не заблудившіеся люди, а тѣ, которые гордо признали себя во главѣ ея".

Всякій православный хорошо знаетъ, что это ложь и клевета на нашихъ пастырей и архипастырей. Всякій знаетъ, что они, избранные законнымъ образомъ на свое служеніе, воспріемлютъ отъ Духа Святаго благодатную власть вязать и рѣшить въ таинствѣ священства. Конечно, для вашего мужа, а если вы съ нимъ согласны, то и для васъ, нѣтъ такого таинства, но для насъ, православныхъ, оно есть, и наши пастыри и архипастыри не самолично, не гордо, какъ вы выражаетесь, взяли на себя тяжелое бремя архипастырскаго служенія, а за святое послушаніе.

„...и вмѣсто любви и смиренія и всепрощенія стали духовными палачами"...

Но позвольте: вы все говорите о любви, смиреніи и всепрощеніи, а совсѣмъ забываете, что Богъ любви есть вмѣстѣ и Богъ отмщеній? Забываете, что на Страшномъ судѣ Своемъ речетъ Господь Іисусъ Христосъ такимъ хулителямъ, какъ вашъ мужъ, если онъ не покается, *идите отъ Мене, проклятіи, во огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеломъ его?* И Богъ не все и всѣмъ прощаетъ, а только кающимся.

„...стали палачами тѣхъ, кого скорѣе проститъ Богъ, пишете вы, за ихъ чистую, смиренную (охъ—такъ ли? *смиренную* ли?) полную любви и помощи ближнимъ жизнь, хотя и внѣ Церкви"...

Сомнительно, графиня, проститъ ли... По крайней

мѣрѣ, Христосъ Спаситель ясно говоритъ въ Евангеліи: кто Церкви не слушаетъ, тотъ пусть будетъ для тебя какъ язычникъ и Мытарь... Слушающій васъ (апостоловъ и ихъ преемниковъ) Мене слушаетъ, и отметающійся васъ Мене отметается. Стало быть, внѣ Церкви, внѣ послушанія пастырямъ Церкви нѣтъ и общенія со Христомъ, нѣтъ и спасенія.

„...чѣмъ носящимъ брилліантовыя митры и звѣзды"...

Не хорошо, графиня, упрекать людей въ томъ, въ чемъ лично они нимало не повинны. Вѣдь эти митры и звѣзды, не современными пастырями измышленны и на себя навѣшаны, вѣдь это даръ любви и уваженія, принесенный ихъ сану во времена давно минувшія, когда такихъ, какъ мужъ вашъ, мыслителей не было... Да и не въ митрахъ и звѣздахъ суть. Наши пастыри и безъ этого останутся преемниками апостоловъ, носителями ключей царства небеснаго...

„Но карающихъ и отлучающихъ отъ Церкви пастырей ея"...

Нѣтъ надобности повторять: кто отлучилъ вашего мужа отъ Церкви: пастыри ли Церкви, или онъ самъ? Пастыри только установили фактъ его самовольнаго отлученія отъ Церкви.

Вы заключаете свое письмо такъ: „отвергнуть мои слова лицемѣрными доводами легко, но глубокое пониманіе истины и настоящихъ намѣреній людей никого не обманетъ".

Графиня! Есть мѣра всему. Милліоны православныхъ вѣрующихъ глубоко оскорблены въ своихъ чувствахъ вашимъ мужемъ. Ихъ совѣсть, ихъ нравственное чувство требовало, чтобы представители Церкви сказали, наконецъ, свое вѣское для нихъ слово... Это слово, слава Богу, сказано. Вѣрующее сердце вздохнуло свободно. Церковь болѣе не считаетъ сво-имъ членомъ человѣка, который доселѣ смущалъ совѣсть вѣрующихъ. Сыны Церкви теперь могутъ спокойно сказать: мало ли было еретиковъ и въ древнія времена? Гр. Толстой — единъ отъ нихъ. И ничего онъ новаго не говоритъ, чего не говорили бы древніе ересіархи. Онъ сочинилъ свое собственное евангеліе, онъ не хочетъ знать Евангелія, Церковью отъ апостоловъ принятаго, онъ на самихъ апостоловъ, напримѣръ, на св. Павла, возводитъ обвиненіе, будто сей апостолъ, величайшій изъ апостоловъ,

исказилъ ученіе Христово... Поэтому онъ самъ себя подвелъ подъ ту грозную анаѳему, которую можете прочитать въ посланіи апостола Павла къ Галатамъ, въ первой главѣ. Подумайте, графиня, и о своемъ положеніи. Совершенно напрасно пытаетесь вы стать на почву христіанскихъ воззрѣній, защищая своего мужа. Онъ пересталъ быть христіаниномъ. Если вы съ нимъ единомысленны, то и вы подлежите тому же осужденію. Да сохранитъ васъ Богъ отъ сего ужаснаго осужденія. Богъ поругаемъ не бываетъ. Хула на Духа Святаго, упорное сопротивленіе истинѣ, грѣхъ противъ Церкви, которой Христосъ вручилъ Свою власть вязать и рѣшить, не простится... Слѣдуя заповѣди Церкви, выраженной въ посланіи нашего Святѣйшаго Правительствующаго Синода, мы молимся о вразумленіи несчастнаго, обуреваемаго духомъ гордыни, раба Льва, молимся и о васъ, графиня, да просвѣтитъ васъ Господь, да познаете всю глубину той бездны, которая открыта предъ вами, если вы раздѣляете ложныя мудрованія вашего супруга. Оставьте мечту, будто можно еще говорить о „христіанствѣ“ вашего супруга. Онъ пересталъ быть христіаниномъ. Если хотите остаться сами христіанкой, то примите со смиреніемъ опредѣленіе Синода и присоединитесь къ намъ въ молитвахъ за вашего несчастнаго, хотя для всѣхъ насъ дорогого, мужа *)...

Православный.

---

*) Мис. Обозр. 1902 г. Май. 652—659.

По прочтеніи письма графини С. А. Толстой.

По прочтеніи опубликованнаго письма графини Толстой къ высокопреосвященному митрополиту Антонію, отъ 26 февр. с. г., и его отвѣта, отъ 16 марта, я, какъ членъ Церкви, считаю себя въ правѣ отнестись съ порицаніемъ къ написанному графиней. Въ этомъ письмѣ высказались все ея невѣдѣніе, вся скудость религіознаго образованія ея; но кромѣ того она крайне заблуждается, думая, что актъ Святѣйшаго Синода по отношенію къ мужу ея вызоветъ негодованіе во многихъ. Напротивъ, всякій не отщепенецъ отъ вѣры православной, хотя и грѣшникъ, отъ нихъ же первый есмь азъ, получилъ чувство удовлетворенія отъ сознанія того, что стоящіе на стражѣ православія и церковнаго благочинія, въ широкомъ значеніи этого слова, отсѣкаютъ непотребный членъ отъ стада Христова въ устраненіе того, чтобы и другіе пасомые не соблазнились. Слѣдовательно, отдѣльные случаи несочувствія и негодованія къ этому законному и справедливому дѣянію собора архипастырей нашей св. Церкви есть только знаменіе того, что Толстой, къ большимъ слезамъ матери-Церкви, не одинъ, а таковыхъ, можетъ быть, и много. Что дѣлать, по нивѣ Божіей отъ древняго вѣка бродитъ князь міра, собирая жатву свою, но стражи должны - по возможности исторгать злое сѣмя, дабы не заражалось и все поле; наступитъ еще тягчайшее время, когда силѣ князя міра трудно будетъ противостоять. Кто постигнетъ, кто познаетъ это грядущее.

Смѣшно желаніе графини, и изъ какого источника истекаетъ оно: понадобилось ей непремѣнно, по кончинѣ мужа, отпѣваніе тѣла его священникомъ въ храмѣ. На что это нужно такому человѣку, какъ Левъ Николаевичъ? Для глазъ свѣта, для людей, чтобы не оставались на вѣкъ памятными въ потомствѣ черные годы осужденной Церковью дѣятельности умершаго? Но вѣдь такое желаніе есть тоже проявленіе кощунства? А это угроза подкупа священника? Тутъ уже приходится только руками развести и недоумѣвать: хорошо же понятіе у графини о содержаніи, значеніи и цѣли обряда и отпѣванія умершихъ. Такъ сосудъ скудельный, долго надержанный пахучимъ содержимымъ, самъ уже отъ

себя, отъ своихъ краевъ начинаетъ издавать тотъ же ароматъ или смрадъ... Если мужъ своими вліяніемъ и примѣромъ увлекъ въ соблазнъ протеста (столь впрочемъ по содержанію своему жалкаго) жену свою, то, какъ знаменитый писатель, разливая въ твореніяхъ своихъ ядъ заманчивый и обольстительный, онъ увлечетъ и отравитъ много и много нестойкихъ умовъ, склонныхъ къ глумленію, кощунству и къ отрицанію. Хорошо и умѣстно по поводу сейчасъ сказаннаго вспомнить басню Крылова о разбойникѣ и писателѣ, попавшихъ въ адъ: адскій костеръ подъ разбойникомъ давно потухъ, потому что разбойникъ отнялъ у убитаго имъ лишь нѣсколько лѣтъ жизни, и съ кончиною разбойника кончились и злодѣянія его; но вотъ отъ яда вреднѣйшаго по направленію писателя зло широко разлилось по свѣту и до сихъ поръ расплывается по лицу земли, а потому и костеръ подъ этимъ писателемъ не потухаетъ, но еще болѣе и болѣе разгорается.

Графиня Толстая всею своею выходкой съ письмомъ живо напомнила намъ ту библейскую женщину, нетерпѣливую и азартную, которая въ истерическомъ порывѣ просила мужа своего изречь хулу предъ лицомъ Бога и умереть. Жаль, что супругъ-то графини Левъ Николаевичъ ни мало не похожъ на многострадальнаго праведника Іова. А жены ихъ, право, подобны другъ другу въ томъ отношеніи, что ни та, ни другая не потщились влить въ сердце мужей утѣшеніе въ скорбяхъ ихъ, не призывали ихъ смириться предъ попущеніемъ Божіимъ, не брали на себя желанія раздѣлить несчастія мужей; напротивъ, одна вызывала мужа на хулу предъ Богомъ, а другая по поводу хулы мужа повела какой-то лепетъ о брильянтахъ и звѣздахъ; право, здѣсь въ послѣдней рѣчи слышится что-то крайне мѣщанское!

Оканчивая нашъ бѣглую замѣтку на неумѣстное письмо графини, по существу нескромное для автора и обидное для читателя православнаго, остается только преклониться предъ методичностію въ дѣйствіяхъ Св. Синода. Предварительно Св. Синодъ обращался къ „еретику-человѣку съ неоднократнымъ наказаніемъ“, т. е. увѣщаніемъ, наставленіемъ; но эти наказанія не коснулись души, глубоко падшей въ тину ожесточеннаго отрицанія, и тогда только Св. Синодъ „повѣдалъ всѣмъ

братьямъ Церкви“ объ отпаденіи одного изъ членовъ ея, а за тѣмъ и остановился въ дальнѣйшихъ мѣропріятіяхъ своихъ, ожидая покорности со стороны непослушнаго брата, а въ концѣ концовъ, если неправый, а тѣмъ болѣе вредный, не изберетъ пути праваго, то, конечно, св. Церкви придется признать въ Львѣ Николаевичѣ язычника и „мытаря“.

Въ заключеніе не можемъ удержаться, чтобы не вспомнить самимъ же яснополянскимъ отступникомъ написанное поучительнѣйшее именно для него же самого произведеніе „Власть тьмы“, гдѣ „мудрость міра сего находитъ себѣ осмѣяніе, а высокое и великое открывается младенцамъ“; пусть графъ Толстой вспомнитъ выведеннаго въ этой драмѣ мужичка Акима, простота котораго соединяется съ удивительнымъ величіемъ христіанина; преступный сынъ его Никита проситъ во имя Христа прощенія у отца своего въ совершенныхъ злодѣяніяхъ, и христіанинъ—простецъ съ умиленіемъ спѣшитъ отвѣтить преступному сыну: „Богъ проститъ;—Себя не пожалѣлъ, Онъ тебя пожалѣетъ,—Богъ-то, Богъ-то! Онъ—во!“ Какое въ этомъ простецѣ упованіе, какая вѣра въ Спасителя Христа. О, если бы такое же покаянное дерзновеніе ко Христу осѣнило и грѣшную душу великаго творца этого типа 1).

Московскій врачъ Ѳ. Н.

Москва 30 мая **1901 г.**

---

1) Мисс. Обозр. 1901 г. кн. Іюль-Августъ 96—99

VI.

Отвѣтъ на постановленіе Синода отъ 20—22 февраля и на полученныя мною по этому поводу письма.

He who begins by loving Christianity better than truth, very soon proceeds to love his own church or sect better than Christianity and ends in loving himself better than all.

Coleridge.

Я не хотѣлъ сначала отвѣчать на постановленіе обо мнѣ Синода, но постановленіе это вызвало очень много писемъ, въ которыхъ неизвѣстные мнѣ корреспонденты — одни бранятъ меня за то, что я отвергаю то, чего я не отвергаю, другіе увѣщеваютъ меня повѣрить въ то, во что я не переставалъ вѣрить, и третьи выражаютъ со мной единомысліе, которое въ дѣйствительности едвали существуетъ, и сочувствіе, на которое я едвали имѣю право; и я рѣшилъ отвѣтить и на самое постановленіе, указавъ на то, что въ немъ несправедливо, и на обращеніе ко мнѣ моихъ неизвѣстныхъ корреспондентовъ.

Постановленіе Синода вообще имѣетъ много недостатковъ. Оно незаконно, или умышленно-двусмысленно, оно произвольно, неосновательно, неправдиво и кромѣ того содержитъ въ себѣ клевету и подстрекательство къ дурнымъ чувствамъ и поступкамъ.

Оно незаконно или умышленно-двусмысленно потому, что если оно хочетъ быть отлученіемъ отъ Церкви, то оно не удовлетворяетъ тѣмъ церковнымъ правиламъ, по которымъ можетъ произноситься такое отлученіе; если же это есть заявленіе о томъ, кто не вѣритъ въ Церковь и ея догматы, не принадлежитъ къ ней, то это само собой разумѣется и такое заявленіе не можетъ имѣть никакой другой цѣли, какъ только ту, чтобы, не будучи въ сущности отлученіемъ, оно бы казалось

таковымъ, что собственно случилось, потому что оно такъ и было понято. Оно произвольно, потому что обвиняетъ одного меня въ невѣріи во всѣ пункты, выписанные въ постановленіи, тогда какъ не только многіе, но почти всѣ образованные люди раздѣляютъ такое невѣріе и безпрестанно выражали и выражаютъ его и въ разговорахъ, и въ чтеніи, и въ брошюрахъ, и въ книгахъ.

Оно неосновательно потому, что главнымъ поводомъ своего появленія выставляется большое распространеніе моего совращающаго людей лжеученія, тогда какъ мнѣ хорошо извѣстно, что людей, раздѣляющихъ мои взгляды, едвали есть сотня, и распространеніе моихъ писаній о религіи, благодаря цензурѣ, такъ ничтожно, что большинство людей, прочитавшихъ постановленіе Синода, не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что мною писано о религіи, какъ это видно изъ полученныхъ мною писемъ.

Оно содержитъ въ себѣ явную неправду, такъ какъ въ немъ сказано, что со стороны Церкви были сдѣланы относительно меня не увѣнчавшіяся успѣхомъ попытки вразумленія. Ничего подобнаго никогда не было.

Оно представляетъ изъ себя то, что на юридическомъ языкѣ называется клеветой, такъ какъ въ немъ заключаются завѣдомо несправедливыя, клонящіяся къ моему вреду утвержденія.

Оно есть, наконецъ, подстрекательство къ дурнымъ чувствамъ и поступкамъ, такъ какъ вызвало, какъ и должно было ожидать, въ людяхъ непросвѣщенныхъ и неразсуждающихъ озлобленіе и ненависть ко мнѣ, доходящія до угрозъ убійства и высказываемыя въ получаемыхъ мною письмахъ. „Теперь ты преданъ анаѳемѣ и пойдешь по смерти въ вѣчное мученіе и издохнешь, какъ собака... анаѳема ты, старый чортъ... будь проклятъ!!“—пишетъ одинъ. Другой дѣлаетъ упреки правительству за то, что я не заключенъ еще въ монастырь, и наполняетъ письмо ругательствами. Третій пишетъ: „Если правительство не уберетъ тебя, мы сами заставимъ тебя замолчать“. Письмо кончается проклятіями. „Чтобы уничтожить прохвоста тебя“, пишетъ четвертый,—„у меня найдутся средства“... — слѣдуютъ неприличныя ругательства. Признаки такого же озлобленія я, послѣ постановленія Синода, замѣчаю и при

встрѣчахъ съ нѣкоторыми людьми. Въ самый день 25 февраля, когда было опубликовано постановленіе, я, проходя по площади, слышалъ слова: „вотъ дьяволъ въ образѣ человѣка“, и если бы толпа была иначе составлена, очень можетъ быть, что меня бы избили, какъ избили нѣсколько лѣтъ тому назадъ человѣка у Пантелеймоновской часовни.

Такъ что постановленіе Синода вообще очень нехорошо. То же, что люди, подписавшіе его, такъ увѣрены въ своей правотѣ, что молятся о томъ, чтобы Богъ сдѣлалъ меня для моего блага такимъ же, каковы они, не дѣлаетъ его лучше.

Это такъ вообще; въ частностяхъ же постановленіе это несправедливо въ слѣдующемъ; въ постановленіи сказано: „Извѣстный міру писатель, русскій по рожденію, православный по крещенію и воспитанію, графъ Толстой, въ прельщеніи гордаго ума своего, дерзко возсталъ на Господа и на Христа Его и на святое Его достояніе, явно передъ всѣми отрекся отъ вскормившей и воспитавшей его матери, Церкви православной“.

То, что я отрекся отъ Церкви, называющей себя православной, это совершенно справедливо.

Но отрекся я отъ нея не потому, что я возсталъ на Господа, а напротивъ, только потому, что всѣми силами души желалъ служить Ему. Прежде, чѣмъ отречься отъ Церкви и единенія съ народомъ, которое мнѣ было невыразимо дорого, я, по нѣкоторымъ признакамъ усумнившись въ правотѣ Церкви, посвятилъ нѣсколько лѣтъ на то, чтобы изслѣдовать теоретически и практически ученіе Церкви; теоретически я перечиталъ все, что могъ, объ ученіи Церкви, изучилъ и критически разобралъ догматическое богословіе, практически же строго слѣдовалъ, въ продолженіе болѣе года, всѣмъ предписаніямъ Церкви, соблюдая всѣ посты и всѣ церковныя службы. И я убѣдился, что ученіе Церкви есть теоретически коварная и вредная ложь, практически же собраніе самыхъ грубыхъ суевѣрій и колдовства, скрывающаго совершенно весь смыслъ христіанскаго ученія.

Стоитъ только почитать требникъ, прослѣдить за тѣми обрядами, которые не переставая совершаются духовенствомъ и считаются христіанскимъ богослуженіемъ, чтобы увидѣть, что всѣ эти обряды не что иное, какъ различные пріемы колдовства, приспособленные

ко всѣмъ возможнымъ случаямъ жизни. Для того, чтобы ребенокъ, если умретъ, пошелъ въ рай, нужно умѣть помазать его масломъ и выкупать съ произнесеніемъ извѣстныхъ словъ; для того, чтобы родильница перестала быть нечистою, нужно произнести извѣстныя заклинанія; чтобы былъ успѣхъ въ дѣлѣ или спокойное житье въ новомъ домѣ, для того, чтобы хорошо родился хлѣбъ, прекратилась засуха, для того, чтобы излѣчиться отъ болѣзни, для того, чтобы облегчилось положеніе умершаго на томъ свѣтѣ, для всего этого и тысячи другихъ обстоятельствъ есть извѣстныя заклинанія, которыя въ извѣстномъ мѣстѣ, за извѣстныя приношенія произносятся священникомъ.

Я дѣйствительно отрекся отъ Церкви, пересталъ исполнять ея обряды и написалъ въ завѣщаніи своимъ близкимъ, чтобы они, когда я буду умирать, не допускали ко мнѣ церковныхъ служителей и мертвое мое тѣло убрали бы поскорѣе, безъ всякихъ надъ нимъ заклинаній и молитвъ, какъ убираютъ всякую противную и ненужную вещь, чтобы она не мѣшала живымъ.

То же, что сказано, что я „посвятилъ свою литературную дѣятельность и данный мнѣ отъ Бога талантъ на распространеніе въ народѣ ученій, противныхъ Христу и Церкви" и т. д., и что я „въ своихъ сочиненіяхъ и письмахъ, во множествѣ разсѣиваемыхъ мною, такъ же какъ и учениками моими по всему свѣту, въ особенности же въ предѣлахъ дорогого отечества нашего, проповѣдую съ ревностью фанатика ниспроверженіе всѣхъ догматовъ православной Церкви и самой сущности вѣры христіанской"... — то это несправедливо. Я никогда не заботился о распространеніи своего ученія.

Правда, я самъ для себя выразилъ въ сочиненіяхъ свое пониманіе ученія Христа и не скрывалъ эти сочиненія отъ людей, желавшихъ съ ними познакомиться, но никогда самъ не печаталъ ихъ; говорилъ же людямъ о томъ, какъ я понимаю ученіе Христа только тогда, когда меня объ этомъ спрашивали.

Такимъ людямъ я говорилъ то, что думаю, и давалъ, если у меня были, мои книги.

Потомъ сказано, что я „отвергаю Бога во Святой Троицѣ славимаго, Создателя и Промыслителя вселенной, отрицаю Господа Іисуса Христа, Богочеловѣка, Искупителя и Спасителя міра, пострадавшаго насъ ради

человѣковъ и нашего ради спасенія и воскресшаго изъ мертвыхъ, отрицая безсѣменное зачатіе по человѣчеству Христа Господа и дѣвство до рождества и по рождествѣ Пречистой Богородицы". То что я отвергаю непонятную Троицу и басню о паденіи перваго человѣка, исторію о Богѣ, родившемся отъ Дѣвы, искупляющемъ родъ человѣческій, то это совершенно справедливо. Бога же Духа, Бога—любовь, единаго Бога—начало всего не только не отвергаю, но ничего не признаю дѣйствительно существующимъ, кромѣ Бога, и весь смыслъ жизни вижу только въ исполненіи воли Бога, выраженной въ христіанскомъ ученіи.

Еще сказано: „не признаетъ загробной жизни и мздовоздаянія". Если разумѣютъ жизнь загробную въ смыслѣ второго пришествія, ада съ вѣчными мученіями, дьяволами и рая—постояннаго блаженства,—совершенно справедливо, что я не признаю такой загробной жизни, но жизнь вѣчную и возмездіе здѣсь и вездѣ, теперь и всегда признаю до такой степени, что стоя, по своимъ годамъ, на краю гроба, часто долженъ дѣлать усилія, чтобы не желать плотской смерти, т. е. рожденія къ новой жизни, и вѣрю, что всякій добрый поступокъ увеличиваетъ благо моей вѣчной жизни, а всякій злой поступокъ уменьшаетъ его.

Сказано также, что я отвергаю всѣ таинства. Это совершенно справедливо. Всѣ таинства я считаю низменнымъ, грубымъ, несоотвѣтствующимъ понятію о Богѣ и христіанскому ученію колдовствомъ и, кромѣ того, нарушеніемъ самыхъ прямыхъ указаній Евангелія...

Въ крещеніи младенцевъ вижу явное извращеніе всего того смысла, который могло имѣть крещеніе для взрослыхъ, сознательно принимающихъ христіанство; въ совершеніи таинства брака надъ людьми, завѣдомо соединявшимися прежде, и въ допущеніи разводовъ, и въ освященіи браковъ разведенныхъ, вижу прямое нарушеніе и смысла и буквы евангельскаго ученія. Въ періодическомъ прощеніи грѣховъ на исповѣди вижу вредный обманъ, только поощряющій безнравственность и уничтожающій опасеніе передъ согрѣшеніемъ. Въ елеосвященіи такъ-же, какъ и въ миропомазаніи, вижу вредный обманъ колдовства, какъ и въ почитаніи иконъ и мощей и какъ во всѣхъ тѣхъ обрядахъ, молитвахъ, заклинаніяхъ, которыми наполненъ требникъ. Въ причащеніи вижу обоготвореніе плоти и извращеніе хри-

стіанскаго ученія; въ священствѣ, кромѣ явнаго приготовленія къ обману, вижу прямое нарушеніе словъ Христа, прямо запрещающаго кого бы то ни было называть учителями, отцами, наставниками (Мѳ. XXIII, 8—10). Сказано, наконецъ, какъ послѣдняя и высшая степень моей виновности, что я, ругаясь надъ самыми „священными предметами вѣры, не содрогнулся подвергнуть глумленію священнѣйшее изъ таинствъ — „Евхаристію".

То, что я не содрогнулся описать просто и объективно то, что священникъ дѣлаетъ для приготовленія этого такъ называемаго таинства, то это совершенно справедливо. Но то, что это такъ называемое таинство есть нѣчто священное, и что описать его просто, какъ оно дѣлается, есть кощунство, — это совершенно несправедливо. Кощунство не въ томъ, чтобы назвать перегородку — перегородкой, а не иконостасомъ, и чашку—чашкой, а не потиромъ и т. п., а ужаснѣйшее, не перестающее, возмутительное кощунство въ томъ, что люди, пользуясь всѣми возможными средствами обмана и гипнотизаціи, увѣряютъ дѣтей и простодушный народъ, что если нарѣзать извѣстнымъ способомъ и при произнесеніи извѣстныхъ словъ кусочки хлѣба и положить въ вино, то въ кусочки эти входитъ Богъ; что тотъ, во имя кого живого вынется кусочекъ,—тотъ будетъ здоровъ, во имя же кого умершаго вынется такой кусочекъ, то тому на томъ свѣтѣ будетъ лучше, и что тотъ, кто съѣстъ этотъ кусочекъ, въ того войдетъ Самъ Богъ.

Вѣдь это ужасно!

Какъ бы кто ни понималъ личность Христа, то ученіе Его, которое уничтожаетъ зло міра такъ просто, легко, несомнѣнно даетъ благо людямъ, если только они не будутъ извращать его.

Это ученіе все скрыто, все передѣлано въ грубое колдовство купанья, мазанія масломъ, тѣлодвиженій, заклинаній, проглатыванія кусочковъ и т. п., такъ что отъ ученія ничего не осталось. И если когда какой человѣкъ попытается напомнить людямъ, что не въ этихъ волхвованіяхъ, не въ молебствіяхъ, обѣдняхъ, свѣчахъ, иконахъ ученіе Христа, а въ томъ, чтобы люди любили другъ друга, не платили зломъ за зло, не судили, не убивали другъ друга, то поднимается

негодованіе тѣхъ, которымъ выгоденъ этотъ обманъ, и люди эти во всеуслышаніе съ непостижимой дерзостью говорятъ въ церквахъ, печатаютъ въ книгахъ, газетахъ, катихизисахъ, что Христосъ никогда не запрещалъ убійство (казни, войны), что ученіе о непротивленіи злу съ сатанинской хитростью выдумано врагами Христа *).

Ужасно главное то, что люди, которымъ это выгодно, обманываютъ не только взрослыхъ, но, имѣя на то власть, и дѣтей, тѣхъ самыхъ дѣтей, про которыхъ Христосъ говорилъ, что горе тому, кто ихъ обманетъ. Ужасно то, что люди эти для своихъ маленькихъ выгодъ дѣлаютъ такое ужасное зло, скрывая отъ людей истину, открытую Христомъ и дающую благо, которое не уравновѣшивается и въ тысячной долѣ получаемой ими отъ того выгодой. Они поступаютъ, какъ тотъ разбойникъ, который убиваетъ цѣлую семью 5—6 человѣкъ, чтобы унести старую поддевку и 40 коп. денегъ. Ему охотно отдали бы всю одежду и всѣ деньги, только бы онъ не убивалъ ихъ. Но онъ не можетъ поступить иначе. То же и съ религіозными обманщиками. Можно бы въ 10 разъ лучше, въ величайшей роскоши содержать ихъ, только бы они не губили людей своимъ обманомъ. Но они не могутъ поступать иначе. Вотъ это-то и ужасно. И потому обличать ихъ обманъ не только можно, но должно. Если есть что священное, то никакъ уже не то, что они называютъ таинствомъ, а именно эта обязанность обличать ихъ религіозный обманъ, когда видишь его.

Если чувашинъ мажетъ своего идола сметаной или сѣчетъ его, я могу не оскорблять его вѣрованія и равнодушно пройти мимо, потому что онъ дѣлаетъ это во имя чуждаго мнѣ своего суевѣрія и не касается того, что для меня священно; но когда люди своимъ дикимъ суевѣріемъ, какъ бы много ихъ ни было, какъ бы старо ни было ихъ суевѣріе и какъ бы могущественны они ни были, во имя того Бога, Которымъ я живу, и того ученія Христа, которое дало жизнь мнѣ и можетъ дать ее всѣмъ людямъ, проповѣдуютъ грубое колдовство,— я не могу этого видѣть спокойно. И если я называю по имени то, что они дѣлаютъ, то я дѣлаю только то,

*) Рѣчь Амвросія, епископа харьковскаго.

что долженъ, чего не могу не дѣлать, если я вѣрую въ Бога и христіанское ученіе. Если же они обличеніе ихъ обмана называютъ кощунствомъ, то это только доказываетъ силу ихъ обмана и должно только увеличивать усилія людей, вѣрующихъ въ Бога и въ ученіе Христа, для того, чтобы уничтожить этотъ обманъ, скрывающій отъ людей истиннаго Бога.

Про Христа, выгнавшаго изъ храма быковъ, овецъ и продавцовъ, должны были говорить, что онъ кощунствуетъ. Если-бы Онъ пришелъ теперь и увидалъ, что дѣлается Его именемъ въ Церкви, то еще съ большимъ и законнымъ гнѣвомъ, навѣрно, выкинулъ бы всѣ эти ужасные антиминсы, и копья, и чаши, и свѣчи, и иконы, и все то, посредствомъ чего они, колдуя, скрываютъ отъ людей Бога и Его ученіе.

Такъ вотъ что справедливо и что несправедливо въ постановленіи обо мнѣ Синода. Я дѣйствительно не вѣрю въ то, во что они говорятъ, что вѣрятъ. Но я вѣрю во многое, во что они хотятъ увѣрить, что я не вѣрю.

Вѣрю я въ слѣдующее: вѣрю въ Бога, Котораго понимаю, какъ Духа, какъ Любовь, какъ начало всего. Вѣрю въ то, что Онъ во мнѣ и я въ Немъ. Вѣрю въ то, что воля Бога яснѣе, понятнѣе всего выражена въ ученіи человѣка Христа, Котораго понимать Богомъ и Которому молиться—считаю величайшимъ кощунствомъ. Вѣрю въ то, что истинное благо человѣка въ исполненіи воли Бога, воля же Его въ томъ, чтобы люди любили другъ друга и вслѣдствіе этого поступали бы съ другими такъ, какъ они хотятъ, чтобы поступали съ ними, какъ и сказано въ Евангеліи, что въ этомъ весь законъ и пророки. Вѣрю въ то, что смыслъ жизни каждаго человѣка поэтому только въ увеличеніи въ себѣ любви, что это увеличеніе любви ведетъ отдѣльнаго человѣка въ жизни этой къ все большему и большему благу, дастъ послѣ смерти тѣмъ большее благо, чѣмъ больше будетъ въ человѣкѣ любви, и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе всего другого содѣйствуетъ установленію въ мірѣ царства Божія, т. е. такого строя жизни, при которомъ царствующіе раздоръ, обманъ и насиліе будутъ замѣнены свободнымъ согласіемъ, правдой и братской любовью людей между собою. Вѣрю, что для преуспѣянія въ любви есть только одно средство: молитва,—не мо-

литва общественная, въ храмахъ, прямо запрещенная Христомъ (Мѳ. VI, 5—13), а молитва, образецъ которой данъ намъ Христомъ, уединенная, состоящая въ возстановленіи и укрѣпленіи въ своемъ сознаніи смысла своей жизни и своей зависимости только отъ воли Бога.

Оскорбляютъ, огорчаютъ или соблазняютъ кого-либо, мѣшаютъ чему-нибудь и кому-нибудь или не нравятся эти мои вѣрованія, — я такъ же мало могу ихъ измѣнить, какъ свое тѣло. Мнѣ надо самому одному жить, самому одному и умереть (и очень скоро), и потому я не могу никакъ иначе вѣрить, какъ такъ, какъ я вѣрю, готовясь идти къ Тому Богу, отъ Котораго изошелъ. Я не говорю, чтобы моя вѣра была одна несомнѣнно на все время истинна, но я не вижу другой—болѣе простой, ясной и отвѣчающей всѣмъ требованіямъ моего ума и сердца. Если я узнаю такую, я сейчасъ же приму ее, потому что Богу ничего, кромѣ истины, не нужно. Вернуться же къ тому, отъ чего я съ такими страданіями только что вышелъ, я никакъ уже не могу, какъ не можетъ летающая птица войти въ скорлупу того яйца, изъ котораго она вышла.

„Тотъ, кто начнетъ съ того, что полюбитъ христіанство болѣе истины, очень скоро полюбитъ свою Церковь или секту болѣе, чѣмъ христіанство, и кончитъ тѣмъ, что будетъ любить себя (свое спокойствіе) больше всего на свѣтѣ", сказалъ Кольриджъ.

Я шелъ обратнымъ путемъ. Я началъ съ того, что полюбилъ свою православную вѣру болѣе своего спокойствія; потомъ полюбилъ христіанство болѣе своей Церкви, теперь же люблю истину болѣе всего на свѣтѣ. И до сихъ поръ истина совпадаетъ для меня съ христіанствомъ, какъ я его понимаю. И я исповѣдую это христіанство и въ той мѣрѣ, въ какой исповѣдую его, спокойно и радостно живу и спокойно и радостно приближаюсь къ смерти.

Левъ Толстой.

4 апрѣля 1901 г.
Москва.

VII.

По поводу ответа Св. Синоду графа Л. Н. Толстого.

I.

Мысли Высокопреосвященнѣйшаго Антонія, митрополита С.-Петербургскаго и письмо гр. Бобринскаго.

Еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ пущенный графомъ въ публику отвѣтъ его Синоду появился, наконецъ, съ небольшимъ и несущественнымъ сокращеніемъ, въ печати („Миссіон. Обозр.“ іюнь, стр. 806—814). Возможно стало сказать теперь по поводу его нѣсколько словъ.

Въ своемъ отвѣтѣ графъ въ сущности вполнѣ подтверждаетъ справедливость постановленія о немъ Синода, хотя и дѣлаетъ противъ него нѣкоторыя возраженія. Возраженія эти отлично разобраны въ трехъ прекрасныхъ статьяхъ, напечатанныхъ въ „Миссіонерскомъ Обозрѣніи“ вмѣстѣ съ отвѣтомъ и принадлежащихъ: а) ректору здѣшней академіи епископу Сергію, б) В. М. Скворцову и в) М. А. Н—ву.

Въ одномъ изъ этихъ своихъ возраженій графъ Толстой съ беззастѣнчивою смѣлостію называетъ лживымъ утвержденіе Синода, что въ отношеніи къ нему со стороны Церкви были дѣлаемы попытки его вразумленія, не увѣнчавшіяся однако успѣхомъ. Въ упомянутыхъ статьяхъ и еще въ брошюрѣ московскаго протоіерея I. Соловьева: „Посланіе Св. Синода о графѣ Львѣ Толстомъ“ въ опроверженіе этого обвиненія сдѣланы вполнѣ вѣрныя указанія. Я же въ настоящей своей замѣткѣ хочу лишь дополнить эти указанія свидѣтельствомъ лица сторонняго, къ числу „церковниковъ“, въ смыслѣ толстовскомъ, совсѣмъ не принадлежащаго. Разумѣю печатаемое ниже письмо ко мнѣ графа Владиміра Бобринскаго. Графъ Бобринскій мнѣ совсѣмъ неизвѣстенъ, и письмо свое написалъ ко мнѣ подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ прочитаннаго имъ отвѣта Синоду графа Толстого. Недавно я и спросилъ разрѣшеніе обнародовать это письмо. Свое согласіе на это графъ

Бобринскій выразилъ въ своемъ второмъ ко мнѣ письмѣ въ слѣдующихъ словахъ:

„Если вы, Владыка, найдете нужнымъ для пользы Церкви сослаться на мое письмо и даже опубликовать его, то я на это вполнѣ согласенъ, такъ какъ это согласіе есть долгъ мой предъ правдой и передъ св. Церковію, которая особенно мнѣ стала дорога по прочтеніи грубыхъ и необстоятельныхъ нападокъ Льва Николаевича“ (Письмо отъ 12 іюня, изъ Богородицка, Тульск. губ.).

Во имя долга предъ правдой и Церковью и я призналъ нужнымъ обнародовать это письмо, чтобы подтвердить неправду графа Толстого. Вотъ текстъ этого письма:

Высокопреосвященнѣйшій Владыка,
Милостивый Архипастырь.

Вчера вечеромъ я прочиталъ ходящій по рукамъ отвѣтъ гр. Л. Н. Толстого на посланіе Синода, и въ первыхъ строкахъ меня болѣзненно поразило заявленіе Льва Николаевича о томъ, что Церковію не принималось никакихъ мѣръ увѣщанія по отношенію къ нему. Левъ Николаевичъ даже называетъ лживымъ утвержденіе о семъ Синода.

Въ виду этого рѣзкаго и серьезнаго, по существу дѣла, упрека, я считаю долгомъ своимъ сообщить Вашему Высокопреосвященству то, что я слышалъ отъ самого гр. Л. Н. Толстого по данному вопросу.

Около года тому назадъ я былъ у Льва Николаевича и, зная, что его нѣсколько разъ посѣтилъ въ Ясной Полянѣ священникъ тульской тюрьмы, я между прочимъ спросилъ его, какое на него произвелъ впечатлѣніе этотъ священникъ. Въ отвѣтъ Левъ Николаевичъ сказалъ мнѣ, что тюремный священникъ, повидимому, вполнѣ хорошій и искренно вѣрующій человѣкъ и что онъ съ удовольствіемъ съ нимъ бесѣдуютъ, но удовольствіе это для него отравляется сознаніемъ, что онъ присылается нашимъ архіереемъ для *его увѣщанія.* Я рѣшаюсь о семъ сообщить Вамъ не изъ полемическихъ цѣлей, а ради правды. Если бы я умолчалъ, то совѣсть мучила бы меня и я постоянно чувствовалъ бы, что убоялся генія и всемірной славы великаго писателя и не исполнилъ своего долга для возстановленія истины.

У васъ, Владыка, вѣроятно, имѣется много вѣскихъ доказательствъ по вопросу, котораго я коснулся, но мнѣ кажется, что приводимое мною свидѣтельство самого Льва Николаевича имѣетъ въ данномъ случаѣ большое значеніе. Это обстоятельство извинитъ меня за непосредственное и непрошенное обращеніе мое къ предстоятелю русской Церкви.

Считаю долгомъ оговориться, что я позволилъ себѣ коснуться дѣла Л. Н. Толстого лишь въ виду счастливаго исклю-

ченія, въ которомъ находится этотъ писатель въ смыслѣ отсутствія карательныхъ мѣръ со стороны властей.

Испрашивая себѣ святительскаго благословенія, остаюсь Вашего Высокопреосвященства, Милостиваго Архипастыря, покорный слуга

Графъ *Владиміръ Бобринскій.*

Москва, 23 апрѣля 1901 года.

Положительная часть отвѣта графа Толстого, изложеніе его вѣры, читается съ чувствомъ ужаса и глубокаго къ нему сожалѣнія. Исторію о воплощеніи Христа, ученіе объ Искупленіи и признаніи Христа Богомъ графъ Толстой считаетъ „величайшимъ кощунствомъ", значитъ, зачеркиваетъ совсѣмъ христіанство. Когда я прочиталъ всѣ это, прочитавъ еще сдѣланное мнѣ сообщеніе о его заявленіи, что „если бы ему разрѣшили напечатать всѣ его сочиненія о религіи, то отъ православной Церкви въ короткое время остались бы одни клочья", меня объялъ страхъ за этого несчастнаго человѣка. Пронеслась предъ мыслію моею личность Юліана Отступника, хотѣвшаго стереть съ лица земли ученіе Христа, изъ Бога развѣнчаннаго имъ въ простого человѣка-галилеянина, вспомнились его конечная гибель и историческій позоръ, прозвучали слова пророчества Исаіина на царя вавилонскаго: „на небо взыду, выше звѣздъ небесныхъ поставлю престолъ мой, буду подобенъ Вышнему"... и это пророческое memento: „нынѣ же во адъ снидеши и во основанія земли"... Отъ безумнаго богохульства графа сердце мое болѣзненно сжалось. Вѣдь это богоборство и объявленіе войны Самому Христу, Сыну Бога Живаго, Судіи живыхъ и мертвыхъ!.. Всегда съ недоумѣніемъ читавшіяся мною доселѣ грозныя слова апостола Павла: „Кто не любитъ Господа Іисуса Христа, анаѳема, маран-аѳа" (1 Кор. XVI, 22) вдругъ какъ-то прояснились для меня. Да, кто отрекся отъ Христа, тотъ не любитъ Его. Кто отрекается отъ Христа, отъ того и Христосъ отрекается (Матѳ. X, 33; 2 Тимоѳ. 11, 12). Отреченіе отъ Христа, какъ Бога, съ утвержденіемъ, что признавать Его Божественное достоинство есть кощунство, равносильно въ сущности произнесенію на Него анаѳемы, и есть въ то же время какъ бы самоанаѳематствованіе, отлученіе себя отъ Бога, лишеніе себя жизни Божіей, Духа Божія. „Никто не можетъ назвать Іисуса Госпо-

домъ, говоритъ апостолъ, какъ только Духомъ Святымъ, и никто, говорящій Духомъ Божіимъ, не произнесетъ анаѳемы на Іисуса" (1 Кор. XII, 3).

Графъ же Л. Н. Толстой такую анаѳему произнесъ. Не Духомъ Божіимъ, очевидно, говоритъ онъ.

Митрополитъ *Антоній.*

II.

Отзывъ епископа о новой исповѣди графа Л. Толстого.

Итакъ, послѣ этой новой исповѣди можно ли назвать гр. Толстого принадлежащимъ къ православной Церкви и вѣрующимъ по православному? Если у кого-либо до сихъ поръ возможны были въ этомъ сомнѣнія и колебанія, то теперь всѣ эти сомнѣнія разсѣиваются. Гр. Толстой не только сознательно и послѣдовательно отвергаетъ самые основные догматы христіанства, не только отрицаетъ и хулитъ православную Церковь и ея таинства, и всю церковную жизнь и практику представляетъ какимъ-то сцѣпленіемъ лжи, обмана и грубаго суевѣрія, но и сознательно бросилъ Церковь, завѣщавъ своимъ близкимъ ни напутствовать, ни хоронить его по православному (нежеланіе быть погребеннымъ по православному, какъ извѣстно, предполагалъ въ немъ и Владыка-Митрополитъ Петербургскій въ отвѣтѣ своемъ на письмо графини). Относительно отпаденія графа отъ Церкви, т. о., не можетъ быть двухъ мнѣній, и самъ графъ признаетъ это. Мы скажемъ болѣе, имѣлъ ли даже право Св. Синодъ, зная объ ученіи гр. Толстого и зная, что это ученіе извѣстно всему міру и привлекаетъ къ себѣ, если не послѣдователей, то всеобщее вниманіе, имѣлъ ли право Св. Синодъ оставаться къ этому равнодушнымъ и предоставлять вѣрнымъ сынамъ Церкви соблазняться этимъ равнодушіемъ и терять вѣру въ Церковь? Имѣлъ ли право Св. Синодъ допустить, чтобы надъ графомъ, лицомъ всемірно извѣстнымъ, совершенъ былъ по смерти православный обрядъ погребенія, къ злорадному посмѣянію всѣхъ враговъ Церкви и къ соблазну и недоумѣнію всѣхъ вѣрующихъ? Повторяемъ, относительно этого не можетъ

быть различныхъ мнѣній. Св. Синодъ, издавъ свое постановленіе, не только воспользовался своимъ неотъемлемымъ и вполнѣ естественнымъ правомъ, но и исполнилъ непремѣнную свою обязанность, отъ исполненія которой онъ никакъ не могъ уклониться. Дай только Богъ, чтобы и впредь наша родная Церковь также безбоязненно и твердо предъ лицомъ всего міра произносила свое исповѣданіе, исповѣдала вѣру въ себя и свое Божественное призваніе.

Соглашаясь съ основною мыслью постановленія, что онъ отпалъ отъ Церкви, графъ Толстой возражаетъ противъ умѣстности такого постановленія и противъ нѣкоторыхъ его частныхъ утвержденій и мыслей. Прежде всего ему кажется несправедливымъ отлучать именно его, тогда какъ многіе и въ разговорахъ, и въ письмахъ, и въ печати высказываютъ свое невѣріе, и никто ихъ не объявляетъ отпавшими отъ Церкви. И какъ бы предвидя возраженіе, что его, гр. Толстого, всемірно извѣстнаго писателя, къ слову котораго прислушиваются всѣ, сочиненія котораго переводятся на всѣ языки почти въ моментъ ихъ появленія на русскомъ языкѣ, нельзя же сравнивать съ мелкими литературными и просто словесными сошками, графъ прибавляетъ, что его послѣдователей мало, что распространеніе его писаній ничтожно. Съ этимъ нельзя согласиться. Если мало настоящихъ, искреннихъ послѣдователей Толстого, то ученіе его, по крайней мѣрѣ въ его основныхъ положеніяхъ, извѣстно всюду, гдѣ только извѣстно имя Толстого, а это имя извѣстно всему читающему міру. Если у насъ въ Россіи не знаетъ этого имени неграмотный народъ, то вѣдь такое положеніе вещей не можетъ продлиться въ вѣчность. Будетъ время, когда всѣ будутъ грамотны, необходимо и это имѣть въ виду и будущихъ оградить отъ соблазна. Эта-то особенная извѣстность имени гр. Толстого и была причиной, почему Церковь, уже давно не пользовавшаяся своимъ правомъ отлученія, на этотъ разъ рѣшилась прибѣгнуть къ нему. Такова практика Церкви со времени ея основанія. Снисходя къ немощамъ человѣческимъ, Церковь произносила анаѳему только въ крайнихъ случаяхъ, когда соблазнъ былъ чрезвычайнымъ и когда не было надежды исправить человѣка иными средствами. Дѣйствуя такимъ образомъ, Церковь посту-

пала вполнѣ основательно и послѣдовательно. Она всегда помнила, что конечная участь человѣка зависитъ „не отъ клочка писанной или печатной бумаги“, не отъ самаго церковнаго отлученія, а отъ того внутренняго отступленія людей отъ Источника жизни и истины, о которомъ церковное отлученіе только свидѣтельствуетъ. Поэтому, если бы, по нерадѣнію ли предстоятелей церковныхъ, по ихъ ли излишней снисходительности, какой-нибудь зараженный членъ и остался въ обществѣ вѣрующихъ, отъ невидимаго суда Божія онъ укрыться не можетъ и святости церковнаго тѣла не повредитъ. А съ другой стороны, анаѳема никогда, по существу своему, не была орудіемъ кары, какъ бы нѣкоторымъ отмщеніемъ грѣшнику за совершенный грѣхъ. „Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ“, говоритъ Господь, и Церковь, болѣе чѣмъ кто-либо, помнитъ эти слова. Церковная анаѳема, поэтому, всегда имѣла въ виду или исправленіе грѣшника, или, если этого нельзя ожидать, служила оповѣщеніемъ церковнаго общества о появившемся заблужденіи, съ цѣлью огражденія неопытныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ была исповѣданіемъ церковной вѣры. Поэтому-то Церковь и употребляла это средство только въ исключительныхъ случаяхъ, а такой исключительный случай и явился теперь.

Графъ находитъ неумѣстнымъ синодальное постановленіе потому еще, что оно можетъ оказаться подстрекательствомъ къ дурнымъ поступкамъ и мыслямъ, чего ему приходилось видѣть примѣры. Все сказанное выше можетъ служить отвѣтомъ и на это недоумѣніе „Если, скажемъ словами самого гр. Толстого, чувашинъ мажетъ своего идола сметаной или сѣчетъ его, я могу не оскорблять его вѣрованія и равнодушно пройти мимо, потому что онъ дѣлаетъ это во имя чуждаго мнѣ своего суевѣрія и не касается того, что для меня священно“. И Церковь, конечно, прошла бы мимо графа, если бы его проповѣдь не касалась самаго дорогого церковнаго достоянія, если бы не имѣла цѣлью подкопать самое священное сокровище Церкви. Теперь же Церковь должна была оградить это сокровище и вмѣстѣ тѣ тысячи и милліоны ея чадъ, которымъ угрожало лишеніе его. Пусть этотъ шагъ Церкви „оскорбляетъ, огорчаетъ или соблазняетъ кого-либо, мѣшаетъ чему-

нибудь и кому-нибудь, или не нравится“, пусть нѣкоторые ревностные, но не разсуждающіе члены Церкви въ этомъ шагѣ найдутъ поводъ къ непохвальнымъ выходкамъ, Церковь о всемъ этомъ можетъ пожалѣть, но поступить, ради этихъ возможныхъ выходокъ, иначе не можетъ, какъ не поступилъ бы иначе и самъ графъ, если бы находился въ подобномъ положеніи.

Далѣе, графъ называетъ постановленіе „тѣмъ, что на юридическомъ языкѣ называется клеветой, такъ какъ въ немъ заключаются завѣдомо несправедливыя, клонящіяся къ его вреду утвержденія“. Примѣромъ такихъ утвержденій служитъ, можетъ быть, то, что Св. Синодъ приписываетъ графу фанатическую ревность о распространеніи его ученія. „Это, говоритъ Л. Н., несправедливо. Я никогда не заботился о распространеніи своего ученія“. Читателю такое заявленіе Л. Н., конечно, можетъ показаться весьма страннымъ, какъ бы софизмомъ. Онъ же зналъ, что его сочиненія, особенно въ послѣднее время, всѣ до единой строки будутъ напечатаны и разойдутся въ тысячахъ экземпляровъ. Какъ же онъ можетъ думать, что онъ не виноватъ въ распространеніи своего лжеученія? Св. Синодъ, говоря о томъ, что гр. Толстой съ ревностью фанатика уже много лѣтъ не перестаетъ проповѣдывать ниспроверженіе всѣхъ догматовъ православной Церкви, конечно, говорилъ о всей литературной дѣятельности графа, совсѣмъ не касаясь того, самъ ли Л. Н. ходилъ въ народъ и проповѣдывалъ, самъ ли отсылалъ въ типографію свои рукописи, или это дѣлали за него его друзья и почитатели. Кто подноситъ человѣку ядъ, конечно, виноватъ; но еще болѣе виноватъ тотъ, кто этотъ ядъ составилъ, зная, что онъ будетъ поднесенъ. Вообще этотъ пунктъ въ письмѣ гр. Толстого представляется страннымъ и порождаетъ недоумѣніе.

Не менѣе страннымъ является и тотъ пунктъ, гдѣ графъ совершенно недвусмысленно обвиняетъ Св. Синодъ въ сознательной и намѣренной лжи, „въ явной неправдѣ“. Это—относительно „не увѣнчавшихся успѣхомъ попытокъ увѣщанія“. „Ничего подобнаго (необинуясь утверждаетъ графъ) никогда не было“. Тутъ какое-то трудно понятное недоразумѣніе. Къ Л. Н. приходили священники и говорили съ нимъ о вѣрѣ. Нѣкоторые изъ этихъ священниковъ приходили къ нему

говорить о вѣрѣ совсѣмъ не по собственному почину, а были нарочно для этой цѣли посылаемы епархіальнымъ начальствомъ. Графъ съ этими священниками говорилъ, дѣлился потомъ со своими знакомыми и посѣтителями впечатлѣніями отъ этихъ бесѣдъ. Графъ зналъ, что эти священники посланы къ нему отъ архіереевъ (напр., тульскаго), и своимъ знакомымъ потомъ признавался, что бесѣды священника ему нравятся, только непріятно знать, что священника прислалъ архіерей для его увѣщанія (говоримъ это на основаніи дѣйствительныхъ событій). Какъ же послѣ этого графъ утверждаетъ, что со стороны Церкви не было попытокъ увѣщанія, и что Св. Синодъ говоритъ „явную неправду", упоминая объ этихъ попыткахъ? Отвѣчать на обвиненіе во лжи такимъ же обвиненіемъ мы не думаемъ, а только утверждаемъ, что графъ Л. Н., во имя истины, самъ долженъ печатно оговориться или же дать своему утвержденію какой нибудь непрямой смыслъ. Можетъ быть, онъ подумалъ, что Св. Синодъ говоритъ о попыткахъ непосредственно самого Св. Синода. Можетъ быть, онъ думалъ, что мѣстный архіерей послалъ къ нему священника независимо отъ Синода. Во всякомъ случаѣ, оговориться необходимо, иначе на доброе имя писателя ложится странная и ни для кого нежелательная тѣнь.

Графъ утверждаетъ, что оставилъ онъ Церковь только послѣ того, какъ теоретически и практически изучилъ и испробовалъ церковное ученіе, послѣ того, какъ прочиталъ всю богословскую литературу и болѣе года слѣдовалъ предписаніямъ Церкви, соблюдая посты и пр. Все это, по словамъ графа, только усилило его сомнѣнія и укрѣпило его разочарованіе въ церковномъ христіанствѣ. Фактъ, конечно, весьма печальный, но, къ сожалѣнію, не единственный и даже не рѣдкій, и происходитъ онъ не отъ ложности церковнаго ученія, не отъ ложности церковной жизни, а отъ душевнаго расположенія и настроенія того, кто къ этому ученію и въ особенности къ этой жизни приступаетъ. Психологію этого особеннаго отношенія къ Церкви и ея таинствамъ прекрасно изобразилъ самъ же гр. Л. Н. Толстой въ своемъ романѣ „Анна Каренина", именно тамъ, гдѣ описывается молебенъ у постели умирающаго Николая Левина. Этотъ давнишній невѣръ, жившій вдали отъ Цер-

кви, по своимъ законамъ и пр., предъ смертью вдругъ рѣшаетъ служить молебенъ, думая, что у него вдругъ откуда-то появится въ душѣ вѣра, и эта вѣра исцѣлитъ его отъ чахотки. Онъ тупо и безсмысленно смотритъ на икону, усиленно крестится, старается разгорячить себя, но, конечно, ничего изъ этого не получается: послѣ молебна онъ со злостью велитъ убрать икону, разочаровавшись въ ея чудодѣйственности. Это тотъ грубый духовный матеріализмъ, ужасающій примѣръ котораго представилъ Л. Н. въ „Воскресеніи", думая, что передаетъ ученіе Церкви. Человѣкъ не хочетъ понять, что дѣло спасенія совершается путемъ долгаго нравственнаго развитія, что общенія съ Богомъ можно достигнуть только въ святости. Человѣку хочется вдругъ посредствомъ какихъ-либо внѣшнихъ пріемовъ очутиться на вершинѣ духовнаго развитія и вкусить всѣхъ плодовъ его. Таинства для него представляются какими-то лѣкарствами, онъ приготовляется сейчасъ же ощущать ихъ дѣйствіе внутри себя. Тоже самое и съ остальными церковными установленіями. Конечно, никакихъ немедленныхъ слѣдствій принятія таинствъ и исполненія церковныхъ предписаній человѣкъ не замѣчаетъ, а не замѣчаетъ потому, что нравственное развитіе духовное, для котораго установлены таинства и въ предѣлахъ котораго они дѣйствуютъ, для человѣка представляется безразличнымъ и неинтереснымъ, онъ ищетъ только плодовъ этого развитія, представляющихся для него пріятными. Результатомъ этого неправильнаго отношенія къ духовной жизни (неправильнаго потому, что корень всякаго грѣха и зла—самолюбіе здѣсь не только не отрицается, но служитъ главнымъ двигателемъ) получается у нѣкоторыхъ самообманъ, то, что на монашескомъ языкѣ называется *прелестью*, когда человѣкъ начинаетъ посредствомъ какихъ-нибудь искусственныхъ пріемовъ разжигать свое воображеніе, горячить чувство, принимая это искусственное и тѣлесное разгоряченіе за дѣйствіе благодати и въ концѣ доходитъ до галлюцинацій. Натуры же болѣе критическаго ума, или болѣе мірскія обыкновенно успѣваютъ видѣть, что никакихъ непосредственныхъ полутѣлесныхъ, полудуховныхъ измѣненій въ ихъ природѣ отъ таинствъ не происходитъ, и начинаютъ утверждать, что никакого дѣйствія отъ таинствъ и нѣтъ, что молитва не помогаетъ.

что, наконецъ, все ученіе Церкви сплошной обманъ. Л. Н., къ сожалѣнію, пошелъ тѣмъ же путемъ. Ему, геніальному писателю и художнику, конечно, трудно было смириться предъ чьимъ бы то ни было авторитетомъ. Рѣшаясь испробовать церковный путь, онъ захотѣлъ въ то же время и наблюдать, какъ на него будетъ дѣйствовать это новое средство, и, конечно, его средство и этотъ путь скоро ему надоѣли, ощутительныхъ послѣдствій въ себѣ графъ не замѣчалъ и... обвинилъ во всемъ этомъ не себя, а Церковь и ея таинства. Но Церковь и таинства спасительны не въ видѣ лѣкарствъ, а подъ условіемъ внутренняго самоотреченія, распятія своей самости, жертвы собой Богу. Такъ понимаетъ себя Церковь, такъ понимаютъ свою жизнь и всѣ православные подвижники, такъ понимаетъ отношенія къ таинствамъ и нашъ простой народъ, вездѣ и всюду, гдѣ только ему представляется поводъ и возможность выразить въ словахъ и въ дѣйствіяхъ это свое пониманіе. И, конечно, наши священники и простые люди придутъ въ ужасъ, прочитавъ въ „Воскресеніи“, какъ графъ понимаетъ таинство причащенія; имъ никогда и въ голову не придетъ самая возможность понимать таинство такъ грубо, матеріалистически, съ такими вопіющими подробностями.

Еще одно замѣчаніе. Въ концѣ своего письма Л. Н. утверждаетъ, что измѣнить свои мысли онъ можетъ, если ему представятъ другое, болѣе истинное пониманіе жизни, но возвратиться въ Церковь онъ не можетъ, „какъ не можетъ летающая птица войти въ скорлупу того яйца, изъ котораго она вышла“. Много правды въ этомъ пророчествѣ, и правды самой грустной, трагической. По этому поводу мнѣ вспоминаются слова авторитетнаго обличителя гр. Толстого, преосвященнаго Антонія, епископа уфимскаго (кажется, еще не попавшія въ печать). Преосв. какъ-то высказался, что гр. Толстой, какъ мыслитель, долженъ обратиться, потому что его жизнепониманіе, все его моральное ученіе требуетъ христіанскихъ, православныхъ посылокъ; но, прибавилъ владыка, едвали графъ обратится, какъ человѣкъ. И дѣйствительно, графъ утверждаетъ, что онъ вѣруетъ въ Бога—Духа, Бога—любовь, и думаетъ, что это соединеніе нѣсколькихъ названій вполнѣ выражаетъ его вѣру. Но что такое Богъ-любовь, если въ то же время

Онъ не личность? Имѣетъ ли эта любовь вѣчное, премірное значеніе непреложнаго и всеобщаго закона міровой жизни, если нѣтъ Бога въ Троицѣ, въ которой любовь эта вѣчно дѣйствительна, вѣчно осуществляется? Не заимствуетъ ли Л. Н. терминъ отъ вѣры, имъ осмѣянной и оставленной? Точно также и относительно безсмертія и мздовоздаянія. Если нѣтъ личнаго, вполнѣ опредѣленнаго и сознаваемаго безсмертія, тогда нѣтъ, конечно, и никакой загробной участи, нѣтъ никакого воздаянія, потому что природа всегда себѣ равна, она не умираетъ и въ общей суммѣ своей никогда не измѣняется. Кто же будетъ переживать и сознавать или, по крайней мѣрѣ, служить объектомъ ожидаемаго графомъ мздовоздаянія и безсмертія? Опять Л. Н., отрицая церковныя понятія о безсмертіи и мздовоздаяніи, влагаетъ въ эти слова однако тотъ смыслъ, сопровождаетъ ихъ тѣми чувствами, какими эти слова сопровождаются только въ церковномъ пониманіи, и какія (чувства) не могутъ имѣть мѣста, если брать слова въ ихъ безличномъ смыслѣ, какъ ихъ въ теоріи (но не на практикѣ) понимаетъ гр. Толстой. Получается довольно странное положеніе: человѣкъ любитъ, молится, почитаетъ что-то, весь смыслъ своей жизни полагаетъ въ томъ, чтобы исполнять волю кого-то—и въ то же время упорно твердитъ, что этотъ кто-то или что-то совсѣмъ не имѣетъ ни воли, ни сознанія, что, слѣдовательно, ни почитать, ни любить его нельзя и, конечно, на любовь и правду его разсчитывать также нельзя. Помнится, В. С. Соловьевъ весьма зло осмѣялъ такую странную религіозность и жизнь по вѣрѣ: молиться предмету и просить помощи отъ предмета, который завѣдомо ничего ни сдѣлать, ни даже услышать не можетъ. Если признается возможность и необходимость молитвы, если основа жизни—любовь и Богъ, если человѣкъ долженъ исполнить волю Его, тогда этотъ Богъ—личный и живой, именно Тотъ Богъ, въ Котораго вѣруетъ и Котораго проповѣдуетъ православная Церковь, и Котораго графъ теоретически отрицаетъ. Моральное ученіе графа, т. о., должно бы привести его къ Церкви, но вотъ можно ли надѣяться на то, чтобы такъ это и случилось въ дѣйствительности? Святитель Тихонъ Задонскій однажды думалъ о томъ, какъ можетъ пастырь спастись, когда все время онъ долженъ

думать о спасеніи другихъ. И вотъ онъ видитъ сонъ. Представляется ему, что онъ поднимается на высокую гору, поднимается съ трудомъ и усиліями, совершенно одинъ. Но вотъ является кто-то, начинаетъ ему помогать, потомъ подбѣгаетъ еще человѣкъ, и еще, и еще, пока наконецъ не собирается около него цѣлая толпа людей; всѣ они поддерживаютъ его, помогаютъ идти, почти несутъ вверхъ, и онъ уже не чувствуетъ прежней усталости и труда. Такъ ученики помогаютъ учителю восходить все далѣе и далѣе къ совершенству, укрѣпляютъ его въ данномъ направленіи. То же и съ графомъ можетъ быть, только въ обратномъ направленіи. Тѣ же ученики, которыхъ онъ увлекъ за собой изъ Церкви, теперь послужатъ для него величайшей помѣхой къ обращенію и покаянію. Ему обратиться теперь труднѣе, чѣмъ кому бы то ни было. Но покуда онъ здѣсь, съ нами, покуда не пробилъ для него часъ явиться предъ престоломъ нашего Судіи, до тѣхъ поръ мы еще можемъ надѣяться на милость Божію и можемъ молиться, и усердно молиться, да помилуетъ и да обратитъ Господь раба Своего, и да даруетъ намъ опять вмѣстѣ съ нимъ единымъ сердцемъ и едиными усты восхвалять Его святое Имя.

Сергій, Епископъ Ямбургскій.

23 мая 1901 г.
С.-Петербургъ.

III.

Какого духа «новая исповѣдь» Л. Н. Толстого?.

„*Вѣрю, что для преуспѣянія въ любви есть одно средство—молитва, не молитва общественная въ храмахъ, которую прямо запрещаетъ Христосъ* (Мѳ. VI, 5, 13), *а молитва, образецъ которой данъ намъ Христомъ—уединенная, состоящая въ возстановленіи и укрѣпленіи въ своемъ сознаніи смысла своей жизни и своей зависимости только отъ воли Бога*“. *Л. Толстой.*

Толки по поводу отлученія Л. Толстого, постоянные разговоры о немъ и его второй исповѣди—по необходимости захватили и автора предлагаемыхъ строкъ, какъ богослова ex profesio.

Случалось между прочимъ не разъ бесѣдовать и по поводу взглядовъ графа на православное богослуженіе, на литургію, такъ рѣзко и кощунственно выраженныхъ въ „Воскресеніи“ и второй исповѣди *). Особенно часто при этомъ приходилось останавливаться на одномъ доказательствѣ *ad hominem*, какъ оно называется въ логикѣ.

„Вы читали, какъ пишетъ о таинствѣ Евхаристіи, о богослуженіи, иконахъ Толстой?“—говорилъ я (предпочитаю перейти изъ 3 лица въ первое). Неужели вы не почувствовали, что *то*, что онъ говоритъ, и *такъ* говорить, какъ онъ говоритъ, не можетъ человѣкъ, дѣйствительно усвоившій заповѣдь Христову: „люби ближняго, какъ самого себя“.—

Знаете ли вы отвѣтъ доктора Сильвы, еврея, реформатору Уріэлю Акостѣ **), который въ своемъ трактатѣ объявилъ отжившей и негодной догму евреевъ—ихъ культъ и вѣру, предлагая вмѣсто нея пантеизмъ. „Жестоко твое слово“,—отвѣчалъ онъ ему. „Если бы и дѣйствительно стала гнилой наша вѣра и догма, то я не рѣшился бы дерзко поднять на нее руку, не сталъ бы такъ поспѣшно и самоувѣренно разрушать то, чѣмъ жилъ нашъ народъ, что поддерживало, спасало и укрѣпляло его въ тяжелые годы его многострадальной жизни: я не отнялъ бы у своего народа его радости, его историческаго сокровища. Не добрая рука написала твою книгу“ ***).

Неужели
Свобода молодая посвятитъ
Себя на то, чтобъ дерзкою рукою
Все разрушать, что столько, столько лѣтъ
Хранили мы, что въ дни тяжелыхъ бѣдствій
Еврейскаго народа, какъ скала,
Въ его груди лежало неподвижно
Опорою для всѣхъ его надеждъ?
Нѣтъ, никогда! И еслибъ умъ мой смѣлый,
Пытливый мой, самодовольный умъ
Мнѣ прошепталъ: «все это мертво, гнило!»

---

*) Заграничное изданіе „Воскресенія“ и „Отвѣта Св. Синоду“ говоритъ о богослуженіи и литургіи въ рѣзко неприличномъ, кощунственномъ и ругательномъ тонѣ.

**) Въ одномъ глубокомъ и замѣчательномъ произведеніи Карла Гуцкова: „Уріэль Акоста“.

***) Перифразъ.

Я и тогда, свидѣтель мнѣ Господь,
Остался бъ твердъ; я бредъ мой драгоцѣнный
Не кинулъ бы, какъ въ счастьи никогда
Не кинемъ мы слугу, который вѣрно
И преданно въ дни горя намъ служилъ!

(Траг. Гуцкова «Уріэль Акоста»).

Это говоритъ *еврей,* думающій *по-христіански.* Обрядность православнаго богослуженія—это ступени, по которымъ—(перифразируемъ Мережковскаго)—милліоны шли къ Богу. Если даже эти ступени обветшали,—цѣлую ихъ, цѣлую слѣды отъ ногъ тѣхъ святыхъ милліоновъ.

Но въ дѣйствительности, какъ увидимъ, не обветшали эти ступени; „стопы милліоновъ вѣрныхъ" только еще болѣе освятили ихъ, облегчили по нимъ путь.

Допустимъ на минуту, что обрядъ устарѣлъ или умеръ!—Даже и тогда онъ святъ, какъ мертвое тѣло покойной матери, которое мы цѣлуемъ не съ меньшей нѣжностью, чѣмъ живое. А мы вѣримъ, что обрядъ живъ, потому что душа обряда жива...

Мертвое тѣло матери. Да, обрядъ дорогъ для насъ, какъ эта святыня, и нельзя касаться святого нечистыми руками и несдержаннымъ словомъ... Сними сапоги съ ногъ твоихъ...

Къ чужимъ убѣжденіямъ, даже ложнымъ, нужно относиться, если не съ уваженіемъ; то съ осторожностью. Къ чему это злорадство, это ничѣмъ необъяснимое удовольствіе, съ какимъ Толстой издѣвается надъ православнымъ богослуженіемъ и Св. Евхаристіей? Если онъ держится о нихъ другого мнѣнія, заяви объ этомъ; если онъ считаетъ себя пророкомъ, обличай чужую вѣру, но не дѣлай больно другимъ, не издѣвайся надъ тѣмъ, что дорого другимъ; чужой раны (если это—рана, по твоему мнѣнію) касайся любовно и осторожно, а не съ радостью человѣка, обрѣтшаго сомнительную истину. Развѣ это значитъ подставить свою ланиту по заповѣди Христовой? Не наоборотъ ли?

Неужели вы, продолжалъ я обыкновенно, не хотите понять, „какого духа" эта кощунственная исповѣдь? Не отъ духа любви, не отъ христіански любящаго сердца исходитъ она, а отъ духа самовлюбленнаго, самообольщеннаго, который не щадитъ другого ради

удовольствія быть окруженнымъ ореоломъ пророка. Не кажется ли вамъ, что издѣвательство надъ тѣмъ, что вамъ дорого и свято, есть въ то же время оскорбленіе памяти вашего отца и матери, потому что ихъ убѣжденія *не опровергаютъ, а оплевываютъ и топчутъ*. Максъ Нордау въ одной своей статейкѣ разсуждаетъ „о вышучиваніи". Онъ приходитъ къ выводу, что даже сатира въ Ювеналовскомъ стилѣ есть доказательство того, что человѣкъ (сатирикъ) потерялъ способность дѣйствительно болѣть сердцемъ по поводу того, что, по его мнѣнію, нехорошо,—не умѣетъ дѣйствительно жалѣть тѣхъ, кого осмѣиваетъ. Но это сатира. Иное дѣло высмѣиванье,—стремленіе окарриkатурить то, что не нравится. Такое вышучиванье и издѣвательство есть—по Нордау — видъ „*нравственнаго помѣшательства*". Нѣтъ, если бы Л. Толстой говорилъ и правду, онъ говоритъ ее, не какъ ученикъ Христовъ, не какъ послушный послѣдователь ученія о любви. Но по плодамъ познается дерево... Если проповѣдь противъ христіанства—противъ культа—вышла отъ человѣка, который не умѣетъ любить и щадить чувства другихъ, слѣдовательно, не усвоилъ духа и силы ученія Христова, то какъ можно вѣрить ему, что онъ букву Евангелія понялъ, что онъ, хотя бы и не христіанскимъ языкомъ,—однако говоритъ то, что будто бы говоритъ Евангеліе?

Эти мысли мнѣ приходилось развивать въ перепискѣ, и вотъ надняхъ я получилъ письмо, которое побуждаетъ меня поговорить о вопросѣ печатно. Пишетъ одинъ изъ моихъ корреспондентовъ, ревностный *толстовецъ*: „я прочиталъ новую „исповѣдь" (въ литографіи). *Какъ тяжело, больно. Я хочу кричать отъ боли*. Зачѣмъ такъ?.. Какъ это жестоко. Я теперь почувствовалъ, какъ мнѣ дорого то, надъ чѣмъ смѣется графъ,—и моя бѣдненькая церковка, и ея темныя иконы... все. Зачѣмъ оно такъ нехорошо? Я смотрю на карточку матери, и мнѣ припоминаются ваши слова; да, мнѣ почему-то особенно больно за нее. Ея „святое" осмѣяли—зачѣмъ"? *)

Ієром. Михаилъ.

*) Значеніе общественнаго богослуженія по поводу отвѣта гр. Л. Толстого Св. Синоду (публичная лекція).

IV.

1) Справедливо ли учитъ гр. Толстой (въ своемъ отвѣтѣ св. Синоду), что любовь пріобрѣтается «молитвой, состоящей въ возстановленіи и укрѣпленіи въ своемъ сознаніи смысла своей жизни и своей зависимости только отъ воли Бога»?

Въ іюньской книжкѣ „Миссіонерскаго Обозрѣнія" я прочиталъ отвѣтъ гр. Л. Н. Толстого на постановленіе о немъ Св. Синода.

Гр. Толстого многіе почитаютъ учителемъ духовно-нравственнаго возрожденія, а на самомъ дѣлѣ его ученіе о возрожденіи оказывается очень жалкимъ и скуднымъ, и если сравнить его съ ученіемъ такихъ нашихъ подвижниковъ православія, какъ извѣстные тебѣ оптинскіе старцы Леонидъ и Макарій, то оно покажется даже просто дѣтскимъ лепетомъ. Однако, прежде чѣмъ подробно разбирать отмѣченный мною пунктъ отвѣта гр. Толстого на постановленіе Синода, для большей цѣльности изложенія, я коснусь нѣсколько самого отвѣта графа въ его цѣломъ. Въ своемъ отвѣтѣ Левъ Николаевичъ какъ бы подвелъ итогъ своей послѣдней 20 лѣтней дѣятельности, въ немногихъ, но вполнѣ опредѣленныхъ словахъ выразилъ сущность своихъ сужденій о Церкви, Евангеліи и вѣрѣ православной. Это—какъ бы символъ его собственной вѣры. И онъ увѣренъ, что его отношеніе къ православной вѣрѣ и Церкви „раздѣляютъ почти всѣ образованные люди". Мало того—онъ даже рѣшается сказать, что и самъ Синодъ лишь „говоритъ, что онъ вѣритъ" въ истины православія. Такую увѣренность въ обвиненіи оставляю на совѣсти гр. Толстого; она ему нужна, вѣроятно, для того, чтобы самому тверже чувствовать подъ собою почву, или просто для успокоенія смятенной души. „Символъ вѣры" гр. Толстого сводится къ слѣдующему: Во 1-хъ, онъ не вѣритъ въ Пресвятую Троицу, въ божественность Іисуса Христа, въ грѣхопаденіе и искупленіе человѣчества, въ благодатные Дары Св. Духа, въ Страшный судъ, въ рай и адъ; во 2-хъ, онъ вѣруетъ въ Единаго Бога-Духа, Бога-Любовь, въ безсмертіе души (что видно изъ его словъ: „я долженъ дѣлать усилія, чтобы не желать плотской смерти, т. е. *рожденія*

къ новой жизни, и вѣрю, что всякій добрый поступокъ увеличиваетъ благо *моей* вѣчной жизни, а всякій злой поступокъ уменьшаетъ его“; непонятно только, почему графъ не хочетъ назвать это „раемъ“ и „адомъ“?), вѣритъ въ то, что смыслъ жизни каждаго человѣка заключается только въ увеличеніи въ себѣ любви, и что для преуспѣянія въ любви есть только одно средство—молитва, состоящая въ возстановленіи и укрѣпленіи въ своемъ сознаніи смысла своей жизни и своей зависимости отъ воли Бога.

Отрицаніе божественности Христа и Его искупительнаго подвига—не ново, конечно. Еще фарисеи и саддукеи, Иродъ и Пилатъ, языческіе ученые глумились надъ этою основною истиною христіанства. Прочти, напр., IX главу Евангелія отъ Іоанна, да и другія главы того же Евангелія. Гр. Толстой только дополнилъ собою сонмъ этихъ отрицателей.

Отчего это многіе не могутъ никакъ принять „Христа, пришедшаго во плоти“,—вопросъ очень интересный. Зависитъ это во всякомъ случаѣ не отъ умственнаго развитія ихъ,—но я сейчасъ не буду касаться его, чтобы не отклониться отъ своего главнаго предмета.

И такъ, обращусь къ тому пункту ученія гр. Толстого, что смыслъ жизни каждаго человѣка заключается только въ увеличеніи въ себѣ любви и что для преуспѣянія въ любви есть только одно средство—молитва, состоящая въ возстановленіи и укрѣпленіи въ своемъ сознаніи смысла своей жизни и своей зависимости только отъ воли Бога.

Пунктъ этотъ очень слабъ, а несостоятельность его подрываетъ и все прочее въ ученіи гр. Толстого и отнимаетъ у него всякое жизненное значеніе. Дѣло въ томъ, что гр. Толстой указываетъ человѣку чрезвычайно высокую задачу жизни, а средство для ея осуществленія предлагаетъ самое жалкое и несоотвѣтствующее цѣли.

Цѣль заключается въ достиженіи любви, а средство состоитъ въ постоянномъ напоминаніи себѣ, что любовь—есть смыслъ жизни, и что мы зависимъ только отъ воли Бога. И во 1-хъ, почему это напоминать себѣ о смыслѣ своей жизни графъ называетъ молитвой и утверждаетъ, что именно такой молитвѣ училъ насъ Господь Іисусъ Христосъ? Но кто же даже изъ малыхъ

дѣтей не знаетъ, что молитва—это есть наша бесѣда съ Богомъ, наше обращеніе къ Богу съ мольбой, съ благодарностью, съ прославленіемъ, а никакъ не „напоминаніе *себѣ самому*“ о чемъ бы то ни было! Толстой вѣруетъ въ Бога-Духа, въ Бога-Любовь... Любовь можетъ быть только у Любящаго. Любящій не можетъ не быть существомъ разумнымъ, внимающимъ и понимающимъ. А если такъ, то почему бы гр. Толстому не допускать возможности молитвы въ общепринятомъ значеніи этого слова? Вѣдь этой же именно молитвѣ училъ насъ Іисусъ Христосъ, когда, обращаясь къ Отцу Небесному, восклицалъ: „Славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаилъ сіе отъ мудрыхъ и разумныхъ и открылъ младенцамъ“, и потомъ при воскресеніи Лазаря: „Отче! благодарю Тебя, что Ты услышалъ Меня“!.. и потомъ въ саду Геѳсиманскомъ: „Отче Мой! если возможно, да минуетъ Меня чаша сія“... и, наконецъ, на крестѣ: „Отче, прости имъ, ибо не знаютъ, что дѣлаютъ“! и во многихъ другихъ случаяхъ.

Но этой освященной примѣромъ Христа и естественно вытекающей изъ вѣрующаго сердца молитвы графъ не признаетъ, молитвою же именуетъ какое-то „напоминаніе себѣ“. И вотъ онъ учитъ, что этимъ „напоминаніемъ себѣ“ можно увеличивать въ себѣ любовь, мало того,—это есть единственное средство для возростанія въ любви.—Такое утвержденіе противорѣчитъ всему опыту человѣчества. Многіе люди обладали и обладаютъ любовью, но кто же изъ нихъ пріобрѣталъ ее тѣмъ, что постоянно *напоминалъ себѣ*, что въ любви заключается смыслъ его жизни?

Неужели этимъ напоминаніемъ можно побѣдить свои грѣховныя страсти и привычки? Неужели оно одно можетъ ободрить, утѣшить, успокоить, очистить и обрадовать наше сердце? Да, наконецъ, что насъ можетъ побудить постоянно напоминать себѣ, что въ любви смыслъ нашей жизни, если мы не вѣримъ въ существованіе живого личнаго Бога, не чувствуемъ своей отвѣтственности предъ Нимъ, не считаемъ себя обязанными исполнять Его заповѣди?

Не такъ просто пріобрѣтается любовь въ дѣйствительности, какъ изображено это въ теоріи гр. Л. Н. Толстымъ.

Кто хочетъ пріобрѣсти любовь, тотъ не можетъ огра-

пичиться однимъ напоминаніемъ себѣ, что въ любви заключается смыслъ его жизни. Онъ долженъ много потрудиться и поработать надъ собой, а главное—воспринять въ себя благодать Господа Іисуса Христа и Святаго Его Духа, безъ которой невозможно усвоеніе совершенной любви. Л. Н. Толстой полагаетъ, что настроеніе любви создается самимъ человѣкомъ, а на самомъ дѣлѣ оно созидается въ немъ дѣйствіемъ Божіимъ подъ непремѣннымъ условіемъ и его личныхъ усилій. Богъ есть не идея, какъ ты хорошо сказалъ, а живая сила, живая и дѣйствующая на насъ и въ насъ, при нашемъ на то произволеніи. И эта-то сила и создаетъ нашего внутренняго человѣка.

Здѣсь я долженъ оговориться. Не оспаривая того, что смыслъ нашей жизни заключается въ любви, я долженъ прибавить, что любовь составляетъ лишь частичное содержаніе смысла нашей жизни. Полный же истинный смыслъ жизни, по христіанскому ученію, состоитъ *въ достиженіи святости*, т. е. такого состоянія сердца, при которомъ оно наиболѣе уподобляется Богу и которое и есть то царствіе Божіе, которое находится внутри насъ... При этомъ состояніи сердца, чистомъ, мирномъ и свѣтломъ, человѣкъ испытываетъ живое и радостное ощущеніе своего общенія съ Богомъ, Христомъ, всѣми праведниками, всѣми людьми, всѣмъ міромъ. Это есть предвкушеніе того блаженства, которое ожидаетъ по смерти каждаго праведника. И конечно, любовь составляетъ необходимый и высшій элементъ этого блаженства. Но любовь эта не безпредметная, а имѣющая своимъ объектомъ вполнѣ опредѣленныя Существа—Бога, Христа, святыхъ и проч.

Вотъ это-то состояніе сердца и достигается великою борьбою, о которой, читавшій Исаака Сирина, имѣетъ, конечно, ясное понятіе. Но для гр. Толстого вся эта область внутренней жизни какъ будто не существуетъ. Онъ какъ будто хочетъ пріобрѣсти любовь *логическимъ*, а не психологическимъ путемъ, если можно такъ выразиться.

Я не буду подробно распространяться о томъ, какую борьбу приходится выдержать человѣку, прежде чѣмъ онъ достигнетъ христіанскаго настроенія сердца. Борьба эта, какъ извѣстно, очень мучительная, очень трудная, требующая большого вниманія и искусства. Сердце—

то же поле. Его необходимо очищать отъ грѣховныхъ навыковъ и влеченій, засѣменять добрыми привычками исполненія заповѣдей Христовыхъ. Работа эта медленная, кропотливая, утомительная, да и безплодная, если Богъ не освѣжитъ сердце дождемъ Своей благодати. А дождь этотъ для вѣрующаго несомнѣнно посылается Богомъ и прежде всего въ таинствахъ, надъ которыми такъ глумится, не понимая силы ихъ, гр. Л. Н. Толстой. Но кромѣ таинствъ есть еще одно необходимѣйшее условіе для христіанскаго усовершенствованія нашего сердца; это живое и постоянное общеніе съ живымъ и всемогущимъ Искупителемъ и Спасителемъ нашимъ—Іисусомъ Христомъ. Только любя Его, только вѣруя въ Его постоянное при насъ присутствіе, только возлагая на Него всю свою надежду, только молясь Ему непристанною молитвою о помощи, мы можемъ побѣждать самихъ себя, сохранять бодрость духа, не впадать въ малодушіе и отчаяніе, не чувствовать себя одинокими. Онъ слышилъ насъ, Онъ жаждетъ нашего спасенія, Онъ протягиваетъ намъ руку помощи, Онъ, пострадавшій за насъ, съ безконечною любовью беретъ на Себя всѣ наши немощи и исцѣляетъ ихъ,—такъ вѣруетъ православная Церковь, такъ и бываетъ на самомъ дѣлѣ. И вотъ эта-то сила всемогущаго Христа и созидаетъ въ насъ настроеніе любви, а не то жалкое „напоминаніе себѣ о смыслѣ своей жизни“, въ спасительность котораго такъ вѣруетъ гр. Толстой!

Но если и Христосъ съ его всемогуществомъ столь часто оказывается безсильнымъ предъ злою волею человѣка, то какую пользу принесетъ человѣчеству проповѣдуемое Толстымъ средство укрѣпленія въ любви? Оно останется пустымъ звукомъ, и только!

Вотъ то немногое, что я хотѣлъ сказать и высказалъ—сознаю, что неполно—относительно ученія Л. Н. Толстого о способѣ пріобрѣтенія любви. Его ученіе объ этомъ предметѣ слишкомъ отвлеченно и не обосновано на нравственномъ опытѣ жизни. Христіанства онъ совсѣмъ не понялъ,—онъ представилъ его себѣ отвлеченною идеею добра, тогда какъ на самомъ дѣлѣ христіанство есть *святая жизнь*, созидающаяся и въ душѣ отдѣльнаго человѣка, и въ исторіи всего человѣчества. И въ христіанствѣ важно не столько ученіе Христа, сколько Самъ Христосъ, Сынъ Божій, за насъ постра-

давшій и насъ спасающій, съ нами пребывающій и имѣющій пребыть до скончанія вѣка.

Однимъ словомъ, христіанство есть взаимодѣйствіе живыхъ, реальныхъ силъ,—нашей души, Пресвятой Троицы и святыхъ угодниковъ Божіихъ,—взаимодѣйствіе, имѣющее своею задачею возсоздать въ насъ новое сердце, чистое и святое, по образу Божію, и еще здѣсь на землѣ возрастить въ немъ царствіе Божіе. Вотъ что слѣдуетъ помнить намъ, православнымъ, и, не обольщаясь пустою и безплодною философіею гр. Толстого, въ умѣ и сердцѣ и на устахъ имѣть одно— „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, имиже вѣси судьбами, спаси мя недостойнаго“!

Священникъ *Сергій Четвериковъ.*

Оптина пустынь.
Іюля 5-го дня 1901 г.

VIII.

Отклики бывшихъ единомышленниковъ гр. Толстого.

I.

Открытое письмо графу Л. Н. Толстому отъ бывшаго его единомышленника, по поводу отвѣта на постановленіе Святѣйшаго Синода.

Съ того времени, какъ мы разошлись съ вами, Левъ Николаевичъ, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ православнымъ, а этому есть уже лѣтъ 8—9, я ни разу не разговаривалъ съ вами о томъ, что такъ важно для насъ обоихъ. Иногда меня очень тянуло написать вамъ, но краткое размышленіе приводило меня къ сознанію, что дѣлать этого не нужно, что изъ этого никакого толку не выйдетъ ни для васъ, ни для меня. Теперь я берусь за перо подъ впечатлѣніемъ только что прочитаннаго мною вашего отвѣта на постановленіе Синода отъ 20—22 февраля. Ничего новаго для себя я не встрѣтилъ въ вашемъ отвѣтѣ, тѣмъ не менѣе почувствовалась потребность сказать вамъ нѣсколько словъ по поводу этой свѣжей вашей исповѣди.

Мнѣ, какъ бывшему вашему единомышленнику, интересны, главнымъ образомъ, тѣ основные моменты христіанскаго ученія, на которыхъ держится, съ которыми связано наше теперешнее разногласіе. На нихъ я и хотѣлъ бы остановиться нѣсколько подробнѣе, мимоходомъ лишь отвѣтивъ на прочіе (и даже не на всѣ) пункты вашего писанія.

Другіе, можетъ быть, откликнутся на ваше обвиненіе въ неканоничности опубликованнаго синодальнаго постановленія... Я, съ своей стороны, понимаю его, какъ констатированіе уже совершившагося факта вашего отпаденія отъ Церкви, о каковомъ отпаденіи Синодъ и объявляетъ чадамъ Церкви, чтобы предостеречь ихъ относительно вашего ученія. Думаю, что оно имѣло въ виду и васъ, надѣясь вызвать васъ на серьезный пересмотръ вашихъ взглядовъ на христіанство... Побуждало

Синодъ къ этому акту, нужно полагать, и желаніе открыто и во всеуслышаніе заявить объ основныхъ истинахъ вѣры христіанской въ то время, когда въ обществѣ существуетъ такъ много до противоположности несходныхъ воззрѣній на сущность Христова ученія.

Вы называете это постановленіе *произвольнымъ*, потому что оно обвиняетъ васъ одного въ томъ, въ чемъ подлежатъ обвиненію многіе. Отчасти вы правы, но только *отчасти*, потому что никто изъ той интеллигенціи, на которую вы указываете, не вступалъ въ *такую* вражду съ Церковью и ея ученіемъ, какъ вы. Непризнаваніе чего-либо, даже отрицаніе,—это не то, что *ожесточенная борьба*, да еще *неразборчивая въ средствахъ*. Въ объясненіе и оправданіе послѣдняго замѣчанія приведу вамъ слова человѣка, въ терпимости и высокой порядочности котораго вы едва-ли осмѣлитесь сомнѣваться. Когда я зимою 1900 года спросилъ покойнаго Владиміра Сергѣевича Соловьева, почему онъ, умышленно избѣгавшій раньше полемики съ вами, выступилъ такъ энергично противъ васъ въ своихъ „Трехъ разговорахъ подъ пальмами", онъ отвѣчалъ: „меня возмутили кощунства „Воскресенія".

Добавлю еще, что истинно вѣрующіе люди едва-ли могутъ имѣть что-либо противъ отлученія отъ Церкви и всѣхъ тѣхъ, кто заявилъ бы себя солидарнымъ съ вами. По моему убѣжденію, удерживать ихъ формально въ Церкви, когда они реально находятся внѣ ея,—нецѣлесообразно и недостойно православія.

Вы называете постановленіе *неосновательнымъ*, такъ какъ людей единомысленныхъ съ вами всего какая-нибудь сотня, т. е. вовсе не такъ много, какъ утверждаетъ постановленіе. Не стоитъ ли это ваше заявленіе въ противорѣчіи съ предыдущимъ замѣчаніемъ, что почти всѣ образованные люди раздѣляютъ съ вами то безвѣріе, въ которомъ обвиняетъ васъ Синодъ? Вы скажете, можетъ быть, что эти интеллигенты солидарны съ вами только въ вашемъ отрицаніи церковнаго ученія? Но вѣдь это-то отрицаніе главнымъ образомъ и имѣетъ въ виду Синодъ, а не тѣ положительныя стороны вашей философіи, въ которой вы насчитываете такъ мало единомышленниковъ.

О „явной неправдѣ" постановленія ничего не смѣю сказать и оставляю этотъ вопросъ на совѣсти вашей и тѣхъ, кто, по вашимъ словамъ, допустилъ эту неправду.

Что касается клеветы, которую вы усматриваете въ постановленіи, то я ее ни въ чемъ не вижу, ибо не вижу „завѣдомо несправедливыхъ утвержденій касательно васъ, клонящихся къ вашему вреду“.

Не могу согласиться съ вами и въ томъ, что оно есть подстрекательство къ дурнымъ чувствамъ и поступкамъ.

Въ доказательство послѣдняго вашего положенія вы приводите выдержки изъ нѣсколькихъ писемъ, полученныхъ вами послѣ отлученія. Я согласенъ съ вами, что письма эти не хороши, что они слишкомъ отзываютъ тѣмъ Иліинымъ духомъ, который не одобрилъ Спаситель въ сынахъ Зеведеевыхъ, выразившихъ желаніе свести огонь съ неба на оскорбившихъ Учителя самарянъ: „Не знаете, какого вы духа“,—сказалъ ученикамъ Христосъ.

Не знаютъ Христова духа и авторы этихъ писемъ. Но при чемъ тутъ постановленіе Синода? Вы съ большей основательностью могли бы упрекнуть приходскихъ пастырей въ нерадѣніи къ духовному устроенію словесныхъ овецъ, обнаруживающихъ волчьи зубы. Вы скажете, можетъ быть: Синодъ долженъ былъ предвидѣть это.

Пусть такъ, но нельзя было этого предупредить. Не публиковать постановленія,—возразите вы. Но вѣдь въ такомъ случаѣ придется совсѣмъ сложить руки, такъ какъ почти всякое постановленіе можетъ быть нелѣпо понято и дурно принято невѣжествомъ и неразсудительностью. Лучшимъ подтвержденіемъ этого служитъ ваше ученіе: припомните, какой видъ оно принимало, проходя чрезъ разнокалиберныя головы и сердца послѣдователей вашихъ!? Вамъ это извѣстно, конечно, лучше, чѣмъ мнѣ,—а и мнѣ хорошо извѣстно...

Чтобы не тревожить тѣней прошлаго, укажу вамъ на вашу недавнюю сравнительно вещицу съ невиннымъ и даже христіанскимъ заглавіемъ—„Не убій“, которая *нѣкоторыми* лицами была понята совсѣмъ не такъ, какъ вы, надо думать, желали, судя по заглавію,— и правду сказать, Левъ Николаевичъ, не безъ основанія *на этотъ разъ*, ибо только слова говорили „не убій“, а духъ брошюры питалъ то чувство, которое Іоаннъ Богословъ называетъ *человѣкоубійственнымъ*.

Далѣе вы признаетесь, что вы отреклись отъ пра-

вославной Церкви, но не потому, что возстали на Господа, а напротивъ, только потому, что всѣми силами души желали служить Ему.

Не знаю, умышленно ли вы опустили слова „и на Христа Его“, упомянутыя въ синодальномъ постановленіи и однажды приведенныя вами... Ихъ нельзя опускать. Церковь православная (и не только православная) тѣснѣйшимъ образомъ связана съ Христомъ. И для всякаго мало-мальски мыслящаго (равно какъ и для немыслящаго, а одной дѣтской вѣрою ходящаго) православнаго отреченіе отъ Церкви есть и отреченіе отъ Христа (и возстаніе на Отца Его), ибо Христосъ есть Глава Церкви, Церковь же Тѣло Его. На *Сего-то* Христа вы, дѣйствительно, возстали, что и сами признаете спустя нѣсколько строкъ. Служить же вы хотите не Ему и не Тому Отцу Его (Господу), Котораго знаетъ и признаетъ вселенское христіанство, начиная отъ православнаго и католика и кончая лютераниномъ, штундистомъ и пашковцемъ, а какому-то невѣдомому безличному *началу*, столь чуждому душѣ человѣческой, что она не можетъ прибѣгать къ нему ни въ скорбныя, ни въ радостныя минуты бытія своего.

Не буду касаться вашихъ замѣчаній о томъ, *какъ вы изслѣдовали ученіе Церкви*, а равно и достоинствъ вашихъ богословскихъ трудовъ. Объ этомъ довольно писалось за послѣдніе 10—15 лѣтъ. Позволю, впрочемъ, себѣ сказать нѣсколько словъ. Можно пожалѣть, что вамъ пришлось знакомиться съ христіанскимъ богословіемъ по руководству м. Макарія. Можетъ быть, пріобщеніе на первыхъ порахъ къ болѣе жизненной и животворящей мысли богослововъ-подвижниковъ раскрыло бы вамъ глубочайшую связь между христіанскимъ вѣроученіемъ и нравственностью, а главное, ввело бы васъ въ сферу внутренняго духовнаго опыта, *при которомъ только* и можно непоколебимо вѣрить въ догматъ и сознательно его исповѣдывать.

Далѣе вы говорите о церковныхъ обрядахъ, о нѣкоторыхъ догматическихъ вѣрованіяхъ и таинствахъ. Все это вамъ представляется ложью, кощунствомъ, колдовствомъ, обманомъ. Не входя въ подробности, которыми, повторяю, достаточно занималась духовная литература послѣднихъ лѣтъ, разбирая ваши произведенія, я остановлюсь на нѣкоторыхъ *общихъ* соображеніяхъ.

Въ одной изъ главъ вашей критики догматическаго богословія вы, говоря о Церкви, выражаетесь приблизительно такъ: „При словѣ „Церковь“ я ничего другого не могу представить, какъ нѣсколько тысячъ длинноволосыхъ невѣжественныхъ людей, которые находятся въ рабской зависимости отъ нѣсколькихъ десятковъ такихъ же длинноволосыхъ людей“... Я не опровергаю этого больше чѣмъ наивнаго опредѣленія Церкви, ибо знаю, что опроверженіе безполезно, такъ какъ опредѣленіе это вытекло не изъ логики, а изъ непосредственнаго воспріятія вами фактовъ текущей церковной дѣйствительности. Пусть будетъ по вашему, пусть понятіе о Церкви сводится къ понятію о духовенствѣ, и пусть все это духовенство будетъ сплошь невѣжественно и корыстно, пусть оно изъ самыхъ низменныхъ мотивовъ поддерживаетъ церковное ученіе... Пусть будетъ по вашему, но вѣдь должны же вы были задуматься надъ вопросомъ: когда возникло это ученіе? Вѣдь не нынѣшними же, по вашему предвзятому представленію, „невѣждами и корыстолюбцами“ установлены таинства, даны догматическія опредѣленія, введены богослужебные обряды... Вѣдь о важнѣйшемъ таинствѣ, вызывающемъ самыя яростныя нападки съ вашей стороны, мы узнаемъ еще въ новомъ завѣтѣ. Обращаю ваше вниманіе на слова ап. Павла (Посл. къ Кор.), который, очевидно, понималъ слова Спасителя о Тѣлѣ и Крови такъ, какъ понимаемъ мы—православные. Что онъ придавалъ *таинственное* (въ нашемъ православномъ смыслѣ) значеніе священной трапезѣ, это видно изъ того, что въ зависимость отъ недостойнаго вкушенія оной ставилъ болѣзни и даже смерть вѣрующихъ.

Не въ Евангеліи ли Христосъ исповѣдывается Богомъ?

Не въ посланіяхъ ли апостольскихъ искупленіе является краеугольнымъ камнемъ ученія?

Не ближайшіе ли ученики Спасителя (и самъ апостолъ любви) посѣщаютъ Іерусалимскій храмъ для молитвы?

Не въ первые ли вѣка (II и III) развивается богослужебный чинъ христіанскій?

Не поддерживаютъ ли все это и не полагаютъ ли жизнь свою за то, что вы обругиваете, какъ ложь.

колдовство и обманъ, ученики Христовы и ученики Его учениковъ?

Левъ Николаевичъ! Вы говорите, что любите истину больше всего на свѣтѣ. Докажите же это на дѣлѣ: отрѣшитесь на самое короткое время отъ вашего обычнаго отношенія къ сущимъ церковникамъ и, забывъ ихъ, перенеситесь мысленно въ первые вѣка христіанства.

Неужели вы дерзнете упрекнуть въ невѣжествѣ, сребролюбіи, недобросовѣстности тѣ сотни, тысячи христіанскихъ подвижниковъ, изъ которыхъ одни вызывали восторгъ и удивленіе своими добродѣтелями даже во враждебно настроенныхъ къ христіанству язычникахъ, другіе проявили глубочайшую мудрость въ своихъ философскихъ и богословскихъ трудахъ? Вспомните Поликарпа, Іустина Философа, Антонія и Макарія Великихъ, Іоанна Златоуста, Василія Великаго, Григорія Богослова, Блаж. Августина, Оригена Адамантоваго... Чѣмъ объясняете вы *въ нихъ* и въ тысячахъ имъ подобныхъ самоотверженныхъ служителей истины—эту вѣрность церковному ученію и именно той его сторонѣ, которую вы не хотите назвать даже заблужденіемъ, а непремѣнно ложью и обманомъ? Любовь къ истинѣ, которую вы, не колеблясь, признаете въ себѣ, требуетъ, чтобы вы подыскали другое объясненіе для возникновенія тѣхъ вѣрованій, которыя вы клеймите позорнымъ именемъ колдовства, лжи и безсмыслицы...

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ первый періодъ своего обращенія къ Церкви, я прочиталъ въ „Вѣстникѣ Европы“ прекрасныя статьи проф. Герье о Францискѣ Ассизскомъ и Екатеринѣ Сіенской. Статьи эти драгоцѣнны тѣмъ, что въ нихъ мы находимъ безпристрастное и въ то же время глубоко-продуманное изложеніе фактовъ внѣшней и внутренней жизни названныхъ католическихъ святыхъ, фактовъ тщательно провѣренныхъ и пропущенныхъ чрезъ горнило строгой исторической критики. Въ обоихъ житіяхъ (да позволено будетъ назвать такъ эти чудныя монографіи!), особенно въ житіи Екатерины (которую, кстати сказать, св. Димитрій Ростовскій именуетъ блаженною въ церковномъ значеніи этого слова)—съ удивительной яркостью выступаютъ личныя отношенія души человѣческой ко Христу. Всѣ изумительныя явленія *нрав-*

ственной жизни Екатерины, поражавшія своей необычайностью и покорявшія своей силой даже людей къ ней враждебно настроенныхъ, оказываются тѣснѣйшимъ образомъ связанными съ личнымъ ея отношеніемъ къ Живому Христу Господу. Зависимость эта сказывается такъ ярко, такъ непререкаемо, что нѣкоторые невѣрующіе, но не ожесточенные противъ Церкви люди въ недоумѣніи потупляли очи при чтеніи этого произведенія ученаго автора и—задумывались.

Такъ вотъ, когда я по прочтеніи названныхъ статей попалъ въ одинъ московскій кружокъ молодежи, состоящій изъ лицъ, вамъ (а раньше и мнѣ) очень близкихъ, и заговорилъ съ недавними своими единомышленниками о центральномъ пунктѣ христіанства—Самомъ Богочеловѣкѣ и о необходимости для христіанина живого, ощущаемаго общенія съ Нимъ, причемъ сослался (по малости собственнаго духовнаго опыта) на житіе Екатерины, то встрѣтилъ рѣшительный и единодушный отпоръ: для слушателей казалось нелѣпостью общеніе съ „мертвецомъ, давно сгнившимъ". Самосознаніе Екатерины и ей подобныхъ лицъ, опирающихся въ своей нравственной жизни на Христа распятаго и *воскресшаго*, представлялось *самообманомъ*. У меня осталось впечатлѣніе, что это—ваша мысль, Л. Н—чъ. Да и трудно, правду сказать, найти третье объясненіе, если не принимать того, которое предлагаютъ люди, свидѣтельствующіе о живомъ союзѣ своемъ съ Воскресшимъ.

Но любовь къ истинѣ позволитъ ли остановиться и на теоріи самообмана? Не придется ли тогда признать, что наилучшія движенія души человѣческой и высочайшіе акты воли порождены были самообманомъ, т. е. въ сущности неправдой?! Или, можетъ быть, самообманъ состоялъ не въ томъ, что люди мечтой своего воображенія умножили въ себѣ добродѣтель, а въ томъ, что эту собственную, самодѣльную, такъ сказать, добродѣтель мысленно связывали, безъ всякой нужды и выгоды для добродѣтели, съ своимъ фантастическимъ вѣрованіемъ въ „Воскресшаго Мертвеца", питающаго Своею плотью и кровью?

Но тутъ является новое затрудненіе. Какъ объяснить себѣ, что на разстояніи столькихъ вѣковъ люди различныхъ національностей, различнаго образованія, пола, возраста, общественнаго положенія подпадаютъ такому

странному обольщенію, усваиваютъ, *очевидно, ненужное* и столь несвойственное „здравому смыслу" вѣрованіе? Удивительно, что и развитіе такъ называемаго положительнаго знанія не освободило людей отъ этого историческаго, изъ вѣка въ вѣкъ переходящаго кошмара: Паскаль, Гладстонъ, нашъ Владиміръ Соловьевъ—тому живые примѣры... Знаменательно также, что тончайшіе психологи оказываются въ спискѣ этихъ, по вашему, безумцевъ, послѣдователей Назарейской ереси. Чего стоитъ одинъ Исаакъ Сиринъ, столько же превосходящій васъ (даже васъ, говорю безъ всякой ироніи) глубиной психологическаго анализа, сколько и высотой своего *истинно* духовнаго настроенія?! Вѣдь если есть дѣйствительная психологія, такъ главнымъ образомъ (если не исключительно) у тѣхъ подвижниковъ христіанства, которые утверждались на кампѣ „безумнаго" вѣроученія Церкви. Неужели эти сердцевѣдцы не могли разобраться въ такой *очевидной*, по вашимъ словамъ, лжи? Странно, больше того,—непостижимо это эпидемическое ослѣпленіе, идущее изъ рода въ родъ въ столькихъ народахъ...

Минуя ваши обычные упреки по адресу Церкви за искаженіе ею ученія Христа о судахъ, войнахъ и др. родахъ насилія. Прочтите, если вы не читали, „Три разговора" Владиміра Соловьева: тамъ сказано объ этомъ много такого, что должно бы, кажется, заставить васъ задуматься...

Перехожу къ вашему заключительному profession de foi. Нѣсколько разъ перечитывалъ я этотъ краткій символъ вашей вѣры и каждый разъ неизмѣнно испытывалъ одно и то же тоскливое, гнетущее чувство. Слова все хорошія: Богъ, Духъ, любовь, правда, молитва, а въ душѣ пустота получается по прочтеніи ихъ. Не чувствуется въ нихъ жизни, вліянія Духа Божія... И Богъ, и Духъ, и любовь, и правда—все какъ-то мертво, холодно, разсудочно. Невольно вспоминается вашъ переводъ 1 гл. Евангелія отъ Іоанна, гдѣ вы глубокое, могучее „Въ началѣ бѣ Слово и Слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ Слово" замѣнили жалкимъ „въ началѣ было разумѣніе, разумѣніе стало вмѣсто Бога, разумѣніе стало Богъ?! Вѣдь попросту сказать, вашъ Богъ есть только ваша *идея*, которую вы облюбовали и облюбовываете, перевертывая ее со стороны на сторону въ те-

ченіе 2 десятилѣтій. Вы никакъ не можете выйти изъ заколдованнаго круга собственнаго „я“. Даже въ молитвѣ, этомъ высочайшемъ душевномъ актѣ, неложно связующемъ христіанина съ Богомъ и раздвигающемъ границы человѣческаго „я“ до безконечности Божіей, вы остаетесь одиноки—съ однимъ собой, въ одномъ себѣ. Ваша молитва (по вашему же признанію) есть лишь усиліе и усиленіе вашего сознанія, а не дѣйствительная бесѣда души человѣческой съ живымъ Богомъ, она есть искусственный психическій актъ выдвиганія передъ сознаніемъ извѣстной идеи, а не пріобщеніе къ живому, приснотекущему Источнику благодати, орошающему изсохшую землю сердца нашего. Вѣра ваша такая же отвлеченная, разсудочная и мертвая, какъ и вѣра тѣхъ ортодоксовъ, которые ограничиваются философскимъ признаніемъ догмы, забывая, что истина познается не логическими разсужденіями, а всею цѣлостью нашего нравственнаго существа, требующаго для пріобщенія къ истинѣ *опредѣленнаго* религіознаго подвига. Какъ они, такъ и вы мало разумѣете, что вѣра (съ характеромъ которой въ тѣснѣйшей связи стоитъ и характеръ молитвы, этого, такъ сказать, барометра духовной жизни) есть нѣчто болѣе глубокое, сильное и дѣйственное, чѣмъ обычный актъ сознанія или нѣкоторая идейная настроенность.

Есть вѣра отъ слуха (Рим. X, 17) и есть вѣра уповаемыхъ извѣщеніе (Евр. XI, 1).

Вотъ эта-то вѣра, *осуществляющая* ожидаемое и этимъ дающая непоколебимую увѣренность въ невидимомъ,— и чужда вамъ, ибо дается она только Богочеловѣкомъ Христомъ, чрезъ Кого *единственно* мы получаемъ, еще живя на землѣ, сей доступъ къ Небесному Отцу и къ дарамъ Его милости.

Отметая Христа Искупителя, вы неизбѣжно лишаете вашу душу Его благодатнаго воздѣйствія, а потому не имѣете того духовнаго опыта, который, когда вы говорите о добродѣтеляхъ, помогъ бы вамъ отличить любовь Христову отъ естественной благонастроенности, благодатную кротость отъ самообладанія (или природной тихости), смиреніе отъ снисходительности, мудрое во Христѣ терпѣніе отъ безплоднаго самоистязанія. Потому-то вы и не понимаете великаго значенія вѣры въ Христа распятаго и воскресшаго, необходимости ея

для *истиннаго* возрожденія человѣка, ибо самое возрожденіе вамъ невѣдомо...

У васъ, какъ это ни странно многимъ слышать, нѣтъ мѣрила для оцѣнки и опредѣленія важнѣйшихъ нравственныхъ переживаній души человѣческой,—переживаній, доступныхъ самымъ простымъ и некнижнымъ людямъ, о которыхъ апостолъ сказалъ, что Богъ избралъ немудрое міра, чтобы посрамить мудрыхъ, и немощное міра избралъ, чтобы посрамить сильное, для того, добавляетъ апостолъ, чтобы никакая плоть не хвалилась передъ Богомъ. Да, какъ ни безсмысленно это на иной взглядъ, но духовное вѣдѣніе, доступное Павлу Препростому (IV в.), не дано Льву Мудрому, святилище таинъ Христовыхъ, открытое для перваго, закрыто передъ вторымъ...

Эпиграфомъ съ эпилогомъ своей статьи вы избрали слова Кольриджа,—слова настолько значительныя, что ихъ нельзя пройти молчаніемъ. Въ нихъ, мнѣ кажется, до нѣкоторой степени заключается разгадка того недоразумѣнія, которое существуетъ между вами и Церковью.

„Тотъ, кто начнетъ съ того, что полюбитъ христіанство болѣе истины, очень скоро полюбитъ свою Церковь или секту болѣе, чѣмъ христіанство, и кончитъ тѣмъ, что будетъ любить себя (свое спокойствіе) больше всего на свѣтѣ“.

Не знаю, съ котораго конца подойти къ этому афоризму: почти каждое слово требуетъ комментарія.

Начну, пожалуй, съ фактической провѣрки даннаго положенія.

Вотъ передъ нами апостолъ Павелъ, особенно, помнится, нелюбимый вами за мнимое искаженіе ученія Христова, больше другихъ апостоловъ потрудившійся надъ устроеніемъ Церкви.

Чѣмъ же онъ кончилъ? Тѣмъ, что полюбилъ себя (свое спокойствіе) больше всего на свѣтѣ?! Заклятый врагъ истины не позволитъ себѣ сказать этого о немъ, величайшемъ, по справедливому выраженію Фаррара, изъ великихъ людей, вся жизнь котораго со времени обращенія его ко Христу была сплошнымъ мученическимъ подвигомъ, и въ любящемъ сердцѣ котораго не тѣсно было многимъ народамъ.

Вспомните и весь сонмъ апостольскій... Вспомните

ближайшихъ учениковъ Христа—Петра и Іоанна, единомысленныя посланія которыхъ съ искаженнымъ, какъ и у Павла, ученіемъ Христовымъ передъ нашими глазами... Чѣмъ кончаютъ они? Изгнаніемъ, мученичествомъ.

Оставляю въ сторонѣ періодъ гоненій, когда такъ мало помышляли о покоѣ, а такъ много проливали крови за воскресшаго Христа и Церковь Его Святую, и опять напоминаю вамъ о подвижникахъ пустынь — Антоніи, Макаріи, Исаакѣ (и другихъ, имже нѣтъ числа), объ отцахъ и учителяхъ Церкви — Златоустѣ, Василіи, Григоріи, Августинѣ, о болѣе близкихъ къ намъ—Сергіи Радонежскомъ, Стефанѣ Пермскомъ, св. Филиппѣ, Тихонѣ Задонскомъ... Не знаю, какъ вы, Левъ Николаевичъ, а я очень желалъ бы любить свое спокойствіе *такъ*, какъ любили свое эти рабы Христовы и служители Церкви. Увѣренъ, что и Господь такому моему спокойствію порадовался бы.

Очевидно, мысль, которую вы хотѣли выразить или подтвердить словами Кольриджа, не оправдывается фактами. И не оправдывается потому, что понятія тутъ перепутаны, сдвинуты съ своихъ основъ, поставлены въ взаимную связь по случайнымъ, а не по существеннымъ признакамъ. Вы отдѣляете истину отъ христіанства, хотя въ послѣднихъ строкахъ и заявляете, что *до сихъ поръ* истина совпадаетъ для васъ съ христіанствомъ, какъ вы его понимаете.

Для тѣхъ же великихъ и святыхъ людей, о которыхъ я только что говорилъ, и жизнь которыхъ представляетъ такое блестящее опроверженіе афоризма Кольриджа, истина *безусловно* совпадаетъ съ христіанствомъ. Для нихъ *Христосъ* есть Истина *абсолютная*, ибо въ Немъ, по слову апостола, обитаетъ полнота Божества тѣлесно (Кол. II, 9).

Мало того, для нихъ и Церковь была неразрывно связана съ истиной, что видно изъ словъ того же апостола, называющаго Церковь столпомъ и утвержденіемъ истины (1 Тим. III, 15). Вѣрованіе ап. Павла было вѣрованіемъ и прочихъ апостоловъ, „самовидцевъ Слова“, о чемъ свидѣтельствуютъ ихъ писанія, этотъ, кстати сказать, *единственный документъ*, знакомящій насъ съ ученіемъ Христовымъ. Вѣру апостоловъ раздѣляли и ихъ ученики; эту же вѣру приняли и исповѣдывали и

христіане послѣдующихъ вѣковъ. Итакъ, вы видите, что всѣ эти люди любили христіанство и Церковь, *какъ истину*, т. е. истина совпадала для нихъ съ христіанствомъ, какъ они понимали его: иначе сказать, они никакъ не менѣе васъ были правы передъ истиной, а если посмотрѣть на *жизнь* ихъ, то, несомнѣнно, окажется, что даже превосходили васъ любовью къ ней...

Неосновательно разъединивъ истину, христіанство и Церковь, реченіе Кольриджа такъ же неосновательно смѣшиваетъ Церковь съ сектой. Для Кольриджа такое смѣшеніе естественно: онъ не зналъ Церкви, а видѣлъ секты, именующіе себя Церквами: свои выводы изъ наблюденій надъ сектами онъ перенесъ на Церковь. Между тѣмъ многое, что приложимо къ сектѣ, вовсе не приложимо къ Церкви.

Впрочемъ я не стану *безусловно* оспаривать мысли, выраженной въ словахъ Кольриджа. Возможно,—и, къ сожалѣнію, нерѣдко случается,—что люди, принадлежащіе къ Церкви, уподобляются сектантамъ по своему душевному устроенію. Разумѣю тѣхъ, кто вступаетъ въ Церковь, ища въ покорномъ послушаніи ей, какъ *внѣшнему авторитету*, лѣниваго покоя для своей истомленной головы. При такомъ отношеніи къ Церкви движеніе впередъ по пути усвоенія истины прекращается, вѣра и любовь изсякаютъ, въ душѣ рождается сектантское самодовольство съ неизбѣжными спутниками: фанатизмомъ и нетерпимостью.

Но эти случаи, мало ли ихъ будетъ, или много, не измѣняютъ *существа* дѣла, не опровергаютъ истинности христіанства и Церкви (хотя и вносятъ соблазнъ въ многія людскія души), подобно тому, какъ превалирующее количество эгоистовъ въ мірѣ не подрываетъ въ глазахъ разумнаго человѣка правды нравственнаго закона (хотя и порождаетъ въ иныхъ сердцахъ сомнѣніе въ силѣ его).

На ваше послѣднее признаніе, что вы радостно и спокойно приближаетесь къ смерти,—ничего не скажу. Будущее, неизвѣстное и вамъ, и мнѣ, скажетъ свое слово о вашемъ спокойствіи и вашей радости..

Простите, если чѣмъ нечаянно обидѣлъ васъ, Л. Н—чъ. Говорю „нечаянно“, потому что во все время писанья не замѣчалъ въ себѣ ничего къ вамъ враждебнаго. Напротивъ, съ первыхъ страницъ моего письма

всплыли изъ далекаго прошлаго наши дружескія отношенія, и образъ ихъ не покидаетъ меня доселѣ. Мнѣ грустно, что ихъ нѣтъ теперь и не можетъ быть, пока между нами стоитъ Онъ, Господь мой и Богъ мой, молитву къ Кому вы считаете кощунствомъ, и Кому я молюсь ежедневно, а стараюсь молиться непрестанно. Молюсь и о васъ и о близкихъ вашихъ съ тѣхъ поръ, какъ разойдясь съ вами, я послѣ долгихъ блужданій по путямъ сектантства вернулся въ лоно Церкви Христовой.

Для всѣхъ насъ „время близко", а для васъ, говоря по *человѣческому* разсужденію, — и очень близко... Но я не теряю окончательной надежды, что вамъ, которому такъ хорошо знакомо слово евангелиста Іоанна, что „всякій, не дѣлающій правды, не есть отъ Бога" (1 Іоан. 3, 10), откроется истинный смыслъ и другого слова того же апостола любви, что „не есть отъ Бога и всякій духъ, который не исповѣдуетъ Іисуса Христа, пришедшаго во плоти", тогда, можетъ быть, въ послѣднія минуты вашего земнаго странствія, Образъ Воскресшаго зажжется яркимъ пламенемъ въ душѣ вашей, и вы, выйдя изъ мрака въ „чудный свѣтъ" Его, подобно блаженному Августину, если не воскликнете, то въ тайнѣ сердца вашего изречете: Sero te amavi, pulchritudo tam antiqua et tam nova, sero te amavi!

М. А. Н—въ.

Вышній-Волочекъ,
Тверской губ.
29 мая 1901 г.

II.

Открытое письмо болящему графу Льву Николаевичу Толстому отъ бывшаго его поклонника.

«Души праведныя въ рукѣ Божіей и мученіе не коснется ихъ» (1), «хотя онѣ въ глазахъ людей и наказываются, но надежда на нихъ полна безсмертія» (4), надѣющіеся на Него познаютъ истину» (9), «Праведникъ, если и рановременно умретъ, въ покоѣ будетъ» (IV, 7), «Безпорочная жизнь возрастъ старости» (9) »Праведники живутъ во вѣки (V. 15), «Непобѣдимый щитъ святость» (19). «Злодѣяніе ниспровергнетъ пристолы сильныхъ» (24), «Господь испытаетъ намѣренія» (VI 3).

Вотъ уже болѣе 5 лѣтъ, какъ я и нѣкоторые другіе изъ бывшихъ вашихъ обожателей и послѣдователей *круто* разошлись дорогами: вы остались на *своемъ* пути до послѣднихъ дней (это читается въ вашихъ самыхъ послѣднихъ статьяхъ лондонскаго „Свободнаго Слова“ и въ „Воскресеніи“ лондонскаго изданія—„дышащемъ прещеніями и злохуленіями“ на Христа и Его Св. Церковь),—а мы, силою Божьяго промышленія и дѣйствіемъ Всесвятаго Духа Утѣшителя, очистились отъ скверны вашего лжеученія, обновились и содѣлались вѣрными чадами матери—Церкви и Христа Бога нашего, „не желающаго, чтобы кто погибъ, но чтобы всѣ въ покаяніе и въ разумъ истины пришли“.

Вы давно, какъ кумиръ нашего сердца,—разбитъ, какъ властитель нашихъ думъ и юныхъ мечтаній—низверженъ,—путемъ тяжелой душевной борьбы, путемъ многихъ скорбей и великихъ злостраданій. Но забыть васъ мы не можемъ; скажу болѣе, вы, Левъ Николаевичъ, намъ прозрѣвшимъ, седмирицею искушеннымъ, и ближе и понятнѣе съ своимъ душевнымъ міромъ, чѣмъ всѣмъ другимъ слѣпымъ, неискушеннымъ поклонникамъ, какими были нѣкогда и мы. Впрочемъ, не буду говорить за другихъ изъ *бывшихъ вашихъ*, но лишь за себя. За это время тяжелаго вашего недуга я, Левъ

Николаевичъ, молилъ Премилосердаго Бога дать вамъ *отсрочку* въ смерти для покаянія и спасенія. Никогда можетъ быть, какъ въ эту недѣлю, съ такою силою не ощущало сердце мое ужасъ геены огненной, мрака ада, тьмы кромѣшной, уготованной, по непреложному слову Евангелія, умершимъ въ нераскаянномъ ожесточеніи противъ Христа Бога и Церкви Его; „всякъ грѣхъ простится, кромѣ хулы на Духа Святаго"! Впрочемъ болѣе чѣмъ кто-либо геены достоинъ я самъ: „отъ устъ моихъ судитъ меня Богъ".

Опасаясь за участь вашей безсмертной души въ предстоящей ей вѣчности,—рѣшилъ я послать вамъ въ первые же дни вашей болѣзни братское письмо съ призывомъ: вспомнить смерть, геенну огненную, блаженство вѣчное, провѣрить свои помышленія и послѣдовать евангельскому зову Христа Спасителя на путь покаянія. Получили ли вы это письмо, дали-ли вамъ прочитать? Я просилъ васъ отозваться хоть парою словъ и теперь прошу. По милости Творца вѣковъ и временъ, въ руцѣ Коего концы жизни и смерти нашей,—Вы поправляетесь. Дай Богъ, чтобы Вы и еще прожили много лѣтъ. Но ваши старческіе годы и болѣзнь печени—вещь не шуточная—невольно мысль обращаютъ къ той грани, которой ни одинъ смертный не можетъ не перешагнуть. Вотъ почему я обращаюсь къ вамъ съ этимъ письмомъ, диктуемымъ самыми добрыми чувствами и нелицемѣрными намѣреніями, внушаемыми долгомъ христіанина, тѣсно связаннаго съ вами столь скорбнымъ моимъ прошлымъ. Вы не согрѣшите, подобно А. Н. Чертковой, приславшей мнѣ вчера изъ Лондона „открытку" не христіанскаго духа, и не назовете меня „Іудой Искаріотскимъ". „волкомъ въ овечьей одеждѣ",—не сочтете словъ сострадательной моей любви къ вамъ „фразами фарисея"?

Вспомните, Левъ Николаевичъ, мое къ вамъ письмо изъ с.-петербургской пересыльной тюрьмы,—въ которомъ я тогда говорилъ вамъ, что вы, какъ Поликратъ, и что на васъ излилось всевозможное земное счастье: богатство, семейное рѣдкое благополучіе, долголѣтняя, до глубокой старости,—спокойная, безмятежная жизнь, всемірная головокружительная слава. Васъ это письмо тронуло до слезъ, писалъ мнѣ тогда В. Г. Чертковъ. Оттого-ли это, что писалъ я отъ преизбытка сердца,

ибо въ незабвенное то время весь я былъ охваченъ любовью теплою къ людямъ,—„страсти мои были придавлены", какъ писали мнѣ съ Аѳона. Но думаю оттого васъ тронуло то мое нѣжное письмо, что Духъ Божій Утѣшитель таинственно (какъ ему свойственно) коснулся измученнаго сердца, и оно сознало на мгновеніе, что Богъ, дѣйствительно, щедро одарилъ васъ отъ богатыхъ своихъ даровъ. Не понималъ я, какъ спасаетъ Богъ. Теперь же мнѣ ясно, что васъ Онъ хотѣлъ и хочетъ привлечь къ Себѣ Своею благостью, кротостью, долготерпѣніемъ, любовью, которая для нашего спасенія предала въ руки грѣшниковъ на пропятіе Возлюбленнаго Отчаго Сына. Зачѣмъ вы не внемлете тихому гласу Божіей любви?

И вотъ Богъ начинаетъ васъ взыскивать Своею строгою десницею, посылая вамъ тяжкую болѣзнь и глубокую скорбь въ разлукѣ не только съ любимою дочерью но и въ разочарованіи,—смѣю думать, ею, нарушившею заповѣди Крейцеровой Сонаты и послѣдовавшею подъ вѣнецъ христіанскаго брака въ православной, обруганной вами Церкви. Такъ я понимаю причину вашей болѣзни и я ей порадовался ради вашей души. Съ тѣхъ поръ, какъ я писалъ вамъ то тронувшее васъ сердечное письмо, съ выраженіями сыновней любви, утекло много воды. Многими скорбями лютыми спасалъ мою сластолюбивую душу Господь. Благодарю Бога и молю не лишить меня и впредь очистительныхъ скорбей и обидъ. Знаю, что не попасть иными путями въ царство небесное, какъ только „многими скорбями", коими спаслись всѣ святые: мученники, пустынники, апостолы, пророки, учители, а также и тотъ разбойникъ, который первый вошелъ въ рай Божій послѣ мукъ крестныхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ прошелъ я сквозь цѣлый рядъ тюремъ, этаповъ и арестныхъ домовъ, испыталъ я уже иныя скорби, о коихъ сказано въ Евангеліи: „радуйтеся и веселитеся, егда рекутъ вамъ всякъ золъ глаголъ, на вы лжуще Меня ради"; сладостнѣе этихъ скорбей нѣтъ въ мірѣ, ибо по мѣрѣ, какъ онѣ умножаются—умножается и утѣшеніе отъ Утѣшителя Духа, Который нѣжнѣе матери умѣетъ облегчить скорбящую по христіански душу. Да, если чѣмъ могу нынѣ похвалиться,—похвалюся скорбями, коими облагодѣтельствовалъ меня Господь и далъ познать неисповѣдимую

сладость смиренія и глубокія чувства любви къ людямъ братьямъ, всепрощенія и жалости къ нимъ. Знаете-ли, Л. Н., что я слышалъ отъ „православныхъ“, которыхъ всѣхъ сплошь я нѣкогда, слѣдуя вамъ, почиталъ непотребными. Одинъ монахъ мнѣ говорилъ, что въ христіанинѣ должно мудрствоваться то, еже мудрствовалось (мыслилось и чувствовалось) во Христѣ Іисусѣ, то есть въ сердцѣ Богочеловѣка. Что же такое? А то, чтобы имѣть въ тайнѣ сердца своего желаніе дать ближнему ѣсть *свою* плоть. Дивно, но понятно это, по крайней мѣрѣ à contro verso: въ злыхъ или одержимыхъ злою похотью является чувство, выражаемое: „такъ бы и разорвалъ въ клочки, такъ бы и съѣлъ“..

Вы написали прегрѣшную подпольную книгу въ доказательство вѣры вашей, что „царство Божіе внутрь насъ“, а я пріобрѣлъ, во внутренней борьбѣ съ вашими лжеученіями, вѣру, что *и царство сатанино внутрь насъ*, и открывается въ отношеніяхъ къ ближнему. Представьте, вообразите своимъ художественнымъ высокимъ умомъ, какъ висѣлъ между небомъ и преисподнею на крестѣ Кротчайшій, Смиреннѣйшій, Безгрѣшный, и какъ молился о распинателяхъ Тотъ, при послѣднемъ вздохѣ Котораго великимъ трусомъ потряслась земля, померкло солнце и увѣровало сердце язычника—сотника, сказавшаго: „воистину это былъ Сынъ Божій“! Неужели ваше сердце, сердце поэта и гуманиста, менѣе чутко, чѣмъ суровое солдатское сердце сотника римскаго? Увѣровалъ разбойникъ, то есть убійца и варваръ, и смиренно сказалъ эти сладкія слова: „помяни мя, Господи, во царствіи Своемъ“,—неужели не увѣруете вы, который умѣлъ описать подвигъ Наташи Ростовой, смерть князя Волконскаго и многое другое трогательное, надъ чѣмъ я плакалъ въ юношескіе мои годы и что воздвигло умъ мой отъ грубой скотской чувственности къ высшимъ наслажденіямъ поэзіей и поэтическимъ созерцаніемъ („надъ вымысломъ слезами обольюсь“—писалъ А. С. Пушкинъ)? Нынѣ я познаю другую поэзію—поэзію покаянной молитвы, самоокаяванія, сокрушеннаго предъ Богомъ сердца, молитвеннаго болѣзнованія о ближнихъ, въ томъ числѣ и о васъ. Мучительно и ужасно жить въ сѣни смертной гордыни, самообожанія, упорства, жестокосердія. „Когда услышите гласъ Его, не ожесточите сердца“. О! я помню, какъ одержимый этими злыми

демонами я мучилъ мою бѣдную страдалицу мать. И въ тайнѣ души я всегда любилъ мою мать: въ отрочествѣ я заливался слезами, когда представлялъ ее себѣ во гробѣ, умершею. И мама моя чуяла сердцемъ, что, мучая ее злыми рѣчами, революціонными, безтолковыми фанфаронадами, самъ я болѣе ея мучаюсь. Помню: такъ бы кажется упалъ передъ матерью на колѣни, въ слезахъ, цѣлуя ея трудовыя руки, но слезъ не было въ сердцѣ, сердце не раскрывалось,—оно сдѣлалось гнѣздилищемъ падшихъ и нечистыхъ духовъ. Вотъ, милый Л. Н., не тоже-ли самое испытывается въ васъ по отношенію къ Матери-Церкви, простирающей къ вамъ руки и зовущей къ таинствамъ очистительнымъ: „ядите, сіе есть Тѣло Мое, еже за вы ломимое во оставленіе грѣховъ" всего міра, а не только *вашихъ*, сколько бы велики они ни были. „Пейте отъ нея (чаши) *вси*"—въ томъ числѣ и *вы*,—„сія есть *Кровь* новаго завѣта, яже за вы и за многіе изливаемая во оставленіе грѣховъ". Но вы страшитесь, вамъ тяжело, совѣстно отдаться въ объятія Матери-Церкви, ринуться,—вспоминая, сколько ругательствъ и хуленій высказано вами на Церковь Христову въ писаніяхъ вашихъ (а наипаче въ критикѣ Догматическаго православнаго Богословія). Но это ложный стыдъ. Послѣдуйте доброму примѣру блуднаго евангельскаго сына. Тотъ самъ пришелъ, а васъ зоветъ и зоветъ Церковь-мать, не теряя надежды до послѣдняго дня, всячески ожидая вашего обращенія. Повѣрьте, Л. Н., что всѣ православные, вѣрующіе люди больше, чѣмъ вы сами и всѣ ваши безбожные поклонники, болѣютъ въ эти дни болѣзни вашей опасеніемъ за погибель вѣчную вашей души. Не „Миссіонерское ли Обозрѣніе" приняло на свои страницы это мое къ вамъ письмо? Да и какъ не бояться и не скорбѣть объ участи тѣхъ людей, кои по канонамъ должны быть даже лишены христіанскаго погребенія по церковному чину и молитвъ Церкви заупокойныхъ, кои могутъ умереть въ ожесточеніи, не сознавъ своихъ заблужденій и грѣховъ, въ упорномъ отрицаніи Божества Іисуса Христа, какъ будто отрицаніе это сдѣлаетъ Его менѣе Божественнымъ? Въ томъ-то и Божественность Іисуса Христа, что Онъ обладая живыми и мертвыми, Онъ, Котораго одно имя, призываемое съ вѣрою, отгоняетъ демоновъ, Онъ, Который имѣетъ власть, разсѣкши насъ

съ вами „полма“, ввергнуть въ дебрь огненную, Онъ-то и долготерпитъ, и милосердствуетъ о насъ, „не желая смерти грѣшника“, а потому даетъ въ нашихъ тяжкихъ неисцѣльныхъ, казалось, болѣзняхъ отсрочку.

Опытно дознано, что болѣзни, посылаемыя Богомъ, и скорби житейскія исцѣляютъ наши отъ самообольщенія, самообожанія, гордости, лжеучительства, напоминаютъ о личномъ ничтожествѣ, о смерти, о мученіяхъ адскихъ *тамъ*,—въ мірѣ иномъ, „гдѣ каждому воздастся по дѣламъ его“.

Всѣмъ извѣстна, Л. Н., искренность вашего по природѣ добраго, честнаго сердца, чуткость богато одареннаго Богомъ, но омраченнаго гордостью ума, и я не отчаиваюсь въ надеждѣ, что вы не уйдете въ другой міръ, не сказавъ со всею искренностью правды о себѣ самомъ, что вы не отвергнете съ грубымъ и тупымъ упорствомъ любвеобильныхъ попеченій Церкви Христовой, которая васъ и дѣтей вашихъ крестила и муропомазала, благословила на бракъ, многократно питала Кровію и Тѣломъ Богочеловѣка и молится донынѣ о васъ. Левъ Николаевичъ! Скоро пробьетъ и *двунадесятый* часъ вашей жизни... Не забудьте евангельскихъ словъ Милостиваго Человѣколюбца, что и въ этотъ часъ пришедшій къ Нему „ту же честь обрящетъ“. Припомните, Л. Н., спасшагося на крестѣ при послѣднемъ издыханіи, „благоразумнаго разбойника“. Не поздно и для васъ покаяніе, а болѣзнующая о заразительныхъ струпьяхъ и смрадныхъ язвахъ вашего горделиваго лжеучительства Мать-Церковь приметъ васъ, очиститъ и омоетъ благодатію своихъ Таинствъ, вразумитъ, успокоитъ смятенную вашу совѣсть. „Любяй неправду ненавидитъ свою душу“!.. Теперь,—съ Божьею помощью („безъ Мене же ничего не можете творить“,—учитъ слово Божіе,—„безъ Бога ни до порога“ — говоритъ православный голосъ народной мудрости),—вы поправляетесь отъ недуга. Подведите-же, стоя на рубежѣ двухъ міровъ, спокойно и безпристрастно итоги вашей борьбы съ Іисусомъ Галилеяниномъ, Котораго вы, въ сознаніи и воображеніи своемъ, низводили съ высоты Божественнаго достоинста на ступень едва-ли не ниже себя,—и скажите устами Юліана Богоотступника, который вѣдь не ниже васъ по даннымъ отъ Бога талантамъ:— *Ты побѣдилъ меня*,— „трудно рожну противу прати“! По-

смотрите затѣмъ, Л. Н., и на ближайшіе плоды своего противохристіанскаго еретическаго мудрованія. Церковь Христова стоитъ вотъ уже 2 тысячи лѣтъ, какъ непоколебимый „столпъ и утвержденіе истины“, и будетъ стоять до скончанія вѣка, „ибо и врата ада не одолѣютъ ее“. А ваше яснополянское царство, или, вѣрнѣе, братство, не устояло и въ теченіе какого-нибудь десятка лѣтъ. Почему? А потому, что оно построено вами на пескѣ, на болотѣ горделивыхъ страстей. Гдѣ ваши апостолы,—первенцы и піонеры толстовской секты (всѣ изъ университетской, просвѣщенной молодежи!), на которыхъ почивала ваша любовь и лучшія надежды? Одни, испивъ до дна чашу разочарованія,—оживотворенные и обновленные благодатію Св. Духа въ Церкви православной, при посредствѣ слова Божія, ученія святыхъ отцевъ и таинствъ, сдѣлались вѣрными и преданными сынами Церкви и государства,—изъ нихъ Аркадій В—чъ Ал—нъ, исходивъ всю Русь, изслѣдовавъ всѣ лжеученія, побывавъ въ св. землѣ, вернулся въ лоно Церкви и теперь служитъ помощникомъ городского головы К—ка, Михаилъ А—чъ Н—въ, издатель вашего смердящаго злобою на военное званіе и помазанника Божія, лучшаго изъ царей нашей исторіи, разсказа „Николай Палкинъ“,—состоитъ смотрителемъ одного училища и миссіонерствуетъ среди увлекающейся вашимъ лжеученіемъ интеллигенціи, во славу православія.

Я, многогрѣшный,—исходивъ послѣ освобожденія отъ ссылки—per pedes apostolorum—весь дикій сѣверъ, до Соловокъ включительно, какъ видите, отдался духовной журналистикѣ и тоже противъ васъ миссіонерствую, ради спасенія своей грѣшной души.

Молодой, талантливый Г—е, наплодивъ полдюжины дѣтей съ одной крестьянкой, на правахъ толстовскаго гражданскаго брака, послѣ 10 лѣтнихъ мукъ жизни по толстовскому режиму, проклялъ день своего впаденія въ капканъ вашего ученія и умчался за-границу; Абаза—единственная надежда у матери, не справившись съ душевною борьбою, съ двоящимися своими мыслями по поводу вашего лжеученія,—застрѣлился; совращеннаго въ вашу секту священника Аполлова (какъ ужасно это, что и іерей не устоялъ!) *ваши* же удержали на смертномъ одрѣ отъ раскаянія, пославъ къ нему П. И. Бир—ва увѣщевать умирать *мужественно* (какое насиліе!). Дрожжина, въ безплодной борьбѣ съ воинской дисци-

плиной, заѣла скоротечная чахотка въ госпиталѣ исправительнаго баталіона. Шкарвана увлеченіе вашимъ ученіемъ лишило докторскаго диплома, гражданскихъ правъ и здоровья. Ваше же ученіе десятки духоборъ—толстовистовъ (постниковъ) свело въ могилу, сотни довело до ссылки, а тысячи разорило и выкинуло за бортъ очечества,—въ Канаду, гдѣ теперь они клянутъ свою судьбу (прочтите письмо духобора Гончарова въ ноябрьской кн. „Мисс. Обозр.“). В. Г. Черткова, кн. Д. А. Хилкова (оба—единственная надежда своихъ матерей!), П. И. Бирюкова, И. М. Трегубова, Е. И. Попова, М. А. Бадянскаго постигла административная ссылка, и они эмигрировали за границу, гдѣ изъ *непротивленцевъ* сдѣлались озлобленными сѣятелями всякаго противленія, неправды и хулы на Россію и Церковь православную (въ своихъ листкахъ „Свободнаго Слова“, въ которыхъ и вы мараете свои руки, украшая каждый мизерный ихъ листокъ передовыми статьями). А гдѣ нынѣ толстовскія колоніи опростившихся интеллигентовъ?—Всѣ разсыпались, разбрелись. Посмотрите, наконецъ, на свою собственную семью: Магометъ и тотъ прежде всего плѣнилъ вслѣдъ себя жену, а вы ни супругѣ Софьѣ Андреевнѣ, ни дѣтямъ вашимъ не могли внушить и привить своихъ заповѣдей, правилъ и началъ жизни, ибо въ самой основѣ ихъ лежитъ фальшъ и противорѣчіе. Если уже дѣти ваши, послѣдовавшіе за вами, скоро измѣняли (ужъ не Татьяна-ли Львовна была, казалось, вѣрною послѣдовательницею вашею!), то гдѣ-жъ прочность и незыблемость вашихъ началъ и основъ? Изъ краткаго сего повѣствованія вамъ ясны должны быть *горькіе плоды* вашего ученія.

Неужели вы, великій художникъ слова и поэтъ,—этому своему антихристіанскому ученію принесите въ жертву свою безсмертную душу, свою судьбу въ вѣчности? Да сохранитъ и вразумитъ васъ Всемилостивѣйшій Спасъ, имиже вѣсть судьбами! Смотрите сами: вы свободны, насильно Богъ никого не спасетъ „*Обратитеся ко Мнѣ, и Азъ обращуся къ вамъ*“, говоритъ Господь.

Пусть знаетъ, что обратившій грѣшника отъ ложнаго пути его спасетъ душу отъ смерти и покроетъ множество грѣховъ“ (Іак. 5. 20).

Хорошо извѣстный вамъ, бывшій *вашъ* Михаилъ *С—ко.*

III. „Ex unque Leonem".

Размышленія бывшаго толстовца по поводу отвѣта гр. Толстого Св. Синоду.

I.

„Кто есть лживый, точію отметаяйся, яко Іисусъ нѣсть Христосъ; сей есть *антихристъ*" (1 Іоан. 2, 22).
«*Явлена* суть чада Божія и чада діаволя» (1 Іоан. 3, 10).
«Антихристъ *грядетъ*, и нынѣ антихристи мнози» (Іоан. 2, 18).

Высокопреосвященнѣйшій Владыка митрополитъ С.-Петербургскій выше справедливо указываетъ на *самообожаніе* графа Толстого, ясно обнаружившееся („нѣтъ ничего тайнаго, чтобы не сдѣлалось... явнымъ") въ его напыщенныхъ словахъ: „вѣрю въ то, что онъ во мнѣ и я въ немъ". Подъ словами: „онъ" и „въ немъ" графъ воображаетъ Господа Бога, и не безъ намѣренія графъ эти мѣстоимѣнія пишетъ съ малой буквы, а не съ большой [1]). Если сопоставимъ еретически кощунственное содержаніе всѣхъ скверныхъ сочиненій графа съ его наглымъ отвѣтомъ Св. Синоду и съ его смѣхотворными словами: „онъ во мнѣ и я въ немъ", то убѣдимся, что поистинѣ никто иной, какъ „отецъ лжи", въ графѣ, и графъ „въ немъ". Другой графъ Владиміръ Бобринскій поймалъ Толстого во лжи явной: графъ Левъ утверждалъ, что Святая Церковь не дѣлала по отношенію къ нему „попытокъ вразумленія". Развѣ брошюра „Плоды ученія гр. Л. Н. Толстого", изданная Святѣйшимъ Синодомъ въ 1896 году, то есть 5 лѣтъ назадъ, въ приложеніи къ „Церковнымъ Вѣдомостямъ" болѣе, чѣмъ въ 50 тысячахъ экземпляровъ, не есть „попытка вразумленія" и притомъ отъ лица бывшаго толстовца? Не солгало ли его сіятельство? А если такъ, то кто же въ утробѣ его обитаетъ таинственно (незримо), но реально (дѣйстви-

---

[1]) Такъ изображено въ литографированномъ экземплярѣ «Отвѣта» на страницѣ 7.

тельно, не мнимо)? Духъ Истины или духъ лжи? Отвѣтъ ясенъ: „*онъ* въ графѣ и графъ *въ немъ*“.

„Отецъ лжи“ и „человѣкоубійца“ столь хитросплетенно незримо соплелся съ духомъ графа, что поистинѣ графъ можетъ утверждать: „*онъ* во мнѣ и я *въ немъ*“. Бѣдные люди, горемычные, прямѣе сказать, окаянные „сыны человѣческіе“! Какъ насъ ловко обманываютъ лукавые споспѣшники „отца лжи“, имъ вдохновляемые, благодаря нашему невниманію къ точному смыслу слова Божія, невѣдѣнію ученія св. отецъ, благодаря пренебреженію къ царицѣ добродѣтелей, *разсужденію*. Не Богословъ ли Іоаннъ вопіетъ понынѣ: „*не всякому* духу вѣруйте, но искушайте [1]) духи, аще отъ Бога суть“. И почему же надо „искушать (изслѣдовать, разсуждать)? „Яко мнози лжепророцы изыдоша въ міръ“. Сынъ громовъ, Богоглаголивый Іоаннъ, въ коемъ дѣйствительно былъ Богъ и онъ въ Богѣ, ясно учитъ, какъ отличать Духа Божія (Святаго) отъ „духа лестча“ (діавола, „отца лжи“). „Всякъ духъ, иже не исповѣдуетъ Іисуса Христа во плоти пришедша, *отъ Бога нѣсть*“ (1 Іоан. 4, 3). И чтобы тверже запечатлѣть истину сію въ умахъ нашихъ и душахъ, Боговидецъ Іоаннъ повторяетъ: „*всякъ*“ [2]) духъ, иже исповѣдуетъ Іисуса Христа во плоти пришедша (т. е. Богочеловѣка, Бога во плоти), отъ Бога есть“ (1 Іоан. 4, 2). Но ни для кого уже не тайна, что Толстой, сей левъ, рыкающій свирѣпо на Св. Церковь, въ *Божество* Іисуса Христа не вѣруетъ и не только не исповѣдуетъ *Богочеловѣчества* въ лицѣ Іисуса Христа, но съ ожесточеніемъ и озлобленіемъ проповѣдуетъ совсѣмъ противоположное: отвергая не только Сына Божія, но и Отца, и Святаго Духа, какъ ясно видно изъ словъ графа [3]).

Кому же вѣрить, графу ли, утверждающему, будто Богъ въ немъ и онъ въ Богѣ, или св. Іоанну Богослову, увѣрющему насъ, что „нѣсть отъ Бога“ духъ, который не исповѣдуетъ „Іисуса Христа, пришедшаго во плоти“ нашего ради спасенія, обновленія и просвѣщенія?—Вѣруемъ святому Іоанну Богослову и не вѣ-

---

[1]) Т. е. разсуждайте, обсуждайте.

[2]) «Всякъ» это значитъ: въ комъ бы духъ такой ни обиталъ, какими бы *благодатностями* себя ни прикрывалъ , но если только *Бога во плоти* не исповѣдуетъ—онъ не отъ Бога.

[3]) Вотъ эти безумные глаголы: «то, что я отвергаю непонятную Троицу, то совершенно справедливо».

римъ „отцу лжи, говорящему устами графа Толстого. Довольно яснополянскому лжеучителю морочить насъ! довольно мы ему покурили ѳиміама, какъ какому-то божку или идолу.

II.

Се же вѣждь, яко въ послѣдніе дни настануть времена люта. Будутъ бо человѣцы самолюбцы, сребролюбцы, *величави, горди, хулницы*... неправедни... нагли, *напыщени*, имущіе образъ благочестія, силы же его отвергшіеся. И сихъ отвращайся (2 Тимоѳ. 3, 1—5).

Достойно смѣха то, что графъ въ себѣ Бога видитъ, а въ Іисусѣ Христѣ Бога не видитъ; себя именуетъ богоноснымъ („онъ во мнѣ"), а въ Іисусѣ Христѣ Божественности не разумѣетъ. Графъ сдѣлался самоистуканомъ" — по выраженію церковному: себя онъ объявилъ Богомъ, а Сына Божія развѣнчалъ (конечно, только въ своемъ грѣховномъ воображеніи): графъ пришелъ въ то состояніе, которое діаметрально-противоположно смиренію, то есть въ состояніе *сатанинской слѣпой гордости*; сердце его одебелѣло, очерствѣло, окаменѣло и утратило чувство Бога, то чувство духовное, коимъ вѣрующіе ясно опознаютъ истиннаго Бога, Бога Вседержителя и Творца всего видимаго и невидимаго въ пресвѣтлой Личности Іисуса Христа и коимъ отличаютъ истину Его ученія, правду Его заповѣдей и словесъ. *Графъ точно осатанѣлъ*, пришелъ въ состояніе бѣсовское. Не то это значитъ, что графъ сталъ бѣсноватымъ: я знаю бѣсноватыхъ, одержимыхъ бѣсами, которые чтутъ Іисуса Христа, какъ Бога, осѣняютъ себя крестомъ, молятся Богу и Его угодникамъ. Бѣсноватый это—больной, попущеніемъ Божіимъ: своими страданіями онъ платится за грѣхи родителей, или за свои, но страданіями и очищается. Графъ же сталъ „дѣлателищемъ діаволимъ" *добровольно*, постепенно подпавъ подъ „власть тьмы" за то, что отвергъ истину Святой Церкви и повѣрилъ лжи и отрицанію „отца лжи". Съ графомъ сталось то, что съ Іудою Искаріотскимъ, въ котораго „по хлѣбѣ вниде сатана": Іуда

не сталъ бѣсноватымъ, но сталъ орудіемъ („дѣлателищемъ“) сатаны и исполнителемъ его богоубійственнаго замысла; и графъ сталъ служителемъ сатаны, вѣстникомъ безбожнаго и богоборнаго ученія. Что можетъ быть ужаснѣе этого состоянія, въ которое пришелъ графъ постепенно черезъ безнаказанное лжеучительство! Только ангелъ-хранитель видитъ во всемъ ужасѣ это духовное состояніе погибающей души графа. Графъ приближается къ смерти, которая есть дверь въ ту грозную область, гдѣ дѣйствіе нашей свободы уже кончается: приближаясь къ смерти, графъ ругается надъ всѣмъ тѣмъ, что любитъ Владыка живота и смерти Христосъ, думая, что власти надъ нимъ, графомъ, Христосъ Господь не имѣетъ. Не думаетъ ли онъ, что ложь заключаютъ въ себѣ слова Господа: „дадеся ми всяка власть на небеси и на земли“? (Матѳ. 28. 18). Забылъ онъ и въ ослѣпленіи не видитъ въ этихъ словахъ непререкаемую истину, что Христу Господу принадлежитъ власть и надъ личностью графа. Вотъ болѣе 75 лѣтъ графъ прожилъ на семъ свѣтѣ, и каждый годъ хулимый имъ Христосъ Господь могъ его поразить смертію, бѣдою, болѣзнію, нищетою. Однако Христосъ Господь донынѣ даетъ Л. Н. „жизнь, дыханіе и все“ благое. Графъ пользуется съ самаго рожденія воздухомъ Господнимъ и хулитъ Господа, разлившаго сей воздухъ; пользуется землею и плодами земли Божіей и оскорбляетъ Бога Христа, создавшаго землю; пользуется водами и свѣтомъ солнца Божія и поноситъ уничтожительными именами Создателя солнца; пользуется тѣломъ своимъ, устроеннымъ мудростью Бога Слова („имже вся быша“) и „отвергаетъ“ Святую Троицу (стр. 4 „Отвѣта“), создавшую человѣка. Уразумѣемъ же, братія, *долготерпѣніе* Господа, *кротость* Господа, Его дивное *смиреніе*, являемое въ Его отношеніи къ гордому ересіарху, котораго Онъ не только жизни не лишаетъ, но и осыпаетъ дарами земнаго временнаго счастья (богатствомъ, славою человѣческою и семейнымъ счастьемъ). Господь Іисусъ Христосъ учитъ насъ словами Евангелія „любить враговъ и творить добро ненавидящимъ“; но болѣе того Господь учитъ насъ примѣромъ собственными дѣлами, тѣмъ, что сіяетъ солнцемъ Своимъ на „благія и злыя“. Но поучимся и тому, чтобы презирать *земныя блага*, столь цѣнимыя грѣшниками, но

столь малоцѣнныя въ очахъ Господа Бога, что Онъ въ нихъ не отказываетъ даже лютѣйшимъ Своимъ врагамъ: ересеучителямъ и лжепророкамъ. Научимся тому, что земныя блага недостойны любви, но не заслуживаютъ и ненависти, а даны для *правильнаго* пользованія ими по волѣ Господа и для возбужденія чувствъ любви къ Благодѣтелю и сознанія нашей обязанности прославлять Его святое имя въ правой вѣрѣ и жизни.

Въ слѣдующихъ главахъ, слово за словомъ, разсмотримъ дальнѣйшіе предерзости графскаго отвѣта Свят. Синоду.

III.

«Прежде пріятія силы духовной не читай книгъ, чуждыхъ правовѣрія, потому что онѣ исполнены тьмы и помрачаютъ умы немощныхъ» (св. Іоаннъ Лѣствичникъ, слово 27, гл. 78).

Вотъ какъ оберегали души вѣрующихъ Богоносные отцы и насколько опаснымъ почитали чтеніе еретическихъ книгъ. А вотъ графъ почитаетъ безцѣльнымъ постановленіе Св. Синода. Оно не безцѣльно ужъ хотя бы потому, что предостерегаетъ многихъ отъ чтенія богохульныхъ сочиненій Толстого. Такое чтеніе можетъ быть неопасно только для пріявшихъ „силу духовную“, по Лѣствичнику, то есть имѣющихъ въ себѣ, въ умѣ и сердцѣ своемъ, Святаго Духа, то „помазаніе отъ Святаго“, которое научаетъ всякой истинѣ и ясному разсужденію между ложью и истиною. Только люди имѣющіе, по апостолу, чувства, „обученныя въ разсужденіи добра и зла“, могутъ безъ вреда и помраченія читать еретическое „блядословіе“ (по выразительному выраженію Четій-миней). Поэтому-то постановленіе Свят. Синода, поставивъ клеймо порицанія и осужденія на произведеніяхъ яснополянскаго смутьяна, имѣетъ цѣлью предостеречь православныхъ отъ заразы, невидимо (таинственно) точащейся и вѣющей въ *смыслѣ, духѣ и тонѣ* богохульныхъ сочиненій Толстого. Св. Синодъ исполнялъ только свой священный долгъ, при

томъ съ немалымъ самоотверженіемъ, ибо противостать словомъ всеобщему увлеченію и бѣснованію—это очень нелегко.

Толстой называетъ безцѣльнымъ постановленіе Свят. Синода. Но развѣ назоветъ онъ безцѣльными врачебныя предостереженія и санитарныя постановленія во время чумы и холеры? Если въ этихъ постановленіяхъ публично и всенародно будутъ указаны клоаки и вертепы, опасные своею нечистотою въ санитарномъ отношеніи, то хотя бы владѣльцы клоакъ и вертеповъ злились и ярились на постановленія, понуждающія ихъ уничтожить источники заразы, никто изъ благоразумныхъ не станетъ на сторону владѣльцевъ и не назоветъ санитарныя постановленія безцѣльными.

Сочиненія Толстого (разумѣю его „религіозныя“ сочиненія) суть клоаки, издающія на весь свѣтъ смрадъ лжесловесія и богохульства, убійственное для здоровья душъ и умовъ дыханіе „князя міра сего“. Постановленіе Свят. Синода столь небезцѣльно, что, по мнѣнію одного подвижника, его одного довольно для спасенія всѣхъ тѣхъ мужей, которые подписали это постановленіе. Это мнѣніе весьма основательно: „кто исповѣдуетъ Меня“,—сказалъ Господь,—„передъ человѣками, того исповѣдую и Я предъ ангелами“. Двое изъ лицъ, подписавшихъ знаменитый актъ отлученія Толстого,—преосвящ. Борисъ и Маркеллъ уже преставились и явились Лицу Господа Бога, и теперь имъ очевиднѣе, чѣмъ кому либо изъ насъ, насколько было для нихъ полезно участвовать въ составленіи и объявленіи акта сего. „Помянетъ всяку жертву твою“ Господь Богъ и „воздастъ коемуждо“ не только по дѣламъ и словамъ, но и по намѣреніямъ и тайнымъ цѣлямъ. Для Толстого же постановленіе Свят. Синода имѣетъ двоякое значеніе: оно или спасетъ его, или довершится его погибель, но причина того и другого лежитъ не въ постановленіи, а *въ свободной волѣ* Толстого. Слово Божіе *само по себѣ* благотворно для человѣчества, но для „сыновъ противленія“ оно служитъ къ вящшему ихъ осужденію. Богъ „хощетъ всѣмъ спастися и въ разумъ истины пріити“, но насильно никого не спасаетъ, а враговъ своихъ, долго потерпѣвъ на нихъ, посѣкаетъ косою смерти, какъ садовникъ негодныя яблони, и низводитъ ихъ во адъ, о которомъ неумолчно вопіетъ донынѣ Святое Писаніе, предостерегая всѣхъ людей и

подавая вѣрныя средства спасенія отъ ада. Своимъ свирѣпымъ отвѣтомъ, подобнымъ рыканію льва или шипѣнію змія, графъ Толстой, повидимому, вступилъ на путь ожесточенія, о которомъ сказано: „егда услышите гласъ Его, не ожесточите сердецъ вашихъ“. Никакое слово постановленія не устрашаетъ и не трогаетъ Толстого, но все въ немъ *кажется* Толстому коварнымъ, нелѣпымъ, несправедливымъ. Ожесточеніе всегда связано съ помраченіемъ, а это состояніе граничитъ съ состояніемъ адскимъ, бѣсовскимъ и близко къ совершенному отчаянію, которое во всей силѣ дастъ себя почувствовать въ минуту смерти.

IV.

> „Никто изъ благоразумныхъ не сочтетъ ложь за малый грѣхъ; ибо нѣтъ порока, противъ котораго Всесвятый Духъ произнесъ бы столь страшное изреченіе, какъ противъ лжи. Если Богъ „погубитъ вся глаголющія лжу“ (Пс. 5, 7), то что пострадаютъ тѣ, которые сшиваютъ ложь съ клятвами“? (Іоаннъ Лѣствичникъ, слово 12, гл. 3, стр. 132).

Графъ и началъ—то свой ядовитый отвѣтъ не какъ русскій человѣкъ, но какъ иностранецъ, „какъ деньди лондонскій“. Эпиграфомъ къ своему отвѣту графъ поставилъ глаголы Кольриджа, какъ будто для русскихъ людей сей Кольриджъ—непререкаемый авторитетъ. Хитрѣйшій духъ, гнѣздящійся въ сердцѣ графа, по собственному его признанію („онъ во мнѣ“), зная слабую струнку немощныхъ и грѣшныхъ сыновъ человѣческихъ, вдохновилъ графа слова Кольриджа выставить въ эпиграфѣ на англійскомъ языкѣ. Это самое ребяческое тщеславьице, дабы всѣ простаки опѣшили и изумились: вишь, дескать, какъ по англійски-то „поповъ отщелкалъ“. На „интелегентовъ“ это тоже *обаятельно* дѣйствуетъ; европейскія „знаменитости“ у раболѣпствующей интеллигенціи русской извѣстны по именамъ стократно лучше, чѣмъ имена знаменитостей „доморощенныхъ“ („слово доморощенный“ и употребляется всегда почти саркасти-

чески: „можетъ ли что добраго произойти изъ Назарета!“), интеллигенція наша и не подозрѣваетъ, что многіе епископы, іереи и даже діаконы и чтецы Церкви знаютъ европейскіе языки не хуже гр. Толстого, а языки: еврейскій, греческій, и латинскій многіе въ духовенствѣ знаютъ превосходно. Признаюсь, я самъ, когда вступилъ въ общеніе съ духовенствомъ, изумлялся богатству лингвистическихъ и иныхъ научныхъ познаній въ лицахъ духовныхъ, и особенно меня трогала скромность, съ какою обладали этими познаніями нѣкоторые изъ нихъ. Но въ интеллигенціи, при удаленіи ея отъ области вѣяній и вліяній Святаго Духа (области церковной), тщеславіе, бахвальство внѣшними лингвистическими познаніями сильно развиты. Есть между интеллигентами люди и серьезные, у которыхъ хорошо развито нравственное чутье и которые гнушаются тщеславьишкомъ, хвастовствомъ и горделивостью. Но оскудѣніе благодати и тлетворное дыханіе „князя міра сего“ сильно даетъ себя чувствовать въ людяхъ интеллигентныхъ сильнымъ развитіемъ изнурительнаго, какъ лихорадка, тщеславія. Я бы не приписалъ тщеславію то, что графъ выставилъ въ эпиграфѣ англійскія словеса, если бы не слышалъ, что въ Крыму графъ о себѣ прямо трубитъ въ трубу тщеславія *) самымъ комическимъ образомъ. Это тотъ самый „неискусенъ умъ“, о коемъ предсказывалъ святой ап. Павелъ.

И что для насъ за диковинка Кольриджъ! Мы сумѣемъ, при Божьей помощи, и Кольриджа раскусить и дознаться, какой душокъ вѣетъ хотя бы въ тѣхъ глаголахъ сего Кольриджа, которые, какъ нѣкую тяжелую артиллерію, выдвинулъ впередъ нашъ англоманъ. „Съ нами Богъ—разумѣйте языцы“ (англійскій, французскій, германскій, итальянскій и всѣ „дванадесять“) и „покаряйтесь“ духовно той истинѣ, которая сіяетъ въ святомъ православіи тихимъ свѣтомъ смиренной, кроткой и чистой мудрости.

Что же такого премудраго говоритъ сэръ Кольриджъ, котораго Левъ Толстой въ Россіи прославилъ, снабдивъ свой отвѣтъ Св. Синоду изреченіемъ сего джентльмена?

---

[1]) Говорятъ, графиня на прогулкахъ графа, расталкивая толпу зѣвакъ, приговаривала: «графъ идетъ! графъ идетъ! дайте дорогу».

„Тотъ“,—говоритъ Кольриджъ, — кто начнетъ съ того, что полюбитъ христіанство болѣе истины, очень скоро полюбитъ свою церковь или секту болѣе, чѣмъ христіанство, и кончитъ тѣмъ, что будетъ любить себя (свое спокойствіе) больше всего на свѣтѣ“. Экая, — подумаешь,—премудрость! Не даромъ понадобилось сію мудрость прикрыть англійскимъ діалектомъ, подобно тому, какъ прикрываютъ фиговымъ листкомъ что наиболѣе срамное.—Кольриджъ явно противополагаетъ христіанство истинѣ, такъ что христіанство, по его мнѣнію, одно, а истина—другое. Для иностранца это и понятно: на западѣ христіанство смѣшиваютъ съ католичествомъ, протестантствомъ, англиканствомъ, не подозрѣвая возможности существованія такой Церкви, которая соблюла донынѣ христіанское ученіе во всей чистотѣ. Оттого-то Кольриджу и думается, что Церковь сама по себѣ, а христіанство само по себѣ. Но христіанство не виновно въ томъ, что „лживіи сынове человѣчестіи“ разъединились и раскололись на секты, и совершилось дѣло, вполнѣ подобное вавилонскому смѣшенію языковъ. Основатель христіанства Господь Іисусъ Христосъ желалъ „единаго стада“ при Единомъ Пастырѣ Добромъ; первые проповѣдники христіанства, апостолы, ясно говорятъ о необходимости „единенія духа“ (т. е. вѣрованій, убѣжденій, мыслей, чувствъ, намѣреній, ибо это все составляетъ содержаніе и плодъ *духа*) и „союза мира“ и нигдѣ не учатъ о *желательности* сектъ, расколовъ, разномыслій. Хотя и сказалъ Господь Богъ о томъ, что „подобаетъ придти соблазнамъ“, но тутъ же для всѣхъ вѣковъ провозгласилъ: „горе соблазняющему“ и при томъ горе горчайшее („лучше бы ему и не родиться“). „Подобаетъ“ придти соблазнамъ (ересямъ, расколамъ, грѣхамъ) вовсе не потому, что это желательно („desiderata“), но потому, что это необходимо („да сбудется реченное отъ Господа“). Если бы всѣ люди до единаго боялись Бога, точнѣе сказать, боялись грѣха, оскорбляющаго Бога; если бы всѣ до единаго *внимательно* изслѣдовали Св. Писаніе, научающее истинѣ, помнили его изреченія и разумѣли точный смыслъ свящ. Писанія, тогда бы въ мірѣ не могло явиться ни единой ереси: всѣ люди жили бы и мыслили ангельски, божественно, духовно и всегда были бы единодушны, ибо Святой Духъ не можетъ Самъ Себѣ противорѣчить. Если бы во всѣхъ до

единаго людяхъ обиталъ Святой Духъ, то разногласій, споровъ, лжеученій не могло бы быть. Но если бы *только одинъ* между людьми завелся, который бы захотѣлъ мыслить *по своему*, а не по Божьему, и жить „не какъ Богъ велитъ, а какъ хочется", то вотъ бы и открылся источникъ ересей, лжи и соблазновъ.

Отсюда понятно станетъ, почему ереси неизбѣжны, по слову Господню: „подобаетъ придти соблазнамъ" и по слову апостола: „подобаетъ быть между вами и разногласіямъ, да явятся *искусные*". Однако Богу единому, Богу истины, Богу Человѣколюбцу ничто такъ не ненавистно, какъ ереси и разногласія между людьми. Всѣ, кто *внимательно* читалъ посланія апостоловъ и св. Евангеліе, хорошо знаютъ, какъ заботливо апостолы и евангелисты увѣщевали о любви, мирѣ, единомысліи, смиреніи.

Поэтому Кольриджъ напрасно и ложно противополагаетъ христіанство истинѣ и Церковь христіанству. Мы, православные, „вѣрою разумѣваемъ", что христіанство содержитъ чистѣйшую вѣчную истину и что сія истина въ своей чистотѣ соблюдается именно Святою Церковью, „окормляемою" (по выраженію св. отецъ) тѣмъ самымъ Святымъ Духомъ, который вдохновилъ евангелистовъ и апостоловъ. Вѣдь очевидно, что авторъ бываетъ всегда наилучшимъ разъяснителемъ и истолкователемъ имъ написаннаго, по слову: „никто же вѣсть, яже въ человѣцѣ, токмо духъ въ немъ живущій". Авторъ Святаго Писанія есть Самъ Богъ, дѣйствовавшій въ пророкахъ, евангелистахъ, апостолахъ Святымъ Своимъ Духомъ: слѣдоват., лучшимъ истолкователемъ мыслей, сокрытыхъ въ словахъ Св. Писанія, можетъ быть только Самъ Святой Духъ. Такъ и было въ дѣлѣ истолкованія Св. Писаній: Святой Духъ, обитавшій за чистую жизнь въ св. отцахъ, истолковалъ Св. Писаніе, и намъ досталось драгоцѣнное наслѣдіе отъ св. отцовъ: ихъ безсмертныя достопокланяемыя книги—„творенія св. отецъ". Ни Л. Толстой, ни Кольриджъ незнакомы вовсе съ этими твореніями, однако безстрашно берутся судить и рядить о христіанствѣ, котораго смыслъ и духъ понять безъ Святаго Духа или людей, исполненныхъ Св. Духа (Св. Церкви) *невозможно*, ибо умъ всякаго человѣка *помраченъ*, способенъ ошибаться, превратно разумѣть и „превращать писанія". Самому св.

Петру представлялось нѣчто „неудобовразумительное“ въ глубокомысленныхъ посланіяхъ св. Павла, что же сказать въ данномъ случаѣ о графѣ Толстомъ и его вдохновителѣ Кольриджѣ?..

Мы показали *ложь*, содержащуюся въ мысляхъ Кольриджа, коими графъ тщеславно возглавилъ свой отвѣтъ. Ложно и то утвержденіе Кольриджа, что „кто начнетъ съ того, что полюбитъ христіанство, кончитъ“ будто бы „тѣмъ, что будетъ любить себя (свое спокойствіе) больше всего на свѣтѣ“. Кольриджъ, значитъ, думаетъ, что любовь къ христіанству ведетъ къ самоугодію, эгоизму, плотоугодію, лѣни, ибо все такое и выражается въ любви къ своему покою. Ну правда ли это, сэръ Кольриджъ? Чистѣйшая ложь, ибо исторія христіанскаго подвижничества говоритъ совсѣмъ противное. Любовь къ христіанскому ученію, то есть, къ заповѣдямъ Христа Господа, привела къ *мученичеству и великомученичеству* цѣлые сонмы и легіоны христіанъ. А неужто „больше всего на свѣтѣ“ покой свой любили святые пустынники, почти не спавшіе, почти не ѣвшіе, а буквально почти „питавшіеся Святымъ Духомъ“, т. е. молитвою, чтеніемъ слова Божія, богомысліемъ! А какъ прожили свою жизнь всѣ св. отцы и учители Церкви? Неужто въ покоѣ, нѣгѣ и лѣни? не во многихъ ли и неизреченныхъ скорбяхъ и трудахъ? Наибольшіе то скорби имъ и доставляли вотъ все такіе самозванные учителя, какъ Кольриджъ и Толстой.

Итакъ, графъ Толстой ложью началъ свой отвѣтъ, ложью его преисполнилъ и, какъ увидимъ, ложью и окончилъ. Можно бы, перефразируя пословицу, сказать: „ложь на лжи ѣдетъ, ложью погоняетъ“.

Замѣчательно и то, что отрицатель и хулитель авторитета и достоинства Святой Церкви и ся святыхъ „окормителей“ (св. отцовъ), графъ Толстой самъ преклоняется предъ авторитетомъ сэра Кольриджа, выставляя его изреченіе, и притомъ весьма фальшивое, въ эпиграфѣ своего злого отвѣта Св. Синоду. „Идоли языкъ бѣсове“. Если кто перестанетъ покланяться Богочеловѣку, то непремѣнно поклонится одному изъ „лживыхъ сыновъ человѣческихъ“, какъ идолу. Такъ случилось съ хлыстами и другими сектантами. Также случилось и съ Толстымъ: отвергнувъ авторитетъ св.

отцевъ (Церкви), онъ подпалъ авторитету Кольриджа, одного изъ „сыновъ человѣческихъ“, о коихъ справедливо Св. Духъ сказалъ: „всякъ человѣкъ—ложь“.

V.

«Разсужденіе въ общемъ смыслѣ въ томъ состоитъ и познается, чтобы *точно и вѣрно* постигать божественную волю во всякомъ мѣстѣ и во всякой вещи. Оно находится въ однихъ только чистыхъ сердцемъ, тѣломъ и устами».

«Лѣствица» св. Іоанна, сл. 26, гл. 2, стр. 220.

Такого разсужденія мы не можемъ надѣяться видѣть въ Толстомъ, ибо онъ весьма нечистъ и сердцемъ, которое не содержитъ правой вѣры, и тѣломъ, которое оскверняется болѣе всего нечистыми мыслями и ложными мудрованіями, и устами, которыя давно стали у Толстого „яко гробъ отверстъ“, источая зловоннѣйшіе глаголы вѣчной смерти, то есть хулы, кощунства и ереси. Разсужденіе, иначе сказать, логика не будутъ обитать въ умѣ страстномъ и богохульномъ. Когда мы начнемъ разбирать заграничныя сочиненія Толстого, то много найдемъ примѣровъ его безразсудства и даже обезумѣнія. Кого Богъ оставляетъ, тотъ теряетъ разудокъ, логику здравую и наконецъ обезумѣваетъ. Наоборотъ, къ кому Богъ за смиреніе и усердіе къ добру начнетъ незримо приближаться, тотъ начнетъ ощущать въ себѣ увеличеніе разсужденія, мысленнаго свѣта и прозорливости духовной. Лучшаго способа къ пріобрѣтенію истинной мудрости и силы умственной нельзя изобрѣсть, какъ тотъ, которымъ святые отцы обрѣли мудрость: это исполненіе заповѣдей Евангелія въ ихъ правомъ разумѣніи. „Начало премудрости страхъ Господень“. Слѣдовательно, отсутствіе страха Божія, то есть страха грѣха, есть начало обезумѣнія. Богохульство же должно приводить къ совершенной потерѣ здраваго разума, *осатанѣнію*, что и увидимъ на Толстомъ, при разборѣ его сочиненій.

Въ отвѣтѣ Св. Синоду отсутствіе логики обнару-

живается на каждомъ шагу. Въ предыдущей главѣ мы показали, что Кольриджъ, слова котораго графъ раболѣпно выставилъ въ эпиграфѣ отвѣта своего, противополагаетъ христіанство истинѣ. Между тѣмъ графъ тотчасъ вслѣдъ за словами Кольриджа говоритъ: „я полюбилъ христіанство болѣе всего на свѣтѣ. И до сихъ поръ истина совпадаетъ для меня съ христіанствомъ, какъ я его понимаю“.

Изъ этихъ словъ можно заключить: или слова Кольриджа, для коего христіанство съ истиною не совпадаетъ, для графа не имѣютъ значенія (тогда зачѣмъ же ихъ въ эпиграфѣ приводить?), или слова самого Толстого, будто для него истина совпадаетъ съ христіанствомъ, не достойны довѣрія. Или Толстой не понялъ смысла словъ Кольриджа, на коего опирается, какъ на авторитетъ, или самъ Толстой лицемѣритъ, увѣряя насъ, простаковъ, будто христіанство онъ за истину считаетъ и любитъ его даже „болѣе всего на свѣтѣ“.

Вотъ это-то именно и есть то руно овечье, коимъ непремѣнно надо волку прикрыться, чтобы пробраться въ овчарню. Это-то и есть тотъ „*видъ* ангела свѣтла“ (наружность), въ которую облекается сатана, когда хочетъ обольстить христіанина. Если бы люди были всѣ прозорливы, лжеучителю не было бы цѣли облекаться во образъ любителя истины и христіанства. Но въ томъ-то и дѣло, что люди легковѣрны и шумиха громкихъ фразъ сильно на нихъ дѣйствуетъ. Зная это, „отецъ лжи“ никогда въ наготѣ и въ своемъ безобразіи не является, но всегда облекается въ лесть.

Но кто повѣритъ графу, что онъ „любитъ христіанство болѣе всего на свѣтѣ“, когда графъ Самого Основателя христіанства Христа понимать Богомъ не хочетъ и даже почитаетъ это—страшно сказать—„величайшимъ кощунствомъ“ *). Если же принять во вниманіе всю сумму вреда, сдѣланнаго Толстымъ по допущенію Божію христіанамъ, и всѣ его богохульства, то слова о „любви“ его къ христіанству окажутся не ложью только, но и злѣйшимъ сарказмомъ, ядовитѣйшей ироніей.

---

*) Вотъ слова Толстого: «Христа понимать Богомъ и Ему молиться считаю величайшимъ кощунствомъ“ (Отвѣтъ Синоду).

VI.

«Весь міръ не стоитъ одной души, потому что міръ проходитъ, а душа нетлѣнна и пребываетъ во вѣки». («Слово къ пастырю» св. Іоанна Лѣствичника. Сл. 13, гл. 18).

Толстой говоритъ въ „отвѣтѣ“: „людей, раздѣляющихъ мои взгляды едвали есть сотня“, и думаетъ этимъ доказать „неосновательность“ постановленія Свят. Синода. Не только если сотня была бы толстовцевъ, но если бы только *одна* душа заразилась толстовствомъ, то и тогда постановленіе Свят. Синода было бы умѣстно, ибо заразную болѣзнь надо пресѣкать въ самомъ зародышѣ, а когда она разовьется, тогда бороться съ нею трудно, если не совсѣмъ невозможно. Для Толстого ничего не стоятъ и 100 душъ, а для Свят. Синода, по смыслу завѣтовъ Евангелія, и одна душа должна быть дороже цѣлаго міра. Каждая душа человѣческая для Христа Бога неизреченно драгоцѣнна. Въ слабой степени это можно представить себѣ, созерцая отношеніе художника къ своему лучшему произведенію. Если бы кто испортилъ или уничтожилъ это произведеніе, то для художника это было бы большою и лютою скорбью, личною обидою. Душу и тѣло создалъ Христосъ Богъ, Онъ же и возсоздалъ падшаго человѣка, искупивъ его и показавъ ему словомъ и примѣромъ, какъ въ себѣ сохранить и прояснить образъ и подобіе Божіе. Художникъ Богъ дорожитъ Своимъ произведеніемъ и отомститъ всякому, кто бы сталъ обезображивать, ломать и портить это произведеніе. Толстой говоритъ о 100 погибшихъ въ его ереси душахъ, какъ о плевомъ—что называется, дѣлѣ. Но онъ отвѣтитъ Богу и за эти 100 душъ, соблазненныхъ имъ. Но Толстой самъ себѣ же противорѣчитъ, къ чему ему не привыкать стать. На той же страницѣ „отвѣта“ онъ говоритъ: „оно (постановленіе) обвиняетъ одного меня въ невѣріи во всѣ пункты, выписанные въ постановленіи, тогда какъ не только многіе, но *почти всѣ* образованные люди раздѣляютъ такое невѣріе и безпрестанно выражали и вы-

ражаютъ его въ разговорахъ, и въ чтеніи, и брошюрахъ, и книгахъ".

Если такъ, то развѣ „образованныхъ людей" только *сотня?* Если „*всѣ* образованные люди" раздѣляютъ твое невѣріе, то, стало быть, ложь твое утвержденіе, будто толстовцевъ только сотня. Не видимъ ли, какъ Толстой на лжи ѣдетъ, ложью погоняетъ. Поистинѣ, Толстой „въ немъ и онъ" въ Толстомъ (онъ—„отецъ лжи").

Но въ сущности оба утвержденія Толстого ложны: неправда, что толстовцевъ только сотня—ихъ гораздо больше; неправда и то, что „всѣ образованные люди" толстовцы: ихъ гораздо меньше. Духовенство, наприм., вѣдь это тоже люди „образованные": чѣмъ хуже семинарское и академическое образованія гимназическаго и университетскаго. Я даже готовъ былъ бы отдать преимущество перваго рода образованію, если бы не зналъ достовѣрно, что „начало премудрости страхъ Господень", то есть удаленіе отъ грѣховъ по страху Божію*) и исполненіе воли Божіей (добрыхъ дѣлъ по заповѣдямъ Евангелія), а это все не отъ одного образованія зависитъ, но гораздо болѣе отъ школьнаго, семейнаго и общественнаго воспитанія.

Во всякомъ случаѣ вотъ едвали не стотысячная армія людей образованныхъ—духовенства и клириковъ и она не „разумѣетъ" толстовскаго невѣрія.

Слѣдовательно, утвержденіе Толстого, будто „почти всѣ образованные люди раздѣляютъ невѣріе" его — ложно. Правда, Толстой говоритъ: „почти всѣ", а не „всѣ", но „почти всѣ" значитъ *большинство* и большинство огромное. Въ томъ-то и дѣло, что не у одного страха „глаза велики", но и у высокоумія тоже: что ни померещится высокоумному, онъ все то выдаетъ за истину, безъ опасенія ошибиться и сказать ложь. Извѣстны намъ и, вѣроятно, Толстому и вѣрующіе врачи и вѣрующіе литераторы и т. п. Если же принять во вниманіе сословіе людей классовъ правящихъ (правительство) и особенно военныхъ, то между ними немало людей искренно вѣрующихъ и благочестивыхъ по жизни.

---

*) Нѣкоторые удаляются грѣховъ по соображеніямъ гигіеническимъ (напр., отъ блуда). И это не худо, но самый высокій мотивъ, по ученіе св. отецъ, удаленіе отъ грѣховъ изъ любви къ Богу, изъ страха Его оскорбить.

Итакъ далеко не всѣ и даже не „почти всѣ образованные“ люди раздѣляютъ невѣріе Толстого.

Но, впрочемъ, Самъ Господь сказалъ, что хотя „много званныхъ“ къ вѣрѣ и жизни по вѣрѣ, но „мало избранныхъ“ изъ этихъ многихъ для наслѣдованія Царства Небеснаго. „Не бойся, малое стадо“ вѣрующихъ и благоговѣйно чтущихъ въ Лицѣ Іисуса Христа истиннаго Бога! Вѣдь „Богъ не въ силѣ констѣй восхощетъ и не въ лыстѣхъ мужескихъ благоволитъ“, то есть Богъ не на грубую силу толпы опирается, но „благоволитъ въ боящихся Его и во уповающихъ на милость Его“. Толпа нѣкогда вопіяла: „распни“! Значило ли это, что она была права въ своемъ большинствѣ, и „малое стадо“ апостоловъ, разсѣянное грубою силою („лыстами мужескими“, силою мускуловъ), было неправо въ своей вѣрѣ въ Сына Божія, шедшаго добровольно на ужасную крестную смерть.

Если бы и „почти всѣ образованные люди“ прониклись невѣріемъ, то въ Россіи образованныхъ-то едвали есть *одинъ милліонъ,* то есть, менѣе, чѣмъ *сотая часть* всего русскаго народа. А русскій народъ, хотя и волнуемый сектами и недугующій расколомъ, въ массѣ своей и понынѣ народъ вѣрующій, христіанскій, что доказывается яснѣе всего великимъ множествомъ храмовъ Божіихъ и святыхъ обителей. И вотъ Толстой морочитъ насъ, будто въ Россіи „почти всѣ“, да еще люди образованные, одержимы невѣріемъ. Да и какъ послѣднее утвержденіе согласить со словами самого Толстого: „мнѣ *хорошо* извѣстно, что людей, раздѣляющихъ мои взгляды, едвали есть сотня“? О если бы была только сотня! молитвами милліоновъ эта сотня была бы спасена отъ узъ заблужденія и возсоединена со Святою Церковью. которую „врата адовы не одолѣютъ“ во вѣки.

VII.

„Кто унижаетъ или отнимаетъ твою честь, всѣми мѣрами старайся простить ему, по слову Евангелія: «отъ взимающаго твоя, не истязуй» (Луки VI, 30). Когда люди поносятъ насъ, то мы должны считать себя недостойными похвалы, представляя, что ежели мы были *достойны*, то всѣ кланялись бы намъ. Мы всегда и предъ всѣми должны уничижать себя, слѣдуя ученію св. Исаака Сирина: «уничижи себя, и узришь славу Божію въ себѣ» (слово 57).

Наставленія о. Серафима Саровскаго 306 стр. Изд. 1901 г.

Толстой говоритъ о себѣ, что онъ любитъ „христіанство болѣе всего на свѣтѣ“. Если бы это было правдою, а не ложью и лицемѣріемъ, то графъ любилъ бы переносить отъ людей не только поруганія, насмѣшки, обиды, но и самые побои. Всѣ святые подвижники утверждаютъ въ своихъ сочиненіяхъ, что когда въ человѣкѣ возникнетъ любовь къ ученію Іисуса Христа (христіанству), то въ немъ воспламеняется жажда крестныхъ подвиговъ и подражанія страданіямъ и скорбямъ Господа Іисуса Христа. Въ комъ этого нѣтъ, тотъ лжетъ, утверждая, будто онъ любитъ христіанство „болѣе всего на свѣтѣ“. Графъ же Толстой не только не любитъ поношеній отъ людей, но наоборотъ, сильно любитъ славу человѣческую и съ великимъ негодованіемъ и озлобленіемъ называетъ постановленіе Св. Синода „подстрекательствомъ къ дурнымъ чувствамъ и поступкамъ“, приписывая въ своемъ ослѣпленіи Свят. Синоду вину того, что его, графа, въ письмахъ обругали „старымъ чортомъ“, „собакою“, „прохвостомъ“, „анаѳемой“ и другими ругательствами. Если бы графъ любилъ „христіанство болѣе всего на свѣтѣ“, то онъ любилъ бы и заповѣдь Господа: „радуйтеся и веселитеся, егда рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы лжуще Мене ради“, а любя эту заповѣдь, онъ бы старался ее исполнить, то есть на самомъ дѣлѣ „радоваться и веселиться“ о приключившемся ему поруганіи. Но „по

плодамъ" познаемъ, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло: со лжеучителемъ или съ „пастыремъ добрымъ", вдохновляемымъ отъ Бога. Кто хочетъ быть благовѣстникомъ „христіанства" (употребляя неточное выраженіе Толстого), тотъ долженъ уготовить „душу" свою во искушеніе", по слову: „азъ на раны готовъ". Апостолы Христовы тѣмъ и отличались отъ лжеучителей, что они „заклани быша, якоже агнцы", и искренно исполняли завѣты Богочеловѣка, радуясь среди поношеній и даже послѣ побоевъ. Въ „дѣяніяхъ" апостольскихъ разсказывается, какъ сильно избитые руками беззаконныхъ апостолы „пошли радуясь, что за имя Господа Іисуса удостоились принять безчестіе" (Дѣян. V, 41). Это самый лучшій признакъ, по которому можно сразу отличить лжеучителя отъ истиннаго апостола: стоитъ лжеучителя оскорбить, и онъ разъярится; апостолъ же Христовъ кротко перенесетъ поношенія человѣческія и отъ нихъ духомъ не упадетъ.

Толстой же не только не радуется ругательствамъ, но жалуется публично на эти ругательства и даже винитъ въ нихъ Свят. Синодъ. Не ясно-ли, что въ Толстомъ „Духа Христова" нѣтъ, а „кто Духа Христова не имѣетъ, тотъ и не Его", тотъ и не имѣетъ права именоваться христіаниномъ. Христіане (разумѣю истинныхъ, а не по метрикѣ только христіанъ) на каждую ночь просятъ у Бога: „Господи, даждь ми великодушіе, терпѣніе и кротость! Господи, даждь ми смиреніе" (см. VII молитву на сонъ грядущимъ св. Іоанна Златоуста). Молитвою христіане и пріобрѣтаютъ *мало-по-малу*, не безъ борьбы и паденій всѣ упомянутыя свойства характера (добродѣтели). Толстой же молиться Христу Богу почитаетъ всеокаянно „величайшимъ кощунствомъ". Откуда же могутъ у Толстого явиться кротость, смиреніе, терпѣніе и великодушіе? Вѣдь эти „совершенные дары" нисходятъ въ душу человѣка „свыше отъ Отца Свѣтовъ", Христа Іисуса, конечно, не безъ трудовъ и стараній самого человѣка. Вотъ почему такъ сильно Толстого раздражили ругательства не по разуму ревностныхъ православныхъ людей. Да и какъ не разъяриться отъ ругани тому, кто весь свой долгій вѣкъ слышалъ отъ всего міра похвалы и рукоплесканія. „Горе" въ такихъ обстоятельствахъ человѣку тому, которому „добрѣ рекутъ вси человѣцы". Кто привыкъ ходить въ мягкихъ

одеждахъ, на того должно раздражающимъ образомъ подѣйствовать, если надѣть на него вокругъ власяницу монашескую, или кольчугу воинскую, или вериги подвижника. Конечно, и всѣ мы, христіане, должны строго испытать себя, достойны ли мы высокаго имени христіанъ, да еще православныхъ: если замѣчаемъ на своей душѣ и сердцѣ, что обиды, обличенія, ругательства дѣйствуютъ на насъ, пробуждая въ душахъ дикаго безплотнаго звѣря, гнѣвъ, отъ коего „избавитися" молится Святая Церковь, то мы еще недостойны христіанскаго имени. Но впрочемъ, таинства Церкви и молитва, при частомъ внимательномъ чтеніи твореній св. отцовъ, могутъ насъ обучить кротости, незлобію и долготерпѣнію, безъ коихъ спасеніе наше совершиться успѣшно не можетъ.

Но виноватъ ли Св. Синодъ „въ подстрекательствѣ къ дурнымъ чувствамъ и поступкамъ", какъ обвиняетъ его Толстой? О семъ скажемъ посильное слово нѣсколько ниже, а здѣсь только подивимся, какъ ожесточенъ Толстой и какъ далекъ онъ отъ стези покаянія, и слѣдовательно, и обращенія. Вмѣсто того, чтобы смириться и сказать: „да, я грѣшенъ во всемъ, въ чемъ меня Св. Синодъ обвиняетъ. Господи Іисусе, помилуй меня, злобу древнюю" [1]), вмѣсто сего Толстой самъ выступаетъ судіею и обвинителемъ Св. Синода, при чемъ не только въ грѣхахъ своихъ не кается, но вновь излагаетъ на бумагѣ такія богохульства, что въ Россіи оказалось невозможнымъ напечатать почти 100 печатныхъ строкъ „Отвѣта". Исполняются слова Апокалипсиса: „неправедный пусть еще дѣлаетъ неправду; нечистый пусть еще сквернится" (Откровеніе, 22, 11 [2]). Да сохранитъ насъ Господь Богъ Іисусъ Христосъ отъ

---

[1]) Читатель можетъ судить, какъ далекъ Толстой отъ стези смиренія и покаянія. Трудно, почти невозможно представить себѣ Толстого, произносящаго вышеозначенныя покаянныя слова, слишкомъ для него необходимыя. «Невѣрующій осужденъ будетъ» (Марк. 11, 16), вотъ грозныя слова, коими осуждается Толстой, *пока не увѣруетъ.*

[2]) Неопытнымъ да не покажутся сіи слова Святаго Духа, какъ бы проповѣдующими „индифферентизмъ". Богъ создалъ людей *самовластными* (со свободной волею) и потому *отвѣтственными.* По долготерпѣнію Своему, Богъ попускаетъ скверниться еще и еще нечистому, но *каждому* въ свое время воздастъ или вѣчнымъ блаженствомъ, или вѣчною мукою.

ужаснаго состоянія нераскаянности, ожесточенія и сатанинскаго упорства. Все такое рождается *незамѣтно* отъ долгаго пребыванія безъ исповѣди, или отъ частаго возвращенія послѣ исповѣди на прежніе грѣхи и привычки, что апостолъ Петръ безъ обиняковъ и смягченій уподобляетъ возвращенію пса на свою блевотину и вымытой свиньи въ грязь (II Петр. II, 22).

VIII.

Сіи суть ропотницы, укорителе, часть порочна... уста ихъ глаголютъ *«прегордая»* (Іудино I, 16).

Самое начало взбалмошнаго графскаго отвѣта дышетъ гордынею и запечатлѣно ложью. „Я не хотѣлъ сначала отвѣчать на постановленіе обо мнѣ Синода“— вотъ „прегордая“ прелюдія „отвѣта“. „Но постановленіе это вызвало очень много писемъ, въ которыхъ неизвѣстные мнѣ корреспонденты бранятъ меня за то, что я отвергаю то, чего я не отвергаю“. А въ сихъ словахъ ложь, ибо графъ отвергаетъ многое такое, что не должно отвергать (Святую Троицу, воскресеніе мертвыхъ, воздаяніе, адъ, рай, Богочеловѣка, святыя мощи, святыя иконы, іерархію, таинства) и за что заслуживаетъ не „брани“, а самаго дна ада. Можетъ ли быть хорошъ и честенъ отвѣтъ, который начатъ гордынею, ложью и лицемѣріемъ.

Почему же ты, о графъ, не хотѣлъ сначала отвѣчать Св. Синоду? — Фу, ты, какое великолѣпнѣйшее презрѣніе!.. но кто ты таковъ и кто таковъ Св. Синодъ? Хоть ты и Сіятельство, а все же ты человѣкъ незначительный и не облеченный властью свыше (за что слава Богу Создателю!), притомъ же человѣкъ отнынѣ заклейменный и отверженный. А Св. Синодъ это собраніе избранниковъ Божіихъ: митрополитовъ, епископовъ и изряднѣйшихъ слугъ Великаго Государя. По образованію и учености лица эти во много разъ превосходятъ тебя; по власти, которою они облечены, они *господа и владыки*, а ты ихъ рабъ и подданный; по вѣрѣ эти люди ходатаи и молитвенники предъ лицомъ Вседержителя Бога, а ты врагъ сего Человѣколюбиваго

Бога. Какъ же смѣешь ты такъ прегордо начинать свой „отвѣтъ" лицамъ поистинѣ высокопреосвященнымъ, избранникамъ Бога и Царя, — лицамъ, коихъ пречестныя руки изливаютъ чудную благодать священства, вѣнчаютъ главы царей, творятъ безчисленныя милостыни, въ чемъ ты совсѣмъ неискусенъ. Но... Богъ тебѣ Судья, а не мы, многогрѣшные!

„Постановленіе Синода вообще имѣетъ много недостатковъ". Графъ не именуетъ Синода святѣйшимъ, ибо вообще для графа святого ничего нѣтъ; для него иконостасъ не болѣе, какъ перегородка, потиръ не болѣе, какъ чашка, кровь Христова не болѣе какъ вино, и на тѣло Господа онъ смотритъ, какъ на простой хлѣбъ. Умъ и сердце графа огрубѣли: онъ не различаетъ предметовъ священныхъ отъ предметовъ простыхъ, лицъ священныхъ отъ лицъ простыхъ. Но мало того: надъ графомъ во всей силѣ сбылося слово Апостола: „для нечистаго все нечисто". Для графа предметы священные кажутся не только простыми, но даже скверными, нечистыми, отвратительными. Далѣе же увидимъ, что графъ уже дошелъ до состоянія бѣсовскаго, ибо священные предметы (антиминсы, кресты кажутся ему *ужасными*, чѣмъ лучше всего доказывается священное достоинство и значеніе всѣхъ наполняющихъ храмы Божіи предметовъ. Очень понятно и естественно это впечатлѣніе, оказываемое на „ересіарха, врага Божія, предметами, освященными благодатію Святого Духа, который есть „огонь попаляющій" нечестивыхъ. Графъ боится антиминсовъ и крестовъ, какъ чортъ ладана. Поистинѣ большая честь для Синода, что такой злой человѣкъ презираетъ и унижаетъ его: да радуются, да веселятся досточтимые члены Святѣйшаго Синода о всякомъ зломъ глаголѣ, какой приведется имъ услышать о себѣ въ наше матерьялистическое и богохульное время. Настали „времена люта", и дай, Господи, чтобы хотя на нѣкоторое время эти времена измѣнились стараніями пастырей, епископовъ, монаховъ, клириковъ и всѣхъ церковныхъ людей, нынѣ призываемыхъ къ дѣламъ апостольскимъ, подвигамъ исповѣдническимъ, мужеству преподобническому. Буди! Буди! (Пс. 40, 14).

IX.

«Начальствующіе страшны не для добрыхъ дѣлъ, но для злыхъ» (Рим. 13 гл. 3).

„Распространеніе моихъ писаній, *благодаря цензурѣ*, ничтожно“—пишетъ Толстой. Устами бы его медъ пить, если бы только всегда онъ говорилъ правду. Невольно припоминаются тутъ слова: „демоновъ немощныя дерзости“ и „врата адова не одолѣютъ ю“. Богъ часто заставлялъ демоновъ исповѣдывать во всеуслышаніе свою немощь. Въ житіяхъ святыхъ приведено много такихъ случаевъ, но свѣдѣнія о семъ извѣстны лишь тѣмъ, кто *ежедневно* удостоивается слушать чтеніе Четій-миней, какъ это бываетъ въ монастыряхъ за трапезою. Болѣе извѣстенъ читателямъ Евангелія тотъ случай, какъ легіонъ бѣсовъ исповѣдалъ свою немощь, прося у Сына Божія о томъ, чтобы онъ не посылалъ ихъ въ бездну, но позволилъ вселиться въ свиней [1]).

Вотъ и Толстого, сего демона XIX и XX вѣковъ, Богъ понудилъ и нехотя исповѣдать правду, для него очень досадную: „*благодаря* цензурѣ ничтожно распространеніе его писаній о религіи“, писаній прескверныхъ. Но какъ комически звучитъ въ устахъ Толстого это „благодаря“ цензурѣ. Я отлично знаю и помню, какою ненавистью и презрѣніемъ къ цензурѣ русской были заражены толстовцы и я въ ихъ числѣ, пока я былъ съ ними заодно (отъ чего теперь открещиваюсь силою креста животворящаго мя) [1]). По самой этой ненависти можно судить, какъ важно учрежденіе цензуры для общественнаго блага: цензура есть одно изъ тѣхъ „удерживающихъ“, которыя служатъ плотиною противъ напора беззаконія, и самъ антихристъ не появится на землѣ „дондеже не возмутся „отъ среды“ именно всѣ сіи „удерживающіе“. Св. Отцы объясняютъ, что пока *власти*

---

[1]) По изъясненію св. отцовъ, „свиньи“ преобразовали свински—живущихъ людей (блудно, обжорливо, нетрезво), въ коихъ бѣсы и понынѣ, по допущенію Божію (не иначе), входятъ.

[2]) Къ свѣдѣнію читателей: принадлежу я къ Св. Церкви съ 1896 года, со времени появленія брошюры: «Плоды ученія графа Л. Н. Толстого».

и *начальства* проникнуты сознаніемъ долга своего и одушевлены святою мыслью о томъ, что не напрасно они носятъ мечъ, но на страхъ злымъ и на поощреніе истинно добрымъ [1]) (См. Римл. 13 гл. 3 и 4), до тѣхъ поръ „антихристъ", это высшее воплощеніе своевольства, появиться не можетъ. Я прекрасно знаю, что прослыву въ глазахъ „либераловъ" и „оппозиціонныхъ партій" чистѣйшимъ „ретроградомъ", а ранѣе того „ренегатомъ" за то, что защищаю столь „отсталое", по ихъ мнѣнію, учрежденіе, какъ цензура и столь „дикую" для слуха мысль, будто „нѣсть власть, аще не отъ Бога" и будто „сущіи власти отъ Бога учинени суть". Все это и мнѣ *казалось* самому дико и нелѣпо, когда умъ мой и сердце были осквернены смертными грѣхами и отъ нихъ точащеюся гордынею, высокоуміемъ и легкомысліемъ. Когда же я отъ грѣховъ моихъ очистился въ таинствахъ (таинственно) покаянія и многократнаго причащенія и когда я окрѣпъ духомъ чрезъ всенародное исповѣданіе грѣховъ моихъ (чего уставъ церкви даже и не требуютъ) и новаго образа мыслей своихъ (вѣры), тогда всѣ явленія и въ природѣ и въ человѣческомъ обществѣ стали являться уму моему не въ *кажимости* своей, но въ *существѣ* ихъ. И что же оказалось? Оказалось, что сущность вещей и явленій жизни такова именно, какъ ее изъясняютъ Священныя Писанія и писанія Богоносныхъ Отцевъ Церкви. Но главное Богъ скорбями выколотилъ изъ меня великую „толику" самолюбія, и я теперь ничуть не боюсь ругательныхъ прозвищъ: „ретроградa" „ренегата" „обскуранта". Я уже знаю хорошо цѣну сужденіямъ „лживыхъ сыновъ человѣческихъ" и дорожу только мнѣніемъ обо мнѣ людей богобоязненныхъ и христіански настроенныхъ. О послѣднихъ я знаю, что въ нихъ обитаетъ Самъ Богъ, ибо не напрасно христіане слышатъ отъ іереевъ: „причастіе Святаго Духа буди со всѣми вами". Но мнѣніемъ тѣхъ, въ коихъ обитаетъ „князь міра сего" и проявляетъ себя въ нихъ

---

[1]) Уклоненія отъ этого идеала, котораго должны быть носителями христіанскіе начальники, ничуть идеала того не уничтожаютъ. «Много взыщется» на Страшномъ Судѣ «съ тѣхъ, кому много дано» было власти Богомъ.

злословіемъ, сарказмами, глумленіями („повѣдаша мнѣ законопреступницы *глумленія*, но не яко законъ твой“), кощунствомъ, мнѣніями таковыхъ дорожить не могу, а даже радуюсь ихъ ругательствамъ по заповѣди: „радуйтеся и веселитеся, егда рекутъ вамъ всякъ золъ глаголъ на вы лжуще Мене ради“.

Цензура, правительство, войско, іерархія церковная, судъ—все это учрежденія благодѣтельнѣйшія для человѣчества, и если они не оказываютъ всего того добра, какое могли бы оказать, или даже иногда причиняютъ вредъ и зло, то это надо поставить въ вину *людямъ*, а не учрежденіямъ: грѣховность и окаянство сыновъ человѣческихъ искажаетъ смыслъ, значеніе и цѣль самыхъ благодѣтельныхъ учрежденій и идей. Ужъ на что благодѣтельно Евангеліе, однако и Евангеліе люди умудрились исказить, перековеркать, превратно понять. Самъ Человѣколюбецъ Богъ оказался для многихъ „камнемъ претыканія и соблазна“. Неужто за это винить Святѣйшаго Бога! Весьма естественно, что и цензура сдѣлалась „соблазномъ“ для многихъ, чему, конечно, могло содѣйствовать и уклоненіе тѣхъ или иныхъ цензоровъ отъ пути безпристрастія, истиннолюбія и правды. Но по идеѣ своей цензура столь благое дѣло, что даже и при недостаткахъ, свойственныхъ людямъ, цензура донынѣ служитъ плотиною противъ напора свирѣпѣйшихъ волнъ лжеучительства, суевѣрія и злословія. Порукою въ этомъ да послужитъ для всѣхъ всенародное (если не всесвѣтное) выраженіе саркастической благодарности со стороны гр. Л. Толстого, сказавшаго: „*благодаря* цензурѣ распространеніе моихъ писаній о религіи (т. е. самыхъ вредныхъ и скверныхъ) *ничтожно*“. Вотъ кого русскій народъ долженъ благодарить, за свое спасеніе отъ заразительнаго вліянія богохульствъ толстовскихъ:—это цензуру русскую и, конечно, правительство, давшее власть цензурѣ „вязать и рѣшить“. Надо разумѣть цензуру духовную, ибо представители свѣтской цензуры подъ дѣйствіемъ „князя міра сего“ стали очень снисходительны къ писаніямъ не только бездарнымъ, но даже и вреднымъ. Можно надѣяться, что въ составъ свѣтской цензуры будутъ введены члены духовнаго сословія и вмѣстѣ съ ними привнидетъ въ рѣшенія свѣтской цензуры, благодать

мудрости, безпристрастія и святой ненависти [1]) къ лжи и суевѣрію.

Всѣ учрежденія (правительство, войско, церковь, цензура, университеты, полиція) вовсе не въ ломкѣ нуждаются, какъ бы хотѣли шальные анархисты и свирѣпые революціонеры, но въ одухотвореніи отъ Святаго Духа представителей учрежденій сихъ, то есть царей, начальниковъ, воиновъ, духовныхъ лицъ, цензоровъ, ученыхъ полисменовъ. Безъ вдохновеній отъ Святаго Духа самые идеальныя учрежденія или будутъ приносить мало добра или даже причинять вредъ. Но въ томъ то и счастье Россіи, что во главѣ ея стоятъ цари православные, о коихъ надѣяться мы имѣемъ право, что „сердце ихъ (мысли, стремленія, намѣренія предначертанія) въ руцѣ Божіей“ находится, то есть тайно руководствуется Святымъ Духомъ, по молитвѣ всей православной Руси и по молитвѣ самихъ царей, не чуждающихся и таинственныхъ освященій своимъ душамъ и сердцамъ (въ таинствахъ миропомазанія, покаянія и причащенія). Пока во всѣхъ учрежденіяхъ Россіи не оскудѣетъ „соль“, то есть люди истинно-христіанскаго образа мыслей (вѣры) и истинно-христіанскаго характера (а Господь смиренныхъ возноситъ на высокіе посты), до тѣхъ поръ въ ней распространеніе прескверныхъ писаній Толстого будетъ „ничтожно“.

X.

> „Отойди отъ Меня, сатана, потому что ты думаешь не то, что Божіе, но что человѣческое“ (Марк. VIII, 33). „Одинъ изъ васъ діаволъ“ (Іоан. VI, 70).

Графъ Толстой признался, что его кто то въ письмѣ назвалъ „старымъ чортомъ“, а другой на площади сказалъ, увидавъ персону графа: „вотъ діаволъ въ об-

[1]) Есть ненависть, происходящая отъ дыханія «человѣкоубійцы» и «отца лжи», а есть святая ненависть, возгрѣваемая Св. Духомъ, ненависть ко грѣху («совершенною ненавистью возненавидѣхъ»). Первой надо бѣжать, вторую воспитывать въ сердцѣ.

разѣ человѣка." Графу это, разумѣется, не нравится. Но вотъ пусть-ка онъ поразмыслитъ о томъ, какъ строго и рѣзко отозвался объ апостолѣ Петрѣ Самъ Господь Іисусъ Христосъ, сія воплощенная кротость. Господь Богъ назвалъ Петра сатаною за одно то, что онъ мыслилъ „человѣческое," мыслилъ по человѣчески, суетно и несообразно съ волею Господа Бога, не по Божьи. Если по праведному Суду Сына Божія достоинъ имени сатаны всякій даже апостолъ, который сталъ мыслить вопреки волѣ Господа Бога, мыслить суетно, мудрствовать „земная," а не горняя, то кольми паче достоинъ имени „діавола" и „стараго чорта" тотъ, кто не только самъ мыслитъ богохульно и кощунственно, но еще и другихъ всеокаянно научаетъ мыслить столъ же скверно и злобно. Давно доказанъ безбожный, нигилистическій и антихристіанскій образъ мыслей графа, и самый его дерзкій отвѣтъ Св. Синоду обличилъ лжеучителя наилучшимъ образомъ. Не ясно ли отсюда, что графъ совершенно напрасно гнѣвался на тѣхъ, кто ему сказалъ и написалъ горькую правду. Господь Іисусъ Христосъ былъ Богочеловѣкъ: Онъ былъ въ Отцѣ и Отецъ былъ въ Немъ, какъ Онъ Самъ исповѣдалъ предъ св. ап. Филиппомъ. Однако злые люди именовали „вельзевуломъ" Самого Царя Царей, и Онъ не гнѣвался, а кротко переносилъ, хотя это поношеніе не только не было правдою, но „хулою на Святаго Духа," грѣхомъ, который не простителенъ вслѣдствіе ожесточенія согрѣшающихъ симъ грѣхомъ. Слѣдовательно, графу-то тѣмъ менѣе должно было бы негодовать на тѣхъ, кто сказалъ ему въ глаза горькую правду. Спаситель былъ святъ и былъ Богъ, а кротко переносилъ, когда безумцы называли Его „вельзевуломъ," или что тоже сатаною. Графъ же вѣдь не Богъ, а человѣкъ и очень грѣшный предъ Богомъ человѣкъ, слѣдовательно, ему тѣмъ болѣе основаній кротко перенести, если бы люди назвали его „діаволомъ" и „старымъ чортомъ". Но вотъ въ томъ то и дѣло, что по прямому смыслу Марк. VIII, 33 выходитъ вполнѣ основательнымъ назвать діаволомъ того, кто дѣйствуетъ по вдохновенію отъ діавола, отца всякой лжи, родоначальника всякаго лжеученія. Никакимъ рѣзкостямъ нельзя сочувствовать, а лучше выражаться въ тонѣ кротости. Ученикъ пр. Макарія Египетскаго, встрѣтивъ въ пустынѣ язычника, тащившаго дерево.

по неразумной ревности назвалъ его рѣзко окаяннымъ. Язычникъ, бросивъ дерево, въ ожесточеніи побилъ ревнителя. Того же язычника встрѣтилъ самъ преподобный Макарій и ласково сказалъ ему: „Богъ помочь трудолюбче!“ Услыхавъ такія слова, язычникъ припалъ къ ногамъ преподобнаго и изъявилъ желаніе стать христіаниномъ. Вотъ примѣръ:—чего не сдѣлало рѣзкое обличеніе, того достигло слово ласковое, согрѣтое любовью и уваженіемъ къ образу Божію, которымъ почтенъ всякій человѣкъ. Оттого-то безъ любви и человѣколюбія не угодны Богу ни постъ, ни молитва, ни даже раздаяніе всего имѣнія (I Корѳ. XIII), хотя сами по себѣ эти дѣла (постъ, молитва и милостыня) необходимѣйшія средства достиженія совершенства и любвеобилія. Нельзя сочувствовать ругательствамъ православныхъ грѣшниковъ, коими они оскорбляли графа на словахъ и въ письмахъ. Но нельзя не видѣть въ этихъ ругательствахъ совершающагося надъ ересіархомъ Суда Божія. „Что посѣешь, то и пожнешь“. Сѣялъ графъ въ души людей сѣмена раздора, лжи, богохульства, и пожинаетъ горькіе и ядовитые плоды ругательствъ. „По дѣламъ вору и мука,“ сказалъ іеросхимонахъ Амвросій Оптинскій одной барынѣ, которая начала жаловаться ему на скорби, какими ее посѣтилъ Богъ. Когда злые люди ругаютъ и оскорбляютъ праведниковъ, то, сами того не вѣдая, они служатъ къ вящшему прославленію праведниковъ, по слову: „блаженны вы, егда поносятъ вамъ и изженутъ и рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы лжуще Мене ради.“ Но когда поруганію предается нечестивецъ, то это исполняется надъ нимъ глаголъ: „обличеніе нечестивому раны.“ Ругательства, которымъ подвергся графъ Толстой, составляютъ начало тѣхъ поруганій, которымъ подвергнется во вѣки его душа отъ бѣсовъ, если только онъ умретъ въ томъ зломъ ожесточеніи, которое ясно сквозитъ въ словахъ отвѣта его Св. Синоду. Если-бы графъ принялъ поруганія, на которыя онъ жалуется патетически (представляясь страдальцемъ за правду), съ сознаніемъ ихъ необходимости, какъ наказаніе за грѣхи, тогда эти самыя поруганія послужили бы къ его славѣ и могли бы Богомъ ему быть вмѣнены въ заслугу. Но графъ привыкъ къ славословіямъ и поклоненію, и его сердитъ и озлобляетъ неуваженіе и поруганіе. Это-то и

доказываетъ гордость и самолюбіе графа. Человѣку смиренному болѣе любезны поношенія отъ людей, чѣмъ похвалы отъ нихъ, ибо смиренному хорошо извѣстенъ смыслъ глагола: „горе аще рекутъ о васъ добрѣ вси человѣцы.“ Самолюбіе же и гордость извращаетъ порядокъ самочувствія: является жажда похвалъ и омерзѣніе къ поношеніямъ. Какъ химикъ посредствомъ покраснѣнія или посинѣнія лакмусовой бумажки узнаетъ присутствіе въ жидкости кислоты или щелочи, такъ психологъ можетъ судить о состояніи души своей потому, какъ душа ведетъ себя по отношеніе къ поруганіямъ и къ похваламъ отъ человѣковъ. Раздраженіе, гнѣвъ и даже только смущеніе при поношеніяхъ явно свидѣтельствуютъ о таящемся въ душѣ недугѣ гордости, а услажденіе, удовольствіе, радость при похвалахъ указываютъ на недугъ сомолюбія, отъ коего да избавимся при Божіей помощи.

IX.

„Я дѣйствительно отрекся отъ церкви“. „То что, я отрекся отъ Церкви, называющей себя православною, это совершенно справедливо“.

Слова гр. Л. Н. Толстого въ „Отвѣтѣ“.

Если же такъ, то по меньшей мѣрѣ, Ваше Сіятельство, не все „клевета“ (какъ Вы осмѣлились выразиться) въ постановленіи Святѣйшаго Сѵнода.

„Тайна беззаконія дѣялась“: отреченіе графа Толстого отъ Церкви и всѣхъ ея благъ совершалось какъ бы въ тайнѣ, бывъ достовѣрно извѣстно только читателямъ его подпольныхъ кощунственныхъ сочиненій. Но нынѣ сія тайна открылась предъ очами всѣхъ, по слову Господа: „нѣтъ ничего тайнаго, что не сдѣлалось бы явнымъ“. Сердцевѣдецъ Господь чудными путями выводитъ наружу существо, скрывавшееся подъ руномъ овечьимъ. Была овечка смирненькая, какъ будто Христова, и вдругъ у всѣхъ воочію такая метаморѳоза: руно овечье распороли ножи обличителей, и изъ-подъ шкуры показался матерой злющій—презлю-

щій волкъ, который какъ взвоетъ по волчьи, какъ защелкаетъ зубами, какъ засверкаетъ глазами! Это среди самого-то стада! Овцы такъ и шарахнулись! за то отовсюду на злобный вой старика послышались отголоски и завыванія другихъ весьма многочисленныхъ волковъ, волчихъ и волченковъ. Поднялся концертъ, отъ котораго у боязливыхъ по кожѣ забѣгали мурашки, а у смѣлыхъ охотниковъ загорѣлось ретивое смѣлостью и отвагой.

Если только у насъ, христіанъ, не оскудѣло „всеоружіе Божіе“, то намъ не страшны не только сѣрые хищники (лжеучители), но и сами черти („духи злобы поднебесные“, (Ефес. VI, 12). Но провѣримъ себя: имѣемъ ли поясъ *истины*, броню праведности, обувь готовности къ благовѣстію мира, щитъ вѣры, шлемъ спасенія (заботы о спасеніи) и мечъ духовный обоюдо-острый, какъ назвалъ Св. Павелъ глаголъ Божій! Пусть каждый изъ насъ провѣритъ себя *вдумчиво*, какъ провѣряютъ себя воины передъ походомъ или смотромъ. Не заржавѣли ли у кого доспѣхи отъ неупотребленія, не разучился ли кто владѣть мечомъ, щитомъ и шлемомъ отъ долгаго неупражненія? „Се нынѣ день спасенія! се нынѣ время благопріятное“!

Извѣстенъ случай, какъ одинъ грѣшникъ далъ діаволу рукописаніе въ своемъ отреченіи отъ вѣры, ради достиженія какой то земной плотской цѣли. Это рукописаніе изъ рукъ діавола исхитилъ молитвою Св. Василій Великій. Невидимый духъ, принуждаемый силою Божіей, бросилъ съ воплемъ рукописаніе къ ногамъ Спасителя. Можно вообразить себѣ, какъ это было чудно и дивно: обнаруженіе присутствія въ воздухѣ злыхъ духовъ, коихъ бытіе хорошо знакомо всякому христіанину *по опытамъ* лютой борьбы, которую приходится вести съ ними при молитвѣ, постѣ, чтеніи слова Божія и всякомъ *подвигѣ* вѣры и добродѣтели.

Графъ Толстой также далъ рукописаніе своего отреченія діаволу. Это рукописаніе въ „отвѣтѣ“ его. Когда душа графа *вылупится* изъ тѣла, какъ изъ скорлупы (употребляю сравненіе самого графа), то на воздушныхъ мытарствахъ бѣсы представятъ ему въ обличеніе его отвѣтъ Св. Синоду съ отреченіемъ отъ вѣры. Еще недавно (въ 1898 г.) священникъ Шаровъ описалъ въ „Душеполез. Чтеніи“ о явленіи ему изъ загробнаго міра

души брата его діакона, не успѣвшаго вслѣдствіе холеры исповѣдать своихъ согрѣшеній. Бѣсы на мытарствахъ представили 15 таблицъ съ рукописаніемъ не только грѣховъ, дѣломъ и словомъ содѣянныхъ, но и грѣховъ въ мысляхъ, мечтахъ и пожеланіяхъ. Свящ. Шарову (донынѣ живому) понадобилось 15 лѣтъ трудиться въ молитвѣ, постѣ и дѣлахъ милостыни, чтобы освободить душу брата отъ узъ діавольскихъ.

Этотъ замѣчательный случай совершился не въ древности, но въ XIX вѣкѣ, и всякій можетъ провѣрить мои слова, прочитавъ въ „Душеполез. Чтеніи", которое мимоходомъ позволю себѣ рекомендовать всѣмъ пастырямъ, монахамъ, клирикамъ и христіанамъ, пекущимся объ „единомъ на потребу". Отсюда между прочимъ видно, что *не такъ-то легко* выручить душу грѣшника изъ когтей и власти діавола, будь-то при жизни или по смерти грѣшника. Пятнадцать лѣтъ подвиговъ понадобилось для уничтоженія 15 таблицъ грѣховъ. Тѣ, кто молится о графѣ Толстомъ, должны помнить, что надо молиться о немъ съ постомъ или хоть съ воздержаніемъ чрева, съ щедрою милостынею, *со слезами*. Только такая молитва Бога умилостивляетъ. Къ тѣмъ же, которые говорятъ, что молятся, а на дѣлѣ-то не исполняютъ, относится слово: „погубиши всѣхъ, глаголющихъ ложь". Правду сказать, я со времени отлученія графа, сомнѣваюсь, можно-ли о немъ молиться. Іоаннъ Богословъ прямо говоритъ: „если кто видитъ брата своего согрѣшающаго грѣхомъ не къ смерти, то пусть молится, и Богъ дастъ ему жизнь, то есть согрѣшающему грѣхомъ не къ смерти. Есть грѣхъ къ смерти:—не о томъ говорю, чтобы онъ молился" (Іоан. V, 16).

А Господь Іисусъ Христосъ ясно говоритъ о непростительности грѣха хулы на Св. Духа, то есть, хулы на Святую Церковь, ибо поистинѣ невозможно дѣлается спасеніе для того, кто смотритъ на Св. Церковь, подательницу спасенія, какъ на обиталище духовъ нечистыхъ. А именно это самое утверждаетъ *окаянный* графъ, когда въ отвѣтѣ своемъ (который отнынѣ будутъ именовать человѣкоугодники „знаменитымъ") говоритъ объ ученіи Св. Церкви, что онъ нашелъ его „коварною и вредною ложью", „собраніемъ самыхъ грубыхъ суевѣрій и колдовства". Это ли не хула на Святаго Духа. Дверь покаянія для графа отверста широко, но онъ *не хочетъ*

этою дверью входить, закоснѣвъ въ гордости и богоборствѣ. Чѣмъ это объясняется? Лучше всего это объясняетъ тотъ случай, который былъ съ преп. Антоніемъ Великимъ. Къ нему пришелъ діаволъ въ образѣ кающагося и отчаяннаго грѣшника, вопія, что не можетъ быть ему прощенія, ибо по грѣхамъ онъ подобенъ діаволу (а это былъ самъ діаволъ, принявшій благовидный образъ, какъ принимаетъ мошенникъ, нарядившись джентльменомъ). Преп. Антоній обѣщался спросить у Господа Бога, возможно ли спасеніе и помилованіе для этого грѣшника. Богъ открылъ своему угоднику, кто къ нему приходилъ и предложилъ вполнѣ исполнимый для злодѣя сего подвигъ: ставъ лицомъ къ востоку вопіять въ теченіе трехъ лѣтъ къ Богу: „Господи, Іисусе Христе, помилуй меня, злобу древнюю“. Когда преп. Антоній передалъ слова Божіи мнимому грѣшнику, вновь къ нему пришедшему, тогда-то діаволъ снялъ маску (притворный свой видъ) и воздухъ огласился адскимъ хохотомъ и свирѣпымъ воплемъ: „стану я каяться, когда я князь грѣшнаго міра и когда весь міръ въ моей власти!“ Не знаю, какъ другимъ, но мнѣ, грѣшному, весь отвѣтъ графа представляется, какъ насмѣшка и дерзость, вполнѣ по смыслу подобная хохоту того чорта, который являлся подъ видомъ христіанина къ преп. Антонію. Посмотрите, какимъ бѣсовскимъ презрѣніемъ и сатанинскимъ сарказмомъ дышатъ слова графа: то же, что люди, подписавшіе его (опредѣленіе Св. Синода) такъ увѣрены въ своей правотѣ, что молятся о томъ, чтобы Богъ сдѣлалъ меня для моего блага такимъ же, каковы они, не дѣлаетъ его лучше“.—Не хохочетъ ли графъ надъ дѣломъ молитвы? Истинно хохочетъ. Слѣдовательно, если бы и Моисей и Самуилъ помолились за графа, то и такая молитва не принесла бы ему пользы, ибо человѣкъ спасается не одною благодатью, но и собственною волею, которую онъ долженъ исправить и направить искренно къ добру, помня о всевидящихъ очесахъ Божіихъ, отъ коихъ не скрыты мысли людей и ихъ тайныя намѣренія.

Злохуленія же и кощунства графа попущены Богомъ въ наказаніе намъ православнымъ за грѣхи.

М. А. С—ко.

IX.

Голоса изъ среды мірянъ.

1) *Открытыя письма гр. Л. Н. Толстому по поводу его отлученія отъ Церкви.*

Письмо I-е. Кто правъ?

Какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ?
Или какой выкупъ дастъ человѣкъ за душу свою (Мрк. VIII, 31, 37)?

Какая неожиданность постигла васъ, графъ! Васъ, котораго безбожная, зараженная ложнымм матеріалистическимм идеями интеллигенція (дѣти, братья и сестры вашихъ героевъ баричей, которыхъ вы вѣрно оцѣнили) превознесла до небесъ, которому собираются ставить послѣ смерти памятникъ превыше всѣхъ памятниковъ, чадолюбивая православная Церковь исключила изъ числа своихъ членовъ, заявила публично, что не желаетъ имѣть съ вами никакихъ сношеній впредь до вашего покаянія. За что же это? За то, что вы отреклись отъ благодати Божіей, признаете Христа человѣкомъ, а не Богомъ, Церковь обманщицей, а все то, что она предлагаетъ и проповѣдуетъ, великой и далеко не невинной глупостью!.. За что превознесла васъ интеллигенція? За то, что вы съ великой художественностью проповѣдуете высшую нравственность, непротивленіе злу, за вашу жизнь и добрыя дѣла.

Кто же правъ? Вы описали въ лицахъ всю ложь человѣческихъ отношеній, но вы просмотрѣли, что вся эта ложь есть продуктъ маловѣрія и невѣрія, т. е. того, что вы проповѣдуете, и что на вѣрѣ прежде всего зиждется увлекающая васъ правда народная. Развѣ Корчагины и имъ подобные есть истинные члены Церкви Христовой? Развѣ не сдѣлали ихъ такими гордость, честолюбіе, чревоугодіе, блудъ и прочее, что признается Церковью величайшими изъ пороковъ? Вы

говорите: посмотрите, какіе безнравственные эти люди; но зачѣмъ жить иначе, если Христосъ только великій человѣкъ и если нѣтъ воскресенія и загробной жизни? Вѣдь великій для васъ, а для меня болѣе великій Будда, Магометъ, или кто-либо изъ философовъ; и не все ли равно, какъ жить въ этой кратковременной жизни, если все это окончится вѣчной смертью. Зачѣмъ я буду себя стѣснять, подчинять какимъ-то принципамъ, которые выдумалъ какой-то Христосъ, и не все ли равно, если мои братья отъ этого тоже начнутъ дѣлать гадости и даже погибнутъ; конечный удѣлъ всѣхъ одинаковъ. „Станемъ есть и пить, ибо завтра умремъ“,—иронизируетъ апостолъ Павелъ (1 Кор. XV, 32). Да и послушаютъ ли люди тогда вашей проповѣди о нравственности? Нѣтъ. Поговорятъ, какъ это хорошо; ради самолюбія и тщеславія сдѣлаютъ даже доброе дѣло, даже уйдутъ въ народъ, а лучше всетаки не будутъ, что и докажутъ потомъ на дѣлѣ. Будутъ говорить о непротивленіи злу, а сами первые воспротивятся; будутъ дѣлать добро однимъ и вредить другимъ, кто будетъ говорить имъ правду въ глаза и задѣнетъ ихъ самолюбіе; потому не будутъ нравственны, что все это безсмыслица безъ общаго воскресенія и загробной жизни. Взгляните-ка поглубже въ свою душу, не то ли самое окажется и на ея днѣ [1])? Нѣтъ, графъ, не правы вы; Христосъ-Богъ, воскресеніе и загробная жизнь должны быть; объ этомъ говорили пророки, объ этомъ говорилъ Самъ Христосъ, объ этомъ говорили Его ученики, объ этомъ говоритъ разумъ человѣческій, и только эта увѣренность можетъ явиться достаточнымъ стимуломъ для *истиннаго* совершенствованія и *истинныхъ* добрыхъ дѣлъ; разрушьте эту увѣренность, разрушится и нравственность, не будетъ и добрыхъ дѣлъ; останется одна ложь, зло, тьма и смерть. И какими добрыми дѣлами можно загладить то великое преступленіе, если соблазнить хотя бы единаго изъ братьевъ своихъ, лишить его св. вѣры и ввергнуть здѣсь въ тьму и ложь, а тамъ въ муку вѣчную. Одна

---

[1]) А Церковь можетъ указать тысячи подвижниковъ, достигшихъ истиннаго совершенства, побѣдившихъ въ себѣ всѣ страсти, кромѣ одной—безпредѣльной любви къ Богу и ближнему.

душа дороже тысячи тѣлъ; погибель одной души нельзя искупить спасеніемъ тысячи людей отъ голода, болѣзни и даже смерти тѣлесной. А вы своими лжеученіями погубили тысячи душъ! Не разрушайте же этихъ основъ; вы очень умны, но вы и очень горды, душевныя очи ваши помрачены; помните, что вы человѣкъ, а человѣку свойственно ошибаться, и что многіе великіе умы на склонѣ своихъ лѣтъ сознавали свое заблужденіе и приходили къ тѣмъ взглядамъ, которыхъ держится наша мать и наставница, святая Соборная и Апостольская Церковь. Отказавшись отъ благодати Божіей, вы очутились во власти великаго грѣха и заблужденія, во власти діавола, и не отдѣлаться вамъ отъ нея собственными человѣческими силами; и только тѣ средства, которыя указалъ Богъ и святая Церковь для успѣшной борьбы съ врагомъ рода человѣческаго, могутъ помочь вамъ въ этомъ. Средства эти—единеніе съ Церковью, молитва, таинства и постъ, постъ не потому, что человѣкъ не имѣетъ права отнимать жизнь,—вѣдь и растеніе живетъ, а страданіе при помощи науки можно свести до минимума, — а потому, что постъ измѣняетъ функцію мозга и дѣлаетъ его болѣе воспріимчивымъ къ познанію абсолютной истины.

Извѣстный вамъ врачъ Апраксинъ.

Нижній-Новгородъ.

Письмо 2-е. Какой Богъ далъ вамъ право?

Я, какъ познакомился съ вами, Лѣвъ Николаевичъ, по вашимъ писаніямъ видѣлъ, что вы сначала искали истину, затѣмъ, когда вамъ не могли отвѣтить на ваши вопросы, вы обрушились на тѣхъ, кто не могъ вамъ отвѣтить, и послѣдовали за сектантами, засѣвшими гдѣ-то на Дону, затѣмъ обратились за отвѣтомъ къ буддистамъ. Я слыхалъ, что вы увлекались общею молитвою сектантовъ, а теперь высказываетесь противъ общей церковной молитвы, основанной на словахъ Христа: „если два или три собрались во имя Мое, тамъ и Я посреди васъ“. Однимъ словомъ, вы шатались во всю свою жизнь, отыскивая истину и, не оты-

скавъ ея, обрушились не на исполнителей, а на ученіе Христа, которымъ вы пользуетесь во всѣхъ своихъ писаніяхъ, какъ истиннымъ. Отказавшись отъ истиннаго ученія Христа, передѣлавъ его такъ, какъ вамъ хотѣлось, вы такъ и останетесь и будете неустановившимся человѣкомъ до дня своей смерти, такъ какъ вы отказались отъ истиннаго Бога, сказавшаго: „Я и Отецъ одно и тоже, Я жизнь и истина". Вы говорите, что любите истину больше всего на свѣтѣ, но вѣдь Евангеліе всецѣло истинно, и искажать его, ради вами выдуманной истины, нечестно. Вы говорите, что вы желаете служить всѣми силами души Господу, а Того Господа, Котораго христіане признаютъ, вы не признаете; но интересно было бы подробнѣе знать, какого вы нашли *новаго* бога теперь, на которомъ и успокоились на склонѣ дней.

Вы писали мнѣ какъ-то, что я обладаю искренностію убѣжденій и вотъ теперь, когда вы задумали пошатнуть тѣ искреннія убѣжденія, которыя для многихъ служили и служатъ основою жизни, позвольте и мнѣ изложить вамъ мои искреннія убѣжденія. Я не могъ согласиться со многими писаніями, которыя были направлены противъ васъ: масса изъ нихъ была безсодержательна, неубѣдительна, являлась не опроверженіемъ вашего ученія, а самозащитой, пустымъ наборомъ словъ, а между тѣмъ немудрено доказать ложь вашихъ писаній, если бы всѣ говорили искренно и не называли бы лжи истиной въ угоду развращенному человѣчеству. Я съ вами буду говорить по простотѣ такъ, какъ я самъ убѣжденъ, и буду говорить про вашу неправду не потому, что это ложью считаютъ другіе, а потому, что вы неправы—по моему глубокому убѣжденію. Хороши ваши описанія противъ разврата: Крейцерова Соната, Воскресеніе, изданное въ Россіи: они сослужили службу человѣчеству, но ваши религіозныя писанія, ваши нападки на Церковь христіанскую возмутительны и лживы.

Да, я искренно убѣжденъ, что вы, увлекшись бичеваніемъ плохихъ послѣдователей Христа, обрушились на самую вѣру христіанскую, *не зная ся* и толкуя по своему то, что для васъ не ясно, что вы не могли уразумѣть по своему самомнѣнію и гордости. Сознайтесь, Левъ Николаевичъ, что вы страшно самомнительны и

не любите, если съ вами не соглашаются, а это ужъ указываетъ на заблужденіе. Не радуйтесь тому, что вамъ апплодируетъ міръ, въ грѣхѣ лежащій, міръ продажный, развращенный, такъ называемые образованные люди, люди, не знающіе горя, сытые, живущіе на чужой счетъ. Всѣ послѣдователи исчезнутъ, какъ дымъ, истаетъ слава эта, какъ воскъ предъ лицомъ огня. Вы не признаете Христа такъ, какъ признаютъ Его истинные послѣдователи, и не хотите дѣлать того, что Онъ намъ велѣлъ творить въ Свое воспоминаніе, не признаете того, что Онъ Своимъ послѣдователямъ велѣлъ блюсти все, что заповѣдовалъ,—учить лишь тому, чему Онъ училъ... Вы говорите, что вы должны обличать религіозный обманъ, потому что вы вѣруете въ Бога и христіанское ученіе, но въ послѣднее-то вы не вѣрите, какъ слѣдуетъ, и знаете его такъ же, какъ сектантъ-иконоборецъ и духоборецъ, но не какъ вѣрный христіанинъ. Можете вы сколько угодно злобиться на называющихъ себя христіанами и неисполняющихъ этого ученія, можете указывать на ихъ недостатки, но порицать Церковь, установленную Христомъ, всѣ имъ установленныя таинства и молитву общую—постыдно, безчестно!!

Весь христіанскій людъ смотритъ на Евангеліе, какъ на истину, и всецѣло признаетъ его, а вы признаете только то, что вамъ нравится, что вы понять могли, хотя говорите, что видите весь смыслъ жизни въ исполненіи воли Божіей, выраженной въ христіанскомъ ученіи. Но въ немъ вѣдь рѣшительно сказано, что второе пришествіе Христа будетъ; въ Евангеліи запрещается осуждать другихъ, что вы дѣлаете; въ немъ сказано: просите и дано будетъ вамъ; въ немъ не уничтожается бракъ, а дозволяется; въ немъ предлагается прощать согрѣшившимъ несчетное число разъ... Гдѣ же ваше исполненіе воли Божіей?

Я говорю это, какъ христіанинъ, имѣющій вѣру меньше горчичнаго зерна, убѣдившійся, что всѣ дѣла мои и жизнь моя на благо ближняго принадлежатъ Христу, Который познается только людьми, знающими горе, знающими тяжелый трудъ, имѣющими понятіе о голодѣ, но не разжирѣвшими отъ бездѣлья, пресытившимися благами жизни на чужой счетъ.

Если плохи исполнители, то плохо и самое дѣло.

Вотъ вашъ выводъ. Можно ли назвать его разумнымъ? Я понимаю и скажу спасибо, если вы будете порицать меня, какъ христіанина, за то, что я не исполняю заповѣдей своей вѣры, какъ слѣдуетъ, но несправедливо порицать самую вѣру. Нужно отличать дѣло отъ исполнителей, Церковь отъ людей, къ ней принадлежащихъ, вѣру отъ исповѣдующихъ ее. Я могу съ убѣжденіемъ сказать, что вы не могли знать Бога, потому что вы всю вашу жизнь со дня рожденія были сыты до отвала, вы не имѣете понятія о томъ, что значитъ быть голоднымъ, что значитъ быть въ безвыходномъ положеніи, не знаете безысходнаго горя, отъ котораго нѣтъ возможности избавиться собственными своими силами, а кто это испыталъ, тотъ скажетъ, что истинный Богъ Тотъ, Который сказалъ: „все, что просите во имя Мое съ вѣрою, дастся вамъ", Тотъ, Который сказалъ: „по вѣрѣ вашей будетъ вамъ", и вотъ кто получалъ отъ Него по вѣрѣ просимое, знаетъ Его... Нужно ли вамъ было просить, нужно ли вамъ было вѣрить? Нѣтъ! За васъ приказывали, а затѣмъ вы приказывали, и все вамъ исполняли ко вреду души вашей.

Постыднымъ считается брать чужое орудіе и употреблять его противъ того, кого обезоружили, а вы во всѣхъ вашихъ писаніяхъ приводите истины, сказанныя Христомъ, на нихъ основываете свои писанія, а Давшаго эти истины вы уничтожаете въ глазахъ людей некрѣпкихъ вѣрою и даете силу врагамъ ученія Христа, которыхъ всегда было много. Отнимать послѣднюю укрѣпу въ жизни человѣка грѣшно, а вы отнимаете и якорь, и руль, и весла отъ той утлой ладьи, которую представляетъ собою человѣкъ нашего времени, и бросаете ее (ладью эту) въ бурное море жизни для погибели. Человѣчно ли это?

Какой Богъ далъ вамъ это право? Скажите вы, стяжавшій славу великаго писателя земли русской? Вы, отбирающій якорь и руль у слабаго, ломающій по своему ученіе Христа? Но что вы предъ силою креста, если духъ зла бѣжитъ отъ него!—Ничто, но мнѣ жаль васъ, какъ силу и талантъ, жаль, какъ христіанина, бросившаго свою вѣру, жаль потому, что горе и отвѣтственность великія ждутъ васъ, какъ соблазнителя „сихъ малыхъ". Неужели, по вашему, Христосъ лжецъ и обманщикъ, какъ говорили евреи, распявшіе его? Но не забывайте,

что Онъ сказалъ, что Церковь, которую Онъ стяжалъ Своею кровью, не одолѣютъ и врата ада...

Васъ, Левъ Николаевичъ, „опьяняетъ“ поклоненіе и всяческія славословія безбожныхъ, пристрастныхъ современниковъ, которые въ васъ опознали себя, но вамъ, а равно и вашему потомству дорого должно быть одобреніе грядущихъ поколѣній, и знайте, что сознаетъ вѣрующее грядущее поколѣніе всю вашу неправду, и тогда память о васъ будетъ недобрая, и пошлетъ вамъ грядущее поколѣніе проклятіе за то, что вы талантъ, данный вамъ отъ Бога, направили на зло человѣчеству, стремясь пошатнуть вашими богохульными писаніями основную вѣру русскаго народа, въ которой онъ еще не окрѣпъ, потому что мало истинныхъ христіанъ въ средѣ старшихъ братьевъ и масса такихъ учителей, какъ вы, хромающихъ на обѣ ноги.

Вы говорите въ концѣ вашего „Отвѣта“ Св. Синоду, что исповѣдуете христіанство, и въ той мѣрѣ, въ какой исповѣдуете его, спокойно и радостно живете и спокойно и радостно приближаетесь къ смерти. Значитъ, вы *свое* спокойствіе возлюбили больше всего на свѣтѣ и можете сказать, что *счастливы*, слѣдовательно, вы обрѣли свое собственное личное спокойствіе, но люди истины и чести тогда бываютъ счастливы и спокойны, когда счастливы будутъ всѣ окружающіе ихъ люди, *а сытаго* счастія очень много на русской землѣ, и не дай Богъ быть такимъ счастливцемъ, ибо эта животная добродѣтель ничего общаго не имѣетъ съ христіанскимъ ученіемъ, и дойти до такой добродѣтели не значитъ найти истину. Христіанство безъ Господа Христа не можетъ называться христіанствомъ; это какая-то новая секта, подходящая подъ ваши истины, и ясно, что вы не христіанинъ. Въ своемъ „Отвѣтѣ“ вы противорѣчите себѣ на каждомъ шагу: то говорите, что вѣрите въ христіанство, а то говорите, что можно полюбить истину больше, чѣмъ христіанство, и потому, значитъ, христіанство не истина; такимъ образомъ вы исповѣдуете христіанство въ той мѣрѣ, какъ оно вамъ по вкусу, не противорѣчитъ вашему умствованію. Левъ Николаевичъ, вы готовитесь идти къ тому Богу, отъ Котораго вы изошли, значитъ, вѣруете въ вѣчную жизнь души, но не вѣрите въ истину, сказанную Христомъ; „вѣрующій въ меня не погибнетъ и будетъ имѣть жизнь вѣчную,“ а по-

тому будетъ ли имѣть ее ваша душа?.. Поистинѣ ужасно то, что вы для того, чтобы выместить злобу на тѣхъ, кто съ вами несогласенъ, дѣлаете ужасное зло: искажаете истину, данную Христомъ. И вамъ были сказаны слова Христа: „горе человѣку тому, чрезъ котораго соблазнъ приходитъ"... Вы съ своими религіозными писаніями напоминаете мнѣ кабатчика, который, держась либеральныхъ идей, раскинулъ по нѣсколькимъ губерніямъ кабаки, въ которыхъ забираютъ водку за мужицкіе зипуны. Вы говорите, что вы не печатаете своихъ произведеній; но вѣдь это, Левъ Николаевичъ, ложь. Вѣдь вы печатали для публики въ заграничномъ изданіи свое „Воскресеніе", гдѣ насмѣхаетесь надъ святѣйшимъ таинствомъ, утвержденнымъ Самимъ Господомъ Іисусомъ. По вашей вѣрѣ вы называете себя вѣрующимъ, но, право, это самообманъ и вашей вѣрѣ ничтожная цѣна.

Дѣятель.

Казань.

Письмо 3-е. Отъ любящаго читателя (богослова).

Дорогой и неоцѣненный, бывшій братъ мой по вѣрѣ, Левъ Николаевичъ!

Скорбитъ св. Русь по тебѣ, скорблю и я, какъ бывшій братъ твой по духу. Мы были въ нѣдрахъ одной и той же матери Церкви, питались одними и тѣми же дарами благодати и проникались одною и тою же вѣрою, надеждой и любовію. Возрастая, мы вели съ тобой дружбу и единеніе; и невинны и чисты были наши отношенія. Бывало, начнешь ты свои сердечные разсказы,—съ какимъ удовольствіемъ я слушалъ тебя и восхищался твоею поэзіею, этимъ Божьимъ даромъ! Я говорилъ: „о, если бы Всевышній развилъ и укрѣпилъ твой даръ къ общей пользѣ... Да не коснется злой рокъ твоего сердца и не угаситъ золотыхъ искръ небеснаго дара". Прошло время, а ты поддался злому вѣянію... Оно росло, и ты удалялся отъ меня, несмотря на мой призывъ не покидать меня. Что мои мольбы, что мои совѣты?! „Я самъ отвѣчаю за себя и знаю, куда иду", говорилъ ты мнѣ на призывъ мой. И вотъ, ты ушелъ отъ меня въ далекую сторону... О, какъ не скорбѣть

мнѣ! Я плачу и рыдаю по тебѣ, и сердце мое трепещетъ жалостію при воспоминаніи о тебѣ... Я рвусь къ тебѣ... А ты... Богъ тебѣ Судья! Одна надежда на Него... Онъ, Творецъ нашъ, все видитъ: Онъ видитъ и тебя. и твои тайныя мысли, и видитъ, куда ты пришелъ.., Неужели ты не слышишь голоса Его и не внимаешь, какъ Онъ, не хотяй смерти грѣшника, даетъ тебѣ отсрочку за отсрочкой, призывая подъ благодатную сѣнь Церкви Христовой?! Вернись, дорогой братъ мой; вспомни золотое время! Неужели поздно?! Ты говоришь издалека: „нѣтъ мнѣ возврата къ тому, отъ чего оторвался съ такою болью". Правда, тяжело и больно разставаться съ своими кумирами, но неужели же нѣтъ возврата? Отецъ замотавшагося въ чужой далекой сторонѣ сына все же не теряетъ надежды на его возвращеніе, и эта надежда ободряетъ и поддерживаетъ его въ тоскливой разлукѣ. И тѣмъ радостнѣе, тѣмъ живѣе бываетъ минута свиданья съ возвратившимся, казалось, погибшимъ сыномъ. Вспомни, братъ, притчу Христа. Да, представляю, какъ трудно тебѣ разстаться съ тѣмъ, что ты изобрѣлъ, какъ истину. Но милый, былой другъ мой! Истина одна и та же отъ вѣка. Она— свѣтлѣе солнца, неизмѣнна, вѣчна. Предъ нею должны склониться всѣ заблужденія человѣческаго генія: она— не отъ людей, а отъ Творца. Она—отвергнутый тобой Христосъ Богочеловѣкъ! Итакъ, прочь всѣ заблужденія! Чрезъ нихъ я потерялъ любимаго брата; и стоитъ онъ вдали, у края стремнины, а между тѣмъ душа его дороже міра. Братъ мой! Дай мѣсто святой, божественной истинѣ; да возсіяетъ она и въ твоемъ ослѣпленномъ умѣ во всемъ своемъ блескѣ и величіи! Да погибнетъ ложь и заблужденіе!.. Дорогой братъ мой! Я плачу и томлюсь по тебѣ; душа моя рвется къ тебѣ на встрѣчу во Христѣ и Церкви. Вернись же, любимый мой; вернись въ прежней простотѣ, искренности и любви... Воскресни душой! Я простираю къ тебѣ руки издалека; простри и ты... Приди, единымъ сердцемъ и усты прославимъ милосердаго Бога, и обнимемъ другъ друга съ любовію, припадемъ другъ къ другу и выплачемъ былое горе и радость свиданія!..

О, Боже! Возврати на путь истины и спасенія дорогого брата!

П. П. Т.

Съ береговъ Чернаго моря.

Письмо 4-е. Убійственна ваша, гр., вѣра!

Вы, Левъ Николаевичъ, начинаете гнѣваться и даже похваляться, что можете изъ христіанства сдѣлать „одни клочья“. Вы больше сдѣлали на этомъ вами избранномъ пути. Вы сняли со Христа самую багряницу, то есть сдѣлали больше, чѣмъ Его мучители. Но вѣдь и Юпитеръ бываетъ неправъ, когда входитъ въ гнѣвъ. На что же гнѣваетесь и чѣмъ похваляетесь? Вамъ не нравится культъ христіанства? Вы воюете противъ выработанныхъ въ Церкви формъ богопочтенія? Вамъ противенъ этотъ живой храмъ, храмъ столь благоукрашенный? Охотно вѣримъ и даже прямо видимъ ко всему этому ваше нерасположеніе до раздраженія. О вкусахъ, говорятъ, не спорятъ. Но война, графъ, по вашимъ собственнымъ убѣжденіямъ, есть насиліе, есть варварство, есть безсмыслица? Итакъ, начавъ свою проповѣдь міру внушеніемъ мира и любви, вы нынѣ выступаете Наполеономъ I и далеко не первымъ Донъ Кихотомъ! Не такъли? A parvis magna comparentur. Положимъ, вамъ не нравятся, графъ, современные наряды, какъ глупо выработанныя формы, и вы въ правѣ ходить стоящимъ ближе къ природѣ крестьяниномъ. Но, согласитесь, осуждая формы въ другихъ, вы подчиняетесь же формѣ и не хотите жить хотя бы Діогеномъ?! Но, воля ваша, даже своимъ крестьянскимъ нарядомъ вы уже далеко ушли отъ циника, напримѣръ, или первобытнаго человѣка и логически въ правѣ тѣ предки осудить васъ за вашу культуру. Но вамъ можно ли воевать противъ формъ, когда онѣ плодъ культуры? Можно ли воевать противъ усовершенствованнаго земледѣлія?! Если нѣтъ, если объ усовершенствованіи сохи, бороны, плуга, цѣпа, граблей, вѣяльной лопаты и т. п. можно, съ вашего позволенія, заботиться, то ужели незаконно, ужели глупо употреблять усовершенствованныя формы въ своемъ обиходѣ только человѣку?! мнѣ не нравится пестрядь, глаза мои не выносятъ красной рубахи, для старыхъ моихъ плечъ тяжелъ армякъ, а ваши лапти совсѣмъ не грѣютъ ногъ, особенно въ грязную пору. Позвольте же мнѣ одѣться по своему и какъ требуетъ того мое званіе! Отъ этихъ реальныхъ картинъ вашей философіи перейдемъ же, графъ, теперь къ вашей вѣрѣ, распу-

бликованной въ послѣдней Вашей исповѣди—отвѣтѣ Св. Синоду. Суди васъ Богъ вашъ, въ ней оказываются пробѣлы подъ давленіемъ той же вашей философіи и допущены въ жару такой же войны за простоту нагого человѣка. Въ ней недостаетъ прежде всего понятія вашего о личности Бога съ Его свойствами и дѣйствіями, какъ Существа живого, въ общеніи съ Которымъ вы питаете надежду жить за гробомъ. Выработайте себѣ такое понятіе для полноты вашихъ убѣжденій въ вѣрѣ, хотя бы ради того, что вы ее создали умомъ, живущимъ логически вѣрною истиною. Если же вы стоите противъ понятія о Богѣ личномъ, о существѣ живомъ, то въ такомъ случаѣ вы поклоняетесь идеѣ, а эта внѣ мышленія ничто. Чему же тутъ поклоняться?! Видимое дѣло, вы не въ силахъ освободить свою мысль отъ идеи Бога и, какъ человѣкъ притомъ нравственный, не можете сказать съ безумными: *нѣсть Богъ*! Но, повторяю, можно ли поклоняться идеѣ, да еще съ надеждою за то получить отъ нея блаженное существованіе хотя бы только въ бытіи духа, безъ соединенія его съ тѣломъ? Нѣтъ, графъ, вамъ необходимо выработать себѣ понятіе о существѣ Бога живаго, а не хвататься за тѣнь мышленія, если не хотите принять его, какъ данное изъ книги природы и изъ Божественнаго Откровенія. Это вамъ совсѣмъ необходимо, чтобъ видѣть, насколько вы правы въ поднятой вами брани противъ Церкви съ установившимся въ ней отъ дней древнихъ Богопочтеніемъ. Я раздѣляю, графъ, вашу вѣру въ Бога, какъ Духа, и съ вами исповѣдую въ Немъ свойство любви. Но съ такою вѣрою я прямо нуждаюсь въ рѣшеніи неотразимо поднимающагося вопроса о взаимообщеніи между Богомъ Духомъ, притомъ Существомъ любящимъ, и человѣкомъ, фактическая мизерность котораго такъ всеобща и жалка! и вы, графъ, ставите себѣ этотъ вопросъ, но рѣшить его детально какъ будто боитесь и только отталкиваете отъ себя, отрицая установившіяся формы богопочтенія. Это, глубокомыслящій графъ, новый пробѣлъ въ вашей вѣрѣ отъ ума. Вы не хотите вѣрить въ богоустановленіе Церкви! Пусть будетъ по вашему разуму! Но хотя бы отъ разума укажите мнѣ формы спасительнаго взаимообщенія между Богомъ—Духомъ и человѣкомъ—духо-плотію, между Богомъ—Любовію и человѣкомъ—

существомъ всяческой брани, въ немъ самомъ гнѣздящейся! Укажите мнѣ формы отношенія такого Бога и къ такому человѣку! Укажите мнѣ формы отношенія такого жалкаго существа, какъ человѣкъ, къ Богу—Существу для человѣческаго ничтожества недосягаемому?! Быть можетъ, не такъ безпомощны въ человѣческомъ родѣ геніи, таланты, великіе мыслители, что могутъ воспарить къ Богу Духу? А масса-то, графъ, масса-то, при своемъ физическомъ, умственномъ и нравственномъ безсиліи ужели затѣмъ только приходитъ въ міръ, чтобы полюбоваться на счастливцевъ и вѣчно оставаться въ тьмѣ кромѣшной, то есть внѣ блаженнаго общенія съ Богомъ-Любовію?! Пожалѣйте, графъ, вашего покорнѣйшаго слугу! Нѣтъ, если вы не рѣшите моего назойливаго вопроса о формѣ взаимообщенія между Богомъ и человѣкомъ, тѣмъ болѣе, когда вы своею проповѣдію противъ Церкви будете смущать меня, тогда *убійственна* ваша вѣра отъ ума, зла въ лицѣ своихъ исповѣдниковъ, какъ война Бонапарта, и несмысленна въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова! Въ вашей брани, графъ, есть прямое безсиліе. Богъ Духъ, а человѣкъ—духо-плоть. Теперь, приступаю къ вамъ, начертите вашимъ тяжеловѣснымъ перомъ формы отношенія между такими существами! Когда вы изъ вашей вѣры такія формы исключите, то между Богомъ и человѣкомъ выроете бездну и не дадите мѣста никакому взаимообщенію между ними. Если, напротивъ, признавая нужду въ такомъ общеніи, попробуете заполнить ту бездну, тогда неизбѣжно придете къ историческому факту религіознаго культа у всѣхъ народовъ. Молитвы и священнодѣйствія въ религіозныхъ культахъ не имѣютъ ничего общаго ни съ суевѣріемъ, ни тѣмъ болѣе съ понятіемъ о колдовствѣ. Вотъ, пять-шесть человѣкъ, одинъ послѣ другого, пришли съ своими нуждами къ господину Льву Николаевичу Толстому и каждый на свой манеръ выражаетъ нужду, изливая свою душу. Гдѣ же тутъ колдовство? Ни того, ни другого здѣсь нѣтъ, хотя бы всѣ просители и суетно пришли къ графу съ своими нуждами. Когда человѣкъ изливаетъ такъ или иначе свою душу предъ Богомъ, то разнится фактъ такого взаимообщенія его съ Богомъ отъ взаимообщенія съ людьми только тѣмъ, что господинъ осязаемъ, а Господь—Духъ. Въ

этомъ различіи, графъ, соблазнъ вашъ, притомъ высказываемый къ соблазну всего міра да еще съ ожесточеніемъ, совсѣмъ излишнимъ для Юпитера. Объяснимся дальше. Вся богослужебная обрядность Церкви—это формы духа, облеченныя въ плоть, потому что человѣку безъ плоти ни плакать, ни радоваться нельзя, ни тѣмъ болѣе вознестись хотя бы только мыслію и сердцемъ на небо, ибо эти въ тѣлѣ и тѣломъ проявляютъ свое бытіе, потому что самъ Духъ воплотился, чтобы спасти живущихъ во плоти; однимъ словомъ, формы богопочтенія въ Церкви неизбѣжно нужны потому, что однѣ онѣ въ возможности для человѣка, а въ томъ числѣ и символически выражаемыя. Спаситель осуждалъ въ фарисеяхъ исключительность формы, но, проповѣдуя поклоненіе Богу духомъ и истиною, Самъ и постился, и молился, и храмъ посѣщалъ, и праздники чтилъ. Въ мышленіи человѣкъ любитъ рогатый силлогизмъ и на дѣлѣ увлекается сильными ощущеніями крайнихъ положеній, забывая, что medio tutissimus ibis. Не такъ ли графъ?! Если вы не отвергнете историческій фактъ религіознаго культа у всѣхъ народовъ, неотразимо покоящійся въ самомъ человѣкѣ, вашей могучей мысли останется тогда легкая задача избрать для своей вѣры,—который лучше, разумнѣе, который вѣрнѣе можетъ даровать вамъ блаженное общеніе съ Богомъ за предѣлами могилы.

П. В—й.

Кострома.
12 Іюля 1901 года.

2) *Изъ писемъ въ редакцію.*

I.

„Поучающій кощунника наживетъ себѣ безславіе".

Вашъ отецъ діаволъ, и вы хотите исполнить похоти отца вашего. Онъ не устоялъ въ истинѣ. Когда говоритъ онъ ложь, говоритъ свое, ибо онъ лжецъ и отецъ лжи (Іоан. 8, 44).

Эти слова Спасителя невольно пришли мнѣ на память при чтеніи кощунственнаго „Отвѣта" Толстого напо-

сланіе Синода о немъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ иначе назвать ту богохульную, чуть не площадную брань по адресу православной Церкви и ея спасительныхъ благодатныхъ установленій,—брань, которою уснащаетъ свое произведеніе „великій писатель“? Кто читалъ подпольныя изданія Льва Николаевича Толстого, тотъ уже давно пересталъ вѣрить въ существованіе у прославленнаго писателя самаго обыкновеннаго чувства уваженія къ убѣжденіямъ людей противоположнаго лагеря. Въ данномъ же случаѣ дѣло идетъ и не объ убѣжденіяхъ, а о томъ, что дороже всякихъ убѣжденій, что выше всѣхъ земныхъ сокровищъ (Матѳ. 6, 19—20; 13, 45—46), что составляетъ жизнь многихъ милліоновъ православныхъ людей. И вотъ это божественное достояніе, эту святую вѣру, принесенную нашимъ Христомъ Спасителемъ съ неба, аристократъ-графъ, вельможа православнаго русскаго государства, обливаетъ грязью хуже всякаго грубаго и необразованнаго сектанта-мужика, пылающаго ненавистью къ православію.

Возражать ли графу Толстому по поводу его кощунствъ въ „Отвѣтѣ“ на посланіе Синода? Но развѣ можно говорить съ человѣкомъ, который не понимаетъ вашего языка!.. Вѣдь графъ измыслилъ свое собственное евангеліе и не хочетъ знать того благовѣстія, которое признается вѣрующимъ православнымъ міромъ. Ясное дѣло поэтому, что увѣщаніе его теперь съ православно-евангельской точки зрѣнія было бы „метаніемъ бисера“; *поучающій кощунника*,—говоритъ премудрый,— *наживетъ себѣ безславіе, и обличающій нечестиваго пятно себѣ* (Притч. 9, 7). Поэтому лучше всего оставить, въ силу этихъ словъ св. Писанія, на отвѣтственности Толстого всѣ его ругательства противъ православной Церкви, которымъ сдѣлаютъ надлежащую оцѣнку безпристрастная и неумолимая исторія и здравое общественное мнѣніе. Если и стоитъ что возразить прославленному богослову изъ Ясной Поляны, такъ это только указать на неправду и на тѣ противорѣчія, которыми исполненъ его настоящій „отвѣтъ“.

Толстой считаетъ постановленіе Синода о немъ незаконнымъ, умышленно - двусмысленнымъ, произвольнымъ, неосновательнымъ, неправдивымъ, клеветою и подстрекательствомъ къ дурнымъ чувствамъ и поступкамъ. Графъ на эпитеты подобнаго рода вообще не

скупится; не даромъ одинъ изъ его безразсудныхъ поклонниковъ, возражая г. Мережковскому, называетъ Толстого „мужикомъ, выковавшимъ русское государство“. Но въ такомъ случаѣ какъ назвать съ безпристрастной точки зрѣнія „отвѣтъ“ самого Толстого? Вѣдь idée fixe Толстого составляетъ непротивленіе злу. Если же, по взгляду графа, священнослужители православной Церкви являются гнусными обманщиками и гипнотизерами (sic!) и всѣ ихъ церковныя дѣйствія, а въ частности посланіе Синода, представляютъ одно сплошное зло, то зачѣмъ же графъ возстаетъ, вопреки своимъ основнымъ принципамъ, противъ этого зла, зачѣмъ онъ съ такой мрачною злобой и въ такихъ непозволительныхъ выраженіяхъ обрушивается на служителей Христовыхъ и домостроителей Таинъ Божіихъ (1 Коринѳ. 4, 1)?

Обругивая посланіе Синода, Толстой для своей брани не представляетъ рѣшительно никакихъ основаній. Онъ голословно утверждаетъ, что посланіе Синода „не удовлетворяетъ тѣмъ церковнымъ правиламъ, по которымъ можетъ произноситься такое отлученіе“. Какія это церковныя правила, графъ благоразумно умалчиваетъ, опасаясь, вѣроятно, чтобы не оказаться такимъ же канонистомъ, каковъ онъ, какъ экзегетъ и богословъ.

Забывая всякую сдержанность, Толстой говоритъ, что посланіе „представляетъ изъ себя то, что на юридическомъ языкѣ называется клеветою, такъ какъ въ немъ заключается завѣдомо несправедливыя утвержденія“... Ниже Толстой, вопреки этому заявленію, блистательно доказываетъ, что въ посланіи Синода о немъ не было не только никакой клеветы, а наоборотъ, одна вопіющая на небо правда. Нужно быть глубоко благодарнымъ высшему іерархическому правленію нашей Церкви за то, что оно сняло овечью шкуру съ хищника, губителя многихъ человѣческихъ душъ: благодаря посланію Синода о Толстомъ и „отвѣту“ на него графа, теперь всякій можетъ увидѣть всю его кощунственную неприкровенность. Спрашивается теперь, кто же въ этомъ дѣлѣ является клеветникомъ и притомъ нагло извращающимъ факты?

Далѣе Толстой жалуется, что посланіе Синода „вызвало у людей *непросвѣщенныхъ* (толстовствомъ?) и *неразсуждающихъ* (какъ Толстой?) озлобленіе и ненависть“ къ нему, доходящія до угрозъ убійства и высказывае-

мыя въ получаемыхъ имъ гр. Толстымъ письмахъ. Что же это значитъ? Вѣдь читающей публикѣ, конечно, извѣстно вызывающее письмо, которое графиня Толстая въ февралѣ мѣсяцѣ этого года послала Высокопреосвященнѣйшему Антонію, Митрополиту С.-Петербургскому и Ладожскому, гдѣ она заявляетъ, что распоряженіе Синода вызоветъ „негодованіе въ людяхъ и большую любовь и сочувствіе къ Льву Николаевичу. Уже мы получаемъ,—добавляетъ безапелляціонно графиня Толстая,— такія изъявленія, и имъ не будетъ конца отъ всего міра". Теперь же изъ устъ ея супруга мы слышимъ совершенно противоположное: графу Толстому, оказывается, пишутъ озлобленныя письма, дышащія угрозами и убійствомъ. Кому вѣрить? Если говоритъ правду графиня, то неправъ графъ; а если правдиво пишетъ графъ, то въ такомъ случаѣ искажаетъ истину графиня. Едва ли можно считать это обстоятельство маловажнымъ: неужели можно стать настолько мелкимъ, чтобы допускать въ серьезныхъ вещахъ неправду, столь ясно бросающуюся въ глаза? Но допустимъ, что и графъ, и графиня пишутъ правду, т. е. первый получаетъ письма враждебныя, а вторая—сочувственныя. Всетаки и при такомъ положеніи вещей Левъ Толстой никоимъ образомъ не можетъ утверждать, что именно посланіе Синода вызвало къ нему озлобленіе и ненависть въ людяхъ *непросвѣщенныхъ и неразсуждающихъ*. Со стороны графа утвержденія подобнаго рода суть не что иное, какъ недобросовѣстная натяжка. Нѣтъ, не посланіе Синода озлобило противъ графа насъ, людей вѣрующихъ, а самъ онъ вызвалъ это озлобленіе у насъ своими грѣшными и кощунственными писаніями о религіи, въ которыхъ съ сатанинскою дерзостью обругиваетъ самыя священныя вѣрованія православныхъ христіанъ и осмѣиваетъ дорогія для вѣрующаго сердца имена; да, всякому терпѣнію бываетъ предѣлъ, и въ вопляхъ негодованія противъ Толстого исключительно виноватъ самъ онъ. Теперь, стоя на краю могилы, графъ только пожинаетъ плоды своей противохристіанской и анархической дѣятельности. И совершенно напрасно графъ указываетъ на то, что письма, направленныя къ нему, наполнены неприличными ругательствами: подпольныя писанія самого Толстого такъ неприкровенны, оскорбительны и грубы, что предъ ними блѣднѣетъ всякая ругань; только

христоненавистныя богохуленія еврейскаго Талмуда могутъ соперничать съ толстовскимъ кощунствомъ. Графъ далъ въ этомъ отношеніи плачевный примѣръ, и, указывая на сучекъ въ глазѣ ближняго, не замѣчаетъ въ то же время у себя цѣлаго бревна. Самъ же Толстой въ „отвѣтѣ“ поучаетъ, что люди должны поступать съ другими такъ, какъ они хотятъ, чтобы съ ними поступали, а самъ же первый не слѣдуетъ этому божественному правилу. Становясь на его точку зрѣнія, нужно признать, что эти ругательства суть „простыя и объективныя“ названія вещей и предметовъ ихъ настоящими именами. И во всякомъ случаѣ, что извинительно человѣку непросвѣщенному и неразсуждающему, то не извинительно человѣку просвѣщенному и талантливому, который свои богодарованныя способности употребляетъ на то, чтобы священныя для всего христіанскаго міра вѣрованія поносить „гнилыми словами“ (Ефес. 4, 29). Затѣмъ, нужно быть слишкомъ наивнымъ, чтобы не понять, съ какою цѣлью Толстой пишетъ „отвѣтъ“ на постановленіе Синода о немъ; этотъ его „отвѣтъ“, какъ и прежнія писанія на ту же тему, въ частности и письмо графини Толстой, именно и являются самымъ ужаснымъ подстрекательствомъ къ дурнымъ чувствамъ противъ богопоставленныхъ пастырей Церкви.

Толстой увѣряетъ, что онъ „никогда не заботился о распространеніи своего ученія“, но непосредственно затѣмъ ослабляетъ свое увѣреніе, признаваясь, что онъ „*самъ для себя* выразилъ въ сочиненіяхъ свое пониманіе ученія Христа и *не скрывалъ* (sic!) эти сочиненія отъ людей, желавшихъ познакомиться съ ними, но никогда самъ не печаталъ ихъ; говорилъ же людямъ о томъ, какъ я понимаю ученіе Христа только тогда, когда меня объ этомъ спрашивали. Такимъ людямъ я говорилъ то, что думаю, и давалъ, если у меня были, мои книги“. Можно ли писать болѣе умышленно двусмысленнымъ образомъ? Графъ, очевидно, потерялъ все гражданское мужество и начинаетъ въ оправданіе своего недостойнаго и преступнаго поведенія говорить явно несообразныя вещи. Что собственно означаетъ объясненіе Толстого, что онъ писалъ свои сочиненія самъ для себя? Если бы Толстой дѣйствительно не желалъ распространять своего зловреднаго ученія, то онъ имѣлъ всѣ средства сдѣлать это; каждый авторъ за печатаніе

и изданіе своихъ произведеній посторонними лицами, не испросившими у него предварительно согласія на издательство, всегда можетъ привлечь виновныхъ къ законной отвѣтственности. Между тѣмъ Толстой не только не поступалъ такъ, а наоборотъ, предоставилъ широкое право печатать свои сочиненія, причемъ, чрезъ посредство близкихъ себѣ лицъ, взималъ съ издателей довольно значительныя деньги. Столь лицемѣрное поведеніе Толстого нельзя даже и объяснить его ученіемъ о непротивленіи злу, а просто тонкой хитростью и желаніемъ скрыться за спиной другихъ на случай отвѣтственности предъ закономъ за распространеніе ученій, подрывающихъ государственную религію. Какъ бы тамъ ни было, но такой образъ дѣйствій нельзя назвать благороднымъ: истинные учители міра такъ не поступали.

Толстой, называя постановленіе Синода произвольнымъ, недоволенъ тѣмъ, что относительно всѣхъ другихъ образованныхъ невѣрующихъ людей не издано такого же постановленія Синода, какое сдѣлано о немъ. Но въ данномъ случаѣ графъ разсуждаетъ вопреки самымъ элементарнымъ требованіямъ здраваго смысла. Нельзя всѣхъ больныхъ лѣчить однимъ и тѣмъ же лѣкарствомъ; эта истина справедлива въ отношеніи болѣзней тѣлесныхъ и духовныхъ. Невѣріе есть духовный недугъ. Бываетъ невѣріе по легкомыслію, отъ духовной неразвитости, изъ желанія порисоваться, и бываетъ невѣріе отчаянно-сознательное, когда человѣкъ не вслѣдствіе страстнаго какого-либо увлеченія отрицаетъ Царство Божіе, а наоборотъ, въ силу дьявольской гордости не хочетъ подчинить спасительной вѣрѣ своего ума, плѣненнаго сатаной, и не только не хочетъ вѣрить, но и находитъ демоническое удовольствіе въ томъ, чтобы колебать вѣру въ другихъ людяхъ. Само собой понятно, что Церковь въ своихъ заботахъ о спасеніи ввѣренныхъ ей чадъ не можетъ одинаково относиться ко всѣмъ этимъ невѣрамъ: къ однимъ она можетъ отнестись болѣе снисходительно, а къ другимъ — менѣе. И апостолъ говоритъ: *къ однимъ будьте милостивы съ разсмотрѣніемъ, а другихъ страхомъ спасайте, исторгая изъ огня* (Іуд. 22, 23).

Толстой считаетъ постановленіе Синода неосновательнымъ, такъ какъ главнымъ поводомъ его появленія „выставляется большое распространеніе моего, со-

вращающаго людей, лжеученія, тогда какъ мнѣ хорошо извѣстно, что людей, раздѣляющихъ мои взгляды, едва-ли есть сотня, и распространеніе моихъ писаній о религіи, благодаря цензурѣ, такъ ничтожно, что большинство людей, прочитавшихъ постановленіе Синода, не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что мною писано о религіи, какъ это видно изъ полученныхъ мною писемъ". Но графъ, очевидно, забылъ извѣстную исторію о закавказскихъ духоборцахъ, гдѣ не сотня, а нѣсколько тысячъ людей погибли, заразившихъ его лжеученіемъ. Графъ Толстой со своими приспѣшниками просто смѣется надъ цензурой, и его писанія въ огромномъ количествѣ расходятся среди нашего отечества подпольными и запрещенными путями. Притомъ извѣстное ученіе можно распространить безъ всякихъ писаній чрезъ одну проповѣдь; Чертковъ, Хилковъ, Бодянскій и К° прекрасно доказали эту истину надъ несчастными духоборами-постниками, превративъ покорныхъ дотолѣ правительству людей въ озвѣрѣлыхъ анархистовъ. Тлетворная зараза толстовства прямо, такъ сказать, носится въ воздухѣ и отравляетъ всѣ классы общества. Неужели у Толстого совѣсть совсѣмъ сожжена (1 Тим. IV, 2), и не дрожитъ его сердце при мысли о томъ, чему онъ учитъ и куда ведетъ тотъ народъ, единеніе съ которымъ будто бы ему такъ дорого? Трупами будетъ устлана, слезами и кровью полита та страна, гдѣ толстовцы успѣютъ свить себѣ революціонное и разрушительное гнѣздо.

Нѣтъ, малодушною ложью и противорѣчіями исполнены нападки Толстого на постановленіе Синода о немъ! Оправдывая свое отступленіе отъ православной Церкви, Толстой положительно начинаетъ путаться. „По нѣкоторымъ признакамъ усумнившись въ правотѣ Церкви, я посвятилъ,—говоритъ онъ, — нѣсколько лѣтъ на то, чтобы изслѣдовать теоретически и практически ученіе Церкви". Какъ же графъ, спрашивается, изслѣдовалъ ученіе Церкви? Отвѣтъ на это Толстого весьма интересенъ и поучителенъ. „Теоретически я перечиталъ, — пишетъ Толстой въ своемъ „отвѣтѣ", — все, что могъ, объ ученіи Церкви, изучилъ и критически разобралъ догматическое богословіе, практически же строго слѣдовалъ, въ продолженіе болѣе года, всѣмъ предписаніямъ Церкви, соблюдая всѣ посты и всѣ церковныя

службы". Неизвѣстно, что читалъ объ ученіи Церкви и какъ изучалъ графъ Толстой догматическое богословіе,—несомнѣнно одно, что это чтеніе и изученіе было чрезвычайно одностороннимъ и потому недостаточнымъ. По крайней мѣрѣ, изъ писаній Толстого о религіи видно, что онъ плохой догматистъ, мало знающій церковный историкъ и весьма неудовлетворительный экзегетъ. За доказательствами ходить далеко не нужно. Въ томъ же „отвѣтѣ" на синодальное посланіе Толстой, напр., утверждаетъ, что молитва общественная въ храмахъ прямо запрещена Христомъ, причемъ въ доказательство ссылается на Матѳ. 6, 5 — 13. Если бы графъ получше вдумался въ этотъ текстъ, то понялъ, что Христосъ Спаситель запрещаетъ здѣсь молитву не храмовую, общественную, а молитву тщеславную, совершаемую для того, чтобы видѣли посторонніе люди и прославляли молящихся. Если и въ комнату войдешь для молитвы и затворишь за собой двери, то коль скоро сдѣлаешь сіе по тщеславію, затворенныя двери не принесутъ тебѣ никакой пользы (Св. Златоустъ). При изгнаніи торжниковъ изъ храма, событіи, которое признаетъ и Толстой, Господь Іисусъ Христосъ торжественно объявилъ, что домъ Отца Его (храмъ) назовется домомъ молитвы у всѣхъ народовъ (Мар. 21, 13). Непосредственные очевидцы и слушатели Христа Спасителя во всякомъ случаѣ лучше понимали Его ученіе о храмовой молитвѣ, чѣмъ понимаетъ это ученіе графъ Толстой; а они, по свидѣтельству евангелиста Луки, пребывали всегда въ храмѣ, прославляя и благословляя Бога (24, 53), то есть возносили общественныя благодарственно-хвалебныя молитвы Богу за Его великія милости къ роду человѣческому, проявленныя въ искупительномъ подвигѣ Сына Божія. Въ такомъ же родѣ и прочія мнимобиблейскія доказательства, которыя Толстой приводитъ противъ существующаго строя православной Церкви. Если игнорировать библейскую исторію и археологію и не подчинять разнузданнаго разума правиламъ строгой герменевтики, то можно дойти въ толкованіи священнаго текста до всевозможныхъ нелѣпостей. Научнымъ безсиліемъ Толстого объясняется отчасти, по нашему мнѣнію, то отчаянное и ослѣпленное озлобленіе, съ какимъ онъ устремляется на утвержденный семью благодатно-таинственными столбами Домъ Божій (Притч-

9, 1), котораго не могутъ поколебать всѣ силы ада. Восемнадцативѣковая слишкомъ исторія воинствующей Церкви Христовой могла бы сказать графу въ этомъ отношеніи весьма много назидательнаго. Прекрасная литературная форма, въ какую Толстой воплощаетъ свои антихристіанскія сочиненія, не дѣлаетъ ихъ болѣе доказательными; отвратительное кушанье останется отвратительнымъ, хотя бы оно было подано на самомъ художественномъ золотомъ блюдѣ. И читая толстовскія религіозныя писанія, невольно вспоминаешь философа Діогена, который, увидя красиваго юношу, произносившаго срамныя слова, воскликнулъ: „Какъ тебѣ не стыдно вынимать свинцовый мечъ изъ ноженъ слоновой кости!?"

„Практическое изслѣдованіе" ученія Церкви Христовой Толстымъ заключалось въ томъ, что онъ строго слѣдовалъ въ продолженіе болѣе года (выше графъ говоритъ, что онъ посвятилъ на это „нѣсколько лѣтъ") всѣмъ предписаніямъ Церкви, соблюдая всѣ посты и всѣ церковныя службы. Графъ сознается, что онъ началъ изучать теоретически и практически ученіе Церкви потому, что усумнился по нѣкоторымъ признакамъ (какимъ?) въ ея правотѣ. Не трудно предвидѣть, чѣмъ должно было окончиться „практическое изученіе" православія Толстымъ при его душевномъ настроеніи. *Сомнѣвающійся подобенъ морской волнѣ, вѣтромъ поднимаемой и развѣваемой. Да не думаетъ такой человѣкъ получить что-нибудь отъ Господа* (Іак. I, 6—7). Въ существѣ дѣла графъ въ своемъ строгомъ слѣдованіи всѣмъ предписаніямъ Церкви просто-на-просто злостно лицемѣрилъ: онъ, быть можетъ, спѣшилъ къ началу всякаго церковнаго богослуженія, усердно языкомъ вычитывалъ церковныя молитвы, и въ то же время его сердце, омрачаемое неправыми умствованіями (Премудр. I, 3), далеко отстояло отъ Господа и отъ Христа Его.

Можетъ ли такой постъ быть благопріятенъ Господу, когда человѣкъ по внѣшности какъ будто смиряетъ себя и говоритъ, что онъ первый изъ грѣшниковъ, а внутренно не знаетъ мѣры своимъ мнимымъ достоинствамъ, *ставитъ себя въ мысляхъ выше всѣхъ*, творитъ изъ себя судію вселенной, готоваго судить и пересуждать всѣхъ и все? Но со страхомъ ли Божіимъ и смиренною вѣрою графъ приступалъ къ божественной чашѣ, не съ предательскимъ ли намѣреніемъ „повѣдать святую

тайну“ врагамъ Христовымъ? Давая Іудино лобзаніе нашему Спасителю, графъ въ то же самое время, можетъ быть, обдумывалъ, какъ искуснѣе предать въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ Сына Божія современнымъ духовнымъ іудеямъ для новаго распятія? При такомъ душевномъ настроеніи Толстому, конечно, нестерпимо тяжело было оставаться вмѣстѣ съ другими учениками Христа за трапезой Господней; онъ не чувствовалъ животворныхъ волнъ благодати Божіей и не допустилъ въ свою горделивую душу Христа, Бога нашего. Вѣдь извѣстно, какъ Іуда предатель вмѣстѣ съ кускомъ отъ божественной трапезы принялъ въ себя сатану (Іоан. 13, 26 — 27); не случилось ли того же и съ нашимъ несчастнымъ богоотступникомъ въ тотъ годъ, когда графъ производилъ свои эксперименты надъ святынею Господнею? О, тогда понятно, почему онъ такъ вѣроломно началъ свою богоборную дѣятельность, почему графу Толстому такъ ненавистенъ православный требникъ, гдѣ содержатся молитвословія для отраженія діавола и злыхъ дѣйствій его!

25 мая 1901 г. Спб.

Миссіонеръ *П. Б—овъ.*

II.

О главномъ сомнѣніи гр. Л. Н. Толстого.

„Я не понимаю таинствъ, въ нихъ нѣтъ смысла, они суть колдовство“. Такъ сказалъ гр. Толстой въ своемъ отвѣтѣ Св. Синоду. Справедливо, что онъ ихъ не понимаетъ, ибо ихъ никто не понимаетъ, отъ этого и называютъ ихъ *таинствами, тайнымъ, непостижимымъ.* Что же онъ хочетъ сказать? Все равно какъ если бы кто сказалъ: „я не хочу геометріи, потому что она есть геометрія“.

„—Они—колдовство“, утверждаетъ онъ. Значитъ, онъ признаетъ, что они *есть.* Можно ли назвать какимъ-нибудь именемъ и даже опредѣлить качества того, *чего нѣтъ,* не существуетъ?! Итакъ, по его же признанію въ христіанствѣ содержатся тайныя вещи, именующіяся у христіанъ *таинствами.* Только онъ ихъ не хочетъ и

порицаетъ („колдовство“), христіане же ихъ хвалятъ и хотятъ. Еще что сказалъ онъ о нихъ, и даже что онъ единственно о нихъ сказалъ? То, что они суть *колдовство*. Радуемся, что суть ихъ, какъ непостижимости, онъ схватилъ въ этомъ словѣ, но какія онъ приписалъ имъ качества? Колдовство есть *злое, ко злу направленное и чрезъ злого человѣка*. Но таинства—всѣ „во врачеваніе души и тѣла“ и, кажется, совершаются чрезъ добрыхъ людей. Онъ не видитъ колдуна, а толкуетъ о колдовствѣ; не видитъ вреда (врачевательство) и все же кричитъ о колдовствѣ. Онъ хочетъ кричать. Ну, добрая воля. Кричи, пожалуй, твой крикъ уже безвреденъ...

Но, можетъ быть, его задача показать, что таинство *съ виду похоже на колдовство и такъ же ничего не содержитъ въ себѣ, какъ и подлинное колдовство, что таинства суть пустыя безсодержательности, немощныя вещи*. Таковая мысль содержала-бы раціонализмъ и утверждала бы невѣріе его собственно не въ христіанскія таинства, но вообще во все чудесное и таинственное въ мірѣ. „Ничего нѣтъ, кромѣ Иловайскаго, Иловайскій же достовѣренъ“. Это есть *построеніе* ума, *предрасположеніе* ума, на которое можно отвѣтить только: „у меня—не такое“. Кто любитъ капусту, а кто—супъ съ картофелемъ; одинъ читаетъ Иловайскаго, другой—Пушкина. Толстой такъ не любитъ все чудесное, что въ передѣлываніяхъ Евангелія даже не остановился вниманіемъ на чудесномъ, сверхъестественномъ *Откровеніи* (Апокалипсисъ) Іоанна Богослова. Но онъ хочетъ чуда? Согласенъ указать его: такое чудо есть творческо-художественный геній самого отрицателя чудесъ. Вполнѣ чудо, что я не имѣю такого. Вѣдь зачаты-то мы съ нимъ довольно одинаково, и родители наши были довольно равные люди; тѣ и другіе—обыкновенные, сѣренькіе люди. Считая „по обыкновенному“, всѣ безъ исключенія люди должны бы родиться приблизительно одинаково и разниться не болѣе, чѣмъ березы въ березовой рощѣ. Но какая между ними разница! Мнѣ подъ 50 лѣтъ и хоть я пытался писать повѣсти, но даже и малой повѣстушки не вышло. А онъ, глядь-ко, въ двадцать слишкомъ лѣтъ написалъ вдохновенное „Дѣтство и отрочество“. И вотъ, его даръ сравнительно съ моимъ великое есть *чудо*, и онъ есть *чудо* по необъяснимости происхожденія и необъяснимой природѣ.

Не боишься ли ты Бога, что, получивъ отъ Него чудесный даръ, съ магическимъ дѣйствіемъ на души человѣческія, ты его употребилъ на отрицаніе всѣхъ прочихъ чудесъ Божіихъ, которыя предназначены служить людямъ въ скорбяхъ ихъ и въ бѣдахъ, для утѣшенія и для поддержанія.

Мірянинъ (Писатель).

III.

Размышленія свѣтскаго человѣка при чтеніи отвѣта гр. Толстого Св. Синоду.

(Письмо въ редакцію).

„...Почти всѣ образованные люди раздѣляютъ такое невѣріе“. „Я вѣрю въ Бога, котораго понимаю, какъ Духъ, какъ Любовь, какъ начало всего“. „Человѣкъ Христосъ“. „Вѣрю, что всякій добрый поступокъ увеличиваетъ благо моей жизни, а всякій злой поступокъ уменьшаетъ его“.

Хотя приведенныя фразы и весь цитируемый документъ, принадлежащій перу гр. Толстого, направлены по адресу Св. Синода, тѣмъ не менѣе эти фразы произвели на меня впечатлѣніе какъ бы непосредственно относящіяся и ко мнѣ. Впечатлѣніе это было на меня такъ значительно, что оно вызвало въ душѣ моей цѣлый рядъ сколько серьезныхъ, столько же и скорбныхъ думъ. И я чувствую инстинктивный нагонъ, потребность подѣлиться этими впечатлѣніями и размышленіями съ другими людьми.

Чтобы мнѣ не влѣзать въ чужую душу, я поведу рѣчь о самомъ себѣ.

Къ первому, закравшемуся въ меня еще на школьной скамьѣ, религіозному сомнѣнію я отнесся очень трусливо и долго боялся съ кѣмъ бы то ни было подѣлиться, но любопытство превозмогло.

Мнѣ непремѣнно надо было знать, какъ и что думаютъ мои товарищи по поводу этого страннаго разногласія между домомъ и школою. Я робко, издалека,

началъ заговаривать съ нѣкоторыми товарищами, причемъ одни какъ бы пугались моихъ словъ и вопросовъ, другіе раздѣляли мое мнѣніе, а третьи шли еще дальше, чѣмъ я. Ко времени же приблизительно 16-лѣтняго возраста преобладало большинство сомнѣвавшихся. Велись довольно громко цѣлые диспуты по поводу религіи, а особенно усердно осуждалось духовенство. Всегда находился какой-нибудь злой языкъ, который разсказывалъ „фактъ“ о неблаговидной жизни кого-либо изъ духовныхъ лицъ. Разсказывались самые непристойные анекдоты по поводу того же духовенства. Все это, вмѣстѣ взятое, развивало въ насъ отвращеніе къ духовенству и усиливало наше недовѣріе къ Богу и религіи. Я началъ отрицать рѣшительно все: и Бога, и Евангеліе, и Церковь, и обряды, и все то, что называется ученіемъ о Богѣ и Церкви. Отвергнуть было очень легко и просто. Моему тогдашнему уму нужна была ощутительная реальность, и я надѣялся, что наука въ концѣ концовъ мнѣ откроетъ глаза на природу помимо всякой религіи и „поповъ“. Не смотря на такое рѣшеніе, я чувствовалъ далеко, далеко, въ тайникахъ моей души, существованіе какого-то темнаго пятнышка. Это пятнышко какъ-бы требовало, принуждало меня искать скорѣйшаго объясненія всѣхъ явленій природы и томленія моей души, принуждало ближе и скорѣе понимать все происходящее и окружающее меня. Но я былъ безсиленъ.

Около двухъ лѣтъ во мнѣ царилъ безпокойный духъ. Я все искалъ исходнаго пункта, искалъ объясненій многимъ загадкамъ. Скрытое пятнышко настойчиво требовало скорѣйшаго рѣшенія. Тогда я сталъ искать Бога; началъ его *создавать*, чтобы примирить душу съ природой. Многое было передумано и переговорено съ товарищами, пока *мой* Богъ не *создался* въ нѣчто, какъ мнѣ тогда казалось, цѣлое и опредѣленное.

Въ 18 лѣтъ имя моему богу было „*Все*“, т. е. все живущее, все видимое и все невидимое,—все это, вмѣстѣ взятое, было мой богъ.

Онъ не нуждается ни въ моленіи, ни въ прославленіи, ни въ какомъ бы то ни было особливомъ вниманіи людей. Это „*Все*“ существуетъ независимо само по себѣ, а каждый *организмъ* самъ по себѣ, т. е. ему дана воля, данъ инстинктъ, которымъ онъ и долженъ упра-

вляться въ продолженіе своей жизни. Я помирился съ жизнію, исходя изъ такого разсужденія: вѣдь меня не спрашивали при моемъ появленіи на свѣтъ, меня же не спросятъ, когда я сойду со сцены бытія, поэтому буду слѣпо жить и повиноваться внушеннымъ мнѣ инстинктомъ правиламъ, какъ это и дѣлаютъ всѣ остальныя животныя. *Создавъ* себѣ такимъ образомъ бога, я на этомъ успокоился на сравнительно долгій періодъ моей жизни, а на Церковь и духовенство продолжалъ смотрѣть, какъ на предметъ критики и насмѣшки.

Дальнѣйшее мое ученіе заключалось въ изученіи разнообразныхъ законовъ природы и въ примѣненіи этихъ законовъ къ практической жизни, а остальное время было поглощено на удовлетвореніе разныхъ жизненныхъ потребностей юности, а вопросъ о Богѣ и религіи былъ окончательно забытъ. Я весь окунулся въ жизнь и въ борьбу за существованіе. Когда же первые пылкіе порывы и стремленія юности были по силѣ возможности удовлетворены, когда съ каждымъ днемъ жизнь стала все менѣе и менѣе удовлетворять меня, тогда темное пятнышко снова и все чаще и чаще начало напоминать о себѣ. Чаще стали появляться часы досуга, когда я могъ отдаваться самому себѣ.

Эти часы начали дѣлаться для меня тяжелой, гнетущей пыткой. Я чувствовалъ, что созданный юношескимъ недомысліемъ мой богъ „*Все*“ меня не удовлетворялъ. Грандіозные законы природы и малѣйшая былинка земли одинаково мнѣ твердили о существованіи непонятной Разумной Силы.

Если мнѣ случалось остановиться передъ цвѣткомъ, то долго въ тупомъ недоумѣніи я стоялъ, разсматривая и удивляясь его дивному устройству и его чудному аромату. Когда во мнѣ возникло желаніе сорвать этотъ цвѣтокъ, и рука направлялась къ нему, тогда и этотъ мой жестъ казался мнѣ чудомъ: какъ и какимъ образомъ мое желаніе, моя воля могли быть переданы моей рукѣ?

Я началъ всматриваться ближе въ самого себя и чѣмъ внимательнѣе и подробнѣе я вникалъ въ душу и въ дѣятельность органовъ моего тѣла, тѣмъ болѣе и становился загадкой для самого себя. Все, что прежде считалъ обыденнымъ, обыкновеннымъ, теперь стало для меня казаться чудомъ. И вотъ я, образованный чело-

вѣкъ, прошелъ школу и житейскій опытъ, а въ результатѣ ничего не знаю и ничего не понимаю. Сколько я ни напрягаю свой умъ, сколько ни призываю на помощь мои познанія, но дѣло разъясненія окружающихъ меня загадокъ не подвигается ни на единую іоту... Вотъ передо мною грядка, на которой растутъ огурцы... Боже! Сколько тайнаго, непонятнаго, чуднаго въ этомъ простомъ, избитомъ и обыденномъ явленіи. Я взялъ завалявшееся сѣмячко огурца, воткнулъ его въ горсточку самой обыковенной, глупой земли, и вотъ эта земля вмѣстѣ съ лучами солнышка творитъ передо мною удивительное чудо. Изъ зернышка выростаетъ кустъ, на кустѣ цвѣты, а изъ цвѣтовъ появляются новые огурцы, въ которыхъ находятся сотни такихъ же зернышекъ, способныхъ дать новую жизнь. Кто создалъ грандіозные законы природы? Кто далъ имъ эту чудную гармонію? Кто повелѣлъ всему двигаться, кто повелѣлъ брошенному въ землю зернышку брать отъ нея только то, что необходимо для его жизни? Нѣтъ, все это не можетъ происходить глупо, машинально! Тутъ должна быть *Разумная* Сила, Которая управляетъ и распоряжается всѣмъ этимъ. Мой прежній, старый богъ „*Все*“ мнѣ ничего не говоритъ, ничего не объясняетъ. А тайный внутренній голосъ моей души мнѣ шепчетъ: Боженька создалъ! Боженька устроилъ! Боженька послалъ! Тотъ Боженька, о Которомъ мнѣ возвѣщали въ златые дни проблеска первой пытливой мысли въ одинъ голосъ всѣ незабвенныя, дорогія сердцу, милыя, добрыя существа — мама, папа, бабушка, няня, — возвѣщали „тогда“, когда громъ гремѣлъ, дождикъ падалъ и при всѣхъ другихъ выходящихъ изъ ряда явленіяхъ природы видимой. И началъ я видѣть всемогущую десницу этого добраго Боженьки на каждомъ листочкѣ, на каждой травкѣ, на каждой мельчайшей былинкѣ земли. Этотъ забытый Боженька растетъ у меня въ грандіозномъ ореолѣ разума и свѣта, Онъ разсыпанъ всюду, вездѣ и во всемъ. Онъ великъ, Онъ недоступенъ!

Кто меня научитъ, кто мнѣ разскажетъ на нашемъ бѣдномъ человѣческомъ языкѣ про этого недосягаемаго Вседержителя вселенной!

Новая борьба души, новое испытаніе!

Неужели обратиться къ Евангелію? Неужели я тамъ

найду что-либо новое, чего я не зналъ до сихъ поръ. Вѣдь я Евангеліе училъ, вѣдь я его знаю. Тамъ ничего нѣтъ такого, что бы непосредственно отвѣчало на мои вопросы; но внутренній голосъ непрерывно шепчетъ, непрерывно подталкиваетъ: а ты вотъ теперь возьми да прочти повнимательнѣе, быть можетъ найдешь, что ищешь. Я, скрѣпя сердце, со страннымъ еще неиспытаннымъ чувствомъ беру Евангеліе и читаю его, чѣмъ больше и внимательнѣе я его читаю, тѣмъ лучше и яснѣе я его *понимаю*. Я его прочиталъ и *понялъ*. Въ первый разъ въ жизни я созналъ, что Евангеліе не нужно *изучать*, а надо его *понимать* и не умомъ только, но и сердцемъ.

Описывать всѣ пертурбаціи и эволюціи моей души и разума считаю лишнимъ, да и невозможнымъ, поэтому ограничусь только словами: Богъ мнѣ помогъ, я Его *позналъ*!

II.

„... Почти всѣ образованные люди раздѣляютъ такое невѣріе".

Было бы желательно знать: имѣю ли я основаніе и право причислить себя къ тому, что мы обыкновенно называемъ образованными людьми, или существуетъ какая-нибудь спеціальная категорія „образованныхъ людей", раздѣляющихъ одинаковое мнѣніе съ гр. Толстымъ? Если же и я принадлежу къ категоріи „образованныхъ людей", то интересно было бы знать, въ какой именно періодъ жизни и развитія я наиболѣе отвѣчалъ названію „образованный человѣкъ".

Судя по смыслу словъ гр. Толстого, самымъ образованнымъ человѣкомъ я былъ въ возрастѣ 18 лѣтъ, такъ какъ въ этомъ возрастѣ я не сознавалъ, что я твореніе Бога, а самъ себѣ создавалъ Бога. Обобщать понятія и ихъ распространять на всѣхъ образованныхъ людей, дѣло весьма рискованное, дѣло, доступное гордымъ и ослѣпленнымъ умамъ. Я же со своей стороны позволю себѣ утверждать, что очень и очень мало среди *дѣйствительно* образованныхъ людей найдется такихъ, которые по существу дѣла обращаютъ вниманіе и придаютъ значеніе писанію и баснямъ гр. Толстого по вопросамъ вѣры и жизни.

Преимущественно же ему поклоняются и передъ

нимъ преклоняются не *образованные* люди, а только *полуобразованные*, которые не имѣютъ ни умственной силы, ни достаточной подготовки, чтобы самимъ познать истиннаго великаго Бога. Если мы и находимъ среди его поклонниковъ дѣйствительно извѣстныхъ и популярныхъ людей, а подчасъ людей, занимающихъ видные государственные посты, то это надо приписать или слѣпой случайности, или тому, что эти люди такъ поглощены серьезными вопросами повседневной государственной и общественной жизни, что они не имѣютъ достаточнаго времени, чтобы уйти въ самихъ себя и глубоко и правдиво проанализировать свою душу и ея запросы. Поэтому общественная культурная толпа, какъ и народная, прислушивается къ чужому голосу модныхъ идоловъ общественной мысли, работающихъ головой за насъ, и заранѣе, принимаетъ безъ критики и провѣрки за чистую монету все, что этими идолами изрекается. Вотъ, собственно что нужно сказать по поводу положенія графа Толстого: „всѣ образованные люди“, а теперь вникнемъ въ слѣдующее.

III.

„Я вѣрю въ Бога, котораго понимаю, какъ Духъ, какъ Любовь, какъ начало всего“.

А гдѣ же разумъ? Позвольте вамъ сообщить, господинъ „учитель“, что никто изъ вѣрующихъ людей, ни изъ мыслящихъ не послѣдуетъ за вашимъ богомъ, пока вы не опредѣлите его въ болѣе ясной и удобопонятной формѣ. Вѣдь вы говорите, что вашъ богъ есть духъ. Само по себѣ это ваше опредѣленіе для насъ, христіанъ, ничего новаго не вноситъ, ибо и христіанская Церковь учитъ, что Богъ есть Духъ. Но вы умалчиваете, какое отношеніе вашего Бога Духа къ общехристіанскому понятію о Богѣ-Духѣ, что новаго, *вашего* вы мыслите въ этомъ опредѣленіи... Затѣмъ вы говорите: Богъ есть Любовь. Опять не новое, не ваше понятіе, а заимствованное изъ общаго богословія. И тутъ вы умалчиваете, какая же такая Любовь? Вѣдь мы, смертные, выражаемъ этимъ словомъ отношенія наши рѣшительно ко всему, что насъ окружаетъ, что мы дѣлаемъ въ нашей жизни. Мы говоримъ — люблю Бога, отца, мать, дѣтей, сестру, брата, сосѣда; люблю лошадь,

собаку, люблю чай пить и проч. Какое же изъ этихъ безчисленныхъ проявленій любви вы понимаете въ примѣненіи къ вашему богу? И какъ и въ чемъ проявляется эта Любовь, вашъ Богъ, въ людяхъ? Ваше опредѣленіе Бога-Любовь, взятое отдѣльно отъ понятія о Богѣ, какъ Существѣ живомъ и премірномъ, рѣшительно ничего ни уму, ни сердцу моему не говоритъ. Затѣмъ вы говорите, что вашъ богъ есть *начало всего.* Какъ это выраженіе понимать? Въ 18 лѣтъ я тоже гордо пользовался этимъ выраженіемъ, но откровенно признаюсь, что я его не понималъ, да и понимать въ отдѣльности отъ ученія общевселенскаго, христіанскаго невозможно. Такимъ образомъ невольно удивляюсь, что вы насъ учите не вѣрить, во что мы вѣримъ, а взамѣнъ намъ не даете рѣшительно ничего яснаго, опредѣленнаго. Звучныя, неопредѣленныя слова никогда не могутъ удовлетворить человѣка.

„Человѣкъ Христосъ". Вѣрю въ то, что воля Бога яснѣе, понятнѣе выражена въ ученіи Человѣка Христа".

Мнѣ желательно спросить гр. Толстого: были ли до Христа люди, равные Ему, или отъ Христа до нашихъ дней? Я увѣренъ, что и графъ скажетъ: нѣтъ не было! Была ли чья-либо жизнь и дѣянія подобны „Человѣку Христу"?—тоже нѣтъ. Кто же Онъ такой? Вѣдь даже по понятію гр. Толстого его Богъ есть высшая Любовь и Справедливость.

„Человѣкъ Христосъ былъ воплощеніемъ и Любви, и Справедливости, и этого графъ не отрицаетъ. Отсюда отвѣтъ одинъ на вопросъ: былъ ли Онъ просто человѣкъ или Богочеловѣкъ? Да былъ Богочеловѣкъ! Но этого вывода гр. Толстой, вопреки здравой логикѣ, не хочетъ сдѣлать, хотя всѣ свойства и качества Христа и признаетъ премірными, божественными. Онъ не можетъ допустить, чтобы „Богъ вочеловѣчился", хотя и не можетъ утверждать, что для него постижимы и понятны дѣйствія Промысла Божія, и всетаки дерзаетъ отрицать въ Іисусѣ Христѣ Богочеловѣка. Толстому не понятно, какъ Богъ могъ принять „зракъ раба", сдѣлаться человѣкомъ для того, чтобы научить людей, какъ жить и исполнять волю Божію. Такъ пусть же онъ вмѣстѣ со всѣми своими „образованными людьми" придумаетъ другой способъ или форму, въ какой наилучше, по нашимъ человѣческимъ понятіямъ, надле-

жало бы Богу передать людямъ Свою Волю. Мой бѣдный умъ сколько ни работалъ, сколько ни напрягался, но рѣшительно ничего не могъ придумать. Пытался я представить его парящимъ въ облакахъ, окруженнымъ ореоломъ свѣта и гласомъ веліимъ диктующимъ Свою Волю и Свои заповѣди.

Я чувствую, что такое проявленіе Бога меня бы повергло въ страхъ и трепетъ и окончательно лишило всякой свободной воли, а она въ насъ несомнѣнно есть, но если бы, тѣмъ не менѣе, Богъ проявилъ Себя такимъ образомъ 19 столѣтій тому назадъ, то нынѣ для насъ это бы отошло въ область гадательныхъ и сомнительныхъ явленій, какъ у многихъ уже подорвало довѣріе къ тому, что Богъ самолично вручилъ десять заповѣдей Моисею. Слѣдовательно, чтобы намъ вѣрить въ Бога и Его волю, мы должны имѣть повтореніе и напоминаніе о Немъ. Но, если эти повторенія и проявленія Воли Божіей стали бы проявляться часто, то кончилось бы тѣмъ, что мы бы и къ нимъ привыкли, какъ къ обыденному явленію грома и молніи или къ чуду произрастанія огурца, но оно бы для насъ утратило всякое значеніе. Слѣдовательно, не познавать Бога, не быть въ силѣ проникать въ его тайный Промыслъ и проявленіи и въ то же время дерзать и отрицать великое таинство Боговоплощенія—есть высшая степень кощунства.

Да, отвергнувъ существованіе Св. Троицы, трудно постичь и понять Бога. Если вѣрить Евангелію, то надо вѣрить всему. Отвергнувъ же хотя малую его часть, все остальное теряетъ смыслъ и значеніе. Нашъ языкъ бѣденъ, нашъ умъ слабъ, и что бы мы по существу въ Евангеліи ни измѣняли, дополняли или сокращали, какъ дѣлаетъ и учитъ гр. Толстой, всегда получится абсурдъ, до котораго и договорился яснополянскій учитель.

IV.

„Вѣрю, что всякій добрый поступокъ увеличиваетъ благо моей вѣчной жизни, а всякій злой поступокъ уменьшаетъ его“.

Не вѣрю въ загробную жизнь, а вѣрю въ вѣчную жизнь. Не вѣрю въ возмездіе въ вѣчной жизни, а вѣрю,

что всякій добрый поступокъ увеличиваетъ *благо* моей вѣчной жизни, а всякій злой поступокъ уменьшаетъ его. Это ужъ какая-то особая толстовская логика, которой мы, обыкновенные смертные, никакъ не можемъ ни понять, ни принять.

Здѣсь невольно вспоминается историческій анекдотъ о великомъ художникѣ и сапожникѣ.

Напомню: сапожникъ, проходя мимо выставленной картины, замѣтилъ, что сапогъ невѣрно нарисованъ, тогда онъ вошелъ къ художнику и указалъ ему на замѣченныя неточности; художникъ поблагодарилъ и исправилъ. Но дѣло не ограничилось этимъ, сапожникъ на другой день входитъ къ художнику и объявляетъ ему о недостаткахъ лица и выраженія. Тогда художникъ вывелъ его изъ мастерской и сказалъ: „Что было твое дѣло, я тебя послушалъ, поблагодарилъ и исправилъ, а лицо ужъ мое дѣло“.

Гр. Толстой рожденъ, выросъ и воспитанъ въ высшемъ обществѣ, и пока онъ намъ сообщалъ и дивными красками рисовалъ свою сферу и близко знакомыхъ ему людей, мы съ восторгомъ и упоеніемъ читали и отдавались его произведеніямъ. Съ каждымъ взмахомъ его могучей кисти, онъ самъ выросталъ въ недоступнаго гиганта, онъ давилъ насъ мощностью своего генія и таланта. Дѣйствительно, какъ у насъ, такъ и за границей, весь мыслящій и читающій міръ былъ его и за него. Онъ былъ кумиръ: его любили, его почитали, его уважали, передъ нимъ преклонялись.

Казалось бы, что же больше. Нѣтъ, слава его не удовлетворяла, онъ принялся искать внѣ Бога и Церкви смысла и цѣли жизни. Большинство людей рѣшаетъ эту задачу и ведутъ борьбу съ своимъ невѣріемъ или маловѣріемъ внутри самихъ же себя, изъ боязни придти къ невѣрнымъ и смѣшнымъ выводамъ и смутить покой души другихъ же; графъ же Толстой, не дойдя до окончательныхъ выводовъ и не думая о послѣдствіяхъ соблазна, перенесъ изъ тайниковъ сердца борьбу эту на бумагу къ всеобщему свѣдѣнію, рисуясь этимъ, подобно евангельскому фарисею. Съ трепетомъ и затаеннымъ дыханіемъ всѣ читали, недоумѣвали и ждали, въ какую же наконецъ форму выльется результатъ душевной борьбы знаменитаго писателя земли Русской. И что же, теперь всякому безпристрастному наблюда-

телю должно быть ясно, что бѣдный графъ пришелъ только къ юношескому выводу отрицанія и не создалъ ничего убѣдительнаго и обоснованнаго для утѣшенія какъ себя, такъ и тѣхъ, которые жадно внимали его пророческому гласу.

Художественно рисовать героевъ въ своихъ романахъ, ихъ жизнь и поступки для него было дѣломъ легкимъ и простымъ, что дало ему поводъ возмнить о себѣ и взяться за непосильную задачу громко рѣшать вѣками стоящіе на очереди неразрѣшимые для разума смертныхъ вопросы внѣ христіанства. Вѣдь написать нѣсколько тетрадокъ пышныхъ и звучныхъ фразъ, вольнодумничать, какъ многіе, еще не значитъ рѣшить вопросъ по существу. Не уподобилъ ли себя Толстой историческому сапожнику, который хорошо зналъ складъ и овалъ ноги, а потому рѣшилъ, что можетъ быть судьей живописи лица. Толстой взялъ свою кисть и началъ, такъ сказать, безъ стѣсненія водить ею по лицу Того, Кого мы называемъ Богъ. Уродливость полученнаго такимъ образомъ изображенія наглядно видна изъ его трактата „въ чемъ моя вѣра“.

Было сообщено въ газетѣ, что графъ, послѣ выздоровленія отъ постигшаго его недуга, сообщилъ окружающимъ, что умирать не только не страшно, но пріятно и легко, и что если его жизнь продлится на болѣе продолжительный періодъ времени, тогда онъ напишетъ большой томъ, въ которомъ сообщитъ людямъ, что умирать не страшно и легко. На это позволю себѣ замѣтить гр. Толстому, что если онъ напишетъ не только одинъ томъ, но сто томовъ, то юношество все равно ему не повѣритъ. Что же касается насъ, стариковъ, то мы и безъ гр. Толстого смѣло и спокойно смотримъ смерти въ глаза.

Гр. Толстой обѣщается также рѣшать „рабочій вопросъ“.

Да, родиться графомъ и прожить всю жизнь графомъ—и рѣшать такіе вопросы, дѣйствительно, ему подстать! Легко предвидѣть, какъ будетъ близко и правильно поставлена и рѣшена эта задача.

Графъ! пощадите вашу старость.

Да, этотъ великій старецъ достигъ того, что намъ остается одно, съ искренней душой помолиться за него

Всевышнему, чтобы Онъ излѣчилъ его отъ безпокойнаго духа, который омрачаетъ такъ свѣтло, благородно и геніально начатую литературную и общественную жизнь.

Инженеръ И. Л.

Семипалатинск. обл.

IV.

О необходимости общественныхъ церковныхъ молитвъ за графа Толстого и другихъ отступниковъ.

Уважаемый епископъ Сергій такими словами заканчиваетъ свои „Мысли по прочтеніи новой исповѣди гр. Л. Толстого"—„Покуда онъ, Толстой, здѣсь, съ нами, покуда не пробилъ для него часъ явиться предъ престоломъ нашего Судіи, до тѣхъ поръ мы можемъ надѣяться на милость Божію и можемъ молиться, и усердно молиться, да помилуетъ и обратитъ Господь раба Своего, и да даруетъ намъ опять вмѣстѣ съ нимъ единымъ сердцемъ и едиными усты восхвалять Его святое имя". Какія глубокія, сильныя слова и, въ то же время, какъ просто высказано то, что больше всего должно бы заботить и волновать теперь душу каждаго искренняго христіанина по вопросу о Толстомъ, о его отлученіи, вѣрнѣе, добровольномъ отпаденіи отъ православной Церкви. Самый актъ отлученія также заканчивается молитвенными словами къ Богу о помилованіи и обращеніи графа и призывомъ молиться за него. Но молимся ли за него мы и считаемъ ли нужнымъ молиться? Въ литературѣ много пишутъ о Толстомъ, о немъ много говорятъ въ различныхъ кружкахъ и частныхъ бесѣдахъ, но сколько ни наблюдаешь, сколько ни прислушиваешься, все сводится къ выясненію настоящаго мѣста идеямъ Толстого, отношенія его ученія къ истинному христіанству, его вліянія на людей сомнѣвающихся, на окрѣпшее юношество, на возможность ввести въ заблужденіе и вѣрующихъ и проч. Все это, несомнѣнно, очень важно и разобраться въ этомъ необходимо, но время идетъ, душа гибнетъ на нашихъ

глазахъ и, быть можетъ, ей уже не долго оставаться среди насъ. Ему обратиться теперь труднѣе, чѣмъ кому бы то ни было—„тѣ же ученики, которыхъ онъ увлекъ за собой изъ Церкви, теперь послужатъ для него величайшей помѣхой къ обращенію и покаянію“. Говоритъ все тотъ же уважаемый епископъ. Господи! Какой получается страшный лабиринтъ — съ одной стороны Левъ Николаевичъ на высотѣ своей извѣстности и авторитетности влечетъ за собой массу послѣдователей на вѣрную гибель, съ другой — эти послѣдователи, какъ тяжелые путы отягощаютъ его душу и тянутъ въ бездну, не пуская воспрянуть къ Богу. Въ виду ужаса такого положенія мы, искренно вѣрующіе и страшащіеся гибели брата, могли бы и должны своей дружной, массовой молитвой стать противовѣсомъ этихъ повисшихъ на его душѣ послѣдователей его. Но нигдѣ не слышно, чтобы за него молились. Въ церковь несутся всѣ наши нужды общественныя и частныя, всѣ радости и печали, но не видно тамъ нашихъ посильныхъ жертвованій на заказы молебновъ объ обращеніи гибнущаго брата, наравнѣ съ молебнами объ избавленіи насъ отъ неурожаевъ, пожаровъ, эпидеміи, о выздоровленіи тяжко больнаго члена нашей семьи и проч. бѣдствій, незамѣтно, чтобы тамъ молились за него, а между тѣмъ эта печаль наша и общественная, и частная, и для многихъ изъ насъ очень близкая, п. ч. правду сказалъ Толстой въ своемъ отвѣтѣ Св. Синоду, что далеко не одинъ онъ въ своемъ невѣріи, и многіе изъ насъ съ ужасомъ видятъ въ тѣхъ рядахъ своихъ близкихъ. Само собой понятно, что и молиться слѣдовало бы о помилованіи и обращеніи не одного его, Толстого, но и о всѣхъ невѣрующихъ, отпавшихъ, заблуждающихся и колеблющихся въ вѣрѣ ближнихъ нашихъ, хотя во главѣ заботъ въ этихъ молитвахъ все же долженъ стоять Толстой, вслѣдствіе его авторитетнаго положенія — обратится Левъ Николаевичъ, и большинство его учениковъ пойдетъ за нимъ.—Очевидно молятся за графа епископы, которые и въ своихъ журнальныхъ статьяхъ взываютъ о немъ къ Богу, и подписавшіеся подъ актомъ его отлученія, молятся, конечно, и всѣ священники, которымъ поручена Св. Синодомъ забота о его обращеніи, но вѣдь это не есть та общественная церковная молитва,

въ которой могъ бы участвовать и къ которой невольно привлекался бы каждый вѣрующій, посѣщающій храмъ Божій, молитва, о силѣ которой говорилъ намъ Самъ Христосъ, указывая на нее, какъ на вѣрное средство получить просимое. Есть, правда, въ церковномъ богослуженіи нѣкоторыя общія мѣста, гдѣ мы просимъ о благосостояніи Церквей и соединеніи всѣхъ, а также, чтобы намъ единымъ сердцемъ и едиными устами славить и восхвалять святое имя Его, но вѣдь это ужъ очень обще, и такъ привыкли видѣть въ этомъ молитву о соединеніи церквей различнаго вѣроисповѣданія, что врядъ ли кто думаетъ въ это время о Толстомъ и ему подобныхъ. Что же касается до молитвы за всѣхъ вообще совратившихся съ правильной вѣры, читающейся въ кафедральныхъ соборахъ одинъ разъ въ годъ въ недѣлю православія, то вѣдь это такъ мало для тѣхъ, кто такъ нуждается въ нашихъ неотступныхъ, упорныхъ и, главное, дружныхъ и общихъ молитвахъ; а туда, въ соборы эти попадаютъ сравнительно очень немногіе, и молитвъ этихъ большинство изъ насъ даже не знаетъ. Надо еще съ сожалѣніемъ сказать, что мы, вѣрующіе, слишкомъ мало подвижны къ молитвѣ вообще, и сутолока житейская на насъ сильно вліяетъ отвлекающимъ образомъ, такъ что мы особенно нуждается, чтобы Церковь руководила и побуждала насъ къ молитвѣ. Вотъ почему было бы особенно желательно, чтобы ввелись въ церковное богослуженіе особыя молитвы или прошенія о невѣрующихъ, заблуждающихся и колеблющихся ближнихъ нашихъ, чтобы мы подъ руководствомъ нашихъ пастырей и вмѣстѣ съ ними могли сливаться Цередъ Господомъ воедино и о спасеніи несчастныхъ погибающихъ. Дѣло ближайшихъ пастырей разъяснить намъ и необходимость церковной, общественной молитвы за гибнущаго брата нашего Льва Николаевича и ему подобныхъ невѣровъ. Многіе, особенно простой неграмотный народъ, почти не знаютъ его, многіе не считаютъ нужнымъ за него молиться, а есть даже и такое мнѣніе, будто молиться за такого богоотступника и вообще великаго грѣшника большой грѣхъ, что молитва эта можетъ оскорбить Бога, что она даже бозполезна, п. ч. благодать не дѣйствуетъ тамъ, гдѣ явно противятся. На разборѣ этихъ двухъ послѣднихъ мнѣній я позволю себѣ остановиться, такъ

какъ мнѣ пришлось слушать ихъ между прочимъ и отъ лица въ высшей степени интеллигентнаго и весьма почетнаго по своему положенію среди вѣрующихъ. Если предположить, что молитва наша можетъ оскорбить Бога, то молиться, конечно, и не слѣдовало бы, но вѣдь и равнодушно слушать открытыя, вызывающія богохульства тоже невозможно. Какъ ревнители о Христѣ, мы неминуемо должны возмущаться, негодовать и поступать хотя бы такъ, какъ это теперь дѣлаютъ запальчивыя противники Толстого, осыпая его ругательствами и угрозами и въ письмахъ и при личномъ свиданіи, что видно изъ словъ самого Льва Николаевича,—поступать какъ нѣкогда апостолъ Петръ, отсѣкшій мечемъ ухо Малху въ защиту Христа. Но мы видимъ, что Христосъ не хотѣлъ этого, и кротко Самъ же исцѣлилъ идущаго на него врага. Подобную ревность о Христѣ епископъ Антоній, въ одномъ изъ своихъ сочиненій, прямо называетъ плотской и неугодной Богу любовію къ Нему. Христосъ молился на крестѣ за своихъ враговъ, показывая намъ высокій примѣръ смиренія плотскихъ самолюбивыхъ чувствъ и самыми страданіями Своими за оскорбившій Его міръ далъ образецъ высшей самопожертвованной любви. Наиболѣе рельефный примѣръ отношенія Христа къ оскорбляющимъ Его можно видѣть въ обращеніи апостола Павла — яраго гонителя Своего Онъ Самъ призвалъ и повергъ къ стопамъ Своимъ, и изъ гонителя Павелъ дѣлается еще болѣе ревностнымъ проповѣдникомъ и распространителемъ христіанской вѣры, котораго и теперь постоянно слушаемъ въ церкви и учимся изъ словъ его распознавать правду Божію. Какъ знать, можетъ быть и Толстой отмѣченъ Богомъ, можетъ быть и онъ достоинъ Его призыва? Какъ можемъ мы брать на себя великое дѣло Божье — судить брата своего? Кто знаетъ, быть можетъ нравственныя силы его гораздо больше нашихъ, недаромъ же онъ вотъ уже сколько лѣтъ вращается мыслью около вопросовъ вѣры, на восьмомъ десяткѣ, доживая, быть можетъ, послѣдніе дни, твердо отступаетъ отъ Церкви, не рѣшаясь войти въ сдѣлку съ совѣстью. Говорятъ—гордость, самолюбіе не допускаютъ Толстого къ вѣрѣ. Можетъ быть, и несомнѣнно даже и это, но гдѣ же взять чувство, которое одно могло бы сломить все это? Можно сказать про него, что разумъ

его ищетъ, а сердце молчитъ. Не видя Самого Господа, не полюбивъ Его всѣмъ сердцемъ, онъ старается лишь по Его завѣтамъ, ощупью найти Его, но эти завѣты, безъ Самого завѣщавшаго, кажутся ненужными игрушками, пустыми обрядами, безсмысленнымъ колдовствомъ и не приводятъ ни къ чему. Начни графъ съ другого конца—отдай прежде свое сердце Царю царствующихъ и тогда сразу все измѣнится, получитъ глубокій смыслъ, дорогой и понятный каждому христіанину. Его же уши заткнуты для слышанія дивной музыки, руководящей фантастическими танцами, которые безъ нея кажутся сумасшедшими тѣлодвиженіями. Господи! открой глаза и уши его, чтобы видѣлъ Тебя, слышать великое Твое слово любви! Отвори сердце его, чтобы впустилъ Тебя, Одного Желаннаго!

Но если Левъ Николаевичъ дѣйствительно золъ, гордъ, непокоренъ, лживъ, самолюбивъ, какимъ нерѣдко рисуется изъ своихъ словъ и дѣйствій, или, вѣроятнѣе, какъ любятъ то объяснять себѣ его противники, то мы-то что, что будемъ судить и взвѣшивать его недостоинства передъ Богомъ? Мы-то вѣдь молимся за себя Богу, не боясь оскорбить Его этимъ, а можетъ ли кто изъ насъ, положа руку на сердце, сказать, что онъ лучше, болѣе достоинъ передъ Богомъ, чѣмъ Толстой? Левъ Николаевичъ оскорбляетъ Его въ своемъ безумномъ невѣріи, мы, вѣруя и исповѣдуя его, пріобщаясь Тѣла и Крови Его и признавая всѣ установленныя Церковью таинства, дѣлаемъ это на каждомъ шагу и словомъ, и дѣломъ, распинаемъ каждый день своего Господа своей грѣховностью, душевной грязью, своимъ полнымъ неумѣніемъ и нежеланіемъ понимать волю Его, ненавистью и равнодушіемъ къ ближнему. Христосъ въ многочисленныхъ притчахъ поясняетъ намъ, какъ надо относиться къ заблудшимъ—притча о блудномъ сынѣ, о потерянной мелкой монетѣ, о заблудшей овцѣ и др. все это не показываетъ ли намъ, какъ дорого Ему взыскать погибшее и сколько радости бываетъ на небесахъ о каждомъ раскаявшемся грѣшникѣ? Зачѣмъ же хотимъ мы идти другимъ путемъ, зачѣмъ не хотимъ войти въ радость Отца Своего Небеснаго, отказываясь принять участіе въ поднятіи погибающаго брата? Но вотъ можемъ ли помочь? Второе изъ разбираемыхъ мнѣній говоритъ, что молитва за

Толстого, какъ за противника благодати Божіей, безполезна. Но опять таки можемъ ли мы брать на себя такое смѣлое рѣшеніе, — кто же знаетъ, что Толстой дѣйствительно во всѣ моменты своей жизни противится благодати? Дѣло Божье усмотрѣть, уловить, наконецъ, вызвать моментъ сердечнаго призыва. Когда жилъ Христосъ среди насъ, недостойныхъ, какъ часто фарисеи осуждали Его, что Онъ имѣетъ общеніе съ мытарями, грѣшниками и блудницами, и получали въ отвѣтъ кроткій укоръ, что они не знаютъ, что значитъ „милости хочу, а не жертвы". Какъ бы и намъ не заслужить такого же укора!

Есть еще одно мнѣніе, которое выставляется, какъ препятствіе къ общественной, церковной молитвѣ за гр. Толстого и ему подобныхъ изувѣровъ. Будто бы такая молитва за явнаго богоотступника и хулителя вѣры Христовой можетъ возмутить и взволновать умы. Но это препятствіе врядъ ли можетъ считаться имѣющимъ вѣсъ, п. ч. истинный христіанскій смыслъ церковныхъ молитвъ за враговъ нашихъ достаточно выясняется всѣмъ духомъ ученія Христа и особенно указанными уже мѣстами его. И здѣсь дѣло пастырей же выяснить все это и придать молитвамъ истинно-христіанское значеніе во всей нравственной красотѣ его смиренія и любви, а никакъ не возвышенія враговъ Господнихъ и не раболѣпства передъ ними.

И необходимость молиться общественной молитвой въ Церкви за Толстого и всѣхъ другихъ невѣрующихъ ближнихъ нашихъ представляется мнѣ тѣмъ настоятельнѣе, чѣмъ меньше видится путей и способовъ помочь имъ—всѣ доказательства вѣры, по большей части, раздражаютъ ихъ, что видно изъ отношеній Льва Николаевича къ желающимъ убѣдить его, и, вѣроятно, многіе изъ насъ наблюдали это раздраженіе не разъ изъ личныхъ сношеній и бесѣдъ съ графомъ или ему подобныхъ невѣровъ. Да и возможно ли вообще доказать разумомъ то, что берется преимущественно чувствомъ? Не самонадѣянно ли также будетъ брать на себя то, что возможно только Одному Богу? Поэтому убѣждай, дѣлай все отъ тебя зависящее, но молись и ищи помощи отъ Бога прежде всего, а такъ какъ это дѣло обращенія такъ страшно гибнущихъ на нашихъ глазахъ ближнихъ одинаково должно быть дорого ка-

ждому христіанину, то и молиться нужно дружно, энергично, сливши воедино всѣ сердца свои передъ Богомъ. И если ужъ признать указанную необходимость нашихъ общихъ церковныхъ за нихъ молитвъ, то надо дѣлать это скорѣй, пока стоящій во главѣ погибающихъ и, можетъ быть, болѣе всѣхъ отвѣтственный, вслѣдствіе своей особой одаренности, братъ нашъ Левъ Николаевичъ еще съ нами на одномъ пути. Своими молитвами докажемъ имъ кстати, что они очень ошибаются, думая, что мы относимся къ нимъ нетерпимо съ несвойственнымъ христіанству деспотизмомъ, а наоборотъ, желаемъ имъ только спасенія, хотя бы значенія его они и не понимали. Не могли же бы они не усмотрѣть въ этомъ искреннемъ нашемъ желаніи, вылившемся въ горячую и дружную за нихъ молитву, самаго сердечнаго къ себѣ доброжелательства. Такимъ образомъ выполнилось бы хоть въ данномъ случаѣ одно изъ глубочайшихъ прошеній молитвы Господней— „да святится имя Твое“ и слова Христа: „Тако да просвятится свѣтъ вашъ предъ человѣки и т. д.“ (Матѳея V—16), и свѣтъ этотъ, будемъ надѣяться, озаритъ и согрѣетъ ихъ омрачившіяся и очерствѣвшія сердца.

Любовь Пребстингъ.

V.

Мысли свѣтскаго человѣка по поводу отвѣта Л. Н. Толстого Св. Синоду.

„А вы не называйтесь учителями; ибо одинъ у васъ Учитель—Христосъ, всѣ же вы братья. И не называйтесь наставниками, ибо одинъ у васъ Наставникъ—Христосъ“ (Ев. Матѳ. XXIII, 8—10).

Прочитавъ отвѣтъ Л. Н. Толстого на постановленіе Св. Синода объ отлученіи его отъ Церкви, я понялъ, на чемъ основываются толстовскія лжеученія. Лжеученія эти основаны на томъ, что Толстой 1) имѣетъ *одностороннее, узкое,* матеріалистическое понятіе о Богѣ и 2) возвышенное, ложное представленіе о природѣ человѣка. О томъ, что такое Богъ, какимъ путемъ управляетъ Онъ міромъ, что ожидаетъ насъ за гробомъ и т. п., *существуютъ два* воззрѣнія: раціоналистическое съ его подвидами, позитивизмомъ и матеріализмомъ, и *идеалистическое.* Первое воззрѣніе поставляетъ исходной точкой разумъ, или вѣрнѣе, представленіе человѣческое и, основываясь на опытной наукѣ (оцѣживающей комара, верблюда же поглощающей), признаетъ только то, что доступно нашимъ внѣшнимъ чувствамъ, что можно посадить въ банку и изслѣдовать тѣмъ или другимъ путемъ, т. е., отрицаетъ невидимое, невѣсомое, неощущаемое; всѣ явленія природы, по этому воззрѣнію, совершаются по извѣстнымъ вѣчнымъ, неизмѣняемымъ законамъ всегда и только такъ; чудесъ нѣтъ—это основное положеніе научнаго раціонализма.

Въ человѣкѣ міровоззрѣніе это видитъ одну только плоть, а душевные процессы разсматриваетъ, какъ функцію этой плоти; все то, что противорѣчитъ этому, какъ то: Воскресеніе Христово, Его чудеса, превышающія разумъ человѣческій и т. п., безусловно отрицается.

Идеалистическое воззрѣніе, основываясь на высшемъ разумѣ, на способности человѣка къ отвлеченному мышленію—абстракціи, допускаетъ существованіе невѣсомаго, невидимаго вещества, признаетъ Высшій Разумъ,

какъ нѣчто обособленное, все наполняющее, способное все видѣть, все слышать, вездѣсущее; что создало міръ, частица чего обитаетъ въ каждомъ человѣкѣ и отличаетъ его отъ животнаго, что вложило въ матерію извѣстные законы, въ общемъ неизмѣнные, но въ частныхъ случаяхъ можетъ ихъ и измѣнять, тамъ гдѣ найдетъ это нужнымъ; міровоззрѣніе это признаетъ, слѣдовательно, чудеса, т. е. явленія, совершающіяся вопреки законамъ природы. Чувства человѣка по этому міровоззрѣнію,—несовершенный органъ, могущій дать не абсолютное понятіе о вещахъ, а только субъективное; такъ же не совершенное и субъективное представленіе человѣка.

Въ которомъ изъ этихъ воззрѣній заключается абсолютная истина—это во всякомъ случаѣ вопросъ нерѣшенный. Положенія матеріалистовъ строго не доказаны; ихъ отрицанія основаны не на томъ, что невозможность существованія даннаго чуда доказана, а на томъ только, что это противорѣчитъ ихъ недоказаннымъ основнымъ положеніямъ. Отрицая чудесное, матеріалисты не могутъ однако объяснить трехъ основныхъ и величайшихъ чудесъ: созданія міра, появленія жизни, появленія разумнаго существа среди безсловесныхъ.

А развѣ доказана невѣрность другихъ чудесъ, развѣ доказано, что Христосъ не воскресъ, что Лазаря Христосъ не воскрешалъ и т. д.?

Нѣтъ, это отрицается потому только, что противорѣчитъ ихъ гипотезамъ, ихъ человѣческому представленію. Возьмемъ самый разительный примѣръ—евангельское представленіе о бѣсноватыхъ. Для современнаго матеріалиста это — не требующій никакихъ доказательствъ *абсурдъ*; но доказано ли, извѣстно ли *точно*, въ чемъ заключается сущность *эпилепсіи*, истеріи и другихъ душевныхъ заболѣваній? Нѣтъ, не доказано. Не только сущность, а даже *механизмъ* ихъ не извѣстенъ; а если это такъ, то евангельское воззрѣніе на нихъ не опровергнуто. А *сколько* другихъ фактовъ и явленій, гдѣ извѣстенъ только *механизмъ*, а люди думаютъ, что узнали сущность; да и вообще такъ называемая точная *позитивная* наука едвали въ состояніи раскрыть намъ большее, чѣмъ *механизмъ* явленій. Возьмемъ точную, повидимому, науку, способную *дѣлать* предсказанія,—*астрономію*: она точно изучила законы движенія

небесныхъ тѣлъ, но знаетъ ли она, что представляютъ изъ себя разсѣянные въ міровомъ пространствѣ многочисленные міры, представляющіеся нашему глазу въ видѣ отдѣльныхъ свѣтящихся точекъ—звѣздъ? Какая тамъ жизнь, тѣ ли законы жизни, что и въ нашей солнечной системѣ? Можетъ ли она сказать, что тамъ, надъ этимъ небомъ, нѣтъ другого „неба небеси“? А вѣдь это еще только внѣшняя сторона, а если коснуться сущности,—спросить, откуда это все взялось и такъ мудро и чудно устроилось, то въ позитивной астрономіи не найдемъ на это отвѣта, кромѣ дѣтски наивной, способной удовлетворить развѣ умъ 15-тилѣтняго гимназиста, гипотезы о томъ, что неизвѣстно откуда взявшаяся расплавленная матерія, подъ вліяніемъ тоже неизвѣстно откуда взявшейся неразумной силы, завертѣлась вокругъ своей оси, центробѣжной силой разорвалась на отдѣльные куски, которые тоже стали вертѣться и... превратились сами собой въ чудные населенные міры.

Обходя науки біологическія, представляющія въ своей общей, нефактической части рядъ поспѣшныхъ обобщеній, гипотезъ, часто просто фантазій, смѣняющихся чуть не каждое десятилѣтіе и уже во всякомъ случаѣ рѣдко переживающихъ свое поколѣніе, обратимся къ другой точной наукѣ—физикѣ; возьмемъ ученіе о свѣтѣ. Пока она изучаетъ механизмъ этого явленія, законы распространенія свѣта и проч., она остается строго позитивной наукой, но лишь только она вздумаетъ заглянуть поглубже, узнать, въ чемъ сущность свѣта, она должна допускать невѣсомое, неощущаемое; она приходитъ къ тому заключенію, что все міровое пространство наполнено особой невѣсомой, слѣдовательно, не подчиняющейся закону всеобщаго тяготѣнія жидкостью, свѣтовымъ эфиромъ, который мы можемъ познать, слѣдовательно, одной только абстракціей. Бѣда вся въ томъ, что мы думаемъ, что очень многое теперь знаемъ, тогда какъ въ сущности ничего хорошенько не знаемъ.

Толстой—матеріалистъ, а потому отрицаетъ чудесное въ Евангеліи: Божество Іисуса Христа, таинство воплощенія, воскресенія и т. п., но доказать, конечно, этого не можетъ онъ. Самъ Божественный Учитель Христосъ и Церковь преподаютъ идеальное воззрѣніе на міръ.

Кто правъ—Толстой или Христосъ, матеріалисты (Контъ, Милль, Спенсеръ и др.) или идеалисты (Платонъ, Лейбницъ, Вл. Соловьевъ), наша интеллигенція или первые христіане, святители и отцы Церкви, которымъ уже, конечно, нельзя отказать ни въ умѣ, ни въ глубокомысліи, ни въ искренности,—это, я думаю, для самого Льва Николаевича должно по меньшей мѣрѣ представляться вопросомъ, надъ которымъ можно задуматься. Для вѣрующаго христіанина тутъ нѣтъ вопроса, ибо гдѣ Христосъ, тамъ и истина; невѣрующій же пусть задумается, доказана ли подлинно невозможность всего того, что онъ отрицаетъ? Отрицаніе таинствъ и обрядовъ основано на незнаніи духовной природы человѣка.

Не ѣсть мяса, которое вредно, немного отъ скуки поработать физически, быть цѣломудреннымъ въ 60—80 лѣтъ, отказаться отъ имущества, переведя состояніе на имя жены, пользуясь однако прежними удобствами и не имѣя ни въ чемъ нужды,—всѣ эти подвиги не особенно трудные; но если бы Левъ Николаевичъ вздумалъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ исполнить заповѣди Христовы, въ такихъ, напримѣръ, какъ это дѣлали святые; если бы онъ попробовалъ вступить въ борьбу съ наиболѣе сильными человѣческими страстями, какъ-то: гордость, самолюбіе, самомнѣніе, желаніе, чтобы о тебѣ хорошо говорили, что все въ концѣ концовъ препятствуетъ истинной любви къ ближнему; если бы онъ добрыми дѣлами сталъ считать не только тѣ, которыя ведутъ къ пользѣ ближняго, но и исходятъ изъ добрыхъ, альтруистическихъ побужденій, а не изъ самолюбія, тщеславія, боязни человѣческаго осужденія и т. п.; если бы онъ понялъ постоянную внутреннюю ложь, оправдывающую наши въ сущности дурные поступки, и пожелалъ бы достичь истиннаго совершенства, а не того, которое только себя таковымъ называетъ,—совершенства преподобныхъ,—то право Л. Н. убѣдился бы, насколько трудно это, насколько окаяненъ и немощенъ въ борьбѣ съ своимъ окаянствомъ человѣкъ.

Одного намѣренія и сознанія недостаточно для совершенствованія, тутъ нужны вспомогательныя средства, которыя и указаны человѣку Самимъ Христомъ и Его ближайшими учениками. Постъ, молитва, богослу-

женіе, таинства и проч. и являются этими вспомогательными средствами; нужны они не Богу, а немощному и окаянному человѣку. Нѣтъ, молитвы, читаемыя при богослуженіи, не есть таинственныя заклинанія, колдовство, какъ называетъ ихъ Толстой, а прочувствованныя поэтическія произведенія, которыя разсчитаны на то, чтобы возбудить въ душѣ человѣка соотвѣтствующія чувства. Значеніе молитвы въ этомъ смыслѣ самъ Толстой не отрицаетъ; то же значеніе имѣетъ и все прочее въ церковномъ ритуалѣ.

Что же касается самой сущности таинства, то это представляется гр. Толстому абсурдомъ опять-таки только съ матеріалистической точки зрѣнія, съ идеально-спиритуалистической же это вполнѣ доступно разуму и чувству. Что при таинствѣ Евхаристіи въ хлѣбъ и вино „входитъ Самъ Богъ“ и сообщаетъ имъ особую таинственную силу, представляется нелѣпымъ для человѣка, имѣющаго матеріалистическое представленіе о Богѣ, въ сущности отрицающее Бога, для идеалиста же вѣрующаго въ Бога, не какъ въ силу только дѣйствовавшую нѣкогда, а теперь куда-то сокрывшуюся, предоставивъ все однимъ только законамъ, а какъ въ силу живую, дѣйствующую, разумную, — такое претвореніе хлѣба и вина въ тѣло и кровь Господа Іисуса Христа не представляетъ ничего сверхъ-разумнаго. Тоже и покаяніе: не всякій оправдывается имъ, а только тотъ, который искренно кается съ сокрушеніемъ и съ твердымъ намѣреніемъ исправиться. Эти моменты очень важны для совершенствованія человѣка вообще, и то, что вызываетъ ихъ, не можемъ поэтому считаться абсурдомъ, какъ говоритъ гр. Толстой; оно не даетъ повода грѣшить, ибо это намѣреніе лишаетъ человѣка оправданія, но оно даетъ ему надежду и не позволяетъ впасть въ опасное состояніе душевнаго отчаянія. Тайну брака чувствовалъ когда-то самъ Толстой, какъ это видно изъ его романа „Анна Каренина“; описавъ съ свойственной ему художественностью самый обрядъ вѣнчанія Левина съ Кити и то вліяніе, которое онъ оказываетъ на чувство и настроеніе всѣхъ присутствующихъ, Толстой въ заключеніе говоритъ слѣдующее: „Снявъ вѣнцы съ головы ихъ, священникъ прочелъ послѣднюю молитву и поздравилъ молодыхъ. Левинъ взглянулъ на Кити, и никогда онъ не видалъ ее до сихъ поръ такою. Она была пре-

лестна тѣмъ новымъ сіяніемъ счастія, которое было на ея лицѣ. Левину хотѣлось сказать ей что-нибудь, но онъ не зналъ, кончилось ли. Священникъ вывелъ его изъ затрудненія. Онъ улыбнулся своимъ добрымъ ртомъ и тихо сказалъ: „поцѣлуйте жену, и вы поцѣлуйте мужа“, и взялъ у нихъ изъ рукъ свѣчи.

Левинъ поцѣловалъ съ осторожностью ея улыбнувшіяся губы, подалъ ей руку и ощущая *новую, страшную близость*, пошелъ изъ Церкви. Онъ не вѣрилъ, не могъ вѣрить, что это была правда. Только, когда встрѣчались ихъ удивленные и робкіе взгляды, онъ вѣрилъ этому, потому что *чувствовалъ, что они уже были одно*“. (Т. II. стр. 321, изд. 1880 г).

Прежній Толстой—художникъ, познававшій истину не только разумомъ, но и чувствомъ, ощущалъ эту тайну; теперь же, когда на первый планъ вмѣсто чувства выступилъ болѣе грубый элементъ сознанія—представленія, тотъ же самый Толстой не можетъ ни понять, ни представить этого. А что вся суть въ нравственномъ совершенствованіи, въ любви къ ближнему, это, конечно, Церковь понимаетъ не хуже, чѣмъ Толстой; разница вся въ томъ, что Церковь имѣетъ въ этомъ отношеніи практику и опытъ, знаетъ, какъ трудно спастись немощному и окаянному человѣку, а Толстой, усвоивъ матеріалистическое воззрѣніе на вопросъ о нравственномъ совершенствованіи, теоретизируетъ, не имѣя собственнаго опыта въ этомъ отношеніи; гордость не побѣждена, а раздута поклоненіемъ, а въ психологическомъ отношеніи это самая опасная страсть: она помрачаетъ разумъ и родитъ злобу. Какъ на примѣръ такого умопомрачающаго самомнѣнія укажемъ на слѣдующій фактъ изъ дѣятельности Л. Н. Толстого: не довѣряя переводу семидесяти толковниковъ, изъ которыхъ больше половины были греки, Толстой на 40-мъ году своей жизни сталъ изучать греческій языкъ и перевелъ лично Евангеліе съ греческаго подлинника на русскій языкъ, причемъ многимъ мѣстамъ придалъ совершенно иное значеніе, чѣмъ православная Церковь, и сталъ считать свой переводъ за абсолютно вѣрный, забывъ, что не только семьдесятъ толковниковъ, но и всѣ христіане—греки, пользуясь Евангеліемъ, написаннымъ на ихъ родномъ языкѣ, понимали его именно такъ, какъ понимаетъ его теперь православная Россійская Церковь. Такимъ обра-

зомъ, Толстой возмнилъ себя лучше понимающимъ греческій языкъ, чѣмъ сами природные греки. Исказивъ такимъ образомъ Евангеліе, онъ не ограничился этимъ; раздѣлилъ его на двѣ произвольныя половины, изъ которыхъ одну, не противорѣчащую его личнымъ взглядамъ, призналъ, какъ истинное слово Христово, другую же отвергъ, какъ выдумку апостоловъ и переписчиковъ, и не потому только, что эта половина заключаетъ въ себѣ много чудеснаго, но потому, что противорѣчитъ его личнымъ взглядамъ. Такъ, отрицая таинство священства на основаніи приведенныхъ въ эпиграфѣ словъ Спасителя (гл. XXIII, 8 Матѳ.), относящихся какъ разъ къ подобнымъ лжеучителямъ, какъ самъ Толстой, а не къ священникамъ, наставляющимъ паству не своимъ ученіемъ, а ученіемъ Христа, онъ игнорируетъ 19 ст. XXIII гл. Матѳ.: „шедше убо научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ“, и подобнаго же содержанія стихи 15—19 XVI гл. Марка, въ которыхъ говорится то же самое. Предоставляю судить читателямъ, насколько произвольно подобное отношеніе къ Евангелію, истинность котораго свидѣтельствуется не однимъ, а четырьмя учениками Христа, очевидцами и участниками описанныхъ событій. Можно было бы найти много и другихъ подобныхъ противорѣчій, но ограничимся пока этимъ.

Показавъ себя крайнимъ матеріалистомъ въ невозможности понять догматъ о Св. Троицѣ и въ отрицаніи таинства воплощенія, рожденія отъ Дѣвы и всего чудеснаго въ Евангеліи, онъ въ концѣ своего объясненія впадаетъ въ явное противорѣчіе, признавая какую-то загробную жизнь, утверждая, слѣдовательно, что послѣ смерти нашей отъ тѣла отдѣляется нѣчто, что продолжаетъ жить, чувствовать, страдать. Признавая это, онъ незамѣтно приближается къ ученію Церкви о безплотныхъ силахъ, ангелахъ, демонахъ, о предстательствѣ Святыхъ и проч... Ибо что живетъ, то и дѣйствуетъ.

Что касается нравственнаго вліянія толстовской проповѣди, то, послѣ сказаннаго, что еще сказать объ этомъ?

Отнимая у немощнаго брата своего вѣру въ божественное происхожденіе Христа и Его ученія, Левъ Ник. ведетъ послѣдователей своихъ не къ любви, а къ безнравственности и крайнему пессимизму. Я убѣ-

14*

ждеп, что замкнутость, холодность, отсутствіе искренности, эгоизмъ, нервная неуровновѣшенность нашей интеллигенціи есть слѣдствіе маловѣрія, поддерживаемаго толстовской проповѣдью, и что на увѣренности прежде всего зиждется увлекающая самого Толстого духовная мощь и правда народная. Въ области же философіи толстовское воззрѣніе должно привести каждаго принявшаго его воззрѣніе послѣдовательнаго мыслителя къ безумному ницшеанству—отрицанію самыхъ нравственныхъ заповѣдей Христовыхъ, какъ придуманнаго людьми тормаза, задерживающаго прогрессъ и мѣшающаго выработкѣ новаго, болѣе совершеннаго человѣческаго типа „сверхъ-человѣка".

Теперь хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ по вопросу о томъ, имѣлъ ли право Св. Синодъ отлучить отъ Церкви Л. Н Толстого? Никакого нравственнаго права не имѣлъ,—разсуждаютъ послѣдователи Л. Толстого во главѣ съ супругой его; это насиліе надъ личностью, жестокій поступокъ, противорѣчащій ученію Христову о любви къ ближнему и всепрощеніи. Если признать этотъ поступокъ законнымъ, то точно такимъ же образомъ можно будетъ оправдать инквизицію; ибо съ этой точки зрѣнія является вполнѣ логичнымъ слѣдующее разсужденіе: не согласенъ во взглядахъ съ Церковью—отлучи, если отлученіе не помогаетъ—вышли, потомъ заточи, а если и тогда будетъ оставаться при своихъ заблужденіяхъ, то, во избѣжаніе соблазна, сожги на кострѣ и т. д. Такъ разсуждаютъ въ интеллигенціи объ актѣ 20—22 февраля истекшаго года.

А по моему мнѣнію, этотъ актъ Св. Синода, представителя высшей духовной власти, по отношенію Л. Толстого противорѣчитъ ученію не истиннаго, а Христа, созданнаго мудрованіемъ нашей гордой, не желающей никому и ничему подчиняться, кромѣ собственныхъ страстей, интеллигенціи, во главѣ съ самимъ предводителемъ ея Львомъ Николаевичемъ; ученію же истиннаго Христа, Котораго мы познаемъ изъ Евангелія, отнюдь не противорѣчитъ. Истинный евангельскій Христосъ училъ такъ: „возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душою твоею, и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ. Сія есть *первая* и *наибольшая* заповѣдь. Вторая же—подобна ей: возлюби ближняго твоего, какъ себя самого" (Ев. Матѳ. XXII, 37, 38, 39). Заповѣдалъ

намъ Христосъ прежде всего и болѣе всего любить Бога, а потомъ ближняго своего не на словахъ только, а на дѣлѣ, прощая ему до седьмижды семидесяти разъ подставляя правую щеку хотящему ударить тебя по лѣвой, не гнѣваясь, не осуждая, а совершенствуясь въ духѣ Христовомъ, въ духѣ кротости и смиренія. Христосъ въ то же время никогда не отрицалъ власти, а слѣдовательно и связаннаго со всякой властью наставленія, руководительства всѣхъ и даже наказанія. Только не было бы наказаніе жестоко, не исходило бы изъ желанія зла, а изъ желанія добра и исправленія ближняго, каждую минуту было бы готово смѣниться прощеніемъ при первыхъ признакахъ искренняго раскаянія и исходило бы отъ лица, власть на то имущаго. Во всемъ Евангеліи нельзя найти ни одного указанія на то, чтобы Христосъ отрицалъ власть; на вопросы фарисеевъ, нужно ли платить подать кесарю, Онъ отвѣчалъ: нужно. Его ближайшіе ученики—апостолы, которые навѣрное уже понимали лучше насъ, современной интеллигенціи, смыслъ Христова ученія, прямо и опредѣленно говорятъ: „будьте покорны всякому человѣческому начальству для Господа: царю ли, какъ верховной власти, правителямъ ли, какъ отъ него посылаемымъ для наказанія преступниковъ и для поощренія дѣлающихъ добро“ (I Петра, гл. II, 13, 14). Самъ Христосъ не только не отрицалъ власть, но и пользовался ею. Не имѣя ни единаго грѣха, онъ въ то же время всегда обличалъ людей, достойныхъ того, напр., фарисеевъ, называя ихъ лицемѣрами, порожденіями ехидны и т. п., а тамъ, гдѣ это было нужно, дѣйствовалъ не только словомъ, но и дѣломъ; такъ Евангеліе повѣствуетъ намъ о томъ, какъ Христосъ изгналъ изъ храма продающихъ и покупающихъ: „и вошелъ Іисусъ въ храмъ Божій и выгналъ всѣхъ продающихъ и покупающихъ въ храмѣ, и опрокинулъ столы мѣновщиковъ, и скамьи продающихъ голубей. И говоритъ имъ: написано: домъ Мой домомъ молитвы наречется, а вы сдѣлали его вертепомъ разбойниковъ“ (Мат. XXI, 12, 13). Отходя отъ земли, Христосъ заповѣдалъ апостоламъ продолжать начатое ими дѣло—пасти и наставлять стадо Христово и далъ имъ власть не только разрѣшать, но и *связывать*; апостолы передали эту власть черезъ таинство священства первымъ рукоположеннымъ

ими епископамъ, т. е. Церкви, у которой эта власть и остается до сего дня. Такимъ образомъ, право налагать извѣстное наказанiе съ цѣлью исправленiя на членовъ своихъ Церковь получила отъ Самого Бога, а, слѣдовательно, право это не только юридическое, законное, но и нравственное, ибо источникъ нравственности есть Iисусъ Христосъ. Да и по человѣческому разсужденiю говоря: если какой отецъ отстраняетъ своихъ дѣтей отъ человѣка, могущаго развратить ихъ, будемъ ли мы считать такого человѣка нарушающимъ заповѣди Христовы, или назовемъ ли жестокимъ отца, наказывающаго порочнаго сына своего ради его исправленiя, не сочтемъ ли это скорѣе признакомъ сильной любви. „Всякое наказанiе, говоритъ Апостолъ Павелъ, въ настоящее время кажется не радостью, а печалью, но послѣ наученнымъ черезъ него доставляетъ мирный плодъ праведности“ (Евр. XII, 11), такъ что разумное, исходящее не изъ злобы, а изъ желанiя исправить ближняго, наказанiе со стороны человѣка, власть на него имущаго (родительская, царская, духовная и пр.), отнюдь не противорѣчитъ истинной христiанской любви. Да и что было бы, если бы не было никакой власти и связанныхъ съ властью наказанiй; куда бы намъ дѣваться отъ воровъ, разбойниковъ, убiйцъ, преступниковъ и прочихъ порочныхъ людей? Только въ царствѣ Божiемъ не нужно власти, т. е. тогда, когда человѣкъ усовершенствуется, приблизится къ идеалу Христа; пока же человѣкъ не разстанется съ своимъ окаянствомъ, съ своей наклонностiю ко всему злому,—до тѣхъ поръ безъ власти, безъ руководителей, безъ наказанiя немыслимо никакое общество, никакое государство.

Большинство изъ возмущающихся постановленiемъ Церкви относительно Л. Толстого и не отрицаетъ наказанiй преступниковъ противъ нашего тѣла и имущества, прибѣгая и лично всегда въ подобныхъ случаяхъ къ представителямъ свѣтской власти..., „но, говорятъ, карать человѣка за тѣ или другiя убѣжденiя нельзя, въ этихъ случаяхъ можно дѣйствовать только словомъ, но отнюдь не репрессивными мѣрами, ибо свобода мысли есть основа прогресса“. Подобное разсужденiе правильно и логично только съ точки зрѣнiя человѣка *невѣрующаго*, но для вѣрующаго человѣка, для

истиннаго христіанина, признающаго вмѣстѣ съ Христомъ и апостолами загробную жизнь, ожидающаго второго пришествія Христова, страшнаго суда и начала новой жизни, подобное разсужденіе кажется въ высшей степени страннымъ. Христосъ научалъ такъ: „какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ, или какой выкупъ дастъ человѣкъ за душу свою"; и дѣйствительно, что значатъ всѣ блага и радости земныя въ сравненіи съ мукой вѣчной, и всѣ несчастія земныя—съ жизнью вѣчною, вѣчнымъ духовнымъ блаженствомъ, обѣщаннымъ Самимъ Христомъ вѣрующимъ въ Него и любящимъ Его. Самымъ цѣннымъ сокровищемъ христіанина такимъ образомъ является не здоровье, не богатство, а *истинная правая вѣра*, покоящаяся на извѣстномъ міровоззрѣніи, и все, что можетъ разрушить это, является величайшимъ зломъ, преступленіемъ, превосходящимъ въ тысячу разъ преступленіе противъ тѣла нашего и нашей собственности. И если власть можетъ и дожна пресѣкать второго рода преступленія, то тѣмъ паче духовная власть должна и обязана охранять своихъ чадъ отъ преступниковъ перваго рода, совращающихъ ихъ на путь погибели и могущихъ погубить не только тѣло, но и душу человѣка. Въ этой области нечего бояться остановки прогресса, ибо для вѣрующаго, истиннаго христіанина Евангеліе есть абсолютная истина, и всякое мудрованіе, приводящее къ отступленію отъ него, есть не прогрессъ, а опасный, нежелательный регрессъ.

Что касается собственно права отлучать отъ Церкви, то, оставляя пока въ сторонѣ подобные примѣры изъ Церкви апостольской—отлученіе апостоломъ Павломъ кровосмѣсника, жившаго со своей мачехой, отъ Церкви въ Коринѳѣ, и Соборной—отлученіе Арія, Македонія и проч. еретиковъ, обратимся опять къ Евангелію, т. е., къ Самому Христу. Христосъ, предвидѣвшій и предсказавшій возникновеніе многихъ лжеученій послѣ Него, не обошелъ молчаніемъ вопроса о правахъ будущей Церкви и оставилъ такое наставленіе апостоламъ: „если же согрѣшитъ противъ тебя братъ твой, пойди и обличи его между тобою и имъ однимъ; если послушаетъ тебя, то пріобрѣлъ ты брата своего. Если же не послушаетъ, возьми съ собою еще одного или двухъ, дабы устами

двухъ или трехъ свидѣтелей подтвердилось каждое слово, если же не послушаетъ ихъ, скажи Церкви, и если Церкви не послушаетъ, то да будетъ онъ тебѣ, какъ язычникъ и мытарь. Истинно говорю вамъ: что вы свяжете на землѣ, то будетъ связано на небѣ, и что разрѣшите на землѣ, то будетъ разрѣшено на небѣ" (Матѳ. XVIII, 15—19).

Такъ и поступила Церковь по отношенію къ Л. Н. Толстому: она испробовала свои мѣры литературнаго и устнаго обличенія и увѣщанія, она много и долго терпѣла; наконецъ, видя, что ничто не помогаетъ, и соблазнъ принимаетъ грандіозные размѣры, она рѣшила употребить свою власть для назиданія и предупрежденія прочихъ членовъ Церкви и произнесла свой молитвенно-мирный приговоръ. И что же! Эти слова церковнаго священноначалія подняли цѣлую бурю. Одни стали кричать, что это выраженіе безсильной злобы, другіе, что жестоко и противно заповѣдямъ Христа о любви къ ближнему. Нѣтъ, не изъ злобы, не изъ желанія наказать муками ада за личное оскорбленіе сдѣлала это Церковь, а изъ любви истинной, изъ желанія наставить на путь истинный и избавить отъ мукъ ада, которыя въ противномъ случаѣ неизбѣжны. Въ своемъ отлученіи она предлагаетъ молиться о Толстомъ, да наставитъ его Господь на путь истины, и, конечно, при первыхъ же признакахъ сознанія Толстымъ своего заблужденія и его искренняго раскаянья, Церковь не только откроетъ ему широко свои объятія, но и сотворитъ радость великую (оповѣстивъ всѣхъ колокольнымъ звономъ), что нашлась заблудшая овца, что удалось ей избѣжать пасти львиной, и не изъ самолюбія это сдѣлаетъ, а потому же, почему радовался отецъ возвращенію своего блуднаго сына въ притчѣ Христовой.

О томъ, что для Толстого наказаніе это не можетъ быть жестоко, а должно быть прямо таки неощутительно [1]), пока онъ пребываетъ въ своемъ невѣріи, много уже въ духовной литературѣ сказано хорошихъ и убѣдительныхъ словъ; въ самомъ дѣлѣ, что значитъ для

---

[1]) Наоборотъ: одно близкое къ семьѣ Льва Николаевича лицо сообщало намъ, что, къ недоумѣнію всѣхъ близкихъ къ графу лицъ, посланіе Св. Синода произвело на него глубокое, щемящее впечатлѣніе.

Редакторъ.

какого-нибудь татарина или другого иновѣра, если его лишитъ кто-нибудь права посѣщенія православной Церкви и пользованія христіанскими таинствами и обрядами. Это вызоветъ въ немъ только улыбку и больше ничего; а здѣсь по поводу отлученія Толстого, de facto давно отказавшагося отъ всего того, чего лишила его Церковь,—цѣлая буря негодованій. Почему это, гдѣ разгадка этого? По моему мнѣнію, въ этомъ явно нелогичномъ, безсмысленномъ протестѣ и негодованіи заключается указаніе на одно отрадное явленіе. Протестъ этотъ указываетъ на то, что въ глубинѣ души этихъ протестантовъ живетъ духъ Божій, дающій ощущать огромное значеніе для человѣка всего того, чего лишился Толстой вмѣстѣ съ отлученіемъ его отъ Церкви, что живетъ вѣра въ истиннаго Христа и во все то, что этотъ истинный Христосъ заповѣдалъ намъ,—вѣра въ таинства, въ церковное богослуженіе, въ молитву Церкви и проч. Только это „сокровенное души“ не сознается этими людьми, такъ какъ оно все заросло и затемнилось страстями человѣческими и не озаряется свѣтомъ благодати Господней. Эти страсти создали для нихъ новаго христа, который не борется противъ нихъ, а, наоборотъ, имъ покровительствуетъ. Чревоугодіе создало христа, не протестующаго противъ нарушенія постовъ, обильныхъ и вкусныхъ обѣдовъ изъ 5-ти блюдъ, лѣность создала христа, не приказывающаго намъ долго молиться и посѣщать храмы Божіи, а наполнять свободное отъ занятій время пустословіемъ; непокорство стало утверждать, что въ христіанскомъ обществѣ не должно быть власти ни свѣтской, ни духовной, ибо „князья народовъ господствуютъ надъ ними, и вельможи властвуютъ ими“; но между вами да не будетъ такъ: „а кто хочетъ между вами быть большимъ, да будетъ онъ слуга, а наставникъ у васъ да будетъ одинъ Христосъ“. Нежеланіе подчиняться даже въ юномъ возрастѣ, а дѣлать, что захочется—своеволіе создало христа, не совѣтующаго повиноваться даже родителямъ, ибо „кто возлюбитъ отца или мать болѣе, нежели Меня“, т. е. истины (а истина есть то, *чѣмъ я* ее считаю), „тотъ не достоинъ Меня“ и т. д. Объяснивъ такимъ образомъ по своему отдѣльныя мѣста изъ Евангелія и не потрудившись изучить даже его одного въ цѣломъ, современный—нео, или вѣрнѣе, псевдо-христіанинъ въ концѣ концовъ про-

возгласилъ: самолюбіе есть не порокъ, а высшая добродѣтель, человѣкъ безъ самолюбія—тряпка, а принципъ непротивленія злу есть абсурдъ; многіе изъ нихъ, будучи поклонниками Толстого, чуть было не разошлись съ нимъ, когда тотъ началъ проповѣдывать эту истину, и только, вѣроятно, потому съ нимъ помирились, что увидѣли, что въ жизни своей однако Толстой не проводитъ этого принципа, а, напротивъ, своей проповѣдью воспитываетъ въ обществѣ духъ недовольства и протеста; жизнь съ этимъ новымъ христомъ привела нѣкоторыхъ даже къ тому заключенію, что они, живя, какъ живетъ большинство, лѣча за извѣстную плату, занимаясь адвокатурой на пользу ближняго, служа въ различнаго рода учрежденіяхъ, не крадя и не убивая въ буквальномъ смыслѣ этого слова, удѣляя даже иногда изъ своего достатка на различнаго рода благотворительныя учрежденія, живутъ вообще добродѣтельно и не знаютъ за собой никакихъ грѣховъ. Да, есть и такіе изъ нео-христіанъ!.. Все это міровоззрѣніе создано страстями, въ глубинѣ же души у большинства этой суемудрствующей интеллигенціи живетъ истинный Христосъ, Сынъ Божій, Самъ Богъ, источникъ свѣта и истины.

И какъ Спаситель Христосъ, будучи въ Своей земной жизни гонимъ, ругаемъ, распинаемъ, воскресъ въ концѣ концовъ и сѣлъ одесную Бога на небесахъ, такъ и Христосъ, живущій въ глубинѣ души этихъ людей, какъ бы ни былъ Онъ затменъ и поруганъ продуктомъ нашихъ страстей, подъ вліяніемъ различнаго рода жизненныхъ обстоятельствъ, можетъ воскреснуть въ славѣ своей и измѣнить весь строй жизни и убѣжденій того и другого заблуждающаго человѣка. Вотъ на эту то возможность и разсчитанъ актъ Церкви по отношенію Л. Н. Толстого, а нелогичный протестъ большинства, повторяю, только подтверждаетъ, что въ тайникахъ души этихъ, якобы невѣрующихъ, мерцаетъ еще истинный свѣтъ, придающій громадное значеніе для человѣка всему тому, чего лишается онъ актомъ отлученія. Вооружимся же противъ страстей нашихъ, распнемъ по совѣту апостольскому плоть нашу съ ея страстями и похотями въ просвѣтленіе душевныхъ очей нашихъ, во спасеніе души въ жизнь вѣчную!

Врачъ *Н. Апраксинъ.*

Нижній-Новгородъ.

XV.

Достойно и праведно.

(По поводу отлученія графа Л. Н. Толстого отъ Церкви,— отвѣтъ отлученному и его супругѣ С. А. Толстой на ихъ письма).

По поводу отлученія отъ Церкви графа Льва Николаевича Толстого, въ 1901 году, возникла переписка между супругою графа Софьею Андреевною и Высокопреосвященнымъ Митрополитомъ Антоніемъ, а затѣмъ послѣдовало и сознаніе самого графа Льва Николаевича предъ Св. Синодомъ о своемъ отреченіи отъ Христа—Спасителя, помѣщенное въ іюньскомъ № Миссіонерскаго Обозрѣнія за 1901 годъ.

Переписка эта въ свое время надѣлала не мало шума, произвела неотразимое впечатлѣніе на людей вѣрующихъ и невѣрующихъ, народила много толковъ вкривь и вкось.

Нынѣ это событіе, какъ и все въ жизни человѣческой,—потеряло уже свой острый характеръ, перестало такъ живо волновать и возбуждать страсти, сошло, какъ говорятъ, въ архивъ исторіи. Почему нынѣ и явилась возможность со спокойною мыслію выяснить то зловредное вліяніе, которое мы, простые смертные, испытали въ своихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ и колебаніяхъ подъ нравственнымъ давленіемъ знаменитаго авторитета, взявшаго на себя несчастную роль проповѣдника атеизма, исповѣдать предъ читающею публикою тотъ путь, которымъ мы старались освободиться отъ навѣяннаго намъ религіознаго зла, и, вмѣстѣ съ симъ, изложить графу Льву Николаевичу и графинѣ Софьѣ Андреевнѣ Толстымъ причины, по коимъ мы не можемъ имъ отвѣтить тѣмъ сочувствіемъ, которое они встрѣтили, по словамъ графини, отъ людей всѣхъ странъ и народовъ.

Начнемъ съ переписки графини и графа Толстыхъ съ духовною властью.

Графиня Софья Андреевна въ письмѣ къ Митрополиту Антонію, выражая свое горестное негодованіе, по случаю отлученія супруга ея отъ Церкви и одновремен-

но отказа въ похороненіи его по смерти по церковнымъ обрядамъ, находитъ утѣшеніе въ томъ, что событіе это возбудило къ нимъ сочувствіе людей всѣхъ странъ и народовъ и что такимъ заявленіямъ, по ея увѣренію, *конца не будетъ отъ всего міра.*

Какъ бы въ подтвержденіе сихъ словъ, и въ нашемъ отечествѣ многіе не преминули тотчасъ, по отлученіи графа, откликнуться своими сочувствіями.

Извѣстно изъ газетъ (Россія 26 марта, 16, 24, 31 іюля 1901 г. №№ 688, 797, 805, 812), что въ Петербургѣ поклонники гр. Л. Н., собравшись въ *большомъ* числѣ, поспѣшили украсить портретъ графа и подножіе его цвѣтами, и учинить предъ нимъ овацію. Овація повторилась и со стороны *многихъ* другихъ почитателей графа изъ петербургской публики, причемъ этими многими отправлена была графу телеграмма съ пожеланіями дорогому *учителю* „многихъ лѣтъ; затѣмъ изъ Кишинева, Корочи, Симбирска и другихъ мѣстъ посыпались телеграммы *отъ массы* интеллигентныхъ лицъ, съ пожеланіями графу Л. Н.: выздоровленія *„на благо человѣчества и родины“*, „для продолженія славнаго служенія идеаламъ правды и любви во благо человѣчества“, „еще долгіе годы стоять въ главѣ человѣчества, на радость и счастье тѣхъ милліоновъ людей, въ сердцахъ которыхъ вы пробуждаете любовь къ добру и правдѣ“.

Увѣренность въ непогрѣшимости графа Л. Н. Толстого въ семьѣ его была столь велика, что графиня Софья Андреевна не затруднилась, въ отвѣтъ на распоряженіе Св. Синода объ отлученіи Л. Н. отъ Церкви, прямо высказать *порицаніе* этому высшему духовному учрежденію и обвинить его, во 1-хъ, въ жестокости и *„безсмыслицѣ“* отлученія, ни къ чему болѣе не ведущаго, какъ къ всесвѣтному осужденію такого мѣропріятія и къ большему возвеличенію графа и, во 2-хъ, въ отсутствіи любви, предписанной завѣтами Христовой Церкви, что *„неминуемо“* падетъ на главу *„духовныхъ палачей“* графа, полагающихъ все величіе въ воскрыліи драгоцѣнныхъ одеждъ. Отлученный же отъ Церкви графъ, за его „смиренную жизнь, полную отреченій отъ земныхъ благъ, полную любви и помощи ближнимъ, будетъ, какъ увѣрена графиня, отъ Бога оправданъ“.

Таковые выводы, по словамъ С. А., могутъ быть

опровергнуты лишь *„лицемѣрными“* силлогизмами, а мѣропріятіямъ Синода выразятъ сочувствіе развѣ только однѣ Московскія Вѣдомости.

Въ свою очередь графъ Левъ Николаевичъ сообщилъ Св. Синоду свое сознаніе о дѣйствительномъ отреченіи отъ Христа и отечественной Церкви и, раскрывъ, какъ говорится, всѣ свои карты, даже глумился надъ предметами, составляющими драгоцѣнное достояніе всего христіанскаго міра, съ такой безцеремонной развязностію ихъ и съ такимъ—увы!—легкомысліемъ, которыя во всякомъ случаѣ, казалось бы, не соотвѣтствовали ни его высокому таланту, ни почтенному возрасту и общественному положенію, и которыя обнаружили въ немъ человѣка, безусловно увѣровавшаго въ непогрѣшимость своей мысли и своего отпаденія Достаточно указать на то, что, отвергая таинство Евхаристіи и низводя его на степень безсмысленнаго обряда, графъ провелъ сравненіе этого св. таинства съ обрядами полудикихъ остяковъ, мажущихъ своихъ идоловъ сметаною и сѣкущихъ розгами.

Это сознаніе графа Л. Н. предъ Св Синодомъ, сдѣланное во всеобщее свѣдѣніе, открыло намъ глаза на его вѣроученіе. До того же времени (намъ пришлось прочитать это сознаніе съ большимъ опозданіемъ) мы, что называется, пребывали въ *невѣдѣніи и преклоненіи...*

При существующемъ вообще въ свѣтскомъ обществѣ равнодушіи и индифферентномъ отношеніи къ религіознымъ вопросамъ, мы знали только, что графъ Л. Н. Толстой серьезно поглощенъ дѣломъ религіи, написалъ свое евангеліе, учитъ и поучаетъ письменно и словесно заграницею а въ отечествѣ, въ коемъ образовалась даже *секта толстовцевъ.*

Въ тоже время личность гр. Л. Н. была для насъ слишкомъ обаятельною. Мы, почитатели его таланта, видѣли въ немъ не только великаго писателя, но и серьезнаго мыслителя, человѣка положительнаго, но ужъ никакъ не легкомысленнаго колебателя христіанскихъ основъ.

Неожиданное для насъ, можно сказать, какъ снѣгъ на голову, отлученіе графа отъ Церкви и воспрещеніе хоронить его по ея обрядамъ не могло не поставить насъ въ крайнее недоумѣніе.

Мы думали въ тоже время: графъ Левъ Николаевичъ,

который въ исканіи религіозной истины, по собственному его сознанію, доходилъ до умопомѣшательства, до мысли о самоубійствѣ, который исходилъ пѣшкомъ монастыри, изъѣздилъ восточныя страны, изучилъ въ пожиломъ возрастѣ древніе языки, чтобы получить непосредственный доступъ къ религіознымъ первоисточникамъ, и такой человѣкъ и такая знаменитость, съ искрой Божіей въ душѣ, въ концѣ своихъ въ высшей степени добросовѣстныхъ и самоотверженныхъ поисковъ, въ концѣ своей жизни, пришелъ къ заключенію и несокрушимому убѣжденію, что слѣдуетъ жить по-христіански, но не вѣрить въ божественность Христа, и отпалъ отъ праотеческой Церкви?!

Соблазна для насъ грѣшныхъ, было не мало. Помимо нашей воли, закрадывались въ душу и сердце лукавые помыслы: да не правъ ли въ самомъ дѣлѣ графъ Левъ Николаевичъ Толстой, отступившій отъ Христа и Его Церкви?

Въ самомъ ли дѣлѣ Христосъ тотъ всемогущій Богъ, Творецъ вселенной, безчисленныхъ міровъ, всего видимаго и невидимаго, Который могъ попустить ничтожной твари своей такъ Себя уничижать, заушать, оплевать, сѣчь и распять позорною смертью на крестѣ?!

Спасаясь отъ нахлынувшаго на насъ невѣрія и сомнѣніе: Богъ или не Богъ Христосъ,—мы, какъ къ якорю спасенія, обратились къ первоисточнику христіанской вѣры, къ Евангелію, и въ немъ стали искать рѣшенія своихъ сомнѣній. Мы принялись штудировать евангелистовъ, и для ясности и наглядности, по студенческой привычкѣ, начали комбинировать все, что сказалъ о Себѣ примѣнительно къ этому вопросу Самъ Христосъ;—и вотъ эти свидѣтельства Его о Себѣ, какъ Богѣ.

* * *

— Я отъ начала Сущій. Я не отъ міра сего (Іоан. 8. 23—25).

— Я и Отецъ Одно. Отецъ болѣе Меня (Іоан. 10. 30. 14. 28).

— Какъ Отецъ имѣетъ жизнь въ Самомъ Себѣ, такъ и Сыну далъ жизнь въ Самомъ Себѣ (Іоан. 5. 26).

— Я во Отцѣ и Отецъ во Мнѣ. Видѣвшій Меня видѣлъ Отца (Іоан. 14. 9. 11).

— Отецъ Мой доселѣ дѣлаетъ и Я дѣлаю (Іоан. 5. 17).

— Все, что имѣетъ Отецъ, есть Мое. И все Мое Твое, и Твое Мое (Іоан. 16. 15. 17. 10).

— Кто любитъ Меня, тотъ соблюдетъ слово Мое; и Отецъ Мой возлюбитъ его и Мы придемъ и обитель у него сотворимъ (Іоан. 14. 23).

— Сія есть жизнь вѣчная, да знаютъ Тебя, Единаго Истиннаго Бога, и посланнаго Тобою Іисуса Христа (Іоан. 17. 3).

Такъ Богъ возлюбилъ міръ, что отдалъ Сына Своего Единороднаго, чтобы всякій, вѣрующій въ Него, не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную (Іоан. 3. 15).

— Я сошелъ съ небесъ не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшаго Меня Отца (Іоан. 6. 38).

— Воля же пославшаго Меня Отца есть та, чтобы изъ того, что Онъ далъ Мнѣ, ничего не погубить, но все то воскресить въ послѣдній день (Іоан. 6. 39).

— Мое ученіе—не Мое, но Пославшаго Меня (І. 7. 16).

— И нынѣ прославь Меня, Отче, у Тебя Самого славою, которую Я имѣлъ у Тебя прежде бытія міра (Іоан. 17. 5).

— Слушающій слово Мое и вѣрующій въ Пославшаго Меня имѣетъ жизнь вѣчную и на судъ не придетъ, но перешелъ отъ смерти къ жизни (Іоан. 5. 24).

— Вѣрующій въ Сына имѣетъ жизнь вѣчную, а не вѣрующій въ Сына не увидитъ жизни, но гнѣвъ Божій пребываетъ на немъ (Іоан. 3. 36).

— Вѣрующій въ Сына не судится, а невѣрующій уже осужденъ (Іоан. 3. 18).

— Отецъ не судитъ никого, но весь судъ отдалъ Сыну (Іоан. 5. 22).

— Дана Мнѣ всякая власть на небѣ и на землѣ (Мѳ. 28. 1).

— Если не увѣруете, что это Я, умрете въ грѣхахъ вашихъ (Іоан. 8. 24).

— Я есмь путь и истина и жизнь, никто не приходитъ къ Отцу, какъ только чрезъ Меня (Іоан. 14. 6).

— Я есмь жизнь вѣчная. Вѣрующій въ Меня имѣетъ жизнь вѣчную (Іоан. 6. 47. 48).

— Я свѣтъ міру. Кто послѣдуетъ за Мною, тотъ не будетъ ходить во тьмѣ; но будетъ имѣть свѣтъ жизни (Іоан. 8. 12).

— Я есмь воскресеніе и жизнь; вѣрующій въ Меня, если и умретъ, оживетъ (Іоан. 11. 25).

— Я есмь хлѣбъ жизни. Приходящій ко Мнѣ не будетъ алкать и вѣрующій въ Меня не будетъ жаждать никогда (Іоан. 6. 35).

— Я есмь дверь. Кто Мною войдетъ, тотъ спасется, и войдетъ и выйдетъ, и пажить обрящетъ (І. 10. 9).

— Я есмь пастырь добрый и знаю Моихъ и Мои знаютъ Меня (Іоан. 10. 14).

— Кто вѣруетъ въ Меня, у того изъ чрева потекутъ рѣки живой воды (Іоан. 7. 38).

— Кто жаждетъ, иди ко Мнѣ и пей (Іоан. 8. 37).

— Хлѣбъ же, который Я дамъ, есть плоть Моя, которую Я отдамъ за жизнь міра (Іоан. 6. 51).

— Ядущій Мою плоть и піющій Мою кровь имѣетъ жизнь вѣчную, и Я воскрешу его въ послѣдній день (Іоан. 6. 54).

— Отче! избавь Меня отъ часа сего (смертнаго), но на сей часъ Я и пришелъ (Іоан. 12. 27).

— Идемъ князь міра сего и во Мнѣ не имѣетъ ничего. Нынѣ судъ міру сему, нынѣ князь міра сего осужденъ и изгнанъ будетъ вонъ (І. 16. 11; 12. 31).

— Я видѣлъ сатану, спадшаго съ неба, какъ молнія (Лук. 10. 18).

— Никто не отнимаетъ (жизнь) у Меня, но Я Самъ отдаю ее: имѣю власть отдать ее и власть имѣю опять принять (Іоан. 10. 18).

— Я побѣдилъ міръ (Іоан. 16, 33).

— Я открылъ имя Твое человѣкамъ (Іоан. 17. 6).

— И когда Я вознесенъ буду, всѣхъ привлеку къ Себѣ (Іоан. 12. 32).

— И на имя Мое будутъ уповать всѣ народы (Мѳ. 12. 21).

— Придите ко Мнѣ, всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ. Возьмите иго Мое на себя и научитесь отъ Меня, ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ, и найдете покой душамъ вашимъ. Иго Мое благо и бремя Мое легко (Мѳ. 11. 28—30).

— Когда пріидетъ Утѣшитель, Котораго Я пошлю вамъ отъ Отца, Духъ истины, Который исходитъ отъ Отца, Онъ будетъ свидѣтельствовать о Мнѣ. Духъ истины прославитъ Меня, потому что отъ Моего возьметъ и возвѣститъ вамъ (Іоан. 15. 26; 16. 14).

— И проповѣдано будетъ сіе Евангеліе Царства во всей вселенной, и тогда придетъ конецъ (Мѳ. 24. 14).

— Пріидетъ Сынъ Человѣческій во славѣ Отца Своего и всѣ святые Ангелы съ Нимъ, тогда сядетъ на престолѣ славы Своей и воздастъ каждому по дѣламъ своимъ (Мѳ. 25. 31).

— Какъ молнія исходитъ отъ востока и видна бываетъ до запада, такъ будетъ пришествіе Сына Человѣческаго (Мѳ. 24. 27).

— Все предано Мнѣ Моимъ Отцемъ и никто не знаетъ Сына, кромѣ Отца; и Отца не знаетъ никто, кромѣ Сына и Кому Сынъ хочетъ открыть (Мѳ. 11. 27).

— Кто изъ васъ обличитъ Меня въ неправдѣ? Я знаю Бога Отца и если скажу не знаю, буду подобный вамъ лжецъ (Іоан. 8. 46).

— Вы ищете убить Меня, потому что слово Мое не вмѣщается въ васъ. Изслѣдуйте писанія, ибо они свидѣтельствуютъ о Мнѣ (Іоан. 8. 37; 5. 39).

— Слухомъ услышите, и не уразумѣете; и глазами смотрѣть будете, и не увидите, ибо огрубѣло сердце людей сихъ и не обратятся ко Мнѣ, чтобы Я исцѣлилъ ихъ (Мѳ. 13. 14. 15).

— Смотри: свѣтъ, который въ тебѣ, не есть ли тьма. (Лук. 11. 35).

— Ты Петръ, и на камнѣ семъ Я созижду Церковь Мою, и врата ада не одолѣютъ ея (Мѳ. 16. 18).

— Камень, который отвергли строители, тотъ самый сдѣлался главою угла (Мѳ. 21. 42).

— Домъ Мой домомъ молитвы наречется во всѣхъ народахъ (Мр. 11. 17. Мѳ. 26. 13).

— Гдѣ двое или трое собраны во имя Мое, тамъ Я посреди нихъ (Мѳ. 18. 20).

— Что вы свяжете на землѣ, то будетъ связано на небѣ и что разрѣшите на землѣ, то будетъ разрѣшено на небѣ (Мѳ. 18. 18).

— Кто отречется отъ Меня предъ людьми, отрекусь отъ него и Я предъ Отцемъ Моимъ небеснымъ (Мѳ. 10. 33).

Въ приведенныхъ Евангельскихъ текстахъ Христосъ открылъ Свою Божественную Личность ясно, опредѣленно, властно съ силою, не допускающею ни малѣйшихъ недоразумѣній и возраженій.

Все это, очевидно, могъ сказать о Себѣ *только* Богъ, или... или—невозможный проходимецъ и наглецъ!

Но весь абсурдъ послѣдней части предположенія, что это былъ лжецъ, опровергается всѣмъ Его высоконравственнымъ ученіемъ, всею Его самоотверженною, полною благости жизнью и тѣмъ, что Божество Свое Онъ проявилъ не только въ проповѣди при жизни, но и *на крестѣ* среди жесточайшихъ мученій, когда для человѣка немыслимъ становится какой либо обманъ, сказавъ покаявшемуся разбойнику: *днесь со Мною будеши въ раю,* и въ то же время молился за своихъ мучителей: Отче! отпусти имъ, не вѣдаютъ бо, что творятъ.

Вышеприведенныя Евангельскія слова о Христѣ возбудили въ насъ рвеніе къ дальнѣйшему уясненію Божественнаго Откровенія, какъ въ собственное назиданіе и укрѣпленіе себя въ вѣрѣ, такъ и въ опроверженіе нашего знаменитаго вѣроотступника, продолжающаго смущать совѣсть людей.

Вотъ еще данныя и соображенія, противъ существа которыхъ чаще всего приходится слышать сомнѣнія и возраженія, и которыя вошли въ категорію толстовскихъ отрицаній и даже глумленій. Предлагаемъ ихъ въ вопросахъ, отвѣты на которые являются сами сабою.

Могли ли бѣдные неученые рыбаки сочинить такого Бога, какъ Христосъ?

Могли ли тѣ же неученые рыбаки, воспринявшіе простымъ сердцемъ ученіе Христово, раскрывающее величайшія тайны Божіи *своими силами,* какъ бы геніальны они ни были, изложить это ученіе въ такой необычайной сжатости, умилительно возвышенной, безыскуственной, вѣрующей простотѣ, что оно стало доступно и дорого всякому безхитростному сердцу, жаждущему услышать глаголы жизни, если бы они не были люди *боговдохновенные,* и намъ ли, грѣшнымъ, исправлять ихъ?

Поэтому и усиліе графа Л. Н. написать свое евангеліе въ исправленіе Апостольскихъ не оказалось ли усиліемъ Крыловской *лягушки* (*Лягушка и волъ*)?

Царь и пророкъ Давидъ сказалъ: „вымысловъ человѣческихъ ненавижу, а законъ Твой люблю (Пс. 118, 113). Всѣ повелѣнія Твои, всѣ признаю справедливыми (118. 128). Дивны откровенія Твои, которыя Ты мнѣ заповѣдалъ,—правда и совершенная истина (138). Откровеніе словъ Твоихъ просвѣщаетъ, вразумляетъ *простыхъ*“ (118. 130).

И развѣ, если взглянуть, не умствуя лукаво, съ

фактической точки зрѣнія,—не чудо изъ чудесъ признаніе народами всего міра, образованными и необразованными, Богомъ бѣднаго еврея, проведшаго безпріютную жизнь въ лишеніяхъ, преслѣдованіяхъ, среди нищихъ и убогихъ, среди грѣшниковъ и развратниковъ, заглушеннаго, оплеваннаго, позорно казненнаго?

Развѣ также не чудо изъ чудесъ, что основанная ничтожными въ соціальномъ, имущественномъ и научномъ отношеніяхъ людьми Церковь стоитъ несокрушимо и отъ вратъ адовыхъ неодолѣнною безъ малаго 2000 лѣтъ?

Кромѣ свидѣтельства о Христѣ *очевидцевъ* учениковъ Его, а таковыхъ было не мало, всему міру извѣстно безчисленное множество свидѣтелей мучениковъ, исповѣдниковъ, отшельниковъ и иныхъ, которые принесенными ими *личными* жертвами сломили гордыню древняго языческаго міра.

Откуда явились эти чистыя, невинныя,цѣломудренныя дѣвы, которыя отдали свои непорочныя тѣла на позорныя истязанія за Небеснаго Жениха, Котораго и въ глаза не видѣли, каковы великомученицы Варвара, ученыя, умныя и прекрасныя царевны Екатерина, Александра и др.?

Зачѣмъ очаровательныя блудницы изсушали свои сладострастныя тѣла въ жгучихъ пустыняхъ, каковы Марія Египетская, Евдокія и др.?

Движимые какими побужденіями обратились въ послѣдователей Христа такіе философски образованные и высокоталантливые люди, какъ Апостолъ Павелъ, Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, изобрѣтатели Славянскихъ письменъ Кириллъ и Меѳодій, а сонмы великихъ ученыхъ іерарховъ Церкви на вселенскихъ соборахъ опредѣлили догматы вѣры Христовой?

Неужто все это были только тупые фанатики, люди заблуждающіеся или комедіанты, которые несли свой умъ, знанія, труды, таланты и свою жизнь въ продолженіе многихъ вѣковъ ради и во имя пустой фантазіи?!

Опровергать умственное и нравственное значеніе всѣхъ этихъ *свидѣтелей* не есть ли необъяснимая продерзость и жалкое легкомысліе? Просматривая житія святыхъ и мортирологію многотысячныхъ мучениковъ

15*

за Христа, не убѣждаешься ли, что все это были духовные гиганты, духовные провидцы, сумѣвшіе, при обширномъ, глубокомъ умѣ, безстрашной геройской душѣ и большой талантливости, простымъ, чистымъ сердцемъ и духовными очами провидѣть и познать въ Христѣ живаго истиннаго реальнаго Бога.

Доказательствомъ того, что это были люди благоугодные Богу, служитъ прославленіе ихъ отъ Бога нетлѣніемъ и чудесами по смерти.

Но говорятъ, что мощи святыхъ угодниковъ Божіихъ не что иное, какъ набитыя чучелы, но развѣ почти нацняхъ не были показаны всенародно нетлѣнныя мощи архіепископа черниговскаго Ѳеодосія?

Да и какая была бы цѣль правительствамъ всѣхъ образованныхъ странъ и частнымъ лицамъ столь единодушно вводить повсемѣстный гнусный обманъ, набивая вмѣсто тѣлъ чучелы и самимъ вѣрить въ эти чучелы? Не было ли достаточно времени разочароваться въ самообманѣ и отвернуться отъ него съ негодованіемъ? Однако-жъ во всѣхъ странахъ этого не сдѣлали и не дѣлаютъ, а продолжаютъ чтить угодниковъ Божіихъ и ихъ св. мощи.

Противъ мнѣнія, что мощи угодниковъ сохранены искусственно, какъ египетскія муміи, не свидѣтельствуетъ ли то соображеніе, что во время гоненій на послѣдователей Христа вся забота язычниковъ была уничижить, истязать и уничтожить этихъ послѣдователей, но никакъ не нести большіе расходы, чтобы сохранить и прославить ихъ истерзанныя тѣла. Самимъ же гонимымъ едвали было до того, чтобы бальзамировать тѣла убитыхъ сотоварищей, да и были ли у нихъ и средства для того?

Приписывать нетлѣніе угодниковъ свойству грунта земли не значило ли, отвергая одно чудо, признавать другое, что тамъ, гдѣ только угодники легли въ землю, а легли они по всѣмъ странамъ и вѣсямъ, тамъ вдругъ ни съ того, ни съ сего, почва дѣлалась способною сохранять именно ихъ тѣла нетлѣнными, а не всѣхъ остальныхъ людей, похороненныхъ съ ними рядомъ.

Людямъ, любящимъ блеснуть вольнодумнымъ остроуміемъ, слѣдовало бы отвергнуть тотъ *фактъ*, что нетлѣнныя тѣла повсемѣстно, во всѣхъ странахъ и вѣсяхъ, оказались принадлежащими именно тѣмъ людямъ,

которые всѣмъ и каждому были извѣстны своею святою жизнью и твердымъ исповѣданіемъ Христа, и что мощи этихъ людей, кромѣ нетлѣнія, проявляли и чудеса, засвидѣтельствованныя очевидцами всего міра. Не все же не вѣрить, да не вѣрить. Нужно же когда и чему нибудь и повѣрить, на что же и вложена въ человѣческую душу способность вѣры. Не всѣ же между этими свидѣтелями были невѣжды и слѣпые фанатики; встрѣчаются между ними люди и высокообразованные и высокопоставленные, заслуживающіе полнаго довѣрія.

Коснувшись дѣла *вѣры*, въ смыслѣ довѣрія, остается разобраться и въ вопросѣ: Евхаристія—таинство ли Божіе, или нѣчто въ родѣ колдовства и волшебства религій Тао, Браминовъ и другихъ восточныхъ народовъ? И какую это чашу спасенія Царь Давидъ предлагалъ людямъ? Чашу спасенія пріиму, Имя Господне призову. Вкусите и видите, яко благъ Господь. Блаженъ человѣкъ, который уповаетъ на Него (Пс. 33, 9; 115, 4).

Взгляните на небо,—и если ничѣмъ не поразитесь, спросите астрономовъ: сколько тамъ необъятныхъ чудесъ математики и механики?

Оглянитесь вокругъ себя,—и если очи ваши притупились отъ ежедневнаго созерцанія и пользованія разсыпанными благами и чудесами, спросите ботаниковъ, зоологовъ, физиковъ, химиковъ, медиковъ, біологовъ, бактереологовъ,—не чудною ли, изумительною гармоніею устроено все въ природѣ,—все премудростію сотворилъ еси, поется въ нашихъ церквахъ,—все живетъ, цвѣтетъ, благоухаетъ!

Загляните внутрь себя, въ свою душу, полную поэзіи, художественныхъ, духовно-гуманныхъ стремленій, и скажите: безличная ли, безстрастная ли *„душа міра"*, или живой Богъ создалъ этотъ міръ, полный безчисленныхъ чудесъ?

Вѣрующій въ такого Бога,—(и можно ли не вѣровать?)—Бога необъятныхъ и непостижимыхъ *чудесъ*, который при томъ такъ возлюбилъ міръ, что и Сына Своего Единороднаго отдалъ, чтобы всякій вѣрующій въ Него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную (Іоан. 3, 15), дерзнетъ ли усумниться, что во всѣхъ дѣяніяхъ Церкви *Его* на землѣ невидимо почиваетъ благодать Отца Небеснаго, и—освящаемыя Духомъ Его Святымъ, дѣйствія ея, кажущіяся обрядомъ, таинственно и непости-

жимо *для ума* человѣческаго становятся таинствомъ Божіимъ.

У человѣка вѣдь все обрядъ, вся жизнь состоитъ изъ обрядовъ. Графъ Л. Н. Толстой катается верхомъ—обрядъ. Но въ этомъ обрядѣ не заключается ли мысль: такимъ образомъ сберечь здоровье, мысль самосохраненія,—и дѣйствительно эта мысль осуществляется: графъ отъ катанія верхомъ здоровѣетъ. Садимся мы за столъ обѣдать и ужинать съ соблюденіемъ всей—комедійной обстановки,—вѣдь тоже обрядъ? Но этими, повидимому, чисто реальными дѣйствіями, не поддерживается ли таинственно вся жизнь человѣка, всѣ не только матеріальныя, но и духовныя функціи человѣческой природы? Исполненіемъ, повидимому, этого грубаго, матеріальнаго обряда не обязаны ли мы тѣмъ, что, напр., Бетховенъ, Гете, Пушкинъ, наконецъ, самъ графъ Л. Н. Толстой подарили насъ своими прекрасными нравственными и духовными произведеніями?

Почему же обряды крещенія, причащенія Св. Таинъ и проч. не могутъ имѣть своихъ высшихъ духовныхъ послѣдствій въ исполняющемъ ихъ съ вѣрою человѣкѣ, когда эти видимые обряды служатъ воспоминаніемъ принесенной за насъ искупительной жертвы и завѣтомъ таинственнаго единенія человѣка съ Богомъ?

Сравненіе же графа Л. Н.—уподобленіе Св. Таинъ Евхаристіи мазанію сметаною и сѣченію идоловъ у остяковъ—служитъ лишь доказательствомъ, съ одной стороны, на какой низкой степени умственнаго и нравственнаго развитія стоятъ остяки, а съ другой стороны, насколько умъ нашего великаго писателя тенденціозенъ, матеріаленъ, парадоксаленъ и... циниченъ. Мы не знаемъ, насколько самъ графъ Л. Н. Толстой вѣритъ своимъ уподобленіямъ, и даже весьма сомнѣваемся, чтобы нравственное и художественное чувство его позволяло ему въ это вѣрить; но что подобныя уподобленія доставляютъ, такъ сказать, сердечныя именины и случай злорадно похохотать его послѣдователямъ, а легковѣрныхъ отвращаютъ отъ Христовыхъ Таинствъ, не подлежитъ сомнѣнію, хотя для всякаго христіанскаго чувства уподобленія эти прямо омерзительны.

* *
*

Приведенныя выше слова Христа о Самомъ Себѣ, какъ Богѣ, и вышеизложенныя соображенія, вытекаю-

щія изъ неопровержимыхъ историческихъ событій и фактическихъ данныхъ, разсѣяли во мнѣ нахлынувшія было невѣрія и сомнѣнія, вызванныя отпаденіемъ нашего великаго писателя графа Л. Н. отъ Церкви.

Но я, грѣшный человѣкъ, не ограничился всѣмъ этимъ. Мнѣ захотѣлось прослѣдить тотъ *путь, который, какъ я полагаю, привелъ графа Л. Н. къ отпаденію* отъ отеческой Церкви, и проштудировать, *хотя поверхностно*, вѣроученія у другихъ народовъ, особенно на востокѣ, колыбели всѣхъ религій;—не нашелъ-ли тамъ графъ Л. Н. лучшаго Бога.

Обзоръ религіозно-нравственныхъ вѣрованій у народовъ разныхъ странъ и временъ подтверждаетъ высказанную Пр. В. Рождественскимъ мысль (Осн. Богосл стр. 311), что хотя дѣйствительное явленіе и утвержденіе христіанства въ мірѣ начинается со времени пришествія Христа въ міръ, но въ сущности начало его восходитъ къ самымъ первымъ временамъ человѣчества.

Въ этомъ дѣйствительно убѣждаютъ слѣдующія сопоставленія языческихъ вѣрованій съ христіанскими.

Троичность христіанскаго Бога предугадали индійцы въ знаменитой Браминской Тримурти, греческіе философы въ ученіи о Логосѣ (Словѣ); даже атеистическій Будда не былъ свободенъ отъ представленія о троичности и высказалъ вѣрованія въ прошедшее, настоящее и будущее, обратившееся на почвѣ китайской въ тройственное божество—тримурти: (разумъ), Драхма (законъ) и Сайгалъ (согласіе). Еврейскіе пророки восклицали: Святъ, Святъ, Святъ Господь Богъ. *Словомъ* Господа сотворены небеса и *Духомъ* устъ Его—все воинство (36. 6). Ибо Ты возвеличилъ *Слово* Твое превыше всякаго имени Твоего (137. 2).

Греческіе миѳы передаютъ намъ исторію, подобную библейской, о возстаніи противъ Бога (Зевеса) Титановъ, увлекшихъ небесныхъ духовъ, и о растерзаніи ими Бога Діониса—загрея воскресшаго, о происхожденіи первороднаго грѣха отъ чувственнаго титаническаго начала. Подобныя же сказанія встрѣчаются и у браминовъ о мятежномъ Магазурѣ. Сказанія о вѣчной борьбѣ духа тьмы съ духомъ свѣта, Аримана съ Ормуздою, составляютъ суть вѣроученія Зороастра въ древнемъ Иранѣ.

У всѣхъ древнѣйшихъ народовъ сохранились пре-

данія о золотомъ вѣкѣ первыхъ людей,—библейскомъ земномъ раѣ.

Причина паденія человѣка у древнихъ объясняется, подобно библейскимъ сказаніямъ, похищеніемъ небеснаго огня противъ воли бога Зевса и соблазномъ мужа женою Пандорою. Конфуціево наставленіе: „не вѣрь женѣ“ показываетъ, какъ памятно было китайскому философу преданіе о соблазнѣ Адама Евою въ раю.

Древніе народы вѣровали въ воскресеніе мертвыхъ, загробную жизнь; и страшный судъ. Второе лицо Браминской тримуртп, *Вишну*, въ послѣднее воплощеніе явится въ своемъ божественномъ видѣ на бѣломъ конѣ, съ мечомъ, блистающимъ подобно кометѣ, для окончательнаго искорененія зла на землѣ и воздаянія каждому по дѣламъ. По сказанію Зороастра, персидскаго пророка: послѣ всевозможныхъ скорбей, войнъ, голода, бѣдствій, болѣзней явится мессія *Сосіоша,* Искупитель, воскреситъ умершихъ и освободитъ отъ Аримана. Онъ дастъ напиться людямъ соку изъ дерева гомъ, древа жизни, отъ этого они сдѣлаются безсмертными и тѣломъ и духомъ. Онъ будетъ судить людей, однимъ будетъ радость, другимъ горе. Царь Давидъ пророчествовалъ: почтите *Сына,* чтобы Онъ не прогнѣвался и чтобы вамъ не погибнуть въ пути вашемъ, ибо гнѣвъ Его возгорится вскорѣ (2. 12). Онъ идетъ судить землю. Онъ будетъ судить вселенную праведно и народы вѣрно (97. 9). ***Возстань, Судія*** земли, воздай возмездіе гордымъ. Боже отмщеній, яви Себя! (93. 2). ***Возстань,*** Боже, суди землю, ибо Ты наслѣдуешь всѣ народы (81. 8). Всѣ концы земли увидятъ спасеніе Бога нашего, ибо Онъ сокрушилъ врата мѣдныя и верси желѣзныя сломилъ. ***Послалъ Слово Свое*** и исцѣлилъ ихъ и избавилъ ихъ отъ многихъ ихъ (106. 16. 20).

О раѣ и адѣ у древнихъ народовъ встрѣчаемъ поразительныя сходства въ подробностяхъ. Въ адъ сходилъ браминскій мессія Вишну; Зороастръ былъ восхищенъ, подобно Апостолу Павлу, на небо и испыталъ тамъ неизглаголанныя радости и блаженство.

По откровенію Зороастра—Офмуздъ, творецъ вселенной, словомъ—„да будетъ“ сказалъ Ариману, началу тьмы: первые 3000 лѣтъ надъ міромъ буду царствовать *я*; вторые 3000 лѣтъ будемъ царствовать вмѣстѣ—я и ты; послѣдніе 3000 лѣтъ будешь царствовать ты одинъ;

затѣмъ произойдетъ между нами борьба, явится *Сосіоша* (мессія), и ты будешь побѣжденъ.—Въ этомъ сказаніи о борьбѣ тьмы со свѣтомъ заключается вся суть вѣрованій древнихъ народовъ и христіанъ. Оно получаетъ какъ бы подтвержденіе въ самой молитвѣ Господней. Если бы Творецъ и Зиждитель неба и земли не отвратилъ лица Своего отъ помраченнаго грѣхомъ человѣка, то къ чему бы Сыну Божію, вѣдающему тайны небесныя, учить людей, *молить* Владыку земли и неба о томъ, что само собою разумѣется и должно быть въ порядкѣ вещей: да пріидетъ царствіе Твое, да будетъ воля Твоя и чтобы Онъ избавилъ ихъ отъ лукаваго. При томъ въ одномъ словѣ: „*Отче нашъ*“ возстановляются дорогія сыновнія отношенія, отпавшаго отъ Бога человѣка, и сколько любви въ одномъ этомъ словѣ!

Во всѣхъ религіяхъ прошла основная мысль *о возмездіи*, котораго, конечно, не могло бы быть, если бы не совершилось преступленія. Подобно библейскому сказанію, титанъ Прометей (злой духъ) за похищеніе небеснаго огня подвергнутъ былъ жестокой казни; греческіе титаны, браминскій Магазура, персидскій Ариманъ и падшіе ангелы низвергнуты, а родъ людской подвергнутъ бѣдствіямъ, страданіямъ на землѣ и въ аду.

Вѣра въ спасеніе отъ возмездія *собственными* силами человѣка, сколь ни поучалъ объ этомъ Будда, была нетверда въ людяхъ, доказательствомъ чего служитъ повсемѣстное почти суевѣріе въ очищеніе отъ грѣховъ посредствомъ душепереселеній.

Явилось упованіе на спасеніе людей *Мессіею*, вѣра въ пришествіе Котораго была у всѣхъ народовъ. У браминовъ мессіею является Вишну, второе лицо тримурти; у иранцевъ Сосіоша; у евреевъ Христосъ (Прор. Дан. гл. 9, 26). Римскій поэтъ Горацій сказалъ: ни одинъ смертный, даже самый праведный, не въ состоян и примирить насъ съ небомъ. Одинъ Богъ можетъ совершить это великое дѣло. Да низойдетъ онъ съ высоты небесъ, видя наши бѣдствія (Христ. Чт. 1853 г. ч. II стр. 261).

Всѣ народы вѣровали, что Мессія родится *отъ Дѣвы*. Китайскому Лао-цзы приписывали многократное воплощеніе отъ духа полярной звѣзды (ангела), спустившагося *къ дѣвственной* матери; Будда родился отъ *дѣвственной* Майи, какъ свѣтлый лучъ пяти цвѣтовъ; въ Бга-

гавадѣ—гимнѣ Вишну говорится: когда наступитъ надменность беззаконія, *я сотворю самъ себя* и явлюсь отъ вѣка для спасенія добрыхъ, прекращенія несчастій и возстановленія правды.—Вѣрованіе это, надо думать, имѣло своимъ первоисточникомъ глаголъ Самого Бога, давшаго обѣтованіе еще первому человѣку при изгнаніи его изъ рая: „*сѣмя жены* (не сказано сѣмя мужа и жены, а только одной жены) *сотретъ главу змія.*“ Обѣтованіе это точнѣе разъяснено въ пророчествѣ Исаіи: „Се *Дѣва* во чревѣ пріиметъ и родитъ сына Еммануила, что значитъ съ нами Богъ. И царь Давидъ говоритъ: изъ чрева прежде денницы, подобно росѣ, рожденіе Твое (109. 3). *Сѣмя Его* пребудетъ вѣчно и *Престолъ Его* какъ солнце предо мною (88. 37. 109. 3).

Итакъ, Мессія, Искупитель, былъ „чаяніемъ языковъ“. Какой же міровой смыслъ Его миссіи? Сообщеніе-ли только нравственныхъ правилъ жизни? Нѣтъ, Христосъ подтвердилъ въ данномъ отношеніи *ученіе древнихъ* словомъ и примѣромъ: возлюби Бога всѣмъ сердцемъ и душою и ближняго какъ самого себя. По Его словамъ, на этихъ двухъ заповѣдяхъ „*древнихъ*“ (Мѳ. 22. 37—40) весь законъ и пророки держатся. Не думайте, что я пришелъ разорить законъ и пророковъ, не разорить пришелъ, но исполнить,—сказалъ Онъ (Мѳ. 5. 17—). И дѣйствительно, Онъ явилъ кротость, смиреніе покорность волѣ Божіей въ отпоръ гордынѣ и противленію человѣческому; Онъ не отвратился съ омерзѣніемъ отъ падшаго человѣка, погрязшаго въ порокахъ, отнесся къ нему съ состраданіемъ, всепрощеніемъ, врачеваніемъ, благотворилъ безъ конца, не возмущаясь неблагодарностью облагодѣтельствованныхъ, разъяснилъ, что значитъ „ милости хочу, а не жертвы“ и призывалъ къ Себѣ труждающихся и обремененныхъ для успокоенія;—но, очевидно, не въ этомъ лежала главная задача пришествія Его.

Судьба и задача Мессіи предсказаны въ пророчествахъ царя Давида и Исаіи. Царь Давидъ пророчески описываетъ страданія и смерть Христа: всѣ видящіе Меня ругаются надо Мною, говорятъ устами, кивая головою и псы окружили Меня, скопище злыхъ обступило Меня, пронзили руки Мои и ноги Мои. Можно бы пересчитать кости Мои. А они смотрятъ и дѣлаютъ изъ Меня зрѣлище. Дѣлятъ ризы Мои и объ одеждѣ

Моей бросаютъ жребій. И дали Мнѣ въ пищу желчь и въ жаждѣ Моей напоили Меня уксусомъ. Сила Моя изсохла, какъ черепокъ, языкъ Мой прильпнулъ къ гортани Моей и Ты свелъ Меня къ персти смертной (Пс. 21, 9, 17, 19; 68, 22). Прор. Исаія въ такихъ словахъ провѣщалъ Искупителя: „Наказаніе міра нашего было на Немъ и язвами Его мы исцѣлились. Господь возложилъ на Него грѣхи всѣхъ насъ. Онъ истязуемъ былъ, пострадалъ добровольно. Ему назначили гробъ со злодѣями. Когда рука Его принесетъ *жертву умилостивленія*, воля Господня будетъ исполняться рукою Его“ (Ис. гл. 53, 1—12).

Вотъ въ чемъ заключалась миссія Христа, и къ кому же, какъ не къ Нему, относилось это пророчество? Въ пророчествѣ Даніила Мессія прямо названъ *Христомъ* (9, 25 26) и пришествіе Его на землю за 490 лѣтъ до Рождества Его было исчислено съ такою точностію, что только что родившемуся младенцу Христу пришли поклониться изъ отдаленныхъ странъ Ирана волхвы... И Самъ Христосъ сказалъ: если не увѣруете, что это *Я*, умрете въ грѣхахъ вашихъ (Іоан. 8. 24), и слово Свое Онъ подкрѣпилъ чудесами, крестною смертію и воскресеніемъ.

Вторая цѣль пришествія Мессіи была:—указать людямъ, кому они должны поклоняться.

Обзоръ религіозно-нравственной исторіи человѣчества обнаруживаетъ, какъ страстно, неотступно, самоотверженно до самозабвенія и самобичеванія человѣчество искало потеряннаго Бога. Оно блуждало, подобно человѣку, который въ младенчествѣ видѣлъ свѣтъ, но затѣмъ былъ лишенъ зрѣнія, скитался во мракѣ, и въ его памяти порой воскресали смутныя представленія о свѣтѣ. (Свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ, и тьма не объяла его, сказалъ евангелистъ Іоаннъ 1. 5). Единое вѣчное сознается; но попытки разума и философіи человѣческой постичь непостижимое недостаточны, сбивчивы и неясны, проблески Божеской истины только мелькали въ мракѣ заблужденій.

Разумъ, разумъ, твердили—греческіе мудрецы. Одинъ разумъ непогрѣшимъ. Онъ только можетъ быть безошибочнымъ критеріемъ истины. Но,—увы! Оказалось, что разумомъ невозможно постичь непознаваемаго, и люди пришли къ безысходному, отчаянно-безнадежному скеп-

тицизму. Мы знаемъ, что ничего не знаемъ, сказали въ концѣ концовъ греческіе философы и кончили тѣмъ, что на одномъ изъ своихъ жертвенниковъ начертали слова: „*Невѣдомому Богу*“.

Вспомнимъ слова Христа: „никто не знаетъ Сына, кромѣ Отца, и Отца никто не знаетъ, кромѣ Сына, и кому Сынъ хочетъ открыть. Я знаю Отца. Идите крестите всѣ народы во Имя Отца и Сына и Святаго Духа и Я съ вами до скончанія вѣка. Я пошлю вамъ Духа Святаго, Который напомнитъ вамъ все, что Я говорилъ“.

Исполняя вторую задачу Своей спасительной миссіи, Христосъ открылъ роду человѣческому Истиннаго Бога и тайны царствія Божьяго. Воскресеніемъ же изъ мертвыхъ Онъ побѣдилъ смерть и діавола, и пророкъ Осія, провидя это за нѣсколько сотъ лѣтъ, воскликнулъ: смерть, гдѣ твое жало? Адъ, гдѣ твоя побѣда? (13, 14).

И такъ народы всѣхъ странъ свидѣтельствуютъ:

Что существуетъ Богъ Личный, Живой и Троичный. Что существуетъ—Титанъ, Магазура, Мара, Ариманъ, Азаилъ, Вельзевулъ, Сатана, *могучій духъ*, подъ разными наименованіями у разныхъ народовъ, возставшій противъ Бога и заразившій грѣхомъ гордости и сопротивленія отпавшихъ ангеловъ и человѣка.

Что на человѣка легло проклятіе Божіе, отъ котораго онъ не могъ освободиться своими силами.

Что для искупленія человѣка отъ проклятія долженъ былъ сойти съ неба Мессія, Который есть Христосъ.

Что существуетъ загробная жизнь *съ возмездіями.*

Всего изложеннаго, имѣющаго за собою историческую достовѣрность, нельзя отрицать, какъ невозможно отрицать существованія священныхъ книгъ Ведъ, Библіи, Зендъ—Авеста, Евангелія, Корана, древнихъ поэтическихъ твореній Гомера, Гезіода, Горація, Виргилія, греческихъ философовъ, новѣйшихъ поэтовъ Данте, Аллигіери, Мильтона, Гете и др., наконецъ, твореній святителей восточной и западной христіанской церкви.

Нельзя также отвергать ту аксіому, что ни умъ человѣческій, ни самая пылкая фантазія не могутъ себѣ представить того, чего не существуетъ въ вселенной, а между тѣмъ душѣ человѣка дано *вѣрою* разумѣвать существованіе міра невидимаго...

Всего ли этого не знать нашему великому писателю, знатоку откровеннаго писанія и вѣроучителю графу Льву Николаевичу Толстому?

Послѣ всего сказаннаго назойливо напрашивается вопросъ уже не о томъ, Богъ или не Богъ Христосъ, а вопросъ чисто психологическаго свойства: какъ могъ нашъ великій писатель, обладающій большимъ умомъ пытливостью, наблюдательностію и знаніями, вопреки фактамъ и очевидности, придти къ невѣрію въ Мессію, Бога-Христа?

Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ повѣрить, чтобы человѣкъ, сознающій въ себѣ искру Божію, ею гордящійся и ею основавшій свою земную славу, человѣкъ, въ которомъ живутъ стремленія къ высокимъ нравственнымъ идеаламъ, самъ топталъ свою славу въ грязь и *сознательно* доказывалъ, что послѣ смерти личная, живая душа его испарится въ ничто, не озадачиваясь даже наглядными обыденными явленіями превращеній въ мірѣ животныхъ (яичко, червякъ, бабочка), въ пшеничномъ зернѣ, которое, сгнивъ, даетъ новый, лучшій, удесятеренный ростокъ, поддерживающій существованіе животнаго міра, и такъ далѣе въ безконечную круговую. Червякъ и пшеничное зерно возрождаются самобытно, въ родѣ и видѣ своемъ неизмѣнно, а искра Божія, душа, геній великаго писателя потеряетъ свою личную *самобытность* и уничтожится! Послѣ того къ чему же жить, любить, страдать, дознаваться истины, приносить жертвы, пробавляться, такъ сказать, нравственными идеями, идеалами и распространять ихъ столь ревностно въ народѣ, котораго назначеніе исчезнуть тѣлесно и духовно? Не послѣдовательнѣе ли признать себя прямо, необянуясь, животнымъ?

Впрочемъ, въ понятіяхъ графа Л. Н. о загробной жизни, нужно полагать, въ послѣднее время произошла какая-то метаморфоза, или колебаніе... Въ то время, какъ лица, очевидно близко знающія графа Л. Н., свидѣтельствуютъ о высказанномъ имъ невѣріи въ загробную жизнь (письма къ графу Л. Н. Т., помѣщенныя въ іюльскомъ № Миссіон. Обозр. стр. 782—835), въ бюллетеняхъ о ходѣ болѣзни, постигшей графа въ 1901 году (газ. „Россія“ №№ 5—13 за іюль мѣсяцъ), сообщается нѣчто другое, какъ бы оправдывающее изумленіе прот. І. Соловьева, В. Скворцова и Кальдерона по поводу встрѣчаемыхъ противорѣчій въ произведеніяхъ, воззрѣніяхъ и образѣ жизни графа Л. Н. Въ

бюллетеняхъ сообщалось, что графъ на смертномъ одрѣ восторженно проповѣдывалъ о *мировой* религiи во главѣ съ Буддою, Конфуцiемъ, Сократомъ, Моисеемъ, былъ поглощенъ перепискою съ индiйскимъ мудрецомъ и нѣмецкимъ ученымъ *объ эпизодѣ* перехода въ загробную жизнь, и въ тоже время держалъ въ своей комнатѣ полутора-аршинную икону и читалъ евангелiя апостольскiя. Получивъ облегченiе отъ болѣзни, онъ произнесъ какъ-бы пророческiя для себя слова: „видно дана мнѣ отсрочка“ (кѣмъ, не объяснилъ) и, хвалясь небывалою ясностiю мыслей, описывалъ пережитый имъ моментъ болѣзненнаго кризиса, когда жизнь его висѣла на волоскѣ между здѣшнимъ и „*тѣмъ*“ (?) мiромъ, когда онъ почувствовалъ... „вотъ, словно, я качусь съ горы на мягкихъ шинахъ съ необыкновенною быстротою *въ какую-то блаженную страну, полный радужныхъ ожиданiй*“. Послѣ такого предсмертнаго видѣнiя, графъ высказалъ намѣренiе: „написать книгу и разсказать людямъ, убѣдить ихъ, что смерть не страшна и за этою жизнью должна быть другая *особенная* жизнь“...

Но развѣ не только разсказами, но и ученiями о загробной жизни не переполнены и языческiя и христiанскiя книги, какъ это явствуетъ изъ обзора религiй, и можно ли сказать въ этомъ отношенiи еще что-нибудь новое?! И самъ графъ Л. Н. до своего полученнаго въ болѣзни откровенiя ничего объ этомъ не зналъ?!

И мы не въ правѣ-ли теперь спросить нашего великаго писателя и учителя: на какой же почвѣ—буддiйской, браминской, юлiановской, сократовской, стоиковъ, сдѣлано ему *новое* откровенiе о загробной жизни?!— Если не на почвѣ христiанской, то не будетъ ли это „послѣднее горше перваго, ибо тогда очевидно, по мнѣнiю графа Л. Н., Христосъ солгалъ, сказавъ: „Я есмь жизнь вѣчная. Вѣрующiй въ Меня имѣетъ жизнь вѣчную. Я есмь воскресенiе и жизнь. Вѣрующiй въ Меня, если и умретъ оживетъ (Ев. Iоан. 6. 47—48. 6. 35).

Не легко также повѣрить и тому *сократовскому* увѣренiю графа Л. Н., что смерть не страшна, когда болѣе авторитетно и правдиво сказано: „смерть грѣшника люта“... И дѣйствительно, возможно ли человѣку *бравировать* и легкомысленно относиться къ переходу въ загробную жизнь, когда *вѣковѣчная* участь его тамъ полна неизвѣстности и зависитъ отъ суда Божьяго!..

По поводу предсмертнаго видѣнія графа Л. Н. невольно приходитъ на память эпизодъ изъ жизни Печерскаго затворника Исаакія, который возмечталъ себя въ затворѣ святымъ, достойнымъ явленія предъ нимъ Христа, но былъ посѣщенъ діаволомъ во образѣ и славѣ Христа, послѣ каковаго визита, пролежавъ въ безпамятствѣ два года, Исаакій низвелъ себя на степень монастырскаго судомойки, и этимъ путемъ достигъ прославленія отъ Бога.

Отрицательное вѣроученіе графа Л. Н. *для меня лично* необъяснимый абсурдъ, который можетъ быть истолкованъ развѣ абсурдами въ родѣ слѣдующихъ.

Да ужъ не юродивый ли Онъ Христа—ради по вѣрѣ отцевъ нашихъ? Вѣруя во Христа, для вящшаго спасенія души, не прикидовается ли онъ атеистомъ ради порицаній и гоненій? Не проповѣдуетъ ли графъ полное отрицаніе, дабы раззадорить людей, возбудить интересъ къ религіознымъ вопросамъ, и тѣмъ оживить религіозный индифферентизмъ въ интеллигентномъ обществѣ, будучи увѣренъ, что нелѣпость отрицанія Христа, какъ Бога, не трудно опровергнуть и потому отрицательное ученіе его, принеся своего рода пользу разоблаченіемъ, не будетъ гибельнымъ, каковымъ оно несомнѣнно было бы безъ такого исхода.

Другое абсурдное толкованіе невѣрія графа Л. Н. могло бы истекать изъ основныхъ свойствъ ума, характера и воспитанія великаго писателя.

Кому изъ насъ неизвѣстно, что религіозное образованіе поставлено у насъ вообще очень дурно. Причину индифферентизма и даже невѣрія у насъ нужно искать въ системѣ схоластическаго религіознаго воспитанія. Зубреніе съ отмѣткой „отселева до селева“, не затрогивая ни души, ни сердца, прямо убиваютъ своимъ формализмомъ и легкомысленнымъ отношеніемъ къ дѣлу наши вѣрованія. Жизнь и соблазны доканчиваютъ наше воспитаніе въ этомъ направленіи. И вотъ выходитъ то, что мы вѣримъ и не вѣримъ, стыдимся открыто сознаться въ нашемъ вѣрованіи, кощунствуемъ даже, чтобы показаться передовыми и умными людьми, хотя въ тоже время, когда грянетъ громъ, крестимся въ карманѣ.

Тѣ же изъ насъ, болѣе серьезные, которые пускаются въ изслѣдованія религіозныхъ истинъ, безъ кор-

мила и весла, своимъ разумомъ и силами, чаще всего запутывается въ дебряхъ Эллинской филоссофіи, браманизма, буддизма и иныхъ измовъ и тайны Христовы смѣшиваютъ съ существующими на востокѣ теософическими фокусами и бреднями, волшебствами и колдовствами, а компетентныхъ собесѣдованій избѣгаютъ изъ опасенія „*пассовъ*“ и „гипнотизированія“.

Намъ сдается, что все несчастіе нашего великаго писателя въ томъ, что онъ вступилъ на несвойственный его реальному уму и таланту религіозный путь, каковой путь, вѣроятно, не соотвѣтствуетъ также и природному характеру его. Сколько помнится, И. С. Тургеневъ высказывался о графѣ Л. Н., какъ о характерѣ гордомъ, непреклонномъ, самобытномъ, самолюбивомъ, своенравномъ, и смѣломъ до дерзости, привыкшемъ, не деликатничая, называть предметы, какими они кажутся его парадоксальному уму, своими именами. Въ послѣднемъ лучше всего убѣждаетъ его новая исповѣдь.

Реальный и парадоксальный умъ графа Л. Н., очевидно, не могъ постигнуть Христа, какъ Бога. Графъ—Ѳома невѣрный, который можетъ убѣждаться только осязательно, „вложивъ пальцы въ ребра“. Подобно Буддѣ, Конфуцію, графъ отказывается вѣрить тому, чего разумъ постичь не можетъ, но не отъ критики непостижимаго, какъ это сдѣлали древніе языческіе вѣроучители. Въ тоже время графъ не могъ художественнымъ чутьемъ своимъ не чувствовать всего величія и обаятельности образа Христа. Тѣже нравственныя правила жизни проповѣдывали и Будда и Конфуцій и брамины и Зороастръ, и греки; но, нѣтъ, въ Христѣ видно чувствуется еще *нѣчто* такое, что заставляетъ отдать предпочтеніе Ему, и вотъ явилось раздвоеніе. Графъ, вѣруя въ Христа, въ тоже время глумится надъ своимъ идеаломъ, свелъ Его съ пьедестала Бога, чтобы самому возсѣсть на этотъ пьедесталъ. Точно подталкиваемый *кѣмъ-то*, онъ покатился внизъ съ горы на мягкихъ шинахъ съ необычайной быстротою въ какую-то блаженную страну, полный радужныхъ ожиданій, изрыгая въ тоже время ужасныя хулы на подвигъ искупленія, и, какъ зарвавшійся игрокъ, поставилъ, очертя голову, на карту судьбу будущей вѣковѣчной жизни своей, и что же въ самомъ дѣлѣ вышло-бы, если бы

поверхъ человѣческаго самодурства и сатанинскихъ наважденій не существовали неизреченная благость, милосердіе и всепрощеніе попираемаго и хулимаго галилеянина?!

Мы знаемъ, графъ Л. Н. обладаетъ великимъ пластическимъ талантомъ писательства, большимъ умомъ и начитанностію; но обладаетъ ли онъ великою душею и сердцемъ, узнаемъ потому, какъ онъ воспользуется *данною ему отсрочкой*. Станетъ ли онъ убѣждать людей, что смерть не страшна и за этою жизнью должна быть еще другая *особенная* жизнь, или... вспомнивъ свое дѣтство и отрочество и благостный призывъ „придите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные и *Я* успокою васъ"... побѣдитъ въ себѣ гордыню и ложный стыдъ, со слезами смиренія и покаянія припадетъ къ стопамъ поруганнаго имъ галилеянина не только во спасеніе свое, но во спасеніе своего панурговаго стада...

Проштудировавъ евангелія апостольскія, исторію вѣрованій древнихъ языческихъ народовъ, всѣ вышеизложенныя данныя, факты и соображенія, я сказалъ себѣ: не могу быть богомъ, потому что Онъ, *Единый*, Сущій надо мною; не хочу быть животнымъ, притомъ животнымъ неблагодарнымъ Богу моему, несомнѣнно и неопровержимо Богу живому, личному, въ Троицѣ славимому, Богу Искупителю моему, пострадавшему за меня на крестѣ и открывшему мнѣ райскія двери для вѣковѣчнаго созерцанія высшихъ чистѣйшихъ, божественныхъ идей и идеаловъ. Пелена спала съ глазъ моихъ, и я сказалъ: вѣрую, Господи, помоги моему невѣрію и ослѣпленію! И какія бы причины не побудили графа Л. Н. Толстого отречься отъ Христа и смѣшивать несовершенства „*долгополыхъ* и *длинноволосыхъ*", какъ служителей алтаря Божія, *съ существомъ* религіи, я рѣшился сказать и графу: нѣтъ, дорогой графъ Левъ Николаевичъ, вѣрны или невѣрны мои абсурдныя догадки и соображенія относительно вашихъ метаморфозъ, но если вы не вѣруете во Христа, какимъ Онъ Себя открылъ по евангеліямъ апостольскимъ,—я не вашъ соратникъ и только готовъ поблагодарить васъ, что инцидентъ отлученія васъ отъ Церкви и пререканія ваши и супруги вашей съ Синодомъ возбудили во мнѣ желаніе серьезнѣе проштудировать Евангеліе и религіи у разныхъ народовъ.

Къ вашему же сіятельству, высокоуважаемая графиня Софья Николаевна, не въ правѣ ли мы обратиться съ слѣдующею рѣчью: къ чему эти негодованія, смущающія совѣсть людей и этотъ плачъ по волосамъ, снявши голову? къ чему соблюдаемыя въ вашей семьѣ всѣ эти, нужно полагать, фарисейскія обрядности, созданныя, какъ вы говорите, Христомъ для благословенія именемъ Божіимъ всѣхъ значительныхъ моментовъ человѣческой жизни: рожденій, браковъ, смертей, горестей, радостей... если супругъ вашъ дѣйствительно не признаетъ Христа Богомъ и таинствъ Божіихъ?.. или... негодующіе вопли ваши... не обнаруживаютъ ли они, вопреки увѣреніямъ вашего супруга, что всѣ христіанскія вѣрованія колдовство и гипнозъ,—какъ дорога вѣра во Христа и въ Его *реальную* Церковь даже и людямъ похваляющимся безвѣріемъ, мнящимъ быть выше религіозныхъ предразсудковъ и сознающимъ Бога и „*отвлеченную*" Церковь по своему разуму и вкусу.

При дѣйствительномъ отреченіи супруга вашего отъ праотеческой Церкви,—вѣдь ничего не подѣлаешь,—нужно сознаться, высокоуважаемая графиня Софья Николаевна, что Св. Синодъ не духовный палачъ, не нарушитель любвеобильныхъ завѣтовъ Христа и Его Церкви, а сдѣлалъ только то, что обязанъ былъ сдѣлать, особенно въ виду ревностной безсердечно-жестокой пропаганды отрицательнаго вѣроученія графа Льва Николаевича, *зловредно* дѣйствующаго на людей.

И развѣ, ваше сіятельство, въ вашемъ сельскомъ хозяйствѣ не одобрили бы.. ну вотъ вашего пастуха, отгоняющаго отъ вашихъ овецъ хищнаго звѣря, и не похвалили бы его за это геройство,—отлученіе графа Л. Н. Толстого отъ Церкви своего рода *современное* христіанское геройство.

Развѣ вы признали бы врача жестокимъ, а неисполнившимъ *до конца* своихъ обязанностей, который рѣшился бы, *скрѣпя* сердце, прибѣгнуть къ послѣднему средству—дать послѣднее лѣкарство для спасенія умирающаго, въ надеждѣ возвратить къ жизни больного.

Мы понимаемъ, какъ понялъ это и Высокопреосвященный Митрополитъ Антоній, что письмо вашего сіятельства написано подъ вліяніемъ до того горестнаго, безотраднаго событія и чувства, что всякому человѣку легко впасть въ умопомраченіе,—иначе чѣмъ инымъ

объяснить и тонъ вашего письма къ Высокопреосвященному Владыкѣ и высказанное вами намѣреніе подкупить дорогою платою *„дряннаго попа“* молиться за усопшаго супруга и для совершенія обряда погребенія. Развѣ такія молитвы и погребеніе могли бы васъ удовлетворить? Но по присущей вашему сіятельству и супругу вашему справедливости, въ которую мы не перестали вѣрить, вы и графъ Левъ Николаевичъ, конечно, оцѣнили тотъ снисходительный и въ высшей степени деликатный и разумный отвѣтъ, который вы получили отъ Высокопреосвященнаго.

Это вѣрованіе въ вашу справедливость даетъ и мнѣ, маленькому человѣку, смѣлость писать вашему сіятельству нѣчто не въ формѣ вамъ привычныхъ сочувственныхъ адресовъ, которые вы получаете отъ *всего міра*, въ томъ числѣ и отъ нашихъ соотечественниковъ, возразить и вамъ: нѣтъ, простите великодушно, графиня, кромѣ „Московскихъ Вѣдомостей“, слава Богу, найдутся и въ Россіи много и много вѣрующихъ, которые, при всемъ почитаніи графа Льва Николаевича, какъ высокоталантливаго писателя, могутъ не заявить и не заявятъ ему сочувствія *въ дѣлѣ богоотступничества*, подобно многимъ quasi либераламъ изъ того панургова стада, которые уже поспѣшили, какъ бы въ пику Синоду, пожелать графу продолженія славнаго служенія идеаламъ правды и любви во благо человѣчества и родины... Не ученіемъ ли о безбожіи?—спрашиваемъ мы.

Въ заключеніе считаю обязанностію объяснить, что пишущій эти строки не принадлежитъ къ сонму „длинноволосыхъ и долгополыхъ“. Онъ, какъ и графъ Левъ Николаевичъ, русскій дворянинъ и помѣщикъ, скромно проживаетъ въ своемъ имѣніи и, что называется, совсѣмъ простой смертный, но почелъ бы непростительнымъ грѣхомъ для себя не откликнуться на такое важное дѣло, какъ отлученіе отъ Церкви дорогого для Россіи человѣка, на дѣло, въ которомъ столь рѣшительно графиня Софья Николаевна и графъ Левъ Николаевичъ прибѣгли къ суду общественной совѣсти и въ которомъ столь самоувѣренно заручились міровымъ сочувствіемъ.

И говорю по совѣсти, отлученіе графа хотя и вамъ и намъ и прискорбно, но... достойно и праведно есть.

Александръ Мироненко.

XVI.

Подъ впечатлѣніемъ драмы «Воскресеніе».

(*Открытое письмо гр. Л. Н. Толстому*).

Великій писатель Русской Земли,
графъ Левъ Николаевичъ!

Никогда вамъ до сего времени не писалъ. Чувства мои по отношенію къ вамъ были въ раздвоеніи: какъ передъ великимъ художникомъ, творцомъ, моралистомъ, я передъ вами всегда преклонялся; какъ передъ теологомъ, философомъ, реформаторомъ соціальнаго строя, я всегда находилъ, что вы не правы вообще, не правы передъ Россіей и православнымъ русскимъ народомъ въ частности.

Но сегодня, подъ впечатлѣніемъ только что видѣнной мною въ Парижѣ драмы „La Résurrection", мое преклоненіе передъ вами, какъ передъ художникомъ, пересиливаетъ мое чувство къ вамъ, какъ къ теологу и реформатору. Передѣлка для сцены романа „Воскресеніе" исполнена удачно, такъ высоко художественно исполненіе ролей Катюши и Неклюдова гг. Bady и Dumeny, такъ чудно реально и глубоко драматично, что я только теперь понялъ и уяснилъ себѣ всю глубину вашего творчества въ романѣ „Воскресеніе" и то впечатлѣніе, которое „Воскресеніе", очищенное отъ наслоеній критики Церкви и проповѣди „вашего соціализма", можетъ произвести на зрителя и повліять на его душу и совѣсть, какъ предостереженіе отъ нравственнаго паденія, въ которое впалъ герой вашего разсказа.

Драмой „Воскресеніе" ваша цѣль, какъ моралиста, вполнѣ достигнута, и зритель надолго запечатлѣетъ въ себѣ искру добра, посѣяннаго въ немъ вашимъ художественнымъ геніемъ. Не примите въ обиду, великій писатель, если я позволю себѣ сказать, что драма „La Résurrection" производитъ болѣе глубокое впечатлѣніе, чѣмъ самый оригиналъ, изъ котораго она передѣлана.

Я себѣ объясняю это тѣмъ, что авторъ драмы взялъ изъ вашего рамана лишь морально-художественную его

сторону, оставляя въ сторонѣ Церковь и соціологію. Онъ взялъ изъ вашего произведенія все то, что въ немъ жизненно, чудесно, и откинулъ всѣ тѣ стороны его, гдѣ перомъ вашимъ владѣлъ не геній художника, но гдѣ работалъ вашъ умъ отъ себя, по человѣческимъ несовершеннымъ соображеніямъ передѣлать жизнь въ противность природѣ человѣка, что вы такъ силитесь сдѣлать, но чего вы и вашъ разумъ совершить не въ состояніи, ибо вы—только человѣкъ, а не Богъ—Всевѣдущій, Всесовершенный, Вѣчный.

Когда вы художникъ, перомъ вашимъ и сердцемъ владѣетъ кто-то выше васъ стоящій. Когда вы превращаетесь въ теолога и начинаете жить человѣческимъ умомъ, геній васъ оставляетъ, и вы превращаетесь въ обыкновеннаго смертнаго, не идущаго дальше предѣловъ своихъ мозговыхъ функцій.

Люди съ слабымъ мышленіемъ и развитіемъ, молодежь и наши интеллигенты склонны находить ваше величіе именно тамъ, гдѣ васъ оставляетъ вашъ геній, и гдѣ вы превращаетесь въ обыкновеннаго смертнаго: слабый умъ можетъ познать лишь то, что идетъ отъ земного, человѣческаго, и еще не въ состояніи уразумѣть величіе тѣхъ истинъ, которыя высказываются геніемъ сверхъ-человѣческимъ. Только эти послѣднія истины вѣчны, безсмертны, какъ ихъ первоисточникъ Богъ, Который содержитъ въ Себѣ „все“, и Котораго вы силитесь вставить въ рамки частицъ Его, именуя Его то любовью, то разумомъ, то словомъ.

Нѣтъ, Богъ шире этихъ отвлеченныхъ понятій: Богъ—все, и Богомъ все совершается, и Богъ проявляется въ вашемъ геніи, пока вы сами не изгоняете Его желаніемъ примѣнить то человѣческое, бренное, конечное, что вы имѣете,—вашъ разумъ.

Эта ваша двойственность особенно чувствуется при чтеніи „Воскресенія“, гдѣ вы такъ часто сводите читателя съ неба на землю, и тѣмъ его расхолаживаете, заставляя его слушать рѣчи смертнаго, послѣ рѣчей генія безсмертнаго. Этого именно нѣтъ въ драмѣ „La Résurrection“, гдѣ зритель всецѣло увлекается одной лишь идеей самосовершенствованія, къ удовлетворенію духа своего, въ стремленіи къ вѣчному добру, къ истинѣ, не что отъ людей, но свыше.

Что въ особенности отличаетъ передѣлку отъ ори-

гинала, это то, что драма начинается въ день Воскресенія Христова и заканчивается въ томъ же Великій, для православнаго христіанина, день Христова Воскресенія, такъ что воскресеніе Катюши и Неклюдова, сливаясь съ днемъ Великаго праздника, не только не вселяетъ въ зрителѣ мысли о небытіи Христа, какъ Бога; напротивъ, черезъ Воскресеніе Христа какъ бы совершается воскресеніе душъ героевъ въ вѣчной жизни. Это приводитъ отрадное, живительное впечатлѣніе на зрителя при звукѣ благовѣста къ ночной пасхальной службѣ, при отдаленномъ пѣніи „Христосъ Воскресе". Настроеніе великой пасхальной ночи необыкновенно гармонируетъ съ настроеніемъ и свѣтомъ, вдругъ просвѣтившимъ души героевъ драмы. Удивительно, какъ авторъ-французъ могъ уловить этотъ чисто-русскій, православный восторгъ встрѣчи пасхальной ночи, и еще больше удивительно, что это чувство передается зрителямъ французамъ, столь мало склоннымъ къ русскому мистицизму. Чуткая душа автора драмы поняла всю глубину дарованнаго вамъ свыше генія, глубину вашей души, и ту вѣру, которую вы сами отъ себя стараетесь скрыть, искуственно заставляя вашъ умъ подчинить себѣ вашу душу, ищущую того Бога, Который всегда стоитъ передъ вами во образѣ Христа, воскресшаго изъ мертвыхъ.

Какъ русскій, вы—мистикъ. Какъ мистикъ, вы ищете Бога и стараетесь умомъ объяснить себѣ то, что было необъяснимо, пока не сошелъ на землю Христосъ-Богъ, пока онъ не воскресъ изъ мертвыхъ. Если бы онъ дѣйствительно не воскресъ, мы бы не знали и не искали смысла Воскресенія, и тогда не могли бы воскреснуть души Катюши и Неклюдова, которыя, если воскресли въ земной жизни, то только для жизни вѣчной.

И почему вы полагаете, что вашъ новый, отвлеченный Богъ, Котораго вы называете то любовью, то разумомъ, то добромъ и т. д. лучше, выше, правдивѣе Бога-Христа, Который принесъ любовь на землю и подалъ человѣчеству стремленіе къ самосовершенствованію укрощеніемъ человѣческихъ страстей, любовію и снисхожденіемъ, ибо „нѣтъ болѣе той любви, когда вы положите душу свою за други своя".

Но Христосъ, какъ Богъ, зналъ, что не всякій (человѣкъ) можетъ „сіе" вмѣстить. Поэтому Онъ поставилъ Свое ученіе, какъ идеалъ, но не какъ законъ,

требующій точнаго исполненія, съ отвѣтственностію за преступленіе его установленій. По человѣческой немощи выполнить все ученіе Христа невозможно, и благо тому, кто можетъ его вмѣстить и исполнить.

Въ идеалѣ Христосъ признавалъ „свободу", братство и равенство, но Ему было вѣдомо также, что человѣчество этихъ теорій вмѣстить не можетъ, что уже теперь доказано опытомъ (Франція). А потому Христосъ, въ царствѣ земномъ, признавалъ неизбѣжность существующаго строя, давая мѣсто на землѣ: богатому и бѣдному, рабу и свободному, Кесарю, сотнику, воину, мытарю и фарисею, не отвергая притомъ необходимости законовъ гражданскихъ, и наказаній ихъ нарушителямъ даже до казни виновныхъ въ преступленіи закона (разбойники, казнь которыхъ Христосъ не осудилъ), и даже не виновныхъ (такъ люди склонны заблуждаться вольно и не вольно), въ числѣ которыхъ былъ распятъ Самъ Спаситель, для избавленія и спасенія человѣчества. Не забудьте, что Христосъ не осудилъ закона и казнившихъ Его, возложивъ вину на Своего предателя („Но горетому, имъ же Сынъ Человѣческій предается").

Вы, графъ, великій душою человѣкъ, который желаетъ сдѣлать такъ много добра на основахъ ученія Христа, которое вы хотите понимать по своему, вы могли бы просвѣтить такъ много людей вамъ вѣрящихъ, потому что вы учите именемъ Христа, Котораго вы одновременно и любите, и отрицаете. И этою двойственностью, вмѣсто того, чтобы сѣять любовь и миръ между православными христіанами, вы сѣете раздоры, раздѣленіе и сомнѣніе въ Божествѣ Спасителя и Его ученіи.

Спаситель говоритъ бѣднымъ: „не завидуйте и довольствуйтесь тѣмъ, что имѣете"; вы же говорите имъ— „завидуйте и отнимайте богатство у богатыхъ, ибо они нажили его несправедливо, а потому вы имѣете право отнять у нихъ ихъ имущество" (активно или пассивно, то безразлично).

Кто далъ вамъ право судить, кѣмъ и какъ нажито благосостояніе вашихъ ближнихъ: сегодня я богатъ, завтра я бѣденъ; сегодня богаты одни, а завтра вы искусственно сдѣлаете богатыми другихъ. Положеніе отъ этого не измѣнится, ибо едвали вы можете допустить утопію полнаго упраздненія богатыхъ и богатства на землѣ. Богатые и бѣдные всегда будутъ, какъ бу-

дутъ — прилежные и лѣнивые, скупые и расточительные, сильные и слабые, умные и глупые. Не можетъ быть на землѣ равенства, пока люди родятся съ неравными способностями и наклонностями.

А потому вы совершенно безцѣльно сѣете между людьми раздоры; возстанавливая бѣдныхъ противъ богатыхъ, разжигаете страсти вмѣсто ихъ утоленія. И вы говорите, что вы дѣйствуете по ученію Христа, сохраняя лишь чистоту сего ученія. Ваши теоріи возстановили уже множество людей другъ противъ друга до такой степени, что даже въ семьяхъ сынъ возстаетъ противъ отца, дочь противъ матери, и „враги человѣку стали домашніе его“, да сбудется Писаніе!..

Пусть слова Христа сбудутся въ свое время, но не черезъ васъ, любящаго ученіе Христа, васъ—человѣка, въ сущности желающаго блага человѣчеству. Но вы сами не замѣчаете, что проповѣдуя „вашу“ любовь, вы ведете людей къ ненависти и раздѣленію. Зачѣмъ вы своими дѣйствіями берете на себя дѣло, которое Христосъ предоставилъ антихристу? если ему сужденно когда-либо придти на землю, то пусть онъ придетъ не отъ Востока, не отъ православной русской земли, но откуда ему указано придти свыше.

Графъ! Господь не напрасно сохраняетъ вамъ вашу жизнь, хотя и предупреждаетъ васъ, что вы не вѣчны. Онъ ждетъ отъ васъ исполненія вашего назначенія — усиленія черезъ васъ любви и вѣры въ русской землѣ въ то врѣмя, когда она колеблется и оскудѣваетъ. Не противьтесь Всевышнему и, вмѣсто вашей проповѣди отъ разума вашего, начните укрѣплять въ Россіи вѣру во Христа—Бога, признавъ его ученіе Божественнымъ на основаніи православія, которое изъ всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій является наиболѣе терпимымъ любящимъ и снисходительнымъ къ чужимъ вѣрованіямъ. Дайте намъ вѣрить во Христа Бога, а черезъ Него въ воскресеніе живыхъ и мертвыхъ, какъ учитъ наша вѣра и Церковь.

Не могутъ люди жить безъ вѣры и Бога, а тѣмъ болѣе столь склонный къ мистицизму русскій народъ; не отнимайте же у него этого блага, ибо, безъ вѣры въ Бога и будущую жизнь, человѣкъ незамѣтно самъ для себя обратится въ животное, думающее объ одной лишь борьбѣ за существованіе.

Вы возстаете противъ обрядовъ церковныхъ, забывая, что нѣтъ на свѣтѣ религіи безъ обрядностей, безъ которыхъ не обходится ни одна секта, даже секта образованныхъ людей—франмасонская. Отступая отъ однихъ обрядовъ, люди немедленно вводятъ другіе. Обряды же православной Церкви наиболѣе соотвѣтственные религіи духа и любви. Не ломайте же ихъ, чтобы вмѣстѣ съ ними не сломить и нашей православной вѣры, которая воспитала въ русскомъ народѣ великій духъ смиренія, кротости, терпѣнія и отсутствіе страха смерти въ чаяніи будущей жизни.

Величайшая мудрость всегда проявлялась въ величайшемъ смиреніи (Христосъ). Гордость, самомнѣніе, какъ чувства земныя, вели къ погибели величайшихъ людей. Гордость—отъ духа зла и гордый человѣкъ не можетъ умереть спокойно, такъ, какъ умираетъ смиренный русскій мужикъ, обликъ котораго вы восприняли. О! если бы восприняли вмѣстѣ съ тѣмъ и смиренную его душу! И тогда вы сдѣлались бы великимъ русскимъ человѣкомъ—не для одного лишь русскаго интеллигента, утратившаго вѣру и разумъ, но для всего русскаго православнаго народа, на пользу котораго вы мните работать. Вы тѣмъ спасли бы душу свою и поддержали бы духъ этого народа: духъ смиренномудрія и терпѣнія, ибо духъ цѣломудрія давно въ васъ живетъ, и вы его уже передали милліонамъ русскихъ людей.

И когда вы это сдѣлаете, вы можете со спокойной совѣстью сказать: „Нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ, яко видѣсте очи мои спасеніе Твое“.

Пожалѣйте, графъ, душу православнаго русскаго народа. Вы думаете спасти его прокламаціями о пассивномъ сопротивленіи людямъ болѣе его богатымъ и на видъ счастливымъ. Этимъ вы его не спасете и замѣните лишь однихъ богатыхъ другими, отчего положеніе народа не измѣнится къ лучшему. Вы думаете, что все зло въ дворянствѣ и на него ополчаетесь по преимуществу: но оно и помимо васъ съ каждымъ годомъ замѣтно сокращается, а черезъ четверть вѣка останутся развѣ слѣды его. Но крупное землевладѣніе всетаки останется, перейдя въ руки кулаковъ и евреевъ, у которыхъ въ рукахъ деньги, и они все скупятъ въ непродолжительномъ времени, если

только они будутъ уравнены въ правахъ съ русскими, забота о чемъ, кажется, также входитъ въ вашу программу. Ужели вы думаете, что эти будущіе (непремѣнно) землевладѣльцы будутъ по отношенію къ народу лучше, въ сущности смиреннаго и уживчиваго нашего дворянства? Охъ, какъ вы, графъ, ошибаетесь; и теперь уже мы видимъ: тамъ, гдѣ кулакъ замѣнилъ дворянина, совсѣмъ иное отношеніе между крестьянами и новымъ владѣльцемъ.

Въ вашей проповѣди отрицанія Божества во Христѣ я тщетно искалъ логики. Коли вы преклоняетесь искренно (въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія) передъ чистотою ученія Христа, ужели вы допускаете, что Проповѣдникъ столь великихъ истинъ могъ вмѣстѣ быть лжецомъ, называя Себя Сыномъ Божіимъ напрасно. Ложь издревле была первоисточникомъ зла: тамъ, гдѣ ложь— не можетъ быть правды, какъ и тамъ, гдѣ истина—не можетъ быть лжи. Или Христосъ говорилъ неправду, называя Себя Сыномъ Божіимъ (хотя то доказывается всѣми ветхозавѣтными пророчествами), тогда и все ученіе Его не заслуживаетъ довѣрія; или Христосъ говорилъ высшую правду, тогда нѣтъ мѣста сомнѣніямъ, что Онъ дѣйствительно Сынъ Божій, сошедшій на землю. Двухъ мнѣній въ данномъ случаѣ быть не можетъ.

Вы признаете ученіе Христа, какъ истину, и на немъ основываете „свое“ ученіе.

Поэтому вы не можете логично допустить, чтобы Онъ могъ сказать хоть слово одно неправды. Если же такъ, вы не только не имѣете права, по совѣсти, отрицать въ Немъ Божество передъ „малыми сими“, соблазняя ихъ, но вы обязаны сказать всенародно, что вы, какъ человѣкъ, ошибались и каетеся въ невольномъ своемъ заблужденіи, вспомнивъ слова: „Иже аще кто соблазнитъ единаго отъ малыхъ сихъ и т. д.“, а также слова: „Горе человѣку тому, имже соблазнъ приходитъ“.—Безспорно, быть можетъ, время и несовершенство людей внесли въ догматы Церкви нежелательныя наслоенія, но сущность ученія Христа въ ней сохранилась въ цѣлости: сравните православіе съ католичествомъ и лютеранствомъ, и вы увидите, что духъ ученія Христа всего болѣе сохранился въ православной Церкви не карающей, но лишь милующей сыновъ своихъ, и призывающей ихъ къ покаянію, когда они, сами того не замѣчая, отступаютъ отъ ученія Церкви.

Вы были оскорблены призывомъ васъ къ покаянію Св. Синодомъ—актъ неправильно названный отлученіемъ отъ Церкви, и его игнорировали. То, конечно, дѣло вашей совѣсти. Теперь прошло достаточно времени, чтобы отнестись къ акту Св. Синода безпристрастно.

Если Синодъ, какъ учрежденіе, по закону существуетъ, онъ несетъ опредѣленныя обязанности и отвѣтственность передъ Богомъ, Царемъ и русскимъ народомъ. Онъ существуетъ для того, чтобы охранять догматы православнаго вѣроисповѣданія въ томъ видѣ, въ которомъ они переданы Синоду издревле, для возможнаго объединенія людей въ вѣрѣ. Когда Синодъ усмотрѣлъ неправоту вашего ученія—отрицаніе Божества Христа и таинствъ, когда ваше ученіе, въ силу вашего литературнаго авторитета, стало увлекать молодежь и неустойчивые въ вѣрѣ умы (а такихъ теперь легіонъ), ужели Синоду было молчать? Никакъ. Синодъ не только не имѣлъ права молчать, онъ былъ обязанъ указать православнымъ христіанамъ, что ваше ученіе не согласуется съ ученіемъ Церкви. И онъ это сдѣлалъ призывомъ васъ къ покаянію, тѣмъ самымъ указавъ на ваши заблужденія.

По незрѣлости нашего такъ называемаго интеллигентнаго общества, по совершенному его невѣжеству въ вопросахъ вѣры и Церкви, лучше сказать, по его безвѣрію, общество это (но не народъ) осудило дѣйствія Св. Синода, ставъ въ вашу защиту, въ защиту, какъ оно говорило, „великаго учителя русской земли“. И оно было неправо. Люди серьезные, для которыхъ вѣра и Церковь не простой звукъ, справедливо находили, что еслибы Синодъ прошелъ ваше ученіе молчаніемъ, то зачѣмъ Синодъ, зачѣмъ опредѣленность вѣры, зачѣмъ Законъ Божій, зачѣмъ тѣ учрежденія, которыми исторически выработался великій въ своемъ смиреніи духъ русскаго народа и, въ соотвѣтствіи съ нимъ, строй русской жизни?

Несомнѣнно, великій умъ имѣетъ право на многое, но никакъ не на совращеніе „малыхъ сихъ“ съ пути извѣстнаго и опредѣленнаго на путь неиспытанный и невѣдомый, ибо, по совѣсти, вы сами не можете сказать утвердительно, что ваше ученіе доставитъ людямъ счастіе не только на небѣ, но и на землѣ. Въ послѣднемъ мы уже наглядно убѣждаемся при видѣ судьбы

вашихъ учениковъ—духоборовъ, которые гибнутъ въ свободной Америкѣ такъ, какъ они никогда бы не погибли въ православной Россіи; здѣсь они прокормились бы всетаки „Христа—ради“, какъ кормятся въ Россіи сотни тысячъ бѣдняковъ, умирающихъ въ странахъ свободы на улицахъ съ голода, на чердакахъ отъ искусственнаго удушенія угаромъ.

Вопросы вѣры были во всѣ времена больными вопросами человѣчества. Разъединеніе вѣрованій вело за собой не только вражду между людьми и раздоры, но и кровопролитныя войны. Русь, слава Богу, объединилась въ вѣрѣ православной, духъ же послѣдней не исключаетъ полной терпимости къ инымъ вѣрованіямъ, не давая имъ лишь преобладанія передъ вѣрой государственной.

Въ Россіи свободно исповѣдуютъ вѣру—католикъ, лютеранинъ, еврей, магометанинъ; не допускается лишь отступленіе отъ вѣры государственной, какъ объединяющей основные элементы населенія. Не допускаются секты, завѣдомо вредныя и безнравственныя, какъ не допускается по возможности сектантство вообще, какъ ведущее къ разъединенію населенія, тѣмъ болѣе, если онѣ противны основамъ и духу православія и государственности. Что станетъ съ государствомъ и человѣческимъ обществомъ, коли каждое село, каждая семья начнутъ исповѣдывать собственную религію, по фантазіи и вдохновенію? Не породитъ ли это страшную вражду и раздоры тамъ, гдѣ существуетъ миръ и согласіе? Не къ тому ли ведетъ ваше ученіе, которое вы едвали сами въ состояніи признать совершеннымъ, ибо вы не Богъ, а все же только человѣкъ!

Простите, графъ и великій писатель, мою смѣлую рѣчь передъ вами. Обращаясь къ вамъ, я исполняю лишь долгъ моей совѣсти, отдавая притомъ дань преклоненія передъ вами, какъ передъ великимъ писателемъ русской земли и моралистомъ. Простите также, что я васъ утомилъ своимъ слишкомъ длиннымъ посланіемъ, и надѣюсь, что вы, какъ человѣкъ просвѣщенный, допускаете свободу выраженія мысли, а потому не откажетесь терпѣливо выслушать до конца и altera pars.

Позвольте закончить мою рѣчь искреннимъ пожеланіемъ, чтобы вашъ художественный геній отнынѣ сѣялъ на Руси сѣмена дѣйствительной любви, мира въ духѣ

Іисуса Христа, Сына Божія, воскресшаго изъ мертвыхъ, да укрѣпится тѣмъ въ Россіи мощный, въ своемъ смиреніи, духъ русскаго народа, нераздѣльный съ православной вѣрой, Церковью и божественнымъ ученіемъ Христа, чтобы всякій воздавалъ на Руси кесарево—Кесареви, а Божіе—Богови. Это не только не помѣшаетъ развитію народа и его просвѣщенію, но возраститъ ихъ на твердой почвѣ христіанскаго вѣроученія, источника современнаго просвѣщенія, ибо просвѣщеніе человѣчества пошло отъ христіанскаго міра, но не изъ другого религіознаго міровоззрѣнія. Отнимите у человѣчества ученіе Христа, за этимъ послѣдуетъ разрушеніе всей цивилизаціи.

Ваше слово, графъ, можетъ возстановить въ интеллигентной Россіи нынѣ нарушенные миръ, согласіе и общественное спокойствіе; оно же можетъ посѣять сѣмена вражды, раздора, зависти и взаимной ненависти. О! графъ, если бы вы только сказали это слово мира прежде, чѣмъ отойти отъ міра сего (всѣ мы подъ Богомъ ходимъ) для воскресенія во Христѣ, оставивъ Русь святую въ надеждѣ воскресенія, не только въ этой жизни, какъ воскресли герои вашей незабвенной повѣсти, но и въ чаяніи жизни будущаго вѣка... И молитвы этихъ вѣрующихъ, объединенныхъ въ православной Церкви, будутъ вамъ защитой и утѣшеніемъ въ томъ невѣдомомъ мірѣ, гдѣ всѣ мы встрѣтимся во Христѣ и познаемъ Истину. Какъ геніальному писателю, славѣ русской земли, вамъ, конечно, воздвигнутъ рукотворный памятникъ. Имъ будутъ любоваться наши невѣрующіе интеллигенты, будетъ глазѣть на него и православный русскій народъ. Но, любуясь монументомъ, этимъ послѣднимъ долгомъ земныхъ—земному, ни одинъ человѣкъ не перекрестится и не скажетъ русскаго, народнаго, православнаго „царство небесное“, если вы не войдете въ тѣсное единеніе съ духомъ этого, любимаго вами, народа и не признаете его священныхъ идеаловъ: его чистой вѣры въ Бога—Христа, его надежды на будущую жизнь.

Примите, графъ, дань глубокаго уваженія русскаго человѣка въ искреннемъ его желаніи, чтобы слава великаго писателя русской земли слилась со славой великаго наставника русскаго народа въ духѣ вѣры, надежды и любви христіанской.

Д. Бодиско.

XVII.

Сужденія о еретичествѣ гр. Л. Н. Толстого въ католическомъ мірѣ.

На торжествѣ посвященія католическаго епископа графа Шембека его дядя гр. Георгій Мошынскій произнесъ знаменательную рѣчь о еретичествѣ гр. Л. Толстого. Приводимъ выдержки изъ этой рѣчи:

„Ты, навѣрно, преосвященный отче, не обманешь возложенныхъ на тебя надеждъ, ибо ты входишь „чрезъ двери въ овечье стойло“, ибо ты знаешь, что Христосъ есть „дверь для овецъ“ (св. Ев. отъ Іоанна, гл. X). Ты не долженъ забывать и о томъ, что на пастырскомъ пути твоемъ ты повсемѣстно встрѣтишь затрудненія и опасности. Ты не можешь забыть о томъ, что старый врагъ Господа Бога и Церкви Христовой нынѣ открыто ведетъ войну противъ авторитета истины откровенія Божія. Несмотря на поверхностныя *разницы* во взглядахъ людей на истину и жизнь,—взглядахъ, обусловливаемыхъ чаще всего требованіями общественнаго или же оффиціальнаго положенія даннаго лица,—взгляды эти, въ сущности распадаются на двѣ только категоріи. Такъ, съ одной стороны, видна вѣра въ личнаго, единаго во Троицѣ Святой Бога, вѣра въ безсмертіе души человѣческой, въ свободную волю человѣка и отвѣтственность его за его дѣянія; съ другой—отрицаніе Бога, отрицаніе безсмертія души, свободной воли и отвѣтственности человѣка. Богомъ у этихъ апостоловъ прогресса не является Существо совершеннѣйшее и могущественнѣйшее, но неумолимая логика историческихъ фактовъ. Согласно ихъ ученію, какъ законъ, такъ и нравственность и религія не вытекаютъ изъ Божественнаго Откровенія, но являются лишь результатомъ накопленнаго въ теченіе вѣковъ опыта, вѣнцомъ чего *до настоящаго времени* служитъ христіанство.

„Казалось бы, что мы приближаемся къ моменту, когда многіе „лжепророки предстанутъ и многихъ прельстятъ“ (Ев. Матѳ., гл. XXIV).

„Только черезъ Польшу полякъ можетъ заслужиться и спасти свою безсмертную душу“. Такъ говорили отцамъ

нашимъ лжепророки польской поэзіи, забывъ о томъ, что „Христосъ есть дверь для овецъ“, и что „нѣсть подъ небесами другого Имени, въ которомъ мы могли бы найти свое спасеніе“. Апостолы либеральной литературы увѣряютъ насъ теперь, что, будучи людьми XIX вѣка, они „привыкли обходить религіозныя начала, какъ предметы неподвижные, какъ памятники старины и какъ дѣло личныхъ убѣжденій того или другого человѣка“. Легче, однако, обойти религіозныя начала въ стилистической работѣ, чѣмъ убѣдить людей, что неподвижнымъ предметомъ, памятникомъ старины и дѣломъ личныхъ убѣжденій является то, что отъ сотворенія міра составляло, главнымъ образомъ, содержаніе жизни, движенія и развитія человѣчества и останется этимъ до конца дней.

„Религія является въ процессѣ развитія человѣчества факторомъ настолько необходимымъ, что общество, выбросившее изъ души и совѣсти человѣческой Бога, вынуждено изваять себѣ Его изъ камня, слѣпить изъ глины или же изъ исторической эволюціи, какъ это сдѣлали варшавскіе католики-консерваторы, увѣряя насъ, что „христіанская культура должна быть почитаема лучшимъ цвѣтомъ европейской цивилизаціи“. Религія является потребностью человѣческаго сердца настолько необходимою, что общество, пренебрегающее заповѣдью Христа—„если кто хочетъ слѣдовать за Мною, пусть отречется отъ самого себя, возьметъ крестъ свой и поступаетъ, какъ Я поступаю“,—что общество, не усматривающее нравственной правды въ единственномъ ея источникѣ—святой вселенской Церкви и пренебрегающее ея апостольствомъ, — что такое общество вынуждено всегда, въ концѣ-концовъ, искать этой правды у апостоловъ гордыни, лжи и тщеславія, о которыхъ Христосъ Богъ говоритъ: „кто не дверью входитъ въ стойло овечье, но другимъ путемъ, тотъ—воръ и убійца“. Общество, которое устанетъ въ прославленіи во Св. Троицѣ Единаго Бога, вынуждено бить поклоны передъ „глашатаями истины“, для которыхъ театральныя подмостки или же эквилибристика составляютъ единственное поприще для самопожертвованія, красивая фраза является единственною нравственною заслугою, а Богомъ—національное прошлое, которому они и отдаютъ божескую честь, восклицая въ религіозномъ экстазѣ: „тебѣ, великое

святое прошлое, тебѣ, кровью искупленное,—да будетъ слава и честь на всѣ времена!“ Не забудемъ, что слово Божіе является единственнымъ источникомъ святости, что въ словѣ Божіемъ, а не въ прошломъ заключается животъ—свѣтъ человѣческій. Не забудемъ, что „кто приложилъ руку къ сохѣ, но оглядывается назадъ, тотъ не достоинъ Царства Божія“. Поэтому, кто изъ прошлаго дѣлаетъ національную святыню, кто идеалъ свой ставитъ за своими плечами, тотъ сегодня не сумѣетъ указать народу другого пути, какъ путь безсмысленнаго прозябанія или же отчаянія, завтра же не будетъ въ состояніи поставить другого указательнаго на его пути столба, какъ безнадежное сомнѣніе о будущемъ. Мы должны имѣть въ виду, что ни карманныхъ, ни политическихъ прорѣхъ нельзя заплатать прорѣхами совѣсти, а послѣднихъ—патріотизмомъ. Намъ не нужны другія святыни и другіе идеалы, кромѣ тѣхъ, которые намъ предлагаетъ святая вселенская Церковь, которая въ источникѣ своей всеобщей любви къ паствѣ Христовой черпаетъ тоже, какъ любовь ко всѣмъ созданнымъ Божіимъ Провидѣніемъ народамъ, такъ и признаніе ихъ природныхъ правъ, не забывая никогда о томъ, что первымъ проявленіемъ благодати Духа Святаго по отношенію къ апостоламъ было надѣленіе ихъ различностью языковъ, дабы каждый человѣкъ *„изъ всякаго народа“* могъ быть поучаемъ въ его природной рѣчи. Увы! и идеалы вселенской Церкви Христовой оказываются недостаточными для нашихъ „апостоловъ“ литературной нравственности, признающихъ только одну вселенскую солидарность лжи противъ правды и одинъ только нравственный союзъ человѣчества—*бунтъ человѣческой гордыни противъ Божьяго Откровенія.* Поэтому, присоединяясь къ общему поклоненію Европы таланту графа Льва Толстого, наши католическіе литераторы объявили его самымъ выдающимся представителемъ общечеловѣческой правды,—правды полной и безусловной, проявляющейся, по ихъ мнѣнію, во внутренней жизни творческаго духа!

Польша связана нынѣ съ Россіей не только механическими узами администраціи и политики, не только силою штыковъ, но еще—и несравненно притомъ *сильнѣе*— безчисленными *жизненными артеріями, соединяющими польскій народъ, какъ славянъ, съ народомъ, являющимся единственнымъ представителемъ славянства въ ареопагѣ европей-*

скихъ державъ, ибо одинъ только *русскій* народъ сумѣлъ создать политическую силу и обезпечить себѣ дѣйствительную независимость. Поэтому, разбирая опасности, угрожающія нашему христіанскому развитію, мы не имѣемъ права упускать изъ виду зловѣщихъ тучъ, собиравшихся со стороны русскаго общества. Однимъ изъ наиболѣе грозныхъ бѣдствій, угрожающихъ намъ съ этой стороны, нужно счесть появленіе въ русской литературѣ графа Льва Толстого. Оставивъ твердую почву правды Откровенія, пренебрегши апостольствомъ Церкви Христовой, отвергнувши Божественность Сына Господня, осмѣявши установленныя Спасителемъ св. Тайны, онъ употребилъ во вредъ Россіи и всего человѣчества весь громадный запасъ благороднѣйшихъ стремленій своихъ и прошелъ черезъ русское общество, какъ зловѣщій ураганъ, какъ полчище татарское, разрушая направо и налѣво все, что составляетъ нравственную, политическую и экономическую суть жизни человѣческой, оставляя послѣ себя разрушеніе, пустыню и безнадежность... Всякая власть, какъ свѣтская, такъ и духовная, сдѣлалась для него разбоемъ, а св. Тайны—обманомъ. Умный человѣкъ не долженъ, по его мнѣнію, переступать вѣрой своей тѣсный кругъ чувствъ своихъ и своего ума. Человѣческое бытіе начинается и кончается тлѣнной жизнью. Безсмертнымъ является одно только человѣчество, и въ немъ только человѣкъ безсмертенъ, какъ окончательный результатъ его прошлаго и какъ одинъ изъ факторовъ дальнѣйшаго его развитія въ будущемъ. Въ этомъ ученіи нѣтъ мѣста ни для личнаго Бога, ни для свободной воли и отвѣтственности человѣка. Непротивленіе злу сдѣлалось поэтому послѣднимъ словомъ распространяемаго графомъ Львомъ Толстымъ нравственнаго ученія. Эта пагубная теорія, ведущая къ уничтоженію всѣхъ условій общественнаго строя и вытѣсняющая изъ души человѣческой понятіе о свободной волѣ, а поэтому подрывающая въ корнѣ необходимый факторъ человѣческаго творчества,—теорія эта сдѣлалась отраженіемъ понятій громаднаго большинства русской интеллигенціи, обладающей въ большинствѣ случаевъ поверхностнымъ религіознымъ образованіемъ. Даже признающіе Церковь православную моралисты часто не знаютъ того, что „вѣра безъ дѣяній—мертва“, что нельзя удостоиться отпущенія грѣховъ независимо

отъ поступковъ своихъ, разъ для этого нужны: покаяніе, исповѣдь и удовлетвореніе. Они какъ-бы не знаютъ, что закоренѣлыхъ лжецовъ и преступниковъ самъ апостолъ исключилъ изъ среды вѣрныхъ, говоря: „а кто бы Церкви не послушалъ—да будетъ, яко язычникъ и мытарь". Съ чувствомъ національнаго превосходства хвалятся серьезные русскіе мыслители тѣмъ, что русскій человѣкъ „существо и цѣль вѣры своей полагаетъ не въ практической жизни, а въ душевномъ спасеніи и любовью церковнаго союза ищетъ обнять всѣхъ—отъ живущаго по вѣрѣ праведника до того разбойника, который, несмотря на его дѣла, прощенъ былъ въ одну минуту". Они именуютъ безъ колебанія единственно *логичнымъ и правильнымъ* взглядъ, что человѣкъ, „живущій въ праздности, безчестіи, лжи, развратѣ и безпорядочности", а слѣдовательно человѣкъ, ведущій грѣшную и нехристіанскую жизнь—„является язычникомъ, а не христіаниномъ". Они увѣряютъ насъ даже, что грѣшники, упорствующіе во лжи и преступленіи, по словамъ Спасителя, якобы, „предваряютъ нерѣдко церковныхъ праведниковъ въ Царствѣ Божіемъ". Даже серьезные русскіе мыслители не могутъ понять того, „какъ можно согласить милость съ негодованіемъ—съ тѣмъ, что считается порокомъ, преступленіемъ, нарушеніемъ закона?" И гордятся они тѣмъ, что русскій не различаетъ понятія о преступленіи, составляющемъ результатъ злой воли человѣческой, отъ понятія о преступленіи, являющемся независимо отъ этой воли—Божіимъ попущеніемъ. Часто русскіе мыслители забываютъ о томъ, что понятія о добрѣ, злѣ, правдѣ и лжи не зависятъ отъ перемѣнныхъ условій времени и мѣста, но незыблемо покоятся на постоянной основѣ Божественнаго Откровенія. Поэтому, со спокойной совѣстью, они мирятся съ фактомъ, что „каждому изъ такихъ словъ,—какъ долгъ, законъ, порокъ и преступленіе,—каждая партія въ каждую минуту придаетъ особенное значеніе, и что между людьми сегодня называютъ правдою и доблестью то, за что завтра казнятъ, какъ ложь и преступленіе" Иначе, впрочемъ, и не могутъ говорить въ обществѣ, котораго, опять-таки,—наиболѣе серьезные мыслители, вмѣсто того, чтобы искать начало Церкви въ постановленіяхъ Спасителя,—смотрятъ на нее, какъ на историческое произведеніе народнаго духа, и утверждаютъ,

что старыя учрежденія „освящены въ народномъ мнѣніи тѣмъ авторитетомъ, который даетъ исторія и... одна только исторія.

Поэтому, вмѣсто того, чтобы признать правду Откровенія главнымъ содержаніемъ Церкви, выдающійся русскій моралистъ учитъ своихъ соотечественниковъ, что „существенное въ каждомъ вѣроисповѣданіи едва-ли возможно выразить, выяснить на бумагѣ или въ опредѣленной формулѣ; самое существенное, самое упорное и драгоцѣнное въ церковномъ вѣрованіи—неуловимо, недоступно опредѣленію, подобно разнообразію свѣта и тѣней, подобно чувству, сложившемуся изъ безконечнаго ряда послѣдовательныхъ ощущеній, представленій и впечатлѣній; самое существенное связано и сплетено множествомъ такихъ тонкихъ корней съ психическою природою каждаго племени и съ общими сложившимися въ немъ началами нравственнаго міросозерцанія, что невозможно отдѣлить одно отъ другого". „Всякая форма, исторически образовавшаяся,—говоритъ тотъ же русскій моралистъ,—выросла въ исторіи изъ историческихъ условій и есть логическій выводъ изъ прошедшаго, вызванный необходимостью". Естественное дѣло, что тамъ, гдѣ историческая необходимость составляетъ высшее право, тамъ не можетъ быть и рѣчи ни о безусловной правдѣ вѣры, ни о свободной волѣ человѣка, ни объ его отвѣтственности. Поэтому, въ силу естественной послѣдовательности, знаменитый русскій моралистъ долженъ былъ придти къ теоріи о „непротивленіи злу", что онъ и сдѣлалъ дѣйствительно, выразивъ это наиболѣе рельефно слѣдующими словами „сохрани, Боже, порицать другъ друга за вѣру; пусть каждый вѣруетъ по своему, какъ ему сроднѣе". „Въ этомъ искреннемъ признаніи заключается публичное самообвиненіе въ названіи основныхъ началъ христіанскаго катихизиса, согласно которымъ человѣкъ вовсе не рождается въ вѣрѣ, но во грѣхѣ первородномъ; вѣра же въ святую, неизмѣнную, всегда и для всѣхъ одинаковую, правду Откровенія Божія, вовсе не природна ему и не беретъ своего начала въ его умѣ, но нисходитъ на него только благодатью таинства Крещенія.

Русскій епископатъ не согласился съ мнѣніемъ, что не слѣдуетъ порицать человѣка за его вѣру, и не только осудилъ графа Льва Толстого за его,—въ силу

первороднаго грѣха врожденныя ему,—матеріалистическія вѣрованія, но, что еще болѣе, примѣнилъ къ нему самое высокое наказаніе, какимъ располагаетъ Церковь, а именно, исключилъ его изъ среды вѣрныхъ, ставъ такимъ образомъ на одну почву съ католическими епископами.—Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ покойный епископъ Новодворскій первый забилъ тревогу, указавъ въ цѣломъ ряду замѣчательныхъ статей, напечатанныхъ въ польскомъ „Католическомъ Обозрѣніи", на нехристіанское и матеріалистическое направленіе взглядовъ знаменитаго и популярнаго русскаго писателя. Поступивъ въ данномъ случаѣ вопреки мнѣнію почти всей русской интеллигенціи, православный епископатъ фактически доказалъ неправильность сужденія, выраженнаго четыре года тому назадъ однимъ извѣстнымъ русскимъ мыслителемъ, утверждавшимъ, что православное духовенство неспособно подняться выше уровня русскаго народа и что, вышедши изъ послѣдняго, оно не отличается отъ него ни образомъ жизни, ни добродѣтелями, ни даже недостатками, и что оно съ народомъ стоитъ и падаетъ".

XVIII.

Раскольникъ старообрядецъ о Л. Н. Толстомъ.

I.

Какъ-то однажды прошлой зимой посѣтилъ меня одинъ видный въ расколѣ начетчикъ—мой знакомецъ. По обычаю, о многомъ мы съ нимъ побесѣдовали. А въ концѣ бесѣды онъ передалъ мнѣ о своемъ знакомствѣ съ Л. Н. Толстымъ. Разсказъ объ этомъ онъ началъ съ укоризнъ православію. Вотъ это его повѣствованіе...

— Вамъ, о. Константинъ, своихъ-то, церковныхъ, надо бы утвердить покрѣпче, а то они ничего не знаютъ. Просто иной лба перекрестить не умѣетъ, не только молитвы читать. У насъ какъ-то лучше: всякій свой обрядъ знаетъ, а у васъ нѣтъ. Намедни я какъ-то ѣхалъ съ однимъ помѣщикомъ, человѣкъ видно ученый, много читалъ и говорилъ обо всемъ такъ хорошо, а какъ коснулось дѣло до религіи,—ничего ровно не знаетъ. Чай, говоритъ, я не попъ, знать-то мнѣ объ этомъ. Ну, какой же онъ христіанинъ послѣ этого! Толстого мнѣ книжку тычетъ и возводитъ его чуть не въ Златоуста. Вотъ, говоритъ, почитай, какъ умные-то люди толкуютъ и пишутъ. Я говорю: баринъ, самъ видѣлъ этого твоего Толстого и говорилъ съ нимъ, и потому хорошо знаю его писаніе. Твой Толстой и въ Христа-то не вѣруетъ, какъ должно, а разводитъ свои рацеи и свое поученіе излагаетъ народу, котораго не дай Богъ держаться и лихому татарину. Еретикъ онъ и богохульникъ!

— А вы дѣйствительно были у Л. Н. Толстого?—прервалъ я старообрядца.

— Какъ же, былъ; нарочно ѣздилъ къ нему въ Ясную Поляну.

— Что же васъ интересовало видѣть Толстого?

— Да просто пригласилъ онъ меня къ себѣ, ну я и поѣхалъ. Дай, думаю, побесѣдую съ нимъ, какой онъ человѣкъ.

— Значитъ, вы знакомы были съ нимъ?

— Совсѣмъ нѣтъ, а вышло это такъ, случайно какъ-то. Пріѣхалъ я въ Москву,—во Владимірѣ до этого былъ;—подошелъ праздникъ, я и пошелъ за службу. Служилъ еще владыка архіепископъ Савватій тогда. Постоялъ я до каѳизмъ и вышелъ охолодиться изъ моленной. Вижу: подходятъ къ моленной 4 человѣка, изъ нихъ одинъ одѣтый какъ-то просто, по-мужичьи, а трое въ шляпахъ, съ тросточками и совсѣмъ кургузые по одеждѣ-то. Подошли они ко мнѣ и спрашиваютъ: можно, говоритъ, посмотрѣть намъ вашу службу?— „А вы кто будете такіе?"—спрашиваю я ихъ.—Мы, говорятъ они, пришли полюбопытствовать, какъ у васъ совершается богослуженіе".—„Да кто же вы доподлинно-то будете такіе, спрашиваю я; россійскіе, или еще какой другой вѣры"?—Одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ: „Я—Толстой, русскій; а это мои спутники—французы". Вотъ, думаю себѣ, не знаю, зачѣмъ принесло смущать нашихъ богомольцевъ. Погодите, говорю имъ, я сейчасъ доложу о васъ. Вошелъ я въ моленную, дошелъ до клироса, вижу, стоитъ Климентъ Аѳиногеновичъ Перетрухинъ.

Въ то время при Савватіи онъ былъ у насъ его секретаремъ въ духовномъ совѣтѣ. Я и говорю ему, что какіе-то чужестранцы пришли и хотятъ видѣть наше богослуженіе. Одинъ назвалъ себя—Толстымъ, а другіе три съ нимъ тощенькіе на видъ. Перетрухинъ вышелъ со мною къ нимъ, спросилъ ихъ кое о чемъ, какъ и я, а потомъ велѣлъ имъ подождать, пока онъ доложитъ о нихъ архіепископу Савватію. Пока онъ ходилъ въ моленную и совѣтовался съ архіепископомъ, Толстой спрашивалъ меня: давно ли началась служба, и долго ли еще будутъ служить? Всегда ли такъ подолгу служатъ? часто ли архіепископъ служитъ такія долгія и утомительныя службы? и пр. въ этомъ родѣ; я отвѣчалъ ему на его вопросы. Потомъ Толстой и говоритъ французамъ: „они служатъ по древнему чину такъ, какъ у насъ на всей Руси служили до патріарха Никона всѣ архипастыри, начиная съ патріарховъ. Этотъ древній порядокъ богослуженія только у нихъ однихъ сохранился. У нихъ и книги старыя, не тѣ, что теперь существуютъ въ православныхъ церквахъ". Въ это время пришелъ Перетрухинъ и передалъ позволеніе нашего

архіепископа впустить Толстого съ французами въ моленную, но съ тѣмъ, чтобы они стояли и не молились. Толстой со спутниками вошли въ моленную, постояли около часа и отправились къ выходу; я и Перетрухинъ пошли ихъ проводить; на дворѣ они остановились, хвалили нашу службу, пѣніе, порядокъ. Толстой выразилъ желаніе видѣть у себя архіепископа Савватія и просилъ Перетрухина передать Савватію его желаніе. При этомъ онъ просилъ и Перетрухина пріѣхать къ нему, и меня, за компанію съ ними. Конечно, я не поѣхалъ бы къ нему— чего съ еретикомъ толковать! — но когда потомъ владыка Савватій съ Перетрухинымъ поѣхали къ Толстому и пробыли у него часа три, разгорѣлось и у меня желаніе съѣздить къ нему и я нарочно ѣздилъ. Вотъ какъ я узналъ этого барина, и вотъ почему я попалъ къ нему въ домъ.

— Какое же впечатлѣніе вынесли вы и Савватій отъ посѣщенія графа Толстого?—Дурное или хорошее?

— Не знаю, что и сказать, о. Константинъ. Туманное какое-то свиданіе произошло. Выситъ себя онъ высоко, говоритъ слова какія-то несуразныя, неподходящія. При мнѣ у него были какіе-то люди, которые и по-русски, и еще на какомъ-то языкѣ говорили съ нимъ. По моему, о. Константинъ, Толстой совсѣмъ не церковный человѣкъ и въ ученіяхъ св. отецъ вовсе не начитанъ. У него какая-то своя особенная вѣра, нехристіанская, которую онъ и распространяетъ между простаками, несвѣдущими въ Писаніи. Ничего хорошаго я не нашелъ у него. А владыка Савватій такъ отозвался о немъ: „дуритъ, говоритъ, баринъ. Возмечталъ о себѣ, что онъ все знаетъ и лучше знаетъ всѣхъ, а въ самомъ христіанствѣ на вершокъ не хватаетъ". И вѣрно, о. Константинъ! Коли Толстой все знаетъ и всякія книги читалъ, почему же онъ ни разу не перекрестился, когда мы сѣли чай пить и обѣдать? Сѣлъ и ѣстъ себѣ, точно татаринъ. И другіе всѣ за нимъ также. Сейчасъ видно, что онъ или вовсе не читалъ поученія св. отецъ о крестномъ знаменіи, или же читалъ, да отметаетъ его и ни во что поставляетъ преданія св. отецъ. Какой же онъ учитель послѣ того?! А слушали его при мнѣ пришедшіе, точно оракула или какого пророка. По моему, его ученіе по нраву только несвѣдущимъ въ религіи лицамъ. Вотъ я ѣхалъ съ помѣщикомъ, онъ ничего не

знаетъ, для него это подходяще, а намъ его слова, что вода по теченію. Хвалятъ его на всѣ лады и повсюду, а вотъ какъ я посмотрѣлъ на него, да послушалъ его рѣчей, — пустота одна выходитъ. Намъ, христіанамъ, научиться у него нечему. Самъ онъ никогда Богу не молится, св. книгъ у него и въ заводѣ нѣтъ на столѣ, причащенія не признаетъ,—да ничего у него нѣтъ христіанскаго. Мутитъ народъ своими пустыми рѣчами и только. А еще предложилъ мнѣ записаться въ члены какого-то своего общества и 50 руб. выложить ему на столъ. Какъ же! Такому человѣку да такую сумму денегъ и не знай на что вручить, это надо быть слабоумнымъ.

— Словомъ, Л. Н. Толстой не понравился вамъ?

— Да нечему и нравиться въ немъ! Я думалъ, онъ хорошо начитанъ св. отецъ писанія и хорошо толкуетъ его по всѣмъ статьямъ христіанскаго закона, а у него ничего этого нѣтъ, онъ, замѣсто этого, свои *нагія словеса* проповѣдуетъ людямъ. Смутьянъ онъ, по моему, и предтеча антихриста. Безпоповцы и говорить-то съ нимъ не стали бы, не то ѣхать къ нему и тратиться на это. А сколько вѣдь, о. Константинъ, разныхъ простаковъ почитаютъ его да приводятъ его слова и писаніе насупроть даже Евангелія Господа нашего Іисуса Христа. Прямо очумѣлые эти люди! Не знаю, за что и преклоняются передъ нимъ. Конечно, слѣпота и невѣдѣніе ихъ въ этомъ.

Такъ закончилъ мой собесѣдникъ свой отзывъ о Толстомъ и его почитателяхъ.

Миссіонеръ свящ. К. Поповъ.

II.

Графъ Толстой на судѣ раскольничьяго собора.

(Картинка съ натуры).

*В*ъ 2-хъ верстахъ отъ г. Спасска, Тамбовской губ., находится деревня Леплейка, жители которой принадлежатъ къ расколу секты „средниковъ“ (воскресенье празднуютъ въ среду, и отсюда начинается счетъ дней недѣли: четвергъ—у нихъ понедѣльникъ и т. д. Во всемъ остальномъ они тѣже безпоповцы). Въ этой-то Леплейкѣ состоялся съѣздъ раскольниковъ; сюда съѣхались раскольники со всѣхъ окрестныхъ мѣстъ, такъ что незначительная деревня вдругъ стала многолюдною и шумною. Всѣ дома переполнились людьми, а дворы и улица были заставлены всякого рода деревенскими экипажами. Наѣхали мужики, бабы, прибыли начетчики изъ селеній Спасскаго у.: Хомутовки, Киселевки, Вечутокъ; таковые же знатоки раскольничьяго богословія прибыли изъ г. Спасска и изъ сосѣдняго села Абашева, Пензенской губ., начетчики: Иванъ Акимовъ и Иванъ Шалыгинъ. Всѣ эти грамотеи собрались у мѣстной руководительницы раскола, дѣвицы, начетчицы Анны Кузьминичны, благодаря стараніямъ которой и собрался настоящій „соборъ“. Ревнуя поревновахъ о своей сектѣ, дѣвица эта и письменно, и лично просила многихъ, чтобы съѣхались къ ней „на утвержденіе вѣры православной“ и вмѣстѣ съ нею разсмотрѣли и писанію бы предали разныя возникшія „въ ихъ церкви“ мнѣнія, противныя священному Писанію. И вотъ желаніе дѣвы совершилось, ее окружаютъ начетчики и масса слушателей, Анна была на верху блаженства.

Въ назначенное время собраніе открылось седьмипоклоннымъ началомъ и пѣніемъ стихиры: „Днесь благодать Св. Духа насъ собра“... На 2-хъ большихъ, сдвинутыхъ вмѣстѣ, столахъ наложены были горы различныхъ старопечатныхъ книгъ, за которыми усѣлись начетчики, а между ними она, адамантъ древляго благочестія-дѣвица Анна Кузьмина, одѣтая въ черный съ пуговицами напереди сарафанъ, покрытая платкомъ, перегнутымъ не наискось, уголъ къ углу, а въ кромку,

такъ что 2-мя концами она была повязана, а 2 другіе конца платка были назади и отдувались при ея хожденіи. Въ рукахъ у адаманта была лестовка, а предъ иконами въ домѣ горѣли лампадки и восковыя свѣчи. Остальные слушатели помѣстились, кто гдѣ и какъ могли. Когда молитву окончили, всѣ начетчики сказали:

— Вы, Анна Кузьминична, собрали насъ, вамъ и предоставляемъ мы первое мѣсто и честь на „нащемъ соборѣ". Руководствуйте ради Христа.

Адамантъ поблагодарила начетчиковъ за предоставленный ей почетъ и усѣлась на предсѣдательскомъ мѣстѣ. Самолюбіе ея было удовлетворено, какъ нельзя лучше.

— Выкладывайте, какія дѣла у васъ предстоятъ,— сказалъ начетчикъ.

— Сначала я о своемъ буду, а потомъ о другихъ посудимъ,—отвѣтила предсѣдательница.

— Это все единственно будетъ.

— Моя рѣчь о еретикѣ Кирюшкѣ заговорила Анна и повела рѣчь на книжномъ славянскомъ языкѣ. Трелукавый врагъ рода человѣческаго сатана вложи ему въ ушеса порицать наше святоотеческое благочестіе, и начатъ хулити и злословити всяко хранимый нами древній догматъ православной Церкви, еже есть великій день Воскресенія Христова, празднуемый нами не съ еретики никоніаны, а якоже въ пасхаліи уложися, каковый день разликовенствуетъ у насъ, древне истинныхъ христіанъ, съ никоніаны, и показуетъ другій день, рекомый у еретиковъ средою. Мы же, благодатію Божіею соблюдаеміи и Христовъ законъ твердо держаще, зримъ очесы, яко оные никоновы ученицы сами испревратиша лѣтосчисленіе отъ воплощенія Господня и въ четвертокъ нашей лѣтописи празднуютъ Воскресеніе своего иного Іисуса (т. е. другого Христа якобы иного Іисуса). Оле, богомерзкія ереси, братіе и сестры! Еще въ книзѣ св. Кирилла Іерусалимскаго, яже благословеніемъ послѣдняго во благочестіи патріарха Іосифа на Москвѣ припечатася, речено: яко еретицы-папежницы студъ отеческій привнесоша, Церкви обуреванія и мятежъ велій, отъ языкъ же наруганіе, новую пасхалію въ Церковь содбяша, по новыхъ кругахъ уставиша гещи Божіимъ повелѣніемъ установленное, свѣтило на небеси, рекше солнце, ихъ же изобрѣте Ализій, братъ

Антоніевъ. Подобно латинамъ и никоновы ученицы премѣниша дніе и лѣта счисленія отъ воплощенія Бога Слова, но нынѣ нѣсть слово рещи о нихъ, отступникахъ св. Церкви. Предлежитъ слово о новомъ развратникѣ христіанской старожитности и закону св. Церкви, Кириллѣ, иже отъ насъ сый и на ны учини велію брань. Оный Кириллъ нача учити и писанію предавати своя богопротивная измышленія, яко Господень день Воскресеніе изъ мертвыхъ довлѣетъ праздновати во вторникъ седьмицы, а не среду, яко же речется въ счисленіи никонова преданія. И симъ препону сотвори, въ христіанѣхъ смятеніе, и начень удалятися нашея Церкви и всяко злохудожествовати ея, яко еретикъ сущій

— Послать за Кирюхой, — прервалъ наставникъ. Пусть приведетъ свое оправданіе и отвѣтъ держитъ.

— Конечно, привести его довлѣетъ, да изобличится предъ всѣми христіаны,—поддакнули другіе начетчики.

Три парня выдѣлились изъ народа и поспѣшно удалились приглашать Кирилла въ засѣданіе собора.

Цѣлый день расколники судили—рядили Кирюху.

Время было позднее, и соборъ объявленъ закрытымъ до завтра. Стали расходиться по избамъ. Всѣ начетчики отправились къ адаманту, гдѣ имъ предложено было угощеніе.

На слѣдующій день уставщикъ моленной г. Спасска, нѣкто Лаврентій, попросилъ у собора дать ему высказать свое слово. Ему разрѣшили, и Лаврентій, откашлявшись, сказалъ:

— „Въ листочкахъ никоніаны часто пишутъ о графѣ Толстомъ, и самъ онъ распубликовалъ свое ученіе въ разныхъ книгахъ, въ которыхъ онъ отвергнулъ все: и Церковь, и таинства, и Господа Вседержителя, и святыхъ Его, какъ есть ничего не признаетъ, а поучаетъ слѣдовать его уму-разуму и его словамъ вѣрить точно Самому Богу“.

— Какой это графъ, да еще толстый?—съ ироніею спросилъ Иванъ Акимовъ, перебивъ начетчика.

— Не толстый, а Толстой: такъ прозвище ему, а зовутъ Левъ Николаевичъ.

— Да онъ изъ христіанъ что-ли, или такъ себѣ, на маперъ латиньщика, или жида?—спросила предсѣдательница.

— Онъ къ никоновой Церкви принадлежалъ, да

ушелъ изъ нея и свое евангеліе сочинилъ, за это его никоновцы прокляли и разлучили.

— Такъ къ намъ-то ты почто его прилѣпляешь? Для чего и уши скверпишь?—заговорили начетчики и соборяне. Намъ онъ ни къ чему.

— Вы дайте досказать, братіе. У меня въ этомъ сказѣ своя лежитъ сокровенная богословія. Я объ этомъ дни и ночи думалъ и голову ломалъ. Вы думаете, я попусту веду рѣчь.

— Главное, это некасаемое къ намъ. И никоновцы еретики, и графъ твой еретикъ, всѣ они правилами свв. отецъ давно уже прокляты, чего же объ нихъ толкованіе вести?—кипятился начетчикъ изъ с. Киселевки.

— Дайте глаголъ совершить, а тогда судите. Я для того и выложить хочу, чтобы сообча обсудить, не пропускаемъ ли мы мимо глазъ то, что въ пророчествахъ свв. отецъ давно указано. Вѣдь Писаніе-то глубина морская; его нужно изслѣдовать.

Начетчики умолкли. Адамантъ махнула рукой Лаврентію, чтобы продолжалъ свою рѣчь.

— Такъ вотъ этотъ самый графъ,—продолжалъ начетчикъ,—Христа Спасителя нашего отвергнулъ и ни во что поставилъ, а себя водрузилъ на Его мѣсто и свое евангеліе распустилъ по всему свѣту. И пришелъ мнѣ разумъ, что же сіе? Какъ машина на желѣзной дорогѣ безъ паровъ не ходитъ, такъ и это, братіе, мню, не зря объявилось, а долженъ быть слѣдъ въ Писаніи или указаніе. Сталъ я читать божественное Писаніе объ антихристѣ, каковый пакостникъ плоти нашея долженъ человѣкообразно объявитися на послѣдокъ времени...

— Мы духовнаго признаемъ антихриста, а не въ человѣческомъ естествѣ,—вскричали начетчики. Твое мудрованіе несправедливое, Лаврентій. Какого еще тебѣ надо антихриста! Давно онъ объявился и среди насъ уже.

— А вы, братіе, не мѣшайте,—упрашивалъ Лаврентій,—кончу свой протолкъ, тогда разводите на всѣ градусы. Если я неправъ буду, вы объявитесь въ истинѣ. На то и соборъ у насъ, чтобы всяку истину утвердить.

— Ну говори еще,—согласились начетчики.

— Когда я почиталъ божественныя книги: Ефрема,

Златоуста, Вѣру книгу, Кириллову, Ипполита, вижу, что антихристъ точно будетъ духовно царствовать, сирѣчь духовными дѣлами заниматься, а все же онъ будетъ и обликъ свой имѣть, сирѣчь зракъ лица, яко человѣка, и имя его будетъ обноситься въ человѣцѣхъ. Вотъ теперь и судите, братіе, правду я глаголю, или суетная пустословлю. Въ писаніи иже во святыхъ отца нашего Ипполита, папы римскаго, сказано: „Писаніе провозгласило Христа львомъ и скимномъ львовымъ; подобное сказано и объ антихристѣ“. Значитъ, левъ—Христосъ и левъ—антихристъ. Тожде указано и въ книгѣ Соборникъ Большой. Другія же писанія свв. отецъ именуютъ антихриста звѣремъ, но сіе едино суть, понеже левъ тоже отъ звѣря происходитъ. Глаголютъ писанія и сице: яко антихристъ превознесется паче истиннаго Бога и себѣ имать честь и поклоненіе стужати, злохульникъ будетъ, и многіе увѣруютъ ему и преклонятся, и будутъ почитати его. Теперь приложите вся писанія къ оному богоотметнику графу Льву, не сбыстся ли на немъ все пророческое сказаніе?

— Значитъ, по твоему, Левъ Толстой антихристъ?— сказалъ начетчикъ.

— Не по моему, а мню, яко Писаніе сице глаголетъ, азъ же точію пріемлю его, яко глаголъ Божій.

— Мудрено что-то и темно,—сказала предсѣдательница.

— Да, Анна Кузьминична, не всѣмъ дано разумѣть сію велію тайну, ибо тайна сія велика есть, и она дѣется прикровенно. И самъ я раньше ничто-же о семъ помышлялъ, а какъ-то мимо текло; потомъ сталъ всматриваться, читать и провѣрять свои мысли Писаніемъ и вижу, что сей богопротивникъ, рекомый Левъ Толстой, которому, почитай, всѣ благородные и ученые господа отъ мала до велика преклонились нынѣ и почитаютъ его, яко Бога, а онъ изрыгаетъ хульныя словеса на вся священная, есть никто иной, какъ послѣдній антихристъ.

— Какое же намъ дѣло до него! Мы его не знаемъ, и николи его не видали въ жизни. Кто преклонился ему и почитаетъ его, яко Бога, тотъ и погибнетъ. До насъ же это дѣло некасаемо,—сказала предсѣдательница.

— Что вы, братіе, говорите!—отвѣтилъ Лаврентій съ удивленіемъ. Нельзя такъ отрицаться. Мы и Бога не видѣли, а вѣруемъ, что Онъ есть.

— Экъ куда метнулъ! Бога соединилъ съ еретикомъ антихристомъ. Кое общеніе Христови съ Веліаромъ, свѣту съ тьмою, истинѣ Божіей съ ложью?

— Я не соединяю ихъ во единъ купъ, наипаче различковствую въ обоя, но точію вамъ то поясняю, братіе, дабы вѣдали, что въ Писаніи антихристъ именуется львомъ, а левъ есть звѣрь. Графъ Толстой носитъ себѣ наименованіе Льва. Вотъ и судите теперь: не объяснилось ли все священное Писаніе на немъ? По моему, оно точка въ точку вошло, какъ есть въ рифму или по строкѣ Писанія.

— Да вѣдь ты говоришь, что никоновцы его къ анаѳемѣ подвели. Чего же еще?—поднялся одинъ изъ толпы слушателей.

— Антихриста, Пафнутьичъ, мало проклясть. Что ему клятва, да и кто его проклиналъ? -Никоновцы; а они сами еретики. Стало быть ихъ клятва на него, что горохъ къ стѣнѣ. Тутъ нужно духа его избѣгнуть, власти.

— По твоему вытекаетъ, и намъ нужно подвести его подъ анаѳему.

— Непремѣнно, и *ослобониться* отъ него.

— Да какимъ же манеромъ мы будемъ клясть еретика? Кабы онъ нашъ былъ, тогда такъ, а то онъ принадлежитъ къ другой братіи,—вставилъ начетчикъ изъ Хомутовки.

— Сей богохульный Левъ ни къ какой братіи не принадлежитъ, а самъ завелъ свою братію и богохульствуетъ на весь міръ. Тутъ статья великая. Онъ не просто еретикъ и богохульникъ, а самый антихристъ, превознесыйся паче Бога, или чтилища Его. Вотъ онъ кто! Такъ и смотрѣть на него довлѣетъ, яко на противника Богу.

— А какъ же сказано,—послышалось въ толпѣ,— что антихристъ жиды возлюбитъ, и къ нимъ прилѣпится сердце его. Жидамъ церкву воздвигнетъ.

— Жиды это двояко: едино именуется житіе нечистое у христіанъ, другое—сущее жидовство. А почемъ вы знаете, братіе, что онъ не возлюбилъ жидовство? Онъ вся привлекъ къ себѣ, и всяка плоть поклоняется ему.

— Ну это ты, Лаврентій, зря несешь: мы и другіе старообрядцы вовсе не преклонялись ему,—сказала адамантъ обидчиво.

— Я даже въ первый разъ услыхалъ его и житіе-то на землѣ,—вставилъ молчавшій доселѣ начетчикъ изъ с. Вечутки;—николи не слыхалъ его.

— Это ничего не значитъ, братіе. Преклоняться предъ антихристомъ можно и не знаючи его. Потерпите малость; преклоните своя ушеса, я и тутъ все разведу вамъ. У васъ есть помѣщикъ? Ну да это все равно, потому всѣ верховоды на свѣтѣ къ Толстому перешли и въ него увѣровали. Это можно услыхать и у насъ въ Спасскомъ, и вездѣ, у всѣхъ имя Христа Спасителя изглажено, а имя Левъ Толстой всяко во устѣхъ обносится. И ученые, и скудоумніи, и попы россійскіе всѣ заразились имъ и похваляютъ его писаніе. Теперь и смотрите, братіе, дѣломъ самымъ: образъ сего еретика у всѣхъ въ дому, писаніе его даже въ училищахъ и дѣтямъ даютъ. Чтущіе его служатъ по всѣмъ мѣстамъ и управу дѣлаютъ намъ. Пришелъ ты земли взять къ помѣщику, а онъ поклонникъ Льва, его образъ у него на стѣнѣ, писаніе на столѣ, выходитъ, онъ слуга его, такой же прелестникъ и осквернившійся, а ты, христіанинъ, говоришь съ нимъ, землю берешь отъ него и слушаешь. Вотъ уже ты и прикоснулся къ Скверне. А въ лавкѣ? Тамъ даже и портреты есть на разныхъ дѣлахъ рукъ человѣческихъ, и ты покупаешь ихъ и домой тащишь. Вотъ вамъ еще второе и горше перваго оскверненія. Тутъ въ храмину твою вошла уже мерзость запустѣнія и заразила всю твою семью.

— А вѣдь это правда, братіе. Лавруха это хорошо развелъ,—выдвинулся изъ толпы соборянъ мужчина лѣтъ 40, по имени Трифонъ. То-есть мы прямо въ его духъ попадемъ.

— Ну ты, дядя Трифонъ, помолчи, потому тутъ дѣло умственное,—обрѣзалъ начетчикъ изъ Хомутовки.

— Ты одинъ смышленный,—возразилъ Трифонъ, обидѣвшись на начетчика. Думаешь, одинъ ты дока по книгамъ-то, тоже препонтъ ставитъ другимъ. Оно спасенье-то всякому нужно,—вотъ что.

— Ты съ понятіемъ!—сплотнившись уже разомъ крикнули всѣ недовольные заносчивостію хомутовскаго начетчика. Мы все поняли, Лаврентій правду изложилъ свою статью, и мы къ его гласу пріобщаемся.

— Вѣрно Лаврентій сказалъ!—подхватили другіе, которымъ и своихъ хотѣлось защитить, и надоѣло молча сидѣть.

Поднялся шумъ, гвалтъ; всѣ говорили, и никто не слушалъ. Трактовала и баба по своему.

— Братіе,—сказала адамантъ,—помолчите, все разберемъ и выведемъ на дорогу.

— Тише, православные христіане, радѣтели святоотеческаго благочестія!—сказалъ спасскій начетчикъ, радуясь въ душѣ, что, благодаря нетактичности и запальчивости хомутовскаго начетчика, часть публики стала на его сторону.

— Твоя рѣчь по сердцу, дядя Лаврентій,—крикнули одни. Спаси Христосъ за наученіе!—вторили другіе.

Лаврентій былъ на седьмомъ небѣ. Положеніе его разомъ измѣнилось и стало центральной фигурой въ собраніи. Чувствуя это, онъ пересталъ обращать вниманіе на начетчиковъ и всецѣло занялся съ публикою.

— Такъ вы признаете Льва Толстого антихристомъ?—обратился онъ къ народу.

— Ежели, по твоему докладу, онъ такой духъ пущаетъ, конечно, кто же онъ, какъ не супротивникъ Божій,—отвѣтилъ Трифонъ.

— Вѣрно! Принимаемъ такъ

— Что такъ?—переспросилъ Лаврентій?

— Антихристъ онъ! Всеконечный губитель человѣческихъ душъ! ревѣли въ толпѣ.

— Въ писаніи показано антихристу произойти отъ жидовъ, а твой Левъ откуда вышелъ? Развѣ онъ жидъ?—вмѣшался начетчикъ хомутовскій.

— Вотъ еще понесъ что,—заговорили въ толпѣ. Лаврентій разъяснилъ, что жидовство надо понимать образно, а не по сущему изложенію. Всякій, нечестиво живущій человѣкъ, есть жидъ и сослался на книгу Великій Катихизисъ. Народъ остался доволенъ. Не могли возразить противъ этого и сами начетчики, такъ какъ они сами понимали объ антихристѣ такъ же, какъ Лаврентій и всѣ безпоповцы.

— Что же, отцы, надо проклятію предавать этого супостата. Темно ужъ становится, да изнемоглись всѣ отъ жары,—требовали въ толпѣ.

— По моему, дѣйствительно, надо кончить этимъ,—поддакнулъ авторъ сего вопроса.

— А по какимъ же правиламъ мы будемъ проклинать его?—вставилъ начетчикъ изъ Хомутовки. Такихъ правиловъ во всей Кормчей книгѣ не сыщешь, и ни

одинъ соборъ не сказалъ правила противъ антихриста.

— Вотъ-такъ учитель!—закричали въ народѣ. Да всѣ святые отцы проклинали еретиковъ и къ анаѳемѣ ихъ подводили. Образумься. Спасскій начетчикъ добавилъ: Левъ Толстой не только правила св. Церкви отметаетъ, а Самого Господа Бога не признаетъ и всяко поруганію предаетъ. А сказано: „Кто ино нѣкое свое ученіе предлагаетъ, его же св. отцы не утвердиша, аще мы или ангелъ, анаѳема проклятъ".

— Вотъ это тоже,—послышался гулъ одобренія толпы. Это сказано по ученію святыхъ отецъ.

Итакъ, братія, по ученію святыхъ книгъ, Левъ Толстой, возставшій отъ никоніанства, есть антихристъ и подлежитъ со всѣми своими общниками анаѳемѣ и проклятію.

— Такъ, вѣрно, да будетъ,—отозвались въ толпѣ соборянъ. Мы всѣ согласны на этомъ.

— Бойтесь его имени теперь и образа его вносить въ свой домъ,—заключилъ Лаврентій.

Адамантъ встала и объявила собраніе закрытымъ. Народъ разошелся, а Лаврентію долго еще пришлось имѣть препирательство съ другими начетчиками по поводу только что окончившагося вопроса о графѣ Львѣ Толстомъ. Послѣдніе соглашались, что антихристовъ много, и графъ Толстой тоже антихристъ, но чтобы онъ былъ послѣдній антихристъ, указанный въ Писаніи, этого старообрядческіе богословы не признавали. Лаврентій стоялъ на своемъ, что Толстой антихристъ по Писанію. Вопросъ объ этомъ рѣшено послать въ другія общины старообрядцевъ.

На третій день абашевскій начетчикъ Иванъ Акимовъ выступилъ съ трактатомъ: „истинное ли бываетъ крещеніе всякаго мірянина, или же оно должно совершаться только однимъ, выборнымъ отъ общества лицомъ?" Рѣшили: такъ или иначе совершенное православнымъ христіаниномъ, т. е., старообрядцемъ крещеніе правильно и спасительно для вѣрующихъ. Другой начетчикъ с. Абашева Иванъ Шалыгинъ предложилъ разсмотрѣть вопросъ: „Когда можно повторять крещеніе?" Рѣшеніе послѣдовало въ чисто безпоповскомъ духѣ: всякаго еретика должно снова крестить.

Послѣ этого Иванъ Акимовъ повелъ рѣчь о старо-

обрядцахъ, пріемлющихъ бѣглопоповское священство, законно ли это священство, или нѣтъ? Прежде, чѣмъ сказать что-нибудь серьезное по этому вопросу, раскольники начали глумиться надъ бѣглопоповцами и разсказывать разные случаи изъ дѣйствій ихъ бѣглыхъ поповъ. Разсказы эти заняли очень много времени и такъ увлекли и развлекли слушателей, что они совсѣмъ забыли о самомъ вопросѣ священства. И когда Иванъ Акимовъ попытался было направить соборъ къ прямому вопросу, то ему категорически сказали: „Ну какое это священство! Не стоитъ и словъ терять о немъ. Малодушные только могутъ принимать его и находиться въ такой вѣрѣ“. Ивану Акимову пришлось стушеваться.

На этомъ соборъ кончилъ свои засѣданія.

Итакъ имя графа Льва Николаевича Толстого стало притчей во языцѣхъ и у раскольниковъ безпоповцевъ, трактующихъ о его еретичествѣ гдѣ-то въ глухой деревушкѣ Тамбовской губерніи, въ какой-то Леплейкѣ. Раскольники объявили яснополянскаго затворника антихристомъ, какъ врага Христова. Явленіе среди раскольниковъ въ высшей степени характерное и знаменательное, и мы не можемъ не отмѣтить на страницахъ миссіонерскаго органа, хотя знаемъ, какъ это прискорбно для почитателей великаго таланта отечественнаго писателя. Но... amicus Plato, sed magis amica veritas.

Сообщилъ *С. К. П.*

XIX.

Лжехристіанство гр. Л. Н. Толстого предъ судомъ русской литературной критики.

I.

Религіозно-нравственныя воззрѣнія Л. Н. Толстого въ молодости и въ старости.

(По поводу книги Д. С. Мережковскаго. „Л. Н. Толстой и Достоевскій“).

До самаго послѣдняго времени—до изданія извѣстнаго синодальнаго посланія—одни изъ громаднаго большинства читающей публики знали Л. Н. Толстого, какъ талантливаго беллетриста, какъ извѣстнаго автора „Анны Карениной“, „Войны и Мира“ и проч.; другіе—зачитывались и восхищались его философско-богословскими произведеніями послѣднихъ лѣтъ. Посланіе синодальное, привлекши всеобщее вниманіе къ Толстому‘ довело его до высокой степени напряженія; вся читающая Россія заинтересовалась имъ и стала знакомиться съ сочиненіями не одного только періода его писательства: читаются и перечитываются нынѣ произведенія гр. Т—го во всей ихъ совокупности. У такихъ читателей невольно возникаютъ теперь вопросы: одинъ ли и тотъ же Л. Н. Толстой, какъ авторъ романовъ и какъ авторъ послѣднихъ по времени его произведеній? Что за душевный переворотъ, происшедшій у него? Вопросы эти вполнѣ естественны и законны. Отвѣтъ на нихъ даетъ въ книгѣ своей Д. С. Мережковскій: „Христосъ и Антихристъ въ русской литературѣ. Л. Толстой и Достоевскій“. Книга эта въ высшей степени важна и тѣмъ еще, что въ ней авторомъ дается полная, всесторонняя характеристика Л. Н. Толстого, какъ религіозно-нравственнаго мыслителя. Авторъ—г. Мережковскій—свѣтскій писатель, далеко не церковный мыслитель. Поэтому въ какомъ-либо пристрастіи его къ „клерикализму“ заподозрѣть не можетъ даже самая придирчивая критика. Значитъ, всѣ сужденія почтеннаго автора о Л. Толстомъ и характеристику послѣдняго должно почесть не иначе какъ за результатъ одного только всесторонняго изученія произведеній самого Л. Толстого и литературы о немъ.

Свою рѣчь о Л. Толстомъ г. Мережковскій начинаетъ съ констатированія факта, что „въ русскомъ обществѣ, отчасти и въ критикѣ, утвердилось мнѣніе, будто бы въ концѣ семидесятыхъ, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ съ Л. Толстымъ произошелъ глубокій нравственный и религіозный переворотъ, который въ корнѣ измѣнилъ не только всю его личную жизнь, но и умственную и писательскую дѣятельность, какъ бы переложилъ его существованіе на двѣ половины: въ первой онъ— только великій писатель, можетъ быть и великій человѣкъ, но всетаки человѣкъ отъ міра сего, съ человѣческими и даже русскими страстями, скорбями, сомнѣніями, слабостями; во второй—онъ выходитъ изъ всѣхъ условій историческаго быта и культуры; одни говорятъ, что это христіанскій подвижникъ, другіе—безбожникъ, третьи—фанатикъ, четвертые—мудрецъ, достигшій высшаго нравственнаго просвѣтленія, какъ Сократъ, Будда, Конфуцій,—основатель новой религіи". Самъ Л. Толстой какъ бы подтверждаетъ свое перерожденіе. „Пять лѣтъ тому назадъ, писалъ онъ въ 1879 г. въ своей „Исповѣди", со мною стало случаться очень странное: на меня стали находить минуты сначала недоумѣнія, остановки жизни, какъ будто я не зналъ, какъ мнѣ жить, что мнѣ дѣлать. Эти остановки жизни всегда выражались одинакими вопросами: зачѣмъ? Ну, а потомъ? Я будто жилъ-жилъ, шелъ-шелъ, и пришелъ къ пропасти; я ясно увидалъ, что впереди ничего нѣтъ, кромѣ погибели.—Я всѣми силами стремился прочь отъ жизни.—И вотъ я, счастливый человѣкъ, пряталъ отъ себя шнурокъ, чтобы не повѣситься на перекладинѣ между шкапами въ своей комнатѣ, гдѣ я каждый вечеръ бывалъ одинъ, раздѣваясь, и пересталъ ходить съ ружьемъ на охоту, чтобы не соблазниться слишкомъ легкимъ способомъ избавленія себя отъ жизни". Л. Толстой сталъ жить тогда въ общеніи съ рабочимъ народомъ, и вотъ съ нимъ случился переворотъ. „Жизнь нашего круга--богатыхъ ученыхъ—не только опротивѣла мнѣ, но потеряла всякій смыслъ. Всѣ наши дѣйствія, разсужденія, наука, искусство—все это предстало мнѣ въ новомъ значеніи. Я понялъ, все это—одно баловство, что искать смысла въ этомъ нельзя.—Я возненавидѣлъ себя и призналъ истину. Теперь мнѣ все ясно стало". Этотъ переворотъ въ жизни Толстого подтверждается и всѣми близкими къ нему людьми. Братъ

его жены, между прочимъ, писалъ, что „измѣнилась не только его, Л. Н., жизнь и отношеніе ко всѣмъ людямъ и ко всему живому, но измѣнилась и вся мыслительная его дѣятельность; что *весь Левъ Николаевичъ сдѣлался олицетворенною идеею любви къ ближнему*".

Жена же его писала брату въ началѣ 1881 г., что Л. Н. Толстой „сталъ христіанинъ самый искренній и твердый".

Несмотря на такія ясныя, искреннія свидѣтельства, Д. С. Мережковскій не видитъ въ духовной жизни Толстого такого глубокаго переворота. Онъ обращается къ произведеніямъ самого Толстого, которыя всѣ представляютъ тончайшую его автобіографію, его внутреннія переживанія. Въ „Дѣтствѣ, отрочествѣ и юности" 24-хъ лѣтній Толстой вспоминаетъ мысли и идеи 14—15-ти лѣтняго возраста, когда онъ стремился уяснить себѣ вопросъ о назначеніи человѣка, о безсмертіи и будущей жизни; вспоминаетъ, какъ онъ, помогая однажды слугѣ выставлять рамы въ окнахъ, почувствовалъ умиленіе христіанскаго самопожертвованія и хотѣлъ „измучиться, оказывая эту услугу Николаю", какъ онъ рѣшилъ тогда „скорѣй-скорѣй, сію-же минуту сдѣлаться другимъ человѣкомъ и начать жить иначе и какъ сожалѣлъ, что „дуренъ былъ онъ прежде", и радовался тому, какъ онъ можетъ быть хорошъ и счастливъ въ будущемъ. Тогда же онъ рѣшилъ исправить себя и все человѣчество. Съ этою цѣлію для себя онъ написалъ на разлинованномъ листѣ обязанности къ Богу и къ ближнимъ, рѣшивъ непреклонно выполнять ихъ. Вслѣдствіе однѣхъ и тѣхъ же мыслей о смерти и будущихъ мукахъ, онъ однажды, „чтобы пріучить себя къ страданію, несмотря на страшную боль, держалъ по 5 минутъ въ вытянутыхъ рукахъ лексиконы Татищева, или уходилъ въ чуланъ и веревкой стегалъ себя по голой спинѣ"; другой разъ, наоборотъ, подъ вліяніемъ тѣхъ же мыслей онъ бросилъ уроки и дня три „занимался тѣмъ, что, лежа на постели, наслаждался чтеніемъ какого-либо романа и ѣдою пряниковъ съ кроновскимъ медомъ". Одинъ Толстой, сознательный, смиряется и кается, другой—безсознательный, злой и сильный—„воображаетъ себя великимъ человѣкомъ, открывающимъ для блага всего человѣчества новыя истины и съ гордымъ сознаніемъ своего достоинства смотритъ на остальныхъ

смертныхъ", испытывая утонченное, сладострастное, горделивое наслажденіе даже въ самоотвращеніи. Который изъ двухъ Толстыхъ болѣе искренній?

Если мы сопоставимъ взглядъ самого Л. Толстого изъ разныхъ эпохъ его жизни, то увидимъ, прежде всего, что молодое стремленіе его къ добру („Дѣтство, отрочество и юность") было только умствованіями; первая попытка начать практически осуществлять добро окончилась разочарованіемъ и неудачей, такъ какъ при разлиновкѣ бумаги для записи его обязанностей къ Богу чернила размазались въ продолговатую лужу. Это разочарованіе съ возрастомъ усиливается, и Нехлюдовъ (въ „Воскресеніи") уже называетъ „глупостью все то, что онъ зналъ и чему онъ вѣрилъ и что любилъ; любовь, самопожертвованіе—вотъ одно истинное, независимое отъ случая счастье", думалъ онъ, но и они въ дѣйствительности дали ему, какъ онъ замѣтилъ черезъ годъ, одно *„сухое разумное довольство"*. Нехлюдовъ убѣждается въ концѣ концовъ, что онъ не умѣетъ дѣлать добро людямъ, и что мужики тоже недовѣрчиво смотрятъ на добродѣтельныя попытки барина. Другой герой—Оленинъ, сознающій себя безгранично свободнымъ и неуспѣвшій еще разочароваться, такъ какъ любилъ *себя* (и только себя) и вѣрилъ въ себя, видитъ правду и счастье жизни въ сближеніи человѣка съ природой и опрощеніи себя, а потому презираетъ своихъ московскихъ пріятелей, живущихъ иною культурною жизнью. Больше всего воплощаетъ въ себѣ этотъ философски-цинический взглядъ на жизнь толстовскій Ерошка, тоже любящій свободу, желающій жить внѣ человѣческихъ, культурныхъ понятій о добрѣ и злѣ, законы которыхъ онъ выводитъ для себя изъ природы. „По моему все одно. Все Богъ сдѣлалъ на радость человѣку. *Ни въ чемъ грѣха нѣтъ.* Хоть съ звѣря примѣръ возьми. Онъ и въ татарскомъ камышѣ, и въ нашемъ живетъ. Что Богъ далъ, то и лопаетъ. А наши говорятъ, что за это будемъ сковороды лизать. Я такъ думаю, что *все одна фальшь.* Сдохнешь,—трава выростетъ, *вотъ и все"*. Любовь къ живому какъ будто сближаетъ съ христіанствомъ чувства Ерошки, какъ и Оленина въ другомъ случаѣ, когда онъ тоже чувствовалъ любовь ко всему; но въ сущности это—язычество, соприкасающееся съ христіанствомъ настолько, насколько могутъ соприкасаться двѣ

противоположныя крайности. Добродѣтельныя стремленія, вытекающія изъ этой языческой мудрости, терпятъ неудачу, такъ какъ не имѣютъ основы во внутреннемъ человѣкѣ. Оленинъ, какъ Иртеньевъ и Нехлюдовъ, также испыталъ это. Пожертвовавъ своею любовью къ женщинѣ, онъ потомъ даже понять не могъ, какъ „могъ дорожить такимъ одностороннимъ, холоднымъ, умственнымъ настроеніемъ", а отсюда слѣдовало, что самоотверженіе—вздоръ и дичь и совершенно излишне, такъ какъ въ душѣ *искренно* чувствуется только одна *любовь къ себѣ*. Вотъ въ этомъ *дѣйствительно искреннемъ* сознаніи героевъ Толстого (иначе—его самого) и заключается начало и *корень* всѣхъ воззрѣній и выводовъ толстовскаго ученія; *любовь къ себѣ* или, наоборотъ, *ненависть*—это двѣ главныя пружины, на которыхъ все движется въ сочиненіяхъ Л. Толстого.

Есть и другое начало, которое движетъ героями повѣстей Толстого, это—честолюбіе; Оленинъ мечтаетъ о флигель-адъютантствѣ подобно тому, какъ самъ Толстой, по собственному признанію, мечталъ о георгіевскомъ крестѣ. Неудовлетворенный въ своихъ желаніяхъ, по нерасположенію одного изъ начальниковъ, онъ вышелъ въ отставку, и въ своихъ произведеніяхъ всегда мститъ типу такихъ начальниковъ. Въ годъ освобожденія крестьянъ онъ намѣревался выдвинуться на идейномъ поприщѣ, работая для крестьянъ въ качествѣ мірового посредника, но какъ прежнія его попытки дѣлать добро, такъ и эта „были только любительствомъ, *охотою*". Женитьба—вотъ первый серьезный шагъ въ жизни Л. Толстого. Съ этого времени у него начинаются заботы объ устройствѣ дома, семьи. Даже свой писательскій талантъ въ то время онъ употреблялъ, какъ средство для благоустройства своего дома. Всѣ свидѣтели этого времени, а также и собственныя письма Толстыхъ, говорятъ о домашнихъ его заботахъ. Здѣсь выразилась у Толстого любовь къ жизни вообще. Съ этой стороны онъ достигъ полнаго счастья и осуществленія своихъ идеаловъ, такъ что говорилъ гр. Соллогубу: „если бы пришла волшебница и предложила мнѣ исполнить мое желаніе, я бы не зналъ, что сказать". Но, достигнувъ этого безотчетнаго, непосредственнаго благополучія, онъ вдругъ вздумалъ заглянуть въ потустороннюю долину, и здѣсь онъ испытываетъ, какъ и Соломонъ, суету и томленіе духа.

„Я какъ будто, говорилъ онъ, жилъ-жилъ, шелъ-шелъ и пришелъ къ пропасти“; „я испытывалъ ужасъ передъ тѣмъ, что ожидаетъ меня... ужасъ тьмы былъ слишкомъ великъ и я хотѣлъ поскорѣе избавиться отъ него петлей или пулей“. Этотъ страхъ смерти былъ не болѣе, какъ обратной стороной любви Л. Толстого къ жизни.

Разбирая взгляды Толстого на смерть, можно видѣть, что на смерть онъ смотритъ, какъ на *уничтоженіе* всего, какъ на переходъ въ абсолютное *ничто*, за которымъ ничего *нѣтъ*; взглядъ этотъ, конечно, языческій, приводящій къ нирванѣ буддистовъ. Въ этомъ отношеніи даже великій язычникъ новаго времени, Гете, стоитъ ближе къ христіанству, ибо онъ говоритъ о цѣли жизни дѣлать *преходящее непреходящимъ.*

Въ такомъ духѣ Толстой пишетъ о смерти брата своего Николая, который, по его словамъ, предъ смертью вскочилъ и съ ужасомъ прошепталъ: „что это?—это, замѣчаетъ Л. Толстой, онъ увидѣлъ свой переходъ въ *ничто*“. Мережковскій справедливо сопоставляетъ этотъ взглядъ Толстого на смерть и будущую жизнь со взглядомъ еретиковъ жидовствующихъ (XVI в.), которые говорили: „А что то царство небесное? А что то второе пришествіе? А что то воскресеніе мертвыхъ? Ничего того нѣсть. Умеръ кто,—инъ по та мѣста и былъ“. А Ерошка у Толстого еще прямѣе говоритъ: „умру—трава выростетъ“. Взглядъ--чисто языческій. Тертулліанъ, говоритъ г. Мережковскій, утверждаетъ, что душа человѣка по природѣ христіанка, но, кажется, у Л. Толстого она урожденная язычница. „Если бы, продолжаетъ онъ, глубина его сознанія соотвѣтствовала глубинѣ его стихійной жизни, онъ понялъ бы, наконецъ, что ему нечего бояться и стыдиться своей души язычницы, что она дана ему Богомъ“.

Во второй половинѣ своей жизни Толстой разсмотрѣлъ эту свою тѣлесную стихійность и рѣшилъ подчинить ее сознанію, какъ нѣчто „преступное, злое, то, чему не слѣдуетъ быть. Онъ рѣшилъ, по замѣчанію Мережковскаго, „до конца возненавидѣть душу свою, чтобы спасти ее“. Теперь онъ уже всю культурную жизнь обозвалъ „баловствомъ“, и ему, по собственному признанію, стало все ясно“.

„Но 3—4 года спустя это ясное снова затуманилось“, говоритъ Д. С. Мережковскій, замутилось въ частности,

когда въ 1882 г. вовремя московской переписи онъ убѣждалъ богатыхъ людей соединиться для совмѣстной благотворительной дѣятельности и спасти сначала Москву, а потомъ и всю Россію. Здѣсь, по собственному признанію, Толстой чувствовалъ нѣкоторую фальшь и неловкость (стр. 52). Настоящій взглядъ на частную благотворительность открылся Толстому изъ простого ариѳметическаго подсчета. Онъ видѣлъ, что его работникъ Семенъ подавалъ нищему 3 коп. и просилъ у него 2 сдачи, но когда у него двухъ копѣекъ не оказалось, то Семенъ, перекрестившись, оставилъ ему Господа ради всѣ 3 коп. Толстой зналъ, что у Семена сбереженій 6 р. 50 коп., а у него, Толстого, 600 т. р.; отсюда слѣдовалъ выводъ, что Толстой долженъ былъ бы единовременно подавать нищему по 3 тыс. руб., но онъ вдался въ софизмы. Если, говорилъ онъ самъ себѣ, если я и 100 т. р. дамъ, то не буду еще въ состояніи дѣлать добро, ибо у меня останется еще 500 т. р. Вотъ когда, говорилъ онъ, я все отдамъ, разорву „слабую паутину" собственности, тогда я буду въ состояніи дѣлать добро, иначе же я—та вошь, пожирающая листъ дерева, хочу помогать росту и здоровью этого дерева и хочу лѣчить его". Онъ понялъ, что не возненавидѣлъ себя, когда оставилъ у себя деньги, и вотъ онъ рѣшилъ освободиться отъ нихъ, освободиться отъ собственности.

Бытописатель Толстого Берсъ говоритъ, что предположеніе, будто онъ умолчалъ о томъ, что было не въ пользу Л. Н., невѣрно, потому что въ жизни Л. Н. *нѣтъ даже ничего такого, что приходилось бы скрывать*. У величайшихъ святыхъ были минуты паденья, справедливо замѣчаетъ Д. С. Мережковскій, надъ апостоломъ виситъ грѣхъ отступничества, а здѣсь вдругъ такая непорочность, что даже самъ Толстой возвѣстилъ, что у него тайнъ нѣтъ, „и пусть всѣ знаютъ, что онъ дѣлаетъ". Но каковъ же въ данномъ случаѣ Толстой, съ такою смѣлостью заявляющій о своей чистотѣ, и кто онъ,— святой или безстыдникъ, презирающій людей?—До вопроса о раздачѣ имущества имѣется подробная его исповѣдь, но съ этого момента онъ вдругъ умолкаетъ—и навсегда. Изъ писемъ Берса мы узнаемъ, что онъ рѣшилъ непремѣнно раздать имущество, но встрѣтилъ протестъ со стороны жены, которая хотѣла даже учредить опеку надъ имуществомъ. Предстояло, такимъ

образомъ, принести Толстому величайшую жертву, о которой говоритъ Спаситель: *«иже любитъ отца, или матерь, или жену... паче Мене, нѣсть Мене достоинъ»*... „врази человѣку домашніе его"; слабая паутина оказалась крѣпко сотканной на плоти и крови. Св. угодники Божіи, напр., Алексѣй человѣкъ Божій и др., въ данномъ случаѣ все оставляли для Господа; недаромъ чтитъ ихъ народъ, какъ своихъ не только святыхъ, но и героевъ, богатырей духа, разорвавшихъ узы плоти. Близокъ сердцу народному дядя Власъ, который „роздалъ все имѣніе, самъ остался босъ и голъ и сбирать на построеніе храма Божьяго пошелъ"; близокъ былъ бы народу и сдѣлался бы народнымъ героемъ,—теперь лишь *костюмирующійся* въ народную одежду,—Л. Толстой. „Вотъ, что должно было бы совершиться,—говоритъ Д. С. Мережковскій,—великій писатель русской земли долженъ былъ сдѣлаться *подвижникомъ* русскаго народа,—явленіе небывалое, единственное въ нашей культурѣ".—Недаромъ взоры всего народа устремлены на Толстого и не только на то, что онъ пишетъ, но и что дѣлаетъ. Но того, чего можно было ожидать, не случилось: Толстой *дѣйствительнымъ* подвижникомъ народа не сдѣлался, а лишь рисуется такимъ у своихъ почитателей (послѣдній портретъ Рѣпина). Не желая противиться женѣ насиліемъ, говоритъ Берсъ, Л. Н. сталъ относиться къ своей собственности такъ, какъ будто ея не существуетъ, и отказался отъ своего состоянія, сталъ игнорировать его судьбу и *пересталъ* имъ *пользоваться, если не считать* того, что онъ живетъ въ яснополянскомъ домѣ. Вышла новая фальшь: Л. Н. вознамѣрился, оставаясь верблюдомъ, пролѣзать въ ушко иглы, оставаясь богатымъ, „не брать денегъ въ руки, не носить ихъ при себѣ",—однимъ словомъ, не противиться злу, присѣвъ у дороги, отдохнуть, быть только наблюдателемъ жизни, сваливъ всю тяжесть ея и черную работу на другихъ, въ частности на жену. Такъ же, какъ на отношеніе къ имуществу, народъ обращаетъ вниманіе на другія стороны жизни Толстого,—его домашнюю обстановку, пищу, одежду и работу.

Всѣ наблюдатели отмѣчаютъ „выдержанность и солидность стариннаго барства" въ домѣ Толстыхъ и „неуловимую благородную простоту". Л. Толстой не пользуется услугами лакея, онъ самъ убираетъ свою

комнату, напоминающую простотою кабинетъ Паскаля, самъ даже возитъ на себѣ воду. Эту свою комнату Толстой не позволилъ перестроить, увѣряя жену, что многіе дѣятели живутъ и работаютъ въ несравненно худшихъ помѣщеніяхъ, чѣмъ онъ. Но, замѣчаетъ Мережковскій, едвали многіе дѣятели пользуются такой комнатой, какъ кабинетъ Толстого. Онъ уединенъ, лишенъ украшеній, но за то ничто не развлекаетъ вниманія Толстого, ни даже какая-нибудь бездѣлушка, ни какой-либо звукъ съ улицы. За это спокойствіе, „располагающее къ размышленію", можно отдать многое. „Это — блаженство и глубокая *нѣга*", замѣчаетъ Мережковскій, и какъ она рѣдко, какъ трудно достижима въ большихъ городахъ. Рабочая комната въ Ясной Полянѣ еще удобнѣе. Она въ затишьи стариннаго парка изъ вѣковыхъ березъ и въ ней прохладно, какъ въ погребѣ. „И все въ домѣ соотвѣтствуетъ благородному утонченному вкусу хозяина, его любви къ *роскошной простотѣ*".

Въ отношеніи пищи Толстой вегетеріанецъ. Но можно изъ писемъ и словъ жены его и родныхъ видѣть, чего стоитъ этотъ столъ. Вѣдь Толстой не постничаетъ такъ, какъ вегетеріанствовали святые, или даже какъ нашъ бѣдный русскій мужичекъ. Нѣтъ, графиня Толстая сама сознается, какихъ усилій стоило ей достигнуть того, чтобы столъ былъ почти настолько же разнообразенъ, изысканъ и вкусенъ, какъ и мясной. Опять *роскошная простота*. „Если бы, говоритъ Мережковскій, Толстой, подобно дядѣ Власу, ходилъ по большимъ дорогамъ, или, какъ онъ это совѣтовалъ старшему сыну, нанялся въ батраки къ мужику, ему не удалось бы съ такою точностью соблюдать вегетеріанскій постъ, можетъ быть, даже пришлось бы поневолѣ съѣсть запретную „убоину", какую-нибудь селедку или печенку со Смоленскаго" (стр. 65).—Одежда его проста, какъ и пища, но она сшита, опять таки по особо выработанному графиней покрою, такъ удобно, что гости Толстыхъ охотно промѣниваютъ свои сюртуки и пиджаки на блузы Л. Н. И въ этой одеждѣ свойственно ему даже нѣкоторое щегольство, замѣчаетъ Д. С. Мережковскій. Въ юности огорчался онъ тѣмъ, что лицо у него „совсѣмъ какъ у простого мужика". Теперь онъ этимъ хвастаетъ. Онъ любитъ разсказывать, какъ на улицахъ и въ незнакомыхъ домахъ принимаютъ его за настоящаго мужика

или даже за бродягу". Въ юности онъ мечталъ получить Георгія, теперь онъ интересуется болѣе современными знаками отличья, но не все ли равно какими, говоритъ Мережковскій. Толстой любитъ запахъ навоза, но и любитъ французскіе духи. Въ бѣльѣ у него всегда лежитъ саше. „Такъ Л. Н. изобрѣлъ новый утонченный способъ наслаждаться ароматами: послѣ навоза запахъ цвѣтка и духовъ еще упоительнѣе" (стр. 68). Точно также физической работой Л. Н. поддерживаетъ аппетитъ, чтобы послѣ работы блюда всегда дѣлались вкуснѣе.

Еще одну весьма характерную черту отмѣчаетъ Д. С. Мережковскій у Л. Н.,—это любовь къ своему *тѣлу, плоти.* Описывая еще первыя смутныя впечатлѣнія дѣтства при купаньи въ корытѣ, Л. Н. говоритъ, что „въ первый разъ замѣтилъ и *полюбилъ свое тѣльце*". Вронскій тоже испытывалъ радостное *сознаніе* своего *тѣла*. „Кажется, говоритъ Мережковскій, ни въ комъ эта чистая животная радость плотской жизни, знакомая древнимъ, теперь сохранившаяся только у дѣтей, не выражалась съ такою откровенною, первобытною и невинно-безстыдною обнаженностью, какъ во Л. Толстомъ". Къ старости эта плотяность ничуть не уменьшается у Толстого. Готовясь къ смерти, онъ больше думаетъ о плотскомъ, о славѣ и земномъ безсмертіи. Кто не былъ у Толстого, начиная отъ великихъ писателей, кончая разбойникомъ Чуркинымъ? „Радостно узнавать про вліяніе на другихъ людей, потому что только тогда убѣждаешься, что огонь, который въ тебѣ,—настоящій,—настоящій, если зажигаетъ",—вотъ его слова. Или: „Я не заслужилъ генерала отъ артиллеріи, за то сдѣлался генераломъ отъ литературы". „Такъ сумѣлъ онъ соединить утонченнѣйшую роскошь и *нѣгу плоти* съ послѣдней роскошью и *сладострастьемъ духа—славою.* Гдѣ же, однако, заповѣдь Христа объ отреченіи отъ собственности, о совершенномъ смиреніи и совершенной бѣдности, какъ единственномъ пути въ царствіе Божіе? Гдѣ этотъ соединяющій путь, какъ бы мостъ, перекинутый надъ пропастью, которую вырыли между нашей вѣрою и вѣрою русскаго народа преобразованія Петра? Гдѣ великій писатель земли русской въ образѣ великаго подвижника?"—съ горечью вопрошаетъ Мережковскій (стр. 75).

Самыя добрыя дѣла Толстой творитъ не безъ плотского удовольствія. Погорѣвшій мужикъ проситъ лѣсу для постройки. Л. Н. съ Берсомъ самъ отправляется рубить его. Мужикъ уныло глядитъ издали. Л. Н. и Берсъ работаютъ съ увлеченіемъ. „Л. Н., замѣчая мою радость, говоритъ Берсъ, нарочно уступалъ мнѣ работу, какъ будто этимъ онъ хотѣлъ мнѣ открыть новыя *ощущенія*". Когда мужикъ былъ отправленъ, Л. Н. сказалъ: „Развѣ можно сомнѣваться въ необходимости и *удовольствіи* такой помощи?" Мужики, по признанію самого Толстого, смотрятъ на него только, какъ на рогъ изобилія, а на его работы, какъ на господскую забаву. Точно также въ «Дѣтствѣ и отрочествѣ» Л. Толстой, чтобы услыхать похвалу, чтобы найти удовольствіе, разсказываетъ извозчику, какъ онъ однажды, забывъ сказать одинъ грѣхъ духовнику, вторично поэтому поѣхалъ къ нему и окончилъ исповѣдь; и когда вмѣсто ожидаемой похвалы себѣ Толстой услыхалъ отъ возницы: «А что, баринъ, ваше дѣло—господское?»—то ему сдѣлалось стыдно. Такъ всю жизнь боролся, мучился этотъ человѣкъ, но не одержалъ послѣдней побѣды, не разрушилъ, какъ ему казалось, «слабой паутины» собственности, плоти и крови, не сдѣлался народнымъ подвижникомъ, а наоборотъ, погрязъ въ этой плоти, прикрывшись отъ нея чужимъ именемъ.

Толстой былъ одинокъ, какъ человѣкъ, онъ не пріобрѣлъ друга. Ни Фетъ, ни Тургеневъ не были дружны съ нимъ до конца дней своихъ. Единственно о смерти кого изъ писателей пожалѣлъ Толстой,—это о Достоевскомъ, съ которымъ онъ не былъ лично и знакомъ. Послѣ смерти его онъ говорилъ, что «*опора* какая-то отскочила отъ меня»; Толстой почувствовалъ, что это былъ «самый близкій, дорогой, нужный ему человѣкъ». Достоевскій съ его вѣрующимъ сердцемъ и геніальнымъ умомъ дѣйствительно могъ бы быть имъ для Толстого. Но съ другой стороны—Достоевскій во всемъ представляетъ яркую противоположность Л. Н. Толстому. Для лучшей обрисовки послѣдняго укажемъ немного на умственное развитіе и на писательскій талантъ ихъ обоихъ.

Толстой главное вниманіе сосредоточиваетъ на *внѣшности*, на *плоти* предметовъ и ее подчеркиваетъ. Чрезъ внѣшнее онъ стремится проникнуть во внутреннюю

сторону душевной жизни своихъ героевъ. Вотъ онъ, напр., подчеркиваетъ «верхнюю губку» на ротикѣ Болконской, по его мнѣнію, характерную; тонкую шею у Верещагина, бѣлую ручку у Наполеона и т. д. Внѣшнія, тѣлесныя описанія ему и удаются гораздо лучше, чѣмъ выясненіе внутреннихъ, духовныхъ причинъ. Каждый его герой такъ описанъ, что стоитъ предъ нами, какъ живой; его поступки до того ясно объяснены у Толстого изъ внѣшнихъ причинъ, что это искусство можно назвать у него *ясновидѣніемъ* плоти. По раздѣленію человѣка ап. Павломъ на три части: духъ, душу и тѣлу, Толстого можно назвать изобразителемъ тѣлесно-духовнаго, или душевнаго человѣка, т. е., «той стороны плоти, которая обращена къ духу, говоритъ Д. С Мережковскій, и той стороны духа, которая обращена къ плоти,—таинственной области, гдѣ совершается борьба между звѣремъ (животной стороной) и Богомъ въ человѣкѣ». Эта борьба есть собственная трагедія Толстого. „Онъ, вѣдь, самъ по преимуществу человѣкъ душевный, ни *язычникъ*, ни *христіанинъ* до конца, а вѣчно воскресающій, обращающійся и не могущій воскреснуть и обратиться въ христіанство, полу-язычникъ, полухристіанинъ“ (стр. 197).

Замѣчательно то, что когда Толстой выходитъ изъ предѣловъ описаній тѣлесно-духовной природы, душевнаго человѣка, талантливость его уменьшается, а есть такія мѣста въ его произведеніяхъ, гдѣ талантъ его какъ будто изсякаетъ. Это тамъ, гдѣ ему приходится описывать самыя внутреннія, глубокія духовныя причины, а не тѣлесно-душевныя. Напр., отношеніе къ болѣзни Наташи отца ея графа Ростова и сестры Сони Толстой описываетъ такъ: «какъ бы переносилъ графъ болѣзнь своей любимой дочери *ежели бы* онъ не зналъ, что *ежели* она не поправится, то онъ не пожалѣетъ еще тысячъ и повезетъ ее заграницу... Что бы дѣлала Соня, *ежели* бы у нея не было радостнаго сознанія *того*, что она не раздѣвалась три ночи *для того, чтобы* быть наготовѣ исполнить въ точности всѣ предписанія доктора и *что* она теперь не спитъ ночи *для того, чтобы* не пропустить часы, въ которые нужно давать пилюли.. И даже ей радостно было бы, что она, пренебрегая исполненіемъ предписаннаго, могла показывать, *что она* не вѣритъ въ лѣченіе». Или вотъ примѣръ въ такомъ

же родѣ: «досадуя на жену *за то, что* сбывалось *то, чего* онъ ждалъ, именно *то, что* въ минуту пріѣзда, тогда какъ у него сердце захватывало отъ волненія при мысли о *томъ, что* съ братомъ, ему приходилось заботиться о ней *вмѣсто того,* чтобы бѣжать тотчасъ же къ брату,—Левинъ ввелъ жену въ отведенный имъ нумеръ». Это—топтаніе на мѣстѣ шепеляваго старца Акима, мѣтко подчеркиваетъ Мережковскій. Есть въ такихъ случаяхъ прямо грамматическія неправильности, которыя могъ бы исправить любой учитель. Напр., «ему и въ голову не приходило, *чтобы* такое веселое для него препровожденіе времени *могло бы* быть для кого-нибудь не весело». Этого двойного повторенія *бы* не допуститъ и порядочный ученикъ. Не удивительно то, что эта небрежность объясняется изъ тѣлесно-душевнаго склада писателя, становящагося слабымъ даже въ стилѣ, когда онъ начинаетъ трактовать о вещахъ духовныхъ. Замѣчательно также то, что эти шероховатости стиля остались послѣ семикратной переписки произведеній Толстого его женой и его собственныхъ корректуръ. Чѣмъ ближе Толстой къ тѣлу, тѣмъ глубже и вѣрнѣе его психологія!

Вслѣдствіе этого же тѣлесно-душевнаго склада писателя, у Толстого нѣтъ изображенія духа эпохи, въ которой вращаются его герои. Въ „Аннѣ Карениной", повидимому, романѣ 60-хъ—70-хъ годовъ, нѣтъ духа эпохи, не говорится ничего объ идеяхъ, которыми жило общество, его герои—сами по себѣ. Въ „Войнѣ и Мирѣ" опять, кромѣ внѣшнихъ чертъ, нѣтъ никакой историчности эпохи. Жизненную программу любого изъ героевъ этого романа, его интересы можно перенести въ какую угодно эпоху.

Изъ этого же склада Толстого можно объяснить и его взгляды на міръ и религію. Вездѣ герои его проповѣдуютъ свое тожество и одинаковость съ животнымъ міромъ и даже больше: превосходство послѣдняго. Ерошка говоритъ, что звѣрь „*умнѣе* человѣка... *онъ все* знаетъ". Это смѣшеніе человѣка съ звѣремъ, какъ извѣстно, было съ незапамятныхъ временъ у всѣхъ язычниковъ. Наоборотъ, семиты выработали идею Божества, недоступнаго людямъ, Бога-ревнителя, Бога огнемъ поѣдающаго, откуда проистекали и нравственныя, по мнѣнію Мережковскаго, выводы отреченія отъ міра,

умерщвленія плоти и т. п. Но это семитическое вѣяніе не уничтожило звѣря и плоти; мало того, у христіанскаго человѣчества есть идея о святой плоти. Эта-то идея объ „образѣ звѣриномъ“ въ образѣ человѣческомъ, въ „образѣ и подобіи Божіи“ и составляетъ родникъ творчества у Толстого; „тутъ, думаетъ Мережковскій, у него просвѣтъ и выходъ въ какую-то другую бездну, въ другое небо“ (стр. 254). Эти семитическіе и арійскіе взгляды сквозятъ въ разсужденіяхъ Толстого. „Добродѣтель несовмѣстима съ бифштексомъ“,—это такой же рабскій и плотскій законъ, говоритъ Мережковскій, какъ и тотъ, который повелѣвалъ умилостивлять Бога кровавыми жертвами. Но и у семитовъ древній пророкъ Исаія возгласилъ свободный принципъ: *милости хочу*, а не жертвы. Если и перестанутъ люди вкушать отъ убоины, то потому, что *захотятъ* это сдѣлать. Изъ жалости Толстого ко всякой „Божьей твари„ (отсюда, вегетеріанство) вытекаетъ ненравственное дѣйствіе (которое тогда нравственно, когда *свободно*), а въ сущности ветхій завѣтъ, религіозное созерцаніе.

Л. Толстой стремится заглянуть въ бездну. Его интересуетъ вопросъ, когда онъ начался („Первыя воспоминанія“), и онъ приходитъ къ выходу, что отъ пятилѣтняго ребенка до него одинъ шагъ, отъ новорожденнаго до пятилѣтняго страшное разстояніе, отъ зародыша до новорожденнаго пучина, а отъ несуществованія до зародыша уже непостижимость. Въ эту бездну плоти никто изъ писателей не заглянулъ такъ глубоко, какъ онъ. Мережковскій полагаетъ, что Толстой „въ нашъ вѣкъ всеобщаго идолослуженія предъ безумной плотью, хотя и смутно, но предчувствовалъ ту глубину религіознаго созерцанія, гдѣ открывается въ религіи, такъ же какъ древнимъ открылась въ искусствѣ,—святость всякаго тѣла, духовность всякой плоти. Іуда, объясняетъ онъ, потому не принялъ таинства крови и плоти, что для него, истаго іудея съ представленіемъ о Богѣ поядающемъ, какъ огонь, было кощунствомъ подумать, что Богъ Самъ становится жертвой. „Онъ не понялъ, что Духъ и Слово можетъ быть плотью и кровью. Другіе поняли, но тоже не поняли, что кровь и плоть можетъ быть Духомъ и Словомъ“ (стр. 269).

Мережковскій увѣренъ, что Толстой въ „пучинѣ„

и „непостижимости“ всего живого увидѣлъ тотъ свѣтъ, который ведетъ къ выходу въ другую половину міра, въ другое небо. „Еще бы одинъ шагъ, говоритъ онъ, и Толстой бы узналъ, что небо внизу и небо вверху (земного шара) одно и то же небо“. Но онъ этого шага не сдѣлалъ. Небо подземное ему показалось язычествомъ, и онъ устремился къ небу надземному, которое онъ одно призналъ христіанскимъ.

Герои Достоевскаго, въ силу преобладанія въ писателѣ духовныхъ началъ, всѣ отличаются развитіемъ личности (изъ „я“). „Я обязанъ заявить *своеволіе*“, говоритъ Кирилловъ. Они стоятъ за *свою* истину, за *своего* Бога. По этой же причинѣ у Достоевскаго нѣтъ эпоса, а скорѣе трагедія; у него не узнаешь по внѣшней сторонѣ рѣчи, кому она принадлежитъ,—Карамазову-отцу или старцу Зосимѣ, но по звуку, по внутреннему звучанію рѣчи это всегда можно сдѣлать. Оттого же Достоевскій, въ сравненіи съ Толстымъ, мало описываетъ внѣшность своихъ героевъ; ихъ обрисовываютъ звуки ихъ голоса. Всѣ дѣйствія своихъ героевъ Л. Толстой объясняетъ внѣшне, физіологически; наоборотъ, у Достоевскаго преобладаетъ духовная сторона. Раскольниковъ стоитъ на лѣстницѣ, ожидая, пока сердце не перестанетъ биться, но оно, не переставая, билось все сильнѣй и сильнѣй.—„А тѣла своего онъ почти и не чувствовалъ на себѣ“. То же чувствованіе безплотности испытывается въ извѣстные моменты и всѣми другими героями Достоевскаго.

Но если Достоевскій мало занимается внѣшностью своихъ героевъ, то онъ подробно зато описываетъ внутреннія ихъ состоянія и, что еще замѣчательнѣе, онъ съ такою же мелочною, реальною подробностью описываетъ привидѣнія, являющіяся его героямъ, съ какою Толстой описываетъ физіономику своихъ дѣйствующихъ лицъ. Въ этомъ отношеніи особенно поразительно описаніе привидѣнія въ образѣ скорпіона, видѣннаго чахоточнымъ Ипполитомъ („Идіотъ“), а также длинный разговоръ Ивана Карамазова съ чортомъ (у Толстого привидѣній нѣтъ).

Такимъ образомъ Толстой, замѣчаетъ Д. С. Мережковскій,—величайшій изобразитель человѣческаго тѣла въ словѣ; онъ первый (послѣ скульпторовъ) дерзнулъ обнажить человѣческое тѣло отъ всѣхъ культурно-исто-

рическихъ покрововъ; снова задумался арійскою думою о соединеніи образа Божьяго и звѣринаго въ образѣ человѣческомъ,—о Богѣ—звѣрѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ надъ всѣми произведеніями Толстого вѣетъ еще и семитскій ужасъ предъ этимъ звѣремъ, отвращеніе и ужасъ предъ обнаженнымъ тѣломъ, передъ человѣческимъ „мясомъ". Но вмѣстѣ съ тѣмъ Л. Толстой первый, хотя еще и слишкомъ смутно, предчувствовалъ возможность окончательной побѣды надъ этимъ ужасомъ, возможность уже не безплотной святости, а святой плоти, не безтѣлесной духовности, а духовнаго тѣла,—болѣе духовнаго и болѣе святого, чѣмъ даже во времена самаго донынѣ совершеннаго изъ всѣхъ обожествленій плоти,—древнееллинскаго".

„Такъ же, какъ Л. Толстой въ бездну плоти, заглянулъ Достоевскій въ бездну духа и показалъ, что верхняя бездна равняется нижней, что одну ступень человѣческаго сознанія отъ другой, одну мысль отъ другой отдѣляетъ иногда точно такая же „пучина", „непостижимость", какъ „человѣческій зародышъ—отъ небытія". Достоевскій одинъ изъ первыхъ понялъ окончательно, что между разумомъ и сердцемъ есть согласіе, соединеніе, что лишь высшая ступень научнаго сознанія можетъ дать людямъ высшую степень религіознаго чувства".

Свою характеристику Л. Толстого г. Мережковскій обобщаетъ въ одномъ мѣткомъ и совершенно справедливомъ названіи его „тайновидцемъ плоти". Плоть, плотяность, душевность и совершенное отсутствіе высшей духовности—вотъ основа жизни и дѣятельности героевъ его повѣстей и главное содержаніе, а равно и основное начало его философско-богословскихъ писаній. При такомъ взглядѣ на Л. Толстого,—онъ для насъ становится понятнымъ и не самопротиворѣчащимъ, объяснимыми являются происхожденіе и содержаніе его юношескихъ беллетристическихъ и старческихъ богословскихъ противохристіанскихъ сочиненій!

Свящ. *М. Лисицынъ.*

II.

Левъ Толстой и русская Церковь. Д. С. Мережковскаго.

Главныя положенія критики Д. С. Мережковскаго таковы:

1. Образованные русскіе люди, возставая противъ догматики и схоластики Церкви, считаютъ своимъ вождемъ Л. Толстого лишь по недоразумѣнію. 2. Л. Толстой, отрицая всю культуру, науку, искусство, государство, Церковь,—и призывая къ буддійскому недѣланію, тѣмъ самымъ чуждъ образованной Россіи и свидѣтельствуетъ о своемъ духовномъ одиночествѣ. 3. Каковъ смыслъ утвержденія Достоевскаго: „Русская Церковь въ параличѣ съ Петра Великаго?" Всеміpный вопросъ объ отношеніи государства къ Церкви (плоти—къ духу) рѣшенъ Петромъ I въ смыслѣ подчиненія православія самодержавію. 4. Этотъ вопросъ возникаетъ снова по поводу анаѳемы, произнесенной надъ Толстымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ общій вопросъ распадается на слѣдующіе частные:

a. Есть ли Св. Синодъ полноправный представитель вселенской Церкви Христовой? Не было ли здѣсь за Церковью—государства, за жезломъ духовнымъ—меча гражданскаго?

b. Есть ли опредѣленіе Синода простое свидѣтельство объ отпаденіи Л. Толстого отъ Церкви, или „анаѳема"?

c. Не сказывается ли великое исканіе Бога въ художественномъ творчествѣ Толстого?

d. Вмѣстѣ съ анаѳемой надъ Толстымъ не произнесена ли анаѳема надъ всѣмъ русскимъ обществомъ, которое раздѣляетъ съ Толстымъ его невѣріе, хотя бы и въ иныхъ формахъ отрицанія? И каковы могутъ быть для самой Церкви послѣдствія такой анаѳемы?

Талантливый авторъ начинаетъ свой докладъ съ утвержденія, что до послѣдняго времени Л. Толстой никогда, собственно, не былъ духовнымъ вождемъ общества въ полномъ смыслѣ этого слова, „учителемъ".

Характеризуя затѣмъ Л. Н. Толстого, М—ій находитъ, что онъ недостаточно уменъ для своего генія, или

слишкомъ геніаленъ для своего ума. Мускульная сила, которая легко носитъ людей средняго роста, оказалась бы недостаточной для великана: умствующій Л. Толстой и есть такой слабый великанъ.

Эту неспособность къ быстрымъ и легкимъ движеніямъ, эту неповоротливую тяжесть, грузность ума замѣтилъ въ немъ первый, какъ и многое другое, никѣмъ не замѣченное, Достоевскій. Толстой,—говоритъ Достоевскій, — „несмотря на свой огромный художественный талантъ, есть одинъ изъ тѣхъ русскихъ умовъ, которые видятъ ясно лишь то, что стоитъ прямо передъ ихъ глазами, а потому и *прутъ въ эту точку. Повернуть же шею направо или налѣво, чтобы разглядѣть и то, что стоитъ въ сторонѣ, они, очевидно, не имѣютъ способности: имъ нужно для того повернуться всѣмъ тѣломъ, всѣмъ корпусомъ.* Вотъ тогда они, пожалуй, заговорятъ совершенно противоположное, такъ какъ, во всякомъ случаѣ, они всегда строго искренни.—Далѣе называетъ онъ эту прямолинейность „изступленною“ (Дневникъ Писателя 1877 г.).

Претъ же Л. Толстой въ одну точку, не умѣя повернуть шею ни направо, ни налѣво,—доказываетъ докладчикъ, тогда, когда онъ доказываетъ „ничтожность знаній опытныхъ“ (Сочин. 1898, XV, стр. 230); когда утверждаетъ онъ, что всѣ открытія современной науки, отъ Ньютона до Гельмгольца, всѣ эти, какъ онъ выражается, „изслѣдованія протоплазмъ, формы атомовъ, спектральные анализы звѣздъ“—совершенные „пустяки“ (XV, 224), „ни на что ненужная чепуха“ (XIII, 193), „труха для народа“ (XIII, 181), по сравненію съ истинною наукою „о благѣ людей“ и о томъ, „какимъ топорищемъ выгоднѣе рубить“, „какіе грибы можно ѣсть“ (XIII, 175); что „вся ваша наука, искусство—только огромный мыльный пузырь“ (VI, 264); что „ни въ какое время и ни въ какомъ народѣ наука не стояла на такой низкой степени, на какой стоитъ теперешняя“ (XV, 256); что она нѣчто вродѣ „талмуда“, на изученіи котораго современные люди „вывихиваютъ себѣ мозги“ (XIII, 168).—Во всемъ этомъ есть, конечно, простота и прямолинейность; но простота „фантастическая“ и прямолинейность „изступленная“. Послѣ такихъ отзывовъ о наукѣ никого уже не могло особенно удивить то, что Шекспиръ оказывался „дюжиннымъ талантомъ“ (Левен-

фельдъ о Толстомъ, стр. 113), что крестьянскій мальчикъ Ѳедька превзошелъ въ своихъ сочиненіяхъ не только самого Л. Толстого, но и Гете (IV, 205); что въ произведеніяхъ Боккачіо нѣтъ ничего, кромѣ „размазыванія половыхъ мерзостей" (XV, 89); что Наполеонъ—дурачекъ, а древніе греки—„полудикій рабовладѣльческій народецъ, очень хорошо изображавшій наготу человѣческаго тѣла и строившій пріятныя на видъ зданія", „но мало нравственно развитый"; что всякая женская нагота, хотя бы Венеры Милосской—„безобразна" (XV, 192); что всѣ „картины, статуи, изображающія обнаженное женское тѣло и *разныя гадости*" (это невѣроятно, но я не преувеличиваю: сравните съ подлинникомъ—XV, 205), что все „существующее искусство", которое „имѣетъ только одну опредѣленную цѣль—какъ можно болѣе широкое распространеніе разврата"—слѣдовало бы „уничтожить",—„лучше пускай не будетъ никакого искусства" (XV, 206), ибо надо же, наконецъ, когда-нибудь избавиться отъ заливающаго насъ „грязнаго потока этого развратнаго, блуднаго искусства" (XV, 211).

Хотя отрицаетъ Л. Т—ой всѣ основы культурнаго міра—науку, искусство, собственность, государство Церковь—съ такою „неистовою прямолинейностью", что, казалось бы, міръ долженъ рушиться, но, по мнѣнію г. Мережковскаго, вся сила этого отрицанія идетъ все таки мимо жизни, прочь отъ жизни, и что, если Векикая Революція зажглась отъ гораздо менѣе дерзкаго вольнодумства XVIII вѣка, то изъ толстовскаго анархизма никогда никакой революціи не выйдетъ:—недаромъ же все у него кончается буддійскимъ „недѣланіемъ", „непротивленіемъ": жестко стелетъ, мягко спать. Оглушительные холостые выстрѣлы, исполинскія хлопушки.

Да! (съ горечью восклицаетъ г. Мережковскій), есть что-то безконечно-трогательное въ этой способности великаго старика быть вѣчнымъ ребенкомъ; по безсознательной мудрости, по глубочайшему прозрѣнію въ тайны животной жизни, ему какъ будто не семьдесятъ, а семьсотъ лѣтъ; а по уму, по сознанію—все еще семнадцать или даже семь лѣтъ; какъ будто и донынѣ онъ тотъ же самый Левушка, который, желая летѣть и бросившись изъ окна классной комнаты, едва не сломалъ себѣ шею.

И вотъ все вдругъ измѣнилось: игра становится тра-

гическою; завѣтная мечта его исполняется: онъ—пророкъ и учитель, ну, если не всего русскаго народа, то, по крайней мѣрѣ, культурнаго общества.

Положеніе дѣлъ таково: соединившись подъ знаменемъ Л. Толстого, образованные русскіе люди возстали, во имя свободы мысли и совѣсти, на догматику и схоластику, сказавшіяся, будто бы, въ опредѣленіи Синода, принятомъ всѣми, какъ утверждаетъ, по крайней мѣрѣ, самъ Л. Толстой, не за простое „свидѣтельство объ отпаденіи“, а за настоящее, хотя и скрытое, „отлученіе отъ Церкви“, за своего рода церковную „анаѳему“.

Мы вѣдь знаемъ, что до сей поры для него вся наша образованность, наука, искусство были только «мыльнымъ пузыремъ», «ни на что ненужною чепухою», и что мы сами, образованные люди, „жрецы науки и искусства“, всегда казались ему „дрянными обманщиками, имѣющими на свое положеніе гораздо меньше правъ, чѣмъ самые хитрые и развратные жрецы“ (XIII, 198). Если это такъ,—а вѣдь Л. Толстой отъ этого не отрекается,—то какъ же не побрезгалъ онъ соединиться съ нами противъ Церкви, съ одними обманщиками—противъ другихъ? Отрицаніе православія, какъ одной изъ культурно-историческихъ формъ христіанства, понятно въ общемъ ходѣ мыслей Л. Толстого: это отрицаніе—только звено цѣпи его отрицательныхъ выводовъ относительно всей вообще современной европейской культуры; здѣсь Церковь отрицается не какъ нѣчто стоящее внѣ культуры и ей противоположное, а, именно, какъ часть всей этой ложной культуры, другія части которой суть наука, искусство, собственность, государство.

Далѣе докладчикъ остановился на такомъ вопросѣ: соединяясь такъ безвозвратно съ тѣмъ, кто отрицаетъ сущность культуры, не подвергается ли и русское культурное общество опасности отречься отъ своей собственной сущности, отъ своего единственнаго права на существованіе?

На этотъ вопросъ Мережковскій даетъ отвѣтъ сколько справедливый, столько же и сильный по глубинѣ мысли и вѣрности характеристики религіознаго настроенія современнаго общества.

Люди могутъ вступать въ прочный внутренній союзъ только во имя какого-нибудь утвержденія, во имя

какого-нибудь „да“; но союзъ во имя одного отрицанія, безъ всякаго утвержденія—всегда внѣшній, случайный и временный: изъ ничего ничего не выходитъ; изъ какого-нибудь общаго „да“ возникнетъ и общее „нѣтъ“. Въ союзѣ русскихъ людей съ Л. Толстымъ есть общее „нѣтъ“—отрицаніе православія—безъ всякаго общаго „да“—утвержденія новой формы христіанства, есть единство въ отрицаніи безъ всякаго единства въ утвержденіи. А потому и самый союзъ этотъ внѣшній, случайный и временный, не столько союзъ, сколько встрѣча.

„Среди общей пустоты и одиночества, въ бунтѣ Л. Толстого противъ Церкви померещилось намъ что-то забытое, далекое, какой-то призракъ общенія, какая-то тѣнь тѣни,—и мы, какъ панургово стадо, кинулись за этой тѣнью; но она разсѣется, потому что все-таки изъ ничего ничего не выйдетъ, изъ общаго „нѣтъ“ не выйдетъ общаго „да“—и мы останемся еще въ большей пустотѣ, еще въ большемъ одиночествѣ. Тутъ нѣтъ ни истиннаго отрицанія, ни истиннаго утвержденія, ни вѣры, ни безвѣрія,—а только лукавое равнодушіе, вялое шатаніе, расшатанность, страшная общеевропейская консервативно-либеральная середина, ни то, ни се, или, еще болѣе страшное, русское „наплевать на все“—русскій нигилизмъ. Именно здѣсь, въ нигилизмѣ не 70-хъ годовъ, а въ нашемъ современномъ толстовскомъ нигилизмѣ завершается великій расколъ, отпаденіе русскаго культурнаго общества отъ народа; завершается историческій путь русской культуры, начавшійся съ Петровской реформы; „дальше нельзя итти, да и некуда; нѣтъ дороги, она вся пройдена“, какъ выразился Достоевскій: „здѣсь Петровская реформа дошла, наконецъ, до послѣднихъ своихъ предѣловъ“ и до самоотрицанія: слѣдуя за Л. Толстымъ въ его бунтѣ противъ Церкви, какъ части всемірной и русской культуры, до конца—русское культурное общество дошло бы неминуемо до отрицанія своей собственной русской и культурной сущности; оказалось бы внѣ Россіи и внѣ Европы противъ русскаго народа и противъ европейской культуры; оказалось бы не русскимъ и не культурнымъ, то есть ничѣмъ. Въ толстовскомъ нигилизмѣ вся послѣ-петровская культурная Россія, опять-таки, по выраженію Достоевскаго, „стоитъ

на какой-то окончательной точкѣ, колеблясь надъ бездной". Думая, что борется съ Церковью, то есть, съ исторіей, съ народомъ, за свое спасеніе,—на самомъ дѣлѣ борется она за свою погибель: страшная борьба, похожая на борьбу самоубійцы съ тѣмъ, кто мѣшаетъ ему наложить на себя руки.

И всего страшнѣе то, что борьба эта происходитъ глухо, нѣмо. Высказалась Церковь, высказался Л. Толстой. Но два главные противника—русскій народъ и русское культурное общество—безмолвствуютъ. Народъ безмолвствуетъ, какъ всегда: безмолвіе же культурнаго общества имѣетъ особый смыслъ: тутъ своего рода „заговоръ молчанія". Нельзя говорить за Л. Толстого: значитъ, нельзя говорить и противъ него, нельзя даже говорить о немъ. И вотъ молчатъ. Но „когда молчатъ—вопіютъ".

Напомнивъ, что двадцать пять лѣтъ назадъ въ „Дневникѣ Писателя", за 1877 годъ, говоря о послѣдней части „Анны Карениной", Достоевскій, по собственному признанію Л. Толстого, „самый нужный, самый дорогой" ему человѣкъ, употребилъ о немъ то же слово, что и Церковь—„*отпаденіе*": „какъ подѣйствовало на меня,—говоритъ Достоевскій,—*отпаденіе* такого автора отъ русскаго всеобщаго и великаго дѣла"... (изд. 1888 г., стр. 239), Мережковскій совершенно справедливо замѣчаетъ, что предсказанное Достоевскимъ и произошло на нашихъ глазахъ съ неотразимою ясностью: въ данномъ случаѣ Л. Толстой „отпалъ" отъ пониманія всеобщаго и великаго историческаго пути народной религіозной жизни. Русская Церковь только засвидѣтельствовала, четверть вѣка спустя послѣ Достоевскаго, эту теперь уже всѣмъ извѣстную, очевидную истину. „Постановленіе Синода,—говоритъ Л. Толстой въ своемъ отвѣтѣ,—представляетъ изъ себя *то, что на юридическомъ языкѣ называется клеветой*". Если это такъ, то и Достоевскій, „самый дорогой" Л. Толстому человѣкъ, оклеветалъ его.

Обращаясь снова къ вопросу объ отлученіи Толстого, Мережковскій говоритъ:

До какой степени я убѣжденъ, что свидѣтельство Церкви о невѣріи Л. Толстого, *какъ мыслителя*, въ христіанскаго личнаго живого Бога-Отца и въ Единороднаго Сына Божьяго, а слѣдовательно, и свидѣтельство

объ его отпаденіи отъ христіанства есть истина,—видно изъ того, что многія страницы моего изслѣдованія *„Л. Толстой и Достоевскій“*, написанныя еще до опредѣленія Синода, посвящены были доказательству этой истины. Но вотъ вопросъ: исчерпываетъ ли религіозная *мысль сознаніе* Л. Толстого, всю глубину его подлиннаго религіознаго существа?

„Можно многое знать безсознательно“, говоритъ Достоевскій. Кажется, слово это ни на комъ не оправдалось въ большей мѣрѣ, чѣмъ на Л. Толстомъ: вотъ кто безконечно-много „знаетъ безсознательно“. Уже не отдѣльными страницами, а всею книгою моею, я вѣдь только и старался показать, до какой степени слабо, скудно, мимолетно все, что Л. Толстой сознаетъ, во что онъ вѣритъ или не вѣритъ, какъ мыслитель,—по сравненію съ тѣмъ, что онъ *„знаетъ безсознательно“*, какъ вѣщій „тайновидецъ плоти“, всею книгою моею я старался показать, что во Л. Толстомъ живутъ и всегда жили два не только отдѣльныя, но иногда и совершенно другъ другу противоположныя, враждебныя существа, „два поочередно смѣняющіеся характера“, какъ бы два человѣка: маленькій мыслитель, лже-христіанинъ, „старецъ Акимъ“ и великій подлинный язычникъ, дядя Ерошка. Что обманчивый „двойникъ“, призрачный „оборотень“, „самозванецъ“ Л. Толстого, не столько даже „мыслящій“, сколько „умствующій“ старецъ Акимъ, отпалъ отъ Христа и въ своемъ безплотномъ и бездушномъ, всеотрицающемъ „христіанствѣ“ дошелъ до почти совершеннаго безбожія, буддійскаго нигилизма,—въ этомъ, повторяю, сомнѣнія быть не можетъ. Но истинный Л. Толстой, великій язычникъ, дядя Ерошка, не отпадалъ, да и не могъ бы отпасть отъ христіанства, уже по той причинѣ, что *онъ не былъ никогда христіаниномъ*. Язычество истиннаго Л. Толстого есть нѣчто первородное, первозданное, никакими видами крещенія несмываемое, не растворимое, потому что слишкомъ стихійное, безсознательное. Говоря грубо, но точно, Л. Толстого христіанство „нейметъ“; вода крещенія съ него, „какъ съ гуся вода“. Не то чтобы онъ не хотѣлъ христіанства; напротивъ—онъ только и дѣлалъ всю жизнь, что обращался въ христіанство.

„Нельзя требовать отъ русской Церкви художественной критики,—продолжаетъ Мережковскій. Но тутъ и

совсѣмъ безъ критики, кажется, не обойдешься. Тутъ для послѣдняго суда нужно *послѣднее знаніе*, которое можетъ дать только любовь. Критика и есть это послѣднее знаніе любви. Безъ критики тутъ слишкомъ легко промахнуться и попасть не въ того, въ кого цѣлишь: цѣлить въ „двойника“, въ христіанскаго „оборотня“, „старца Акима“—мыслителя Л. Толстого, а попасть въ настоящаго и ни въ чемъ неповиннаго „дядю Ерошку“, художника Л. Толстого. Неуклюжій, слѣпой великанъ попадется, а зоркій, маленькій оборотень ускользнетъ, какъ онъ всегда ускользаетъ.

„Главное слѣдуетъ помнить, что со стороны Л. Толстого въ его отпаденіи отъ христіанства не было злого умысла, злой воли: кажется, онъ сдѣлалъ все, что могъ,—боролся, мучился, искалъ. У него было здѣсь, на землѣ, великое алканіе Бога; просто не вѣрится, чтобы это ему и тамъ не зачлось. У кого изъ насъ было большее алканіе? Страшно за него, что все-таки не насытился; но вѣдь и за насъ тоже страшно, пожалуй, даже страшнѣе, чѣмъ за него: если и такой, какъ онъ—„соль земли“—оказался „не соленою солью“, то чѣмъ же окажемся мы? Мы вѣдь мѣримъ его ужасною мѣрою, которая „шире вселенной“; какъ бы и намъ не отмѣрилось этою же мѣрою, и чѣмъ-то мы окажемся по ней?

Между такимъ писателемъ, какъ Л. Толстой, и всѣми его читателями есть чувство взаимной отвѣтственности, какъ бы тайная круговая порука: ты за насъ—мы за тебя: не можемъ мы тебя покинуть, если бы даже ты самъ покинулъ насъ; ты слишкомъ намъ родной: ты—мы сами въ нашей послѣдней сущности. Можетъ быть, и въ этомъ случаѣ съ Церковью, если бы мы больше любили и окружили, обступили его съ дѣйствительною мольбою къ нему, молитвою за него, съ дѣйствительною вѣрою въ невозможное—въ чудо его обращенія, то онъ не устоялъ бы, содрогнулся бы, что-то понялъ бы, если и не то, о чемъ мы молимъ, то понялъ бы, по крайней мѣрѣ, что онъ чего-то не понимаетъ, что не все такъ просто, какъ ему кажется, и что нельзя отталкивать насъ съ такою жестокостью;—языкъ не повернулся бы у него для этого неимовѣрнаго слова о томъ, что онъ—одинъ; рука не поднялась бы для та-

кого кровнаго оскорбленія Церкви, какъ обвиненіе въ „клеветѣ“ и „подстрекательствѣ“ къ убійству.

„Нельзя было Церкви не засвидѣтельствовать объ отпаденіи Л. Толстого, какъ *мыслителя*, отъ христіанства. Но, можетъ быть, это не послѣднее слово Церкви о немъ; можетъ быть, она когда-нибудь засвидѣтельствуетъ и то, что, подобно языческому слѣпцу „Омиру“, чей ликъ изображенъ рядомъ съ ликами православныхъ святыхъ въ Московскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ,—и этотъ новый слѣпецъ христіанства, въ своемъ ясновидѣніи всей „Божьей твари“, касается Духа Святаго“, „устремляется къ Слову, Богу славу поетъ, Христу плачетъ, себѣ невѣдомо, тайной житія своего совершая сіе“.

Какъ-же ничего этого не поняли русскіе образованные люди? Неужели и вправду такъ ожесточились они, что принимаютъ любовь за ненависть и молитву за проклятіе?

III.

Лжехристіанство Толстого предъ судомъ свѣтской критики.

Въ 6 книжкѣ журнала „Міръ Искусства“ напечатанъ докладъ Д. С. Мережковскаго, читанный имъ въ литературно-философскомъ обществѣ 6 февраля 1901 г. Читатели наши въ свое время ознакомлены были съ краткимъ содержаніемъ этого доклада, а также съ нѣкоторыми обстоятельствами, сопровождавшими чтеніе его въ обществѣ [1]). Теперь, въ виду появленія въ свѣтскомъ журналѣ этой весьма важной для нашихъ апологетическихъ и полемическихъ цѣлей свѣтской критики религіозныхъ воззрѣній яснополянскаго проповѣдника, мы считаемъ полезнымъ подробно остановить вниманіе читателей нашихъ на этомъ произведеніи Д. С. Мережковскаго, сказавшаго столь извѣстное и правдивое слово о догматикѣ и религіи гр. Толстого.

Д. С. Мережковскій въ своемъ докладѣ задѣваетъ самую Ахиллесову пяту всей толстовской догматики,

[1]) „См. «Мисс. Обозр.», февраль 1901 г., стр. 236.

мутный источникъ ея, изъ котораго вытекаетъ и „непротивленіе злу“, и представленіе о Богѣ, о благодати, о таинствахъ и цѣли существованія человѣка.

Авторъ доклада прекрасно выражаетъ всю сущность толстовца слѣдующими словами проф. Аміеля [1]).

„Когда не мечтаешь уже о томъ, что имѣешь передъ собою свободными десятки лѣтъ, годъ, мѣсяцъ, когда считаешь уже десятками часовъ, и будущая ночь несетъ въ себѣ угрозу неизвѣданнаго, очевидно, что отказываешься отъ искусства, науки, политики и довольствуешься бесѣдой съ самимъ собой, а это возможно до конца. Внутренняя бесѣда эта—одно, что остается приговоренному къ смерти, казнь котораго откладывается. Онъ, этотъ приговоренный, сосредоточивается въ себѣ самомъ.—Онъ уже не дѣйствуетъ, а созерцаетъ.—*Какъ заяцъ, онъ возвращается умирать къ своему жилищу*; и жилище это—есть совѣсть, его мысль. Пока онъ можетъ держать перо и имѣетъ минутку уединенія, онъ сосредоточивается передъ этимъ отзвукомъ самого себя и бесѣдуетъ съ Богомъ.—Это, впрочемъ, не нравственное изслѣдованіе, не покаяніе, не призывъ. Это только *„аминь“ покорности*.—„Дитя мое, отдай мнѣ свое сердце“.—Отреченіе и согласіе мнѣ менѣе трудны потому, что *я ничего не хочу. Я бы желалъ только не страдать.* Христосъ въ Геѳсиманскомъ саду просилъ о томъ же. Сдѣлаемъ же то же, что и Онъ. „Впрочемъ, пусть будетъ не моя воля, но Твоя“,—и будемъ ждать“.

Страхъ смерти и чувство неизбѣжности ея—вотъ основной камень толстовскаго представленія о Богѣ. Безконечная покорность и страхъ умирающаго зайца, отвѣчающаго на послѣдній смертельный ударъ охотника: „да будетъ воля твоя“—вотъ источникъ толстовской морали, доведенный имъ до послѣдней крайности. Но какъ это далеко отъ христіанской любви къ Богу. *Любовь до того совершенства достигаетъ въ насъ*, говоритъ

---

[1]) Аміель—профессоръ философіи Женевскаго университета, род. 1821 г., умеръ 1881 г. Не выдѣляясь при жизни изъ числа другихъ ученыхъ и писателей, Аміель пріобрѣлъ обширную извѣстность посмертнымъ изданіемъ его дневника, который онъ велъ въ теченіе 30 лѣтъ. Трудъ этотъ поражаетъ глубиною содержанія, красотою изложенія и искреннею задушевностью. На русскій языкъ переведенъ дочерью Л. Н. Толстого подъ его редакціей и съ его предисловіемъ.

ученикъ Іисусу, возлежащій на груди Его,— что *мы имѣемъ дерзновеніе.—Въ любви нѣтъ страха, но совершенная любовь изгоняетъ страхъ, потому что въ страхѣ есть мученіе, боящійся же не совершенъ въ любви*" (1 Іоан. 4. 17—18). Могутъ ли стать рядомъ съ такими словами нравственныя взгляды Толстого? Имѣетъ ли его любовь „дерзновеніе" и изгоняетъ ли она страхъ? „Нѣтъ, справедливо говоритъ Мережковскій, сама она вся—отъ страха, отъ „мученія страха", отъ послѣдней степени этого мученія, которая есть даже не просто страхъ смерти и страданія, а *страхъ страха...* „Дитя, отдай мнѣ твое сердце", говоритъ Господь. „На, возьми, да будетъ воля Твоя", а въ тайнѣ мысль самая страшная: я знаю, что ты господинъ жестокій,—жнешь, гдѣ не сѣялъ, собираешь, гдѣ не разсыпалъ; если я тебѣ и не отдамъ моего сердца,—ты все равно возьмешь его, возьмешь насильно: такъ на-же, возьми, „да будетъ воля Твоя".—Не отдѣляетъ ли здѣсь одинъ волосокъ величайшую покорность отъ величайшаго бунта?—справедливо замѣчаетъ Мережковскій.

„Смерть и страданія, какъ пугалы, со всѣхъ сторонъ ухаютъ на человѣка и загоняютъ на одну открытую ему дорогу человѣческой жизни, подчиненной своему закону разума и выражающейся въ любви". „Пугалы смерти и страданій насильно загоняютъ человѣка, какъ звѣря, какъ того кабана, котораго травитъ дядя Ерошка [1]),—въ капканъ любви, въ законъ любви". Невольно при этомъ припоминается „первая ступень" Толстого, гдѣ онъ со свойственной ему пластикой описываетъ, какъ загоняютъ быка на скотобойнѣ въ стойло, гдѣ его и убиваютъ. Также пластично и въ тѣхъ же самыхъ образахъ рисуетъ Толстой и смерть Ивана Ильича. Въ предсмертныхъ мученіяхъ Иванъ Ильичъ „бился, какъ бьется *въ рукахъ палача приговоренный къ смерти*, зная, что онъ не можетъ спастись. Онъ плакалъ о безпомощности своей, о своемъ ужасномъ одиночествѣ, о жестокости людей, *о жестокости Бога*". Тайна смерти, тайна Бога и есть та „черная дыра", черный узкій мѣшокъ, куда „суетъ съ болью" умирающаго Ивана Ильича [2]), „все дальше просовываетъ и

---

[1]) Герой разсказа—«Казаки».

[2]) Герой повѣсти „Смерть Ивана Ильича".

не можетъ просунуть сила невидимая, непреодолимая", нѣчто безъобразное и безобразное. Такой Богъ—даже не *Онъ*, а *Оно*. Въ предсмертномъ бреду князя Андрея [1] „за дверью стоитъ *оно*". Что-то ужасное, уже надавливая съ другой стороны, ломится въ дверь. Что-то нечеловѣческое—смерть ломится въ дверь".

Такой Богъ лишаетъ человѣка достоинства, низводитъ на степень животнаго, ставитъ въ самое унизительное положеніе человѣческую душу и тѣло.

Ужасъ, животный страхъ и печаль—вотъ тѣ чувства, которыя должно возбуждать такое представленіе о Божествѣ. Андрея Болконскаго предъ Аустерлицкимъ боемъ—*страшитъ и печалитъ* мысль, что его, можетъ быть, завтра *не будетъ*, что тѣло его выбросятъ, какъ падаль.

„Меня не будетъ—вотъ крикъ только животнаго себялюбія предъ смертью, крикъ только обнаженнаго человѣческаго тѣла, даже не тѣла, а „мяса". И „дальше и кромѣ этого ничего не было".

„Есть ли это, однако, послѣднее освобожденіе, побѣда духа надъ плотью?"—основательно ставитъ вопросъ Мережковскій. „Вѣдь нѣчто новое, рѣшающее здѣсь произошло сначала въ тѣлѣ; душа только отражаетъ то, что уже произошло въ тѣлѣ; только объясняетъ слабость тѣла, какъ „слабость любви", какъ сознаніе своего страшнаго одиночества и беззащитности, но собственно *отъ себя* ничего не прибавляетъ. И здѣсь, какъ вездѣ, какъ всегда у Л. Толстого, не тѣло слѣдуетъ за душою, а наоборотъ,—душа за тѣломъ: что сначала въ тѣлѣ, то потомъ въ душѣ. Тѣлесное первоначально, духовное, или, лучше сказать, „душевное"—производно. Душевное вытекаетъ изъ тѣлеснаго, какъ слѣдствіе изъ причины. Тѣло уходитъ изъ жизни въ не-жизнь, опускается въ „черную дыру",—и душа влечется за тѣломъ; тѣло тянетъ душу. Воскресеніе духа есть только умираніе тѣла, не начало чего-то новаго сверхживотнаго, а только конецъ стараго, животнаго,—отрицаніе плоти—одно отрицаніе, безъ утвержденія того, что за плотью.

Здѣсь происходящее въ душѣ такъ связано съ про-

---

1) Князь Андрей Болконскій одно изъ дѣйствующихъ лицъ романа «Война и миръ».

исходящимъ въ тѣлѣ, что одно невозможно безъ другого, одно исчезаетъ за другимъ. Если бы Брехуновъ не замерзъ, то просто не сумѣлъ бы вспомнить своихъ любовныхъ мыслей о Никитѣ 1) и, по всей вѣроятности, остался бы такимъ же кремнемъ, какимъ былъ до замерзанія, тѣломъ бы воскресъ, а духомъ снова умеръ бы. Эта любовь не въ жизнь, а изъ жизни".

И дѣйствительно, и у князя Андрея только тогда началось „пробужденіе отъ жизни", когда болѣзнь его приняла дурной характеръ, а онъ въ бреду увидѣлъ себя умершимъ. Послѣ этого любовь къ жизни и къ людямъ показалась ему далекою и чуждою, слишкомъ живою. „Тогда онъ еще жалѣлъ жизнь, хотѣлъ вернуться въ жизнь, думалъ, что жизнью можно утолить безконечную жажду любви: теперь онъ понялъ до конца, что *жизнь не нужна для любви, такъ же какъ любовь не нужна для жизни, что сама любовь есть только отрицаніе всей земной жизни.—Все, всѣхъ любить*,—думаетъ князь Андрей,—*значитъ никого не любить*, значитъ не жить этою земною жизнью". „И чѣмъ больше—прибавляетъ Л. Толстой уже отъ себя.—проникался онъ этимъ *началомъ любви*, тѣмъ больше онъ отрекался отъ жизни и тѣмъ совершеннѣе уничтожалъ ту страшную преграду, которая, когда у насъ нѣтъ любви, стоитъ между жизнью и смертью".— „Всѣхъ любить — значитъ никого не любить" — вотъ любовь для насъ, живыхъ, непонятная, и страшная, страшнѣе всякой ненависти. Намъ кажется, замѣчаетъ Мережковскій, что это вовсе не любовь, а скорѣе отсутствіе любви.

И дѣйствительно, взглядъ князя Андрея на все живое становится *„холоднымъ, почти враждебнымъ"*. Наташа, Марья робѣютъ подъ этимъ взглядомъ, чувствуютъ, что онъ больше не любитъ ихъ и что ихъ любовь ему не нужна... И эта-то ужасающая насмѣшка мертваго надъ живыми, этотъ отталкивающій холодъ, это безконечное презрѣніе и вражда ко всему живому, по мнѣнію князя Андрея, по мнѣнію Л. Толстого, *и есть именно „та любовь, которую проповѣдывалъ Богъ на землѣ"*.

Эта любовь дѣлаетъ кн. Андрея холоднымъ и безсердечнымъ къ своимъ сестрамъ и безучастнымъ къ сыну своему Николушкѣ. И какъ странно для насъ тутъ

1) Дѣйствующія лица разск. «Хозяинъ и работникъ».

еще его вспоминаніе объ Евангеліи—„Мари, ты знаешь Еван...“—но онъ вдругъ замолчалъ.

— „Что ты говоришь?

— „Ничего. Не надо плакать здѣсь,—сказалъ онъ, тѣмъ же холоднымъ взглядомъ глядя на нее.

„Когда княжна Марья заплакала, онъ понялъ, что она плакала о томъ, что Николушка останется безъ отца... „Да, имъ это должно казаться жалко,—подумалъ онъ. А какъ это просто! „Птицы небесныя не сѣютъ, не жнутъ, но Отецъ вашъ питаетъ ихъ“, сказалъ онъ самъ себѣ и хотѣлъ тоже сказать княжнѣ: „но нѣтъ, они поймутъ это по своему, *они не поймутъ! Этого они не могутъ понимать, что всѣ эти чувства, которыми они дорожатъ, всѣ эти мысли, которыя кажутся намъ такъ важны, что онѣ—не нужны. Мы не можемъ понимать другъ друга!*—и онъ замолчалъ“.

„Донынѣ казалось намъ живымъ, справедливо замѣчаетъ Мережковскій, что Христосъ пришелъ проповѣдывать ученіе Свое не мертвымъ, а живымъ, и что живые могутъ понять Его. Но вотъ оказывается, что это ошибка, что все живое для Христа *„не нужно“*,—между Христомъ и жизнью нѣтъ никакого соединенія;—„мы не можемъ понимать другъ друга“. Только умирающіе, почти мертвые могутъ Его понимать. Княземъ Андреемъ и Л. Толстымъ окончательно отвергнуто это слово: „Богъ не есть Богъ мертвыхъ, но живыхъ“,—„у Бога всѣ живы“; для кн. Андрея и Л. Толстого Богъ есть Богъ только мертвыхъ,—у Бога всѣ мертвы. „Пусть мертвые хоронятъ своихъ мертвецовъ“?—Нѣтъ,—„пусть мертвецы хоронятъ живыхъ“; Христосъ не „смертью смерть“, а смертью жизнь попралъ. Для кн. Андрея и Л. Толстого не смерть есть жизнь, а жизнь есть смерть. „Да будетъ *и на землѣ*, какъ на небѣ, воля Твоя“?—Нѣтъ, у князя Андрея и Л. Толстого молитва иная: да будетъ воля Твоя на небѣ, только на небѣ, потому что на землѣ ея вовсе быть не можетъ, потому что вся земля есть то, что противъ воли Твоей, и воля Твоя въ томъ, чтобы земли вовсе не было“.

— „Мари, ты знаешь Еван....“—но онъ вдругъ замолчалъ“.—„Мы не можемъ понимать другъ друга“.—Какое страшное молчаніе! Сколько въ немъ жестокости! Была ли вообще на землѣ большая жестокость, большее

проклятіе жизни? И въ этомъ-то проклятьи, которое вѣдь въ концѣ концовъ есть, можетъ быть, лишь оборотная сторона циническаго, животнаго себялюбія— „все это ужасно просто, гадко;—всѣ вы живете и думаете о живомъ, а я...“—заключается, по мнѣнію Л. Толстого, вся „благая вѣсть“ Евангелія.—Полно, не злая ли вѣсть?—мѣтко замѣчаетъ авторъ доклада.

Богъ есть „Ничто“, какое-то безличное *Оно*, сила неопредѣленная, неумолимая; къ ней не только нельзя обращаться, но даже нельзя выразить ее никакими словами. Такому Богу нельзя молиться, потому что между нимъ и живыми людьми не можетъ быть никакого общенія.

„Всякое понятное воображеніе о томъ, что я познаю Бога—напримѣръ, что Онъ творецъ, или милосердъ, или что нибудь подобное—удаляетъ меня отъ Него и прекращаетъ мое приближеніе къ Нему“,—говоритъ Л. Толстой въ заграничной брошюрѣ „Понятіе о Богѣ“— *Concept de Dieu.* Geneve 1889.—Ежели эту логику довести до конца, то неминуемо получится та самая трагедія, которую переживаетъ умирающій князь Андрей: никакими мыслями, никакими чувствами живые люди не могутъ приблизиться къ Богу, Который есть само отрицаніе всего живого, всего существующаго, есть последнее Ничто,—любить Бога значитъ любить Ничто, погружаться въ Нирвану, въ небытіе.—„Мари, ты знаешь Еван...“—да нѣтъ, не стоитъ съ живыми говорить объ этомъ,—все равно не поймутъ, не услышатъ:—„мы не можемъ понимать другъ друга“; надо молча до конца проклясть всѣхъ живыхъ и умереть, чтобы соединиться съ Богомъ. „Мѣстоименіе „Онъ“ уже нѣсколько нарушаетъ для меня Бога; „Онъ“ какъ-то умаляетъ Его“,—продолжалъ Л. Толстой въ той же заграничной брошюрѣ, какъ будто доканчивая мысли князя Андрея.

„Не черезъ свободную, безстрашную сыновнюю любовь къ Отцу Небесному, а развѣ только черезъ животный Ерошкинъ ужасъ, ужасъ голаго человѣческаго тѣла, человѣческаго мяса, черезъ „аминь“ послѣдней покорности, аминь дрожащей твари можно приблизиться къ *такому* Богу, дѣлаетъ вполнѣ прямой выводъ Мережковскій. Будь только Л. Толстой до конца послѣдователенъ, онъ и пришелъ-бы къ этому неизбѣжному

выводу, онъ сказалъ бы себѣ: кому я стану молиться: Господи, помилуй меня? кому я скажу: „Отецъ мой Небесный“? Мнѣ этого некому сказать, потому что всякое понятіе о Богѣ, а слѣдовательно и то, что Онъ Отецъ, „прекращаетъ мое приближеніе къ Нему„. Вѣдь Богъ для меня не „Онъ“, а „*Оно*“, я могу только бояться Его, какъ умирающій заяцъ боится охотника или того звѣря, который гонится за нимъ. Я не могу вѣрить въ Отца Небеснаго, Котораго проповѣдывалъ людямъ Христосъ. Я не знаю, кто я, но *во всякомъ случаѣ, я не христіанинъ.*—И когда, замѣчаетъ Мережковскій, Л. Толстой сказалъ бы это себѣ, началась бы великая трагедія уже не только въ его безсознательной стихійной жизни и художественномъ творчествѣ, но и въ его религіозномъ сознаніи,—*наша* трагедія.

Но Л. Н. боится этого крайняго, неизбѣжнаго вывода и отступаетъ передъ нимъ на любимую дорогу серединныхъ наставленій, вродѣ отреченія отъ имущества, вегетаріанства и непротивленія злу.

„Христіанство, — говоритъ Л. Толстой, — представляется людямъ въ видѣ сверхъестественной религіи, тогда какъ *въ немъ нѣтъ ничего таинственнаго, мистическаго, ни сверхъестественнаго*, а оно есть только ученіе о жизни, соотвѣтствующее той степени *матеріальнаго* развитія, тому возрасту, въ которомъ находится человѣчество. И для доказательства этой именно мысли объ отсутствіи въ „истинномъ христіанствѣ“ чего бы то ни было мистическаго, сверхъ-разумнаго пишетъ свою главную религіозную книгу: „*Царство Божіе внутри васъ, или христіанство, не какъ мистическое ученіе, а какъ новое жизнепониманіе*“,—можно бы сказать опять таки проще, откровеннѣе: какъ новое не религіозное, а *практическое жизнепониманіе*“.

Далѣе Д. С. Мережковскій отмѣчаетъ рядъ противорѣчій въ догматикѣ Толстого. Религіи, по выраженію послѣдняго, есть ученіе объ отношеніи человѣка къ *первопричинѣ* міра—къ Богу. А Богъ для него—Нѣчто далекое, чуждое, неумолимое, непонятное. Съ другой же стороны въ христіанствѣ нѣтъ ничего непонятнаго, слѣдовательно относящагося къ Богу; значитъ, по Толстому, *христіанство есть религія безъ Бога,—религія безъ религіи.*

Изъ этого противорѣчія Толстой выбрался опять

своимъ серединнымъ путемъ. Онъ не захотѣлъ, какъ логически того требовалъ разумъ, вывести, что Богъ есть Ничто. Онъ не все и не ничто, а ни то, ни се. Это не Богъ живыхъ и даже не Богъ мертвыхъ, а Богъ полуживыхъ, полумертвыхъ, современныхъ полувѣровъ, для которыхъ въ сущности даже не интересно, есть Онъ, или нѣтъ Его, не интересно это и для Толстого. Въ своемъ практическомъ христіанствѣ, онъ можетъ обойтись и безъ Бога, имя Котораго, по собственному признанію, почти не употребляетъ отдѣльно, а лишь въ выраженіяхъ—„жить по Божьи" и т. п., такъ что Богъ является здѣсь даже не существительнымъ, а лишь *прилагательнымъ*.

Вотъ почему и не церемонится Толстой съ ученіемъ о Богѣ, о Св. Троицѣ:—вѣдь это только прилагательное. Догматъ о Св. Троицѣ, по нему, „*ни для кого и ни для чего не можетъ быть нуженъ—нравственнаго правила изъ него вывести невозможно никакого*". Такимъ образомъ, справедливо заключаетъ Мережковскій, „Богъ у Толстого есть удобный и условный математическій знакъ, *x* въ нравственныхъ уравненіяхъ.

Когда уравненіе рѣшено, *x* становится добромъ, и даже не безкорыстнымъ добромъ, а опредѣленною, насущною полезностью *a*, *b* или *c*: „любовь къ ближнему,—говоритъ Л. Толстой съ поразительною даже у него беззастѣнчивостью,—есть *выгодное, полезное дѣло*". И еще грубѣе, еще циничнѣе: „Христосъ училъ людей не дѣлать глупостей". Все ученіе Христа оказывается только ученіемъ здраваго смысла, общедоступнаго, какъ дважды два четыре, подсчитываніе человѣческихъ пользъ, нѣчто, можетъ быть, въ высшей степени практическое, но вѣдь и несомнѣнно же дешевое, коротенькое, какъ трехкопѣечная ариѳметика для сельскихъ школъ.

Разъ вступивъ на эту большую дорогу религіознаго опошленія, Л. Толстой неминуемо долженъ былъ дойти до того же, до чего теперь доходятъ всѣ идущіе по религіознымъ большимъ дорогамъ,—до почти сознательнаго безбожія.

И ежели тутъ сохраняется „почти", ежели все еще называетъ онъ свое безбожіе религіей и не говоритъ въ сердцѣ своемъ съ окончательнымъ цинизмомъ: „нѣтъ Бога" (кто знаетъ, впрочемъ,—можетъ быть, уже и говоритъ?),—то только потому, что такъ мало думаетъ о

Богѣ, такъ забылъ о Немъ,—что не удостоиваетъ онъ эту жалкую метафизическую развалину, „тѣнь тѣни“, даже послѣднимъ великодушнымъ ударомъ, послѣднимъ отрицаніемъ.

Вотъ весь пройденный Л. Толстымъ религіозный путь относительно догмата о Богѣ вообще: началъ онъ тѣмъ, что повѣрилъ въ ничто, кончилъ тѣмъ, что не вѣритъ ни во что; началъ съ незапамятно-древняго буддійскаго нигилизма; кончилъ даже не вчерашнимъ, а третьягодняшнимъ, отрыгнувшимся русскимъ базаровскимъ нигилизмомъ“.

„То же самое, что съ Богомъ-Отцемъ, говоритъ далѣе авторъ, произошло у Толстого и съ Сыномъ Божіимъ“.

„Сынъ знаетъ Отца; рабъ не знаетъ Господина; работникъ отчасти знаетъ, отчасти не знаетъ хозяина; онъ больше умствуетъ, хвастаетъ тѣмъ, что знаетъ барина: „я знаю, что Ты человѣкъ жестокій, жнешь, гдѣ не сѣялъ, собираешь, гдѣ не разсыпалъ, вотъ же Тебѣ Твой талантъ“. Это разсчетъ хозяина и работника. Работникъ не можетъ „войти въ радость господина своего“, а развѣ только въ прибыль хозяина.— „Мужиковъ надо держать вотъ какъ“!—говаривалъ, показывая свой крѣпкосжатый кулакъ Николай Ростовъ, тоже хозяинъ. И небесный Хозяинъ у Л. Толстого держитъ работниковъ своихъ „вотъ какъ“: онъ загоняетъ ихъ, какъ зайцевъ, ухающими пугалами смерти и страданій „на дорогу любви“. Какая же однако любовь, какая свобода, ежели „пугалы“?—„Я какъ-то думалъ,— признается Л. Толстой, какъ больно, что люди живутъ не по Божьи, и вдругъ мнѣ стало ясно, что какъ бы человѣкъ ни жилъ, онъ всегда живетъ такъ, что законъ не будетъ нарушенъ, только проигрышъ остается за человѣкомъ. Онъ же не исполнилъ, какъ человѣкъ— исполнилъ его, какъ животное, какъ, еще ниже, кусокъ разлагающейся плоти. Для *меня это стало ясно и утѣшительно*, говоритъ Толстой. Страшная ясность, неимовѣрная утѣшительность, замѣчаетъ Мережковскій. Вѣдь не можетъ Л. Толстой не сознавать, что, отъ начала міра до возникновенія толстовской религіи, никто, или почти никто, даже самъ онъ, Л. Н-чъ, закона любви такъ, какъ онъ его понимаетъ, сознательно не исполнилъ. И, слѣдов., почти все человѣчество, не болѣе,

какъ „разлагающаяся плоть“, смрадная падаль. И это-то находитъ онъ съ точки зрѣнія той самой любви, которую проповѣдывалъ Богъ на землѣ, не только яснымъ, разумнымъ, справедливымъ, но и „утѣшительнымъ“.— Господь не хочетъ погибели грѣшныхъ, но чтобы *всѣ спаслись*. „Истинно, истинно говорю вамъ, ангелы на небесахъ радуются о единомъ грѣшникѣ болѣе, нежели о десяти праведникахъ. Такъ для Бога, такъ для Сына Божьяго.

Но не такъ съ хозяйской, толстовской точки зрѣнія. „Ихъ надо держать вотъ какъ“! Почти все живое погибнетъ, туда ему и дорога... Было ли, справедливо замѣчаетъ Мережковскій, когда-либо вообще произнесено не болѣе жестокое, а только болѣе жесткое, грубое, холодное „нехристіанское“ слово о христіанской любви. „Этотъ человѣкъ никогда никого не любилъ“, вспоминается слово Тургенева и слово князя Андрея: „всѣхъ любить, значитъ никого не любить“. „Вотъ, что такое эта любовь — не любовь свободная, любовь изъ подъ палки, изъ подъ плети, изъ подъ ухающихъ пугалъ. „Дитя мое, отдай мнѣ свое сердце,—вѣдь все равно, если не отдашь, проигрышъ за тобою, ты будешь кускомъ разлагающейся плоти“. Но, заканчиваетъ Мережковскій характеристику ученія Толстого о любви, „ежели я не могу быть сыномъ Отца Небеснаго, то не хочу быть и „работникомъ“ такого Хозяина — пусть ужъ лучше я буду попрежнему рабомъ, дрожащею тварью, даже „кускомъ разлагающейся плоти“ — это всетаки менѣе позорно и жестоко“.

Слишкомъ религіозное, евангельское понятіе о сыновности людей Богу въ концѣ концовъ оказывается неудобнымъ для „христіанства“ Л. Толстого, и онъ всѣми силами старается вытравить это понятіе изъ Евангелія. Въ книгѣ „Ученіе 12 Апостоловъ“, переводя греческій подлинникъ, повсюду тщательно замѣняетъ онъ слово „Сынъ“ словомъ „отрокъ“, вмѣсто „Іисусъ, Сынъ Божій“—„Іисусъ, отрокъ Божій“. Мало того: противъ всякой очевидности, съ непостижимымъ цинизмомъ, онъ утверждаетъ, что Христосъ никогда не считалъ Себя единороднымъ Сыномъ Божіимъ. „Іисусъ, увѣряетъ онъ, считалъ Себя такимъ же человѣкомъ, какъ и другіе люди.—Въ опроверженіе этого Мережковскій указываетъ на слѣд. мѣста Евангелія: „*дана*

мнѣ всякая власть на небѣ и на землѣ. Я и Отецъ—одно". Это ли еще не прямо, не ясно? Да за что же наконецъ и распятъ былъ Іисусъ?—И вставъ, первосвященникъ сказалъ Ему: что же ничего не отвѣчаешь? что они противъ Тебя свидѣтельствуютъ?—Іисусъ молчалъ. И первосвященникъ сказалъ Ему: заклинаю Тебя Богомъ живымъ, скажи намъ, Ты ли Христосъ, Сынъ Божій?—Іисусъ говоритъ ему: ты сказалъ; даже сказываю вамъ: отнынѣ узрите Сына Человѣческаго, сидящаго одесную Силы и грядущаго на облакахъ небесныхъ.—Тогда первосвященникъ разодралъ одежды свои и сказалъ: Онъ богохульствуетъ! на что еще свидѣтелей? вотъ, теперь вы слышали богохульство Его!—Какъ вамъ кажется?—Они же сказали въ отвѣтъ: повиненъ смерти" (*Матѳея* XXVI, 62—66). Послѣ такихъ свидѣтельствъ—утверждать, будто бы во всемъ Евангеліи нѣтъ ни одного мѣста, изъ котораго слѣдовало бы заключить, что Христосъ считаетъ Себя „не человѣкомъ, какъ всѣ", а Сыномъ Божіимъ,—едвали возможно, по выраженію Л. Толстого—„безъ дурного желанія".

О Третьей Ѵпостаси Св. Троицы—Духѣ Святомъ, Толстой не любитъ говорить. Она для него не существуетъ, какъ не признаетъ онъ и благодати Духа Святаго.

„Итакъ христіанство—не только безъ Бога Отца, но и безъ Сына Божьяго, христіанство безъ Христа, заключаетъ обозрѣніе догматики Толстого авторъ доклада. „Соль—добрая вещь, но если соль потеряетъ силу, чѣмъ исправить ее"? Ни въ землю, ни въ навозъ не годится;—вонъ выбрасываютъ ее". Кажется, толстовское „христіанство" и есть именно эта самая прѣсная изъ всѣхъ прѣсныхъ вещей,—эта соль, переставшая быть соленою, которая ни въ землю, ни въ навозъ не годится, и которую „вонъ выбрасываютъ".

Религіозное опошленіе, ложь до умопомраченія, сведеніе всѣхъ слишкомъ опасныхъ безплодныхъ вершинъ и глубинъ къ одной практически полезной сельско-хозяйственной плоскости—вотъ прямые результаты ученія Толстого.

Послѣ обозрѣнія догматической части ученія Толстого о томъ, что есть Богъ, о Богѣ Отцѣ и Богѣ Сынѣ, отношеніи Бога къ человѣку слѣдуетъ у Мережковскаго вытекающій изъ догматическихъ положеній разборъ

нравственнаго ученія Толстого. Если *такъ* вѣрить, то *какъ* же жить?

Здѣсь Толстой, оказывается, тоже идетъ своимъ серединнымъ путемъ между евангельскимъ „не пецытеся“ и ветхозавѣтнымъ „въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой, дондеже возвратишися въ землю“...

Л. Толстой, говоритъ Мережковскій, по своему обыкновенію, чтобы соединить оба предѣла, оскопляетъ, притупляетъ ихъ религіозныя, слишкомъ для него острыя жала. Того и другого беретъ понемножку: немножко робкаго буддійскаго „недѣланія“, вмѣсто слишкомъ смѣлой евангельской безпечности, немножко практической англосаксонской дарвиновской борьбы за существованіе, вмѣсто слишкомъ грознаго ветхозавѣтнаго, „въ потѣ лица твоего ѣшь хлѣбъ твой“,—и получается благоразумная обезпеченность, всеобщая сытость.

„Попробуй кормиться, одѣваться, отопляться и кормить, одѣвать, отоплять другихъ,—въ статьѣ „Трудолюбіе или торжество земледѣльца“ соблазняетъ Л. Толстой человѣка, и ты почувствуешь, что ты дома, что тебѣ свободно, прочно, *итти больше некуда.*—„Исполнять законъ жизни — значитъ „выпускать зарядъ энергіи, принимаемый въ видѣ пищи, мускульнымъ трудомъ“.— „*Человѣкъ прежде всего есть машина, которая заряжается ѣдою для того, чтобы кормиться.* Четыре дѣйствія машины—„четыре упряжки: 1) до завтрака; 2) отъ завтрака до обѣда; 3) отъ обѣда до полдника, и 4) отъ полдника до вечера“. Машина заряжается, чтобы кормиться, кормиться, чтобы снова заряжаться—и такъ безъ конца,— „итти больше некуда“. Богъ и человѣкъ —не Отецъ и Сынъ, не Господинъ и рабъ, даже не Хозяинъ и работникъ, а только механикъ и машина, вродѣ сельско-хозяйственныхъ машинъ новѣйшаго устройства подъ фирмой „Трудолюбіе и Торжество Земледѣльца“, паровыхъ американскихъ молотилокъ и вѣялокъ. Зарядилъ, пустилъ въ ходъ, и готово,—человѣкъ работаетъ, исполняетъ „четыре упряжки,—выпускаетъ „мускульнымъ трудомъ“ и евангельскою любовью „зарядъ энергіи, принятый въ видѣ пищи“.

Съ такою же легкомысленною грубостью русскаго нигилиста шестидесятыхъ годовъ, какъ живую душу Евангелія—ученіе о Богѣ и о Сынѣ Божьемъ,—умерщвляетъ Л. Толстой и живое тѣло христіанства,—таинства и обряды.

„Въ условіяхъ земного міра, справедливо замѣчаетъ Мережковскій, не можетъ быть души безъ тѣла, разума безъ плоти,—не можетъ быть и религіи безъ таинства. Обрядъ въ таинствѣ—это прозрачно-стыдливый покровъ, покрывающій наготу слишкомъ священнаго, слишкомъ страшнаго въ „духовномъ тѣлѣ“—въ таинствахъ религіи. У машинной религіи Л. Толстого нѣтъ живой души, живого стыдящагося тѣла, и потому она не требуетъ никакихъ покрововъ, никакихъ обрядовъ, она совершенно голая, безплотная и бездушная. Обряды всякой религіи—это тѣ ступени, по которомъ милліоны и милліоны вѣка и вѣка восходили къ Богу; пусть древнія ступени обрушились, заглохли, заросли сорными травами, такъ что теперь уже я не могу по нимъ восходить; я всетаки ихъ чту, я плачу надъ ними, я ихъ цѣлую, какъ самыя святыя воспоминанія, какъ мертвое и однако все еще для меня живое, потому что слишкомъ родное, тѣло. Пусть мать моя умерла, но и мертвое тѣло ея для меня не менѣе, а можетъ быть, даже именно въ минуту послѣдняго цѣлованія еще болѣе свято, чѣмъ живое“.

„Вовсе не надо быть вѣрующимъ, не надо понимать таинственной символической музыки обрядовъ, надо только имѣть уваженіе къ самымъ дорогимъ воспоминаніямъ своего дѣтства, своего народа, да наконецъ и всего человѣчества, къ этимъ древнимъ ступенямъ, ведущимъ къ Богу—для того, чтобы почувствовать въ издѣвательствахъ Л. Толстого надъ христіанскими таинствами и обрядами нѣчто возмутительное. Вѣдь стоитъ прочесть лучшія страницы Л. Толстого, описаніе похоронъ матери, говѣнія, исповѣди, причащенія, въ „Дѣтствѣ и Отрочествѣ“, чтобы увидѣть, до какой степени православная Церковь *и для него была матерью.* Пусть онъ думаетъ теперь, что она умерла. Неужели это даетъ ему право кощунствовать—обнажать мертвое тѣло матери и ругаться надъ нимъ? Это стыдно, страшно, этого нельзя вынести“, справедливо заключаетъ Мережковскій. „Неужели продолжалъ онъ, послѣ Тюбингенской школы могло бы прельстить самыхъ желторотыхъ матеріалистовъ остроуміе, вся соль котораго заключается въ томъ, чтобы, вмѣсто слова крестить, употреблять слово „купать“, вмѣсто причащаться, съѣсть съ ложки хлѣба съ виномъ, и т. п. Вѣдь это напоминаетъ *барскую брезгли-*

вость нашихъ крѣпостныхъ временъ къ вѣрѣ „*подлаго народа*“.

Православное ученіе заключаетъ въ себѣ ученіе объ окончательномъ своемъ идеалѣ, о царствѣ славы, о торжествѣ добра надъ зломъ, о будущемъ блаженствѣ, которое наступитъ въ этомъ царствѣ послѣ кончины міра. Какой же окончательный идеалъ даетъ своимъ послѣдователямъ Толстой?

Въ послѣднемъ романѣ Толстого „Воскресеніи“ есть попытка указать такой идеалъ. Толстой выставилъ фарисейски-мертвую фигуру англичанина, также мертво проповѣдывавшаго „глаголы жизни вѣчной“, и результаты отъ такой проповѣди—наглый смѣхъ рабочихъ надъ „Словомъ жизни“, не возбудившій въ сердцѣ Нехлюдова, воскресающаго героя Толстого, никакого возмущенія ни на мертвенную проповѣдь англичанина, ни на животный цинизмъ каторжныхъ; онъ самъ на сторонѣ этихъ людей, хохочущихъ надъ словами Евангелія. Въ его жалобѣ—эгоистической семьи, приличной человѣческой жизни—тотъ же отвѣтъ англичанину одного изъ каторжниковъ: „если-бы самъ попробовалъ (подставить щеку)!. Не *сонъ* ли это души *вмѣсто воскресенія*, справедливо замѣчаетъ Мережковскій. Л. Толстой, повидимому, не оставляетъ въ этомъ сомнѣнія. Нехлюдовъ у него ходитъ за англичаниномъ, *какъ во снѣ*, садится на скамью *машинально* и также *машинально* открываетъ Евангеліе и послѣ (машинальнаго?) прочтенія XVIII гл. Мѳ. *воскресаетъ*, по словамъ Толстого, „засыпая“, потому что ему и дѣлать больше нечего“. „Давно не испытанный имъ восторгъ охватилъ душу и онъ (Нехлюдовъ) понялъ, что исполняй люди это ученіе и на землѣ установится Царствіе Божіе, и люди получатъ наибольшее благо, которое доступно имъ, понялъ все это и воскресъ“.

„Но что же собственно произошло въ Нехлюдовѣ“?—спрашиваетъ Мережковскій, а съ нимъ и всякій читавшій романъ Толстого и вдумывавшійся въ воскресеніе Нехлюдова. Какой же восторгъ? „Именно религіознаго восторга ни капли; такимъ же холодомъ, „тлетворнымъ духомъ“ вѣетъ отъ умствованій Нехлюдова надъ притчей о виноградаряхъ, о Хозяинѣ и Работникѣ, какъ и отъ практическихъ правилъ американца Симонсона для топки печей съ наименьшей тепловой энергіей“, или отъ мерзостнаго воляпюка англичанина—апостола рус-

скихъ варваровъ. Чѣмъ утолилъ Нехлюдовъ свои угрызенія и свой стыдъ въ дѣлѣ Масловой, чѣмъ заглушилъ хохотъ каторжныхъ надъ словами Евангелія"? Если весь романъ направленъ былъ къ тому, чтобы показать, какъ Нехлюдовъ постепенно умираетъ, засыпаетъ—на основаніи послѣднихъ, самыхъ слабыхъ и незначительныхъ во всемъ произведеніи, *семидесяти строкъ*, мы должны повѣрить, что онъ всетаки воскресъ?—Или совершилось тутъ чудо Божіе, подобно воскрешенію мертвеца Лазаря? „Благодать", какъ сказали бы вѣрующіе, сошла на Нехлюдова? Но Толстой самъ не вѣритъ въ такія чудеса". И, хотя онъ и увѣряетъ на 70 строкахъ, что Нехлюдовъ все-таки воскресъ, всякій правдивый читатель не видитъ этого воскресенія, а, напротивъ, догадывается, чувствуетъ, что отъ Нехлюдова, какъ отъ четырехдневнаго мертвеца, „уже смердитъ", и что никогда не выйдетъ онъ изъ гроба.

Но если вѣрно свидѣтельство великаго писателя, что „единственное отношеніе самой даровитой, самой сильной части русскаго народа ко Христу—звѣрскій хохотъ, и если это не клевета, то, значитъ, погибъ русскій народъ и умеръ второю смерью, какъ и Нехлюдовъ. Правъ князь Андрей, что жизнь—есть смерть, а благая вѣсть Христова—„воскресеніе" есть отрицаніе жизни, буддійская нирвана, которая и есть собственно конечный идеалъ Толстого. Но какой идеалъ?—Сонъ, мертвость, ничего недѣланіе, непротивленіе, погруженіе въ себя и въ самое необходимое. Нѣтъ ничего жизненнаго въ этомъ ученіи, и Толстовскимъ послѣдователямъ вполнѣ усвоившимъ такой идеалъ, останется одно самоубійство.

Итакъ, вотъ общіе выводы, дѣлаемые Мережковскимъ изъ ученія Толстого. „Л. Толстой не вѣритъ въ Бога, не вѣритъ въ Сына Божьяго, не вѣритъ во Христа Спасителя міра, не вѣритъ даже въ „самаго мудраго и праведнаго изъ людей, человѣка Іисуса",—не вѣритъ ни во что". (Не даромъ еще Тургеневъ назвалъ его нигилистомъ). „Л. Толстой хотѣлъ отдѣлить нравственность отъ религіи (отъ догматическаго христіанскаго ученія); но когда порвалъ ихъ живую связь, то и нравственность, какъ религія, въ рукахъ его истлѣла—и отъ христіанства ничего не осталось".

Еще только одинъ человѣкъ въ современной Европѣ

дошелъ до такого же богохульства, какъ Л. Толстой,—это Фридрихъ Нитче.

Религіозныя судьбы Л. Толстого и Нитче поразительно противоположны и подобны: оба исходятъ они изъ одного и того же взгляда на ученіе Христа, какъ на буддійскій нигилизмъ, какъ на вѣчное *нѣтъ* безъ вѣчнго *да*, — умерщвленіе плоти безъ воскресенія, отрицаніе жизни безъ ея утвержденія. Отсюда обѣ трагедіи—и Л. Толстого, и Нитче, съ тою разницею, что у перваго слѣпая и ясновидящая безсознательная стихія шла противъ сознанія, а у второго наоборотъ—сознаніе шло противъ безсознательной стихіи. Это-то противорѣчіе и довело обоихъ до богохульства, которое оба они старались принять за религію. Нитче—тайный ученикъ, явный отступникъ; Л. Толстой—явный ученикъ, тайный отступникъ Христа.

На нихъ оправдалось слово Достоевскаго, что „природа человѣческая не выноситъ богохульства и, въ концѣ концовъ, сама же себѣ всегда и отомститъ за него". Нитче отомстилъ себѣ ужаснымъ; Л. Толстой—смѣшнымъ; Нитче—религіознымъ самоотрицаніемъ, безуміемъ; Л. Толстой религіозною серединою, пошлостью, неудачными усиліями мертваго старца Акима воскреснуть,—смѣшнымъ, которое въ такомъ человѣкѣ, можетъ быть, страшнѣе страшнаго.

Свящ. М. Лисицынъ.

IV.

Критика толстовства В. С. Соловьевымъ.

I.

Предъ нами послѣднее предсмертное произведеніе покойнаго писателя философа-богослова В. С. Соловьева: „Три разговора о войнѣ, прогрессѣ и концѣ всемірной исторіи, со включеніемъ краткой повѣсти объ антихристѣ и съ приложеніями. С.-Петербургъ 1900 г.". Для насъ оно особенно цѣнно потому, что въ немъ самымъ блестящимъ образомъ представлены тѣ пріемы, посредствомъ которыхъ В. С. Соловьевъ обнаруживалъ

дѣйствительный обманъ мнимаго „христіанства“ гр. Толстого.

Предметъ „разговоровъ“, происходящихъ за границей, на одной изъ виллъ, „глядящихся въ лазурную глубину Средиземнаго моря“, указанъ въ заглавіи— война, прогрессъ и конецъ всемірной исторіи. Разсматривается этотъ предметъ, или эти предметы, съ точки зрѣнія одного коренного вопроса: есть-ли зло только естественный *недостатокъ*, несовершенство, само собою исчезающее съ ростомъ добра, или оно есть дѣйствительная *сила*, посредствомъ соблазновъ владѣющая нашимъ міромъ, такъ что для успѣшной борьбы съ нею нужно имѣть точку опоры въ иномъ порядкѣ бытія? Въ предисловіи авторъ ясно указываетъ полемическую цѣль своей книги противъ проповѣди мнимаго царства Божія и мнимаго евангелія, подъ чѣмъ онъ разумѣетъ толстовство, которое, по словамъ автора, напускаетъ туманъ на связанныя съ вопросомъ о злѣ жизненныя стороны христіанской истины. „Много лѣтъ тому назадъ, говоритъ авторъ, я прочелъ извѣстіе о новой религіи, возникшей гдѣ-то въ восточныхъ губерніяхъ. Это религія, послѣдователи которой назывались вертидырниками, или дыромоляями, состояла въ томъ, что, просверливъ въ какомъ-нибудь темномъ углу въ стѣнѣ избы дыру средней величины, эти люди прикладывали къ ней губы и много разъ настойчиво повторяли: изба моя, дыра моя, спаси меня! Никогда еще, кажется, предметъ богопочитанія не достигалъ такой крайней степени упрощенія. Но эти люди, дико безумствуя, никого не вводили въ заблужденіе: про избу они такъ и говорили: изба и мѣсто, просверленное въ ея стѣнѣ, справедливо называли дырой. Но религія дыромоляевъ скоро испытала „эволюцію“ и подверглась „трансформаціи“. И въ новомъ своемъ видѣ она сохранила прежнюю слабость религіозной мысли и узость философскихъ интересовъ, прежній приземистый реализмъ, но утратила прежнюю правдивость: своя изба получила теперь названіе „царства Божія на землѣ“, а дыра стала называться „новымъ евангеліемъ“, и что всего хуже, различіе между этимъ мнимымъ евангеліемъ и настоящимъ совершенно такое же, какъ между просверленною въ избѣ дырой и живымъ и цѣлымъ деревомъ, — это существенное различіе новые еванге-

листы всячески старались и замолчать, и заговорить..." Въ этихъ словахъ Соловьевъ не историческую или „генетическую" связь между первоначальной сектой дыромоляевъ и проповѣдью графомъ Толстымъ мнимаго царства Божія и мнимаго евангелія утверждаетъ, но устанавливаетъ, что по отрицательности и безсодержательности эти „міровоззрѣнія имѣютъ много тождественнаго у себя. Хотя „интеллигентные" дыромоляи и называютъ себя не дыромоляями, говоритъ Соловьевъ, а христіанами, а проповѣдь свою называютъ евангеліемъ, но христіанство безъ Христа и евангеліе, т. е. *благая вѣсть,* безъ того блага, о которомъ стоило бы возвѣщать, именно безъ дѣйствительнаго воскресенія въ полноту блаженной жизни, — есть такое же *пустое мѣсто*, какъ и обыкновенная дыра, просверленная въ крестьянской избѣ".

Зачѣмъ же люди прибѣгаютъ къ этому обману, зачѣмъ ставятъ поддѣльное христіанское знамя надъ своей раціоналистической дырой? Зачѣмъ, думая и потихоньку утверждая, что Христосъ устарѣлъ и превзойденъ, или что Его вовсе не было, что Онъ — миѳъ, выдуманный апостоломъ Павломъ, — зачѣмъ они вмѣстѣ съ тѣмъ упорно продолжаютъ называть себя „истинными христіанами" и проповѣдь своего пустого мѣста прикрывать перифразированными евангельскими словами? Этотъ обманъ не имѣетъ извиненія. „Никакое внѣшнее положеніе, говорилъ Соловьевъ, не можетъ помѣшать убѣжденному и добросовѣстному человѣку высказать до конца свое убѣжденіе. Нельзя это сдѣлать дома,—можно за границей, да и кто же болѣе проповѣдниковъ мнимаго евангелія пользуется этою возможностью, когда дѣло идетъ *о прикладныхъ* вопросахъ политики и религіи? А по главному, принципіальному вопросу для воздержанія отъ неискренности и фальши не нужно и за границу ѣхать,—вѣдь никакая русская цензура не требуетъ заявлять такія убѣжденія, которыхъ не имѣешь, притворяться вѣрящимъ въ то, во что не вѣришь, любящимъ и чтущимъ то, что презираешь и ненавидишь. Чтобы держать себя добросовѣстно по отношенію къ извѣстному историческому Лицу и Его дѣлу, отъ проповѣдниковъ пустоты требовалось въ Россіи только одно: умолчаніе объ этомъ Лицѣ, „игнорировать" Его. Но какая странность! Эти люди не хотятъ пользовать-

ся по этому предмету ни свободой молчанія у себя дома, ни свободой слова за границей. И здѣсь, и тамъ они предпочитаютъ наружно примыкать къ Христову Евангелію; и здѣсь, и тамъ они не хотятъ ни прямо—рѣшительнымъ словомъ, ни косвенно-краснорѣчивымъ умолчаніемъ правдиво показать свое настоящее отношеніе къ Основателю христіанства, именно, что Онъ имъ совсѣмъ чуждъ, ни на что не нуженъ и составляетъ для нихъ только помѣху..." Съ точки зрѣнія толстовства, то, что оно проповѣдуетъ, *само по себѣ* понятно, желательно и спасительно для всякаго, и если уже они непремѣнно желаютъ опереть свои убѣжденія на какомъ нибудь историческомъ авторитетѣ, кромѣ своего разума, то почему они вмѣсто Христа, говорившаго и дѣлавшаго много такого, что для нихъ есть и „соблазнъ", и „безуміе", не поищутъ въ исторіи другого лица, болѣе для нихъ подходящаго? Почему они, напр., не замѣнятъ „галилейскаго раввина"—„отшельникомъ изъ рода шакьевъ", тѣмъ болѣе что буддійскія сутты гораздо лучше подходятъ, для нихъ, чѣмъ Христово Евангеліе?

Представителемъ толстовства въ „разговорахъ" является князь—слишкомъ всѣмъ извѣстный, „отмѣнный" типъ интеллигентныхъ дыромоляевъ—проповѣдниковъ пустоты. Занятый изданіемъ „просвѣтительныхъ" книжекъ для народа и настолько поглощенный дѣлами евангельской проповѣди, по словамъ одного изъ собесѣдниковъ, что ему уже не остается времени поразмыслить о Христѣ или объ антихристѣ, выдающій себя и своихъ за настоящихъ христіанъ и даже христіанъ по преимуществу, не имѣющій духа Христова, говорящій „высокія" слова и разсуждающій буквально словами своего учителя и убѣгающій отъ серьезныхъ религіозныхъ разсужденій и споровъ, онъ представляется однимъ изъ тѣхъ многочисленныхъ, изломанныхъ и несчастныхъ сектантовъ, порвавшихъ со всѣмъ своимъ историческимъ прошлымъ, съ любовью къ родинѣ и ближнимъ, которыхъ породило толстовство среди нашей интеллигенціи, и которые съ религіозною пустотою толстовства потеряли и всякую жизнерадостность, довольство, веселость и благодушіе.

Въ первомъ разговорѣ воззрѣнія толстовства оспариваются, главнымъ образомъ, отъ лица генерала, ко-

торый въ своихъ воззрѣніяхъ на предметъ „разговоровъ“ стоитъ на религіозно-бытовой точкѣ зрѣнія, и который, по собственнымъ своимъ словамъ, послѣ Бога и Россіи, ничего такъ не любитъ, какъ военное и въ частности артиллерійское дѣло. „Споконъ вѣковъ и до вчерашняго дня, говоритъ онъ, всякій военный человѣкъ—солдатъ или фельдмаршалъ, все равно, — зналъ и чувствовалъ, что онъ служитъ дѣлу важному, не полезному только или нужному, какъ полезна, напр., асенизація или стирка бѣлья, а въ высокомъ смыслѣ хорошему, благородному, почетному дѣлу, которому всегда служили самые лучшіе, первѣйшіе люди, вожди народовъ, герои. Это наше дѣло всегда освящалось и возвеличивалось въ церквахъ, прославлялось всеобщею молвою. И вотъ въ одно прекрасное утро мы узнаемъ, что все это намъ нужно забыть, и что мы должны понимать себя и свое мѣсто на свѣтѣ Божіемъ въ обратномъ смыслѣ. Дѣло, которому мы служили и гордились, что служимъ, объявлено было дѣломъ дурнымъ и пагубнымъ: оно противно оказывается Божіимъ заповѣдямъ и человѣческимъ чувствамъ, оно есть ужаснѣйшее зло и бѣдствіе, всѣ народы должны противъ него соединиться, и его окончательное уничтоженіе есть только вопросъ времени... Какъ же намъ теперь быть? Чѣмъ я, т. е. всякій военный, долженъ себя почитать и какъ на самого себя смотрѣть: какъ на настоящаго человѣка или какъ на изверга естества?.. До вчерашняго дня я зналъ, что я долженъ поддерживать и укрѣплять въ своихъ войскахъ не другой какой-нибудь, а именно боевой духъ,—готовность каждаго солдата бить враговъ и самому быть убитому,—для чего непремѣнно нужна полная увѣренность въ томъ, что война есть дѣло святое. И вотъ у этой-то увѣренности отнимается ея основаніе, военное дѣло лишается своей, какъ это говорятъ по ученому, „нравственно- религіозной санкціи“. Это сдѣлало толстовство своимъ взглядомъ на войну, какъ на простое убійство и на военную службу, какъ на подготовленіе къ убійству.

Но дѣйствительно-ли война въ самосознаніи русскаго православнаго народа имѣла эту „религіозно-нравственную санкцію?“ По справкѣ бесѣдующихъ оказалось, что всѣ святые нашей, собственно-русской, Церкви принадлежатъ къ двумъ классамъ: они или мо-

пахи разныхъ чиновъ, или князья, т. е. по старинѣ непремѣнно военные, и никакихъ другихъ святыхъ мужескаго пола у насъ нѣтъ, ибо святые юродивые принадлежатъ къ монашествующему классу. Ни бѣлыхъ священниковъ, ни купцовъ, ни дьяковъ или приказныхъ, ни мѣщанъ или крестьянъ между признанными святыми русской Церкви нѣтъ. Это не значитъ, что въ этихъ состояніяхъ не было и нѣтъ высокодобродѣтельныхъ людей, но это значитъ, что христіанскіе народы, по мысли которыхъ составлялись святцы, не только уважали, но еще особенно уважали военное званіе и изъ всѣхъ мірскихъ профессій одну только военную считали воспитывающею, такъ сказать, лучшихъ своихъ представителей для святости.

Но можетъ быть въ практическомъ отношеніи бѣда отъ проповѣди толстовства еще не такъ велика; можетъ быть, можно имѣть боевыя качества, необходимыя для арміи и безъ „религіозной санкціи", безъ признанія войны дѣломъ хорошимъ, святымъ". Но кто дастъ эти боевыя качества, когда первое боевое качество, безъ котораго всѣ другія ни къ чему, состоитъ въ *бодрости духа*, а оно держится на вѣрѣ въ святость своего дѣла?" До военныхъ людей, какъ и до всякихъ, доходятъ постороннія вліянія, и естественно, что при всеобщей воинской повинности, когда военная служба стала вынужденною повинностью для всѣхъ и каждаго, всѣ, начиная съ начальства, станутъ смотрѣть на войну, какъ на неизбѣжное покуда зло, и никто не станетъ избирать добровольно военную профессію на всю жизнь, кромѣ развѣ какого-нибудь отребья природы, которому больше дѣваться некуда, а тѣ, кому поневолѣ придется нести временно военную повинность, будутъ нести ее съ чувствами каторжниковъ, прикованныхъ къ тачкѣ и несущихъ свои цѣпи. Это, конечно, желательно и радостно для толстовцевъ, но для государства, при теперешнемъ ускоренномъ ходѣ исторіи, можетъ окончиться упраздненіемъ войскъ и самого государства, какъ отдѣльной единицы.

Это практическое слѣдствіе толстовскихъ взглядовъ на войну и военную службу. Но какъ же рѣшить этотъ вопросъ по существу? Не есть-ли, дѣйствительно, какъ учитъ Толстой, война и военщина—*безусловное и крайнее* зло, отъ котораго человѣчество должно непремѣнно и

сейчесъ же избавиться, не взирая на всѣ практическія слѣдствія,—должно избавиться для торжества разума и добра? Въ такомъ нравственномъ рѣшеніи принципіальнаго вопроса толстовство грѣшитъ тѣмъ, что окрашиваетъ войну сплошь одною черною краскою, а миръ—одною бѣлою, въ то время какъ съ нравственной точки зрѣнія возможна и дѣйствительно бываетъ хорошая война, возможенъ и бываетъ и хорошій миръ, слѣдовательно, „война не есть безусловное зло, и миръ не есть безусловное добро". Толстовство утверждается на силлогизмѣ „всякое убійство есть безусловное зло; война есть убійство, слѣдовательно, война есть безусловное зло". Но не всякое убійство есть безусловное зло уже потому, что быть убитымъ,—равно какъ умереть отъ какой-нибудь эпидемической болѣзни,—съ объективной стороны значитъ претерпѣть то, что въ нравственномъ отношеніи всегда есть зло, и что иногда въ убійствѣ даже злой воли совершенно не бываетъ, какъ, напр., при неудачной операціи, главнымъ же образомъ потому, что возможно представить такого рода положеніе, когда воля, хотя и не имѣетъ своею прямою цѣлью лишить жизни человѣка, однако заранѣе соглашается на что, какъ на крайнюю необходимость, напр., при защитѣ невинно подвергающагося насилію со стороны разъяреннаго злодѣя,—слѣдовательно, когда убійство этого злодѣя не есть безусловное зло и съ субъективной стороны. О томъ, что вообще лучше не убивать, чѣмъ убивать, въ этомъ всѣ согласны. Но нужно признать и то, что общее или общепризнанное правило не убивать не есть дѣйствительно безусловное и, слѣдовательно, недопускающее никакого исключенія, ни при какихъ обстоятельствахъ и ни въ какихъ единичныхъ случаяхъ. Даже и толстовецъ не можетъ остаться равнодушенъ, когда на глазахъ его чужое и незнакомое ему слабое существо подвергается неистовому нападенію дюжаго злодѣя,—не можетъ проповѣдывать добродѣтель въ то время, когда осатанѣвшій звѣрь будетъ терзать свою жертву. Здѣсь одно изъ двухъ: или обратиться къ Богу съ молитвою и ждать чуда нравственнаго или физическаго, чего толстовство уже, конечно, не допуститъ, или остановить звѣря силою, хотя бы и возможностью и даже вѣроятностью убить его. Если допустить третье, именно, не противиться злу и признать все совершающееся въ

мірѣ нравственнымъ порядкомъ, или волею Божіею,— иначе говоря, если допустить, что добро и зло вообще безразличны для божества, то божество, попускающее сильному мерзавцу подъ вліяніемъ животной страсти истреблять слабое существо, и подавно не можетъ имѣть ничего противъ того, чтобы подъ вліяніемъ состраданія кто-нибудь изъ насъ истребилъ мерзавца. Но толстовство, въ своей заботѣ не о томъ, кто убитъ, а о томъ, кто убиваетъ, допускаетъ такой нелѣпый выводъ, что убійство слабаго, безобиднаго, невиннѣйшаго и справедливѣйшаго существа можетъ и не быть зломъ, или, по крайней мѣрѣ, нравственно невинно, сравнительно съ убійствомъ сильнаго и злого звѣря. Толстовство при этомъ предполагаетъ, что у злодѣя атрофированы и разумъ, и совѣсть, и что при такомъ его состояніи непозволительно для разумнаго и добросовѣстнаго существа вести борьбу съ нимъ съ возможностью убить его. Но такая постановка вопроса совершенно фальшива: звѣрскій человѣкъ отличается отъ разумныхъ и добросовѣстныхъ людей не отсутствіемъ разума и совѣсти, а только рѣшимостью дѣйствовать имъ наперекоръ; иначе, если злодѣй дѣйствительно есть звѣрь безъ разума и совѣсти, то убить его все равно что убить волка или тигра и, это вынужденное убійство его не можетъ идти въ сравненіе съ убійствомъ жертвы его насилія, требующей помощи. Совѣсть и разумъ говорятъ о ней и о ней прежде всего, и воля Божія тутъ въ томъ, чтобы спасти эту жертву, по возможности щадя злодѣя; но жертвѣ этой должно помочь во чтобы то ни стало и во всякомъ случаѣ: если можно, то увѣщаніями къ злодѣю, если нѣтъ, то силой; ну, а если нѣтъ физической возможности, *тогда* только тѣмъ крайнимъ способомъ, о которомъ толстовство намекаетъ, но не говоритъ, именно, молитвою, т. е., тѣмъ высшимъ напряженіемъ доброй воли, которая дѣйствительно иногда творитъ чудеса, когда это нужно.

Между единичнымъ убійствомъ и войною есть логическая и вмѣстѣ историческая связь, и вопросъ о защитѣ государственной, какъ и о защитѣ личной, не можетъ съ категорическимъ отрицаніемъ рѣшаться по узкобуквально понимаемой толстовствомъ заповѣди „не убій“. Напримѣръ, если-бы Владиміръ Мономахъ, руководствуясь заповѣдью—не убій, не отправился на войну

съ половцами, постоянными набѣгами разорявшими землю русскую, а, жалѣючи людей, оставался дома, то при немъ не „отдохнула бы“ земля, а продолжались бы набѣги, а съ ними постоянныя убійства, плѣненія и разоренія людей. И Владиміръ Мономахъ былъ правъ, что воевалъ съ половцами, и правъ не только потому, что „въ тѣ дикія времена нравственное сознаніе еще не возвысилось надъ грубымъ византійскимъ пониманіемъ христіанства и позволяло ради кажущагося добра убивать людей“. Нѣтъ, и теперь, несмотря на утвержденіе толстовства, что „убійство есть зло, противное волѣ Божіей, запрещенное издревле заповѣдью Божіею, что оно ни подъ какимъ видомъ и ни подъ какимъ именемъ не можетъ быть намъ позволительно и не можетъ перестать быть зломъ, когда вмѣсто одного человѣка убиваются подъ названіемъ войны тысячи человѣкъ“, и теперь совѣсть не только можетъ разрѣшить, но и признать добрымъ и святымъ дѣломъ, оставить навѣки самымъ лучшимъ, самымъ чистымъ воспоминаніемъ это массовое убійство на войнѣ. Генералъ въ подтвержденіе этого разсказываетъ случай изъ своей военной жизни, когда онъ за рузрушенную деревню, за истребленіе жителей, за изрѣзанныя груди матерей и поджариваніе живыхъ младенцевъ истребилъ въ бою четыре тысячи курдовъ, устроившихъ эту „башибузукскую кухню“. Война въ этомъ случаѣ есть воистину святое дѣло, и воинство— воистину можетъ быть названо христолюбивымъ, хотя внѣ войны и военныхъ отношеній это же воинство можетъ быть „сущіе разбойники“. Война ни въ коемъ случаѣ не есть „борьба однихъ разбойниковъ съ другими“, ибо на сторонѣ однихъ всегда есть нравственное право, и вынужденная обстоятельствами обязанность войны и сравнительная нравственность военныхъ дѣйствій. „Такъ совѣсть моя чиста въ этомъ дѣлѣ, говоритъ генералъ, что я и теперь иногда отъ всей души жалѣю, что не умеръ я послѣ того, какъ скомандовалъ послѣдній залпъ. И ни малѣйшаго у меня сомнѣнія, что умри я тогда,—прямо предсталъ бы предъ Всевышняго со своими тридцатью семью убитыми (въ бою съ курдами) казаками заняли бы мы свое мѣсто въ раю рядомъ съ добрымъ евангельскимъ разбойникомъ!“ Въ своемъ опасеніи, „чтобы какъ-нибудь зла пальцемъ не тронуть“, толстовство должно постоянно дѣлать логи-

ческіе скачки со своими утвержденіями то того, что злой человѣкъ есть то же, что звѣрь безотвѣтственный, то того, что башибузукъ, на глазахъ матерей поджаривающій младенцевъ, можетъ оказаться добрымъ евангельскимъ разбойникомъ. На самомъ же дѣлѣ, важно не то, что во всякомъ человѣкѣ есть начатки добра и зла, а то, что изъ двухъ въ немъ пересиливаетъ, и не то, что всѣ люди братья, а то, что братья бываютъ разные. „Почему же, говоритъ генералъ, мнѣ не поинтересоваться, кто изъ моихъ братьевъ Каинъ и кто Авель? И если на моихъ глазахъ братъ мой Каинъ деретъ шкуру съ брата моего Авеля, я именно по неравнодушію къ братьямъ (а не потому, что братьевъ забылъ) дамъ брату Каину такую затрещину, чтобы ему больше не до озорства было". Молитва о божественной помощи и вмѣшательствѣ при всякомъ дѣлѣ—способъ хорошій, но никакого дѣла замѣнить въ мірскихъ дѣлахъ не можетъ; такъ и въ дѣлѣ вызывающемъ войну. А безъ борьбы пресѣчь зло, или, по Толстому, „пробудить въ темныхъ душахъ то добро, которое таится во всякомъ человѣческомъ существѣ" невозможно даже и для проникнутыхъ истиннымъ евангельскимъ духомъ". „Я желаю знать, говоритъ по этому поводу г. Z., одинъ изъ собесѣдниковъ,—почему Христосъ не подѣйствовалъ силою евангельскаго духа, чтобы пробудить добро, сокрытое въ душахъ Іуды, Ирода, еврейскихъ первосвященниковъ и, наконецъ, того *злого* разбойника, о которомъ какъ-то совсѣмъ забываютъ, когда говорятъ о его *добромъ* товарищѣ? Для положительнаго христіанскаго воззрѣнія непреодолимой трудности тутъ нѣтъ. Ну, а толстовству чѣмъ-нибудь изъ двухъ ужъ непремѣнно тутъ нужно пожертвовать: или привычкой ссылаться на Христа и на Евангеліе, какъ на высшій авторитетъ, или моральнымъ оптимизмомъ. Потому что третій, довольно таки заѣзженный путь—отрицаніе самаго евангельскаго факта, какъ позднѣйшей выдумки или „жреческаго" истолкованія—въ настоящемъ случаѣ совершенно закрытъ. Какъ бы толстовцы ни искажали и не обрубали для своей цѣли текстъ четырехъ Евангелій, главное то въ нёмъ для нашего вопроса остается всетаки безспорнымъ, а именно, что Христосъ подвергся жестокому преслѣдованію и смертной казни по злобѣ своихъ враговъ. Что Онъ Самъ оставался нравственно

выше всего этого, что Онъ не хотѣлъ сопротивляться и простилъ своихъ враговъ—это одинаково понятно какъ съ православно-христіанской, такъ и съ толстовской точки зрѣнія. Но почему же, прощая своихъ враговъ, Онъ (говоря словами Толстого) не избавилъ ихъ души отъ той ужасной тьмы, въ которой онѣ находились? Почему Онъ не побѣдилъ ихъ злобы силою своей кротости? Почему Онъ не пробудилъ дремавшаго въ нихъ добра, не просвѣтилъ и не возродилъ ихъ духовно? Однимъ словомъ, почему Онъ не подѣйствовалъ на Іуду, Ирода, первосвященниковъ такъ, какъ Онъ подѣйствовалъ на *одного* только добраго разбойника? Опять таки: или не могъ, или не хотѣлъ. Въ обоихъ случаяхъ выходитъ по толстовству, что Онъ не былъ *достаточно* проникнутъ истиннымъ евангельскимъ духомъ, а такъ какъ дѣло идетъ о Евангеліи Христовомъ, то, по толстовству, оказывается, что Христосъ „не былъ достаточно проникнутъ истиннымъ духомъ Христовымъ“.

II.

Въ первомъ разговорѣ вопросъ о борьбѣ со зломъ принципіальнаго рѣшенія не получилъ. Ясно только, что и въ отношеніи личной защиты и въ отношеніи защиты государственной, слѣдовательно, въ отношеніи войны, по разсужденію Влад. С. Соловьева, бороться со зломъ нужно, бороться всѣми способами, до возможности единичнаго и массоваго убійства включительно. Убійство какъ въ отдѣльномъ случаѣ, такъ и на войнѣ не только можетъ быть оправдано, но и нравственно обязательно подъ условіемъ даннаго положенія: это есть необходимый выводъ изъ несомнѣнной дѣйствительности и фактовъ исторіи. Нельзя, дальше, спорить и противъ значенія войны, какъ главнаго, если не единственнаго средства, которымъ создавалось и упрочивалось государство. Но, быть можетъ, война, оставаясь допустимой на нѣкоторое время, при наличности современныхъ условій, въ недалекомъ будущемъ перестанетъ быть универсальнымъ средствомъ міровой борьбы, подобно тому, какъ и единичное убійство почти перестало уже или перестанетъ скоро быть средствомъ борьбы индивидуальной? Этотъ вопросъ въ такомъ

смыслѣ старается рѣшить *политикъ*, считающій для взаимныхъ отношеній людей единственно необходимой добродѣтелью—вѣжливость, а для теоретическихъ разсужденій—отсутствіе религіи: поменьше, ради Бога, поменьше ея, условливается онъ относительно послѣдующихъ разсужденій.

Политикъ, остановившись на утвержденіи, что нѣтъ государства, которое было бы создано и закрѣплено помимо войны, возражаетъ мимоходомъ на замѣчаніе князя-толстовца, что для людей, отказавшихся отъ поклоненія насилію, государство—неважно. „Попробуйте, говоритъ онъ, устроить прочно человѣческое общежитіе внѣ принудительныхъ государственныхъ формъ, или хоть сами на дѣлѣ откажитесь отъ всего, что на нихъ держится,—тогда и говорите о неважности государства. Ну и до тѣхъ поръ государство и все то, чѣмъ мы ему обязаны, остается огромнымъ фактомъ“. Итакъ, великое значеніе войны, какъ главнаго условія при созданіи государства, несомнѣнно; но это великое дѣло созиданія государства—не завершено-ли уже въ существенныхъ чертахъ? Война теперь въ общемъ не нужна, и цѣли ея могутъ быть достигнуты болѣе дешевымъ и вѣрнымъ путемъ: *военный періодъ исторіи*, по мнѣнію политика, *кончился*. Вмѣстѣ съ потерею своего практическаго смысла, война теряетъ, хотя и медленно, и свой мистическій ореолъ. Доказательство это въ томъ-же русскомъ церковномъ самосознаніи: *святые* военные жили въ ту эпоху, когда война, дѣйствительно, была необходимѣйшимъ, спасительнымъ и святымъ дѣломъ. Наши святые воители были все князья кіевской и владимірской эпохи, а позднѣйшихъ генералъ-лейтенантовъ или даже генералъ-поручиковъ между ними нѣтъ. Почему? Потому что всѣ послѣдующія войны, даже война съ Наполеономъ, Севастопольская и Русско-турецкая въ практическомъ смыслѣ, со стороны полезности ихъ для созданія и спасенія государства, не имѣли значенія. Конечно, всякій человѣкъ, свободный отъ предвзятыхъ „абсолютныхъ“ принциповъ (какъ толстовцы), долженъ и по чувству, и по обязанности безпощадно истребить звѣрскаго злодѣя или злодѣевъ, а не думать объ ихъ нравственномъ перерожденіи; конечно, и военщина или военная рука еще надолго будетъ необходима для человѣчества, для поддержанія порядка между мелькими некультурными народами. но теперь воинственность въ смыслѣ склонности

и способности къ международнымъ войнамъ, національная драчливость, а съ нею и война должны исчезнуть и уже исчезаютъ на нашихъ глазахъ.

Таковы воззрѣнія политика. Но какимъ-же способомъ, безъ войны, могутъ рѣшаться историческіе международные вопросы? Этихъ вопросовъ и не можетъ существовать, отвѣчаетъ политикъ, разъ военная политика замѣнится культурною. Соперничество-же между насадителями культуры, приводящее къ войнамъ, не будетъ имѣть мѣста: „Недостойно великой націи уподобляться собакѣ, которая на сѣнѣ лежитъ,—и сама не ѣстъ, и другой не даетъ". Въ частности, по отношенію къ Россіи, культурная задача нашего государства будетъ заключаться, съ одной стороны, въ поддержаніи европейскаго мира, такъ какъ всякая европейская война на теперешней ступени историческаго развитія была-бы безумнымъ и преступнымъ междоусобіемъ, а съ другой, въ культурномъ воздѣйствіи его на варварскіе народы, находящіеся въ сферѣ нашего вліянія; при осуществленіи этихъ задачъ всякая возможность европейской, а вслѣдствіе этого и азіатской (не страшной безъ европейской) войны устраняется.

Но возможна-ли эта „европейская солидарность", возможенъ-ли „миръ всего міра", когда перваго для этого и необходимаго условія,—„въ человѣцѣхъ благоволенія", не было въ прошломъ, нѣтъ въ настоящемъ, не будетъ, нужно предполагать, и въ будущемъ? Политикъ отвѣчаетъ: „благоволенія" между людьми для взаимной солидарности и для всеобщаго міра, и не нужно. Необходимо только сознаніе принадлежности къ одному исторически-культурному типу, каковымъ является для насъ, а затѣмъ и для всего міра типъ европейца. „Мы безповоротные *европейцы*, говоритъ политикъ, и настоящее существительное къ прилагательному *русскій* есть *европеецъ* Мы—русскіе европейцы, какъ есть европейцы англійскіе. французскіе, нѣмецкіе. Если я чувствую себя европейцемъ, то не глупо-ли мнѣ доказывать, что я какой-то славяно-россъ или греко-славянинъ... Я могу, и пожалуй, долженъ жалѣть и беречь всякаго человѣка, какъ и всякое животное, но признавать себя солидарнымъ, *своимъ*—я буду не съ какими-нибудь зулусами или китайцами, а только съ націями и людьми, создавшими и хранившими всѣ тѣ сокровища

высшей культуры, которыми я духовно питаюсь, которыя доставляютъ мнѣ лучшія наслажденія... Прежде всего нужно было, чтобы эти избранныя націи сложились и окрѣпли и устояли противъ низшихъ элементовъ, нужна была война, и война была дѣло святое. Теперь онѣ сложились, окрѣпли и имъ нечего бояться, кромѣ междоусобныхъ раздоровъ. Теперь наступаетъ эпоха мира и мирнаго распространенія европейской культуры повсюду. Всѣ должны стать европейцами. Понятіе европейца должно совпасть съ понятіемъ человѣка, и понятіе европейскаго культурнаго міра—съ понятіемъ человѣчества. Въ этомъ смыслъ исторіи. Сначала были только греческіе, потомъ римскіе европейцы, затѣмъ явились всякіе другіе, сначала на западѣ, потомъ на востокѣ, явились русскіе европейцы, тамъ за океаномъ — европейцы американскіе, теперь должны появиться турецкіе, персидскіе, индѣйскіе, японскіе, даже можетъ быть китайскіе... Если мы существительнымъ признаемъ отвлеченное понятіе человѣка, то мы должны придти къ эгалитарной безразличности: это прежде всего нелѣпо и на практикѣ пагубно. А если существительное—не человѣкъ вообще, а человѣкъ, какъ носитель культуры, т. е., европеецъ, то для нелѣпой эгалитарности тутъ нѣтъ мѣста. Понятіе *европеецъ*, или, что тоже, понятіе *культуры*, содержитъ въ себѣ твердое мѣрило для опредѣленія сравнительнаго достоинства различныхъ расъ, націй, индивидовъ".

Итакъ, въ основу *мирнаго* разрѣшенія всѣхъ тѣхъ вопросовъ, кои раньше разрѣшались войною, должно поставить то̀, что въ частной жизни называется вѣжливостью или учтивостью, и что есть необходимое условіе всякой культурности. И для этого вовсе ненужно никакихъ чувствъ, никакого „благоволенія" между людьми. „Можно питать въ своей душѣ самыя злобныя чувства и никого не грызть зубами. Точно также, каковы-бы ни были національныя антипатіи между двумя народами, на извѣстной степени культуры они никогда не дойдутъ до войны, во первыхъ, потому что самая процедура войны прямо противна культурному народу, а во-вторыхъ, на извѣстной степени умственнаго развитія народъ понимаетъ, какъ выгодно быть учтивымъ съ другими націями, и какъ убыточно съ ними драться".

Итакъ, по мнѣнію политика, „литературная агитація противъ войны есть явленіе весьма отрадное. Она не

только предваряетъ, но и ускоряетъ окончательное рѣшеніе назрѣвшей задачи. При всѣхъ своихъ странностяхъ и увлеченіяхъ, эта проповѣдь важна тѣмъ, что подчеркиваетъ въ общественномъ сознаніи главную, такъ сказать, магистральную линію историческаго прогресса. Мирное, т. е. вѣжливое, т. е. для всѣхъ выгодное улаженіе всѣхъ международныхъ отношеній и столкновеній—вотъ незыблемая норма здравой политики въ культурномъ человѣчествѣ".

Коренной вопросъ о томъ, есть-ли зло—владѣющая міромъ сила, или оно есть только недостатокъ добра, какъ учитъ толстовство, въ воззрѣніяхъ политика рѣшается въ томъ же смыслѣ, какъ и въ рѣчахъ генерала. Зло есть сила, и борьба съ нею предполагаетъ съ одинаковою необходимостью и напряженность до послѣдней степени всѣхъ физическихъ силъ человѣчества и мирное развитіе народовъ въ общей культурной средѣ. Тѣснѣйшее сближеніе и мирное сотрудничество всѣхъ христіанскихъ народовъ и государствъ—не только возможный, но необходимый и нравственно-обязательный путь спасенія для христіанскаго міра отъ поглощенія его низшими стихіями. Поэтому толстовство со своимъ рѣшительнымъ отрицаніемъ всего того, на чемъ держится культурный міръ, и что служитъ къ его развитію,—государства, войска, суда, науки, промышленности, университетовъ, фабрикъ и т. п., также неправо предъ судомъ разума и совѣсти, какъ неправо и въ своемъ отрицаніи войны и военной службы, служащихъ для борьбы со зломъ. Но возможна-ли совершенная замѣна одного средства другимъ, возможно-ли совершенное прекращеніе войны и установленіе мира для всего міра посредствомъ развитія культуры, или, выражаясь общѣе, возможно-ли прекращеніе зла на землѣ во всѣхъ его проявленіяхъ? Этотъ вопросъ рѣшается въ третьемъ разговорѣ, который ведетъ, главнымъ образомъ, г. Z., стоящій въ своихъ разсужденіяхъ на безусловно-религіозной точкѣ зрѣнія. Въ этомъ, третьемъ, разговорѣ представленъ перечень, краткій, но полный, всѣхъ тѣхъ положеній, взаимно уничтожающихъ другъ друга, которыя выставило и старается провести въ жизнь толстовство со своимъ игнорированіемъ зла, какъ реальной силы.

Г. Z. начинаетъ съ возраженія политику, что идея

прогресса не есть разрѣшеніе вопроса объ окончательномъ уничтоженіи зла въ мірѣ. Прогрессъ культуры или культурности есть историческій процессъ; этотъ процессъ идетъ ускореннымъ темпомъ, и поэтому необходимо говорить о своемъ концѣ, предвѣщаетъ свою развязку. Конецъ всемірной исторіи въ связи съ пришествіемъ антихриста, конечно, не изъ тѣхъ вопросовъ, которымъ даетъ мѣсто въ своихъ воззрѣніяхъ толстовство, и которые, по его мнѣнію, могутъ имѣть значеніе только для папуасовъ какихъ-нибудь. Эта мрачная нетерпимость къ подобнаго рода вопросамъ у людей, которые выдаютъ себя за христіанъ по преимуществу, есть своего рода *знаменіе времени*. Это печальное положеніе и есть именно положеніе антихристово, которое для болѣе умныхъ или чуткихъ толстовцевъ должно отягощаться сознаніемъ, что обманъ въ концѣ концовъ обнаружится. „Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что то антихристіанство, которое по библейскому воззрѣнію— и ветхозавѣтному, и новозавѣтному—обозначаетъ собою послѣдній актъ исторической трагедіи, что оно будетъ не простое невѣріе, или отрицаніе христіанства, или матеріализмъ и тому подобное, а что это будетъ религіозное *самозванство*, когда имя Христово присвоятъ себѣ такія силы въ человѣчествѣ, которыя на дѣлѣ и по существу чужды и прямо враждебны Христу и Духу Его“. Конечно, эти новые книжники и безбрачники, что открыли добродѣтель и совѣсть, какъ Америку какую-то, и при этомъ потеряли внутреннюю правдивость и всякій здравый смыслъ, вмѣстѣ съ новыми „благочестивыми аббатами“ и „бравыми католическими офицерами“, что готовы инквизицію возстановить и религіозные массакры устроить, не есть еще антихристы, но все же даютъ нѣкоторые пояснительные намеки на его существо.

Прогрессъ культуры, затѣмъ, не ведетъ къ разрѣшенію вопроса объ окончательномъ уничтоженіи зла въ мірѣ не только потому, что, какъ всякій прогрессъ, говоритъ о своемъ концѣ, но и потому еще, что возвѣщаемый имъ „миръ на землѣ“, или культурное единеніе человѣчества, въ самомъ себѣ будетъ заключать зло, съ которымъ считается и должно считаться человѣчество. Вотъ почему Іисусъ Христосъ, *Князь мира*, говорилъ: „*думаете-ли вы, что Я миръ пришелъ принести на*

землю? Нѣтъ, говорю вамъ,—но раздѣленіе". Онъ пришелъ принести на землю *истину*, а она, какъ добро, прежде всего, *раздѣляетъ*. Какъ война не есть абсолютно хорошее средство для борьбы со зломъ, такъ не есть абсолютное средство противъ него и миръ. Есть добрый или истиный миръ, и есть миръ дурной, или ложный. „*Миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ; не такъ какъ міръ даетъ, Я даю вамъ*, говорилъ Тотъ, Кто принесъ истинный миръ и добрую вражду. Хорошій, Христовъ миръ основывается на раздѣленіи между добромъ и зломъ, между истиной и ложью, а дурной, мірской миръ—на смѣшеніи или внѣшнемъ соединеніи того, что внутренно враждуетъ между собою. А затѣмъ, и въ духовной борьбѣ, и въ политической хорошій миръ есть тотъ, который заключается лишь тогда, когда цѣль войны достигнута, т. е. когда зло окончательно побѣждено.

Но толстовство противъ этого истинно-христіанскаго взгляда подставляетъ слѣдующее возраженіе: но можетъ-ли быть, въ точномъ смыслѣ, борьба между добромъ и зломъ? По представленію толстовцевъ, какъ только добрая сторона начинаетъ усиливаться въ комъ-либо или въ чемъ-либо, то дурная сейчасъ начинаетъ слабѣть, и до борьбы между ними дѣло никогда не доходитъ. „Стоитъ только, поэтому, добрымъ людямъ самимъ становиться еще добрѣе, чтобы злые теряли свою злобу, пока, наконецъ, не сдѣлаются еще добрѣе". Тотъ историческій фактъ, что Христосъ не переродилъ своею добротою злыя души Іуды и фарисеевъ, толстовство объясняетъ темнымъ тогдашнимъ временемъ, въ которое только немногія души стояли на той степени нравственнаго развитія, на которой внутренняя сила истины можетъ быть ощутительна, и приводитъ слова Спасителя: „*дѣла, которыя Я творю, и вы сотворите,—и больше этого сотворите*". На высшей ступени нравственнаго развитія въ человѣчествѣ, какая достигнута въ настоящее время, истинные ученики Христовы могутъ силою своей кротости и непротивленія злу творить нравственныя чудеса больше тѣхъ, что были возможны восьмнадцать вѣковъ тому назадъ. Собственное свое безсиліе въ настоящее время толстовцы объясняютъ тѣмъ, что они являются истинными учениками Христовыми только по направленію своихъ мыслей и поступковъ.

а не потому, чтобы они достигли большой силы: есть гдѣ-нибудь или скоро будутъ, думаютъ они, истинные христіане болѣе совершенные, чѣмъ они—толстовцы,—эти будутъ всесильны. Но не говоря о томъ, что такое объясненіе безсилія добра—безъ борьбы уничтожить зло—несостоятельно, потому что апелируетъ къ неизвѣстной инстанціи будущаго, общечеловѣческое наблюденіе надъ ежедневными фактами дѣйствительности заставляетъ утверждать противное толстовству, а именно, дѣйствительнее добро не уничтожаетъ зла, *а раздѣляетъ*, т. е., въ добромъ человѣкѣ увеличиваетъ добро и въ зломъ увеличиваетъ зло. Отъ одной и той же влаги живительнаго дождя растутъ и благотворныя силы въ цѣлебныхъ травахъ, и ядъ—въ ядовитыхъ: можно ли похвалить родителей, усердно поливающихъ изъ доброй лейки ядовитыя травы въ саду, гдѣ гуляютъ ихъ дѣти? Такъ и относительно зла въ мірѣ: можно-ли безъ разбору давать волю своимъ добрымъ чувствамъ тамъ, гдѣ добро только усиливаетъ силу зла?...

Установленіе вѣчнаго международнаго мира, наконецъ, не только заключаетъ въ самомъ себѣ смѣшеніе того, что внутренно враждуетъ между собою, но и не есть благо само по себѣ,—то абсолютное благо, которое само по себѣ было вожделѣнно и имѣло оправданіе. Вмѣстѣ съ развитіемъ культуры атрофированіемъ многихъ дурныхъ сторонъ жизни и развитіемъ хорошихъ, разовьется, только въ другой формѣ, и зло. Напр., въ области народнаго здоровья съ развитіемъ санитарныхъ условій жизни, гигіены, антисептики, органотерапіи развиваются, съ другой стороны, невропатическія и психопатическія явленія вырожденія и т. п. Растетъ плюсъ, растетъ и минусъ. А противъ смерти, главнаго зла, *послѣдняго врага*, по Писанію, ничего и нѣтъ въ культурномъ прогрессѣ. Между тѣмъ при возможности смерти, какъ прекращеніи личнаго существованія, культурный прогрессъ не можетъ быть цѣнимъ высоко. Смертью все обезразличивается: и предъ нею вся культура, какъ и всякія эгоистическія или альтруистическія чувства не имѣютъ смысла. Если еще можно имѣть любовь и заботы о ближнихъ на почвѣ самоудовлетворенія, то уже никакъ нельзя имѣть такой живой, дѣятельной любви къ несуществующему еще человѣчеству будущаго, и „тутъ вступаетъ во всѣ свои

права вопросъ разума объ *окончательномъ* смыслѣ или цѣли нашихъ заботъ, и если этотъ вопросъ въ высшей инстанціи рѣшается смертью, если послѣдній результатъ прогресса и культуры есть все-таки смерть каждаго и всѣхъ, то ясно, что всякая прогрессивная культурная дѣятельность—ни къ чему, что она безцѣльна и безсмысленна".

И противъ этого объясненія толстовство выставляетъ возраженіе, или лучше, своимъ взглядомъ на жизнь старается уничтожить самую возможность такого разъясненія. По доктринѣ толстовства, важно не то, стоитъ-ли заботиться о прогрессѣ или о смыслѣ жизни, а то, чтобы исполнять волю давшаго намъ жизнь, волю „Хозяина". Евангельское рѣшеніе вопроса, говоритъ Толстой, „съ особенною яркостью и силой выражено въ притчѣ о виноградаряхъ. Виноградари вообразили себѣ, что садъ, куда они были посланы для работы *на хозяина,* былъ ихъ собственностью, что все, что было сдѣлано въ саду, было сдѣлано для нихъ, и что ихъ дѣло только въ томъ, чтобы наслаждаться въ этомъ саду своею жизнію, забывъ о хозяинѣ и убивая тѣхъ, которые напоминали имъ о хозяинѣ и объ обязанностяхъ къ нему. Какъ тѣ виноградари, такъ и теперь почти всѣ люди живутъ въ нелѣпой увѣренности, что они сами хозяева въ своей жизни, что она дана для ихъ наслажденія. А вѣдь это, очевидно, нелѣпо. Вѣдь если мы посланы сюда, то по чьей-нибудь волѣ и для чего-нибудь. А мы рѣшили, что мы какъ грибы: родились и живемъ только для своей радости, и ясно, что намъ дурно, какъ будетъ дурно работнику, не исполняющему воли хозяина. Воля же хозяина выражена въ ученіи Христа. Только исполняй люди это ученіе, и на землѣ установится царство Божіе, и люди получатъ наибольшее благо, которое доступно имъ. Въ этомъ все. *Ищите царства Божія и правды его, а остальное приложится вамъ.* Мы ищемъ *остального* и не находимъ его и не только не устанавливаемъ Царства Божія, но разрушаемъ его" культурными учрежденіями.

Но это рѣшеніе толстовствомъ вопроса о смыслѣ жизни представляетъ собою рядъ произвольныхъ и ничѣмъ не связанныхъ утвержденій. Откуда можно заключить, по простому здравому смыслу, что люди на землю посылаются кѣмъ-то и для чего-то? Все это

нужно еще доказать. И затѣмъ, если жизнь есть, по толстовству, служба Богу, наградой за которую бываетъ одинаково для всѣхъ смерть, то лучше видѣть и въ смерти, и въ жизни необходимость природы, чѣмъ службу какому-то неизвѣстному хозяину, который ни для смерти, ни для жизни не спрашиваетъ ни у кого согласія. Наконецъ, по простому же здравому смыслу, если толстовское Царство Божіе на землѣ оставляетъ смерть нетронутой, то вѣдь выходитъ, что люди поневолѣ живутъ и будутъ жить въ этомъ Царствѣ Божіемъ и не для своей радости, не какъ веселые, выдуманные Толстымъ, грибы, а какъ грибы дѣйствительные, которыхъ на сковородѣ жарятъ для тѣхъ, кто любитъ ихъ ѣсть. Вѣдь и для людей въ толстовскомъ Царствѣ Божіемъ все будетъ кончаться тѣмъ, что ихъ смерть съѣстъ. Но самая главная неправда Толстого въ данномъ рѣшеніи вопроса та, что онъ извратилъ для него евангельскую притчу о виноградаряхъ. Сущность этой притчи не въ томъ, что люди живутъ, не вѣдая или не желая слушать волю Хозяина, а въ обвиненіи національныхъ вождей еврейскаго народа за ихъ сопротивленіе Мессіи; и виноградари гибнутъ не за то, что они жили дурно, жили, „какъ грибы для своей радости, курили табакъ, пили водку, ѣли убоину, потомъ женились, предсѣдательствовали въ судахъ и участвовали въ войнахъ“, а за то, что не воздавали хозяину должнаго, били его посланниковъ и наконецъ, и, это главное по Евангелію, что убили хозяйскаго сына и наслѣдника. Но Толстой пропускаетъ все то, что „относится къ личной судьбѣ Христа, какъ несущественное для того, что есть единое на потребу, т. е. для исполненія евангельскаго ученія, которымъ достигаетъ Царство Божіе и правда его“, пропускаетъ и то, что противорѣчитъ его доктринѣ, какъ, напр., слова Евангелія о признаніи государства въ мірскихъ дѣлахъ, о воскресеніи мертвыхъ и о Христѣ, какъ Сынѣ Божіемъ, какъ „содержащееся въ главѣ, неизвѣстно кѣмъ и когда составленной“. Въ виду этого не лучше-ли Толстому вовсе оставить въ покоѣ Евангеліе Христово и составить свое ученіе или изложеніе христіанства? Да и вообще трудно удержать нить во всѣхъ тѣхъ варіаціяхъ, которыя даетъ Евангелію Толстой. Простой человѣкъ никакъ не пойметъ, въ чемъ сущ-

ность Евангелія по Толстому. То, какъ выражается дама, одна изъ участницъ разговоровъ, мы слышимъ, что главная суть въ нагорной проповѣди; то вдругъ намъ говорятъ, что прежде всего нужно трудиться въ потѣ лица надъ земледѣліемъ, хоть этого въ Евангеліи нѣтъ, а есть въ книгѣ Бытія,—тамъ же, гдѣ въ болѣзняхъ родить,—но вѣдь, это же не заповѣдь, а только печальная судьба; то говорятъ, что нужно все раздать нищимъ, а то—никому ничего не давать, потому что деньги—зло, и не хорошо дѣлать зло другимъ, а только себѣ и своей семьѣ, а для другихъ нужно только трудиться; то опять говорятъ: призваніе женщины—родить какъ можно больше здоровыхъ дѣтей,—а тамъ вдругъ—совсѣмъ ничего такого не надо; потомъ мясного не ѣсть—первая ступень, а почему первая—никому неизвѣстно; потомъ противъ водки и табака, потомъ блины, а потомъ военная служба, что главная бѣда въ ней, и главная обязанность христіанина отъ нея отказываться, а кого въ солдаты не берутъ, тотъ, значитъ, и такъ святъ“...

Но и помимо этихъ странностей и противорѣчій, выставляемыхъ толстовствомъ, какъ правила жизни, главный догматъ, или правило непротивленія злу насиліемъ, съ отрицаніемъ зла въ дѣйствительности, предполагаетъ, что дѣло Христово—поразительно неудачно, что въ концѣ концовъ изъ него ничего не вышло, даже вышло гораздо больше дурного, чѣмъ хорошаго. Христосъ проповѣдывалъ добро и не сопротивлялся злу до конца и умеръ и не воскресъ, по толстовству. Многіе тысячи Его послѣдователей претерпѣли тоже самое. Чтоже вышло? Какими благами смерть Христа и мученическіе подвиги Его послѣдователей одарили человѣчество? Церковь, для которой, по старинному выраженію, кровь мучениковъ была сѣменемъ произрастанія, по Толстому, есть только искаженіе и гибель истиннаго христіанства. Возстановлять же христіанство безнадежно. Если Христосъ и первыя поколѣнія христіанъ всю душу свою положили въ это дѣло и отдали за него жизнь свою, и тѣмъ не менѣе изъ этого ничего не вышло, то на чемъ можетъ основываться надежда иного исхода? Одинъ только и есть несомнѣнный и постоянный конецъ всего этого дѣла, совершенно одинаковый и для его начинателей, и для его иска-

зителей, и губителей, и для его возстановителей— смерть. Въ этомъ обычномъ порядкѣ вещей зло *явно* сильнѣе добра, и, если это явное считать единственно реальнымъ, что въ концѣ концовъ должно сдѣлать толстовство, то должно признать міръ дѣломъ злого начала.

Вопреки толстовству, „зло, дѣйствительно, существуетъ, и оно выражается не въ одномъ отсутствіи добра, а въ положительномъ сопротивленіи и перевѣсѣ низшихъ качествъ надъ высшими во всѣхъ областяхъ бытія. Если зло индивидуальное, — оно выражается въ томъ, что низшая сторона человѣка, скотскія и звѣрскія страсти противятся лучшимъ стремленіямъ души и осиливаютъ ихъ въ огромномъ большинствѣ людей. Есть зло общественное,—оно въ томъ, что людская толпа, индивидуально порабощенная злу, противится спасительнымъ усиліямъ немногихъ лучшихъ людей и одолѣваетъ ихъ; есть, наконецъ, зло физическое въ человѣкѣ,—въ томъ, что низшіе матеріальные элементы его тѣла сопротивляются живой и свѣтлой силѣ, связывающей ихъ въ прекрасную форму организма, сопротивляются и расторгаютъ эту форму, уничтожая реальную подкладку всего высшаго. Это есть *крайнее* зло, называемое смертію. И если бы побѣду этого крайняго физическаго зла нужно было признать, какъ окончательную и безусловную, то никакія мнимыя побѣды добра въ области лично нравственной и общественной нельзя было бы считать серьезными успѣхами, и противъ пессимизма и отчаянія не защититъ никакая толстовская моральная словесность“.

Какой же выходъ изъ этого положенія? На чемъ, дѣйствительно, христіанинъ можетъ опереться противъ отчаянія? „Наша опора одна: дѣйствительное воскресеніе. Мы знаемъ, что борьба добра со зломъ ведется не въ душѣ только и въ обществѣ, а глубже въ мірѣ физическомъ. И здѣсь мы уже знаемъ въ прошедшемъ одну побѣду добраго начала жизни—въ личномъ воскресеніи Одного и ждемъ будущихъ побѣдъ въ собирательномъ воскресеніи всѣхъ“. Тутъ и зло получаетъ свой смыслъ, или окончательное объясненіе своего бытія въ томъ, что оно служитъ все къ большему и большему торжесту, реализаціи и усиленію добра: если смерть сильнѣе смертной жизни, то воскресеніе въ

жизнь вѣчную сильнѣе того и другого. Царство Божіе есть царство торжествующей чрезъ воскресеніе жизни,— въ ней дѣйствительное, осуществляемое, окончательное добро. Въ этомъ вся сила и все дѣло Христа, въ этомъ Его дѣйствительная любовь къ намъ и наша къ Нему. А все остальное только условіе, путь, шаги. Безъ вѣры въ совершившееся воскресеніе Одного и безъ чаянія будущаго воскресенія всѣхъ можно только на словахъ говорить о какомъ-то Царствіи Божіемъ, а на дѣлѣ выходитъ одно царство смерти. Толстовство, правда, полагаетъ, что законъ смерти „не имѣетъ существенной жизненной важности для истиннаго христіанскаго ученія, говорящаго черезъ совѣсть только объ одномъ: что мы должны дѣлать и чего не должны— *здѣсь* и *теперь*. При всей своей огромности для нашихъ житейскихъ мірскихъ чувствъ и желаній, смерть не въ нашей волѣ и потому никакого нравственнаго значенія для насъ имѣть не можетъ, какъ, напр., дурная погода и т. п. Но это соображеніе толстовства пусто и безсодержательно. Фактъ смерти имѣетъ неотразимое значеніе, и ничто въ мірѣ по своей общности и значенію не можетъ идти въ сравненіе съ нимъ для нравственнаго сознанія человѣка. Кромѣ того, со смертію человѣка безъ воскресенія должно кончаться Царствіе Божіе: какъ же тогда оно можетъ имѣть абсолютную цѣнность?

Толстовство, впрочемъ, и не приписываетъ своему Царству Божію и правдѣ Его абсолютнаго смысла и значенія. Подъ ними оно разумѣетъ „такое состояніе людей, когда они дѣйствуютъ только по чистой совѣсти и такимъ образомъ исполняютъ волю Божію, которая предписываетъ имъ одно только чистое добро“. Но и въ такомъ пониманіи Царство Божіе, съ толстовскимъ обезличиваніемъ добра и зла, не можетъ быть достигнуто. Совѣсть человѣческая имѣетъ значеніе въ нравственной жизни, только какъ предостерегатель и укоритель, и не даетъ положительныхъ практическихъ опредѣленныхъ указаній для нашей дѣятельности, и наша добрая воля нуждается въ умѣ, какъ служебномъ орудіи, а между тѣмъ умъ оказывается для нея сомнительнымъ слугою, такъ какъ онъ одинаково готовъ и способенъ служить двумъ господамъ—и добру, и злу; значитъ, для исполненія воли Божіей и достиженія Царства Божія, кромѣ совѣсти и ума, нужно еще что-

нибудь третье. Это третье есть *вдохновеніе* добра, или прямое и положительное дѣйствіе самаго добраго начала на насъ и въ насъ. При такомъ содѣйствіи свыше и умъ, и совѣсть становятся надежными помощниками самаго добра, и нравственность, вмѣсто всегда сомнительнаго „хорошаго поведенія", становится несомнѣнною жизнью въ самомъ добрѣ—органическимъ ростомъ и совершенствованіемъ цѣлаго человѣка—внутренняго и внѣшняго лица и общества, народа и человѣчества, чтобы завершиться живымъ единствомъ воскрешаемаго былого съ осуществляемымъ будущимъ въ томъ вѣчномъ настоящемъ Царства Божія, которое хотя и будетъ на землѣ, но лишь на новой землѣ, любовно обрученной съ новымъ небомъ. У толстовцевъ—людей, „исполняющихъ волю Божію по евангельскимъ заповѣдямъ", но отрицающихъ то, что есть „свыше" земли, отсутствуетъ это вдохновеніе добра; въ ихъ дѣятельности нѣтъ признаковъ этого вдохновенія, свободныхъ и безмѣрныхъ порывовъ любви (не мѣрою даетъ Богъ духа), нѣтъ радостнаго и благодушнаго спокойствія въ чувствѣ обладанія этими дарами, хоть бы только начальными. По толстовству, этого религіознаго вдохновенія и не нужно. Если добро исчерпывается исполненіемъ „правила", то гдѣ же тутъ мѣсто для вдохновенія? „Правило" разъ навсегда дано, опредѣлено и одинаково для всѣхъ. Давшій это правило давно умеръ и, по толстовству, не воскресъ, и лично живого существованія Онъ и не имѣетъ, а безусловное первоначальное добро представляется не какъ Отецъ свѣтовъ и духовъ, который могъ бы прямо свѣтить и дышать въ насъ, а какъ разсчетливый хозяинъ, пославшій насъ, наемниковъ, на работу въ своемъ виноградникѣ, а самъ живущій гдѣ-то заграницей и посылающій къ намъ оттуда за своими доходами. Въ этомъ образѣ толстовство произвольно видитъ высшую норму отношеній между человѣкомъ и Божествомъ, произвольно выкидывая изъ евангельскаго текста самое существо его—указаніе на Сына и Наслѣдника, въ Которомъ живетъ истинная норма богочеловѣческаго отношенія. Толстовскій „Хозяинъ" не настоящій хозяинъ, а самозванецъ: требуя отъ другихъ добра, онъ самъ никакого добра не дѣлаетъ и, налагая обязанности, но не проявляя любви къ людямъ, онъ подлинно, есть не иной кто, какъ *богъ вѣка сего.* И тол-

стовцы принимаютъ выдуманный Толстымъ образъ ловкаго самозванца за настоящаго Бога, принимаютъ по искреннему заблужденію, потому что, дѣйствительно, трудно разобрать въ чемъ дѣло, и понять обманчивость и соблазнительность этой *личины* добра. Дѣйствительно доброе дѣло для Царства Божія есть дѣйствительная побѣда надъ зломъ, побѣда воскресенія надъ смертію. Только этимъ открывается дѣйствительное царство Божіе, а безъ этого оно есть лишь царство смерти и грѣха и творца ихъ дьявола. Воскресеніе—не въ переносномъ смыслѣ, а въ настоящемъ—вотъ, такъ сказать, документъ настоящаго Бога.

Толстовство объявляетъ фактъ воскресенія Господа нашего Іисуса Христа и основанную на немъ надежду нашего воскресенія — миѳологіей. Но развѣ признаніе толстовствомъ силы добра и его будущаго торжества на землѣ не есть та же вѣра, та же „миѳологія", только не проведенная послѣдовательно до конца, а остановленная, вопреки логикѣ, въ началѣ пути? „Разъ я вѣрю въ Добро и въ его собственную силу, и въ самомъ понятіи этой силы утверждается ея существенное и *безусловное* превосходство, то я *логически* признаю такую силу неограниченною (предѣлами только нравственной сферы), и ничто не препятствуетъ мнѣ вѣрить въ истину воскресенія, засвидѣтельствованную *исторически*. Вѣра въ воскресеніе Христа есть, слѣдовательно, та *разумная* вѣра, противъ которой и съ своей точки зрѣнія толстовство ничего не можетъ сказать.

Итакъ, если добро побѣдитъ зло, крайнее его проявленіе—смерть въ грядущемъ воскресеніи всего человѣчества, то здѣсь, на землѣ, непрестающая борьба и торжество зла надъ добромъ чѣмъ окончится и чѣмъ выразится, разрѣшится? Христіанство отвѣчаетъ—пришествіемъ антихриста. И г. Z. читаетъ собесѣдникамъ „краткую повѣсть объ антихристѣ", гдѣ подъ формою вымысла или въ видѣ заранѣе воображенной исторической картины, по его мнѣнію, представлено все, что по священному писанію, церковному преданію и здравому разуму можно сказать наиболѣе вѣроятнаго по этому предмету. Въ явленіи, прославленіи и пораженіи антихриста и есть развязка нашего историческаго процесса. Въ антихристѣ активная сила зла достигнетъ своей крайней степени и притомъ въ соблазнительной

формѣ, и падетъ она отъ активнаго проявленія добра, отъ противленія всѣхъ тѣхъ, кто ищетъ и стремится къ живому истинному Добру, Которое и снизойдетъ на землю во второмъ славномъ пришествіи Господа нашего Іисуса Христа.

Кіевскій епарх. миссіонеръ свящ. *С. Потѣхинъ.*

V.

Оцѣнка заслугъ гр. Л. Н. Толстого предъ избраніемъ его въ почетные члены Юрьевскаго университета.

„Относительно предложенія ист.-фил. факультета объ избраніи графа Л. Н. Толстого въ почетные члены нашего университета я позволю себѣ высказать нѣкоторыя соображенія, не допускающія, по моему мнѣнію, никакой возможности избранія подобной личности въ почетные члены нашего университета, по крайней мѣрѣ безъ риска уронить это почетное званіе и самое учрежденіе, предназначенное для просвѣщенія страны свѣтомъ истины.

„Два рѣзко разграниченныхъ періода надо различать въ долголѣтней литературной дѣятельности графа Л. Н. Толстого.

„Относительно глубокаго просвѣтительнаго значенія высокохудожественныхъ, достойныхъ кисти Рафаэля описаній, бытовыхъ картинъ изъ жизни русскаго народа въ произведеніяхъ перваго періода двухъ мнѣній быть не можетъ.

„Вездѣ въ произведеніяхъ этого періода художественно рисуется духъ великаго русскаго народа, при своемъ естественномъ прогрессивномъ развитіи, черпаетъ силы въ національномъ самосознаніи и въ духовно-нравственныхъ началахъ.

„Особенно ярко очерчено торжество нравственныхъ принциповъ этого народа надъ насиліемъ военнаго и политическаго генія Наполеона въ романѣ „Война и миръ“.

„Эти произведенія создали вполнѣ заслуженную и

вполнѣ солидную славу ихъ автору, простирающуюся далеко за предѣлы нашего отечества.

„Если бы 25 лѣтъ тому назадъ графъ Л. Н. Толстой былъ предложенъ въ почетные члены какого угодно русскаго университета, то онъ имѣлъ бы полное право на это почетное званіе. Но, къ сожалѣнію, литературная дѣятельность графа Л. Н. Толстого за послѣдніе годы принесла столько вреда русскому просвѣщенію, что самый фактъ предложенія его въ почетные члены университета, въ особенности со стороны ист.-филолог. факультета, является, по меньшей мѣрѣ, страннымъ и опрометчивымъ. Это мое мнѣніе я постараюсь мотивировать по возможности основательнѣе.

„Мысли графа Л. Н. Толстого, составляющія содержаніе литературно-философскихъ сочиненій второго періода его дѣятельности, являются полнымъ вырожденіемъ его прежнихъ здравыхъ воззрѣній на жизнь русскаго народа и на все человѣческое бытіе вообще. Эти творенія русскаго писателя нельзя уже уподобить безсмертнымъ произведеніямъ кисти Рафаэля; ихъ можно только приравнять къ весьма моднымъ, но безъ всякаго внутренняго и внѣшняго содержанія, твореніямъ школы декадентовъ. Оба рода этихъ произведеній нравятся людямъ, пока существуетъ застой въ литературѣ и искусствѣ; но появятся новыя творенія здравыхъ умовъ, и всѣ эти дегенераціи мысли будутъ погребены навѣки, и развѣ только въ исторіи культуры онѣ будутъ указываться, какъ непростительныя заблужденія, въ назиданіе грядущихъ поколѣній.

„Сущность философскихъ воззрѣній графа Л. Н. Толстого во второй періодъ его дѣятельности заключается въ слѣдующемъ: съ одной стороны, графъ Л. Н. Толстой желаетъ осуществленія въ жизни людей божественнаго нравственнаго закона царствія Божія, которое заложено внутри насъ; съ другой же стороны—онъ отвергаетъ всѣ выработанныя человѣческимъ опытомъ учрежденія, которыя по самой своей идеѣ предназначены для поддержанія въ колеблющемся человѣчествѣ стремленія къ этому нравственному совершенству: онъ отвергаетъ Церковь, государство, даже науку, судъ и прочее.

„Общественная жизнь, по мнѣнію графа Л. Н. Толстого, сама собою получаетъ правильную организацію

безъ особой поддержки силъ благотворныхъ и несмотря на разрушающія ее силы злотворныя, которымъ, по его мнѣнію, даже противляться не дозволительно. Очевидная ошибка лежитъ въ основаніи всѣхъ этихъ умозаключеній графа Л. Н. Толстого: онъ слишкомъ высоко оцѣниваетъ нравственныя качества души человѣка.

„Оцѣнка эта основывается на евангельскомъ тезисѣ: „Царствіе Божіе внутрь васъ есть“. Если бы уже въ наше время царствіе Божіе, какъ предѣльное нравственное совершенство, было бы въ каждомъ изъ членовъ человѣческаго сообщества, то, конечно, многія изъ существующихъ учрежденій были бы совсѣмъ ненужны; но, на самомъ дѣлѣ, въ насъ заложено лишь сѣмя царствія Божія, которое можетъ произрасти и дать плодъ только въ томъ случаѣ, если не будетъ заглушено плевелами, т. е., не будетъ подавлено низменными наклонностями и инстинктами человѣка. Для огражденія прорастающаго царствія Божія отъ различныхъ нравственныхъ плевелъ и существуютъ государственныя учрежденія, законы гражданскіе и духовные.

„Изъ всего этого слѣдуетъ, что философскія воззрѣнія графа Л. Н. Толстого въ основѣ подрываютъ всякое естественное прогрессивное развитіе человѣчества и ведутъ къ всеразрушающему анархизму. Зло было бы небольшое, если бы графъ Л. Н. Толстой излагалъ свои философскія мысли научнымъ языкомъ, на страницахъ того или другого философскаго журнала или въ засѣданіяхъ философскаго общества. Тогда его читателями и слушателями явились бы лица съ достаточнымъ образованіемъ и развитіемъ, которыя могли бы здраво взглянуть на его систему и доказать ея недостатки. Отъ такого обмѣна мыслей спеціалистовъ могла бы произойти даже польза, въ смыслѣ выясненія и укрѣпленія истинныхъ воззрѣній на человѣческое бытіе.

„Но, къ несчастію, зло, происшедшее отъ лжеученій графа Л. Н. Толстого, приняло громадные размѣры, потому что графъ Л. Н. Толстой, обладая недюжиннымъ художественнымъ талантомъ, пустилъ свои философскія заблужденія въ красивыхъ литературныхъ формахъ въ массу полуобразованныхъ людей, въ массу недоучекъ.

„Движеніе умовъ, вызванное такимъ образомъ сна-

чала въ поддонкахъ общества литературно философскими сочиненіями графа Л. Н. Толстого, пріобрѣло въ послѣднее время уже стихійный характеръ и увлекаетъ даже людей образованныхъ, по крайней мѣрѣ оно увлекаетъ тѣхъ интеллигентовъ, которые разсчитываютъ получить отъ этого движенія различныя матеріальныя выгоды, или же тѣхъ, которые совершенно индифферентно относятся къ будущимъ судьбамъ отечества, руководствуясь во всемъ влеченіемъ собственныхъ чувствъ.

„Высшее просвѣтительное учрежденіе страны—университетъ, конечно, должно понимать ложь и все зло такого стихійнаго движенія полуобразованныхъ массъ, виновникомъ котораго является графъ Л. Н Толстой съ его лжеученіями, и я надѣюсь, что совѣтъ Юрьевскаго университета возвратитъ ист.-фил. факультету его неумѣстное предложеніе объ избраніи лжеучителя народныхъ массъ въ почетные члены нашего университета“.

Проф. Б. Алексѣевъ.

VI.

Отзывъ ген. Драгомирова о толстовской проповѣди „непротивленія злу“.

Толстовская проповѣдь „непротивленія злу“ вызвала вопросъ о значеніи воинскаго сословія въ государствѣ, дающаго возможность противиться злому и защищать себя. Генералъ М. И. Драгомировъ, уже ранѣе вступившій въ споръ съ Толстымъ по поводу „Войны и мира“, теперь въ „Рус. Обозр.“ даетъ краткій отвѣтъ и на этотъ вопросъ.

„Не оригиналенъ я“,—говоритъ ген. Драгомировъ,—„и всю жизнь пробавлялся крохами отъ стола богатыхъ. Такъ и теперь: дерзаю напомнить отцамъ и братіямъ великую заповѣдь изъ маленькой Великой Книги: „Больши сія любве никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя“. Въ этомъ смыслѣ, въ этомъ

и сила воинскаго организма для великаго организма государственнаго.

Народъ выдѣляетъ изъ себя войско для своего самосохраненія, требуя отъ выдѣляемыхъ безграничнаго самоотверженія не только до смерти, но до такихъ лишеній, которымъ жидкіе люди иногда даже самую смерть предпочитаютъ... Могутъ проповѣдывать непротивленіе злу; но Тотъ, Кто погналъ вервіемъ торгашей изъ храма, противлялся ли Онъ въ то время злу, или не противлялся?.. И потому мысль—хороша, но недомысліе огорчительно; красиво, конечно, попасть въ ересіархи, но еще любезнѣе, хоть и не привлекательнѣй тянуть въ невидномъ жребіи свою ноту въ стройномъ хорѣ духовно-народной жизни.

Грубая сила!

А кто вытянулъ Русь изъ самозванческаго провала?—Грубая сила. А кто отстоялъ ее отъ наскока такого наѣздника, какъ Наполеонъ?—Та же грубая сила. Вотъ вы послѣ этого и брезгайте грубой силой!

Жизнь не терпитъ никакихъ однобокихъ нормъ: у нея нѣтъ „или то, или другое", у нея всегда и то, и другое.

Не даромъ сказано тамъ же: „Въ дому Отца Моего обители многи суть".

Съ развитіемъ общественности, сила права не уничтожаетъ права силы, а только переводитъ его въ скрытое состояніе: за судьею стоитъ полицейскій, за полицейскимъ солдатъ...

И идетъ человѣкъ на тяжелую работу, Богъ знаетъ съ кѣмъ, Богъ знаетъ какую, Богъ знаетъ гдѣ, и выноситъ все это даромъ... за родину! Можетъ онъ ждать за это награды? Нѣтъ, ибо „защита отечества лежитъ на обязанности каждаго гражданина", т. е. значитъ, казацкое положеніе и все тебѣ тутъ.

Слѣдовательно, доведи самоотверженіе не только до смерти (это что!), но до неустанной нужды, лишеній, стѣсненій даже въ мирѣ, не говоря уже о войнѣ".

XX.

Иностранная критика религiозныхъ воззрѣнiй гр. Л. Н. Толстого.

Голосъ нѣмецкаго богословiя о Л. Н. Толстомъ.

„Христосъ и Его евангелiе“ по Толстому *).

(Von Dr. *G. Gamtleben.* Christus und Sein Evangelium nach Tolstoi. *Beweis des Glaubens.* 1899, B. XX) *).

Переводъ съ нѣмецкаго студента университета св. Владимiра В. Н. Евстафьева, подъ редакцiей проф. богословiя прот. П. Я. Свѣтлова.

Графъ Левъ Толстой не есть одно только своеобразное явленiе въ русской литературѣ: онъ является въ религiозномъ и нравственно-соцiальномъ отношенiи типичнымъ въ наше время представителемъ большого числа людей, талантливымъ выразителемъ ихъ религiозныхъ стремленiй, поднимающихся надъ мертвой обрядностью и внѣшнею церковностью къ духовному христiанству, какъ внутренней, нравственной силѣ, которая проявлялась бы видимо въ жизни и обнаруживалась бы дѣятельною любовью по отношенiю къ ближ-

---

*) Статья представляетъ собою переводъ, читанный студентомъ университета Св. Владимiра, В. Евстафьевымъ въ одномъ изъ собранiй религiозно-богословскаго студенческаго кружка, возникнувшаго въ 1901—1902 уч. г. при каѳедрѣ богословiя въ университетѣ Св. Владимiра и подъ руководствомъ проф. богословiя, занимавшагося изученiемъ, въ 1901—1902 г., иностранной и русской богословской критической литературы о Толстомъ, для чего составлялись студентами переводы и рефераты на предложенныя профессоромъ темы (числомъ пятнадцать), а именно: Генезисъ идей гр. Л. Н. Толстого или источники его религiозно-философскаго мiросозерцанiя.—Религiя Т.—Ученiе Т. о смыслѣ жизни.—Взглядъ Т. по вопросу о безсмертiи и загробной жизни.—Что сдѣлано богословскою критикою для оцѣнки ученiя Т. о непротивленiи злу?—О войнѣ?—О клятвѣ и присягѣ?—О судѣ?—Любовь къ людямъ въ ученiи Т.—Гр. Л. Н. Толстой, какъ моралистъ.—О „евангелiи“ Т.—Религiозный культъ въ ученiи Т.—Христiанское вѣроученiе въ сочиненiяхъ Т. и вопросъ о христiанствѣ его.—Ученiе Т. въ его влiянiи на жизнь, или о плодахъ ученiя Т. по суду критики.—Толстой въ воззрѣнiяхъ свѣтской и духовной печати.

нимъ *). Подобно Толстому думаютъ и чувствуютъ въ настоящее время многіе. Для примѣра я назову штирійскаго поэта Петра Розспера. Его „Вѣчный свѣтъ" довольно извѣстенъ. Розсперъ — это толстовская натура; въ немъ также находитъ свое краснорѣчивое выраженіе реакція противъ господства внѣшней церковности въ религіи со всѣми ея послѣдствіями, противъ развращающей нравы сверхкультуры (Uebercultur); у него тоже стремленіе къ истинѣ и правдѣ. Съ этой-то точки зрѣнія и нужно смотрѣть на стремленія Толстого и его послѣдователей, заслуживающія, вслѣдствіе этого, оправданія.

Но совсѣмъ иной вопросъ, могутъ ли эти стремленія, взамѣнъ отвергаемаго, найти для себя истинный жизненный источникъ и средоточіе истины, или же они страдаютъ общимъ обычнымъ недостаткомъ — впадать въ другую крайность и чрезъ то не достигать цѣли. Человѣческій духъ, подобно маятнику, обладаетъ свойствомъ колебаться между двумя противоположными сторонами и только мало-по-малу находитъ золотую середину. Нормальный маятникъ только чрезъ опредѣленное время останавливается посрединѣ. Всякое естественное движеніе среди людей также находитъ въ концѣ концовъ золотую середину, въ которой и лежитъ истина.

Съ этой-то точки зрѣнія мы и хотимъ въ дальнѣйшемъ критически освѣтить кое-что изъ воззрѣній Толстого на христіанство, именно сначала исходный и центральный пунктъ ихъ, его своеобразное пониманіе Христа и Его евангелія **).

Толстой, какъ и всѣ (?) русскіе, реалистъ, хотя и не лишенъ идеализма. Онъ реалистъ и притомъ раціона-

---

*) Здѣсь говоритъ, очевидно, не ученый, а протестантъ-богословъ, который за внѣшностію не можетъ, да и не хочетъ видѣть „внутренней" нравственной силы, которая выливается въ эту внѣшность, послѣдняя взятая сама по себѣ, помимо искаженій или заблужденій, можетъ только пріучать человѣка и въ отношеніи къ ближнимъ эту „внутреннюю силу" проявлять *на дѣлѣ*, а не довольствоваться однимъ *сухимъ желаніемъ* имъ добра (Іак. 2, 14—16). *Прим. ред.*

**) Однако критическое освѣщеніе ученія Л. Толстого въ статьѣ, къ сожалѣнію, имѣетъ по мѣстамъ явно конфессіональную окраску, примѣръ которой читателямъ представляется въ концѣ статьи. Эти мѣста, какъ неимѣющія научно-богословскаго интереса, не вездѣ сохранены въ переводѣ. *Прим. ред.*

листъ въ своихъ библейско-религіозныхъ воззрѣніяхъ, идеалистъ же-въ своихъ нравственно-соціальныхъ идеяхъ и стремленіяхъ.

Сколько ни ссылается Толстой на новый завѣтъ,—его Христосъ не есть Христосъ новаго завѣта; онъ создаетъ себѣ своего „Христа“ по своему образцу. Толстой выражается о Личности Христа и объ Его Существѣ слѣдующимъ образомъ: „Христомъ мы называемъ человѣка, Который жилъ 1800 лѣтъ тому назадъ и умеръ, но о Которомъ сложилось преданіе среди суевѣрныхъ людей, что Онъ воскресъ изъ мертвыхъ. Мы знаемъ,что люди не могутъ ни воскресать, ни возноситься, какъ то разсказываютъ о Христѣ“.

Что же должны значить слова: „живущій Христосъ“?

Если они значатъ, что живетъ Его ученіе, то это выраженіе неудачно и неупотребительно; въ такомъ случаѣ его надо избѣгать, ибо оно можетъ пониматься въ смыслѣ свидѣтельства чуда воскресенія изъ мертвыхъ.

Если же подъ словами: „живой Христосъ“ разумѣютъ, что Онъ невидимо, подобно духамъ, которыхъ воображаютъ себѣ спириты, присутствуетъ среди насъ, то требуетъ разъясненія, какъ должно понимать этого „Духа Христа“: какъ одного изъ этихъ многихъ духовъ, или, согласно съ пониманіемъ церковной теологіи, — какъ Бога, какъ Второе Лицо Св. Троицы?

Первое было бы произвольнымъ и безполезнымъ представленіемъ; второе же приводитъ неизбѣжно, если не ко всѣмъ, то къ главнѣйшимъ выводамъ церковной теологіи.

Слова „живой Христосъ“ требуютъ разъясненія и вызываютъ вопросы, на которые необходимо должны быть даны отвѣты.

Кто Онъ, Богъ или не Богъ?

Если Богъ, то въ какомъ отношеніи Онъ находится къ Богу-Творцу?

Когда Онъ появился?

Почему Онъ сдѣлался человѣкомъ?

Отвѣты на эти вопросы ведутъ неизбѣжно или къ „рожденъ, не сотворенъ, Имъ же вся быша“, къ паденію ангела, къ паденію Адама, или же нужно создавать свою собственную теологію.

Я же полагаю, и, конечно, со мною всѣ согласятся, что ни то, ни другое нежелательно.

Но почему же?

Потому что я долженъ себѣ представлять, что умершій человѣкъ живетъ, или утверждать, что человѣкъ есть Богъ, тогда какъ я знаю, что это не только неправда, но и безполезное и глупое утвержденіе чего-то невозможнаго; ибо живой не можетъ быть Богомъ.

Если я приму въ свое міросозерцаніе такой абсурдъ,—будетъ ли мнѣ оттого легче вести добродѣтельную жизнь?

Я полагаю, какъ разъ наоборотъ.

Вы спросите: какъ же надо смотрѣть на Христа,—все-таки вѣдь не какъ на обыкновеннаго человѣка?

Я отвѣчаю на это: непремѣнно, какъ на всякаго обыкновеннаго человѣка. Это необходимо, во-первыхъ, потому, что Его ученіе само по себѣ, безъ всякой прибавки чудесъ и безъ утвержденія воскресенія изъ мертвыхъ, такъ истинно, просто, исполнимо, ибо оно такъ общедоступно, что нѣтъ такого человѣка, который имѣлъ бы основаніе его не принять. Но утвержденіемъ воскресенія Учителя изъ мертвыхъ къ великому ученію безъ нужды присовокупляется нелѣпая выдумка, которая можетъ только отвратить отъ него большую часть людей. Въ третьихъ, потому надо считать Христа человѣкомъ, что Его ученіе важно и необходимо, именно какъ ученіе человѣка, подобнаго всѣмъ намъ, ибо безъ этого нельзя было бы показать намъ, какимъ образомъ можетъ хорошо жить каждый изъ насъ.

Смотрѣть на Христа, какъ на обыкновеннаго человѣка, важно еще потому, что представленіе о Немъ, какъ о Богѣ, суживало и уменьшало бы общеніе наше съ Богомъ Отцомъ, такъ какъ въ этомъ общеніи и лежитъ сущность ученія Христа. Почитая чрезмѣрно Христа, возвышая Его до Бога, я обезсилилъ бы и сдѣлалъ бы ложнымъ Его ученіе, т. е. лишился бы того, ради чего я такъ бы возвысилъ Христа.

Не долженъ ли былъ бы ужасный примѣръ церквей, признающихъ Христа Богомъ и пришедшихъ вслѣдствіе этого къ полному отрицанію сути Его ученія, послужить для насъ достаточнымъ урокомъ, чтобы мы могли еще продолжать итти по ихъ дорогѣ?

А главное дѣло въ томъ, что это неправда, и мы всѣ знаемъ это.

Христосъ для меня и, извините меня, также и для

васъ, да и для всѣхъ людей не то, чѣмъ мы Его представляемъ, но то, что Онъ есть въ дѣйствительности— великій Учитель жизни, Который жилъ 1800 лѣтъ тому назадъ, умеръ на крестѣ, именно—такой же настоящей смертью, какой умираютъ и всѣ другіе люди, и Который завѣщалъ намъ Свое ученіе, обезпечивающее смыслъ жизни и счастье.

„Что бы мы ни говорили, слово „Христосъ“ остается для насъ тѣмъ, что оно есть въ дѣйствительности, — словомъ, служащимъ для обозначенія человѣка, которому приписывается извѣстное ученіе, и больше ничего. Всякое другое значеніе, приписываемое слову „Христосъ“, разрушаетъ серьезность и сердечность нашего отношенія къ Христову ученію и вредитъ даже смыслу послѣдняго“.

Относительно страданій и смерти Господа, Толстой разсуждаетъ такъ:

«Христосъ понималъ Свое ученіе не какъ фантастическую, поэтическую мечту, но какъ дѣло искупленія людей, и Онъ пострадалъ и умеръ за Свое ученіе.

Еслибы всѣ люди исполняли ученіе Христа, то было бы Царство Божіе на землѣ. Безъ этого исполненія спасенія нѣтъ“.

„Христосъ побѣдилъ міръ и спасъ его, пострадавъ съ радостью и любовью, т. е., Онъ побѣдилъ страданія и насъ научилъ побѣждать ихъ“.

Теперь посмотримъ, какъ поступаетъ Толстой съ воскресеніемъ Христа изъ мертвыхъ и съ нашей надеждой на собственное воскресеніе? Какъ бы ни казались неудобными эти двѣ истины Толстому, утилитаристу и раціоналисту, принимающему лишь моральную сторону христіанства и при томъ въ его значеніи лишь для этой жизни, ихъ невозможно было совершенно устранить. Хотя русскій мыслитель, понимающій душу какъ часть божественнаго духа, обоготворяющій человѣческій разумъ, чувствующій притомъ такое большое стремленіе къ индійской религіозной философіи, въ особенности къ Буддѣ, — хотя онъ и не признаетъ смерти, какъ уничтоженія разумнаго человѣческаго существа, однако будущая жизнь представляется ему безличнымъ погруженіемъ души въ Богѣ, сліяніемъ ея со вселенной; эта жизнь представляется ему безконечнымъ разумнымъ существованіемъ; она, по его мнѣ-

нію, начинается уже на землѣ съ выполненіемъ законовъ разума, совпадающихъ съ евангельскимъ ученіемъ Христа, начинается съ добровольнымъ отреченіемъ отъ личнаго ради общаго. Это поверхностный идеализмъ или пантеизмъ; это—христіанизированный буддизмъ, выраженный уже Шиллеромъ въ двустишіи „Безсмертіе“:

Ты боишься смерти! Желаешь быть безсмертнымъ?
Живи въ цѣломъ; если ты исчезнешь, оно останется.

Но мы опять предоставимъ Толстому говорить своими собственными словами:

„Никогда ни однимъ словомъ Христосъ не заявлялъ о личномъ воскресеніи изъ мертвыхъ, о личномъ безсмертіи по ту сторону гроба; воскресенію же изъ мертвыхъ въ царствѣ Мессіи, какъ о томъ учили фарисеи, Онъ далъ такой смыслъ, который исключаетъ представленье о личномъ воскресеніи. Его возстановленіе изъ мертвыхъ (а не воскресеніе, какъ-то неправильно переводится)—вовсе не тѣлесное и не личное. Тѣ, которые достигнутъ такого возстановленія, сдѣлаются сынами Божіими и будутъ жить, какъ ангелы (Сила Бога) на небѣ (т. е. съ Богомъ), и для нихъ нѣтъ и быть не можетъ вопросовъ о ихъ личной судьбѣ, такъ какъ они, въ своемъ сліяніи съ Богомъ, перестаютъ быть личностями. Отрицая личное, тѣлесное воскресеніе, Христосъ признаетъ возстановленіе жизни въ перенесеніи человѣкомъ своей личной жизни въ Бога. Христосъ учитъ искупленію отъ личной жизни и это искупленіе основываетъ на возвышеніи сына человѣческаго и на жизни въ Богѣ. Связывая это свое ученіе съ ученіемъ евреевъ о явленіи Мессіи, Онъ говоритъ имъ о возстановленіи „сына человѣческаго“ изъ мертвыхъ не въ смыслѣ тѣлеснаго, личнаго возстановленія, но въ смыслѣ пробужденія жизни въ Богѣ. Напротивъ, о тѣлесномъ, личномъ воскресеніи Онъ не говорилъ никогда. Онъ даже отвергъ это ученіе, и во всѣхъ евангеліяхъ нѣтъ ни одного мѣста, которое утверждало бы его. Два мѣста изъ Матѳія: 25, 31 ff. и 46 и Іоанна 5, 28 указываютъ на нѣчто совсѣмъ иное. О своемъ личномъ воскресеніи Христосъ никогда и нигдѣ не говоритъ. Если, какъ учатъ тому теологи, основное положеніе ученія Христа заключается въ томъ, что Христосъ воскресъ, то весьма скромнымъ требованіемъ было бы, чтобы Онъ по крайней мѣрѣ хоть разъ ясно и опредѣленно вы-

сказался по поводу этого обстоятельства, которое Онъ предвидѣлъ и вѣра въ которое должна была составлять главный догматъ христіанства. Но Онъ этого не сдѣлалъ, ни разу не далъ даже намека. Когда Христосъ говоритъ о Себѣ, Онъ, во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, которыя приводятся въ доказательство Его пророчества о воскресеніи изъ мертвыхъ, ни одного раза не употребилъ словъ: „изъ мертвыхъ“ *). Христосъ противопоставляетъ личной жизни не (личную) жизнь за гробомъ, но жизнь всеобщую, связанную съ настоящею, прошедшею и будущею жизнью всего человѣчества, — жизнь сына человѣческаго“.

Это говоритъ Толстой. Я не буду вступать въ подробный христологически-апологетическій разборъ этихъ столь очевидныхъ заблужденій, — я считаю нужнымъ только указать на эти заблужденія, чтобы дать возможность еще яснѣе увидѣть ложность взглядовъ Толстого.

Толстой, безъ всякихъ доказательствъ, прямо называетъ Христа обыкновеннымъ человѣкомъ, жившимъ 1800 лѣтъ тому назадъ и умершимъ, которому приписывается извѣстное ученіе. Все, что кромѣ этого сказано о Христѣ, онъ называетъ выдумкой суевѣрныхъ людей или явнымъ, развращающимъ обманомъ церквей, которыя являются, будто бы, положительно антихристіанскими учрежденіями.

Христосъ обыкновенный человѣкъ?! Это завѣдомо противорѣчитъ евангельскимъ извѣстіямъ и собственнымъ словамъ Іисуса,—всякій внимательный и безъ предвзятыхъ мыслей читатель библіи согласится въ этомъ со мною,—противорѣчитъ, слѣдовательно, какъ разъ тѣмъ свидѣтельствамъ, которыя только и заслуживаютъ, по Толстому, вниманія! Слишкомъ ужъ смѣлъ его выводъ: церкви потому только пришли къ извращенію сущности

---

*) Употребляемый во всѣхъ такихъ мѣстахъ греческій глаголъ „ἐγερθῆναι“ конечно—не по филологіи графа, а по филологіи священныхъ писателей, — равнозначущъ выраженію „ἐγερθῆναι ἀπὸ τῶν νεκρῶν“, иначе они не могли бы объ одномъ и томъ же обстоятельствѣ и при томъ—въ двухъ рядомъ стоящихъ стихахъ (Мѳ. 28, 6—7) употреблять безразлично и просто—„ἠγέρθη“ и „ἠγέρθη ἀπὸ τῶν νεκρῶν“. *Прим. ред.*

ученія Іисуса, что онѣ сдѣлали Его Богомъ! Слѣдовательно, истинно должно быть обратное, т. е., Христосъ— обыкновенный человѣкъ, и только въ такомъ случаѣ Его ученіе будетъ для людей исполнимо и полезно. Тутъ уже никто не стоитъ между Богомъ и нами, не требуется никакой вѣры въ чудесное; Іисусъ — такой же человѣкъ, какъ и мы,—словомъ, все подведено подъ реалистическую точку зрѣнія, и выходитъ, что, только сдѣлавшись реалистами и раціоналистами, мы будемъ возможно лучшими христіанами.

Ошибка въ разсужденіяхъ Толстого состоитъ въ томъ, что онъ ожидаетъ спасенія отъ совершенно очеловѣченнаго Христа, котораго не могъ бы совершить Христосъ-Богъ. Это нелѣпость. Христосъ-человѣкъ вовсе не историческій Христосъ новаго завѣта, но ложный Христосъ, существующій только въ воображеніи русскаго мыслителя. Такого Христа никогда не было, поэтому непозволительно, имѣя въ основаніи такого вымышленнаго Христа, дѣлать дальнѣйшіе выводы и рѣшать, что правда и что ложь, что христіанство и что нехристіанство, что возможно и что невозможно. Все, что въ жизни Христа исторически доказано, все это *по тому самому* во всякомъ случаѣ истинно и возможно. Догматъ Троичности основывается на жизни и словахъ историческаго Христа, воскресеніе Іисуса изъ мертвыхъ также исторически удостовѣрено. Такимъ образомъ Толстой не имѣетъ права на томъ основаніи, что этотъ догматъ имѣетъ столько непостижимаго для человѣческаго ума, а въ воскресеніи Христа изъ мертвыхъ такъ много чудеснаго, объявлять то и другое ложнымъ и невозможнымъ. Чудеса — это не человѣческій вымыселъ, а происходившіе и происходящіе факты. Не можетъ человѣкъ принимать данную ему Богомъ способность познанія за способность опредѣлять то, что можетъ Богъ, что сдѣлалъ и что будетъ творить во вѣки вѣковъ. Чтобы рѣшить это, человѣкъ долженъ быть Богомъ и созерцать въ умѣ своемъ не только всѣ когдалибо совершившіяся прежде и имѣющія совершиться Божественныя дѣла, но долженъ постигать всѣ Божескія мысли и опредѣленія Всевышняго на всѣ вѣка.

Нечего Толстому опасаться, что подобно тому, какъ католическая церковь своимъ почитаніемъ святыхъ вы-

тѣснила Бога *), мы точно также можемъ быть отдѣлены отъ Бога Богочеловѣкомъ Христомъ. Не человѣкъ, подобный намъ, можетъ привести насъ къ Богу (въ противномъ случаѣ Христосъ былъ бы вообще намъ не нуженъ, — мы сами были бы въ состояніи идти къ Богу), но только Существо, Которое уже въ Самомъ Себѣ осуществило самымъ дѣломъ соединенія Божескаго и человѣческаго. Толстой неправъ поэтому, когда думаетъ, что совершенно очеловѣченный Христосъ, представляющій собой только лишь учителя нравственности, можетъ имѣть больше вліянія на людей, чѣмъ стоящій выше міра, дѣйствующій съ неба Своею силою Сынъ Божій. Въ такомъ случаѣ какъ языческіе, такъ и христіанскіе раціоналисты и моралисты, со своею разумностью, должны были бы воспитать великолѣпные экземпляры добродѣтельныхъ людей... Въ дѣйствительности же и по сію пору наивысшая нравственность проявляется только между почитателями Сына Божія, Іисуса Христа. Это доказываетъ, что именно Богочеловѣкъ Христосъ (а не учитель нравственности Іисусъ) въ состояніи оказывать величайшее нравственное вліяніе на вѣрующихъ въ Него, что не написанныя или высказанныя устно ученія дѣлаютъ человѣка лучшимъ, а Сила Божія, дѣйствующая чрезъ Іисуса Христа, союзъ, который дѣйствительно Богъ заключилъ съ нами въ Своемъ Сынѣ.

Ложно ученіе Толстого о страданіяхъ и смерти Іисуса Христа. Если бы Іисусъ хотѣлъ этимъ дать примѣръ того, съ какимъ мужествомъ долженъ бороться человѣкъ за свою несомнѣнную правду, или того, какъ надо жертвовать собою за своихъ братьевъ, то этотъ примѣръ далеко еще не имѣлъ бы значенія искупленія міра. Смущеніе учениковъ по случаю смерти Іисуса, невѣріе іудейскаго народа служили бы доказательствомъ безполезности такого самопожертвованія, такого примѣра. Искупленію служитъ то дѣло, которое по волѣ

*) Здѣсь приводится общепротестантскій взглядъ на почитаніе святыхъ, какъ на несложное съ почитаніемъ Бога, отдаляющее отъ Христа; притомъ же, почитаніе святыхъ въ римско-католической церкви имѣетъ свои характерныя особенности или крайности. См. Хрисана. „Характеръ протест.“, стр. 59—64).

Бога, приноситъ людямъ прощеніе за ихъ грѣхъ *). Это дѣло состояло въ томъ, что Самъ Богъ, чрезъ Іисуса Христа, принялъ людей опять, какъ Своихъ дѣтей, и заключилъ съ ними новый завѣтъ. И на то, что страданія и смерть Христа имѣли именно эту цѣль, указываетъ Самъ Іисусъ. Всякое другое пониманіе жизни, страданій и смерти Іисуса противорѣчитъ словамъ Господа, слѣдовательно,—истинѣ.

Произволенъ также пантеистическій взглядъ Толстого, по которому души, по ту сторону гроба, возвращаются въ Бога. По поводу воскресенія изъ мертвыхъ Христа, онъ утверждаетъ: „Христосъ былъ человѣкъ, мы же знаемъ, что люди не воскресаютъ и не восходятъ на небо". Противъ этого мы скажемъ слѣдующее:

Писаніе доказываетъ, что Христосъ не былъ только человѣкъ; слѣдовательно, невозможность Его воскресенія не можетъ быть утверждаема человѣческимъ разумомъ. 2) Если бы даже Христосъ былъ человѣкомъ, кто можетъ сказать: „я не знаю, что люди не воскресаютъ"? На основаніи какого опыта можетъ утверждать такъ ограниченный предѣлами видимаго человѣческій умъ? Область нашего эмпирическаго познанія ограничена земнымъ существованіемъ; лежащее за нимъ скрыто отъ насъ—по крайней мѣрѣ отъ нашего чувственнаго познанія. Тѣмъ не менѣе я все же скажу, что не только религія,—нѣтъ, даже человѣческое философское знаніе, слѣдовательно,—разумъ считаетъ воскресеніе людей въ высшей степени вѣроятнымъ, постулятомъ практическаго разума.

Изъ того, что будто бы Христосъ никогда не говорилъ о Своемъ Личномъ воскресеніи, Толстой хочетъ вывести, что Онъ могъ говорить не о личномъ воскресеніи, но, поскольку онъ—человѣкъ,—о своего рода буддійско-пантеистическомъ продолженіи жизни въ своемъ ученіи, въ разумномъ усвоеніи своего евангелія среди людей,—о возвращеніи своей души въ Бога. Соотвѣтственно этому слѣдуетъ смотрѣть и на загробную жизнь. Уже здѣсь, черезъ проявленіе нашего разума въ самоотверженной любви, мы можемъ восходить къ всеобщему на-

---

*) Не прощеніе только, но и обновленіе человѣка,—возсоединеніе его съ Богомъ, какъ говоритъ это ниже и нѣмецкій профессоръ.

Прим. ред.

чалу, а послѣ смерти возвратиться въ вѣчный разумъ, въ пантеистическаго Бога.

Но вѣдь пророчества Іисуса о Своемъ воскресеніи изъ мертвыхъ, о Своемъ возвращеніи къ Отцу, о Своихъ дѣйствіяхъ по восшествіи на небо (я имѣю въ виду предсказанія, вродѣ слѣдующихъ: „Утѣшитель, Котораго Я пошлю вамъ отъ Отца“—„Я иду къ Пославшему Меня“—„Я возвращусь“—„Я съ вами во всѣ дни жизни“ и другія), — эти пророчества не допускаютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Господь говоритъ именно о Своемъ личномъ воскресеніи изъ мертвыхъ, о Своей личной будущей жизни у Бога,—жизни, исполненной самостоятельныхъ дѣяній. Точно также ясно, что вездѣ, гдѣ Господь говоритъ о воскресеніи людей (Матѳ. 25, 31; Іоан. 5, 28), Онъ указываетъ на то, что они въ загробной жизни будутъ сознающими себя, законченными въ себѣ личностями. Да развѣ человѣкъ не можетъ и за гробомъ, хотя и находясь въ соединеніи съ Богомъ, такъ сказать, въ Богѣ, остаться, не смотря на это, самостоятельною личностью, каковою былъ Христосъ на землѣ и пребываетъ на небѣ? Неужели ангелы не самостоятельныя личности? И безъ того нѣтъ ничего на ряду съ Богомъ, царствующимъ надъ временемъ и пространствомъ; ибо Онъ въ одно время и выше міра и въ то же время въ мірѣ. Что же осталось бы отъ существа человѣческаго духа, еслибы онъ лишился еще своего самосознанія, своей личности? Безличная загробная жизнь была въ дѣйствительности не возвышеніемъ, не усовершенствованіемъ человѣческаго существа, а низведеніемъ его до степени простого растенія. Само собой понятно, что не можетъ быть рѣчи о тѣлесномъ воскресеніи въ буквальномъ смыслѣ *). Опытъ учитъ насъ, что тѣло и кровь распадаются на составныя части; но мы все же вѣримъ въ воскресеніе организма, который мы называемъ тѣломъ; но это есть прославленное тѣло будущей жизни, обладающее вѣчнымъ существованіемъ (нетлѣніемъ).

---

*) Какъ видно изъ дальнѣйшаго, авторъ не отрицаетъ „тѣлеснаго воскресенія въ буквальномъ смыслѣ“, а только—воскресеніе тѣла съ его теперешними земными свойствами (ср. 1 Кор. 15, 42—44). *Прим. ред.*

Какой-же смыслъ земной жизни Іисуса? Чему Онъ хотѣлъ научить?

Толстой позволяетъ себѣ,—да простятъ мнѣ отрывистую форму изложенія,—высказываться объ этомъ слѣдующимъ образомъ: слова Христа: „Меня послалъ Отецъ"; „Я посланъ"; „Я исполняю волю Пославшаго Меня" — не значатъ вовсе, что Богъ послалъ Бога, но что Христосъ проповѣдывалъ людямъ жизнь, которую Онъ Самъ признавалъ истинною. На Свою жизнь Онъ смотритъ, какъ на Свое посланничество, какъ на исполненіе воли Пославшаго Его. Но такъ какъ воля Пославшаго Его заключалась въ томъ, чтобы жизнь всѣхъ людей была разумна (добродѣтельная), то дѣломъ жизни является проведеніе въ міръ истины; человѣку на то данъ разумъ, чтобы онъ проводилъ этотъ разумъ въ міръ; и поэтому жизнь человѣческая есть не что иное, какъ разумность, долженствующая распространиться ва всѣ созданія.

„Смыслъ ученія Христа, въ самой простой формѣ, заключается для меня въ слѣдующемъ: моя жизнь принадлежитъ не мнѣ, но Тому, Кто мнѣ ее далъ и послалъ меня въ этотъ міръ, чтобы я исполнилъ Его волю, — словомъ, принадлежитъ Богу. Его же воля заключается въ томъ, чтобы я увеличивалъ любовь въ себѣ и въ другихъ людяхъ. Въ этомъ состоитъ моя жизнь и спасеніе мое и всѣхъ людей. На этомъ я могу и долженъ основывать свои силы. Ибо у каждаго вѣрующаго человѣка есть живая сила, въ каждомъ изъ насъ теплится Божественная искра. Богъ удѣлилъ моему тѣлу часть Своего Существа, надѣясь, что оно будетъ совершать Его дѣло. Если такимъ образомъ Богъ надѣется на меня, какъ же мнѣ не надѣяться? Ученіе Христа есть только ученіе о томъ, что долженъ человѣкъ дѣлать, чтобы быть совершеннымъ, какъ совершененъ Отецъ Небесный: онъ долженъ быть мягкосердымъ, кроткимъ и самоотверженнымъ. Но чтобы мочь это дѣлать, онъ долженъ надѣяться это дѣлать".

„Ученіе Христа есть ученіе объ истинѣ. Поэтому вѣра во Христа есть знаніе истины. Кто знаетъ истину, необходимую для спасенія, тотъ долженъ вѣрить въ нее".—

„Вся жизнь Христа и Его дѣянія служатъ примѣромъ приведенія въ исполненіе заповѣди: не противьтесь злу.

„Поэтому, если смотрѣть съ христіанской точки зрѣнія, не должно терпѣть войну, ибо она требуетъ убійствъ, а ученіе Христа не только запрещаетъ убійство, но наоборотъ, требуетъ даже, чтобы дѣлали всѣмъ людямъ добро, ибо на всѣхъ надо смотрѣть, безъ различія народностей.

„По ученію Христа, никакая дѣятельность не можетъ оправдать, освятить человѣка, за исключеніемъ только слѣдованія первообразу истины, которое приводитъ сердца къ внутреннему совершенству во Христѣ и къ внѣшнему, заключающемуся въ осуществленіи царства Божія. Исполненіе ученія состоитъ только въ движеніи впередъ по указанному пути, въ приближеніи къ внутреннему совершенству (послѣдованіи Христу) и къ внѣшнему (въ достиженіи царства Божія). Спасеніе заключается только въ движеніи впередъ, а не въ достигнутой степени совершенства. Абсолютное совершенство вообще недостижимо. Человѣкъ, стоящій на низшей ступени, но идущій впередъ къ совершенству, живетъ нравственнѣе, лучше, болѣе слѣдуетъ ученію Христа, чѣмъ кто-либо другой, стоящій на высшей ступени нравственности, но не идущій впередъ къ совершенству. Заблудшая овца дороже Отцу, чѣмъ незаблудшая, потерянный и вновь обрѣтенный сынъ дороже, чѣмъ незаблудшій.

„Я полагаю, что еслибы я жилъ по ученію міра, моя жизнь была бы мучительной, и что только одна жизнь по ученію Христа приведетъ меня въ этомъ мірѣ къ блаженству, назначенному мнѣ Отцомъ жизни. Я вѣрю, что это ученіе дастъ блаженство всему міру, спасетъ меня отъ неизбѣжнаго паденія. И если я этому вѣрю, я не могу не слѣдовать ему".

„Христосъ сказалъ мнѣ: „твое блаженство заключается въ единеніи твоемъ со всѣми людьми и погибель — въ разрушеніи единенія съ Сыномъ человѣческимъ. Не лишай самъ себя радости, назначенной тебѣ". Христосъ въ Своей заповѣди указалъ мнѣ на то искушеніе, которое можетъ разрушить мое блаженство, и поэтому я не могу дѣлать того, что лишаетъ меня спасенія. Я болѣе не могу сознательно жить во враждѣ съ другими людьми; я не могу радоваться своему гнѣву, хвастать имъ, разжигать его и оправдывать себя тѣмъ, что я значительное лицо и уменъ, а другихъ считаю

ничтожными, потерянными, неразумными. Я понимаю теперь, что только тотъ можетъ высоко стоять надъ всѣми людьми, кто унижается передъ другими и всѣмъ служитъ".

„Христосъ прежде всего учитъ тому, чтобы люди вѣрили въ свѣтъ, поскольку этотъ свѣтъ находится въ нихъ, чтобы этотъ свѣтъ разума ставили выше всего, жили соотвѣтственно съ нимъ, и не дѣлали ничего того, что они сами считаютъ неразумнымъ".

„Я вѣрую въ ученіе Христа, и моя вѣра заключается въ слѣдующемъ: я вѣрю, что мое блаженство на землѣ возможно только тогда, когда всѣ люди будутъ исполнять ученіе Христа. Я вѣрю, что исполненіе этого ученія возможно, легко, что оно приноситъ радость. Я вѣрю, что, если это ученіе не будетъ выполняться, и если я останусь одинокимъ среди всѣхъ остальныхъ, неисполняющихъ его, а все-таки не могу ничего другого сдѣлать для спасенія моей жизни, какъ лишь исполнять это ученіе, подобно тому, какъ находящемуся въ горящемъ домѣ съ однимъ спасительнымъ выходомъ ничего не остается дѣлать, какъ только бѣжать черезъ этотъ выходъ.

„Все ученіе Христа имѣетъ одну цѣль: дать людямъ царство Божіе, т. е. миръ.

„Евангеліе есть открытіе этой истины, что первоисточникомъ жизни является Богъ, вовсе не враждебно настроенный къ существующему, какимъ представляютъ Его себѣ люди, но что Онъ Самъ есть не что иное, какъ содержаніе, или сокращеніе жизни (Inbegriff).

„Значеніе христіанства состоитъ въ указаніи возможности исполненія закона любви и вытекающаго отсюда счастья. Въ нагорной проповѣди Христосъ точно объяснилъ, какъ можетъ и долженъ человѣкъ выполнить этотъ законъ для своего собственнаго счастья и счастья всѣхъ.

„Въ Нагорной проповѣди, безъ которой не было бы ученія Христа, Христосъ обращается не къ мудрецамъ, но къ простымъ, необразованнымъ людямъ. Въ этой проповѣди высказаны самыя простыя, самыя легкія, самыя понятныя правила проявленія любви къ Богу и къ людямъ, и безъ этого знанія и проявленія не можетъ быть и рѣчи ни о какомъ христіанствѣ.

„Еслибы я ничего не зналъ изъ ученія Христа, кромѣ

правилъ, заключающихся въ Нагорной проповѣди, то я былъ бы такимъ же христіаниномъ, какъ и теперь.

„Не гнѣвайся, не блуди, не клянись, не воюй,—вотъ въ чемъ для меня сущность ученія Христа. Этотъ ясный смыслъ былъ отвергнутъ людьми, и отсюда проистекаетъ то, что человѣчество постоянно отдалялось отъ него, впадая въ двѣ противоположныя крайности.

„Одни, видѣвшіе въ немъ ученіе о спасеніи души для вѣчной жизни, представляя эту жизнь въ грубой формѣ, отрекались отъ міра и заботились о собственномъ душеспасеніи.

„Людьми этого рода убивались безконечныя силы и совершались невозможныя вещи, чтобы сдѣлать, въ отчужденіи отъ другихъ людей, добро лишь для себя.

„Напротивъ, другіе, не вѣрившіе въ загробную жизнь, жили только для своихъ ближнихъ,—эти были лучше,—но они не знали и не хотѣли знать, что имъ надо дѣлать, во имя чего они желали другимъ добра, и что это было за добро!

„Ученіе Христа одинаково далеко, какъ отъ религіознаго квіетизма, какъ отъ заботы о спасеніи собственной души, такъ и отъ революціонерскаго усердія, желающаго оказать другимъ благодѣянія безъ знанія того, въ чемъ состоитъ истинное, несомнѣнное благо“.

Людямъ необходимо, говоритъ далѣе Толстой, молиться, даже „со слезами“, о пріобрѣтеніи вѣры. „Человѣкъ не можетъ жить безъ вѣры“. Но вѣра для него есть только „знаніе смысла человѣческой жизни, есть сила, благодаря которой человѣкъ не уничтожается, но живетъ вѣчно“. „Нельзя въ одно и то же время вѣрить въ Нагорную проповѣдь и въ церковный символъ вѣры. Кто вѣритъ въ Бога, судящаго и наказывающаго живыхъ и мертвыхъ, тотъ не можетъ вѣровать во Христа, Который сказалъ, что нужно подставлять оскорбляющему щеку, что нельзя судить, что должно прощать враговъ и любить ихъ. Человѣкъ, вѣрящій, что ветхій завѣтъ заключаетъ въ себѣ слова Бога, вѣрующій въ эти пустяки, которыми полонъ ветхій завѣтъ, не можетъ вѣровать въ нравственный законъ Христа; человѣкъ, вѣрующій въ ученіе и проповѣди Церкви, что будто бы смертная казнь и войны соединимы съ христіанствомъ, не можетъ вѣрить въ братство всѣхъ людей. Но главное то, что человѣкъ, вѣрящій, что онъ,

посредствомъ вѣры въ искупленіе и таинства, можетъ достигнуть спасенія, не можетъ употребить всѣхъ своихъ силъ на проведеніе въ жизнь нравственнаго закона Христа. Ибо человѣкъ, которому Церковь внушила, что нельзя спастись собственными силами, но что для этого есть другое средство, схватится непремѣнно за это средство, и не будетъ прилагать своихъ силъ, ибо онъ увѣренъ, что полагаться на свои собственныя силы—грѣхъ. Всякое церковное ученіе, со своимъ искупленіемъ, своими таинствами, своимъ идолопоклонствомъ, исключаетъ ученіе Христа".

Но довольно приводить ученіе Толстого! Не по недоразумѣнію только Толстой даетъ намъ столь одностороннее воззрѣніе на Іисуса, какъ только—моралиста. Толстой ограничился почти исключительно Нагорною проповѣдью, съ ея моральными предписаніями, и это столь узко ограниченное христіанство,—которое въ наиболѣе благопріятномъ случаѣ, т. е., если оно правильно понято, можетъ быть только отрывкомъ, только частью христіанства и Іисусова евангелія,—онъ столь рѣзко противопоставляетъ ученію Церкви, даже всѣмъ остальнымъ священнымъ книгамъ, что, по его словамъ, тотъ, кто вѣритъ въ символъ вѣры или въ Бога ветхаго завѣта, не можетъ вѣрить въ ученіе Христа. Вѣра, символъ вѣры, таинства совершенно имъ отвергаются! Христіанская жизнь выражается будто бы единственно движеніемъ впередъ въ самоотверженной любви къ людямъ; это же движеніе санкціонируется волею Бога и разумомъ и приноситъ счастье въ жизни и современемъ вѣчное, т. е. безличное, будто бы элементарное продолженіе жизни за гробомъ, такъ какъ только такая жизнь и есть обнаруженіе разума.

Мы вовсе не хотимъ умалять того священнаго чувства, съ которымъ Толстой относится къ христіанской морали и разсуждаетъ о ней 1). Но все же мы должны сказать, что пониманіе Іисусова евангелія, безусловно исключающее не только всѣ церковныя ученія, но даже

*) Однако едвали можно видѣть что-либо дѣйствительно похожее на это „священное чувство" въ черезчуръ свободномъ обращеніи гр. Л. Толстого съ евангельскою моралью и извращеніи ясного смысла нагорной проповѣди Іисуса Христа.

Ред.

всѣ прочія части Священнаго Писанія и видящее въ нихъ нѣчто противохристіанское, даже богохульное,—такое пониманіе не можетъ быть истиннымъ христіанствомъ. Іисусъ стоитъ на почвѣ ветхаго завѣта, апостолы проповѣдывали, руководимые Святымъ Духомъ, Духомъ Христа; а на Іисусѣ Христѣ и ученіи апостоловъ создалась Церковь и ея символы.

Далѣе, неправда, что евангеліе содержитъ въ себѣ только нравственное ученіе. Прежде всего, оно имѣетъ цѣлью сдѣлать людей, посредствомъ соединенія съ Богомъ, дѣтьми Божіими. И только съ осуществленіемъ этого соединенія съ Богомъ должно послѣдовать и осуществленіе любви къ Богу и къ ближнимъ, какъ доказательство нашего сыновства у Бога. Но это примиреніе съ Богомъ можетъ состояться для каждаго отдѣльнаго человѣка только посредствомъ вѣры и таинствъ, т. е., посредствомъ сознательнаго, свободнаго преданія себя Богу, исполненнаго довѣрія принятія откровенія о любви во Христѣ, посредствомъ сознательнаго и радостнаго заключенія союза съ Богомъ. Эта довѣрчиво принимающая и отдающаяся любовь производится Богомъ чрезъ Его Святого Духа. Ибо, хотя человѣкъ и созданъ по образу Божію, онъ все-таки потерялъ правильное представленіе о Богѣ, а также и нравственную силу, вслѣдствіе именно грѣховъ, влекущихъ за собою, какъ слѣдствіе, моральную и интеллектуальную (а также физическую) порчу человѣческаго существа. Простое теоретическое познаніе истины, не говоря уже о томъ, возможно ли оно, вовсе ничему не помогаетъ: отъ знанія до дѣлъ еще далеко. Точно также нисколько не поможетъ и вѣра въ свои силы, при отсутствіи именно послѣднихъ. Только въ идеальныхъ людяхъ, — которыми мы можемъ стать опять-таки прежде всего чрезъ Іисуса Христа — совмѣщаются и знаніе, и сила, и воля. Поэтому ложно говорить, что вѣра въ искупленіе парализуетъ нравственную волю и превращаетъ человѣка въ квіетиста. Нѣтъ, эта вѣра даетъ намъ Божественнаго Духа и Божественную силу и вмѣстѣ съ тѣмъ довѣріе къ самимъ себѣ. Благодаря только соединенію съ Богомъ посредствомъ вѣры и благодати и является у насъ настоящая любовь къ Богу и къ людямъ, которая и указываетъ настоящій путь нашей нравственности и даетъ ей истинное достоинство и смыслъ. Если Богъ дѣлаетъ

насъ Своими дѣтьми въ Сынѣ Своемъ, то это учитъ насъ не чему иному, какъ истинному уваженію къ ближнимъ, смиренію, самоотверженности, братскому чувству. Еслибы Христосъ былъ только учителемъ добродѣтели, то Онъ абсолютно не имѣлъ бы никакого вліянія на нравственное совершенствованіе человѣчества. довольно было учителей добродѣтели и до Него, и послѣ Него... Чтобы люди осуществили въ нравственныхъ поступкахъ ученіе Христа, чтобы они могли пріобрѣсти силу для слѣдованія Ему,—для этого Христосъ долженъ былъ отпавшее отъ Бога человѣчество опять соединить съ Богомъ посредствомъ дѣйствительнаго искупленія; Онъ долженъ былъ разбудить дремавшее въ людяхъ сознаніе сыновства съ Богомъ тѣмъ, что совершилъ примиреніе людей съ Богомъ. Богъ сталъ опять для насъ любящимъ Отцомъ, открывшись таковымъ намъ во Христѣ; чрезъ Іисуса Христа изливается на человѣчество Божественная любовь и святость. Но если дѣло Христово должно быть истиннымъ искупленіемъ, то Онъ долженъ былъ совершить его по волѣ Бога и Его велѣнію, и Онъ не могъ бы этого сдѣлать, будучи лишь обыкновеннымъ человѣкомъ, а не вѣчнымъ Словомъ, Божественной Мудростью, Божественной Любовью. Убѣдить насъ въ обязательномъ значеніи нравственнаго закона Христосъ могъ именно потому, что исполненіе его Онъ представилъ намъ, какъ волю—Святого и справедливаго Бога и какъ нашу сыновнюю обязанность предъ Небеснымъ Отцемъ.

Итакъ, христіанство Толстого основывается на незнаніи Существа Божія и Существа Іисуса Христа и Его дѣла; затѣмъ—на незнаніи того, что называется религіей и вѣрой; наконецъ,—на слишкомъ высокой оцѣнкѣ нравственной силы человѣка и его знанія нравственной истины.

Какъ видѣли выше, въ лицѣ Толстого мы имѣемъ дѣло съ реакціей противъ закоснѣлости и духовной мертвенности въ религіи и въ современномъ обществѣ. Но эта реакція выходитъ изъ предѣловъ и превращается въ раціоналистическій субъективизмъ и въ индивидуальный этицизмъ. Такъ какъ Толстой свое нравственное міросозерцаніе или свое христіанство все-таки старается, со всею настойчивостью, связать съ именемъ Христа и Его евангеліемъ, то, кажется, нѣтъ опасности,

что его этическій раціонализмъ выродится въ отрицающій религію этицизмъ; въ немъ живетъ здоровое сознаніе того, что Христосъ есть и долженъ быть краеугольнымъ камнемъ, на которомъ необходимо должно быть построено христіанство, и что спасеніе людей можетъ придти только лишь съ осуществленіемъ Христова евангелія. Такимъ образомъ уже въ этой антитезѣ лежитъ стремленіе къ синтезу, къ истинѣ. Подобно тому, какъ въ римской церкви Los-von-Rom-Bewegung, такъ точно въ православной Церкви, по моему мнѣнію, Толстовская реакція (конечно, не въ ея вождѣ) является началомъ возвращенія къ истинѣ.

Съ конфессіональной (протестантской) точки зрѣнія толстовщина сравнительно съ православіемъ и латинствомъ, конечно, можетъ сама по себѣ представляться нѣкоторымъ приближеніемъ къ „истинѣ", т. е., къ протестантству съ его отрицаніемъ церкви, іерархіи, почитанія святыхъ, иконъ, мощей, пренебреженіемъ къ обрядовой сторонѣ христіанской религіи и т. п. Но заявленіе нѣмецкаго богослова о толстовщинѣ, какъ „началѣ возвращенія къ истинѣ", въ данномъ случаѣ поражаетъ своею неожиданностью: оно отрицается всѣмъ предшествующимъ содержаніемъ статьи, по смыслу которой толстовщина можетъ считаться ни чѣмъ инымъ, какъ только удаленіемъ отъ истины уже въ самомъ ея началѣ, т. е., въ Толстомъ, по скольку его ученіе объявляется смѣсью грубыхъ заблужденій, основанныхъ на незнаніи Бога, Христа, Его дѣла и т. д. И это возвращеніе къ истинѣ?! Но здѣсь, конечно, говоритъ не ученый богословъ, а протестантъ-пасторъ...

Студ. университета св. Владиміра физ.-мат. факульт.

В. Евстафьевъ.

II.

Англійскій писатель Кальдеронъ о гр. Толстомъ.

Лже-Толстой (The Wrong Tolstoi).

I.

Русская церковная власть признала и установила наконецъ фактъ, который вотъ уже едва не четверть столѣтія очевиденъ былъ для всего образованнаго міра, —совершенный разладъ между ученіемъ Церкви и ученіемъ Толстого. Св. Синодъ подтвердилъ отлученіе отъ Церкви графа, который давнымъ-давно уже тѣмъ и занимается, что самъ себя отлучаетъ отъ Церкви.

Толстой и ученики его отвергаютъ „безсмысленный и безнравственный“ догматъ искупленія, вмѣстѣ съ ученіемъ о личности Божества, о Божествѣ Христа, о будущей жизни, обо всемъ, на чемъ основана Церковь со всѣмъ своимъ богослуженіемъ и обрядомъ. Казалось бы поэтому, что они должны равнодушно встрѣтить громы церковнаго осужденія; казалось бы, какое можетъ быть негодованіе учениковъ за то, что Церковь отказываетъ учителю въ утѣшеніяхъ религіи, которыя онъ столько лѣтъ уже отвергаетъ, провозглашая, что они суть ложь и насиліе. И чтожъ? не удивительно-ли, что теперь они призываютъ весь цивилизованный міръ раздѣлить съ ними вопль горькаго негодованія на клерикальную тираннію.

Въ виду такой странной непослѣдовательности стоитъ вдуматься въ психологію *этой странной кучки энтузіастовъ* при свѣтѣ того соціальнаго и религіознаго ученія, которое они исповѣдаютъ.

Изъ среды полуобразованной, съ тѣхъ поръ, какъ въ нее проникли серьезныя мысли, выродилось новое общество людей, исполненныхъ благородныхъ, но не глубокихъ стремленій, ожидающее и требующее осуществленія мира и счастія на землѣ. Эти люди требуютъ немедленныхъ, рѣшительныхъ для того мѣръ: ученые не даютъ имъ желаннаго отвѣта; тогда они ищутъ

себѣ *пророка.* И вотъ, когда этотъ пророкъ проповѣдуетъ имъ, что врачи ихъ ничего не понимаютъ въ лѣченіи болѣзней, что ихъ священники и правители употребляютъ власть свою и разумъ только для своей личной выгоды,—они принимаютъ пророка съ восторгомъ,—точно онъ сказалъ имъ больше, чѣмъ сами они знали и думали,—и становятся ново-христіанами, теософами, толстовцами или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ.

Находя, что всѣ ученые и философы не въ силахъ рѣшить неразрѣшимые вопросы жизни, они обратились за вѣрнымъ рѣшеніемъ ихъ къ людямъ, которые *не обременены знаніемъ.*

И вотъ *такая-то публика отверзла уши на проповѣдь Толстого.* И онъ сталъ учить, что всякіе докторы, законовѣды, духовные, государственные люди, ученые, философы, — всѣ либо безумцы, либо обманщики и шарлатаны, и что міръ долженъ отбросить всю свою цивилизацію, знаніе, искусство, таланты, вѣрованія, законы, арміи, флоты и все соціальное устройство. Очевидно, что такое слово *должно показаться дико образованнымъ членамъ общества,* такъ какъ всѣ они—суть докторы, законовѣды, государственные люди, духовные, военные, ученые, землевладѣльцы и т. под. Сверхъ того есть еще болѣе важная причина, почему людямъ разумнымъ и образованнымъ неубѣдительно благовѣстіе Толстого: причина та, что *это благовѣстіе во всѣхъ частяхъ своихъ состоитъ въ противорѣчіи не только съ разумомъ и опытомъ, но и само съ собою;* а такая несостоятельная мысль, хотя можетъ быть свойственна частному разсужденію отдѣльнаго лица, но уже никакъ не свойственна философіи. Частная мысль можетъ еще колебаться по расположенію духа,—но истина должна быть всегда вѣрна самой себѣ.

Но несостоятельность мысли ничего не значитъ для энтузіаста. Этой обширной и все возрастающей дружинѣ энтузіастовъ свойственны всякія противорѣчія вѣрованій, свойственно даже вѣрить въ сознательную для нихъ самихъ ложь. Однако люди эти нерѣдко орудуютъ общественнымъ мнѣніемъ, — они создаютъ репутаціи: однихъ покрываютъ позоромъ, другихъ вѣнчаютъ славою,—они накопляютъ массу горючаго матеріала, отъ котораго можетъ загораться и серьезная часть общества.

Дѣлу Толстого эти люди нанесли большой вредъ, потому что мнимаго, лже-Толстого поставили они какимъ-то идоломъ въ музей славы, а настоящаго, подлиннаго Толстого укрыли, поставивъ въ тѣнь. Я говорю не о литераторѣ Толстомъ, который имѣетъ прочную репутацію въ мнѣніи всѣхъ разумныхъ людей; говорю *о раздвоенномъ Толстомъ* послѣдняго времени: одинъ настоящій, добрый человѣкъ, хозяинъ Ясной Поляны; другой, *лже-Толстой*, безъ устали пищущій книги и памфлеты, въ которыхъ *подвергаетъ брани и позору всѣ лучшія достоянія ума и труда человѣческаго.*

Эта двойственность—тяжкое испытаніе и для самого Толстого и для учениковъ его. Лже-Толстой написалъ большую книгу въ доказательство того, что онъ тотъ же, что и настоящій Толстой. Въ этой книгѣ стремится онъ возвесть противорѣчіе бытія своего въ религіозный догматъ, который можно назвать *параллелограммомъ нравственныхъ силъ.* Ученики его выставляютъ этотъ догматъ, какъ основаніе для сужденій о Толстомъ, въ оправданіе очевидныхъ противорѣчій между словами его и дѣлами.

Лже-Толстой пишетъ памфлеты въ доказательство того, что человѣкъ долженъ отрѣшиться отъ всякой собственности, не знать жены и дѣтей; и въ то же время настоящій Толстой живетъ съ своимъ семействомъ на всѣхъ удобствахъ жизни, въ помѣстьѣ Тульской губерніи.

И вотъ чѣмъ объясняетъ себя: „Онъ желалъ (говоритъ одинъ изъ его хвалителей, М-ръ Эльмеръ Модъ) дѣйствовать въ полномъ согласіи съ своимъ ученіемъ, но не могъ этого исполнить. Не могъ, напримѣръ, отрѣшиться отъ своей собственности, не раздражая жены и дѣтей своихъ,—пожалуй, въ такомъ случаѣ они обратились бы къ властямъ съ просьбою воздержать его. Это очень смущало Толстого; но онъ почувствовалъ, что, нанося вредъ, не можетъ сдѣлать добра. Никакое рѣшительное дѣйствіе (наприм., раздать все бѣднымъ) не могло бы служить ему оправданіемъ,—ибо возбудило бы горькое чувство гнѣва въ сердцахъ самыхъ близкихъ людей. И такъ пришлось ему передать всю остальную собственность женѣ и семейству и продолжать жить попрежнему въ хорошемъ домѣ съ прислугою, съ кротостью вынося упреки въ „непослѣдова-

тельности“ и удовольствоваться тѣмъ, что, въ дополненіе къ литературному труду, занимается ручною работой и живетъ по возможности просто и воздержно“.

Трудно, стало быть, оказывается „сдѣлать добро, не причиняя вреда, не производя горькаго гнѣва въ сердцахъ близкихъ людей“. Это маленькое затрудненіе естественно является, когда человѣкъ, особливо еще женатый, вздумаетъ приводить въ исполненіе систему жизни, основанную на нищетѣ и безбрачіи. И вотъ Толстовцы обыкновенно раздражаются, когда слышатъ упреки учителю ихъ въ непослѣдовательности: въ этомъ раздраженіи несомнѣнно есть личное чувство, потому что всѣ они, поклоняясь системѣ, не исполняютъ ея,—едва найдется одинъ такой вѣрный въ тысячахъ поклонниковъ Толстого, разсѣянныхъ по всему свѣту. И эта черта особенно характерна въ религіи воинствующей, которая вопитъ на весь свѣтъ, что всѣ прочія религіи суть не что иное, какъ ложь, изобрѣтаемая лишь для оправданія развратной жизни ихъ послѣдователей.

И разумѣется трудно, очень трудно исполненіе. Тяжкое дѣло для человѣка презирающаго и отвергающаго покровительство закона—жить на своемъ помѣстьи (таковое Толстой, вѣроятно, предполагаетъ у каждаго изъ учениковъ своихъ) и кормиться безъ всякой купли и продажи, трудомъ рукъ своихъ, когда еще притомъ со всѣхъ сторонъ бродятъ толпы христіанъ голодныхъ. Мы читали недавно отчеты одной общины дѣйствительныхъ Толстовцевъ: такова община жителей Никобарскихъ острововъ, которые, конечно, не слыхивали о Толстомъ. Вотъ какъ живутъ они: „нѣтъ у нихъ ни одного человѣка, кто бы имѣлъ власть. Совершенное отсутствіе подчиненія—самая явственная черта соціальнаго ихъ быта. Въ селахъ нѣтъ никакого старшины. Мужья не имѣютъ никакой власти надъ женами, родители надъ дѣтьми,—всякій человѣкъ самъ по себѣ ни отъ кого не зависитъ. Никто не работаетъ, да и нѣтъ нужды работать. Всякій находитъ все, что нужно, у своего жилища. Словомъ, во всемъ остальномъ они исполняютъ въ точности ученіе Толстого: никакой дисциплины, никакого подчиненія. Они обладаютъ такою цѣльностью убѣжденія, какой не можетъ похвалиться ни самъ Толстой, ни ученики его; они одни, можно сказать, живутъ въ такихъ условіяхъ быта, въ какихъ

можетъ осуществиться политическая экономія Толстого: „нѣтъ борьбы за существованіе,—все, что нужно для жизни, готово—у воротъ“. Болѣе того и Толстой не требуетъ. Если бы когда-нибудь обезумѣлъ весь міръ и сталъ бы примѣнять Толстовскую теорію правленія, населенію пришлось бы бѣжать изъ Англіи, Франціи, Германіи, Россіи,—бѣжать куда-нибудь на черноземныя мѣста или на острова Никобарскіе.

II.

Положимъ, что все это—личныя заблужденія: мудрѣйшій изъ философовъ можетъ заблуждаться. Но лже-Толстой опирается на авторитетъ Іисуса Христа, чтобы оправдать свое ученіе, чтобы подкрѣпить авторитетомъ недостатокъ разумныхъ основаній. Гдѣ бы ему уловить столько учениковъ, если бы онъ не ссылался на Евангеліе.

Какъ бы ему укрыться отъ критики, когда бы онъ не настроилъ себѣ крѣпостей изъ библейскаго текста. И вотъ, надобно посмотрѣть, на чемъ эти крѣпости держатся, и эти связи, которыми силится онъ укрѣпить и привести къ единству свое философское ученіе, можно ли признать вѣрными и подлинными.

Подлинный, настоящій Толстой какъ будто вѣруетъ въ Бога, подобно всѣмъ христіанамъ.

„По моему мнѣнію (говоритъ онъ въ сентябрьскомъ письмѣ 1900 года), мало сказать, что Богъ есть любовь, Богъ есть слово, разумъ. Любовью и разумомъ мы познаемъ Бога; но идея Божества не только не тождественна съ этими понятіями, но они столь различествуютъ съ идеей о Богѣ, какъ понятіе глаза или зрѣнія различествуетъ съ понятіемъ свѣта“.

Но другой Толстой, оборотный, въ основной схемѣ своего ученія, плѣняющей восторженныхъ его послѣдователей, прямо отождествляетъ Бога съ понятіемъ Логоса или Разума; а Бога, какъ существо, признаетъ ложью, изобрѣтенною паразитами религіи.

Начало всѣхъ вещей было Разумъ (Логосъ), и Разумъ (Логосъ) былъ Богъ“. Таковъ созданный Толстымъ фальшивый переводъ текста Іоан. 1, 1 (см. Толстого—согласованіе Евангелій, Русское изданіе, т. 1, стр. 19

и 23).—„Свѣтъ явился, переводитъ Толстой,—въ особомъ родѣ (ἦλθε εἰς τὰ ἴδια: Іоан. 1, 11) и особый родъ его не принялъ“. А буквальный переводъ съ греческаго таковъ: „пришелъ къ своимъ и свои его не приняли“. Но Толстой, начавшій учиться греческому языку въ сорокалѣтнемъ возрастѣ, не признаетъ родовъ въ грамматикѣ. „Τὰ ἴδια“, говоритъ онъ, означаетъ нѣчто отдѣльное, индивидуальное, очевидно, противополагаемое міру вообще. Свѣтъ былъ во всемъ мірѣ, и въ особомъ родѣ, и потому къ слову ἴδιος—особый, отдѣльный, я прибавляю слово, „родъ, народъ“. Казалось бы, что сочетаніе существительнаго мужескаго рода съ прилагательнымъ средняго рода есть операція, совершенно неизвѣстная грамматикѣ нашихъ школъ и университетовъ.

Тутъ не одна только игра грамматическихъ фантазій—тутъ самые корни Толстовства.

Подлинный Толстой, добродушный хозяинъ Ясной Поляны, знаетъ, что всѣ мы несовершенныя существа, большею частью, подобно ему, добродушные люди, кое-какъ умѣя работающіе надъ задачами соціальной жизни, подъ кровомъ Высшаго Промысла, отъ Коего чаемъ наконецъ воздаянія въ лучшемъ мірѣ.

„Убѣждаюсь болѣе и болѣе (говоритъ онъ въ октябрьскомъ письмѣ 1900 г. См. въ листкѣ свободнаго слова Черткова) въ нереальности того міра, въ коемъ мы живемъ. Не скажу, чтобъ это былъ сонъ, но это лишь одно изъ безчисленныхъ проявленій жизни“.

Но философія лже-Толстого отвергаетъ чаяніе будущей лучшей жизни. Для лже-Толстого міръ осѣняетъ не благой промыслъ, но злой рокъ, въ союзѣ съ паразитами жизни. Жизнь есть борьба зла съ разумомъ. Богъ—не Правитель вселенной, но простой здравый смыслъ, слабый пособникъ человѣку противъ преобладающей силы зла. Это нѣчто въ родѣ мрачнаго буддизма, смягчаемаго фантазіей. Будущая жизнь,—тоже изобрѣтеніе паразитовъ, одуряющій напитокъ для рабочаго класса людей.

Лже-Толстой, вынуждаясь искать себѣ опоры въ Евангеліи, прибѣгаетъ къ тактикѣ самаго страннаго свойства для устраненія изъ Евангелія всякихъ обѣтованій будущей жизни.

Въ Евангеліи отъ Матѳея XIX, 28 Іисусъ Христосъ

говоритъ: „вы, послѣдовавшіе за Мною, въ пакибытіи, когда сядетъ Сынъ Человѣческій на престолѣ славы Своей, сядете и вы на двѣнадцати престолахъ судить двѣнадцать колѣнъ Израилевыхъ“.

„Этотъ стихъ я опускаю,—говоритъ Толстой,—такъ какъ не имѣетъ никакого опредѣленнаго значенія... Онъ или ничего не означаетъ, или звучитъ насмѣшкой, ироніей“.

У Марка X, 30 Іисусъ говоритъ: „получитъ сторицею нынѣ, и въ вѣкъ грядущій (ἐν τῷ αἰῶνι τῷ ἐρχομένῳ) животъ вѣчный“. Ἔρχομαι,—говоритъ Толстой (разумѣется совсѣмъ невѣрно), значитъ „преходить“, и, стало быть, ἐν τῷ αἰῶνι τῷ ἐρχομένῳ значитъ: въ вѣкѣ нынѣ *преходящемъ*, стало быть, въ *этой*, въ здѣшней жизни“. Это утверждаетъ Толстой, не взирая на безсмысліе превращенія вѣчной жизни въ переходящій временный вѣкъ.

Не стоитъ труда слѣдить, стихъ за стихомъ, толкованія Толстого въ его изложеніи Евангелія. Любопытствующіе могутъ сами разсудить объ ихъ достоинствѣ.

III.

Составивъ какую ни есть систему своего ученія, Толстой, казалось бы, долженъ, если вѣритъ въ нее, и жить такъ, какъ вѣритъ. Онъ объявилъ, что всякое правительство, всякій законъ, всякая собственность— зло: слѣдовало бы и отвергнуть всякія удобства жизни, на этомъ злѣ основанныя. Попутно отвергаетъ онъ рѣшительно и табакъ, и алкоголь, и мясо. Но жизнь всетаки его пересилила. Свояк его разсказываетъ, что когда онъ обработалъ свою схему единственно возможнаго счастія, то не только не ощутилъ себя счастливымъ, но почувствовалъ угнетеніе духа. Женѣ и дѣтямъ и на мысль не приходило отказаться отъ владѣнія Ясною Поляной и добывать себѣ хлѣбъ полевою работой. Затѣмъ стали одолѣвать его посѣтители. Деруледъ явился и сталъ склонять его на сторону реванша; стали пріѣзжать романтическія дамы (типъ, коего онъ не выноситъ) — съ тѣмъ, чтобы у него „учиться жить“, появлялись и дамы практическаго свойства, угрожая застрѣлиться, если не спасетъ ихъ,

давъ тысячу рублей. Лже-Толстой говоритъ, что когда люди просятъ денегъ, то ради любви къ нимъ не слѣдуетъ давать, а развѣ только изъ учтивости; и онъ же говоритъ, что когда люди крадутъ вещи, стало быть, вещи имъ нужны и, стало быть, они имѣютъ право взять ихъ. Однако изъ разсказа выходитъ, что когда такія дамы являлись, подлинный Толстой выходитъ изъ себя, а графиня выживала ихъ изъ дому. Сшилъ Толстой пару сапогъ,—дѣло повидимому полезное,—и стало ему тошно, когда узналъ, что одинъ изъ его поклонниковъ хранитъ у себя эти сапоги въ стеклянномъ ковчегѣ. Правительство относилось къ нему очень добродушно и снисходительно; но дѣло требуетъ порядка, и разъ какъ-то Толстой былъ вызванъ въ судъ свидѣтелемъ по дѣлу. Дѣвица Серонъ, жившая гувернанткой въ Ясной Полянѣ, разсказываетъ, что Толстой явился въ судъ въ тулупѣ, выложилъ на столъ свертокъ рублей, сказавъ: „вы не можете меня принудить принять присягу,—вотъ вамъ мой штрафъ", и вышелъ вонъ.

Эта же дѣвица разсказываетъ, что жалость было смотрѣть на бѣднаго пророка, когда онъ пытался бросить куренье.

„Онъ ходилъ изъ угла въ уголъ, точно не находилъ себѣ мѣста. То зажжетъ папироску и броситъ ее, то пробуетъ вдыхать дымъ, когда закурятъ другіе. Напослѣдокъ всетаки не въ силахъ былъ совсѣмъ бросить привычку,—вѣдь это успокаивало ему нервы. Напрасно люди думаютъ, будто Толстой аскетъ въ строгомъ смыслѣ слова".

Лже-Толстой говоритъ, что литература—порочное дѣло; а подлинный Толстой точно одержимъ зудомъ писательства и не отходитъ отъ письменнаго стола. Одинъ изъ его портретовъ работы Рѣпина изображаетъ его, окруженнаго косами и граблями, какъ онъ сидитъ въ неловкой позѣ на табуретѣ, въ своемъ тулупѣ, у стола,—и передъ нимъ два *серебряныхъ* подсвѣчника. Послѣ обѣда, говоритъ дѣвица Серонъ, онъ прохаживается по лѣсу съ топорикомъ. И она сама, аматерка Толстовства, описываетъ съ улыбкой, какъ онъ возвращается съ прогулки по полямъ, довольный, принося съ собой навозный запахъ.—„Я помираю, говоритъ, со смѣху, на него глядя".—И еще,—не взирая на свои

убѣжденія, не чуждается онъ и велосипеда и даже присоединиться къ молодежи въ презрѣнной и безнравственной игрѣ въ лаунъ-теннисъ.

Вообще, нарадоваться можно на эту мирную картину,—какъ хозяинъ Ясной Поляны по человѣчески живетъ у себя въ большомъ домѣ, въ своемъ тулупѣ, съ графиней, занимаясь игрою въ толстовство.

Похоже на идиллію, когда смотришь на подлиннаго Толстого. Но идиллія исчезаетъ, когда является лже-Толстой—сочинитель книгъ. Въ своей книгѣ „Царство Божіе внутрь васъ есть" онъ выводитъ курьезную теорему „Параллелограмма нравственныхъ силъ", усиливаясь доказать, что изобрѣтеніе и потомъ нарушеніе неестественныхъ правилъ жизни составляетъ самую сущность философскаго христіанства.

„Люди, называющіе мою систему непрактичною (говоритъ Толстой), совершенно правы, если смотрятъ на черты совершенства, указанныя въ ученіи Христа, какъ на правила, подлежащія для каждаго изъ насъ къ исполненію, подобно тому, какъ по закону общества обязателенъ, напримѣръ, платежъ податей... Совершенство, черты коего предъ очами христіанъ, безконечно, никто не можетъ достичь его, и Христосъ имѣетъ это въ виду: но Онъ знаетъ, что стремленіе къ полному и безконечному совершенству составляетъ и пріумножаетъ счастіе человѣка... Христосъ учитъ не ангеловъ, но людей, живущихъ животною жизнью, и къ животной силѣ движенія Христосъ какъ бы прилагаетъ другую силу, именно сознаніе Божественнаго совершенства, и такимъ образомъ *направляетъ это движеніе жизни по равнодѣйствующей двухъ силъ...* Сила животная всегда одна и таже и находится внѣ власти человѣка... Божественное совершенство есть асимптотъ человѣческой жизни, къ которому она постоянно приближается, но коего можетъ достигнуть только въ вѣчности" [1]).

Такое ученіе довольно легко примѣнить каждому человѣку въ своей жизни. Отречься отъ собственности

---

[1]) *Равнодѣйствующею результантою* въ механикѣ называется сила, соединяющая въ себѣ совокупное дѣйствіе двухъ или болѣе силъ, дѣйствующихъ въ разномъ направленіи.

Асимптотъ значитъ линія, которая, усильно приближаясь къ кривой и простираясь хотя бы до безконечности, никогда не можетъ съ нею встрѣтиться.

и семьи—и жить съ женой и дѣтьми въ комфортабельномъ помѣстьѣ—дѣло вѣрнаго себѣ христіанскаго философа...

Но примѣнять такое ученіе къ общественной жизни—дѣло тяжкое. Какую результанту, равнодѣйствующую даетъ намъ этотъ параллелограммъ—хоть бы въ военномъ дѣлѣ? Отречемся отъ войны—и что же? Будемъ сражаться вилами? Или, наприм., этотъ параллелограммъ—къ какой приведетъ насъ сдѣлкѣ между уничтоженіемъ судовъ и нашей порочною наклонностью къ правосудію? Развѣ къ закону Линча?

И вотъ еще неразрѣшимый вопросъ, если тотъ же параллелограммъ намъ не разрѣшитъ его. Если всѣ люди станутъ (какъ учитъ Толстой) воздерживаться отъ произведенія на свѣтъ дѣтей,—что станется съ родомъ человѣческимъ?

Противорѣчіе Толстого съ самимъ собой явственно обнаружится, если сопоставимъ рядомъ два его разсужденія объ обязанности женщинъ. Въ эпилогѣ Крейцеровой сонаты онѣ явно обрекаются на постоянное дѣвство.

„Христіанинъ не можетъ смотрѣть на плотское совокупленіе иначе, какъ на грѣхъ, какъ сказано у Матѳ. V, 25., и вслѣдствіе того долженъ неизмѣнно избѣгать брака“.

Вотъ одно сужденіе. Другое находимъ въ сочиненіи Толстого: „*Что намъ дѣлать?*“

„Какъ сказано въ Библіи, мужу и женѣ данъ каждому свой законъ: мужу—законъ труда, женѣ законъ дѣторожденія... Тотъ и другой законъ—неизмѣнный... и нарушеніе его неминуемо наказывается смертью... Если вы вѣрныя матери, сколько бы ни было у васъ дѣтей, двое-ли или двадцать,—не можете сказать: довольно... Не можете вы заботу о кормленіи ихъ и нянчаньи слагать съ себя и поручать другой матери... потому, что этотъ трудъ есть жизнь ваша, и стало быть, чѣмъ больше у васъ этого труда, тѣмъ жизнь ваша полнѣе будетъ и счастливѣе“.

И такъ, очевидно, Толстой обращаетъ насъ къ параллелограмму силъ для продолженія нашего рода.

Ученіе Толстого содержится во множествѣ книгъ и памфлетовъ: и нѣтъ возможности перечислить въ краткомъ очеркѣ всѣ черты его непослѣдовательности и

всю массу противорѣчій, поглощаемыхъ его учениками; но и по приведеннымъ примѣрамъ можно судить о широтѣ умственной ихъ воспріимчивости. Читатель можетъ и теперь составить себѣ понятіе объ умственномъ настроеніи тѣхъ, кои признаютъ все ученіе Церкви беззаконнымъ и нечестивымъ обманомъ—и въ то же время негодуютъ на жестокость Св. Синода, когда онъ устраняетъ Толстого отъ всякаго участія въ этомъ нечестивомъ ученіи.

Толстого можно назвать колеблющимся пророкомъ: онъ не останавливается ни на положительномъ утвержденіи, ни на рѣшительномъ отрицаніи, но говоритъ: „это вѣрно... по крайней мѣрѣ, это можетъ быть вѣрно... но нѣтъ, въ сущности я увѣренъ, что это невѣрно“.— А ученики, воспринимая такія слова, твердятъ отъ себя токое вѣрованіе: „Мы увѣрены, что это вѣрно, что это можетъ быть вѣрно и что въ сущности всетаки невѣрно“.

Итакъ мы, не будучи Толстовцами, можемъ, пожалуй, спросить: въ самомъ дѣлѣ этотъ добродушный хозяинъ Ясной Поляны, онъ-то самъ въ правду ли Толстовецъ?

(Изъ журнала Montfly Review
Ежемѣсячное Обозрѣніе).

III.

Англійскій писатель R. E. C. Long о графѣ Л. Н. Толстомъ, какъ мыслителѣ и дѣятелѣ.

I.

Въ послѣдніе годы современной соціально-общественной жизни Россіи выступаетъ графъ Толстой въ качествѣ адвоката практическихъ реформъ и ходатая отъ имени того класса, къ которому онъ часто выражалъ полное несочувствіе. Онъ всегда говорилъ, что относится съ одинаковымъ отвращеніемъ ко всякому правительству, основанному на насиліи, безразлично—меньшинства, какъ въ Россіи, или большинства, какъ въ Запад-

ной Европѣ. И онъ, конечно, сочувствуетъ насильственному протесту не болѣе, чѣмъ насильственной репрессіи. Однако теперь, подъ давленіемъ обстоятельствъ, Толстой внезапно появляется на сценѣ, какъ борецъ за русскій либерализмъ, который не менѣе, чѣмъ само русское правительство, является для него воплощеніемъ всѣхъ ненавистныхъ для него идей.

Среди обстоятельствъ, выдвигающихъ передъ нами имя Толстого съ большею силою, чѣмъ ранѣе, является, во-первыхъ, отлученіе его Св. Синодомъ и, во-вторыхъ, извѣстіе, что онъ занятъ новымъ романомъ, въ которомъ воплотятся всѣ его нравственныя и общественныя доктрины. Отлученіе Толстого не было неожиданнымъ. Утверждая христіанство, онъ въ то же время отрицался отъ Церкви, а Церковь, въ ясномъ сознаніи, что только она—Христова, отвергла его отъ себя. Форма отлученія въ Русской Церкви очень мягка, и Толстой сначала промолчалъ. Но оно вызвало очень сильный протестъ со стороны его жены, которая держится Церкви, и со стороны студентовъ (!?), которые столь же мало вѣрятъ въ Церковь, какъ и Толстой, и еще менѣе вѣрятъ въ христіанство. Графиня написала весьма запальчивое протестующее письмо г. Побѣдоносцеву, въ которомъ она откровенно выразила свой взглядъ на принятую Синодомъ мѣру. Поведеніе студентовъ было очень характеристично. Въ числѣ 500 они отправились въ Казанскій соборъ, гдѣ просили, чтобы ихъ также подвергли анаѳемѣ [1]).

Отлученіе сопровождалось обращеніемъ къ православнымъ, изъясняющимъ, что графъ можетъ еще спастись, если покается. Но Толстой думалъ не о своемъ собственномъ спасеніи, а о спасеніи русскаго общества. Настоящій отвѣтъ его на актъ Св. Синода заключается въ письмѣ къ властямъ. Оно является однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній Толстого въ томъ отношеніи, что въ немъ онъ впервые публично выступаетъ въ качествѣ адвоката либеральной реформы. Мѣры, которыя защищаетъ Толстой, не имѣютъ никакого отношенія къ осуществленію христіанскаго ученія, которое въ его глазахъ до сей поры было единственнымъ соціальнымъ движеніемъ, достойнымъ сочувствія.

---

[1]) Такого факта не было. *Ред.*

Это мѣры, давно примѣненныя другими правительствами, также не христіанскими, и онѣ ни въ какой степени не смягчаютъ того основного зла, которое Толстой находитъ во всякомъ правительствѣ, а именно—упованіе на силу.

Насколько произведенія Толстого извѣстны, въ упомянутомъ письмѣ онъ въ первый разъ, такъ сказать, признаетъ существованіе правительства и даже находитъ его способнымъ къ улучшенію. Тому, кто совершенно не знаетъ жизни Толстого, можетъ показаться, что Толстой оставилъ путь огульныхъ отрицаній и пошелъ по дорогѣ практическихъ реформаторовъ, отличаясь отъ нихъ только своимъ большимъ безстрашіемъ. Но такой взглядъ докажетъ только непониманіе личности Толстого. Онъ всегда былъ *практически человѣкомъ*, въ которомъ его идеи и неотложныя нужды окружающаго его міра всегда вели между собой жестокую борьбу. Въ своемъ письмѣ къ власти Толстой выступаетъ просто, какъ дѣловой русскій либералъ. Но несомнѣнно, что какъ только острота настоящихъ обстоятельствъ минуетъ, онъ вновь вернется къ своей роли академическаго изобличителя основъ современной жизни. То обстоятельство, что онъ способенъ входить въ ту и другую роль, не измѣняя ни той, ни другой, свидѣтельствуетъ *о какой-то странной двойственности въ его характерѣ.*

* * *

Толстой, какъ личность. Рѣчь Толстого вообще спокойна, остроумна, полна афоризмовъ и примѣровъ, взятыхъ изъ народной жизни. Но когда онъ начинаетъ говорить о гнетѣ и несправедливости, рѣчь его мѣняется и становится гнѣвной, но не сострадательной даже въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о такихъ бѣдствіяхъ, за которыя никого нельзя считать отвѣтственнымъ. Онъ производитъ впечатлѣніе человѣка, въ которомъ мѣсто чувствительности занято напряженнымъ (и едвали опредѣленнымъ) чувствомъ справедливаго и несправедливаго. Хотя и очень терпимый къ различію во мнѣніяхъ и привычкахъ, вообще онъ, кажется, нетерпѣливъ, раздражителенъ и не выноситъ противорѣчій. Противорѣчіе по общимъ вопросамъ возбуждаетъ въ немъ досаду. Языкъ его—языкъ человѣка горячаго и властнаго тем-

перамента, для котораго всякая попытка подчинить самого себя отвлеченнымъ правиламъ смиренія и терпѣнія должна быть невыносима. Во время покоя лицо его принимаетъ строгій, суровый и пророчественный видъ. О томъ, чего онъ не любитъ, онъ говоритъ съ саркастическимъ презрѣніемъ, и смѣхъ его, вызванный даже просто веселостью, звучитъ иронически.

* * *

Домъ графини Толстой въ Хамовническомъ переулкѣ. Всѣ (заграницей) привыкли думать, что постоянное мѣстопребываніе Толстого находится въ Ясной Полянѣ, и что онъ избѣгаетъ города, какъ чумы. Между тѣмъ *полгода* онъ живетъ въ Москвѣ и можетъ считаться такимъ же горожаниномъ, „какъ лондонскій лордъ-мэръ".

Комната, гдѣ онъ работаетъ, принимаетъ посѣтителей и вообще живетъ, расположена въ верхнемъ этажѣ дома. Какъ большая часть русскихъ домовъ, распланированныхъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы поддерживать повсюду равномѣрное тепло, всѣ комнаты дома графини соединяются одна съ другой, и чтобы добраться до комнаты Толстого, нужно сначала пройти цѣлый рядъ другихъ. Здѣсь вы невольно бросите мелькомъ взглядъ на семью Толстыхъ, отношенія одного члена семьи къ другому, ихъ отношенія къ жизни. Взгляды Толстого далеко не встрѣчаютъ въ его семьѣ единодушнаго признанія. Въ этомъ нѣтъ ничего страннаго и это даже оказываетъ Толстому практическую пользу. Отсутствіе единства сразу бросается въ глаза. Двѣ комнаты, черезъ которыя нужно пройти, чтобы добраться до кельи отшельника, обставлены такъ, какъ это принято въ томъ кругѣ общества, къ которому принадлежитъ Толстой. На всемъ лежитъ печать вкуса, роскоши и свѣтской веселости. Въ мой первый визитъ къ Толстому и въ большую часть слѣдующихъ я находилъ въ этихъ комнатахъ веселое общество; это осколки большого свѣта, въ которомъ Толстой не принимаетъ участія, но съ которымъ ради домашняго единства онъ поддерживалъ отношенія дѣлового компромисса. Спустившись на двѣ ступени внизъ, вы отворяете маленькую дверь направо, и передъ вами жилище Толстого. Это маленькая комната, освѣщаемая по вечерамъ одной свѣчей, а днемъ—тремя небольшими окнами, обставленная просто, но безъ аффек-

тированной простоты. Два стола, заваленные книгами и газетами, шкафъ съ книгами, софа и пара креселъ— вотъ и вся обстановка комнаты; однако при мерцающемъ свѣтѣ свѣчи комната производила впечатлѣніе загроможденности и безпорядка. Было ясно, что здѣсь живетъ человѣкъ, относящійся къ комфорту съ пренебреженіемъ и считающій такое пренебреженіе совершенно естественнымъ.

Но все это производило впечатлѣніе контраста съ прочими частями дома, контраста, имѣющаго высокое символическое значеніе въ глазахъ того, кто изучалъ и жизнь Толстого и его ученіе. Для такого наблюдателя кажется, что домъ Толстого, даже и съ умѣренной степенью роскоши, столь несогласимой съ его нравственными принципами, былъ для него подобіемъ того міра, въ которомъ онъ жилъ. Онъ не могъ игнорировать его; онъ не могъ даже попасть въ свою келью, не пройдя мимо него. Но онъ сумѣлъ установить превосходный дѣловой компромиссъ въ своемъ домѣ, живя своею особою жизнью и не отказываясь ни отъ одного дюйма своихъ принциповъ, но признавая, прежде всего, что онъ не въ силахъ принудить жить этими принципами другихъ. Это какъ разъ тотъ самый компромиссъ и двойственность, который въ болѣе широкой области онъ заключилъ между идеями и дѣйствіями, что, несмотря на весь его академическій догматизмъ, сдѣлало изъ него исключеніе между крайними мыслителями, именно благодаря его способности слаживаться на дѣлѣ съ міромъ, каковъ онъ есть.

Первый взглядъ на Толстого подтверждаетъ это мнѣніе. Его внѣшность—внѣшность интеллектуальнаго фанатика, но не мечтателя. У него, какъ и у Тургенева, выраженіе преобразившагося мужика. Но въ немъ нѣтъ ничего, похожаго на лучшіе типы христолюбиваго крестьянина. У него грубое лицо, широкій носъ съ расширенными ноздрями, жесткій и рѣшительный ротъ и высокій, убѣгающій назадъ лобъ. Изъ подъ косматыхъ, ниспадающихъ бровей блестятъ маленькіе свѣтло-сѣрые глаза. Общее выраженіе лица аскетичное и раздражительное, во взглядѣ—что-то *татарски-жестокое*. Его лицо подходитъ скорѣе казачьему офицеру, чѣмъ мечтательному, добродушному крестьянину. Общее впечатлѣніе послѣ перваго взгляда на него вполнѣ согла-

суется съ тѣми намеками, которые можно встрѣтить въ его сочиненіяхъ относительно его прежней жизни. Это лицо человѣка съ нравственными инстинктами и нравственными наклонностями зауряднаго человѣка, который отличается однако отъ заурядныхъ людей фанатической интеллектуальной серьезностью и, вслѣдствіе этого, въ борьбѣ между инстинктомъ и убѣжденіемъ становится на сторону послѣдняго. Въ то же время это лицо человѣка, который, будучи безусловно непоколебимымъ въ своихъ убѣжденіяхъ, видитъ вещи такъ, какъ онѣ есть, и не обольщается своею силой измѣнить ихъ. По-англійски онъ говоритъ правильно, но съ сильнымъ русскимъ акцентомъ. По-русски онъ выражается съ замѣчательной простотой, избѣгая иностранныхъ словъ и постоянно употребляя простонародное *туды и сюды*, вмѣсто *туда, сюда*. Онъ говоритъ медленно, отчеканивая каждое слово съ той лѣнивой интонаціей, которую только тѣнь отдѣляетъ отъ крестьянскаго говора.

* * *

Что бы Толстой сталъ дѣлать? Если бы Толстой имѣлъ болѣе широкую область дѣятельности, онъ отложилъ бы свою личную вѣру въ сторону и занялся бы живымъ дѣломъ немедленнаго удовлетворенія возникающихъ кругомъ нуждъ. Въ той узкой области дѣятельности, которая ему доступна, онъ проявляетъ большую энергію. Если-бы онъ жилъ въ свободной странѣ, онъ навѣрное сдѣлался бы практическимъ государственнымъ дѣятелемъ, или, по крайней мѣрѣ, практическимъ революціонеромъ. „Самъ Толстой, конечно, не согласится съ такимъ взглядомъ“,—замѣчаетъ по этому случаю Лонгъ,—„но несомнѣнно, что Толстой вовсе не мечтатель по самой сущности своей натуры, видитъ міръ такимъ, какъ онъ есть“.

Чтобы однако сталъ дѣлать Толстой, еслибы завтра получилъ такое же вліяніе на ходъ дѣлъ въ Россіи, какое имѣетъ на ходъ мыслей? Это очень любопытная спекуляція, при чемъ ни въ литературныхъ трудахъ его, ни въ его личной жизни нельзя почерпнуть достаточнаго матеріала, бросающаго на этотъ вопросъ правильный свѣтъ. Какъ практическій дѣятель онъ очень хорошо понимаетъ, что его этическія абстракціи

могутъ быть осуществлены въ Россіи столь же мало, какъ и во всякой другой странѣ (по крайней мѣрѣ— въ ближайшемъ будущемъ). Но онъ знаетъ Россію, ея нужды и недостатки много лучше, чѣмъ всякій другой въ его положеніи, такъ какъ онъ практически является единственнымъ образованнымъ человѣкомъ, который жилъ какъ равный среди того класса, который жилъ какъ равный среди того класса, который на дѣлѣ составляетъ *всю* Россію,—т. е. среди крестьянъ. И какъ практическій дѣятель онъ съ такой же готовностью привѣтствовалъ бы введеніе реформъ и улучшеній, какъ и всякій либералъ въ этой странѣ, хотя, въ то же самое время, никакая либеральная реформа, способствующая поддержанію существующихъ правительствъ (все равно—въ Россіи или на Западѣ), не заставила бы его, безъ всякаго сомнѣнія, смягчить своихъ отвлеченныхъ осужденій всѣхъ основъ современнаго строя жизни.

Что же онъ сдѣлалъ бы, получивъ высшую власть и въ тоже время сознавая, что ввести свое крайнее христіанство въ дѣйствіе—немыслимо и невозможно?

При бесѣдѣ относительно образа правленія и соціальныхъ реформъ, Толстой былъ категориченъ и придерживался мнѣніи славянофиловъ, что западныя учрежденія всегда были бы ничѣмъ инымъ, какъ нарывомъ на политическомъ тѣлѣ Россіи. Я спросилъ Толстого, какъ болѣе интеллигентные изъ крестьянства и рабочихъ смотрятъ на конституціонныя вожделѣнія образованныхъ классовъ?

„Что вы разумѣете подъ словомъ реформа“?—спросилъ Толстой.

„Западныя учрежденія вообще—парламентъ, свобода печати, легальныя гарантіи“.—

„Что бы мы стали дѣлать съ вашими легальными гарантіями и западными учрежденіями“? — прервалъ Толстой, повидимому, изумленный, что возможно предлагать такіе вопросы. „Ваша всегдашняя ошибка заключается въ томъ, что западныя учрежденія вамъ кажутся какой-то стереотипной моделью, по которой должны производиться всякія преобразованія. Это и есть именно то самое самообольщеніе, которое лежитъ въ основѣ половины войнъ и разбойническихъ нападеній европейцевъ на иноплеменные народы. Россія

нуждается въ реформахъ, но это не восточныя или западныя реформы, а просто мѣры, нужныя народу, и при томъ именно русскому народу, а не другимъ народамъ. Мнѣніе, что т. наз. реформы должны совершаться по западнымъ шаблонамъ, является результатомъ западнаго самомнѣнія и противно какъ христіанству, такъ и здравому смыслу".

„Но, вѣдь, русскіе отличаются отъ прочихъ европейскихъ народовъ",—замѣтилъ я,—„не болѣе, чѣмъ европейскіе народы отличаются одинъ отъ другого. Поэтому и политика, пригодная для прочихъ народовъ, пригодна prima facie, и для русскихъ".

„Ни на одно мгновеніе не допускаю, чтобы европейская политика болѣе подходила къ европейскимъ народамъ, чѣмъ русская политика подходитъ къ Россіи: и тѣ и эта одинаково дурны и противны христіанству. (Какъ многіе другіе русскіе, Толстой всегда говоритъ о „Европѣ" какъ объ опредѣленной географической единицѣ, въ составъ которой Россія не входитъ). Но у всякаго народа есть свой особый духъ, столь же ясно опредѣленный, какъ и религіозный духъ, и всѣ эти разговоры о поправкахъ и передѣлкахъ имѣютъ не болѣе практической цѣны, чѣмъ предложеніе о передѣлкѣ религіи Конфуція по образцу христіанской религіи. И что стали бы мы дѣлать съ легальными гарантіями? Я отвѣчаю на этотъ вопросъ заявленіемъ, что для массы русскаго народа законъ совсѣмъ не существуетъ. Они смотрятъ на законъ или какъ я— какъ на нѣчто совершенно внѣшнее для нихъ, съ чѣмъ имъ нечего дѣлать, или же сознательно презираютъ его, какъ преграду и узы для ихъ внутренней жизни. Западная жизнь богаче русской во внѣшнихъ проявленіяхъ—политическихъ, гражданскихъ и художественныхъ. Для такой жизни законъ необходимъ, и на западѣ смотрятъ на законъ, какъ на вѣнецъ и охрану ихъ существованія. Жизнь же русскаго народа менѣе экспансивна, и поэтому русскіе не считаютъ законъ за дѣйствующее начало" (активный факторъ).

Лонгъ: „Но, вѣдь, русскіе подчиняются законамъ такъ же, какъ и мы"?.

Толстой: „Они подчиняются имъ, но не руководятся ими. Не подчиненіе закону, но совершенное пренебреженіе имъ—вотъ что сдѣлало нашъ народъ такимъ

миролюбивымъ и такимъ долготерпѣливымъ. И то же небреженіе закономъ сдѣлало нашихъ чиновниковъ величайшими плутами въ мірѣ. Вы спрашиваете—почему? Потому что народныя массы, пренебрегая всякими внѣшними ограниченіями, руководятся въ своей жизни совѣстью. Образованные же чиновники, продолжая придерживаться національнаго пренебреженія къ закону, въ тоже время освободились отъ совѣсти. У нихъ нѣтъ, т. обр., ни принциповъ, ни внѣшней узды, почему они и стали тѣмъ, чѣмъ мы ихъ знаемъ. Если я говорю, что русскіе руководятся въ своей жизни совѣстью, то я не хочу этимъ сказать, что у насъ менѣе нищеты и преступленій, чѣмъ въ Европѣ. Я хочу этимъ сказать только то, что совѣсть занимаетъ у насъ то мѣсто, которое на Западѣ принадлежитъ закону, и какъ у васъ законъ не въ силахъ предотвратить преступленія, точно также и здѣсь совѣсть, благодаря власти тьмы, не непогрѣшима. Практическое же различіе заключается въ томъ, что русскій крестьянинъ совершенно не въ состояніи испытывать къ преступнику презрѣніе или гнѣвъ. Онъ полагаетъ, что преступникъ—человѣкъ, попавшій въ бѣду по недостатку разсудительности или по страсти. Такова правда о такъ назыв. необразованныхъ русскихъ. Низшіе чиновники въ Сибири въ прямое нарушеніе закона разрѣшаютъ бездомнымъ ссыльнымъ ночевать въ общественныхъ баняхъ (?). Каковы бы ни были правительственныя распоряженія объ обращеніи съ преступниками, общее отношеніе къ нимъ сочувственно и добродушно".

Лонгъ: „Въ чемъ лежитъ главное различіе между западными европейцами и русскими"?

Толстой: „Это различіе заключается въ томъ, что русскіе болѣе христіане, чѣмъ европейцы. Да болѣе христіане. И это отличіе возникаетъ отнюдь не изъ факта болѣе низкой культурности русскаго народа, но вытекаетъ изъ самаго духа народа и обязано тому, что въ теченіи вѣковъ въ ученіи Христовомъ народъ находилъ единственное водительство и защиту. Вашъ народъ со времени реформаціи читаетъ Библію и при томъ сознательно-критически. Нашъ народъ только теперь начинаетъ читать, но онъ сохранилъ преданіе и ученіе Христово и, при отсутствіи защищающихъ его законовъ и учрежденій, онъ только въ немъ и могъ

находить руководство и правило для своей жизни. Этотъ-то элементъ, это упованіе на совѣсть и христіанство въ противоположеніе закону и образуетъ глубокую пропасть между Россіей и западными странами. Различіе между отдѣльными европейскими государствами всегда представлялось мнѣ незначительнымъ. Опредѣленіе француза какъ тщеславнаго, итальянца—какъ легко возбудимаго, англичанина—какъ холоднаго и разсчетливаго—можетъ быть очень вѣрнымъ. Но для русскаго и Франція, и Германія, и Англія представляются просто какъ бы отдѣльными областями одного и того же государства, сущность котораго въ отличіе отъ Россіи заключается въ матеріалистическомъ духѣ и въ томъ, что оно основано на законѣ. Въ Россіи совѣсть и христіанство занимаютъ то самое мѣсто, которое на Западѣ занимаютъ матеріалистическія воззрѣнія и законныя формы".

Лонгъ: „Итакъ вы полагаете, что Россія способна создать дѣйствительно болѣе высокій типъ цивилизаціи, чѣмъ западно-европейская"?

Толстой: „Этого я не могу сказать. Если подъ цивилизаціей вы разумѣете Западную цивилизацію, то не можетъ быть и рѣчи о сравнительной высотѣ. Я только говорю, что между нами есть существенное различіе".

Лонгъ: „Однако допустивъ, какъ вы, что условія русской жизни весьма далеки отъ совершенства,—на что находите вы возможнымъ опереться ради улучшенія этихъ условій"?

Толстой: „Разумѣется, не на то, что вы называете „западническими реформами". Ибо, признавъ, что между Россіей и Европой нѣтъ ничего общаго, нѣтъ основанія производить опыты въ Россіи надъ западными реформами. Западная система не сумѣла обезпечить истинной нравственности на самомъ Западѣ: почему же она должна дать лучшіе результаты въ странѣ, для которой она предназначена не была, чѣмъ въ странахъ, для которыхъ она именно и изобрѣтена? Самое большее, что мы можемъ допустить, это то, что русская система также обанкротится. Я же могу лишь повторить, что какъ для Россіи, такъ и повсюду единственнымъ средствомъ улучшенія положенія вещей является развитіе совѣсти и моральнаго чувства населенія".

Толстой продолжалъ въ томъ же духѣ, проявляя

все время полное несочувствіе къ ординарному русскому либерализму и въ частности къ марксизму—его наиболѣе популярной среди молодежи формѣ. Соціализмъ всѣхъ видовъ кажется ему немногимъ лучше деспотизма. Однако о коопераціи онъ говорилъ съ уваженіемъ, которое не совсѣмъ вяжется съ его абстрактнымъ осужденіемъ всѣхъ проявленій индустріализма.

II.

Толстой, какъ примѣръ. Вопросъ о томъ, насколько буквально графъ Толстой прилагаетъ свои принципы на дѣлѣ, подвергается частымъ обсужденіямъ, особенно въ Россіи, среди тѣхъ, кто не знаетъ его лично. Благодаря недостатку гласности и затруднительности свободнаго обсужденія, въ умахъ образованныхъ русскихъ людей по отношенію къ своему славному соотечественнику господствуетъ полная неопредѣленность. Однажды, незадолго до перваго свиданія моего съ Толстымъ, мнѣ пришлось присутствовать при спорѣ двухъ студентовъ. Какъ обыкновенно, оба студента считали себя уже зрѣлыми политическими мыслителями, при чемъ одинъ былъ славянофиломъ и реакціонеромъ, другой (сынъ мелкаго купца) фанатическимъ пропагандистомъ всѣхъ новыхъ доктринъ, начиная съ марксизма и кончая толстовствомъ. Ни тотъ, ни другой не знали о жизни Толстого рѣшительно ничего, и оба пускались на изумительныя басни, столь обычныя въ Россіи.

„Это величайшее лицемѣріе“, сказалъ славянофилъ. „Разъ человѣкъ, проповѣдуя бѣдность, самъ однако живетъ въ роскоши и держитъ два дворца на тѣ милліоны, которые получаетъ за свои романы, то онъ бы лучше—“.

„То ему бы лучше молчать“,—прервалъ радикалъ. „Такъ бы слѣдовало поступать вашему дядѣ, епископу, который тоже проповѣдуетъ бѣдность. Но Л. Н. вовсе не живетъ въ роскоши“.—И студентъ продолжалъ, мѣшая быль съ небылицами. Его противникъ противополагалъ Толстому о. Іоанна Кронштадтскаго, продолжая упрекать Толстого за его „два дворца“ и за проповѣдь общности имуществъ.

Такія воззрѣнія—весьма распространены въ извѣстномъ классѣ русскаго общества, гдѣ полагаютъ, что

разъ Толстой не ходитъ голымъ и не умираетъ съ голоду,—что было бы логическимъ приложенiемъ крайняго христiанства, то онъ, слѣдовательно, является пропагандистомъ такихъ правилъ поведенiя, соблюденiе которыхъ, какъ онъ знаетъ самъ, совершенно невозможно. Но отвѣтъ на вопросъ, насколько Толстой прилагаетъ къ своей ежедневной жизни проповѣдуемые имъ принципы, въ дѣйствительности очень простъ. Та двойственность умственнаго багажа Толстого, которая прежде всего бросается въ немъ въ глаза постороннему человѣку, здѣсь служитъ ему хорошую службу, освобождая его отъ необходимости вступать въ сдѣлки съ совѣстью. Ибо если, въ качествѣ проповѣдника нравственности, онъ исповѣдуетъ доктрины, которыя, при настоящемъ положенiи вещей, невозможно примѣнять, оставаясь въ то же время дѣятелемъ и реформаторомъ, то, какъ человѣкъ дѣловой, онъ сразу видитъ тѣ ограниченiя, которыя должны быть примѣнены къ его доктринамъ. Онъ довольствуется примѣненiемъ своихъ отвлеченныхъ правилъ жизни постольку, поскольку это совмѣстно съ высшею ступенью дѣятельности, которая ему доступна. Онъ видитъ, что, соблюдая свое ученiе буквально, онъ, быть можетъ, достигъ бы идеала „спасенiя своей души", но цѣна его, какъ творящей добро силы, свелась бы къ нулю. И онъ предпочитаетъ, рискуя погибелью своей души, лучше входить въ соглашенiе съ дѣйствительностью, чѣмъ упускать тѣ спецiальныя счастливыя „возможности", которымъ онъ обязанъ своимъ положенiемъ въ свѣтѣ. Отсюда-то мы и видимъ, что онъ, отрицая всякое правительство, тѣмъ не менѣе одобряетъ или осуждаетъ, сообразно ихъ индивидуальнымъ достоинствамъ, отдѣльныя дѣйствiя правительства; отказываясь платить налоги, онъ позволяетъ платить ихъ за него своимъ близкимъ; осуждая промышленность, онъ помогаетъ и сочувствуетъ индустрiальнымъ рабочимъ; отрицаетъ право собственности и, однако, беретъ деньги за свои труды, если полагаетъ, что сумѣетъ распорядиться этими деньгами цѣлесообразнѣе другихъ (такъ было съ „Воскресенiемъ", проданнымъ для помощи духоборцамъ). Такъ наз. ученiе Толстого всегда умѣряется потребностями текущей жизни. Отвлеченныя правила жизни соблюдаются имъ

точно, пока только они не ограничиваютъ его дѣятельности, направленной къ непосредственному добру.

Такъ, Толстой, какъ практическій дѣятель, всегда готовъ выступить въ качествѣ посредника между крестьянами окружающихъ его селъ и мѣстными властями, хотя, какъ мыслитель, онъ начисто отрицаетъ право первыхъ на противленіе, а у вторыхъ—даже на существованіе. И дѣйствительно, корень его доктрины „не противься злому" остается у него не болѣе, какъ нравственностью.

Жгучее осужденіе несправедливости едвали можетъ считаться проявленіемъ идеи непротивленія злому. Но Толстой щедръ на горькія осужденія; и въ то самое время, какъ провозглашаетъ категорически, что противленіе никогда не можетъ быть оправдано, самъ же первый выражаетъ тѣмъ свое сочувствіе всякому справедливому возмущенію. Совершенно вѣрно, что въ своихъ напечатанныхъ статьяхъ и обнародованныхъ письмахъ онъ рѣдко выражаетъ такія настроенія. Но эти письма и статьи посвящены *отвлеченному* изложенію причинъ политическихъ и общественныхъ золъ и неурядицъ. Въ частныхъ же разговорахъ, разсматривая тѣ же вопросы съ практической точки зрѣнія, онъ судитъ о нихъ въ свѣтѣ ихъ непосредственныхъ достоинствъ—добрыхъ и злыхъ. Такъ, если вы спросите мнѣніе Толстого о какой-либо войнѣ, онъ не колеблясь выскажетъ свое мнѣніе о томъ, на чьей сторонѣ правое дѣло, и даже выразитъ нравственное удовлетвореніе отъ успѣховъ правой стороны. Но спросите его черезъ 10 минутъ, существуютъ ли исключенія изъ правила: „не противься злому",—и онъ безъ колебаній отвѣтитъ: „нѣтъ".

Способность къ компромиссу въ приложеніи крайнихъ мнѣній—рѣдчайшее изъ всѣхъ качествъ дѣйствительно убѣжденныхъ соціальныхъ реформаторовъ—замѣчательнымъ образомъ проявляется въ семейной жизни Толстого. Совершенно вѣрно то, что графъ Толстой живетъ, если не во дворцахъ, то во всякомъ случаѣ въ домахъ, которые безконечно лучше девяносто девяти изъ сотни домовъ его соотечественниковъ. Не менѣе вѣрно и то, что какъ ни примитивно его одѣяніе, однако, оно удовлетворяетъ своему назначенію, чего нельзя

сказать объ одеждѣ большинства русскихъ крестьянъ. Пища его, хотя и проста, но разумѣется лучше и гораздо регулярнѣе, чѣмъ у нихъ. Черный кофе нельзя считать предметомъ первой необходимости, точно также и велосипедъ, однако я видѣлъ, что графъ пилъ послѣ обѣда кофе и въ предмѣстьяхъ Москвы ѣздилъ на велосипедѣ и верхомъ на конѣ безъ всякихъ угрызеній совѣсти.

Фактъ тотъ, что Толстой, не отступая отъ своихъ убѣжденій, давно уже пережилъ первый пылъ реформаторскихъ увлеченій. „Оставь все и слѣдуй за мной“— доктрина неудобовыполнимая и во всякомъ случаѣ несовмѣстимая съ наивысшимъ извлеченіемъ пользы изъ своихъ силъ. Даже Шелли, бывшій величайшимъ воплощеніемъ бѣлокалильнаго пропагандизма, какое только было порождено минувшимъ столѣтіемъ,—и тотъ иногда ѣлъ мясо и былъ женатъ дважды. И Толстой всегда готовъ пожертвовать золотникомъ самоусовершенствованія ради фунта практическаго добра. У него нѣтъ того себялюбія, которое побуждаетъ стремиться къ безусловному осуществленію своихъ ученій. Толстой хорошо понимаетъ, что та или иная уступка условностямъ—является дешевой платой за то уваженіе и помощь, которыя оказываютъ ему въ семьѣ, и за обладаніе средствами совершенствовать свои работы. Его позиція, б. м., не логична, но въ борбѣ между логикой и пользой логика всегда проигрывала. И вотъ лѣто онъ проводитъ въ имѣніи, занимаясь пашней, косьбой и жатвой, помогая убирать хлѣбъ какой-нибудь вдовѣ, вступаясь за бѣдняковъ предъ сборщиками податей и подавая крестьянамъ совѣты, какъ лучше вести хозяйство. При этомъ то обстоятельство, что онъ живетъ во „дворцѣ“, нисколько не безпокоитъ его совѣсти. И зимою, живя въ Москвѣ, онъ не считалъ своей непремѣнной обязанностью отгребать снѣгъ отъ фасада своего дома. Онъ знаетъ, что и для Евангелія, и для распространенія его лучше отдавать свое время перу, и что если его здоровье требуетъ упражненія или отдыха, то не грѣхъ владѣть для этого велосипедомъ или верховою лошадью, хотя для большинства человѣчества это недоступная роскошь.

Здѣсь будетъ, кажется, кстати привести выдержку изъ книги о Толстомъ Э. Мода, могущую бросить нѣ-

который свѣтъ на обсуждаемую двойственность Толстого.

„Благодаря такъ называемымъ «Толстовскимъ колоніямъ», въ которыхъ поселялись лица, стремящіяся упростить свою жизнь и возвратиться къ землѣ, распространено мнѣніе, что Толстой поощряетъ подобнаго рода опыты. Приводимыя ниже строки изъ письма Толстого, написаннаго въ мартѣ 1896 г. небольшой группѣ лицъ, жившихъ въ Кройдонѣ, называвшихъ себя „Братской церковью“ и собиравшихся основать колонію въ Пурлеѣ, въ Эссексѣ, могутъ исправить это мнѣніе.

„Прошлою ночью я видѣлъ во снѣ, что былъ въ Кройдонѣ у васъ и познакомился со всѣми вашими друзьями, съ г. Бекеромъ и нѣкоторыми дамами, и мы имѣли съ ними большой разговоръ на тему, которая всегда близка моему сердцу, т. е., всѣ мы должны направить всю нашу силу *не на нашу внѣшнюю обстановку* (во снѣ я видѣлъ, что вы живете въ коммунѣ въ одномъ большомъ домѣ), *но на внутреннюю жизнь*».

Четыре мѣсяца спустя онъ писалъ опять.

«Я думаю, что значительная часть всего зла міра обязана нашему желанію видѣть *осуществленіе* того, къ чему мы стремимся, *но къ чему еще не вполнѣ готовы*, благодаря чему жизнь наша становится лишь подобіемъ, видимостью того, что должно быть... Мы созданы такъ, что не можемъ достигнуть совершенства ни по одиночкѣ, ни группами, но—по самой природѣ дѣла—только всѣ вмѣстѣ».

Все это характерно не только для графа Толстого, но для русскихъ вообще. Русскій съ великой поспѣшностью устремляется приводить въ дѣйствіе всякую свою мысль (обстоятельство, благодаря которому революціонеры-теоретики опаснѣе въ Россіи, чѣмъ гдѣ бы то ни было), и въ то же самое время онъ меньше всего можетъ быть признанъ поклонникомъ абсолютныхъ идеаловъ какъ въ области мысли, такъ и въ области дѣйствія. Такъ оно въ литературѣ, такъ и въ самой русской жизни. Лучшіе русскіе романы отличаются отъ романовъ европейскихъ полнымъ отсутствіемъ въ обрисовкѣ человѣческихъ характеровъ абсолютныхъ типовъ добра или зла, красоты или безобразія. Во всѣхъ произведеніяхъ Толстого и Тургенева нѣтъ ни единаго характера, олицетворяющаго собою какое-нибудь абсо-

лютное качество, хорошее или дурное. Фанатикъ или человѣкъ, охваченный какой-либо idée fixe, неизмѣнно приходитъ у нихъ къ дурному концу. Разумный компромиссъ между идеями и фактами является существеннымъ условіемъ всякаго плодотворнаго труда. Эта особенность русскихъ идей замѣчательно иллюстрируется въ извѣстномъ романѣ Тургенева „Новь". Герой ея, Неждановъ, человѣкъ съ idée fixe, терпитъ полную неудачу въ попыткѣ приложить свои идеи къ жизни. И тѣ же самыя идеи, лишь не доведенныя до краснокалильной температуры и потому болѣе легко приложимыя къ существующимъ условіямъ, торжествуютъ въ рукахъ практичнаго Соломина. По разсказамъ, одной изъ любимыхъ книгъ Толстого является извѣстный трудъ Морлея „О компромиссѣ". Это весьма вѣроятно. Самая жизнь Толстого является удивительнымъ примѣромъ приложенія крайнихъ идей къ дѣйствію. Онъ придерживается буквальныхъ предписаній христіанства столь точно, сколько это возможно для человѣка, который вмѣстѣ съ тѣмъ цѣнитъ и практическое добро.

Но въ столкновеніяхъ между его идеями и непосредственными нуждами окружающаго міра, побѣду одерживаетъ всегда практическая сторона его характера.

* *
*

Графъ Толстой и русскіе люди. Каковы дѣйствительныя отношенія къ Толстому народа, которому онъ служитъ и который идеализируетъ? Каковы взгляды народа на Толстого, какъ на общественную силу?

Мы знаемъ, что правящіе классы не довѣряютъ и боятся его, и что образованные русскіе, относясь къ Толстому съ восхищеніемъ, какъ къ художнику, осмѣиваютъ его, какъ моралиста и политическаго философа. Самъ же Толстой выше всего ставитъ именно свое нравственное учительство; художественныя же произведенія свои онъ считаетъ въ лучшемъ случаѣ лишь орудіемъ и притомъ, какъ онъ неоднократно заявлялъ, негоднымъ орудіемъ.

Итакъ—правящіе класы не довѣряютъ Толстому; интеллигенція, уважая его за нравственное мужество и смѣлое заступничество за слабаго, на толстовское апостольство смотритъ съ полнымъ пренебреженіемъ.

Какъ же относится къ Толстому та непоколебимая скала, на которую опирается Россія,—народъ? Но народъ безмолвенъ, и надо глубокое знаніе русской жизни, чтобы дать на этотъ вопросъ сколько-нибудь удовлетворительный отвѣтъ.

Толстой самъ говорилъ, что многіе изъ окрестныхъ крестьянъ смотрятъ на него, только какъ на рогъ изобилія и заступника во время какой-нибудь бѣды. Какъ русскіе мужики смотрятъ на непрошенныхъ благодѣтелей, Толстой показалъ въ „Воскресеніи", гдѣ князю Нехлюдову никакъ не удается убѣдить ихъ въ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ; извѣстенъ также фактъ, что когда во время уничтоженія крѣпостного права просвѣщенные и доброжелательные помѣщики хотѣли дать освобождаемымъ щедрые надѣлы, то крестьяне уклонялись отъ этого, подозрѣвая какую-нибудь ловушку. Мужичья недовѣрчивость, оставшаяся по наслѣдству отъ временъ рабства, сильна между русскими и теперь.

Въ то же время крестьяне чрезвычайно отзывчивы на доброе обращеніе съ ними, если только они убѣждены, что оно безкорыстно. Но ему нужно прежде убѣдиться въ этомъ, и Толстой не избѣгъ судьбы, предуготовленной его предками.

Какъ смотрятъ крестьяне на Толстого въ его роли реформатора и проповѣдника?—„Я прилагалъ не мало стараній для разрѣшенія этого вопроса. Самый одобрительный отзывъ, который мнѣ пришлось услышать отъ мужика о Толстомъ, заключался въ короткой фразѣ: „онъ хорошій баринъ". Этотъ крестьянинъ читалъ „Войну и миръ" и небольшую брошюру Толстого о трезвости. У большинства же мужиковъ я встрѣчалъ замѣчательное единодушіе въ опасливой подозрительности. Нѣкоторые осуждали его, какъ безбожника, другіе разсказывали самыя нелѣпыя басни объ отношеніяхъ его къ правительству; такъ одинъ хладнокровно сообщилъ мнѣ, что графъ состоитъ у властей на жалованьѣ за то, что заохочиваетъ народъ къ военной службѣ. Говоря кратко, народныя массы знаютъ только объ имени Толстого и еще о томъ, что онъ носитъ крестьянскую одежду.

А духоборческія волненія, такъ печально окончившіяся, подъ чьимъ вліяніемъ возникли? А возникновеніе и успѣшное развитіе секты толстовцевъ среди крестьянъ Харьковской и другихъ губерній не говоритъ ли о довольно сильномъ вліяніи Толстого на народъ?

Нѣтъ сомнѣнія, что такому отсутствію *сильнаго вліянія*, съ одной стороны, и громкой славѣ за границей, съ другой, и слѣдуетъ приписать ту снисходительность, съ которою русское правительство относится къ Толстому. Какъ философъ, Толстой безъ сомнѣнія имѣетъ больше послѣдователей въ любомъ самомъ незначительномъ государствѣ Европы, чѣмъ въ своей великой родинѣ. Поэтому правительству нечего опасаться какихъ—либо практическихъ осложненій со стороны „толстовства". Единственной, приложимой къ текущей дѣйствительности, частью ученія Толстого является его антимилитаризмъ. Но антимилитаризмъ русскаго сектантства значительно болѣе ранняго происхожденія, чѣмъ толстовство, и слѣдовательно обязанъ своимъ зарожденіемъ не Толстому, хотя Толстой своими писаніями въ заграничной печати безспорно оказалъ имъ значительную нравственную поддержку.

За границей вліяніе Толстого безспорно возрастаетъ; почему же оно не возрастаетъ соразмѣрно тому и въ самой Россіи?

Иностранцевъ привлекаютъ къ себѣ новизна и непримиримый, не входящій ни въ какія сдѣлки характеръ его ученія, пока оно остается въ области чистаго отвлеченія. Въ Россіи же это ученіе далеко не ново. Демократическая вѣра въ народъ на много лѣтъ старѣе Толстого. Великое русское общественное движеніе средины истекшаго столѣтія, движеніе, по отношенію къ которому Толстой является лишь наслѣдникомъ, породило множество образованныхъ мужчинъ и женщинъ, которые пробовали на время достигнуть того, что Толстой сдѣлалъ навсегда,—а именно опрощенія. Эти люди такъ же, какъ и Толстой, были убѣждены, что только при условіи такого опрощенія они могутъ слиться съ народомъ, и что, только раздѣляя бремя его жизни, они смогутъ поднять народъ изъ праха. Тургеневъ, бытописатель этого движенія, показываетъ намъ, какъ это движеніе кончилось разочарованіемъ и разбитыми иллюзіями. Этотъ порывъ былъ слишкомъ пылокъ, чтобы его хватило надолго, и слишкомъ мало согласовался съ дѣйствительностью, чтобы имѣть успѣхъ хотя бы на время. Мечтатель Тургенева, не умѣвшій найти съ народомъ иной общей почвы, кромѣ совмѣстнаго съ нимъ отравленія себя кабацкой сивухой,—типъ извѣстный и

весьма характеристичный. Даже практичный Базаровъ, не допускавшій ни мечтаній, ни идеаловъ, находилъ. что мужики не въ состояніи понимать его языка. Послѣдователи Тургеневскихъ героевъ въ дѣйствительной жизни имѣли не болѣе успѣха. Самоубійство, Сибирь или эмиграція были удѣломъ огромнаго большинства изъ нихъ. Но первый жаръ этого преобразовательнаго движенія уже остылъ, когда Толстой попалъ, не сознавая того, подъ его вліяніе, и первый русскій, которому удалось показать, насколько осуществимо отождествленіе съ народомъ, — имѣлъ въ своемъ отечествѣ очень мало послѣдователей. За границей же, съ другой стороны, такъ называемое „толстовское ученіе“ ново, и нѣтъ въ Европѣ такой страны, гдѣ оно не находило бы себѣ большаго или меньшаго числа приверженцевъ.

Успѣхъ Толстого въ дѣлѣ опрощенія и сближенія своей жизни съ народной особенно замѣчателенъ потому, что для этого, казалось, нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній. Онъ происходилъ изъ семьи, роскошь которой, по разсказамъ, была такъ велика, что его дѣдъ, напр., посылалъ стирать свое бѣлье въ Голландію; его воспитаніе протекло при весьма неблагопріятныхъ условіяхъ; его семейныя привязанности были очень запутаны, и перемѣна въ его воззрѣніяхъ начала совершаться въ тотъ моментъ, когда старый пылъ самопожертвованія былъ потушенъ разочарованіемъ. Сверхъ того, какъ человѣкъ практическій, онъ всегда имѣлъ совершенно отчетливое представленіе объ условіяхъ русской жизни. Истинное объясненіе его успѣха заключается, повидимому, въ томъ, что его никогда не сбивало съ пути реформаторское рвеніе.

Въ качествѣ образца и учителя онъ избралъ себѣ крестьянина Сютаева, и смотритъ онъ на крестьянскую жизнь не какъ на нѣчто такое, что нужно поднять и возвысить до собственнаго уровня,—но какъ на идеалъ, уже осуществившійся въ дѣйствительности. Русскіе реформаторы смотрѣли на крестьянство, лишь какъ на очень цѣнный сырой матеріалъ, который проявитъ свою истинную цѣну лишь послѣ того, какъ пропитается революціонною моралью и революціонными политическими идеями.

Толстой же никогда не чувствовалъ расположенія къ революціи; что же касается морали, то именно въ

народѣ онъ находилъ лучшіе и чистѣйшіе образцы ея. Онъ убѣжденъ, что культура не оказываетъ на нравственность возвышающаго вліянія, и вслѣдствіе этого сталъ скорѣе ученикомъ, чѣмъ учителемъ въ великой крестьянской школѣ. Здѣсь чаще, чѣмъ гдѣ-либо въ другихъ словахъ своего народа, онъ встрѣчалъ истинно этическую троицу: чистоту, смиреніе и любовь.

Поэтому онъ уважаетъ народъ не за то, чѣмъ онъ будетъ или можетъ быть, а за то, что онъ есть.

Ясно, что именно въ этомъ заключается отличіе Толстого отъ сотенъ другихъ русскихъ, посвящающихъ свою жизнь своему народу и пріобрѣтающихъ за то въ лучшемъ случаѣ репутацію „чудаковъ“ и добродушное презрѣніе народа, который не понимаетъ ихъ и самъ непонятенъ для нихъ.

Толстой находитъ, что народъ осуществляетъ не только его нравственное ученіе, но и эстетическія доктрины. Народная жизнь, — говоритъ онъ,—не только базисъ всякой истинной морали, но и всякаго истиннаго искусства. То, что не понятно самому немудрому изъ малыхъ сихъ, не устаетъ повторять онъ, то *не* истиное искусство. Оно—„средство общенія“, „условіе человѣческой жизни“. Замѣчаніе одного знаменитаго соотечественника его, что Тургеневскія „Записки охотника“ исчерпали всю русскую народную жизнь, вызвало въ немъ гнѣвъ, и онъ съ негодованіемъ спрашивалъ:

„Жизнь народа исчерпана? — жизнь народа съ его многообразнымъ трудомъ, опасностями на землѣ и на морѣ, отношеніями къ нанимателямъ, хозяевамъ, товарищамъ, къ людямъ иныхъ вѣръ и народностей, его странствованія и скитанія, борьба съ природой, дикими звѣрями, его отношенія къ домашнимъ животнымъ, всѣ задачи его личной и семейной жизни,—всѣ эти интересы, насквозь проникнутые религіознымъ чувствомъ... неужели все это уже исчерпано и должно дать дорогу описаніямъ того, какъ одинъ герой поцѣловалъ руку своей дамы, другой плечо, а третій еще что-нибудь,— неужели все это должно дать дорогу тому *другому* искусству, единственной задачей котораго служитъ лесть тщеславію, заполненіе скуки и возбужденіе эротизма?“

Это не искусство,—говоритъ онъ.

Мы касаемся здѣсь воззрѣній Толстого на искусство, потому что они находятся въ нѣкоторой координаціи

съ его нравственными воззрѣніями и дополняютъ ихъ. Какъ жизнь народа, по мнѣнію Толстого, лучшая, въ принципѣ, изъ извѣстныхъ намъ формъ существованія, такъ и его искусство, а также искусство, создаваемое по его образцу,—есть лучшее изъ всѣхъ видовъ искусства. Изъ этого видно, что моральныя и эстетическія воззрѣнія Толстого взаимно неразрывны, и самая производительность Толстого, какъ художника, — въ томъ смыслѣ, какъ это понимается Толстымъ, — во много разъ усиливается образомъ его жизни. Трудъ, которому онъ отдается въ полѣ и на пашнѣ, странствованія изъ деревни въ деревню, посѣщеніе ночлежныхъ домовъ и тюремъ, наставленіе крестьянъ въ имѣніи, басни и сказки, написанныя спеціально для народа, его популярныя изложенія научныхъ и моральныхъ вопросовъ,—все это не только составляетъ часть того, что онъ считаетъ идеальной жизнью, но и необходимую часть, такъ сказать, вооруженія и снаряженія всякаго истиннаго художника. Именно благодаря обращенію съ народомъ Толстой пріобрѣлъ себѣ тотъ могущественный стиль и благую и живительную рѣчь, которая льется потокомъ, когда она увлечется горячей бесѣдой.

Несмотря на все это, было бы невѣрно сказать, что Толстой пользуется въ какомъ-нибудь классѣ русскаго народа широкимъ вліяніемъ. Невозможно, конечно, сказать, что сдѣлаетъ изъ его ученія грядущее. Въ настоящее же время массы русскаго народа слишкомъ подвержены мистическимъ эволюціямъ, чтобы испытывать какое-либо влеченіе къ раціоналистическому вождю, еще облеченному въ плоть и кровь. Но нѣтъ сомнѣнія, что если народъ останется при настоящемъ уровнѣ культуры и впредь, то черезъ 50 лѣтъ онъ въ состояніи воскресить толстовство, какъ религіозный культъ, придавъ основателю его сверхъестественныя аттрибуты и окруживъ имя его такими легендами и баснями, отъ которыхъ Толстой пришелъ бы въ ужасъ.

И въ то же самое время Толстой, какъ живой человѣкъ, въ своемъ непосредственномъ кругѣ пользуется несравненно большимъ значеніемъ, чѣмъ какъ пророкъ въ болѣе широкой области.

Но если Толстой не имѣетъ широкаго вліянія въ Россіи, то какова же его цѣна, какъ представителя русскихъ идей?

На это впереди всего слѣдуетъ отвѣтить, что его философія есть общечеловѣческая философія въ ея приложеніи къ жизни (хотя Толстой и находитъ, что сѣмена ея болѣе широко разсѣяны именно въ Россіи, чѣмъ въ другихъ странахъ) и еще болѣе общедоступна чѣмъ его художественныя произведенія. Однако Толстой дѣйствительно служитъ правдивѣйшимъ выразителемъ русской жизни. Если онъ и не создалъ секты, но за то самъ онъ порожденъ русскимъ сектантствомъ. Въ своемъ отечествѣ Толстой не учитель, а ученикъ. И только за границей Толстой выростаетъ въ ростъ революціоннаго апостола новыхъ нравственныхъ воззрѣній. Отношенія же его къ соотечественникамъ заключаются въ томъ, что онъ выражаетъ, обнаживъ отъ мистицизма, практическую религію, воодушевляющую огромное число русскихъ сектантовъ, каковы духоборцы, молокане, штундисты и бѣгуны. Насколько онъ правъ, объявляя, что и масса русскаго народа вообще пропитана тѣмъ же самымъ духомъ, — это другой вопросъ. И если онъ правъ въ этомъ, то все-таки остается вопросомъ, являются ли здѣсь опредѣляющимъ факторомъ племенныя особенности русскаго народа, какъ полагаетъ Толстой, или просто низкій уровень культуры этой страны и ея населенія. Но и тотъ, и другой взглядъ въ равной мѣрѣ, какъ кажется, долженъ привести къ отрицанію всеобщей приложимости его ученія. Если русскій мужикъ—истинная соль земли, благодаря своей расѣ и исторіи, то какъ же быть народамъ другихъ племенъ и историческихъ условій? Если же онъ лучше другихъ только потому, что ведетъ первобытную жизнь, то какъ же быть съ будущимъ его и будущимъ болѣе передовыхъ расъ? Вѣдь Толстой не мечтатель и понимаетъ очень хорошо, что машину цивилизаціи, если угодно: „лже-цивилизаціи“ — не остановишь. Когда такіе вопросы ставятъ Толстому, какъ практическому дѣятелю, онъ отвѣчаетъ на нихъ, какъ академическій мыслитель, заявляя, что послѣдствія его не касаются, что они ничего не значатъ, какъ они ничего не значатъ для проповѣдника абсолютнаго воздержанія въ „Крейцеровой Сонатѣ“. Каждый долженъ поступать, какъ велитъ совѣсть. А остальное — пусть хоть пропадетъ.

IV.

Французскій писатель Леонъ Доде о гр. Толстомъ и о духоборахъ.

Сообщаемъ въ точномъ переводѣ интересную статью Доде, подъ заглавіемъ „Астрономъ“, напечатанную имъ въ одномъ изъ французскихъ журналовъ, послѣ представленія на сценѣ извѣстнаго произведенія гр. Толстого „Воскресенье“.

„Воскресенье“ драма, искусно извлеченная изъ талантливаго романа Льва Толстого, появилась на сценѣ Одеона одновременно съ печальными извѣстіями объ ученикахъ маститаго-писателя, несчастныхъ духоборахъ. Совпаденіе это такъ знаменательно, что не можетъ не выдвигать на первый планъ современности знаменитаго мыслителя Ясной Поляны.

Неуклонно и съ изумительною невозмутимостью шествуетъ старый астрономъ къ намѣченной звѣздѣ и, въ то время, какъ глаза его устремлены къ недосягаемому идеалу, сумасбродныя и безчеловѣчныя его теоріи, какъ растерявшіяся руки слѣпца, ощупью и наобумъ, неумолимо ввергаютъ въ бездну подвертывающіяся подъ нихъ жертвы.

Духоборы, эти новѣйшіе иллюминаты, соблазнившись принципомъ „непротивленія злу насиліемъ“, отказываются носить оружіе, владѣть землей и обработывать ее иначе, какъ коллективно, платить подати, поставлять рекрутъ, узаконять браки, убивать животныхъ, употреблять ихъ мясо въ пищу, шерсть и шкуру на одежду... Невольно навертывается вопросъ: почему бы имъ такъ воздерживаться отъ ходьбы по землѣ, чтобъ не унижать ее, и отъ дыханія, чтобъ не портить воздухъ?

Покинувъ родину, злосчастные послѣдователи новаго евангелія эмигрировали въ Америку, гдѣ скитаются съ мѣста на мѣсто, нигдѣ не находя ни сочувствія ни пристанища. Отовсюду гонимые, какъ безполезные члены общества, законамъ котораго они представляютъ, хотя и пассивное, но тѣмъ не менѣе упорное сопротивленіе, всѣми презираемые за чрезмѣрное и противное здравому смыслу и чувству человѣческаго достоинства смиреніе, они постепенно вымираютъ медленною, мучитель-

ною смертью, ни въ комъ не возбуждая даже сострадания.

Мистическая эпопея потерпѣла крушеніе. Жизнь и здравый смыслъ жестоко мстятъ поправшимъ ихъ права.

А какъ относится къ этому явленію учитель? Онъ шлетъ имъ издалека одобренія, увѣщанія упорствовать и поученія. Онъ кричитъ имъ съ того берега: „Плывите, плывите, не сомнѣвайтесь въ непогрѣшимости моего ученія“!

Достиженіе абсолютной справедливости и равенства возможно только въ смерти,—и онъ спокойно ждетъ, чтобъ несчастные духоборы вошли въ вѣчное блаженство черезъ врата смерти и чтобъ на трупахъ ихъ произошло сліяніе буддизма съ христіанствомъ.

Не будь поступки этого своеобразнаго педагога и убійцы издалека, по послѣдствіямъ своимъ такъ ужасны, надъ нимъ можно было бы отъ души посмѣяться, но, къ сожалѣнію, наша эпоха, упразднивъ законы Бога и традиціи, съ рабскимъ суевѣріемъ преклоняется передъ представителями новыхъ идей, во главѣ которыхъ стоитъ жестокій теоретикъ „Воскресенія“.

Евреи, никогда не упускающіе случая прицѣпиться ко всему, что можетъ смутить спокойствіе страны и расшатать ея основы, съ особеннымъ восторгомъ усыновили Толстого. Нѣтъ такого сына или племянника жида финансиста, который не готовъ бы проповѣдывать „Власть тьмы“ народу и объяснять ему великое значеніе новой религіи.

Въ тотъ вечеръ въ Одеонѣ, когда среди роскошной филантропической обстановки, князь Нехлюдовъ, терзаемый угрызеніями совѣсти, сомнѣніями и недоумѣніями, стремится спасти душу Масловой великолѣпными фразами и непримѣнимыми на практикѣ средствами, безчеловѣчными вслѣдствіе чрезмѣрной гуманности, я любовался жидами.

Какъ расчувствовались наши крокодилы!

Плакали юные завсегдатаи кулисъ съ козлинымъ или верблюжьимъ профилемъ, которые, послѣ смерти своихъ папашъ, будутъ продолжать ихъ дѣло—раззоренія Франціи. Рыдали почтенные представители правосудія, способствовавшіе бѣгству и безнаказанности столькихъ мерзавцевъ и мошенниковъ. Громко негодовали, при видѣ непонятой проститутки, торговцы живымъ товаромъ всего свѣта.

Былъ тутъ и отпрыскъ извѣстнаго вора, пустившаго по міру великое множество семействъ. Съ азартомъ хватаясь за сѣдую голову, онъ, съ восторженностью духобора, объяснялъ своему сосѣду, давно потерявшему стыдъ и совѣсть, сенатору, величіе міровой скорби, проповѣдуемой со сцены.

Извѣстно, что Израиль всегда стоитъ за идею равенства и братства... чтобъ удобнѣе грабить названныхъ братьевъ, а изъ награбленныхъ милліоновъ удѣлить грошъ на свѣчу передъ алтаремъ всемірнаго союза.

Театръ—великая школа. И учитъ онъ не однимъ тѣмъ, что представляется на сценѣ, а также и тѣмъ, что проявляетъ публика. Во время представленія „Воскресенія“, я понялъ таинственную причину современной моды на такихъ писателей, какъ Толстой. Не признающіе родину космополиты черпаютъ изъ его ученія мнимо благородное оправданіе своей подлой трусости и эгоизма. Презрѣніе къ имуществу не можетъ не прельщать аферистовъ, падкихъ до чужого добра, которые набѣгутъ со всѣхъ сторонъ, чтобъ захватить имѣнія и капиталы князей Нехлюдовыхъ. Жадные представители золотого Гетто всегда являются ярыми почитателями альтруизма. Въ непротивленіи злу насиліемъ, въ пышныхъ тирадахъ противъ милитаризма, исконные враги арійскихъ обществъ усматриваютъ походъ къ разоруженію и апологію трусости. Въ кликѣ „Долой оружіе“! имъ особенно нравится перспектива повышенія курса. Когда народы будутъ обниматься, какъ удобно будетъ опустошать ихъ карманы!

И вотъ почему, въ то время, какъ князь Нехлюдовъ, патетически ударяя себя въ грудь, клеймилъ условную ложь общества, я видѣлъ вокругъ себя еще гнуснѣйшую и преступнѣйшую ложь. Ту ложь, что пользуется чувствительностью сердца и святыми слезами состраданія, чтобъ методически эксплоатировать простосердечіе и недомысліе.

Сквозь несомнѣнный геній автора, я прозрѣвалъ ясно современное лицемѣріе, находящее извиненіе своимъ мерзкимъ поступкамъ въ проповѣди милосердія, соболѣзнующей однимъ проституткамъ, мошенникамъ и нарушителямъ государственныхъ постановленій, устраивая шествія изъ плакальщицъ и почитателей, вокругъ нравственныхъ уродовъ.

И уже всюду начинаютъ проявляться тлетворныя послѣдствія этого апофеоза паденія и преступленія: покидающее насъ мужество замѣняется сантиментальностью.

Представляется мнѣ такая сцена: послѣдній изъ духоборовъ, спасшійся чудомъ отъ смерти, является въ Ясную Поляну, гдѣ свилъ себѣ уютное гнѣздо проповѣдникъ опасныхъ заблужденій и, обнаживъ язвы своей истерзанной души и изможденнаго тѣла, предлагаетъ ему такіе вопросы: „Почему ты, носитель священнаго разума, натолкнулъ насъ на дурной путь? Въ „Воскресеніи“ ты изобразилъ человѣка, который для удовлетворенія своего сладострастія погубилъ женщину, но что ты скажешь про того человѣка, который, съ преступною самонадѣянностью, навелъ тысячи людей на бродяжничество, на бунтъ, свелъ ихъ съ ума мечтательными бреднями и довелъ до медленной и мучительной смерти? Вотъ я передъ тобой, какимъ ты меня сдѣлалъ, изможденный и безнадежно несчастный, отвсюду гонимый и всѣми презираемый. Я воплощеніе твоей идеи. Призраку моему на сценѣ шумно аплодируютъ, но передо мною, печальнымъ олицетвореніемъ дѣйствительности, всѣ двери заперты. Любуйся же плодомъ идеи, навѣянной на тебя подъ звѣзднымъ небомъ, въ праздничномъ пасхальномъ сіяніи, въ радости и свѣтѣ, идеѣ мертворожденной и тлетворной, изъ которой, увы, ничего не можетъ выйти!..

Леонъ Доде.

XXI.

Историческая справка.

По городу ходитъ Апологія графа Л. Н. Толстого (отъ 4 апрѣля 1901 года).

Эта Апологія подтверждаетъ лишь извѣстное Толстовское вѣроученіе, отрицающее святую Соборную и Апостольскую Церковь Христову съ ея благодатными таинствами, божественными догматами и священными обрядами.

Послушавъ этотъ катихизисъ, мнѣ представился евангельскій волкъ, хищникъ въ одеждѣ овчей. Слово Божіе предостерегаетъ насъ: *Внемлите же отъ лживыхъ пророкъ, иже приходятъ къ вамъ во одеждахъ овчихъ, внутрь же суть волцы хищницы* (Мтѳ. 7, 15).

Невольно мысли переходятъ къ другому *совопроснику вѣка сего*,— А. И. Герцену... Но какая разница между тѣмъ и другимъ!

Покойный Л. Н. Майковъ свидѣтельствовалъ, и его свидѣтельство врѣзалось въ мое сердце, что въ бытность свою въ Лондонѣ, въ началѣ 60-хъ годовъ, онъ посѣтилъ съ однимъ изъ своихъ соотечественниковъ Герцена. Спутникъ Майкова, желая блеснуть своимъ образованіемъ предъ тогдашнимъ кумиромъ, сталъ говорить ему, что Россія погрязла въ самомъ грубомъ суевѣріи, и для примѣра привелъ богомольное поклоненіе вѣрующихъ чудотворной иконѣ Божіей Матери,— это „*доскѣ*“ (!) въ Казанскомъ соборѣ.

Къ величайшему изумленію „образованнаго“ человѣка, Герценъ, выслушавъ его, такъ разразился:

„Какое вы имѣете право, милостивый государь, глумиться надъ тѣмъ, что составляетъ святыню для милліоновъ, и оскорблять ихъ самыя высокія чувства. Если мы съ вами потеряли вѣру, то это наше несчастіе“.

Приведенное свидѣтельство Л. Н. Майкова вполнѣ подтверждаетъ и самъ Герценъ. Вспомнимъ, какъ скорбѣлъ онъ о томъ, что его отдѣляетъ отъ И. В. Кирѣевскаго *церковная стѣна*, и какъ умилительно передаетъ Герценъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, слѣдующій разсказъ И. В. Кирѣевскаго:

„Я разъ стоялъ въ часовнѣ,—говорилъ Кирѣевскій Герцену,—смотрѣлъ на чудотворную икону Богоматери и думалъ о дѣтской вѣрѣ народа, молящагося Ей; нѣсколько женщинъ, больные старики стояли на колѣняхъ и, крестясь, клали земные поклоны. Съ горячимъ упованіемъ глядѣлъ я потомъ на святыя черты, и мало-по-малу тайна чудесной силы стала мнѣ уясняться. Да, это не просто доска съ изображеніемъ... Вѣка цѣлые поглощала она эти потоки страстныхъ возношеній, молитвъ людей скорбящихъ, несчастныхъ. Она сдѣлалась живымъ органомъ, мѣстомъ встрѣчи между Творцомъ и людьми. Думая объ этомъ, я еще разъ посмотрѣлъ на старцевъ, на женщинъ съ дѣтьми, поверженныхъ во прахъ, и на святую икону, тогда я самъ увидѣлъ черты Богородицы одушевленными. Она съ милосердіемъ и любовью смотрѣла на этихъ простыхъ людей... И я палъ на колѣни и смиренно молился Ей“.

Этотъ трогающій до слезъ разсказъ Герцена о Кирѣевскомъ, помѣщенный въ книгѣ V *Жизни и Трудовъ М. П. Погодина* (стр.472), усладилъ послѣдніе дни жизни Царственнаго Страдальца, Наслѣдника Цесаревича Великаго Князя Георгія Александровича.

17 мая 1899 года я имѣлъ счастіе получить изъ Аббасъ-Тумана, за подписью Свиньина, слѣдующую телеграмму:

„Наслѣдникъ Цесаревичъ съ глубокимъ вниманіемъ прослушалъ незабвенныя строки въ память Кирѣевскаго и Герцена. Спасибо, спасибо вамъ“.

Аббасъ-туманскою телеграммой я подѣлился съ преосвященнымъ Назаріемъ и съ С. А. Рачинскимъ, и послѣдній 26 мая того же 1899 года изъ своего Татева писалъ мнѣ.

„Очень вамъ благодаренъ за вѣсточку про Аббасъ-Туманъ: О Царственномъ страдальцѣ, обреченномъ недугомъ на постоянное изгнаніе, мы слышимъ такъ мало! Дай Богъ, чтобы закатъ Его юныхъ дней продолжали озарять его высокія думы о вѣчныхъ вопросахъ, разрѣшеніе коихъ, увы, для него приближается“.

Наконецъ, какъ трогательно, напримѣръ, описаніе Герцена похоронъ его друга и родственника Вадима Пассека въ Симоновомъ монастырѣ!

„Въ Симоновѣ,—повѣствуетъ Герценъ, — покойника встрѣтилъ самъ архимандритъ Мальхиседекъ, бывшій

пріятелемъ съ Вадимомъ, и эта дань уваженія была хороша. Когда гробъ опустили въ могилу, архимандритъ подошелъ ко вдовѣ и сказалъ:

— „Довольно, это не наше, въ церковь за мной, молиться Богу.

„И мы вошли въ церковь уже безъ покойника, уже онъ сталъ совершенно прошедшее. Вотъ гдѣ крѣпость религіи. Въ эти минуты человѣкъ все готовъ сдѣлать, чтобы найти выходъ и примиреніе. Религія врачуетъ все. Когда мыслитель, гражданинъ говоритъ о подчиненіи индивидуальнаго всеобщему, на нихъ смотрятъ, какъ на людей безъ сердца; когда художникъ или ученый скажетъ, что звукъ его лиры, его кисть утѣшительница въ его горести—назовутъ эгоистомъ. А когда религія рѣзко говоритъ: „оставь, это мое, идемъ молиться, покоряйся безропотно“, тогда все покоряется и склоняетъ колѣна, безъ разсужденій, повинуясь слѣпо“.

Не суетное авторское тщеславіе (ибо въ сей *Справкѣ* являюсь лишь *тростію книжника скорописца*) руководило мною, но упованіе, что содержимое въ „Исторической Справкѣ“ *доброе и полезное* можетъ запасть въ душу кому-либо изъ юныхъ, которые въ настоящее время составляютъ предметъ серіозной заботы Правительства нашего [1]).

Николай Барсуковъ.

Генри Друммондъ и Левъ Толстой.

(Значеніе церковныхъ обрядовъ въ религіозной жизни христіанина).

Генри Друммондъ—профессоръ естественныхъ наукъ Гласговскаго университета (въ Англіи).

Немногіе, вѣроятно, слыхали это имя и мало кто знакомъ съ его религіозно-нравственными воззрѣніями. А между тѣмъ они таковы, что именно въ настоящее время всего умѣстнѣе вспомнить о нихъ. Друммондъ, какъ сказано выше, профессоръ и въ будни читаетъ лекціи по физикѣ, а по воскресеньямъ ведетъ бесѣды

---

[1]) Моск. Вѣд. № 186.

со студентами на нравственныя и религіозныя темы. Эти его бесѣды въ Англіи пользуются громадною популярностью и, будучи отпечатаны, разошлись въ 900 тысячахъ экземпляровъ. Нашелся добрый человѣкъ (С. Долговъ), перевелъ ихъ и на русскій языкъ подъ заглавіемъ „Самое великое въ мірѣ". Брошюрка небольшая по объему, но по внутреннему содержанію заслуживаетъ того, чтобы о ней вспомнить, особенно въ настоящее время религіознаго шатанія (книга издана въ 1893 г.). Какъ это ни покажется страннымъ, однако это фактъ, что Друммондъ, хотя иновѣрецъ, но многимъ православнымъ не лишне поучиться у него, „какъ подобаетъ въ дому Божіи жити", и особенно тѣмъ, которые думаютъ, что они всѣхъ и все превзошли и не нуждаются ни въ какихъ наставленіяхъ и пособіяхъ. Это люди, о которыхъ сказалъ еще апостолъ Павелъ: самолюбцы, величавы, горды, хульницы, предатели, напыщени, имущіе образъ благочестія, силы же его отвергшіеся (2 Тим. 3, 2—5). Но не для таковыхъ пишется сіе, а ради тѣхъ, которыхъ они могутъ уловить въ „преумноженіи льстивыхъ словесъ", — „для душъ не утвержденныхъ" (2 Петр. 2 гл.).

Въ послѣднее время мы читаемъ и слышимъ, что не нужна намъ церковная служба, не нужна намъ молитва и всякое внѣшнее выраженіе одушевляющихъ насъ религіозныхъ чувствъ, ибо религія христіанская есть нѣчто „отвлеченное". Послушаемъ, что по этому поводу говоритъ Друммондъ, не богословъ, а профессоръ-естественникъ. „Религія христіанская, говоритъ онъ, не есть нѣчто случайное, загадочное и отвлеченное. Это нѣчто совершенно послѣдовательное и пріобщается намъ согласно естественнымъ законамъ. Никто, проводящій жизнь во снѣ, не можетъ сдѣлаться истиннымъ христіаниномъ. Для успѣшнаго возрастанія въ духѣ Христа требуются извѣстныя *средства*. Всякій успѣхъ въ любомъ отношеніи требуетъ приготовленія и прилежанія, такъ и въ религіи. Случайно ничто въ мірѣ не происходитъ, и міръ религіи тоже управляется своими *законами*. По опредѣленнымъ законамъ вырабатывается и христіанскій *опытъ*. Въ религіи люди ищутъ покоя, ищутъ счастія и многіе воображаютъ, что радость и счастіе снисходятъ на нихъ съ неба подобно дождю и снѣгу. Но напрасны ожиданія, христіанская

жизнь не случайна, а имѣетъ свою причину, и причина всѣхъ причинъ лежитъ *во Христѣ-Богочеловѣкѣ*. Онъ сказалъ: придите ко мнѣ и найдете покой душамъ вашимъ. Но какъ же и какимъ образомъ покой этотъ дается? Прежде всего онъ не дается, а пріобрѣтается, ибо сказано далѣе: „научитесь отъ Мене", — чему же научиться?—„яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ". Вотъ чему нужно учиться у Христа: кротости и смиренію. Въ этомъ и заключается одна изъ цѣлей христіанской религіи—преподать людямъ *искусство жизни*; этому искусству можно научиться, смотря на всю жизнь Спасителя и стараясь подражать ей.

Какія же для этого есть средства и способы? Нѣкоторые, говоритъ Друммондъ, воображаютъ, что для этого достаточно одной рѣшимости (таковъ и есть графъ Л. Толстой) и надѣются на силу своей воли. Но это грубое заблужденіе подобное тому, какъ если бы пассажиры парохода, остановившагося вслѣдствіе поломки въ машинѣ, рѣшились бы сдвинуть его одною своею силою, не исправивши машины. Итакъ, одной рѣшимости мало, нужна еще способность къ воспріятію. Но и этого мало. Нужно еще *нѣчто*. Это нѣчто есть высшая сила — *благодать*. Какъ растетъ дерево? Какъ зрѣетъ плодъ? Какъ растетъ тѣло человѣка?—спрашиваетъ Друммондъ. Все это совершается подъ невидимымъ давленіемъ силъ *извнѣ*. Такъ же совершается и духовный ростъ человѣка, и всякая въ этомъ отношеніи перемѣна въ насъ совершается силою высшею нашей. Въ доказательство этого Друммондъ ссылается на слова апостола Павла къ Коринѳ. (2 Посл. 3, 18): „мы же вси откровеннымъ лицемъ славу Господню взирающе, въ той же образъ преобразуемся, отъ славы въ славу, якоже отъ Господня Духа". Вотъ откуда въ человѣкѣ происходитъ духовная перемѣна—отъ *постояннаго общенія со Христомъ*. Если, живя съ хорошими людьми, мы дѣлаемся лучшими, то что же сказать о вліяніи на насъ совмѣстной жизни со Христомъ-Богомъ? — Мы, очевидно, должны перерodиться. Но это перерожденіе, это преображеніе нашего духовнаго естества совершается не вдругъ, а постепенно, медленно и незамѣтно. Какъ незамѣтно и медленно совершается физическій ростъ человѣка, такъ и еще медленнѣе совершается его духовный ростъ, ибо тѣло ра-

стетъ только для временной жизни, а духъ и для вѣчной. А потому въ дѣлѣ духовнаго возрастанія требуется *терпѣніе*, покорное ожиданіе и вѣра въ силу всесовершающаго Духа. „Азъ насадихъ, говоритъ апостолъ Павелъ, Аполлосъ напои, Богъ же возрасти; тѣмже ни насаждаяй есть что, ни напояяй, но возвращаяй Богъ (1 Кор. 3, 6—7).

Заставить рости никого и ничто нельзя; никто не можетъ прибавить себѣ росту хотя бы на вершокъ, не можетъ этого сдѣлать и для растенія. А потому со стороны человѣка всѣ усилія должны быть направлены къ тому, чтобы поставить нашу душу въ такія условія, при которыхъ она могла бы свободно, легко и безпрепятственно имѣть общеніе съ Богомъ и возрастать духовно. Какія же эти *условія*?

Для лучшаго уясненія этого важнѣйшаго момента религіозной жизни Друммондъ прибѣгъ къ прекраснѣйшему и убѣдительному сравненію. Рѣчи его и вообще изобилуютъ удачными сравненіями, прекрасно иллюстрирующими его мысли, но данное сравненіе мы находимъ самымъ удачнымъ. Онъ говоритъ: припомните, какъ поступаетъ астрономъ, желая сфотографировать спектръ какого-нибудь свѣтила. Войдя подъ темный сводъ обсерваторіи, онъ первымъ дѣломъ зажигаетъ свѣчу, для того, чтобы при ея свѣтѣ установить инструментъ, при помощи коего можно бы увидѣть звѣзду. При свѣтѣ свѣчи устанавливается зрительная труба, вкладывается въ аппаратъ пластинка. Вся эта подготовительная работа очень продолжительна, очень утомительна и кропотлива. Установивъ инструментъ и вложивъ въ него пластинку, астрономъ задуваетъ свѣчу. Она больше не нужна, ибо снимокъ дѣлаетъ звѣзда сама. Подобнымъ же образомъ продолжаетъ Друммондъ, и христіанинъ долженъ ежедневно приводить свой душевный механизмъ въ полное, необходимое для воспріятія Божьяго отображенія. Сдѣлавъ это, онъ можетъ задуть свою свѣчу. Всѣ приведшіе его къ этому состоянію внѣшніе виды поклоненія, всѣ вспомогательныя средства Церкви (молитва, обряды) могутъ быть отодвинуты на второй планъ въ этотъ торжественный и важнѣйшій моментъ общенія души съ Богомъ. Но только на этотъ моментъ. „Мудръ тотъ, добавляетъ Друммондъ, кто быстро опять зажигаетъ свѣчу, *мудрѣе*

же всѣхъ тотъ, кто никогда ея не тушитъ". Какъ знать, чрезъ минуту же его бѣдной, омраченной душѣ можетъ снова понадобиться поправка для лучшаго воспріятія Божественнаго Образа; явится необходимость смахнуть пыль со стекла, вытереть зеркало, отпотѣвшее отъ коснувшагося его дыханія жизни. Міръ находится въ постоянномъ движеніи, поэтому и душѣ ежечасно приходится передвигаться, перемѣнять свою установку, чтобы небесная звѣзда постоянно въ ней отражалась. „Слѣдовать Христу" — означаетъ постоянно держать свою душу въ положеніи прямо противъ отражаемаго. Это неослабное укрѣпленіе способностей души при всякихъ превратностяхъ и составляетъ задачу воли.

Отсюда до очевидности ясно, что *дѣло освященія* нашего *есть дѣло постоянное и безпрерывное*, дѣло *всей* нашей *жизни*. Созданіе въ насъ новаго сердца есть дѣло всемогущества Божія. Отъ насъ же требуется подвигъ, ибо требуется не только многому учиться, но и отъ многаго отвыкать. „Вотъ почему, говоритъ Друммондъ, школа эта особенно трудна для тѣхъ, кто вступаетъ въ нее, когда способности къ ученію на половину утрачены, и развитіе характера уже приняло свое роковое направленіе. „*Въ 50 лѣтъ* трудно научиться ариѳметикѣ, тѣмъ *труднѣе усвоить христіанство*". Научиться кротости и смиренію для того, кому они не внушались съ ранняго возраста, будетъ стоить очень дорого".— Кажется не трудно понять, къ кому изъ современныхъ намъ лжеучителей эти послѣднія слова могутъ имѣть поучительное примѣненіе. Намъ торжественно и съ гордостію было объявлено, что вотъ *болѣе года* нѣкто изучалъ всѣ христіанскія истины и *цѣлый годъ* соблюдалъ всѣ обряды Церкви, и ничего изъ этого не вышло, а получилось убѣжденіе, что все это суевѣріе и даже колдовство. Сейчасъ мы видѣли даже изъ словъ иновѣрца, къ чему должны приводить и дѣйствительно приводятъ эти обряды, насколько они необходимы и неизбѣжны въ дѣлѣ религіознаго общенія съ Богомъ.

Отчего же происходитъ это различіе взглядовъ, отчего источникъ воды живой не утоляетъ иногда жажды къ нему приходящихъ? Отъ недостатка въ людяхъ смиренія и терпѣнія, отъ гордости духовной и самомнѣнія. Великій и талантливый писатель нашъ вообразилъ, что къ дѣлѣ религіи достаточно одного знанія; онъ озна-

комился съ обрядами и думалъ, что дѣло возрожденія окончено. Грубое заблужденіе. „Не думайте, говоритъ такимъ скороспѣлымъ богословамъ Друммондъ, не думайте, что одно знаніе способа уже обезпечиваетъ и результаты его примѣненія. Это похоже на то, какъ если бы купившій поваренную книгу думалъ ею удовлетворить свой голодъ“. Тысячи людей идутъ каждое воскресенье въ церковь въ надеждѣ открыть тайну общенія съ Богомъ. Присутствуя въ церкви, сколько разъ считали они себя близкими къ разрѣшенію этой загадки—и каждый разъ напрасно. Какъ часто, сидя надъ духовными книгами, они думали, что вотъ-вотъ не въ этой, такъ въ слѣдующей главѣ откроется искомое имя, по все оставалось по старому. Страницы книгъ прочитывались, а тайна все оставалась тайною до конца. Почему же они не нашли? Потому, что въ нихъ самихъ не было того, чего они искали. Потому, что освященіе наше заключается въ характерѣ, а не въ настроеніяхъ; божественность должна обнаруживаться во *всей* нашей повседневной *жизни*, и, слѣдовательно, это дѣло длящееся, а не одного года. Друммондъ порицаетъ тѣхъ, которые настолько нетерпѣливы въ дѣлахъ вѣры, что, не имѣя немедленнаго и видимаго успѣха, впадаютъ въ уныніе и искушеніе бросить начатое и испробовать другой способъ. Осуждая такихъ людей, Друммондъ прибѣгаетъ къ слѣдующему сравненію.

Фотографъ знаетъ, что можетъ дѣлать снимки съ негатива только тогда, когда свѣтитъ на него солнце. Если же онъ безпрестанно будетъ наблюдать, какъ проявляется изображеніе, то онъ только помѣшаетъ проявленію. Коль скоро душа предоставлена воздѣйствію на нее божественнаго свѣта, уже ничто стороннее не въ состояніи ускорить ея освященіе; предоставьте все всемогущему Богу, а, вмѣшиваясь своимъ наблюденіемъ, можете уничтожить начавшееся настроеніе. Это, къ прискорбію, и случилось съ нашимъ талантливымъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ писателемъ. Не отдавшись искренно и всѣмъ сердцемъ дѣлу вѣры и не дождавшись терпѣливо плодовъ общенія съ Богомъ, онъ возропталъ гордо на Бога, что Онъ не сотворилъ для него быстраго и чудеснаго превращенія его въ ангела. Ибо ясно, что онъ вошелъ въ храмъ не мытаремъ, а фарисеемъ; не съ цѣлію учиться, а учить, не

послужить всѣмъ, но да послужатъ ему. Онъ усомнился въ силѣ Духа Божія, а такой человѣкъ, по апостолу, и не можетъ надѣяться что-либо получить отъ Бога (Іак. 1 гл. 7 ст.), ибо мы видѣли выше, что для полученія чего-либо отъ Бога требуется нашъ постоянный подвигъ, подвигъ *цѣлой нашей жизни*. Прекрасное наставленіе даетъ Друммондъ такимъ нетерпѣливымъ искателямъ плодовъ зимою.

„Не въ благоговѣйномъ созерцаніи, говоритъ онъ, а въ живой и серьезной работѣ заключается истинная религія; не въ сферахъ воображенія, а въ сѣрой дѣйствительности совершается истинная жизнь; не въ области идеаловъ, а среди осязаемыхъ вещей вырабатывается освященіе человѣка. Твердая рѣшимость, настойчивость, *упорный и тяжелый трудъ, самораспинаніе, борьба до послѣдняго издыханія*—все это въ дѣлѣ освященія имѣетъ первѣйшее значеніе. Все это нужно для того, чтобы возбуждать косную нашу душу къ дѣятельности, направлять ее туда, гдѣ бы могли дѣйствовать на нее духовныя силы. Созидающійся въ насъ образъ Христа долженъ быть единственной задачей нашей жизни. Ради нея всѣ другія цѣли должны отходить на второй планъ. Время здѣсь ни при чемъ, одно оно не можетъ измѣнить насъ. Это возможно только Христу. Поэтому „облекайтесь во Христа“ и отъ Него, отъ одного Его ждите плодовъ духовныхъ“.

Такъ сильно, такъ мѣтко и православно-вѣрно иновѣрецъ вразумляетъ православнаго. Профессоръ физики даетъ урокъ вѣры великому, но заблудившемуся писателю. Свидѣтельство Друммонда въ глазахъ нашего писателя-вѣроучителя должно имѣть особую важность, ибо это человѣкъ одного съ нимъ класса, одной ученой среды, это человѣкъ науки, и притомъ какой науки? естественной, о приверженцахъ коей со временъ Дарвина мы привыкли думать, какъ о противникахъ всякой религіи и всякаго богопознанія. Но времена измѣнились. И мы видимъ, что тотъ, кто надъ своими сочиненіями выставляетъ слова Христа, является ярымъ Его отрицателемъ, а преемники по профессіи отрицателя Бога являются Его вѣрными проповѣдниками. Ищущіе чудесъ только не стараются замѣчать ихъ. И въ наше время Савлы обращаются въ Павловъ, хотя съ другой стороны, къ прискорбію, и среди насъ воз-

стаютъ Юліаны. Причина ихъ появленія указана давно и заключается въ томъ, что только истинное знаніе приводитъ къ Богу.

А потому мы, не смущаясь ложными ученіями тѣхъ, которые говорятъ о томъ, чего не видѣли „безъ ума дмяся отъ ума плоти своея“ (Колос. 2, 18), будемъ, по завѣту апостола, продолжать „творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія за вся человѣки, да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ, хваляще и благословяще Бога во псалмѣхъ и пѣніяхъ, и пѣснѣхъ духовныхъ“.

Въ этомъ мы видимъ единственное средство общенія съ своимъ Создателемъ и цѣль нашей жизни. Такъ на это, какъ мы видѣли, смотрятъ и люди науки, такъ же смотрятъ и лучшіе служители чистой поэзіи. Одинъ изъ нихъ такъ выражается о призваніи поэта:

Съ иною силою онъ друженъ;
Въ его груди пылаетъ жаръ,
Которымъ зиждется созданье.
Служитъ Творцу—его призванье.

Говоря далѣе о томъ, какія ему воспѣть дѣла, какія битвы или войны, поэтъ отвѣчаетъ:

Не въ вѣнцѣ сіяетъ Онъ,
Къ Кому душа моя стремится,
Не блескомъ славы окруженъ,
Не на звенящей колесницѣ,
Не въ торжествѣ величья—нѣтъ,
Я зрю Его передо мною
Съ толпою бѣдныхъ рыбаковъ;
Онъ тихо, мирною стезею,
Идетъ межъ зрѣющихъ хлѣбовъ.
Благихъ рѣчей своихъ отраду
Въ сердца простыя Онъ ліетъ:
Онъ правды алчущее стадо
Къ ея Источнику ведетъ.

Эта картина земной жизни Спасителя такъ воодушевляетъ поэта, что онъ съ грустью изливаетъ свои чувства въ такихъ словахъ:

Зачѣмъ не въ то рожденъ я время,
Когда межъ нами, во плоти,
Неся мучительное бремя

Онъ шелъ на жизненномъ пути,
Зачѣмъ я не могу нести,
О, мой Господь, Твои оковы,
Твоимъ страданіемъ страдать
И крестъ на плечи Твой пріять
И на главу венецъ терновый.
О, если-бъ могъ я лобызать
Лишь край святой Твоей одежды,
Лишь пыльный слѣдъ Твоихъ шаговъ,
О, мой Господь, моя надежда,
Моя и сила и покровъ;
Тебѣ хочу я всѣ мышленья,
Тебѣ всѣхъ пѣсней благодать,
И думы дня, и ночи бдѣнья
И сердца каждое біеніе,
И душу всю мою отдать.

Прочтя эти восторженныя слова, можно подумать, что ихъ писало лицо духовное, и даже какой-нибудь отшельникъ. Нѣтъ, это писалъ человѣкъ свѣтскій, графъ А. Толстой, но, очевидно, истинно вѣрующій христіанинъ, который „своихъ всю бодрость силъ, и мысли всѣ, и всѣ свои стремленья одной лишь цѣли посвятилъ: хвалить Творца и славить въ пѣснопѣньи“. Не хула на Творца, вложившаго въ насъ драгоцѣнный даръ слова, и не дерзкій вызовъ на бой со всѣмъ святымъ и чистымъ; нѣтъ, съ притрепетнымъ сердцемъ и съ теплой мольбой, во имя Божье онъ выходитъ на бой со всѣмъ, что не право и ложно. А потому вотъ вѣчная задача поэта: „хвалить Того, Кого хвалить въ своемъ глаголѣ не перестанутъ никогда ни каждая былинка въ полѣ, ни въ небѣ каждая звѣзда“. Итакъ, и въ нашемъ станѣ есть, хотя уже умершій, свой графъ Толстой; послѣдуемъ его призыву и будемъ посвящать Богу всѣ наши мышленія и думы дня, и ночи бдѣнья, и сердца каждое біенье.

Но если бы кто и пожелалъ послѣдовать графу Льву Толстому, то прежде всего столкнулся бы съ неразрѣшимымъ вопросомъ: чему же именно слѣдовать? что даетъ его ученіе взамѣнъ имѣющихся въ православной Церкви религіозныхъ утѣшеній? Какъ и чѣмъ совѣтуетъ онъ приводить души въ такое настроеніе, чтобы его послѣдователямъ храмомъ сдѣлаться Духа Божія? На всѣ эти вопросы духовной жизни у него отвѣтовъ нѣтъ. Стараясь разбить и уничтожить все старое, святое, онъ взамѣнъ того не

даетъ ничего. Обзывая все прежнее суевѣріемъ, какое же онъ даетъ правовѣріе? На всѣ эти и другіе важные вопросы мы отвѣтовъ не слышимъ. Вмѣсто религіи осталось одно пустое мѣсто, или, какъ выражается философъ В. Соловьевъ, одна „дыра“. Онъ сравниваетъ предлагаемую Л. Толстымъ религію съ религіею такъ называемыхъ „дыромоляевъ“ *) и находитъ между ними много общаго, и даже болѣе того, считаетъ „толстовство“ какъ бы продолженіемъ „дыромоляйства“. Ибо какъ тѣ, такъ и другіе вѣруютъ въ пустоту, такъ какъ толстовцы отвергли Христа и Евангеліе, однако называютъ себя христіанами: „Но, говоритъ Соловьевъ, христіанство безъ Христа и Евангеліе безъ вѣры въ воскресеніе есть пустое мѣсто, какъ и дыра въ стѣнѣ“. „Обо всемъ этомъ можно бы и не говорить, добавляетъ Соловьевъ, если бы надъ этой дырой не ставилось поддѣльнаго христіанскаго флага, соблазняющаго и сбивающаго съ толку множество малыхъ сихъ. Когда люди, отвергнувъ Христа, продолжаютъ называть себя истинными христіанами и проповѣдь своего пустого мѣста прикрывать переиначенными евангельскими словами, заражая систематическою ложью нравственную атмосферу, тогда общественная совѣсть громко требуетъ, чтобы дурное дѣло было названо своимъ настоящимъ именемъ, ибо *обманъ этотъ не имѣетъ извиненія*“. Такъ открыто и ясно бичуетъ лжеученіе Л. Толстого ученѣйшій философъ В. Соловьевъ въ своей небольшой книжечкѣ, вышедшей въ 1900 г. подъ названіемъ „Три разговора“. Чтобы держать себя добросовѣстно, продолжаетъ авторъ (въ предисловіи), отъ проповѣдниковъ пустоты требовалось только одно — умалчивать объ І. Христѣ, игнорировать Его. Но они предпочитаютъ *наружно* примыкать къ Христову Евангелію. Вотъ чѣмъ особенно и былъ возмущенъ В. Соловьевъ, и вотъ что побудило его написать дѣйствительно ѣдкую сатиру на толстовство, чтобы дать почувствовать иной обманувшейся, но живой душѣ всю нравственную фальшь этого мертвящаго ученія. И дѣйствительно, прочтя означенную книжку, всякій

*) Послѣдователи этой секты, просверливъ съ стѣнѣ своей избы дыру и приложивъ къ ней губы, повторяютъ много разъ: «изба моя, дыра моя, спаси меня».

убѣдится и въ безсодержательности толстовскаго лжеученія, и въ логическихъ противорѣчіяхъ онаго. Разборъ толстовства навелъ автора на мысль объ антихристѣ, который будетъ говорить „громкія и высокія слова“ и набросить блестящій покровъ добра и правды на тайну крайняго беззаконія, чтобы, по слову Писанія, „даже и избранныхъ, если возможно, соблазнить“. Показать заранѣе эту личину, подъ которой скрывается злая бездна, было моимъ высшимъ замысломъ, когда я писалъ эту книжку“. Такъ заключаетъ авторъ свое предисловіе, и всякій, прочтя эту книжку, скажетъ, что цѣль эта авторомъ достигнута, и всякій пожелаетъ ему вѣчнаго покоя за доставленіе успокоенія истинно вѣрующимъ православнымъ христіанамъ.

„Подобаетъ бо и ересемъ въ васъ быти, да искусніи явлени бываютъ въ васъ“, говоритъ апостолъ Павелъ коринѳскимъ христіанамъ (1-е посл. 11, 19). Такъ мы должны смотрѣть и на ересь нашего времени. Если Господь допустилъ явиться Юліану, то Онъ же воздвигнетъ и Петра—горячаго ревнителя православія. „Истина Христова Воскресенія, говоритъ Соловьевъ въ одномъ своемъ письмѣ, есть истина всецѣлая, полная—не только истина вѣры, но также и истина *разума*. Если бы Христосъ не воскресъ, если бы Каіафа оказался правымъ, а Иродъ и Пилатъ мудрыми, міръ оказался бы безсмыслицею, царствомъ зла, обмана и смерти“. По поводу же упрековъ, посылаемыхъ христіанству, въ томъ, что оно требуетъ безусловной вѣры въ свои истины,—Соловьевъ указываетъ на одобряемое самимъ Евангеліемъ „добросовѣстное невѣріе“, проявившееся въ лицѣ апостола Ѳомы. Это невѣріе, жаждущее полнаго и окончательнаго удостовѣренія въ истинѣ, нужно отличить отъ невѣрія лукаваго, сознательно злоупотребляющаго разными полуистинами изъ враждебнаго страха предъ полною истиною. „За этою змѣею, говоритъ Соловьевъ, необходимо слѣдить, раскрывая всѣ ея ухищренные извороты“, что онъ и сдѣлалъ блестяще.

Говорятъ: „чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ звѣзды ярче“. Подтвержденіе этой истины мы видимъ здѣсь. Вотъ сгустилась внѣ Церкви православной ночь, и засіяли ея великія свѣтила, архіепископы: Никаноръ Херсонскій и Амвросій Харьковскій, первые мужественные

поборники вѣры Христовой и изобличители ереси новой. По волѣ Всевѣдущаго Господа почили они, оставивъ въ наученіе наше писанія свои. Но мы знаемъ, что Господь не приминетъ возставить на защиту Церкви иныхъ, сильныхъ словомъ и дѣломъ, ибо Онъ силенъ, и по слову Его не только люди, но и камни возопіютъ. Не будемъ же страшиться тьмы, ибо Самъ Законоположникъ нашей Церкви „во тьмѣ свѣтится и тьма Его не объятъ“.

Міранинъ.

Серафимъ Саровскій и Левъ Толстой.

Да не оскорбится чувство православнаго христіанина такимъ сопоставленіемъ личностей, въ сущности несравнимыхъ, но рѣзко собою различающихъ двѣ грани Боговѣдѣнія, хотя также несходныя, но для нашего времени поучительныя.

Изъ многихъ направленій человѣческой мысли, чувства и жизни, въ настоящее время у насъ, въ Россіи, очень видно обособляются православіе и толстовство, и сродный послѣднему религіозный либерализмъ. Чувствуется, что въ настоящій моментъ всѣ помыслы православныхъ русскихъ людей всецѣло обращены къ преподобному Серафиму, Саровскому Чудотворцу, а помыслы толстофильствующихъ и модныхъ религіозныхъ либераловъ перепутанными своими корнями ютятся около Льва Толстого. И вотъ, невольно напрашивается въ душу сопоставленіе между собою преподобнаго Серафима и Льва Толстого, тѣмъ болѣе, что тотъ и другой стремились къ Боговѣдѣнію, хотя и различно понимали его. Но именно это-то различіе и стремленія, и пониманія Боговѣдѣнія и занимаетъ насъ въ данный моментъ.

I.

Къ Богу и Божественному преподобный Серафимъ началъ стремиться съ самыхъ раннихъ лѣтъ своей юности, и всю свою великую жизнь до самой кончины, глубоко-трогательной, онъ неугасимо горѣлъ этимъ

жгучимъ и пламенѣющимъ Богоискательствомъ. Это было великое Богоискательство, несравнимое, какъ бы ангелоподобное. Вся жизнь—одна воплощенная добродѣтель, одна чистота и святость мысли и чувства, была посвящена ему—этому Богоискательству. Это былъ всецѣло вдохновенный и всецѣло напряженный подвигъ, колоссальный трудъ, огнестремительный и всепоглощающій, увлекающій и въ своихъ границахъ необъемлемо-свободный.

Въ этомъ Богоискательствѣ преподобный Серафимъ показалъ и выразилъ все, что можетъ ограниченный человѣкъ сдѣлать для своего Боговѣдѣнія, только имъ однимъ занятый и ото всего отрѣшенный. Предъ нашимъ взоромъ, какъ бы въ свѣтломъ и лучистомъ спектрѣ, переливаются въ преподобномъ Серафимѣ и благочестивое дѣтство, и пылкая юность съ ея стремленіемъ къ Богу, и великое монастырское послушничество, и іеродіаконство съ его Боговѣдѣніемъ, и отшельничество іеромонаха съ его величайшимъ пощеніемъ, съ его величайшимъ молитвеннымъ подвигомъ, и затворничество и молчальничество съ ихъ всецѣлымъ Богомысліемъ, и великое старчество, съ его высокою любовью къ страждущему человѣчеству,—и все это было единымъ подвигомъ неутомимаго Богоискательства и жажды Боговѣдѣнія.

И это постоянное самоуглубленіе и самосредоточеніе на Богѣ, и это совершенное изученіе священнаго Писанія и великихъ отцовъ Церкви и ихъ твореній, и это высоко-благоговѣйное отношеніе къ слову Божію, и этотъ аскетизмъ и неподражаемая церковная уставность для Бога, и это воплощеніе Боголюбезности человѣчества,—увѣнчали труды преподобнаго Серафима высшими плодами Боговѣдѣнія, которые только возможны для ограниченнаго человѣческаго существа, и какіе являлъ и являетъ въ себѣ преподобный Серафимъ.

Въ своемъ Богоискательствѣ преподобный Серафимъ разъ навсегда отбросилъ отъ себя всѣ низменныя стороны человѣческой природы—и всякій грѣхъ, и всякія страсти, какъ совершенно несовмѣстимыя съ областью Боговѣдѣнія, и отбросилъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ своей жизни. Чрезъ это преподобный Серафимъ воспиталъ въ себѣ свѣтлый умъ, отеческое чувство и крѣп-

кую волю, и ихъ-то всецѣло вложилъ онъ въ свое Богоискательство, въ неутолимую жажду Боговѣдѣнія. И весь въ Богѣ и Богомъ облагодатствованный, онъ все стремится къ Нему, все ищетъ Его и этимъ проявляетъ высшій идеалъ Богоединенія и высшаго отношенія конечнаго къ Безконечному, ограниченнаго къ Безначальному, твари къ Творцу ея.

Такою жизнью въ Богѣ все время жилъ преподобный Серафимъ, былъ всецѣло преданъ Богу и горячо вѣренъ былъ тому, что Богомъ дано человѣчеству въ Откровеніи; потому-то и на самомъ закатѣ своей земной жизни онъ восторгался и упивался Воскресеніемъ Христовымъ, пѣлъ пасхальныя пѣснопѣнія, услаждался плодами Воскресенія и какъ бы изживалъ и почувствовалъ то, въ чемъ одномъ только и заключается вся радость и все утѣшеніе человѣчества. И уходя въ горній міръ, преподобный Серафимъ всею великою своею жизнью изобразилъ въ яркихъ краскахъ намъ ту вѣчно-тревожную для пытливаго ума нашего истину, что вся широта Богоискательства и необъемлемая область истиннаго Боговѣдѣнія и свободное выраженіе въ нихъ человѣческаго духа заключаются въ пріобрѣтеніи человѣкомъ свободы навыка въ Богопреданности въ Боговоспитанности всѣхъ человѣческихъ силъ: и разума, и сердца, и воли чрезъ откровенное Божественное ученіе, въ единеніи человѣческой мысли, чувства и хотѣнія съ Божескою мыслью и волею чрезъ неприкосновенность и незыблемость содержанія откровенія Божія, и чрезъ всецѣлое послушаніе ему, и какъ бы въ „плаваніи" въ немъ (Откровеніи) человѣческаго ума, какъ выразился преподобный Серафимъ.

II.

Но совершенно другой дорогой пришелъ къ своему туманному, безпросвѣтному, безотрадному и мучительному Боговѣдѣнію графъ Левъ Толстой. Этотъ замудровавшійся мудрецъ всею могучею своею геніальной натурой удалился на склонѣ дней своихъ въ Богоискательство. Отъ суетной, шумной, чувственной, грѣховной жизни онъ все взялъ и все пережилъ; отпилъ изъ чаши гнетущаго Соломонова счастія и пресытился; все жилъ и услаждался внѣшностью жизни, блескомъ своего ума,

мишурой славы, честолюбія и самодовольства, пока не добрелъ до той поры своей жизни, пока всею силой великой души своей прозрѣлъ всю неудовлетворенность жизни.

Но онъ не воспиталъ себя въ религіозныхъ покаянныхъ чувствахъ, или, быть можетъ, не хотѣлъ ихъ знать, и остановился разочарованный и разбитый въ своихъ чувствахъ, и въ немъ закипѣли и озлобленіе, и ненависть, и мучительная боль, и страшное ощущеніе неудовлетворенности. И вотъ это—единственная, главная и страшная подготовка была къ тому Богоискательству, которое проявилъ въ себѣ Левъ Толстой.

Онъ не пришелъ къ этому Богоискательству путемъ евангельскаго мытаря или Маріи Египетской, а сразу набросился на него со стогновъ шумной жизни со всею душевною распрей. Онъ не смутился своимъ недостоинствомъ предъ величіемъ Божіимъ, непокаяннымъ чувствомъ смиренія началъ онъ искать Бога, а съ какою-то надменностью ума, дерзновенно и самоувѣренно началъ рыться въ Божественномъ Откровеніи. Онъ былъ какой-то ураганъ, мятущійся и разрушающійся. Онъ хотѣлъ быть полнымъ православнымъ христіаниномъ, но это скоро наскучило ему и было ему не по характеру. Онъ сталъ изучать и священное Писаніе, и православное богословіе и ученіе отцовъ Церкви, но это изученіе не перенесъ на жизнь свою, не пережилъ, не перечувствовалъ, не вдохновился имъ, не усвоилъ его сердцемъ, а лишь коснулся его леденящимъ умомъ, и какъ какую-то научную и недоказанную аксіому искалъ въ немъ Бога, но Богъ не являлся его холодному разуму, а онъ мутился, мутился, не удовлетворялся, но не хотѣлъ понять, почему же не удовлетворялся онъ, или, быть можетъ, уже не въ силахъ былъ остановить въ себѣ разрушительный потокъ своихъ мыслей и чувствованій. Теперь ему ничего уже не оставалось, какъ только одинъ свой разумъ вложить въ Богоискательство и имъ проложить себѣ дорогу къ Боговѣдѣнію. Но на его стремительномъ пути лежало Божественное Откровеніе, которое было такъ не по плечу ему, такъ не ладило съ его ураганомъ.

И вотъ, не задумываясь, разметалъ онъ Откровеніе, раскромсалъ самое Евангеліе, и въ результатѣ у него ничего не осталось,—ни православія, ни личнаго Бога.

во святой Троицѣ, ни самаго великаго и утѣшительнаго христіанскаго догмата—Воскресенія Христова.

Но ему страшно тяжело было безъ Бога, мучительно и ужасно, и онъ какъ-то непроизвольно своимъ великимъ умомъ создаетъ, вмѣсто личнаго Бога, какое-то общее пантеистическое божество, самообожаніе своего человѣческаго духа, ищетъ какую-то разлитую во всемъ человѣчествѣ темную божественность, и только ею услаждается, какъ-бы какимъ то самоуслажденіемъ ума своего. Онъ создалъ себѣ своего особаго бога, общаго во всемъ и всему, вклеилъ въ него и человѣка, какъ нѣкую неопредѣленную частицу Его.

Чтобы не страшно и не жутко было душѣ его рыться въ этомъ безпросвѣтномъ пантеизмѣ, Толстой надѣлилъ свое нагроможденное божество общимъ свойствомъ и именемъ „Бога-любви“, а особеннымъ отношеніемъ къ нему человѣка, чуть не случайнымъ, поставилъ эгоизмъ скопленія человѣкомъ возможно-большей любви для общаго блага. Но въ то же время, чтобы не затеряться чрезъ то въ этомъ неопредѣленномъ общемъ благѣ,—онъ создалъ этотъ хаосъ Боговѣдѣнія и Богоотношенія и, какъ малый ребенокъ, повѣрилъ въ него своимъ кощунственнымъ умомъ, потерявшимъ всякую мѣру своего ограниченнаго вѣдѣнія, и будто бы утѣшился и успокоился, что нашелъ такую границу своего Боговѣдѣнія, какую только могъ понять. Какъ будто существо Божіе опредѣляется и устанавливается дѣтскимъ и наивнымъ человѣческимъ разумѣніемъ.

Такимъ образомъ, Богоискательство Льва Толстого было безвѣрное, гордое, страшное, кощунственное, хулительное, крушительное, грѣховное и озлобленное; оно по этому самому не привело его къ истинному Боговѣдѣнію; оно не было даже искреннимъ и сердечнымъ Богоискательствомъ, а скорѣе надменнымъ и безвѣрнымъ умозрительнымъ ищействомъ въ Божественномъ Откровеніи и озлобленнымъ въ немъ реформаторствомъ. Левъ Толстой вовсе не пришелъ къ Боговѣдѣнію: Богъ скрылся отъ него навсегда, какъ хулителя Своей откровенной воли. Левъ Толстой избралъ для себя новый и самоизмышленный путь своего отвлеченнаго и безжизненнаго вѣрованія, а за нимъ, съ легкой руки его, расплодились у насъ другіе новые либерально-религіозные пути религіознаго декадентства.

III.

Такимъ образомъ, изъ сопоставленія такихъ несравнимыхъ между собою личностей, какъ преподобный Серафимъ и Левъ Толстой, вытекаетъ сама собою вся огромная разница Богоискательства каждаго изъ нихъ, вся несовмѣстимость и необъемлемая несходность ихъ Боговѣдѣнія.

Когда остановишься на каждомъ изъ нихъ, то вдругъ сдѣлается невольный ужасъ и тоска, что такой могугій умъ, какъ Левъ Толстой, чрезъ своеобразное свое Богоискательство, впалъ въ такую бездну Богонеистовства, изъ которой не бываетъ уже возврата. И въ то время, какъ Богоискательство и Боговѣдѣніе преподобнаго Серафима запечатлѣно высокою святостью, самоотверженнымъ аскетизмомъ, ревностью, вѣетъ отрадою и духовнымъ услажденіемъ благодати, оживляется внутреннимъ огнемъ свыше,—Богоискательство Льва Толстого и его Боговѣдѣніе полно грѣха самоугодничества и самодовольства, мрачнаго и разрушительнаго озлобленія, ненависти,—мучительно, безотрадно, безнадежно и въ то же время чудовищно-самопроизвольно и эгоистично.

На Богоискательствѣ преподобнаго Серафима лежитъ печать строгаго разума и воли Божіей; у Льва Толстого нѣтъ ничего подобнаго, на чемъ могъ бы остановиться и успокоиться духъ человѣческій.

Самою высокою и отличительной чертой преподобнаго Серафима была его самоотверженная Богопреданность и глубочайшая, неизмѣнная и непоколебимая вѣра въ Божественное Откровеніе; а рѣзкою и отличительной чертой Льва Толстого служитъ единственное довѣріе къ своему разуму.

Отсюда-то, главнымъ образомъ, и развилось все различіе и вся чрезвычайная несоразмѣрность ихъ религіознаго разномыслія. Въ этомъ именно начало и конецъ поучительному явленію для каждаго современнаго ума, занятаго искреннимъ богословствованіемъ.

То особенно знаменательно и полно глубокаго внутренняго довѣрія и сладостнаго успокоенія въ преподобномъ Серафимѣ для пытливаго ума нашего, что на всемъ протяженіи своего длиннаго жизненнаго Бого-

искательства и стремленія къ Боговѣдѣнію онъ въ своихъ мысляхъ, чувствахъ, въ волѣ всецѣло неизмѣнно и незыблемо воплотилъ все, на что опиралось христіанство, чѣмъ оно двигалось и оживлялось, изъ чего оно сложилось, что имѣло и содержало въ себѣ самомъ, въ своемъ внутреннемъ и внѣшнемъ бытіи и нравственно-духовномъ обликѣ. Онъ всѣмъ своимъ существомъ реализировался въ христіанствѣ, — и христіанство отразилось въ немъ и жизни его всѣмъ своимъ жизненоснымъ величіемъ, всѣмъ ослѣпительнымъ блескомъ истиннаго Богопроникновенія.

Ничего подобнаго не только нѣтъ во Львѣ Толстомъ, но въ немъ еще до боли и муки ужасаетъ и щемитъ сердце страшное, какое-то демоническое Богоборство его разума въ христіанствѣ,—и это какое-то аховое отрицаніе личнаго Бога, и эта тупая и озвѣрѣлая безчувственность Воскресенія Христова.

Все, чѣмъ горѣлъ всю великую жизнь преподобный Серафимъ, что въ немъ самомъ такъ ощутительно билось, — все это во Львѣ Толстомъ чадилось адскимъ огнемъ.

IV.

Въ чаду своего отчаяннаго Богоискательства Левъ Толстой потерялъ и христіанскаго Бога, и самое христіанство обезличилъ, исказилъ, обезобразилъ и такъ сузилъ, что въ немъ тѣсно даже ограниченному духу человѣческому, а не то что великому духу безграничнаго и безусловнаго Божества.

Что дѣйствительно Левъ Толстой сталъ на безусловно-ложную дорогу и къ истинному Боговѣдѣнію нисколько не пришелъ, какъ къ тому ни стремился онъ, и какъ того упорно ни добивался,—видно изъ того уже, что его Боговѣдѣніе никакимъ особеннымъ актомъ не выразилось въ его человѣческой личности. Вѣдь все вѣчно-живущее и дѣйствительно-истинное должно выражаться особенною жизненностью, а тутъ у Льва Толстого и нѣтъ именно этого, тутъ что-то единственно-замертвѣлое и хаотически-неподвижное, если не считать ту навязанную Толстымъ своему божеству общую любовь, которая вытекла не изъ сущности этого послѣдняго, а лишь изъ какъ бы случайной воли су-

ществъ, входящихъ въ него какими-то неопредѣленными составными частями.

Мы не говоримъ уже о тѣхъ особенныхъ, чрезвычайныхъ дарованіяхъ высшаго Боговѣдѣнія, которыми запечатлѣна личность преподобнаго Серафима; въ этой области онъ несравнимъ даже со многими святыми, да и сопоставлять его по этимъ качествамъ его Боговѣдѣнія съ Толстымъ — значитъ только кощунствовать. Уже въ самой человѣческой личности преподобнаго Серафима замѣтна высшая идеализація: эта удивительная утонченность природы, это дѣтское незлобіе, нѣжное и задушевное, эта глубочайшая любовь ко всѣмъ безъ различія людямъ, трогательная, великая и по своей простотѣ и размягчавшая самыя каменныя сердца, эта неослабѣвающая жизнерадостность. Все это, конечно, не было и не могло быть какою-либо исключительностью въ личности преподобнаго Серафима, его прирожденною субъективностью, а было именно соотношеніемъ его къ единственно-истинному Боговѣдѣнію.

Напротивъ, Толстой остался въ своемъ Богоискательствѣ съ тѣмъ, съ чего началъ его; въ немъ осталась и извѣстная всѣмъ злоба, и мрачныя думы, и постоянная тревога и лицепріятность, его смятенный духъ не очистила даже его дѣланная любовь для общаго блага, онъ все такой же, какимъ ему никогда не хотѣлось бы быть, только утомившійся и парализованный въ своихъ лучшихъ чувствахъ къ христіанству. Его Боговѣдѣніе ничего не дало ему, да и не могло дать, такъ какъ оно изъ него вытекло, плодъ его холодныхъ умозрѣній, его мертвящаго реформаторства.

Богъ Льва Толстого необъятно далекъ отъ него, не имѣетъ съ нимъ никакой реальной связи, онъ—субстанція, не имѣющая никакихъ жизненныхъ соотношеній даже къ такой своей монадѣ, какъ самъ Толстой. Поэтому, сколько послѣдній ни стремился къ нему, никакой отъ него милости, никакихъ особенныхъ дарованій не получилъ отъ него, несмотря на то, что онъ, вѣроятно, любилъ его всѣмъ существомъ своего могучаго ума и изъ любви къ нему вносилъ въ общую сокровищницу дѣла своей любви. Да и этой любви онъ, Толстой, научился не отъ своего мертваго бога, а отъ Бога преподобнаго Серафима, живаго и личнаго, и только отъ Него у Толстого осталось все то доброе, ко-

торымъ онъ еще по справедливости можетъ гордиться въ своей жизни и личности.

Въ своемъ Богоискательствѣ Толстой употребилъ большой, но напрасный трудъ; онъ не пришелъ къ истинному Боговѣдѣнію, а его собственное Боговѣдѣніе ничего не выражаетъ и никакой существенной правды въ себѣ не содержитъ. И какъ высоко, небесно, жизненосно Боговѣдѣніе преподобнаго Серафима, такъ, напротивъ, низменно, мрачно и убивающе Боговѣдѣніе Толстого.

Все это потому, что Боговѣдѣніе—есть даръ неба, а не плодъ человѣческаго умозрѣнія. Истинное Боговѣдѣніе снизошло на преподобнаго Серафима въ его великомъ жизненномъ молитвенномъ подвигѣ, носящемъ внутренній отблескъ молитвенныхъ подвиговъ Христа и высоко запечатлѣвшемъ все великое его, Серафимово, Богоискательство. Молитвенный подвигъ былъ какимъ-то особеннымъ дыханіемъ и какъ бы животворностью Богоискательства преподобнаго Серафима; онъ восходилъ къ живому и личному Богу, входилъ въ таинственное единеніе съ Нимъ, и чрезъ это непостижимымъ, сверхъестественнымъ актомъ рождалось въ преподобномъ истинное, святое и правильное Боговѣдѣніе.

Если бы Левъ Толстой именно подобнымъ молитвеннымъ подвигомъ началъ свое Богоискательство и на немъ обосновалъ бы свой характерный мистицизмъ, а не смотрѣлъ бы на молитвенный союзъ съ Богомъ, какъ на одно лишь безчувственное, холодное, безсердечное анализированіе умомъ своимъ своихъ отношеній къ Богу,—тогда онъ, несомнѣнно, не пришелъ бы къ своему туманному и безличному Боговѣдѣнію, туманному и неясному, безпросвѣтному и мучительному.

Отъ истиннаго Боговѣдѣнія, которое снизошло въ душу преподобнаго Серафима непостижимо *), Левъ Толстой безгранично далекъ и разъединенъ съ нимъ страшной хулой своею и ужаснѣйшимъ своимъ кощунствомъ надъ личнымъ Богомъ и Его Откровеніемъ;

*) Вѣдь самъ Левъ Толстой считаетъ непостижимымъ Божество, значитъ и вѣдѣніе можетъ быть только особенное; непостижимо въ насъ нисходящее по особому Божескому изволенію и вліянію Откровенія, а не постижимое только однимъ нашимъ умомъ, какъ у него, Толстого.

ему страшно теперь и порвать со своимъ Боговѣдѣніемъ, къ которому пришелъ онъ „съ такими страданіями“, какъ онъ самъ выражается, ибо это значило бы для него отказаться отъ своего ума и своего мишурнаго величія, въ которыхъ и самъ по себѣ, и со стороны своихъ поклонниковъ, онъ привыкъ видѣть своего рода божество, дорогое ему и для него самое святое.

И вотъ ему, быть можетъ, поневолѣ приходится прибѣгать, быть можетъ, уже несознательно, а по увлеченію, ко лживому чувству якобы спокойствія и радостнаго исповѣданія измышленнаго имъ самимъ и Бога и христіанства. Къ тому, что мы сами выдумали и измыслили, что явилось въ нашей душѣ какъ наше собственное, мы всегда особенно ревнивы и зато всегда трепетны и безпокойны; а потому у Льва Толстого не можетъ быть и никогда не было „спокойствія и радости исповѣданія“, тутъ непремѣнно лживое и обманное чувство,—очевидное, ибо ничѣмъ свыше не засвидѣтельствованное, да вѣдь не совсѣмъ и честное, ибо нечестно измышленіемъ своего разума восхищаться.

И какъ несравнимо вѣчно-юное, дѣтски-простое и вдохновеннонебесное исповѣданіе преподобнымъ Серафимомъ Живаго и Личнаго Божества, какъ оно правдиво и какъ отрадно переливается въ душу; между тѣмъ исповѣданіе Толстого неестественно, непримиримо, не проникаетъ въ душу безъ чувствъ озлобленія и ненависти, а потому и самое Боговѣдѣніе Толстого въ той же мѣрѣ невѣроятно и субъективно.

Не даромъ вѣдь онъ, Толстой, почему-то чувствуетъ себя одинокимъ... И такъ жаль, глубоко и прискорбно жаль, что Левъ Толстой въ своемъ Богоискательствѣ отринулъ такой величайшій примѣръ, какъ преподобный Серафимъ, въ совершенствѣ знавшій все Божественное Откровеніе и святыхъ отцовъ,—этихъ свѣтильниковъ на пути къ Боговѣдѣнію.

И всегда, и всякое Богословіе и Боговѣдѣніе будетъ сухо, безжизненно и субъективно, если не будетъ проникнуто христіански-высокими чувствами, всегда и всю жизнь одушевлявшими преподобнаго Серафима, Саровскаго Чудотворца.

С. Н. Р.

XXII.

Заключеніе.

Трагизмъ Толстовства изъ міра Евангелія.

„Человѣкъ — сынъ безконечнаго начала“, скажемъ словами Льва Н—ча, но самъ существо вчерашнее и ограниченное. Ни всѣ возможности бытія мірового, ни всѣ потенціи и понятія духа не могутъ считаться его совершеннымъ достояніемъ во всей полнотѣ. Въ жизни міра и особенно въ этомъ „безконечномъ Началѣ“ для него много совершенно новыхъ, не сводимыхъ на его наличныя понятія, потенцій. Мой разумъ — всплескъ мірового Разума; этотъ Разумъ безконечно выше меня, онъ неисчерпаемъ для меня и вѣчно новъ. Онъ открылся намъ, возможно ясно и опредѣленно, въ терминахъ нашихъ понятій; но углубиться далеко внутрь Его откровеній, перейти въ міръ Его потенцій и понятій,—а ихъ такъ же нельзя исчерпать, какъ ложкою море,—это для насъ пока преждевременно. Для простой вѣры словамъ Божіимъ и такого сознанія достаточно; для высшей же есть путь (конца котораго, правда, мы еще не видимъ) къ болѣе полному и ясному разумѣнію Божіихъ откровеній, такъ какъ Богъ Самъ ведетъ человѣка къ полнотѣ Своего свѣта и совершенства, Самъ этого хочетъ для него.

Ученіе о единомъ личномъ Началѣ бытія, Богѣ, — необходимо раціональное требованіе религіи, нашего духа и совѣсти. Въ ученіи Евангелія это Начало раскрывается какъ единство по существу трехъ Божественныхъ Лицъ, Іисусъ Христосъ есть Богъ Истинный (Іоан. 20, 28, 29; 1 Іоан. 5, 20); но Онъ отличаетъ Себя отъ Отца, говоря, что Онъ—Сынъ, но что Онъ, однако, едино съ Отцемъ, Отецъ — въ Немъ, видѣвшій Его видѣлъ Отца. Въ служеніи и любви Сына Божія намъ явился Отецъ, открывъ намъ чрезъ Него Свою искупляющую и возстановляющую падшаго любовь. Затѣмъ, въ сошествіи, дарахъ и дѣйствіяхъ Духа Святаго Онъ явилъ намъ Свою духовную животворящую силу, какъ жизнь равномощнаго и равнобожественнаго Ему Лица.

Вся жизнь Іисуса Христа по Евангеліямъ, всѣ Его

слова, дѣла и чудеса, весь смыслъ Его ученія и жизни привели и приводятъ „чистыхъ сердцемъ" къ тому результату, какой мы видимъ въ исповѣданіи Его учениковъ: „Господь мой и Богъ мой" (Іоан. 20, 28; 1 Іоан. 5, 20; Матѳ. 16, 16; Іоан. 6. 69)! Евангеліе было бы совершенно непонятнымъ, самопротиворѣчивымъ и немыслимымъ фактомъ, если бы можно было не признать бежественности Христа. Безъ совершенной очевидности того, „что Іисусъ есть Христосъ, Сынъ Божій" (Іоан. 20, 31), не было бы ни проповѣди Апостольской, ни Евангелія, ни Церкви. За буквальную подлинность Евангелія ручается вся почти двухтысячелѣтняя исторія Церкви, ея безусловное благоговѣніе даже въ малѣйшей іотѣ или чертѣ Евангелія и многіе непререкаемые историческіе памятники и свидѣтельства. Но и безъ тщательныхъ историческихъ изслѣдованій самый тонъ, духъ и смыслъ Евангелія слишкомъ необыкновенны и, безъ малѣйшаго сомнѣнія, дѣлаютъ очевидною для читателя (если только въ немъ самомъ нѣтъ болѣзненныхъ условій) совершенную психологическую и фактическую невозможность человѣческаго творчества или подсочинительства въ этой книгѣ. Подлинно-евангельскій необъятный и необходимый (истинно Божественный) религіозный смыслъ дѣла и жизни Іисуса Христа, абсолютно-безгрѣшный міровой характеръ Его ученій и заповѣдей, ихъ не-человѣческая сила и власть,—все это въ связи съ чудесами и воскресеніемъ, съ ясной и простой необходимостью увѣрило и увѣряетъ Его послѣдователей въ Божествѣ Его и въ безусловной правдѣ Его свидѣтельства объ Отцѣ, о Себѣ и о Духѣ.

Сущность христіанскаго ученія состоитъ въ томъ, что „любовь Божія" (Рим. 5, 5; Ефес. 3, 19), или жизнь Отца (1 Іоан. 1, 2), т. е., нравственное содержаніе существа Божія (раскрывшееся въ дѣлѣ и любви Іисуса Христа) дѣлается достояніемъ человѣческаго сердца и полагается въ основу его жизни, какъ Божественный всеобщій жизнесозидательный принципъ. Въ развитіи всѣхъ высшихъ силъ и способностей нашего духа мы наблюдаемъ частное многостороннее раскрытіе этого единаго принципа. Человѣкъ и с т и н н о можетъ жить только по Творческимъ законамъ бытія, по разуму Божію, по идеаламъ Божественнаго совершенства. Умъ у насъ такой, а не иной, потому, что такова его природа и такимъ развиваютъ его факты и впечатлѣнія міра;

а въ этой созидающей и воспитывающей нашъ умъ средѣ выразился Разумъ Творца. Кто шире имѣетъ опытъ въ познаніи природы міра и духа, кто дальше въ нее проникаетъ и кто объективнѣе мыслитъ, тотъ и стоитъ ближе къ идеалу познанія. Полнота этого идеала есть совершенное согласіе и единство ума съ разумнымъ Началомъ міра,—усвоеніе разума Творческаго во всей его полнотѣ. И этотъ разумъ—**о д и н ъ**. **О д н а** истина. Несовершенныхъ субъективныхъ мнѣній много, но объективная истина одна: на ней стоитъ одинъ міръ, утверждается одна міровая гармонія и одинъ порядокъ. Иначе нельзя: не было бы жизни, а было бы уничтоженіе: по двумъ идеямъ устроеніе одного предмета невозможно. То же самое должно сказать объ основныхъ принципахъ нравственности (добро), искусства (красота) и счастія (совершенство). О какой бы сторонѣ въ развитіи нашего духа мы ни говорили, мы непремѣнно убѣдимся, что основа въ ея развитіи **о д н а** и что корень и полнота ея—въ **Б о г ѣ**. Хотите познанія—васъ удовлетворитъ только безусловное совершенное вѣдѣніе и всевѣденіе; идете къ добру—васъ мучитъ и тѣнь зла; ищете прекраснаго—по ступенямъ условной красоты вы взойдете до жажды безусловной и вѣчной красоты, зрѣлище которой дало бы высшую цѣнность вашей жизни, очищая ее и отражаясь въ ней. Такъ и во всемъ: чѣмъ выше и нормальнѣе человѣкъ по духовному развитію, тѣмъ больше онъ жаждетъ благости, всемогущества, всеміpнaгo торжества идеаловъ своей совѣсти, самаго близкаго и плодотворнаго участія въ каждой жизни, полноты всеобщей радости и т. д. Все это — свойства Божественной жизни, **е д и н с т в е н н о й**, доступной человѣку только при возможномъ для твари единеніи съ Богомъ. Полная мѣра развитія и удовлетворенности духа есть, такимъ образомъ, усвоеніе **е д и н а г о Б о ж е с т в е н н а г о с у щ е с т в а**, такъ или иначе посредственно открытаго или доступнаго непосредственно. Въ этомъ усвоеніи—безчисленное количество ступеней невольныхъ и вольныхъ, настоящихъ и будущихъ, но въ общемъ—смыслъ міpoвoгo процесса въ царствѣ людей (духовъ) не можетъ быть представленъ иначе. Начинаясь съ усвоенія малѣйшихъ посредственныхъ выраженій Творческаго ума и воли, водлинное развитіе духа человѣческаго можетъ завершиться только при непосредствен-

номъ, существенномъ и реальномъ единенiи съ одной подлинной основой и началомъ всего существующаго, съ Богомъ—во всей полнотѣ славы и жизни Его существа. Тогда мы „будемъ подобны Ему, потому что увидимъ Его, какъ Онъ есть“ (1 Іоан. 3, 2; ср. 2 Кор. 3, 18), и „будетъ Богъ все во всемъ“ (1 Кор. 15 28)!

Итакъ, непреходящая основа и вѣчное содержанiе нашего подлиннаго и полнаго существованiя есть единая жизнь Божiя, содержанiе единаго Божественнаго Существа;—единаго, потому что оно—единый Разумъ, единая Истина, единое созидающее Начало мiровой жизни. Слѣдовательно, живя и развиваясь истинно, объединяясь съ этимъ подлиннымъ единымъ началомъ нашей вѣчной жизни, мы всѣ приходимъ къ единству. Въ концѣ своего развитiя всѣ личности живутъ единымъ существомъ Божiимъ; сущностью, цѣною и смысломъ ихъ бытiя становится сущность и слава бытiя Божiя.

Это и есть идеалъ, поставленный Iисусомъ Христомъ, какъ цѣль для человѣчества, созидаемаго постепенно по образу Создавшаго его. *«Да будутъ всѣ едино* (молился Онъ): *какъ Ты, Отче, во Мнѣ, и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ Насъ едино... И славу, которую Ты далъ Мнѣ* («славу Единороднаго»), *Я далъ имъ: да будутъ едино, какъ Мы едино»*. Сущность этой славы и путь къ единству—любовь Божiя: *«Ты возлюбилъ ихъ, какъ возлюбилъ Меня; и Я открылъ имъ имя Твое и открою, да любовь, которою Ты возлюбилъ Меня, въ нихъ будетъ и Я въ нихъ»* (Іоан. 17, 21, 22, 23, 26).

Этимъ высочайшимъ идеаломъ человѣкъ призывается къ существенному участiю въ глубочайшей сокровенной жизни Божiей. Однако это—не уничтоженiе личностей, не слiянiе ихъ въ какое-либо иное бытiе, а подлинное ихъ утвержденiе и расцвѣтъ. Единственно, гдѣ личность имѣетъ полную свою цѣну и цѣлость, такъ это именно въ Богѣ; все частное, индивидуальное имѣетъ полную свою цѣну въ подлинной жизни человѣка, все истинное служитъ его цѣли, все доброе имѣетъ свое прочное мѣсто въ разнообразномъ и многосложномъ выраженiи любви и воли Божiей, все отъ Бога и для Бога; а на личныя жизни Онъ наложилъ вѣчныя черты Свои—самобытность и самостоятельность. Драгоцѣнно не какое-либо общее безразличное единство, а именно

единство личностей, единство при рѣзко выраженной каждой индивидуальности. Истинное развитіе именно личностей ведетъ къ подлинному предначертанному намъ расцвѣту нашего существа до единосущія *) его съ Божественными Личностями и въ Богѣ—со всѣми прочими тварными.

Теперь, думается, намъ нѣсколько понятнѣе, что такое—единосущіе личностей. Это —подлинная всесовершенная жизнь личнаго духа; единоличная жизнь не можетъ быть жизнью любви, это было бы умаленіемъ (регрессомъ) личной жизни. Въ ученіи о Св. Троицѣ намъ открыта внутренняя жизнь Божія, и изъ этого откровенія намъ отчасти понятны ея совершенство и полнота. Существо Божіе едино, но оно есть нераздѣльная жизнь трехъ Божественныхъ Лицъ. Три Божественныхъ Лица, но—Они едино по существу: едина Ихъ истина, любовь, святыня, нераздѣльна Ихъ сила и власть жизни—единое разумное и благое начало всякаго бытія.

Имена Отца, и Сына и Св. Духа, съ ученіемъ о „рожденіи“ и „исхожденіи“, указываютъ на различіе Личностей въ Богѣ и на Ихъ ближайшія, въ единосущной жизни, отношенія, и при томъ—для людей, человѣкообразно; такъ что здѣсь нѣтъ указанія на временное будто бы начало бытія Сына и Св. Духа: Отецъ, Сынъ и Св. Духъ—единое, нераздѣльное, вѣчное и безначальное бытіе, Отецъ никогда не существовалъ безъ Сына и Св. Духа, рожденіе и исхожденіе, это—образныя человѣкопонятныя, хотя и наиболѣе близкія къ существу предмета, обозначенія, полный ихъ реальный смыслъ—тайна бытія и существа Божія.

У насъ есть надежда на полное успокоеніе ума отъ всѣхъ, мучительно его волнующихъ, вопросовъ, недоумѣній и непониманій. Мы поймемъ во всей полнотѣ жизнь Божію, когда „будемъ подобны Ему“, когда „увидимъ Его, какъ Онъ есть“. Слова Господа Іисуса увѣряютъ насъ, что движеніе подлиннаго высшаго развитія человѣческаго духа направляется къ участію въ Божественной единосущной жизни Св. Троицы. Только мы пока не можемъ представить себѣ съ совершенной

*) Конечно, ограниченнаго, возможнаго для тварей.

ясностью тожества или конкретнаго единства существа личностей въ царствѣ Отца. Намъ представляется пока какое то общее, отвлеченное, нравственное единство; тогда какъ въ Богѣ оно мыслится, какъ метафизическое конкретное единство существа Божественныхъ Лицъ, подобно тому, какъ если бы силы души нашей, умъ, чувство, и воля, имѣли отдѣльныя личныя сознанія и всетаки составляли бы одно существо нашего духа. Но не загадка ли для насъ и наша природа? извѣстны ли намъ подлинныя вѣчныя связи и взаимовліяніе душъ нашихъ? Не къ одному только нравственнему единству мы восходимъ: каждый моментъ нашей подлинной вѣчной жизни долженъ быть поставленъ въ связь и подъ вліяніе единой Божественной жизни и силы. Не придемъ ли мы всѣ къ совершенному единству по всѣмъ сторонамъ нашего бытія: не замѣнится ли раздѣляющая и сковывающая насъ наша многосложная природа единствомъ и свободой Божественнаго существа, къ которому привьются вѣчно самостоятельныя личности? Почему отъединенная личность замираетъ? почему мы развиваемся при единеніи съ другой личностью? почему тяготѣемъ къ личности иного, чѣмъ мы, склада ума, воззрѣній, чувствъ и характера, не теряя, а усиливая свой складъ и характеръ? Какъ будто у каждаго есть своя завѣтная идея и мысль, составляющая необходимый моментъ въ единой міровой Идеѣ и Мысли, необходимый аккордъ въ общей вѣчной гармоніи любви; въ силу чего каждая личность дорога и незамѣнима для всѣхъ и всѣ для каждой. Не извѣстно еще, что будетъ! А когда будетъ извѣстно, будемъ подобны Создавшему насъ, потому что увидимъ Его, какъ Онъ есть (1 Іоан. 3, 2).

Развиваясь, мы приходимъ къ единству того, чѣмъ живемъ, *къ единству существа.* Полнота и истина наша, т. е., безусловное совершенство тѣхъ сторонъ нашей природы, какими мы подлинно живы и въ какихъ ищемъ всеобщаго согласія и единства,—въ существѣ и жизни Бога; въ Немъ, значитъ,—наше единство. Безусловно-полное и совершенное отраженіе Его есть, такимъ образомъ, принципъ единства личностей по существу. — Личности объединятся при полномъ развитіи (по образу Божію) своего существа, *но и при совершенномъ развитіи личнаго сознанія.* Замѣчательно, что, чѣмъ выше

наше развитіе по *общечеловѣческому* идеалу, тѣмъ развитѣе и крѣпче въ насъ *наше личное* сознаніе, чувство своей самостоятельности, самоотвѣтственности и свободы. При полномъ совершенствѣ нашего существа въ Богѣ, безусловность и самостоятельность нашего личнаго сознанія также всецѣло усовершатся. Въ этомъ завершеніи бытія—личности каждая по своему выражаютъ единое подлинное бытіе—Божіе. Это Бытіе—едино, раздѣленіе въ немъ—только личныя разнообразныя его выраженія. Наше совершенство въ Богѣ есть конкретное воспріятіе Божественной жизни. Жизнь Божія будетъ въ то же время жизнью и всѣхъ связанныхъ и объединенныхъ въ Богѣ личностей: въ царствѣ Отца мы будемъ жить—Его мыслями, чувствами, хотѣніемъ и дѣлами, которыя будутъ достояніемъ высшаго развитія нашего личнаго разума и нашей личной свободы. Это и есть то, что разумѣлъ Апостолъ, говоря, что „будетъ Богъ все во всемъ". Во всѣхъ личныхъ жизняхъ Богъ будетъ *всѣмъ*, чѣмъ они живы,—ихъ существомъ и всѣ они съ Нимъ и въ Немъ будутъ „едино".

Это—высшее, ближайшее и опытное проникновеніе въ тайну единосущія Божественныхъ Лицъ. Тогда откроются намъ эти тайны и нашей, невѣдомой намъ въ цѣломъ, жизни и божественной. Начало этихъ откровеній мы имѣемъ и теперь, ибо и теперь „мы Имъ, Богомъ, живемъ и движемся и существуемъ" (Дѣян. 17, 28).

Полное единство съ Божественной жизнью это—перспектива нашего безконечнаго развитія. Но, конечно, и *цѣлая вѣчность не наполнитъ безпредѣльнаго разстоянія между Творцомъ и тварью.* Одно дѣло—единство тварныхъ, измѣнчивыхъ, условныхъ и огриниченныхъ существъ и личностей, и совсѣмъ другое—безначальное и совершенное вѣчное единство по существу Творческихъ безусловныхъ Личностей. Поэтому нужно сказать слѣдующее: для Бога все возможно, все—въ десницѣ Его, нѣтъ предѣла Его снисхожденію и любви, все Онъ можетъ намъ дать, но если бы что и осталось для насъ вѣчной тайной въ Его существѣ и жизни, даже въ нашей собственной природѣ, то неужели бы мы соблазнились этимъ, неужели стали бы требовать у Него отчета?!..

Въ томъ-то и состоитъ особенное, истинно только

Богу свойственное, величіе Божіей любви и снисхожденія, что Онъ зоветъ насъ къ славѣ Своей жизни изъ такого ничтожества. Многіе изъ высшихъ духовъ, призванные къ этому, возгордились и пали. Теперь уничиженіемъ и кровью креста Сына Своего зоветъ Отецъ къ участію въ Своей жизни насъ, зачатыхъ изъ пепла и праха, рожденныхъ во грѣхѣ, униженныхъ паденіями, отягченныхъ страшной немощью своей плоти, не сознающихъ въ себѣ проблески божественныхъ чертъ, ощущающихъ прикасающуюся къ намъ благую и родную Силу, предъ которой ничтоженъ весь міръ, и горячимъ сердцемъ, живыми вѣчными корнями души приросшихъ къ Отцу своему, въ Которомъ для насъ— все и безъ Котораго все—ничто. Конечно, идеалъ слишкомъ высокій, мы не осмѣлились бы сами и мечтать о немъ, если бы Богъ не создалъ насъ по образу Своему, если бы не заповѣдалъ уподобляться Первообразу нашему и не ободрилъ бы сердца нашего высокимъ довѣріемъ, высказавши, что оно способно вмѣстить любовь Сына Божія къ роду человѣческому, любовь Отца къ Сыну и вѣчное причастіе Духа Святаго (Іоан. 15, 12; 17, 26; 14, 16). Съ тою цѣлью и изумилъ насъ Отецъ снисхожденіемъ и уничтоженіемъ Своего Единороднаго, чтобы мы не трепетали рабски отъ своего возвышенія и приближенія къ Божеству. Тотъ, Кто внушилъ намъ высочайшій идеалъ жизни, далъ намъ и силу искать его и указалъ къ нему путь...

И если Самъ Богъ открылъ намъ все это и повелѣлъ такъ проповѣдать, и если мы понимаемъ, что совершенное единосущіе Божественныхъ Лицъ есть единое подлинное самоцѣнное вѣчное бытіе, къ которому мы такъ рвемся,—единая основа всякаго бытія и жизни всякой любви и единства, то неужели мы будемъ шарлатанами, если не послушаемся Льва Николаевича и будемъ учить и крестить по заповѣди Христа — во имя Отца и Сына и Святаго Духа, убѣждая людей соблюдать все, что Онъ завѣщалъ намъ?..

Вы—художникъ, Левъ Николаевичъ. Даже по этимъ бѣглымъ штрихамъ и эскизамъ, какія мы пытались набросать въ разсужденіи, вы, думается, могли бы вообразить всю необъятную и дивно-гармоническую систему жизни и мысли, какъ ее представляетъ христіанское религіозное ученіе. Вы не найдете еще ея подробнаго

и полнаго научнаго изображенія, это — неисполненное пока дѣло богослововъ, требующее всесторонняго изученія всей жизни міра, всѣхъ откровеній и дѣлъ Божіихъ и всѣхъ состояній и оттѣнковъ человѣческаго духа. Впрочемъ, это можно сказать о всѣхъ наукахъ: предъ каждой изъ нихъ лежатъ необъятныя перспективы. Набросать нѣсколькими штрихами картину природы легче, чѣмъ подробно и научно описывать ее. И какъ все въ природѣ неисчерпаемо, то тѣмъ болѣе неисчерпаема природная дѣйствительность нашего духа и жизни Божественной. Важно установить основные пункты, съ которыхъ можно бы было обозрѣть всю картину жизни въ ея дѣйствительности, и съ этимъ непосредственнымъ созерцаніемъ жизни не сравнится ни одно подробное художественное или научное ея изображеніе.

Представивши нашу христіанскую систему міровоззрѣнія, вы, можетъ быть, убѣдились бы, что иначе понять жизнь міра мы не можемъ, что это все объемлющая и все объясняющая система, всему дающая свѣтъ и смыслъ, что въ основѣ ея—Творческій умъ.

Что христіанское церковное ученіе не на воздухѣ виситъ, не за копейку придумано, не эгоизмомъ обскурантовъ вдохновляется; что, исповѣдуя это ученіе, мы искренно вѣруемъ и знаемъ, во что вѣруемъ. Если такъ, то будьте и для насъ братомъ и честнымъ писателемъ, относитесь къ намъ, если ужъ такъ угодно вамъ истину за ложь почитать, какъ заблуждающимся, къ несчастнымъ, увлеченнымъ, а не старайтесь причинить намъ боль неправдою и грубостью своихъ рѣчей.

Одинъ Разумъ создалъ вселенную, и все—въ Немъ имѣетъ основаніе и гармонію. Чѣмъ гармоничнѣе міропониманіе и чѣмъ болѣе широкую область обнимаетъ оно, тѣмъ ближе оно къ этому единому міродержавному Разуму. Въ этомъ отношеніи христіанское міровоззрѣніе единственно и незамѣнимо. Какъ истина Божія, коротко и ясно оно, и однако всѣ необъятныя системы мудрецовъ человѣческихъ исчезаютъ въ немъ. Вся жизнь міра озарена въ немъ, своимъ полнымъ смысломъ. Все, начиная съ мельчайшей пылинки, съ бѣднаго полевого цвѣтка и до ближайшихъ пламенѣющихъ служителей престола Вседержителя, озарено для насъ одной мыслью, одной любовью и властью, все дви-

жется и живетъ по одному мановенію, все служитъ Единому. Нѣтъ такого порыва и чаянія духа нашего, нѣтъ такой радости и любви сердца, нѣтъ такого горя, паденія или подавляющаго испытанія, которыя не находили бы для себя во Христѣ, въ Евангельскомъ міропониманіи, удовлетворенія или надежды, объясненія или исправленія, обличенія или исцѣленія: все здѣсь поставляется подъ единственно истинное и живоносное освѣщеніе. Это и созидаетъ въ христіанинѣ гармонію духа, тотъ „міръ Божій", миръ Христова Евангелія, „который превыше всякаго ума и который соблюдаетъ сердца наши и помышленія наши во Христѣ Іисусѣ" (Филип. 4, 7). Этотъ миръ и завѣщалъ намъ Христосъ: „миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ... Да имѣете въ себѣ радость Мою совершенную" (Іоан. 14, 27; 17, 13; 16, 22).

Чему въ мірѣ дана свобода и путь самостоятельнаго развитія, то или ищетъ „пути Божія", или живетъ по разнымъ внушеніямъ, рабствуя, вопреки своей природѣ, стихіямъ міра, или увлекается своимъ произволомъ; отчего или созидается гармонія жизни, или производится нестерпимый диссонансъ. Жить тѣмъ, что лежитъ въ основѣ всей жизни міра, это значитъ стоять на единственномъ пути къ правдѣ, свободѣ и миру. Единое начало и основа жизни—„воля Отца", сущность и внутренняя жизнь святыни Его — „любовь Божія". Эта любовь, при непосредственномъ отношеніи къ жизни Божіей (новый „завѣтъ"), должна сдѣлаться достояніемъ сердца человѣческаго, чтобы жизнь человѣка была истинною, полною силы, мира и правды, совершеннаго согласія съ разумомъ и волею Бога. Жизнь Божія, открытая въ ученіи вѣры нашей, отражается въ душахъ нашихъ, преображая ихъ по образу Создателя, дѣлая праведными, питая Его чувствами и волей. Такъ „оправдавшись вѣрою, мы имѣемъ миръ съ Богомъ чрезъ Господа нашего Іисуса Христа"; въ этомъ для насъ полнота вѣчныхъ надеждъ, созидательной силой и залогомъ исполненія которыхъ служитъ данная намъ благодатная Божія сила, „потому что любовь Божія излилась въ сердца наши Духомъ Святымъ, даннымъ намъ" (Рим. 5, 1, 2, 5). Эта любовь источникъ той вѣчной радости, „который никто не отниметъ у насъ (Іоан. 16, 22), ибо мы увѣрены, что ни смерть, ни жизнь, ни

Ангелы, ни начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не можетъ отлучить насъ отъ любви Божіей во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ" (Рим. 8, 38. 39.).

Да, не по разуму мудрецовъ земныхъ, не по любви благодѣтелей человѣческихъ устроена жизнь міра и человѣка, а по разуму и любви Бога. Во имя своей мудрости и любви вы, мудрецы земные, не дали бы намъ права постоянно звать Отца нашего и дерзновенно молиться Ему, вы отказали бы нашему ничтожеству въ снисхожденіи Единороднаго отъ Отца, вы разочаровали бы всю радость жизни ученіемъ о торжествѣ вѣчной смерти *). Только Божія любовь дала намъ такія благодѣянія, отъ которыхъ доселѣ еще мы вполнѣ не опомнились, отъ которыхъ еще такъ сильно трепещетъ сердце наше и иногда готово чуть не противиться чрезмѣрной ихъ благостынѣ! Но странное что то происходитъ на нашей землѣ: Кто пришелъ во имя Отца Своего, во имя Его любви и воли, Того не принимаютъ; а кто приходитъ во имя свое, во имя своего разумѣнія и чувства, того принимаютъ (Іоан. V, 43).

Намъ хотѣлось бы, Левъ Николаевичъ, внушить вамъ пониманіе этой оживающей любви Божіей, крестоноснаго Сына Божія, въ замѣну или живой расцвѣтъ вашей любви — то холодной и суровой, то ищущей себѣ покоя и тепла.

Почему эта благовѣствуемая нами любовь не переродила всей Церкви и міра? — спросите вы. Въ этомъ мы и васъ согласны бы были послушать. Въ этомъ вы помогли бы намъ, если бы доброжелательно и братски указывали, въ чемъ грѣхи наши и міра, что дѣлаетъ насъ глухими и слѣпыми къ призывамъ Божіей любви, въ чемъ мы противорѣчимъ исповѣдаемому нами упованію? Развѣ мы говорили когда, что все въ жизни Церкви безусловно совершенно, все отъ Боги, все неизмѣнно? Развѣ не ввѣрена истина Божія и благодать человѣческимъ силамъ и средствамъ, ихъ свободѣ и вѣчному развитію? Неужели такъ трудно различить въ жизни Церкви Божію силу и нашу немощь? Бичуйте насъ за

*) Въ ученіяхъ земныхъ мудрецовъ есть, конечно, слова истины и жизни, потому что ни одинъ мудрецъ не можетъ совершенно уклониться отъ вліянія разума Отца жизни, разлитыхъ и выраженныхъ всюду въ мірѣ.

нашу несогласованность съ волей и Духомъ Отца, но не пытайтесь унизить дѣла Божія, которымъ только и живо человѣчество. Чрезъ ваши мысли прошли многіе служители вѣры и однако утвердились въ ней. Соблазны и нетвердость первыхъ шаговъ исчезаютъ при дальнѣйшемъ болѣе полномъ и жизненномъ воспріятіи ученій вѣры при дальнѣйшемъ неуклонномъ слѣдованіи по пути подлинной любви.

Вы не отклонились бы отъ единой Истины, если бы не начали съ отрицанія личности. Всѣ ваши понятія изъ міра нравственнаго стали двусмысленны, неточны, темны. Имена великія отвлеченныя и личныя въ вашихъ рѣчахъ уже не могли имѣть своей подлинной силы. Признавъ, что жизнь ваша—личная, вы на всю жизнь взглянули бы иначе. Вы съ логической необходимостью признали бы личное разумное Начало жизни духа и міра и безусловную необходимость личнаго нравственнаго отношенія къ Нему человѣка. Вамъ представилось бы хулой на Бога, на Его любовь, если бы вамъ сказали, что Онъ не открылся, не подалъ руку помощи въ дѣлѣ очищенія и вдохновенія подшаго, изстрадавшагося, ищущаго и зовущаго Его человѣчества.

Вмѣсто уясненія полной системы жизни, вы остановились на нѣкоторыхъ, правда, весьма существенныхъ, нравственныхъ явленіяхъ человѣческаго духа. Объ этихъ явленіяхъ вы сказали много живыхъ словъ, заслуживающихъ самой глубокой признательности. Но въ цѣломъ и въ своихъ отрицаніяхъ ваше міровоззрѣніе полно мучительныхъ диссонансовъ, туманностей, мрака и неправды. Почти все оно построено на основаніи того, что когда-то (не въ минуту геніальнаго озаренія, конечно) вамъ показалось, что вы—безличное существо. Вы значительно пассивно усвоили нѣкоторыя фантастическія положенія матеріалистической науки, потому вамъ и показалось это. Но какое же это худое и малое основаніе для міропониманія!

Отрицая личную жизнь теоретически, вы въ разсужденіяхъ о нравственности чуть не на каждой строкѣ говорите о ней, и безъ понятія о ней совсѣмъ ничего не осталось бы отъ вашей этики. Это — больной разладъ мысли. Но почему онъ васъ не безпокоитъ?

Вы свидѣтельствуете, что вы вполнѣ успокоены своимъ міровоззрѣніемъ. Но вѣдь вы почувствовали и по-

няли только то, что основа нашего счастія—самоотреченная любовь, имѣющая сама въ себѣ и для себя вѣчный смыслъ и цѣну. Это превосходно; но что же вы сдѣлали съ остальными требованіями ума и духа человѣческаго? Развѣ вы отвѣтили на всѣ свои вопросы: зачѣмъ, почему, откуда? что такое міръ, что такое я? Развѣ можно назвать отвѣтами на нихъ ваши туманныя и условныя объясненія, отрицающія самую законность вопросовъ? Вы успокоились на одной свѣтлой точкѣ; а что все вокругъ нея покрыто мракомъ, васъ будто бы не безпокоитъ: то все, будто бы, ненужное и пустое. Но неужели вся масса запросовъ человѣческаго разума сгинетъ отъ того, что вы не будете говорить о нихъ? Вы нашли какое то средство забыть ихъ, отдѣлаться отъ нихъ безъ отвѣта. Но между тѣмъ это пренебреженіе убійственно для той же самой вашей любви. Вы покойны, предположимъ, но это—покой уставшаго ума, покой, за который онъ боится и силится зачеркнуть безпокойные вопросы.

Предъ фактомъ смерти ваше личное сознане мучилось отъ представленія безучастной силы, которая разбиваетъ все, что вамъ особенно дорого. Вы искали признанія и защиты своего „я“ въ законахъ и строѣ міровой жизни. Внѣ этого не было утѣшенія для васъ, какъ личности (Левинъ). Какъ же вы утѣшили эти стонущіе порывы личнаго сознанія? Коротко и не вѣрно. „нѣтъ личности ни во мнѣ, ни въ мірѣ, ни выше его“. Вѣчное духовное существо ваше требовало, чтобы развязали ему руки признаніемъ его вѣчности и законности его непреходящихъ стремленій; безъ вѣчности жизнь сознавалась имъ, какъ безсмыслица. Удовлетвореніемъ будто бы этого требованія было: „нѣтъ для тебя вѣчной жизни, смерть торжествуетъ и должна торжествовать въ индивидахъ, и только родъ безсмертенъ“. У васъ, кромѣ плотскихъ, были главнѣйшія „духовныя потребности“; ихъ нужно было выяснить и удовлетворить для себя и для другихъ. Какъ же вы разрѣшили эту задачу? „Трудъ физическій для себя есть удовлетвореніе плотскихъ потребностей, „трудъ физическій для другихъ—удовлетвореніе духовныхъ потребностей“, рѣшили вы; т. е. духа нѣтъ, все—въ плоти? Правда, по вашему жизнь духа въ любви; но цѣль, смыслъ и завершеніе этой любви есть плотскій рай смертныхъ существъ на

временной землѣ. А потомъ? вѣчный и безусловный нуль?— Въ этомъ ли вдохновляющій смыслъ и разумная цѣль мірской жизни и любви? Впрочемъ, нужно жить настоящимъ, будущее насъ не должно касаться, говорите вы; хотя, по законамъ нашего разума, мы не можемъ разумѣть явленія, если не знаемъ его слѣдствій, конца, цѣли. И однако, у васъ есть будто бы „разумѣніе жизни“, даже такое, какое стало для васъ „вмѣсто Бога“. По вашему ученію — вѣчно и счастливо что-то общее, отвлеченное, а всѣ отдѣльныя особи—прахъ, тлѣніе, „для личности блага жизни недоступны“. Но тогда что за смыслъ въ осуществленіи какихъ то общихъ идей и состояній, которыми въ частности никто не воспользуется? Правда, любовь—удовлетворяющее чувство, но зачѣмъ скрываться въ него и находить въ немъ покой каждый разъ, когда возникаетъ предъ сознаніемъ тотъ или другой мучительный неразрѣшимый вопросъ? Вамъ хорошо въ разсужденіяхъ о любви и больно размышлять надъ другими вопросами жизни, потому что ваше сердце и „разумное сознаніе“ влекутъ васъ къ тому, что вы усиливаетесь всѣми софизмами „плотского“ ума отрицать.

Источникъ страданій, по вашему, въ личномъ сознаніи, въ требованіяхъ личной жизни, коимъ нѣтъ удовлетворенія. Вы говорите: долой личность, нѣтъ ея, и нечему будетъ страдать. Тогда и голодному нужно сказать: нѣтъ у тебя тѣла,—и будто бы онъ успокоится? Не думаемъ, поэтому, чтобы вы успокоились отъ своего отрицанія. Сказать своему духу, своей, жаждующей жизни, личности, что ихъ нѣтъ, не значитъ насытить ихъ: они стонутъ въ васъ, что бы вы ни говорили, какъ бы ни увѣряли въ противномъ себя и другихъ. Смерть остается предъ вами безсмыслицей, и вамъ все равно тяжело и противно убѣжденіе, что изъ пыла вашей любящей души, изъ вашей философіи и личной дѣятельности въ концѣ-концовъ выростетъ только—лопухъ. Долго ли будутъ васъ помнить, и больше ли добра, чѣмъ зла, останется въ мірѣ отъ вашей жизни, вы не можете поручиться. А если бы и поручились, все равно это не искупило бы великаго преступленія мировой силы, которая убиваетъ навѣки живую, чувствующую, любящую и любимую личность, положимъ—Льва Николаевича. Пусть онъ самъ отрекается отъ своей личности, но онъ не перестаетъ быть личностью; его отреченіе

болѣзненно-вынужденное, полное страданія и глухого, подавляемаго сильной волей, страстнаго протеста, жажды жизни и любви. Если бы мы вмѣстѣ съ вами вѣровали въ эту силу, темную, издѣвающуюся надъ законами любви,—силу, которая создала живую разумную личность, дала ей возможность сознать и оцѣнить благо личнаго существованія, всѣми могущественнѣйшими средствами раздула въ ней сильнѣйшій огонь любви, тѣснѣйшую связь съ подобными ей личными жизнями и нестерпимую жажду вѣчнаго бытія, и все это затѣмъ, чтобы убить ее безпощадно, на-вѣки, при страшныхъ корчахъ и крикахъ ея и связанныхъ съ ней другихъ лицъ, отрываемыхъ отъ нея для отдѣльнаго уничтоженія,—если бы мы вѣровали въ такую силу, то всѣ величайшія и чистыя блага жизни сразу превратились бы въ орудія ужасной пытки и насмышки надъ жизнью Если бы мы такъ понимали міровую злую силу, дѣятельность которой сводится къ топтанію нашихъ сердецъ, то развѣ можно было бы говорить о какой-либо любви и разумной жизни: вся жизнь превратилась бы въ зло отчаянія, безсильныхъ слезъ, страстнаго протеста противъ этой „пустой, глупой“ и слишкомъ жестокой „шутки“, кѣмъ-то разыгрываемой надъ человѣкомъ. Сила вашей любви, при ощущеніи этого міроваго преступленія, заставляетъ васъ искать утѣшенія; но иллюзорны утѣшенія ваши. Будто бы будетъ благоденствовать человѣчество отъ вашей любви и вообще отъ дѣла и служенія всеобщей любви,—это васъ утѣшаетъ. Да Левъ Николаевичъ, есть любящее, мирное, вѣчное и блаженное человѣчество, но нѣтъ счастливыхъ людей: каждый пьетъ горькую чашу зла и страданій, чаша сладости дается какъ будто для того, чтобы потомъ, еще при жизни или при смерти больнѣе чувствовать ея лишеніе, надъ каждымъ виситъ мечъ ужасной, безобразной, всеуничтожающей смерти, каждый пройдетъ чрезъ муки уничтоженія и изъ остатковъ каждаго выростетъ лопухъ. Да, если забыть людей, страждущихъ, не находящихъ смысла въ жизни, убиваемыхъ на-вѣки и поруганныхъ въ чувствахъ и чаяніяхъ своего сердца, то можно лелѣять миѳъ о какомъ-то „счастливомъ и вѣчномъ человѣчествѣ“. Но неужели это утѣшительно?

Въ томъ, несомнѣнно,—глубокій трагизмъ вашего положенія, что сердце ваше жаждетъ огненной міробни-

мающей любви, а вы, между тѣмъ, дѣлаетесь гонителемъ любви Божіей, единой чистой, вѣчно горящей, святой, оживляющей всякую душу. Вы—какъ заблудившій сынъ, который страстно ищетъ отца, а когда отецъ приходитъ, онъ уже, впавши въ болѣзнь, не узнаетъ его. У васъ, душа христіанская, а вы—въ числѣ гонителей имени Христова, какъ нѣкогда Павелъ, горящій и жаждущій духомъ, гналъ Церковь Того Христа, за Котораго онъ потомъ положилъ душу свою. И вамъ, Левъ Николаевичъ, трудно идти противъ рожна. Вѣдь больно вамъ? Чѣмъ же объяснить ваше смятенное и тяжелое настроеніе духа, такъ ясно почти для всѣхъ замѣтное?

Единое оживляющее стремленіе вашего сердца—жить по волѣ Отца, Бога любви. И это вами разбито: „это—фантазія, Богъ—во мнѣ, Онъ—мое разумѣніе". Ваши положительныя чувства и любовь къ Отцу жизни являются у васъ какъ бы для того, чтобы усилить горечь вашихъ отрицаній... Единый былъ Безгрѣшный на землѣ, „прекраснѣйшій болѣе всѣхъ сыновъ человѣческихъ", Сынъ и Посланникъ Отца, и Онъ отвергнутъ. Одна была книга жизни, запечатлѣнная Духомъ Истины, и она объявлена злонамѣренной поддѣлкой и въ цѣломъ—ложью, а ложь на нее—истиной. Кто берегъ каждую черту ея—названы сочинителями и обманщиками, а кто расчеркалъ и растасовалъ ее по своему—востановителемъ подлиннаго ея содержанія и смысла... Левъ Николаевичъ, да скинте же повязку; ахъ, какъ вы были бы недовольны собой!..

Ясны и просты пріемы вашего ума, горячаго и напоеннаго чувствомъ, жаждущаго полныхъ и яркихъ объясненій,—и туманна, противорѣчива, суха и холодна ваша безжизненная пантеистически-матеріалистическая метафизика. Такъ возвышенно вы говорите о духѣ, и всѣ ваши стремленія... сводятся къ идеалу счастливой плоти. Такъ отрадны для сердца ваши рѣчи о любви, и нѣтъ у васъ мира. Больше, чѣмъ кто-либо, вы жаждете безсмертія, понимаете цѣну его и чувствуете его, какъ непреходящій смыслъ своего бытія, и однако—съ рѣдкимъ ожесточеніемъ отрицаете его и при этомъ говорите: „я безсмертенъ, меня не забудутъ, дѣла мои не прейдутъ", и знаете, что это не безсмертіе, а воспоминаніе о несуществующемъ и возрожденіе подобныхъ вашимъ дѣлъ въ другихъ характерахъ, и однако успо-

копваете себя: „это—безсмертіе"... Развѣ это не крушеніе духа, не боль? Развѣ можно подмѣнить непреходящіе предметы живого чувства—фантазіями отвлеченныхъ представленій?

Всѣ ваши мысли, слова, произведенія, чувства и дѣла представляются отдѣльными и разрозненными отрывками какого-то одного великаго произведенія; и во всѣхъ нихъ чувствуется тяжолое томленіе, неразрѣшенные диссонасы; всѣ они какъ будто мучительно рвутся, стремясь достигнуть „единой идеи", которая освѣтила бы высшимъ свѣтомъ каждую ихъ частность и слила бы ихъ въ одно гармоническое живое цѣлое, отъ котораго отпало бы все чуждое, ложное, смертоносное, детонирующее.

Иногда музыкантъ наигрываетъ отрывочные аккорды и мелодіи; въ отдѣльности они хороши, а какъ цѣлое немыслимы, производя невозможные диссонаты и противорѣчивыя чувства. Но вотъ онъ догадывается, изъ какого произведенія эти мелодіи и звуки, какую должны выразить идею, по которой и нужно ихъ расположить, откинувши чуждое и возстановивши все подлинное; и вдругъ сливаются эти разбитыя звуки въ мощную, ясную, полную огня и мысли гармонію. Такъ и разбитыя силы, порывы и чаянія души стонутъ и рвутся, стремятся и падаютъ, пока не взойдетъ надъ ними „солнце безсмертнаго Разума", единый Идеалъ жизни духа, который соберетъ, объединитъ и оживитъ всѣ, до малѣйшихъ, подлинные элементы и звуки душп въ единую, вѣчную, ясную и торжественную гармонію.

Въ каждой жизни дано много непогрѣшимыхъ природныхъ основаній, творческихъ предначертаній, въ которыхъ человѣкъ не властенъ. Наша нравственная задача—вырости изъ этихъ корней въ зрѣлый плодъ духа, въ законченное произведеніе, въ цѣлую гармонію. Возьмемъ ли мы готовую, заповѣданную намъ Отцемъ идею или тему жизни и, идя на нее, какъ на путеводный огонекъ, поднимаясь къ ней, какъ цвѣтокъ къ солнцу, возрастемъ и исполнимся мира, или, неотступно созидая подлинную жизнь и миръ души, найдемъ ее какъ выводъ изъ жизни, какъ идею, заложенную въ нашу природу и раскрывшуюся въ ея развитіи, которымъ она тайно руководила, это одинаково драгоцѣнно; эти процессы живоносны каждый въ отдѣльности, но еще

болѣе могущественны въ своемъ стройномъ органическомъ взаимодѣйствіи.

Для вашего мира, Левъ Николаевичъ, нужно признать, что Богъ—больше, чѣмъ ваше „разумѣніе", что не по вашему развивающемуся разуму, не по разуму міровому, поскольку онъ сознается и понимается вами, созидается жизнь міра, а по мысли Божіей, по тому вседержащему Разуму, отдѣльные только лучи котораго попадаютъ въ наше, всегда почти индивидуальное и одностороннее, сознаніе. Признавъ это, вы не стали бы такъ исключительно искать торжества своей идеи, дисгармонируя жизнь въ себѣ и вокругъ, а сдѣлались бы болѣе доступными воспріятію единой Творческой идеи и воли, созидающей стройный порядокъ міровой жизни. Понявши міръ не съ точки зрѣнія своего разумѣнія и своей любви, а съ точки зрѣнія Разума и любви Божіей, вы отнеслись бы къ жизни міра съ милосердіемъ Отца, Который „повелѣваетъ солнцу Своему восходить надъ злыми и добрыми и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ", вы не отнеслись бы презрительно ни къ одной жизни и не вычеркнули бы равнодушно н одного изъ упованій живыхъ; лелѣя каждое дыханіе и радость жизни въ странѣ испытаній и скорби, вы исправляли бы зло, какъ милосерднѣйшій братъ и врачъ, какъ посланникъ Бога любви, и не отказали бы человѣчеству въ тѣхъ великихъ надеждахъ, какія далъ ему Богъ и какія зажгли лучшія изъ сердецъ человѣческихъ огнемъ вѣчной любви Божіей.

Человѣческое „разумѣніе" дѣйствительно должно совпасть съ Богомъ, но въ томъ приблизительно смыслѣ, какъ совподаетъ съ солнцемъ капля воды, отражая его, или цвѣтокъ, питаясь и украшаясь свѣтомъ его. Смыслъ жизни человѣка въ единствѣ съ Богомъ; но Богъ и человѣкъ это—два слишкомъ удаленные другъ отъ друга полюса; чтобы они были едино, слишкомъ много нужно Богу открыться, а человѣку преобразиться по образу Его. Осуществляя вѣчную тему религіи—личное единство по существу съ живымъ и личнымъ Богомъ, вы по необходимости пришли бы къ тому убѣжденію, что установить единство и гармонію между Божіей жизнью и человѣческой невозможно безъ единаго Примирителя и Ходатая „вѣчнаго завѣта", Сына Божія и Сына Человѣческаго—Іисуса Христа. Въ Его только

жизни и служеніи открылась намъ глубина сердца Божія, любовью котораго увлеклись сердца наши до всецѣлаго поклоненія, до вѣчной безраздѣльной преданности Богу, какъ единаго средства свободно и лично усвоить содержаніе Его жизни и существа, чтобы быть съ Нимъ—„едино“.

Поймите любовь Божію, опредѣляющій духъ Его необычайныхъ дѣлъ, и вы поймете идею искупленія и примиренія Христова, поймите ту миссію Христа, которая никѣмъ, кромѣ Его, не могла быть исполнена, ощутите миръ Евангелія и радость благовѣстія Его, и Самъ Онъ станетъ между вами и нами—миромъ!

„Благодать и миръ вамъ да умножится въ познаніи Бога и Христа Іисуса, Господа нашего; ибо отъ Божественной силы Его даровано намъ все потребное для жизни и благочестія, чрезъ познаніе Призвавшаго насъ славою и благостью, которыми дарованы намъ великія и драгоцѣнныя обѣтованія, дабы мы чрезъ нихъ содѣлались причастниками Божескаго естества“ (2 Петр. 1, 2—4)!

Вотъ какими убѣжденіями, желаніями и чувствами вдохновляются наши рѣчи къ вамъ. Намъ хотѣлось бы подѣлиться съ вами тѣмъ, что дано намъ отъ благости Бога, и соутѣшиться съ вами этими „драгоцѣнными обѣтованіями“. Сердца наши болятъ за васъ; но за истину намъ не страшно!

Если есть у васъ какія-либо предсмертныя утѣшенія, то избави Богъ, чтобы мы хотѣли поколебать ихъ въ васъ; нѣтъ, намъ, наоборотъ, страшно и больно, что доселѣ ваша душа не имѣетъ мира и искупленія. Мы направляемъ свои усилія къ тому и надеямся на то, что, склоняясь къ западу, не окинете ли вы міра прощальнымъ взоромъ подъ инымъ угломъ зрѣнія, не представится ли онъ вамъ въ иномъ освѣщеніи подъ осѣненіемъ любви Божіей, и не сойдетъ ли миръ Божій въ вашу жаждующую душу, чтобы вы могли съ непоколебимымъ упованіемъ сказать: „нынѣ отпускаешь раба Твоего, Владыко, съ миромъ, ибо увидали очи мои спасеніе, которое уготовалъ Ты для всѣхъ людей Твоихъ!“

Священникъ *Димитрій Силинъ.*

---

*) Изъ трактата, помѣщеннаго въ „Мис. Обозр.“ за 1902-3 гг. подъ заглавіемъ «Миръ Евангелія и трагизмъ Толстовства»

XXIII.

Приложенія.

Разборъ послѣднихъ религіозныхъ трактатовъ гр. Л. Н. Толстого.

„Обращеніе къ духовенству", и „Разрушеніе ада".

I.

„Обращеніе къ духовенству".

ВВЕДЕНІЕ:

Отвѣтъ о. Іоанна Кронштадскаго на Обращеніе гр. Л. Н. Толстого къ духовенству.

Русскіе люди! хочу я вамъ показать безбожную личность Льва Толстого, по послѣднему его сочиненію, изданному за границей, озаглавленному: „Обращеніе къ духовенству", т. е., вообще къ православному, католическому, протестантскому и англиканскому,—что видно изъ самаго начала его сочиненія. Не удивляйтесь моему намѣренію: странно было бы, еслибы я, прочитавъ это сочиненіе, не захотѣлъ сказать своего слова въ защиту вѣры христіанской, которую онъ такъ злобно, несправедливо поноситъ вмѣстѣ съ духовенствомъ всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій. Въ настоящее время необходимо сказать это слово и представить наглядно эту безбожную личность, потому что весьма многіе не знаютъ ужаснаго богохульства Толстого, а знаютъ его, лишь какъ талантливаго писателя, по прежнимъ его сочиненіямъ: „Война и миръ", „Анна Каренина" и пр. Толстой извратилъ свою нравственную личность до уродливости, до омерзенія. Я не преувеличиваю. У меня въ рукахъ это сочиненіе, и вотъ вкратцѣ его содержаніе.

* * *

Съ привычною развязностью писателя, съ крайнимъ самообольщеніемъ и высоко поднятою головою, Левъ Толстой обращается къ духовенству всѣхъ вѣроисповѣданій и ставитъ его предъ своимъ судейскимъ трибуналомъ, представляя себя ихъ судьею. Тутъ сейчасъ же узнаешь Толстого, какъ по когтямъ льва (ex ungue leonem). Но въ чемъ же онъ обличаетъ пастырей христіанскихъ церквей и за что осуждаетъ? Въ томъ, что представители этихъ христіанскихъ исповѣданій принимаютъ, какъ выраженіе точной христіанской истины, Никейскій символъ вѣры, котораго Толстой не признаетъ и въ который не вѣритъ, какъ несогласный съ его безбожіемъ.

Потомъ обличаетъ пастырей въ томъ, что предшественники ихъ преподавали эту истину преимущественно насиліемъ (наоборотъ, христіанъ всячески гнали и насиловали язычники и іудеи, откуда и явилось множество мучениковъ) и даже предписывали эту истину (канцелярскій слогъ) и казнили тѣхъ, которые не принимали ее (никогда не бывало этого съ православнымъ духовенствомъ). Далѣе Толстой въ скобкахъ пишетъ: милліоны и милліоны людей замучены, убиты, сожжены за то, что не хотѣли принять ее (попутно достается и православному духовенству). Въ словахъ Толстого очевидно явная клевета и совершенное незнаніе исторіи христіанской Церкви.

Слушайте дальше фальшивое словоизверженіе его: средство это (т. е. принужденіе къ принятію христіанской вѣры пытками) съ теченіемъ времени стало менѣе и менѣе употребляться и употребляется теперь изъ всѣхъ христіанскихъ странъ (кажется!) въ одной только Россіи.

Поднялась же рука Толстого написать такую гнусную клевету на Россію, на ея правительство!.. Да если бы это была правда, тогда Левъ Толстой давно бы былъ казненъ или повѣшенъ за свое безбожіе, за хулу на Бога, на Церковь, за свои злонамѣренныя писанія, за соблазнъ десятковъ тысячъ русскаго юношества, за десятки тысячъ духоборовъ, имъ совращенныхъ, обманутыхъ, загубленныхъ. Между тѣмъ Толстой живетъ бариномъ въ своей Ясной Полянѣ и гуляетъ на полной свободѣ.

Далѣе Толстой нападаетъ на духовенство, знаете ли

за что? За то, что оно внушаетъ церковное ученіе людямъ въ томъ состояніи, въ которомъ они не могутъ (будто-бы) обсудить того, что имъ передается: тутъ онъ разумѣетъ совершенство необразованныхъ рабочихъ, не имѣющихъ времени думать (а на что праздники и обстоятельныя внѣгобослужебныя изъяснительныя бесѣды пастырей Церкви?), и, главное, дѣтей, которыя принимаютъ безъ разбора и навсегда запечатлѣваютъ въ своей памяти то, что имъ передается. Какъ будто дѣти не должны принимать на вѣру слово истины.

Слушайте, слушайте, православные, что заповѣдуетъ духовенству всѣхъ странъ русскій Левъ: онъ пресерьезно и самоувѣренно утверждаетъ, что необразованныхъ, особенно рабочихъ и дѣтей не должно учить вѣрѣ въ Бога, въ Церковь, въ таинства, въ воскресеніе, въ будущую жизнь, не должно учить молиться, ибо все это, по Толстому, есть нелѣпость, и потому, что они не могутъ обсудить того, что имъ преподается, какъ будто у нихъ нѣтъ смысла и воспріимчивости, между тѣмъ какъ Господь изъ устъ младенцевъ и ссущихъ совершаетъ хвалу Своему величію и благости; утаиваетъ отъ премудрыхъ и разумныхъ Свою премудрость и открываетъ ее младенцамъ (Мѳ. 11, 25), и отъ гордеца Толстого утаилъ Свою премудрость и открылъ ее простымъ неученымъ людямъ, каковы были апостолы, и каковы и нынѣшніе простые и неученые или малоученые люди,—да не похвалится никакая плоть, никакой человѣкъ предъ Богомъ (1 Кор. 1, 29). Толстой хочетъ обратить въ дикарей и безбожниковъ всѣхъ: и дѣтей, и простой народъ, ибо и самъ сдѣлался совершеннымъ дикаремъ относительно вѣры и Церкви, по своему невоспитанію съ юности въ вѣрѣ и благочестіи. Думаю, что еслибы Толстому съ юности настоящимъ образомъ вложено было въ умъ и въ сердце христіанское ученіе, которое внушается всѣмъ съ самаго ранняго возраста,—то изъ него не вышелъ бы такой дерзкій, отъявленный безбожникъ, подобный Іудѣ предателю.— Невоспитанность Толстого съ юности и его разсѣянная, праздная съ похожденіями жизнь въ лѣта юности,— какъ это видно изъ собственнаго его описанія своей жизни въ его псевдонимѣ,—были главной причиной его радикальнаго безбожія,—знакомство съ западными безбожниками еще болѣе помогло ему стать на этотъ

страшный путь, а отлученіе его отъ Церкви Святѣйшимъ Синодомъ озлобило его до крайней степени, оскорбивъ его графское писательское самолюбіе, помрачивъ его мірскую славу. Отсюда проистекла его беззастѣнчивая, наивная, злая клевета на все вообще духовенство и на вѣру христіанскую, на Церковь, на все священное богодухновенное Писаніе. Своими богохульными сочиненіями Толстой хочетъ не менѣе, если еще не болѣе, какъ апокалипсическій драконъ, отторгнуть третью часть здѣздъ небесныхъ, т. е. цѣлую треть христіанъ, особенно интеллигентныхъ людей и частью простого народа. О, если бы онъ вѣрилъ слову Спасителя, Который говоритъ въ Евангеліи: кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Меня, тому лучше было бы, если бы повѣсили ему мельничный жерновъ на шею и потопили его въ глубинѣ морской (Мѳ. 18, 6).

* * *

Пойдемъ дальше въ глубину Толстовской мнимой мудрости. Горе, сказано въ Писаніи, тѣмъ, которые мудры въ самихъ себѣ и предъ собою разумны. Толстой считаетъ себя мудрѣе и правдивѣе всѣхъ, даже священныхъ писателей, умудренныхъ Духомъ Святымъ, Св. Писаніе признаетъ за сказку и поноситъ духовенство всѣхъ исповѣданій христіанскихъ за преподаваніе священной исторіи В. и Н. Завѣта, почитая за вымыселъ сказаніе о сотвореніи Богомъ міра и человѣка, о добрѣ и злѣ, о Богѣ,—высмѣиваетъ все священное бытописаніе и первый завѣтъ Божій человѣку о соблюденіи заповѣди, исполненіе которой должно было утвердить волю первочеловѣковъ въ послушаніи Творцу Своему и навсегда увѣковѣчить ихъ союзъ съ Богомъ, блаженное состояніе и безсмертіе даже по тѣлу; вообще извращаетъ и высмѣиваетъ всю дальнѣйшую священную исторію, не принимая на вѣру ни одного сказанія. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ, что Богъ, покровительствуя Аврааму и его потомкамъ, совершаетъ въ пользу его и его потомства самыя неестественныя (!) дѣла, называемыя чудесами (Толстой не вѣритъ въ нихъ), и самыя страшныя (!) жестокости (это Богъ-то милостивый, человѣколюбивый и долготерпѣливый), такъ что вся исторія эта, за исключеніемъ наивныхъ

иногда невинныхъ, часто же безнравственныхъ сказокъ (!), вся исторія эта, начиная съ казней, посланныхъ Моисеемъ (не имъ, а Богомъ праведнымъ и долготерпѣливымъ), и убійства ангеломъ всѣхъ первенцовъ ихъ до огня, попалившаго 250 заговорщиковъ, и провалившихся подъ землею Корея, Даѳана и Авирона, и погибели въ нѣсколько минутъ 14.000 человѣкъ, и до распиливаемыхъ пилами враговъ (выходитъ, что слышалъ звонъ, да не знаетъ гдѣ онъ: извѣстно, что царь Манассія беззаконный царь Іудейскій велѣлъ перепилить надвое пророка Исаію за его пророчество) и казненныхъ Ильей (пророкомъ), улетѣвшимъ (!) на небо (не улетѣвшимъ, а вознесеннымъ, какъ бы на небо, Божіимъ повелѣніемъ на колесницѣ огненной, конями огненными), несогласныхъ съ нимъ жрецовъ и Елисея, проклявшаго смѣявшихся надъ нимъ мальчиковъ, разорванныхъ и съѣденныхъ за это двумя медвѣдицами; — вся исторія эта есть (по Толстому) рядъ чудесныхъ событій и страшныхъ злодѣяній (Толстой, отвергая личнаго святаго и праведнаго Бога, отвергаетъ и Его правосудіе), совершаемыхъ еврейскимъ народомъ его предводителями и Самимъ Богомъ (!).—Вотъ вамъ воочію безбожіе и хула Толстого на праведнаго, многомилостиваго и долготерпѣливаго Бога нашего! Но это только цвѣтки, а ягодки—впереди.

*
* *

Слушайте дальше что говоритъ Толстой о Новомъ Завѣтѣ, т. е., Евангеліи. Вы,—упрекаетъ онъ духовенство всѣхъ вѣроисповѣданій,—передаете дѣтямъ и темнымъ людямъ (только дѣтямъ и темнымъ людямъ, а не всѣмъ интеллигентнымъ?) исторію Новаго Завѣта въ такомъ толкованіи, при которомъ главное значеніе Новаго Завѣта заключается не въ нравственномъ ученіи, не въ нагорной проповѣди, а въ согласованіи Евангелія съ исторіей Ветхаго Завѣта, въ исполненіи пророчествъ и въ чудесахъ (и то и другое и все содержаніе преподается: Толстой не знаетъ, что говоритъ или намѣренно извращаетъ истину); далѣе Толстой въ насмѣшливомъ тонѣ говоритъ — о явленіи чудесной звѣзды по рождествѣ Спасителя, о пѣніи Ангеловъ, о разговорѣ съ дьяволомъ (въ котораго не вѣритъ, хотя

онъ его истый отецъ, ибо сказано: „вы отца вашего дьявола есте“. Мѳ. 8, 44.), о претвореніи воды въ вино, хожденіи Господа по водамъ, о чудесныхъ исцѣленіяхъ, воскресеніи мертвыхъ, о воскресеніи Самого Господа и вознесеніи Его на небо (иронически говоритъ о улетаніи его на небо). Наконецъ, Левъ Толстой договорился до того, что священныя книги Ветхаго и Новаго Завѣта не удостоиваетъ даже и названія сказки, а называетъ ихъ „самыми вредными книгами въ христіанскомъ мірѣ, ужасною книгою“. При этомъ невольно восклицаемъ: о, какъ ты самъ ужасенъ, Левъ Толстой, порожденіе ехидны, отверзшій уста свои на хуленіе богодуховнаго писанія Ветхаго и Новаго Завѣта, составляющаго святыню и неоцѣненное сокровище всего христіанскаго міра! Да неужели ты думаешь, что кто либо изъ людей съ умомъ и совѣстью повѣритъ твоимъ безумнымъ словамъ, зная съ юности, что книги Ветхаго и Новаго Завѣта имѣютъ въ самихъ себѣ печать боговдохновенности? Да, мы утверждаемъ, что книги Ветхаго и Новаго Завѣта самая достовѣрная истина и первое необходимое основное знаніе для духовной жизни христіанина, а потому съ нихъ и начинается обученіе дѣтей всякаго званія и состоянія, и самихъ царскихъ дѣтей. Видно, только одинъ Левъ Толстой не съ того началъ, а оттого и дошелъ до такой дикости и хулы на Бога и Творца своего и воспитательницу его Мать—Церковь Божію.

* * *

Слушайте, что далѣе Толстой говоритъ о себѣ, ко нечно, а не о комъ либо другомъ, потому что ни къ кому не примѣнимо то, что онъ разглагольствуетъ. Въ живой организмъ нельзя вложить чуждое ему вещество—безъ того, чтобы организмъ этотъ не пострадалъ отъ усилія освободиться отъ вложеннаго въ него чудаго вещества и иногда не погибалъ бы въ этихъ усиліяхъ.

Несчастный Толстой: онъ едва не погибалъ въ усиліяхъ сдѣлаться богоотступникомъ и все-таки достигъ погибели своей, сдѣлавшись окончательно вѣроотступникомъ! Слушайте далѣе нелѣпость его, чтобы убѣдиться, что Толстой въ своей злобѣ на вѣру и Церковь

клевещетъ на нее, отпадая влiянiю сатаны. Вотъ его слова! „Какой страшный вредъ должны производить въ умѣ человѣка тѣ чуждыя и современному знанiю, и здравому смыслу, и нравственному чувству изложенiя ученiя по Ветхому и Новому Завѣту, внушаемыя ему, въ то время, когда онъ не можетъ обсудить“ (на это есть вѣра, какъ довѣрiе истинѣ). На это отвѣчаю. Мы всѣ съ дѣтства знаемъ исторiю В. и Н. завѣта и получили отъ изученiя ихъ самое всеоживляющее, спасительное знанiе и высокое религiзное наслажденiе. Толстой же, по своему лукавству и увлеченiю безбожными нѣмецкими и французскими писателями, этого не могъ испытать, ибо отъ дерзкаго ума его Господь утаилъ Свою чистую премудрость.

Толстой подчиняетъ безконечный разумъ Божiй своему слѣпому и гордому уму и рѣшительно не хочетъ вѣрить, какъ въ невозможное дѣло, въ сотворенiе мiра изъ ничего, во всемiрный потопъ, въ ковчегъ Ноевъ, въ Троицу, въ грѣхопаденiе Адама (значитъ и въ нужду всеискупительной жертвы), въ непорочное зачатiе, въ чудеса Христа, и утверждаетъ, что для вѣрующаго вовсе сказанное требованiе разума уже необязательно, и такой человѣкъ не можетъ быть увѣреннымъ ни въ какой истинѣ.

„Если возможна Троица,—продолжаетъ глумиться Толстой,—непорочное зачатiе и искупленiе рода человѣческаго кровью Христа, то все возможно, и требованiе разума не обязательны“.—Слышите, христiане, какъ Толстой разумъ свой слѣпой ставитъ выше Бога и поелику онъ, Толстой, не можетъ разумѣть высочайшей тайны Божества—Троичности Лицами и единства по существу,—то считаетъ невозможнымъ бытiе самой Троицы и искупленiе падшаго рода человѣческаго кровью I. Христа. Забейте клинъ, говоритъ онъ, между половицами закрома: сколько бы вы ни сыпали въ такой закромъ зерна, оно не удержится. Точно также и въ головѣ, въ которой вбитъ клинъ Троицы, или Бога, сдѣлавшагося человѣкомъ и Своимъ страданiемъ искупившаго родъ человѣческiй, и потомъ опять улетѣвшаго (какое искаженiе св. Писанiя!) на небо, не можетъ уже удержаться никакое разумное, твердое жизнепониманiе“.

Отвѣчаю:—Толстой точно вбилъ себѣ клинъ въ голову—гордое невѣрiе и оттого впалъ въ совершенную

безсмыслицу, относительно вѣры и дѣйствительнаго жизне-пониманія, извративъ совершенно разумъ и его міросозерцаніе, и всю жизнь поставилъ вверхъ дномъ. Вообще Толстой твердо вѣритъ въ непогрѣшность своего разума, а религіозныя истины, открытыя людямъ Самимъ Богомъ, называетъ безсмысленными и противорѣчивыми положеніями, а тѣ, которые приняли ихъ умомъ и сердцемъ, будто бы—люди больные (не боленъ ли самъ Толстой, не принимающій ихъ)?

*
* *

Все сочиненіе Толстого „Обращеніе къ духовенству" наполнено самою безстыдною ложью, къ какой способенъ человѣкъ, порвавшій связь съ правдою и истиной. Вездѣ изъ ложныхъ положеній выводятся ложныя посылки и самыя нелѣпыя заключенія. Авторъ задался цѣлью всѣхъ совратить съ пути истины, всѣхъ отвести отъ вѣры въ Бога и отъ Церкви; старается всѣхъ развратить и ввести въ погибель;—это очевидно изъ всего настоящаго сочиненія его.

На всѣ отдѣльныя мысли Толстого отвѣчать не стоитъ—такъ онѣ явно нелѣпы, богохульны и нетерпимы для христіанскаго чувства и слуха; такъ онѣ противорѣчивы и бьютъ сами себя,—и окончательно убили душу самого Льва Толстого и сдѣлали для него совершенно невозможнымъ обращеніе къ свѣту истины.

„Не отвѣщай безумному по безумію его, говоритъ премудрый Соломонъ, да не подобенъ ему будеши" (Притч. Солом. 26, 4). И дѣйствительно, если отвѣчать Толстому по безумію его, на всѣ его безсмысленныя хулы, то самъ уподобишься ему и заразишься отъ него тлетворнымъ смрадомъ.—„Но отвѣщай безумному по безумію его, продолжаетъ Соломонъ, въ другомъ смыслѣ, да не явится мудръ у себе" (5 ст). И я отвѣтилъ безумному по безумію его, чтобъ онъ не показался въ глазахъ своихъ мудрымъ предъ собою, но дѣйствительнымъ безумцемъ. Развѣ не безуміе отвергать личнаго, всеблагаго—премудраго, праведнаго, вѣчнаго, всемогущаго Творца, единаго по существу и троичнаго въ лицахъ, когда въ самой душѣ человѣческой, въ ея единомъ существѣ, находятся три равныя силы: умъ, сердце и воля, по образу трехъ лицъ Божества?—Развѣ человѣчество не

29

уважаетъ въ числахъ—число три болѣе всѣхъ чиселъ и чрезъ то по самой природѣ своей чтитъ Троицу, создавшую тварь? Развѣ человѣчество не чувствуетъ своего паденія и крайней нужды въ искупленіи и Искупителѣ? Развѣ Богъ не есть Богъ чудесъ и самое существованіе міра развѣ не есть величайшее чудо? Развѣ человѣчество не вѣруетъ въ происхожденіе свое отъ одного праотца? Развѣ оно не вѣруетъ въ потопъ? Развѣ не вѣритъ въ адъ, въ воздаяніе по дѣламъ, въ блаженство праведныхъ, хотя не всѣ по откровенію слова Божія? Развѣ Толстому не жестоко идти противъ рожна? Можно ли разглагольствовать съ Толстымъ, отвергающимъ Альфу и Омегу—начало и конецъ? Какъ говорить серьезно съ человѣкомъ, который не вѣритъ, что А есть А, Б есть Б?—Не стоитъ отвѣчать безумному по безумію его.

Главная магистральная ошибка Льва Толстого заключается въ томъ, что онъ, считая нагорную проповѣдь Христа и слово Его о непротивленіи злу,—превратно имъ истолкованное,—за исходную точку своего сочиненія, вовсе не понялъ ни нагорной проповѣди, ни заповѣди—о непротивленіи злу. Первая заповѣдь въ нагорной проповѣди есть заповѣдь о нищетѣ духовной и нуждѣ смиренія и покаянія, которыя суть основаніе христіанской жизни, а Толстой возгордился, какъ сатана, и не признаетъ нужды покаянія, и какими то своими силами надѣется достигнуть совершенства безъ Христа и благодати Его, безъ вѣры въ искупительныя Его страданія и смерть, а подъ непротивленіемъ злу разумѣетъ потворство всякому злу—по существу, непротивленіе грѣху, или поблажку грѣху и страстямъ человѣческимъ, и пролагаетъ торную дорогу всякому беззаконію, и такимъ образомъ дѣлается величайшимъ пособникомъ дьяволу, губящему родъ человѣческій, и самымъ отъявленнымъ противникомъ Христу.—Вмѣсто того, чтобы скорбѣть и сокрушаться о грѣхахъ своихъ и людскихъ, Толстой мечтаетъ о себѣ,—какъ о совершенномъ человѣкѣ или сверхчеловѣкѣ, какъ мечталъ извѣстный сумасшедшій Ницше; между тѣмъ какъ, что въ людяхъ высоко, то есть мерзость предъ Богомъ. Первымъ словомъ Спасителя грѣшнымъ людямъ—была заповѣдь о покаяніи. „Оттолѣ начатъ Іисусъ проповѣдати и глаголати: покайтеся, приближибося царство небесное“; а Толстой говоритъ: не кайтесь,—покаяніе есть

малодушіе, нелѣпость, мы безъ покаянія, безъ Христа, своимъ разумомъ достигнемъ совершенства, да и достигли, говоритъ: — посмотри на прогрессъ человѣческаго разума, человѣческихъ познаній, литературы романической, исторической, философской; разныхъ изобрѣтеній, фабричныхъ издѣлій, желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, телефоновъ, фонографовъ, грамофоновъ, аэростатовъ. Для Толстого нѣтъ высшаго духовнаго совершенства въ смыслѣ достиженія христіанскихъ добродѣтелей — простоты, смиренія, чистоты сердечной, цѣломудрія, молитвы, покаянія, вѣры, надежды, любви въ христіанскомъ смыслѣ; христіанскаго подвига онъ не признаетъ; надъ святостью и святыми смѣется—самъ себя онъ обожаетъ, себѣ поклоняется, какъ кумиру, какъ сверхчеловѣку: я, и никто кромѣ меня, мечтаетъ Толстой. Вы всѣ заблуждаетесь; я открылъ истину и учу всѣхъ людей истинѣ! Евангеліе, по Толстому, вымыселъ и сказка. Ну, кто же, православные, кто такой Левъ Толстой?

Это Левъ рыкающій, ищущій кого поглотить.—И скольнихъ онъ поглотилъ чрезъ свои льстивые листки! Берегитесь его.

II

Подробное содержаніе и разборъ новаго трактата гр. Толстого: „Обращеніе къ духовенству“.

Въ предъидущей главѣ изъ отзыва о. Іоанна Кронштадтскаго объ „обращеніи гр. Толстого къ духовенству“, читатель ясно могъ видѣть и понять, что *брошюра „Обращеніе къ духовенству“* продиктована безусловной нетерпимостью къ „свободѣ чужой совѣсти“ и огромнымъ высокомѣріемъ яснополянскаго философа, который, по его собственнымъ словамъ, будто бы уже „позналъ истину“ и можетъ будить отъ гипноза.

Въ настоящей главѣ мы будемъ знакомить читателя съ брошюрой въ точномъ текстѣ. При этомъ считаемъ нужнымъ цитовать брошюру Л. Н. не отдѣльными фразами, а цѣлыми отдѣлами: въ видахъ цѣлостности вы-

водовъ. А послѣ каждаго отдѣла будемъ указывать, въ чемъ неправда и какія заблужденія здѣсь проповѣдуетъ Л. Н. Толстой; при этомъ критическія замѣчанія этой главы на толстовское «Обращеніе» нами заимствованы (въ выдержкахъ) изъ отповѣди почтеннаго о. іер. Михаила, помѣщенной на страницахъ «Мисс. Обозр.» въ 1903 г. кн. № 8—11.

I.

Кто бы вы ни были: папы, кардиналы, епископы, суперинтенденты, священники, пасторы, какихъ бы то ни было церковныхъ исповѣданій, оставьте на время свою увѣренность въ томъ, что вы, именно вы, единые истинные ученики Христа Бога, призванные проповѣдывать его единое истинное ученіе, а вспомните о томъ, что вы прежде, чѣмъ быть папами, кардиналами, епископами, суперинтендентами и т. п.,—прежде всего люди, т. е., по вашему же ученію, существа, посланныя въ міръ Богомъ для исполненія Его закона;—вспомните это и подумайте о томъ, что вы дѣлаете? Вся ваша жизнь посвящена тому, чтобы проповѣдывать, поддерживать и распространять среди людей ученіе, по вашимъ словамъ, открытое вамъ самимъ Богомъ, и потому единое истинное и спасительное.

Въ чемъ же состоитъ это проповѣдуемое вами единое истинное и спасительное ученіе? Къ какому бы изъ такъ называемыхъ христіанскихъ исповѣданій — католическому, православному, лютеранскому, англиканскому — вы ни принадлежали, ученіе ваше признается вами вполнѣ точно выраженнымъ въ символѣ вѣры, установленномъ на Никейскомъ соборѣ 1600 лѣтъ тому назадъ.

Далѣе Л. Толстой своими словами передаетъ содержаніе Никео-Цареградскаго символа.

Не говоря о проповѣдуемыхъ нѣкоторыми изъ васъ самыхъ распространенныхъ вѣрованіяхъ — католическомъ и православномъ — въ святыхъ и въ благодѣтельность поклоненія тѣлеснымъ остаткамъ этихъ святыхъ и ихъ изображеніямъ, такъ же какъ изображеніямъ Христа, Богородицы,—въ этихъ 12-ти пунктахъ состоятъ основныя положенія той истины, которая, для спасенія людей, какъ вы говорите, открыта вамъ самимъ Богомъ. Нѣкоторые изъ васъ проповѣдуютъ эти положенія прямо такъ, какъ они выражены, другіе стараются придать имъ иносказательный, болѣе или менѣе согласный съ современнымъ знаніемъ и здравымъ разсудкомъ смыслъ, но всѣ вы одинаково не можете не признавать

и признаете эти положенія точнымъ выраженіемъ той единой истины, которая открыта вамъ самимъ Богомъ, и которую вы, для ихъ блага, проповѣдуете людямъ.

II.

Ну хорошо! Вамъ открыта самимъ Богомъ единая спасительная для людей истина. Людямъ свойственно стремиться къ истинѣ, и когда она ясно передана имъ, они всегда съ радостью признаютъ ее и руководятся ею.

И потому для сообщенія людямъ вашей истины, открытой самимъ Богомъ и спасительной для людей, казалось бы достаточно просто и ясно, устно и печатно, разумнымъ убѣжденіемъ передавать эту истину людямъ, способнымъ принять ее. Какъ же вы проповѣдуете свою истину?

Съ тѣхъ поръ, какъ образовалось общество, называющее себя церковью, ваши предшественники преподавали эту истину преимущественно насиліемъ. Они предписывали эту истину и казнили тѣхъ, которые не принимали ея. (Милліоны и милліоны людей замучены, убиты, сожжены за то, что не хотѣли принять ее). Средство это, очевидно не соотвѣтствующее своей цѣли, съ теченіемъ времени стало менѣе и менѣе употребляться и употребляется теперь изъ всѣхъ христіанскихъ странъ, кажется, въ одной только Россіи.

Другимъ средствомъ было внѣшнее воздѣйствіе на чувства людей посредствомъ торжественности обстановки, картинъ, статуй, пѣнія, музыки, даже драматическихъ представленій и ораторскаго искусства. Съ теченіемъ времени и это средство стало менѣе и менѣе употребляться. Въ протестантскихъ странахъ оно, кромѣ ораторскаго искусства, большей частью почти не примѣняется (исключеніе составляетъ только армія спасенія, придумавшая еще новыя средства внѣшняго воздѣйствія ва чувство).

Но за то всѣ силы духовенства направлены теперь на третье и самое могущественное средство, всегда употреблявшееся и теперь особенно ревниво удерживаемое духовенствомъ въ своей власти. Средство это есть внушеніе церковнаго ученія людямъ въ томъ состояніи, въ которомъ они не могутъ обсудить того, что имъ передается.

Находятся же въ такомъ состояніи люди совершенно необразованные, рабочіе, не имѣющіе времени думать, и, главное, дѣти, которыя принимаютъ безъ разбора и навсегда запечатлѣваютъ въ своей душѣ то, что имъ передается...

Не есть ли такая—выводитъ изъ всего этого Левъ Николаевичъ—передача, такой гипнозъ,—обманъ и на-

силіе. Остановимся пока здѣсь и разберемся въ высказанномъ гр. Толстымъ.

Возражая по существу этихъ разсужденій яснополянскаго лжеучителя относительно не нравящихся ему способовъ, какими проповѣдуется истина, О. Михаилъ утверждаетъ, что Левъ Ник. говоритъ здѣсь не о православіи, а о католичествѣ. Во всякомъ случаѣ странно обвинять въ проповѣди насиліемъ православіе.

„Несмотря на то, что—„градская казнь" неправославнымъ, еретикамъ необходимо требовалась духомъ римскаго права, императорскіе законы въ Византіи не могли войти въ силу потому, что гоненія, насиліе въ дѣлѣ вѣры—совершенно не совмѣстимо съ православнымъ разумѣніемъ христіанства. Постоянно уклоняясь отъ юридическаго, государственнаго опредѣленія своего бытія, Церковь не могла принять изъ католическихъ костровъ, которые созданы перерожденіемъ католической церкви въ государство. Когда нѣсколько епископовъ въ Испаніи IV вѣка потребовали казни еретика Присциліана, св. Мартинъ Турскій разорвалъ общеніе съ этими епископами, какъ съ убійцами, и его голосъ былъ голосомъ *всего востока.*

На Руси—православный взглядъ на насиліе въ дѣлѣ вѣры ярко выразили „заволжскіе старцы", ученики св. Нила Сорскаго.—Когда люди новаго теченія потребовали градской казни для еретиковъ жидовствующихъ, ссылаясь на примѣръ короля Испаніи и Моисея, который свелъ огонь на бунтовщиковъ, этимъ людямъ отвѣтили: „Помолитесь, чтобы Господь свелъ огонь на еретиковъ, если вы сильны сдѣлать это, а не налагайте свою руку" (перифразъ").

Останавливаясь на утвержденіи Толстого, что народъ—почти дѣти, и стремленіе навязать имъ какое нибудь ученіе — насиліе, о. Михаилъ говоритъ: „*Допустимъ и посмотримъ, что изъ этого слѣдуетъ.* Народъ живетъ съ извѣстной дѣтской вѣрой, всосанной съ молокомъ матери. Учители его считаютъ эту вѣру правой, святой истиной.

Правы они или нѣтъ, но фактъ тотъ, что у народа—съ дѣтскимъ еще разумѣніемъ—вѣра уже есть, вѣра его отцовъ. Приходитъ учитель—Теодосіенко (учинившій разгромъ храма въ Павловкахъ) или Чертковъ, Аввакумъ или Пашковъ—и начинаютъ увѣрять его, что его

вѣрованія и церковныя или даже житейскія ложны. Ясно, что *эта проповѣдь, именно* съ точки зрѣнія Толстого, будетъ явнымъ насиліемъ надъ мыслью крестьянина и тѣ, которые считаютъ ее не только насиліемъ, но насиліемъ *въ пользу лжи*, имѣютъ право и должны бороться съ этими пришельцами со стороны. Какими средствами бороться?—въ этомъ вопросѣ, очевидно, центръ тяжести и едвали слишкомъ трудно на него отвѣтить.

Но должно ли внѣшними средствами останавливать продажу опіума, губящаго тѣло спрашиваетъ о. Михаилъ?—Съ точки зрѣнія отвлеченной, книжнической и Толстовской—конечно нѣтъ: это насиліе надъ свободой того, кто продаетъ и покупаетъ. Однако не кажется ли вамъ, что такое *непротивленіе*—было бы только малодушнымъ попустительствомъ убійства мертвымъ рабствомъ буквѣ. И мы, конечно, не дозволили бы отравлять нашихъ дѣтей, откинули бы опіумъ, отгородили бы дѣтей отъ отвратителей. А дозволить среди тѣхъ же дѣтей сѣять ложь, которая губитъ ихъ души, не было бы тоже только попустительствомъ, преступленіемъ холоднаго безсердечія къ малымъ симъ. Положимъ, что Теодосіенко зоветъ громить церковь, и что Левъ Николаевичъ зоветъ въ Канаду—на голодъ, холодъ, безуміе, смерть моихъ учениковъ, моихъ дѣтей. Я долженъ, конечно, противопоставить ему молитву и слово, но слово мое слабо, потому что дѣти еще плохо различаютъ добро отъ зла, плохо умѣютъ ложь Теодосіенки отличить отъ истины Христовой, и молитва моя не дѣйственна, потому что я грѣшенъ и безсиленъ.

И вотъ я (пастырь) прошу тѣхъ, кто, какъ и я, понимаютъ ложь Теодосіенки, не пускать его за ограду, пока не выростутъ дѣти, задержать его, чтобы не увелъ онъ въ погибель неразумныхъ. Я согласенъ: *это грѣхъ мой и безсиліе мое,* что я не могу самого Теодосіенко молитвой и нравственной силой моей склонить подъ иго истины, но, спасая дѣтей, *я все же,* по жалости человѣческой, которая еще жива во мнѣ, несмотря на мою священническую немощность, встану въ дверяхъ и не пущу его въ домъ, и попрошу помощи у тѣхъ, кому дороги погибающіе. И смѣю думать, что тутъ не будетъ насилія.

Но далѣе: даже допустимъ, что всякая преграда лжеучителямъ будетъ насиліе, всетаки тутъ нѣтъ и

рѣчи о насильственномъ *распространеніи вѣры, а только объ охранѣ того, что есть.* На неправдѣ держатся слова Толстого о томъ, что „ученіе Христа Церковь распространяетъ силой". Этого не было у насъ *никогда*, заключаетъ о. Михаилъ.

Далѣе графу не нравится еще воздѣйствіе на людей богослуженіемъ, пѣніемъ и т. д.

Здѣсь, по мнѣнію критика, Левъ Николаевичъ, очевидно, хочетъ въ своей брошюрѣ повторить мысль своей прежней книжки „О разумѣ, вѣрѣ и молитвѣ" (1901 г. 15 стр.), будто молитва, совершенная съ пѣніемъ, картинами и проповѣдями, производитъ только *праздное умиленіе и возбужденіе.* При этомъ о. Михаилъ напоминаетъ что Л. Н., по обычаю, забылъ собственныя слова, сказанныя имъ о музыкѣ: „Музыка,—говоритъ онъ,—можетъ или трогать, или возвышать душу, или просто доставлять успокоеніе, и тогда *она исполняетъ свое назначеніе*" („Единственное средство". Прилож. 27. Изд. Черткова). Значитъ, и пѣніе въ Церкви, поскольку оно возвышаетъ душу, исполняетъ *доброе* назначеніе.

Прочитайте,—говоритъ критикъ,—разсказъ Л. Н. Толстого „Сонъ". Здѣсь божественная симфонія говоритъ слушателямъ, „какъ полная огня и убѣжденія проповѣдь". Она зоветъ на подвигъ, на самопожертвованіе; звуки ведутъ за собой къ Богу, къ человѣку, къ молитвѣ, помощи.

Симфонія говоритъ, *„какъ совѣсть". И въ этомъ назначеніе всякой симфоніи, по мнѣнію самого Льва Николаевича.* Въ заключеніе почтенный критикъ считаетъ просто обмолвкой слова Толстого, будто наша церковная молитва съ пѣніемъ, освѣщеніемъ и пр., есть нехристіанская гипнотизація воли: наше пѣніе святѣйшая и чистѣйшая изъ симфоній, „оно и возвышаетъ и трогаетъ душу".

Если два вышеразсмотрѣнныхъ обвиненія противъ Церкви мало понятны, то прямой странностью поражаетъ третье. Допустивъ, на время, что въ Церкви—истина, Толстой считаетъ всетаки преступнымъ внушать ея истину народу, рабочимъ, которымъ некогда думать; дѣтямъ, которыя еще не могутъ отнестись къ ея ученію съ ясно сознающей мыслью.

На это ложное положеніе гр. Толстого критикъ отвѣчаетъ словами человѣка, далеко даже не расположен-

наго къ Церкви, выдержкою изъ одной повѣсти въ журналѣ „Новый Путь“ (З. Гиппіусъ. „Сумасшедшая“). Женщина интеллигентная и очень далекая отъ ханженства хочетъ причастить ребенка, мальчика. Мужъ останавливаетъ ее и запрещаетъ это. „Если хочешь,—говоритъ онъ, повторяя Толстого,—это недобросовѣстное насиліе; выростетъ—разумъ подскажетъ ему, что дѣлать“.

— Насиліе,—отвѣчаетъ мать.—А то, что ты дѣлаешь, развѣ не насиліе? Если мы имѣемъ хоть малое что-нибудь, хоть крошечное, почему мы откажемъ въ этомъ ребенку“ (или народу, темному, какъ ребенокъ).

Зарони въ него искру: она, можетъ быть, разгорится. А насильственная темнота, на которую вы обрекаете моего мальчика? (И вы обрекаете, Л. Н., народъ, запрещая учить его тому, „что есть истина“).

...Вы и ребенка хотите—(и этотъ народъ невинный и чистый, какъ ребенокъ) обездолить. Все, что въ дѣтствѣ дорого, отъ чего потомъ и человѣкомъ живымъ можетъ остаться. Заранѣе ему жилы перегрызаете. О безбожники, безбожники“.

Развѣ эти слова не справедливый отвѣтъ на запрещеніе говорить съ народомъ, еще не созрѣвшимъ, еще не развитымъ. И *нужно*, чтобы онъ росъ подъ лучами истины, а не тогда знакомился съ истиной, когда можетъ взять ее цѣликомъ разсудочно. Истина Христова, не логическія формулы, а живой духъ, здѣсь жизнь и правда, которая понятна всякой душѣ.

Нашъ авторъ здѣсь изобличаетъ Льва Николаевича въ грѣхѣ забывчивости. Вооружаясь не разъ противъ „воспитанія“ вообще, отрицая всяческое воздѣйствіе на разумъ и волю дѣтей, какъ „насиліе“, онъ въ послѣднихъ работахъ приказываетъ родителямъ воспитывать дѣтей въ духѣ вѣры въ Бога, какъ непостижимаго духа, въ безсмертіе души. Почему же учить этому не насиліе? Гдѣ же послѣдовательность?...

Обратимся снова къ брошюрѣ Л. Н., который далѣе пытается доказать, что *нѣтъ истины въ церковномъ ученіи, что оно вредно* и страшно. Дѣйствуя на людей, недоросшихъ до пониманія того, что имъ сообщается, на дѣтей и народъ, не разсуждающій и принимающій за истину всякую ложь, Церковь и священники—по словамъ Толстого—преподаютъ имъ ученіе, которое можетъ только разрушать душу, отдалять и отъ Христа и Христова ученія.

Въ чемъ состоитъ это ученіе,—Л. Н. передаетъ это въ такомъ краткомъ пересказѣ священной исторіи ветхаго и новаго завѣта.

III.

Священная исторія эта начинается съ описанія того, какъ Богъ, жившій вѣчно, сотворилъ 6000 лѣтъ тому назадъ изъ ничего небо и землю; какъ потомъ сотворилъ звѣрей, рыбъ, растенія и, наконецъ, человѣка, Адама и его жену, сдѣланную изъ ребра Адама. Потомъ описывается, какъ, боясь того, чтобы человѣкъ съ женой не съѣли яблока, имѣющаго волшебную силу давать могущество, онъ запретилъ имъ ѣсть это яблоко; какъ, несмотря на запрещеніе, первые люди съѣли яблоко и были за это изгнаны изъ рая, и какъ за это же было проклято все ихъ потомство, и проклята земля, которая съ тѣхъ поръ стала рожать дурныя травы. Потомъ описывается жизнь потомковъ Адама, которые такъ развратились, что Богъ потопилъ не только ихъ всѣхъ, но и всѣхъ звѣрей, и оставилъ въ живыхъ одного Ноя съ семействомъ и съ взятыми въ ковчегъ звѣрями. Описывается потомъ, какъ изъ всѣхъ людей Богъ избралъ одного Авраама и заключилъ съ нимъ условіе, по которому Авраамъ долженъ почитать Бога за Бога и въ знакъ этого совершить обрѣзаніе. Богъ же обязуется дать за это Аврааму большое потомство и покровительствовать ему и всему его потомству. Потомъ описывается, какъ Богъ покровительствуя Аврааму и его потомкамъ, совершаетъ въ пользу его и его потомства самыя неестественныя дѣла, называемыя чудесами, и самыя страшныя жестокости. Такъ что вся исторія эта, за исключеніемъ наивныхъ, (какъ посѣщеніе Авраама Богомъ съ двумя ангелами, женитьба Исаака, и другихъ), иногда невинныхъ, часто же безнравственныхъ сказокъ, (какъ мошенничество любимаго Богомъ Якова, жестокости Самсона, хитрости Іосифа),—вся исторія эта, начиная съ казней, посланныхъ Моисеемъ на египтянъ, и убійства ангеломъ всѣхъ первенцовъ ихъ, до огня, попалившаго 250 заговорщиковъ, и провалившихся подъ землю Корея, Даѳана и Авирона, и погибели въ нѣсколько минутъ 14700 человѣкъ, и до распиливаемыхъ пилами враговъ, и казненныхъ Ильей, улетѣвшимъ на небо, несогласныхъ съ нимъ жрецовъ, и Елисея, проклявшаго смѣявшихся надъ нимъ мальчиковъ, разорванныхъ и съѣденныхъ за это двумя медвѣдицами,—вся исторія эта есть рядъ чудесныхъ событій и страшныхъ злодѣяній, совершаемыхъ еврейскимъ народомъ, его предводителями и самимъ Богомъ.

Главный недочетъ графа, какъ философа, его „близорукость“,—недостатокъ широты кругозора: это человѣкъ съ „слишкомъ узкой зоной яснаго зрѣнія“. „Нѣтъ людей, которые бы во всѣ стороны видѣли одинаково далеко. У каждаго человѣка есть своя зона свѣта, въ предѣлахъ которой онъ видитъ хорошо и ясно.—Далѣе за предѣлами этой зоны для него темно и мракъ. И о Л. Н—чѣ какъ справедливо говоритъ нашъ критикъ,—можно сказать, что его зрѣніе особенно ограничено и узко въ области пониманія религіозныхъ эмоцій, внутренней религіозной жизни отдѣльнаго человѣка и народовъ. Ветхій Завѣтъ для него темная и непонятная книга. Это объясняется, конечно, тѣмъ, что его пониманіе случайно было направлено имъ въ сторону критической разсудочности;—онъ отнесся къ „книгѣ книгъ“ съ психологіей „книжника“—и все, что принялъ, принялъ не въ духѣ и силѣ, а только въ буквѣ, а многое осудилъ опять потому, что духа не понялъ, а буква не понравилась ему. Онъ случайно отдалился или искусственно отдалилъ себя отъ пониманія такой книги, какъ Библія“. Его передача всего ветхаго завѣта въ предѣлахъ полуторы страницы поражаетъ цѣлымъ рядомъ странностей. Изъ книги во всякомъ случаѣ—даже для невѣрующаго—*глубокой и огромной* онъ дѣлаетъ что-то очень узкое и очень пошлое. Библія начинается глубокимъ мистическимъ разсказомъ о паденіи первыхъ людей. Это событіе паденія—нарушеніе заповѣди о древѣ познанія добра и зла должно бы казаться очень глубокимъ именно съ точки зрѣнія Л. Н—ча. Здѣсь люди, забывши о Богѣ и своей душѣ, захотѣли приписать какую то чудодѣйственную силу дереву, т. е. внѣшнему міру, впали въ грѣхъ идолопоклонства предъ міромъ и силою міра отошли отъ единства съ Богомъ въ преклоненіи предъ благами внѣшней жизни и своимъ я. Думалось бы, что событіе паденія въ такомъ освѣщеніи—(а другого никто никогда не давалъ ему—ни Церковь, ни отцы) должно быть понятно Л. Н—чу. И что-же? Въ его передачѣ это событіе состоитъ только въ томъ, что люди *съѣли отъ запрещеннаго яблока, имѣющаго будто волшебную силу давать могущество.* Кто же виноватъ въ этомъ мѣщанствѣ пониманія. Не книга же?

Библейскій разсказъ о томъ, что люди, согрѣшивъ,

внесли разложеніе во весь міръ, разрушили грѣхомъ и хищничествомъ плодородіе земли, внесли хищничество и въ среду звѣрей, которые раньше слушались ихъ, развратили ихъ, о томъ, что люди, въ цѣляхъ ихъ воспитанія, осуждены на трудъ воздѣлыванія земли, производящей вмѣсто хлѣба терніе и волчцы,—на длинный „путь спасающей скорби“ (via dolorosa),—въ передачѣ Л. Н—ча становится страннымъ разсказомъ о томъ, будто за грѣхъ первыхъ людей стали на землѣ расти *дурныя травы, какихъ* прежде не было (?).

Особенно не нравится Толстому разсказъ о союзѣ Бога съ Авраамомъ, о Моисеѣ, о казни Божіей надъ Даѳаномъ и Авирономъ. Вся исторія ветхаго завѣта представляется ему рядомъ только чудесныхъ событій и страшныхъ злодѣяній, совершаемыхъ еврейскимъ народомъ, его предводителемъ и Самимъ Богомъ. Л. Н—чъ думаетъ, что этотъ ветхій завѣтъ необходимо долженъ внести нравственное развращеніе. Дѣйствительно, если судить по этимъ строкамъ, то Библія для Толстого темная книга. . . . .

Далѣе почтенный критикъ доказываетъ что библія, не даетъ совсѣмъ представленія о „Богѣ, дышущемъ огнемъ и мстительномъ до третьяго колѣна“. Этотъ Богъ ветхаго завѣта—тотъ Богъ, о Которомъ говоритъ Христосъ, что Онъ собиралъ *народъ Свой, какъ кокошъ подъ крылья, и все время* согрѣвалъ Своими крыльями. И этотъ Богъ ветхаго завѣта вовсе не любитъ одинъ народъ какою-то особенною, исключительною любовью. Идея ветхаго завѣта объ избранности народа Божія далеко не имѣетъ такого темнаго смысла. Богъ заботился о храненіи истинной любви и богоугодномъ настроеніи во всемъ человѣчествѣ и бдительнымъ окомъ слѣдилъ *за всѣмъ человѣчествомъ*. Но народы мало-помалу, одинъ по одному отходили на сторону. Изъ этого человѣчества выдѣлился только одинъ народъ, который по какимъ бы то ни было причинамъ сумѣлъ болѣе сохранить эту истину. Понятно, что послѣ такого отпаденія „языковъ“, вниманіе историка *судебъ Церкви Божіей* на землѣ должно остановиться на этомъ народѣ, выдѣлить его, какъ особый народъ, потому что это народъ, хранящій истину. Понятно, что и Господь Богъ, Который и послѣ выдѣленія одного народа слѣдитъ Своимъ окомъ за всѣми народами, необходимо воспи-

тательное дѣйствіе сосредоточиваетъ около этого народа, который еще не все потерялъ, въ которомъ есть что охранять и оберегать. И въ такой *попечительности*, которая идетъ *рядомъ* съ попечительностію о всѣхъ народахъ, выразилась *избранность* этого народа, и *такая избранность называется особою любовью Бога* къ Израилю. И все, что дѣлаетъ Богъ для охраненія вѣры въ народѣ израильскомъ, его наказанія народу Божію и сосѣдямъ его, огонь и мечъ—все это *средства Божественной педагогики*, тѣ средства (иногда суровыя, какъ хирургія),— которыя требовались для спасенія истины въ этомъ народѣ по жестоковыйности и жестокосердію его.

Указывая что въ Ветхомъ Завѣтѣ находится законъ „око за око", въ родѣ казней, которыя какъ будто исходятъ отъ Самого Бога, авторъ разъясняетъ отношенія не только Новаго Завѣта, но и *Ветхаго* (въ писаніяхъ пророковъ) къ этой морали ранняго времени. „Нравственное ученіе Моисея,—*законъ справедливости* и не выдается за окончательный и послѣдній законъ Божій. Это законъ для невыросшаго, еще жестоковыйнаго Израиля, только первая ступень, имѣющая вести къ небу. Первая ступень возвышается надъ землей, и законъ справедливости, служеніе Богу хотя бы законническимъ обрядомъ были *подъемомъ для Израиля*. Но никто и никогда не говорилъ, что *этотъ законъ* есть истина абсолютная, послѣдняя, которая преподается Церковью, какъ законъ дѣятельности для всѣхъ людей и въ Царствѣ Христовомъ. Въ Библіи, даже во Второзаконіи, данъ весь *общественный законъ, законъ общественныхъ отношеній въ первой ея половинѣ, законъ справедливости и христіанство должно было прибавить только другую половину, болѣе великую—законъ любви*. Если бы говоритъ о. Михаилъ пониманіе такихъ книгъ, какъ псалмы, Руѳь, Экклесіастъ и Притчи, входило въ свѣтлую зону Л. Н—ча, то тогда не могло бы его смутить то, что кажется ему непріемлемымъ. „Когда поверхъ родника плаваютъ сухіе листья, то жаждущій человѣкъ не отойдетъ отъ этого родника, а отстранитъ листья и припадетъ къ роднику сухими устами" (Функе) и, конечно, найдетъ тамъ воду,—живую, чистую воду.

И человѣкъ, который подойдетъ къ Ветхому Завѣту съ желаніемъ воды живой, прикоснувшись къ этому источнику, не скажетъ, что эта книга „страшная и вред-

ная“, и Библія станетъ для него свѣтлой и открытой книгой. Онъ замѣтитъ вдругъ, какъ тысячи изреченій, казавшихся до сихъ поръ темными, предстанутъ вдругъ въ чудномъ ослѣпительномъ блескѣ, подобно драгоцѣннымъ камнямъ, которые мутны въ тѣни и выказываютъ неожиданное великолѣпіе, если повернуть ихъ къ свѣту. Странные, даже непріемлемые—на первый взглядъ, разсказы („сухіе листья“), сравненія, образы становятся все яснѣе и яснѣе для разума и обращаются въ глубокія истины, облеченныя небесной силой и проливающія намъ свѣтъ, утѣшеніе и миръ“ (Функе. „Школа жизни“).

Какъ видно изъ „Обращенія къ духовенству“ Толстого смущаютъ чудеса и не позволяютъ ему принять книги книгъ. Нашъ критикъ доказываетъ что именно чудо съ точки зрѣнія, толстовской, должно считаться понятнымъ и пріемлемымъ.

„Въ книгѣ „Мысли о Богѣ“ Толстой исповѣдуетъ вѣру въ живого Бога—но развѣ это не значитъ признать Того Бога, Который есть „творяй чудеса“.

Богъ живой—равно Богъ чудотворецъ.

„Если Богъ нашъ не можетъ дѣлать чудесъ, у насъ нѣтъ живого Бога,—пишетъ Функе, а нѣтъ живого Бога,—нѣтъ и никакого“. Кто вѣруетъ въ живого Бога и имѣетъ хоть отдаленное предчувствіе Его величія, тотъ не можетъ предположить, чтобы законами, Имъ Самимъ данными, Онъ связалъ Себѣ руки и долженъ теперь допустить все, что происходитъ.

„Но когда мы вѣруемъ въ то, что мы—люди и должны быть или стать людьми Божіими, такими, которые созданы для общенія съ Богомъ и въ этомъ одномъ находятъ полноту жизни и удовлетвореніе себѣ,—когда мы вѣруемъ, что есть человѣческая свобода и что человѣкъ не машина, движущаяся подъ вліяніемъ извѣстныхъ законовъ и не могущая двигаться иначе, тогда невозможно Богу оставаться безучастнымъ къ тому, что трогаетъ людей.

Если предположить, что Богъ не обращаетъ больше вниманія на слезы покаянія блуднаго сына и на молитвы угнетенной вдовицы, то и самыя слова: „покаяніе и молитва“ сдѣлаются скоро загадкой для людей.

Если Богъ не внимаетъ нашимъ молитвамъ, Онъ не Богъ; Онъ смѣется надъ собственнымъ твореніемъ Сво-

имъ, вложивъ въ наши сердца потребность молитвы и надежду на то, что Онъ услышитъ ее. Богъ долженъ творить чудеса, это значитъ: Онъ долженъ дѣйствовать сверхъ-естественнымъ образомъ, иначе мы не можемъ ни любить, ни бояться Его, и Онъ скоро сдѣлается безразличнымъ для насъ.

Но если мы согласимся съ тѣмъ, что достойно Бога и даже само собой понятно, чтобы Онъ дѣйствовалъ сверхъ-естественнымъ образомъ, т. е. такъ, что нельзя понять Его дѣйствій изъ естественнаго хода природной жизни,—если мы допустимъ такимъ образомъ, что то, что называется пока не чудомъ, а соучастіемъ Бога въ мірѣ—есть вещь вполнѣ разумная, то ужъ намъ нельзя больше говорить: это Богу возможно, а то нѣтъ; до такого то предѣла Онъ можетъ дойти, но никакъ не дальше. Можемъ ли мы, ничтожныя существа, ставить Богу границы и говорить Его вѣчной любви, всемогуществу и премудрости: „столько Ты можешь, но дальше Твоя власть не можетъ простираться"?

Въ чемъ разница—по существу — между исполненной молитвою, хлѣбомъ, ниспосланнымъ голодному руками добраго человѣка, и чудомъ обращенія камня въ хлѣбъ. Разницы нѣтъ.

Что для насъ сверхъ-естественно, для Бога вполнѣ естественно; что чудо для земли, то „сама природа въ небесахъ" (Функе. „Школа жизни".)

Да и самый міръ необъятный, разгаданный только въ ближайшей, поверхностной и меньшей долѣ, — не весь ли онъ *чудо и тайна*"? (Апокрифъ).

Чудо не противно разуму. Будетъ ли чудо, если взрослый человѣкъ остановитъ рукой своей камень, падающій съ крыши и угрожающій смертью ребенку, который играетъ около дома, съ котораго упалъ камень. Тутъ нѣтъ чуда. Тутъ все естественно. Если, положимъ, тотъ же камень остановила не человѣческая рука, а рука божественная, то что же тутъ непріемлемаго, разъ допущено, что Богъ можетъ простирать Свою руку и можетъ оказывать помощь въ отвѣтъ на молитву? Тутъ не было бы никакого нарушенія законовъ, потому что вѣдь не нарушаетъ законъ природы человѣкъ, который своей рукой останавливаетъ камень, падающій по закону тяготѣнія.

Принимая живого Бога — повторимъ—Толстой обязанъ принять чудо.

Да, но, можетъ быть, мы искажаемъ самое „понятіе“ живого Бога—какъ понимаетъ его Толстой. Справимся.

„Господи — пишетъ Толстой въ книгѣ „Мысли о Богѣ“ — вотъ я назвалъ Тебя, и страданія мои кончились. Отчаяніе мое прошло. Я проклинаю свои слабости, я ищу Твоего пути, но я не отчаиваюсь, я чувствую близость Твою, чувствую помощь, когда иду по путямъ Твоимъ, и прощеніе, когда отступаю отъ нихъ. Путь Твой ясенъ и простъ. Иго Твое—благо и бремя Твое—легко; но я долго блуждалъ внѣ путей Твоихъ, долго въ мерзости юности моей,—я, гордясь скинулъ, всякое бремя, выпрягся изъ всякаго ига и отучилъ себя отъ хожденія по путямъ Твоимъ. И мнѣ тяжело и Твое иго и Твое бремя, хотя знаю, что оно благо и легко. Господи, прости заблужденія юности моей и помоги мнѣ такъ же радостно нести, какъ радостно я принимаю иго Твое.

Если „это“ есть то, что православные называютъ живымъ Богомъ—я вѣрю въ Него,—и извиняюсь передъ Нимъ,—что спорилъ противъ нихъ“.

Полагаемъ, что здѣсь все, что нужно для того, чтобы утверждать участіе Бога въ дѣлахъ міра и, слѣдовательно, утверждать чудо. Онъ проситъ, чтобы Богъ подалъ ему помощь, сдѣлалъ легкимъ для него Его Божественное иго. Но, если онъ молится, то, значитъ, надѣется на то, что молитва его будетъ услышана. Значитъ, понимаетъ живого Бога—именно какъ Бога, отвѣчающаго на молитвы помощью руки Своей.

Чудо самъ Толстой всегда опредѣлялъ, какъ именно участіе въ дѣлахъ міра Господа Бога, Который *какимъ бы то ни было образомъ* простираетъ Свою руку въ міръ, и какъ пантеистъ—ранѣе онъ естественно не могъ и не хотѣлъ понять такого участія. Принимая теперь отвѣтъ на молитву, не обязался ли онъ принять вообще чудо? Здѣсь не можетъ быть колебанія въ отвѣтѣ.

Л. Н-чу кажется непріемлемымъ чудо, потому то оно, какъ *противоразумное* и совершенно непонятное, клиномъ вбивается въ голову и уничтожаетъ вообще способность разумнаго пониманія. Но вотъ существуетъ радій. Какъ извѣстно, одно изъ свойствъ радія то, что онъ уничтожаетъ дѣйствіе закона тяготѣнія на сосѣднія тѣла, вызываетъ кипѣніе, не давая теплоты, не уменьшаясь ни въ своемъ видѣ, ни въ вѣсѣ. Радій для насъ

непонятенъ и съ той стороны онъ чудо, такъ какъ не соединяется съ раннѣйшими нашими представленіями, разрушаетъ ихъ. Но слѣдуетъ ли отсюда, что мы должны отрицать радій? Нельзя отрицать того, что есть.

Но этимъ не ограничивается ваше преподаваніе исторіи, которую вы называете священной. Кромѣ исторіи ветхаго завѣта, вы передаете еще дѣтямъ и темнымъ людямъ исторію новаго завѣта въ такомъ толкованіи, при которомъ главное значеніе новаго завѣта заключается не въ нравственномъ ученіи, не въ нагорной проповѣди, но въ согласованіи евангелія съ исторіей ветхаго завѣта, въ исполненіи пророчествъ и въ чудесахъ: хожденіе звѣзды, пѣніе съ неба, разговоръ съ дьяволомъ, превращеніе воды въ вино, хожденія по водѣ, исцѣленія, воскрешенія людей и, наконецъ, воскресеніе самого Христа и улетаніе его на небо.

Если бы вся эта исторія и ветхаго, и новаго завѣта преподавалась, какъ сказка, то и тогда едвали какой либо воспитатель рѣшился бы разсказывать ее дѣтямъ или взрослымъ людямъ, которыхъ онъ желалъ бы просвѣтить. Сказка же эта передается неспособнымъ разсуждать людямъ, какъ самое достовѣрное описаніе міра и законовъ, какъ самое вѣрное свѣдѣніе о жизни прежде жившихъ людей, о томъ, что должно считаться хорошимъ и дурнымъ, о существѣ и свойствахъ Бога и объ обязанностяхъ человѣка.

Говорятъ о вредныхъ книгахъ! Но есть ли въ христіанскомъ мірѣ книга, надѣлавшая больше вреда людямъ, чѣмъ эта ужасная книга, называемая «Священной Исторіей ветхаго и новаго завѣта»? А черезъ преподаваніе этой священной исторіи проходятъ въ своемъ дѣтскомъ возрастѣ всѣ люди христіанскаго міра, и эта же исторія преподается всѣмъ взрослымъ темнымъ людямъ, какъ первое необходимое основное знаніе, какъ единая, вѣчная божеская истина.

Не будемъ долго останавливаться на этой всѣмъ понятной лжи Толстого объ этомъ пунктѣ много и сильно сказалъ выше о. Іоаннъ.

Да, ужасно за самого гр. Толстого, что онъ за чудеса, за пѣніе съ неба, за воскресеніе Христа *ужасной и вредной книгой* оказывается не только Ветхій, но и Новый Завѣтъ—Евангеліе. Значитъ и люди должны исключить изъ числа книгъ, какія они могутъ читать и Евангеліе, потому что тамъ, не въ священной исторіи новаго завѣта, какъ учебникѣ, а и въ самомъ Евангеліи разсказывается о воскрешеніи людей и воскресеніи Христа.

Евангеліе — самая ужасная и вредная изъ книгъ—

неужели такой выводъ не поразилъ Л. Н. своей очевидной „ужасностью“ вывода. Не долженъ ли былъ онъ подумать хотя надъ тѣмъ, что отнимать у человѣчества Евангеліе—значитъ брать на себя слишкомъ большую отвѣтственность. А отнимать часть значитъ отнимать все. Самъ онъ пишетъ, что тотъ, кто сочтетъ ложью часть, отброситъ и остальное.

IV.

Въ живой организмъ нельзя вложить чуждое ему вещество безъ того, чтобы организмъ этотъ не пострадалъ отъ усилій освободиться отъ вложеннаго въ него чуждаго вещества и иногда не погибалъ бы въ этихъ усиліяхъ. Какой же страшный вредъ должны производить въ умѣ человѣка тѣ чуждыя и современному знанію, и здравому смыслу, и нравственному чувству изложенія ученія по ветхому и новому завѣту, внушаемыя ему въ то время, когда онъ не можетъ обсудить, а между тѣмъ воспринимаетъ то, что ему передается.

Для человѣка, въ умѣ котораго вложено, какъ священная истина, вѣрованіе въ сотвореніе изъ ничего міра 6000 лѣтъ тому назадъ, въ потопъ и ковчегъ Ноя, вмѣстившаго всѣхъ звѣрей, въ Троицу, въ грѣхопаденіе Адама, въ непорочное зачатіе, въ чудеса Христа и въ искупительную для людей жертву его смерти,—для такого человѣка требованія разума уже не обязательны, и такой человѣкъ не можетъ быть увѣреннымъ ни въ какой истинѣ. Если возможна Троица, непорочное зачатіе, искупленіе рода человѣческаго кровью Христа, то все возможно, и требованія разума не обязательны.

Забейте клинъ между половицами закрома. Сколько бы вы ни сыпали въ такой закромъ зерна, оно не удержится. Точно такъ же и въ головѣ, въ которую вбитъ клинъ Троицы или Бога, сдѣлавшагося человѣкомъ и своимъ страданіемъ искупившаго родъ человѣческій и потомъ опять улетѣвшаго на небо,—не можетъ уже удержаться никакое разумное, твердое жизнепониманіе.

Что ни сыпь въ закромъ съ щелью въ полу, все высыпется. Что ни вкладывай въ умъ, принявшій за вѣру безсмысленное,—ничто не удержится въ немъ.

Такой человѣкъ, если онъ дорожитъ своими вѣрованіями, неизбѣжно будетъ всю жизнь или остерегаться, какъ чего-то зловреднаго, всего того, что могло бы просвѣтить его и разрушить его вѣрованія; или, уже разъ навсегда признавъ

(въ чемъ всегда поощряютъ проповѣдники церковнаго ученія), что разумъ есть источникъ заблужденія, — откажется отъ единственнаго свѣта, который данъ человѣку для нахожденія пути жизни; или, самое ужасное,—будетъ хитрыми разсужденіями стараться доказать разумность неразумнаго и, что хуже всего, отбросить не только тѣ вѣрованія, которыя внушены ему, но и сознаніе необходимости какой либо вѣры.

Догматъ Толстому—разрушаетъ жизнь потому, что антиразуменъ. Мы думаемъ,—говоритъ о. Михаилъ,— что здѣсь явное недоразумѣніе: одно изъ двухъ—или догматъ совсѣмъ чуждъ сознанію вѣрующаго не усвояется этимъ сознаніемъ, а только запоминается, или онъ входитъ въ сознаніе, какъ одинъ изъ слагающихъ его элементовъ. Въ первомъ случаѣ догматъ ничего не даетъ, но ничего и не отнимаетъ. Онъ мертвое значеніе, которое никакъ не соприкасается съ остальнымъ знаніемъ—и ему не мѣшаетъ. Представьте ребенка, которому вкладываютъ догму неподвижности солнца, движенія земли вокругъ солнца и т. д. Она не можетъ быть усвоена сознательно ребенкомъ и принимается имъ на вѣру. Можно ли сказать, что эти догмы уничтожаютъ вѣру въ разумъ. Нѣтъ; ребенокъ просто вѣритъ, что онъ не доросъ до пониманія открываемой истины. Онъ приходитъ къ идеѣ ограниченности его разума, къ необходимости движенія къ свѣту, къ знанію. То-же должно быть съ человѣкомъ, которому открыта недоразумѣваемая догма вѣры, съ той разностью, что въ его власти всегда подвигомъ жизни въ Богѣ подойти къ разумѣнію догмы, такъ какъ она постигается не разсудкомъ, а любовью и самоусовершенствованіемъ и потому доступна ребенку даже болѣе, чѣмъ мудрецу. Догмы только въ нелѣпомъ, намѣренно каррикатурномъ и неосмысленномъ изложеніи ихъ враговъ, могутъ казаться антиразумными, въ крайнемъ случаѣ, онѣ сверхразумны, т. е. не укладываются (а не противорѣчатъ) обычнымъ категоріямъ мышленія.

Да и это можно сказать лишь съ нѣкоторыми оговорками. Человѣческій умъ даже внѣ откровенія непосредственнаго создавалъ построенія близкія къ откровенной догмѣ. Очевидно, въ разумѣ даны элементы этихъ истинъ. Въ доказательство сего нашъ авторъ приводитъ слѣдующее мнѣніе извѣстнаго русскаго мыслителя и

ученаго, Б. К. Чичерина, о догмѣ Троичности: „Чисто философское развитіе понятія объ абсолютномъ, даже независимо отъ какихъ-бы то ни было религіозныхъ опредѣленій, приводитъ насъ къ признанію-же трехъ Лицъ Божества. Отсюда ясно, продолжаетъ онъ, что въ церковномъ ученіи о троичности Лицъ въ Богѣ выражены высшія и необходимыя начала разумнаго богопознанія, составляющія приложеніе и развитіе самыхъ основныхъ законовъ разума“.

Но если такъ, то истина хотя бы троичности вовсе не вызоветъ „отчаянія въ силѣ разума“, а только исканіе еще другихъ путей познанія „иныхъ міровъ“, не вполнѣ подчиняющихся скудному и блѣдному разуму теперешняго человѣка—по мнѣнію самого Толстого, растерявшаго способность разумѣнія въ суетѣ жизни.

Далѣе нашъ авторъ снова напоминаетъ какъ въ книгѣ „Христіанское ученіе“ (Чертковъ, Purlergh. 1898) самъ. Левъ Николаевичъ излагаетъ сущность христіанской жизни. Человѣкъ ложно сознаетъ себя, какъ отдѣльное тѣлесное и смертное существо; въ дѣйствительности онъ нераздѣльное отъ другихъ, и потому не смертное существо („Христ. ученіе“ V. 24). Если бы эта духовная сущность не находилась въ отдѣльномъ существѣ, то оно, существо, не знало бы про себя, но въ человѣкѣ оно сознаетъ себя, какъ личность (тамъ-же). Далѣе. Эта духовная сущность стремится уничтожить свою особенность, сознать себя какъ едино съ остальными людьми и съ Богомъ („Христ. ученіе“ стр. 21). Богъ-же, дополняетъ кн. „Мысли о Богѣ“,- не есть только нравственное сознаніе въ людяхъ, а живое, особенно отъ людей сущее „я“ (Мысли о Богѣ).

О. Михаилъ отмѣчаетъ, что здѣсь важно то, что Толстой принимаетъ метафизическій догматъ, по существу сродный съ церковной догмой троичности. Ипостаси, „личныя я“ отдѣльныхъ людей, составляя особыя личныя единицы, по существу, или *въ существѣ* составляютъ „едино“. Многія „я“ равны одному „я“ или, пользуясь его оборотомъ, милліоны равны единицѣ.

Не должно ли считать гораздо болѣе понятнымъ и пріемлемымъ ученіе, что ипостаси абсолютнаго, свободнаго отъ майи эгоистическаго обособленія (пользуемся не вполнѣ православнымъ оборотомъ Толстого и Шопенгауера) составляютъ едино; и тѣмъ болѣе, что оно

обосновывается на камнѣ непреложномъ и непоколебимомъ: на догматъ Троичности, какъ на основной тезисъ, базисъ христіанскаго пониманія жизни, указалъ и Христосъ.

Такимъ образомъ исходя изъ Толстовской метафизики, не только можно, но и необходимо признать разумнымъ и пріемлемымъ догматъ Троичности, а слѣдовательно и догматъ вообще.

V.

Таковъ вредъ для умственной дѣятельности человѣка, производимый внушеніемъ церковнаго ученія. Но еще во много разъ болѣе вредно то нравственное извращеніе, которое производитъ въ душѣ человѣка такое внушеніе. Всякій человѣкъ приходитъ въ міръ съ сознаніемъ своей зависимости отъ таинственнаго, всемогущаго начала, давшаго ему жизнь, съ сознаніемъ своего равенства со всѣми людьми и равенства всѣхъ людей между собой, съ желаніемъ любви къ себѣ и отъ себя къ людямъ и съ потребностью совершенствованія. И что же вы внушаете ему?

Вмѣсто таинственнаго начала, о которомъ онъ мыслитъ съ благоговѣніемъ, вы разсказываете ему про сердящагося, несправедливаго, казнящаго, мучащаго людей Бога.

Вмѣсто того равенства всѣхъ людей, которое и ребенокъ, и неученый человѣкъ чувствуетъ всѣмъ существомъ своимъ, вы говорите ему, что не только люди, но народы не равны, и одни не любимы, а другіе любимы Богомъ,—люди же одни призваны Богомъ властвовать, другіе—подчиняться.

Вмѣсто той любви отъ другихъ къ себѣ и отъ себя къ другимъ, которая составляетъ самое сильное желаніе души всякаго неиспорченнаго человѣка, вы внушаете ему, что отношенія людей могутъ быть основаны только на насиліи, на угрозахъ, на казняхъ,—говорите ему, что убійства по суду и на войнѣ совершаются не только съ разрѣшенія, но по повелѣнію Бога.

Вмѣсто потребности совершенствованія, вы говорите, что спасеніе его въ вѣрѣ въ искупленіе, а что совершенствованіе своими силами безъ помощи молитвъ, таинствъ и вѣры въ искупленіе есть грѣхъ гордости, что для спасенія своего человѣкъ долженъ вѣрить не своему разуму, а велѣніямъ Церкви, и исполнять то, что она предписываетъ.

Страшно подумать о томъ извращеніи понятій и чувствъ, которое оставляетъ въ душѣ ребенка и взрослаго темнаго человѣка такое ученіе.

Насколько не справедливы эти мысли, достаточно видно изъ предыдущаго. Да, еслибы истина Троичности вошла клиномъ въ нашу жизнь, въ наше *разумѣніе жизни—міръ перемѣнилъ бы лицо свое, Царство Христово—настало бы на землѣ.*

Не убиваетъ потребности совершенствованія ученіе объ искупленіи, а, наоборотъ, зоветъ къ усовершенствованію. Христосъ не спасаетъ насъ безъ насъ—это твердо установленное ученіе Церкви. Искупленіе наше совершается не на Голгофѣ только, а вмѣстѣ на нашей Голгофѣ, въ нашемъ личномъ подвигѣ. Только при самораспятіи — подвигомъ совлеченіи ветхаго человѣка,— полномъ нравственномъ переворотѣ, при помощи Божіей насъ спасаетъ „кровь агнца", а не механически чудотворный актъ. Впрочемъ, не будемъ повторять то, что уже извѣстно, конечно, всякому чуть-чуть знакомому съ ученіемъ Церкви.

VI.

Только подумать о томъ, что я знаю, что у меня на глазахъ дѣлалось и дѣлается въ Россіи во время моей 60-ти лѣтней сознательной жизни.

Въ академіяхъ и въ средѣ архіереевъ, ученыхъ монаховъ и миссіонеровъ идутъ хитроумныя разсужденія о сложныхъ богословскихъ вопросахъ, говорятъ о согласованіи нравственнаго и догматическаго ученія, спорятъ о развитіи или неподвижности догмата и тому подобныхъ разныхъ религіозныхъ тонкостяхъ. Стомилліонной же массѣ проповѣдуется одна вѣра въ иконы казанскія, иверскія, въ мощи, въ чертей, въ спасительность выниманія частицъ, становленія свѣчей, поминанія и т. п. и не только проповѣдуется и практикуется, но съ особенной ревностью ограждается ненарушимость этихъ суевѣрій въ народѣ отъ всякаго на нихъ посягательства. Стоитъ только крестьянину не праздновать престолъ, не пригласить къ себѣ обходящую дворы чудодѣйствующую икону, не оставить работу въ Ильинскую пятницу,—и на него доносы, его преслѣдуютъ, ссылаютъ.

Не говоря уже о сектантахъ, не исполняющихъ обрядовъ: ихъ судятъ за то, что они, собираясь, читаютъ евангеліе, и наказываютъ за это. И результатъ такой дѣятельности тотъ, что десятки милліоновъ людей, почти всѣ женщины изъ народа не то, что не знаютъ, а даже не слыхали о томъ, что былъ Христосъ и кто онъ такой. Трудно повѣрить этому, а

между тѣмъ это фактъ, который каждый можетъ провѣрить.

Послушайте, что говорятъ архіереи, академики въ своихъ собраніяхъ, прочитайте ихъ журналы, и вы подумаете, что русское духовенство проповѣдуетъ, хотя и отсталую, но все-таки христіанскую вѣру, въ которой евангельскія истины все-таки имѣютъ мѣсто и сообщаются народу; посмотрите на дѣятельность духовенства въ народѣ, и вы увидите, что проповѣдуется и усиленно внѣдряется одно—идолопоклонство: поднятіе иконъ, водосвятіе, ношеніе по домамъ чудотворныхъ иконъ, прославленіе мощей, ношеніе крестовъ и т. п.; всякая же попытка пониманія христіанства въ его настоящемъ смыслѣ усиленно преслѣдуется.

Какая ложь и неправда, собственнымъ противорѣчіемъ себя побивающая. Л. Н., самъ свидѣтельствуетъ что архіереи, академики въ журналахъ, и собраніяхъ проповѣдуютъ все христіанскую вѣру, въ которой евангельскія истины имѣютъ мѣсто. Спасибо хоть за это; значитъ, много сдѣлала русская Церковь и свята ея правда, если врагъ ея соглашается признать, что хоть въ журналахъ то и рѣчахъ архіереевъ и духовенства вѣра подлинно *христіанская*, только будто для народа у него другая вѣра. Нечего и доказывать, что въ Церкви нѣтъ двухъ правдъ, никто же не станетъ „усиленно преслѣдовать всякую попытку пониманія христіанства“ и въ тоже время въ журналахъ „помогать этимъ попыткамъ.

Если Л. Н. хочетъ намекнуть, что Церковь сознательно оставляетъ въ темнотѣ суевѣрія народъ, — то, думаю, нѣтъ нужды доказывать, что это неправда: исторія Руси есть исторія борьбы русскаго духовенства и Церкви за народное просвѣщеніе, неправда преднамѣренная. Иначе, чѣмъ объяснить утвержденіе, будто „тотъ, кто не оставитъ работу въ Ильинскую пятницу, „на того доносы, его ссылаютъ“.

Нельзя не повѣрить, будто графъ не знаетъ многовѣковой борьбы русской Церкви съ празднованіемъ „12 пятницъ“, не знаетъ, что не принимать священника съ крестомъ есть добрая воля каждаго.

Что слова Л. Н. носятъ характеръ намѣренной клеветы, можно вывести и изъ дальнѣйшихъ словъ его,— будто сектантовъ преслѣдуютъ за чтеніе Евангелія. Такое чтеніе Евангелія и его толкованіе, сопровождаемое

пѣніемъ хоромъ и т. д., даже безъ участія священника, и въ большемъ количествѣ слушателей дозволяются на глазахъ всѣхъ въ Петербургѣ, такъ какъ (братецъ Иванушка собираетъ у себя тысячи народа).

Совмѣстимо ли это съ гоненіями за Евангеліе?..— *Проповѣдь Евангелія?*—въ этомъ всегда было и есть задача русской Церкви и результаты проповѣди есть и будутъ. Продолжимъ цитацію брошюры.

На моей памяти рабочій русскій народъ потерялъ въ большой степени черты истиннаго христіанства, которыя прежде жили въ немъ, и которыя старательно изгоняются теперь духовенствомъ.

Въ народѣ жили прежде, теперь остались только въ глуши, христіанскія легенды, поговорки, изустно передаваемыя изъ поколѣнія къ поколѣнію, и эти легенды, какъ легенда о Христѣ, ходившемъ въ видѣ нищаго, объ ангелѣ, усомнившемся въ милосердіи Бога, о юродивомъ, плясавшемъ у кабака, и поговорки, какъ: «безъ Бога не до порога», «не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ», «жить до вечера и до вѣка» и т. п.—легенды, поговорки составляли духовную пищу народа.

Кромѣ того были обычаи христіанскіе: пожалѣть преступника, странника, подать изъ послѣдняго нищему, просить прощенія у обиженнаго.

Все это теперь забываютъ и оставляютъ. Все это замѣняется теперь выучиваніемъ наизусть катихизиса, троичнаго состава Бога, молитвы передъ ученіемъ и за наставниковъ и царя и т. п. Такъ что на моей памяти народъ становится все религіозно грубѣе и грубѣе.

Одна часть, большая часть, женщины, остаются такъ же суевѣрны, какъ онѣ были 600 лѣтъ тому назадъ, только безъ того христіанскаго духа, который прежде проникалъ жизнь; другая часть, знающая наизусть катихизисъ,—совершенные атеисты.

«Но такъ это у васъ въ Россіи», скажутъ на это европейскіе люди—католики, протестанты. Думаю, что то же самое, если не худшее, происходитъ въ католичествѣ, съ его запрещеніемъ чтенія евангелія, съ его Нотръ-Дамами, и въ протестантствѣ съ его святою праздностью дня субботняго и библіолатріей, т. е., слѣпой вѣрой въ букву библіи. Думаю, что въ той или другой формѣ то же и во всемъ квази-христіанскомъ мірѣ.

Довольно вспомнить о вѣрѣ въ искупленіе, съ особенной энергіей проповѣдуемой самыми послѣдними формами христіанскаго протестантства.

Такимъ образомъ, гр. Л. Толстой полагаетъ, какъ и самъ рѣшительно говоритъ въ другомъ мѣстѣ, что „въ церкви ничего не осталось, кромѣ ладану, колоколовъ, парчи и словъ". Старая, избитая и непонятная ложь.

„Все, что есть въ твореніяхъ гр. Л. Н. Толстого лучшаго, чистаго, что несетъ отразившуюся правду святую въ вѣчную правду Евангелія, все воспринято, все сохранено Церковью, и — окружено въ ней *чудною, сказанной, выраженной любовью*, торжественной и теплой молитвой, умиленнымъ поклоненіемъ. И развѣ въ этомъ поклоненіи, въ этомъ ревниво-святомъ сбереженіи тайнъ и таинствъ божественныхъ не *единственно возможное* выраженіе полнаго сознанія евангельской истины и самой глубокой, благодарной, теплой любви къ ней, на какую только способно наше сердце? „Храмъ не нуженъ; истинный храмъ есть міръ людей, соединенныхъ любовью",—такъ въ своемъ передѣланномъ евангеліи Толстой говоритъ нѣтъ. О храмѣ нельзя сказать, что онъ „не нуженъ", или что онъ „нуженъ",—ибо это очень мелкія понятія для глубины отношенія Бога и человѣка,— онъ былъ, есть и будетъ, онъ *необходимъ*", какъ хотя бы выраженіе *религіозной любви* уже не человѣка, но *человѣчества*. Міръ людей, объединенныхъ любовью, — чудный живой храмъ; но этотъ храмъ не замѣняетъ *того* храма, болѣе того, — именно онъ то и *созидалъ* и *созидаетъ* тотъ храмъ. „Господь не нуждается въ роскоши и блескѣ, — прекрасно сказалъ еп. Николай Таврическій,—Онъ живетъ и въ убогихъ хижинахъ, и тамъ особенно, гдѣ есть сердце сокрушенное и смиренное. Храмы нужны не Ему, но намъ, и *для насъ не можетъ быть безразлично, гдѣ и какъ славится имя Божіе*". Изъ того, что не нужны Богу ни наши храмы, ни наше все внѣшнее почитаніе, не слѣдуетъ, что нѣтъ имъ мѣста на лицѣ земли, они нужны намъ. Если мы и въ своей человѣческой жизни стремимся внѣшнимъ образомъ украсить жизнь того, кто намъ дорогъ, бережно и любовно хранимъ всякую вещицу, напоминающую о немъ, то развѣ необходимо, чтобы послужилъ человѣкъ Богу, одной высшей любви во всей любви своей, *всѣми свѣтлыми силами* своей души? Именно, внѣшнее богопочитаніе и исходитъ изъ чистой и глубокой любви: человѣкъ жаждетъ всею красой своего духа, всею силою проницающаго разума, всею чистотой самыхъ нѣжныхъ

чувствъ, всею любовью, всѣмъ творчествомъ своимъ воспѣть хвалу Богу. Безконечно радостная въ волнующихъ ее безконечно святыхъ чувствахъ душа *выноситъ ихъ во внѣ*, какъ дань Богу, какъ лучшіе изъ земныхъ цвѣтовъ на алтарь святой, на которомъ пламенѣетъ несказанное Имя. Великое *внѣшнее* начертаніе одной только чистой и вѣчной любви сердца своего,— вотъ что эти „колокола, свѣчи, пѣснопѣнія, ладанъ, парча". Тутъ, во храмѣ теряется личность человѣка, погруженная въ тихо плывущее, какъ облако, безконечно-благодатное чувство близости Бога, слышится голосъ безконечно святой, вѣютъ священныя тѣни, здѣсь Божье присутствіе, здѣсь тайна и вѣчность.

Не нужно свѣчки, нужна любовь къ ближнему, благость, милость, а не жертва. Да! „Что Мнѣ куренія ваши"—это сказалъ еще устами св. пророка Исаіи Господь; это всегда повторяетъ и Церковь, но не слышится ли въ словахъ Л. Н. практическій упрекъ одного изъ апостоловъ: „лучше бы продать это миро и дать нищимъ".

Слушайте, что сказалъ Господь: „нищихъ всегда имѣете съ собой, а та жена приготовила тѣло Мое на погребеніе", т.-е. не забывайте нищихъ, но и жертва *Мнѣ*, повидимому безплодная, имѣетъ свою силу, святость и смыслъ.

Опровергая неосновательныя, ошибочныя, полныя преувеличенія наблюденія гр. Толстого, что будто бы „благодаря проповѣди идолопоклонства, Евангеліе забыто и духъ христіанскій изсякъ въ народѣ, о. Михаилъ выясняетъ что, благодаря „свѣчкѣ", храму, церковной молитвѣ еще живетъ Христосъ, поддерживается вѣра и евангельскія начала въ народѣ и приводитъ свидѣтельство сына Льва Ник.,—Льва Львовича. Вотъ что пишетъ послѣдній о религіозности народа: „Тогда на голодовкѣ, въ народной столовой, я понялъ силу и могущество нашей Церкви, ея дѣятельность и значеніе, понялъ до какой степени народъ слитъ съ ней. Въ столовыхъ пѣли съ такимъ горячимъ чувствомъ, съ такой осмысленностью произнося слова молитвъ, съ такой любовью къ этимъ молитвамъ и *значенію* ихъ, что нельзя было не умилиться и не прійти въ одно настроеніе съ пѣвшей вокругъ тебя крестьянской толпой.

Нельзя было не увидать того, что я раньше не видѣлъ и не хотѣлъ видѣть.

Да, я понялъ многое, многое откинулъ и многое принялъ для себя въ тѣ дни пребыванія моего среди народа, и я благодаренъ этимъ людямъ, съ простой и теплой вѣрой стоявшимъ вокругъ меня. Говорятъ, — продолжаетъ писатель, что вѣра нашего народа—вѣра только внѣшняя. Говорятъ, чно онъ не знаетъ самъ, во что вѣруетъ. Это неправда. Я самъ видѣлъ ихъ, какъ они осмысленно слушали и повторяли слова священниковъ и пѣли дружно всѣ вмѣстѣ любимыя церковныя пѣсни. Я самъ видѣлъ и слышалъ, какъ мужикъ, безграмотный нищій повторялъ предо мной всю нагорную проповѣдь наизусть, запомнивъ ее во время церковныхъ службъ, и какъ слезы катились изъ глазъ этого мужика, когда онъ говорилъ умиленнымъ и находящимъ себѣ въ этихъ словахъ утѣшеніе голосомъ: „А я говорю вамъ: любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ“.

„Мудрому довольно“. Именно богослуженіе и храмъ здѣсь научили крестьянъ не идолопоклонству, а и любви.

VII.

Но мало того, что церковное ученіе вредно своей неразумностью и безнравственностью?, оно особенно вредно тѣмъ, что люди, исповѣдующіе это ученіе, живя безъ всякихъ сдерживающихъ ихъ нравственныхъ требованій, совершенно увѣрены въ томъ, что они живутъ настоящей христіанской жизнью.

Люди живутъ въ безумной роскоши, составляя свое богатство изъ трудовъ униженныхъ бѣдныхъ и ограждая себя и свое богатство стражей, судами, казнями,—и духовенство во имя Христа одобряетъ, освящаетъ, благословляетъ такую жизнь, совѣтуя богатымъ только удѣлять малую часть награбленнаго тѣмъ, у кого они не переставая грабятъ. (Когда было рабство, духовенство всегда и вездѣ оправдывало его, не считая его несогласнымъ съ христіанствомъ).

По поводу этого навѣта на церковное ученіе и духовенство, о. Михаилъ напоминаетъ графу, что въ послѣднее время Церковь больше всего упрекаютъ за крайній аскетизмъ, въ смыслѣ излишней будто строгости требо-

ванія, между прочимъ и за то, что она требуетъ всего до конца, не довольствуется процентнымъ сборомъ въ 50 или 98%, все равно, а требуетъ для желающихъ быть христіанами „совсѣмъ"—и отреченія до *конца*. Упрекаютъ за то, что она возводитъ въ идеалъ воззрѣнія подвижниковъ, которые считали самый воздухъ для себя „стяжавіемъ неправеднымъ", думали, что даже лишній съѣденный кусокъ хлѣба есть хищеніе.

И тѣ, которые обвиняютъ Церковь за это лучше Толстого знаютъ Церковь: она (Церковь) никогда не проповѣдывала, будто маленькой жертвой можно оправдать себя въ насиліи и хищеніи.

А вотъ что въ послѣдніе дни писалъ чтимый всею православной Россіей пастырь, о. Іоаннъ Кронштадтскій.

„У первыхъ христіанъ было все общее: богатые и достаточные добровольно жертвовали своимъ имѣніемъ и деньгами, и собранное хранилось у предстоятелей Церкви, которые употребляли оное на содержаніе бѣдныхъ, странныхъ, заключенныхъ въ узахъ и другихъ нуждающихся. Составляя между собою одно сердце и одну душу, можемъ ли мы отказаться отъ общности имущества"?

Здѣсь, конечно, не коммунизмъ, а чисто церковное ученіе, что въ дѣлѣ милости остановиться на полудорогѣ, удовольствоваться подачкой не менѣе преступно, какъ и не начать пути.

Что касается упрека Церкви относительно рабства, то нашъ критикъ обращаетъ вниманіе графа на всѣ обширныя монографіи, касавшіяся отношенія христіанства къ рабству: гдѣ Т—ой найдетъ, что съ самыхъ первыхъ дней Церкви, она постоянно повторяетъ, что „неприлично, чтобы человѣкъ владѣлъ рабомъ", что „отъ природы никто не бываетъ рабомъ".

И много сдѣлала она въ борьбѣ противъ рабства, вернѣе сказать, все, что сдѣлано, сдѣлала Церковь...

Въ частности въ Россіи, какъ свидѣтельствуютъ компетентные люди (проф. Ключевскій, напр.), всѣ грамоты, въ родѣ завѣщанія какой нибудь боярыни, отпускающей по смерти на волю всѣхъ рабовъ съ дарами, „дабы они не плакались", или въ родѣ всякихъ увѣщаній, что „рабъ не менѣе передъ Христомъ, чѣмъ всѣ, есть братъ его возлюбленный, — вышли подъ воз-

дѣйствіемъ Церкви, представляютъ „добрый бисеръ Владиміра“.

Люди, силою оружія, убійства, стремятся къ достиженію своихъ личныхъ и общественныхъ, корыстныхъ цѣлей, и духовенство одобряетъ, благословляетъ во имя Христа военныя приготовленія и войны, не только одобряетъ, но часто поощряетъ ихъ, находя, что войны, т. е., убійства, не противны христіанству.

Люди, повѣрившіе въ это ученіе, не только вовлечены этимъ ученіемъ въ дурную жизнь, но и вполнѣ увѣрены, что ихъ жизнь хорошая, и имъ не нужно измѣнять ее.

Здѣсь авторъ „Обращенія къ духовенству“ повторяетъ свои старыя мысли о войнѣ и нашъ критикъ отсылаетъ графа къ старому отвѣту Церкви, который будетъ и касаться не одной войны, а и другихъ, затронутыхъ Л. Н., вопросовъ.

„Можно ли утверждать, что война не стоитъ въ противорѣчіи съ нравственной сущностью христіанства и согласна съ духомъ Евангелія? Вотъ вопросъ Толстого. А вотъ отвѣтъ Церкви.

Христіанство, какъ религія мира и любви, не можетъ имѣть ничего общаго съ насиліемъ.

Церковь никогда не считала войну благомъ. За убійство на войнѣ полагается епитимія по канонамъ, какъ и за убійство при самозащитѣ. *Церковная* заповѣдь о любви къ врагамъ, эта заповѣдь исключаетъ войну, ибо *любимый врагъ* перестаетъ быть врагомъ и съ нимъ уже нельзя воевать (В. Соловьевъ. Смыслъ войны. Нива. Прил. 1896. 7. 431).

Если Церковь благословляетъ и войну за правое дѣло, то только какъ относительный подъемъ надъ предыдущимъ, болѣе чѣмъ война злымъ и безнравственнымъ настроеніемъ равнодушія. Церковь хочетъ и въ идею войны вдохнуть частицу христіанской жизни, допуская войну только какъ проявленіе самопожертвованія, любви, полагающей душу за други своя, хотя она тутъ же подчеркиваетъ ложь безсилія и въ самомъ такомъ самоотверженіи.

Далѣе критикъ оставливается на возраженіи которое ставитъ не одинъ только Толстой: „Но развѣ не благословляетъ Церковь оружіе, не молятся въ нашихъ храмахъ о побѣдѣ надъ врагами, не признаютъ ли тѣмъ

самымъ учители Церкви убійство на войнѣ согласнымъ съ самою вѣрою? О. Михаилъ доказываетъ, что этотъ упрекъ, предъявляемый къ Церкви антимилитаристами, не справедливъ. „Неужели представители Церкви должны относиться равнодушно, въ качествѣ спокойныхъ зрителей, къ роднымъ для нихъ по плоти и вѣрѣ воинамъ, идущимъ на бранное поле? И чѣмъ инымъ представители Церкви — носители мира и любви—могутъ выразить свою любовь къ нимъ, какъ не молитвою за нихъ? Несомнѣнно, христіанство призвано прежде всего предупреждать войну, стремиться къ ея отмѣнѣ, но пока она существуетъ, какъ фактъ, оно должно своими принципами ограничивать ее и смягчать. Война есть великое бѣдствіе. Какъ же представителямъ Церкви не придти на помощь? И они приходятъ съ своими молитвами, равно какъ и проповѣдію о необходимости защищать отечество и самоотверженно исполнять долгъ военной службы, къ которому призываетъ поставленная Богомъ правительственная власть. Отнюдь не объ истребленіи людей молятся представители Церкви, а о торжествѣ праваго дѣла. Благодаря Бога за дарованный успѣхъ, они благодарятъ опять-таки за торжество правды и добра, и отнюдь не за то, что воинамъ пришлось столькихъ-то враговъ убить, уничтожить. Начертывая на воинскомъ знамени крестъ, Церковь, вѣрная своей задачѣ, возводитъ все къ небесному и святому, напоминаетъ сражающимся воинамъ символомъ мира о высшей цѣли бытія и жизни, устремляетъ ихъ мысль къ Божественному Промыслителю и Управителю всего міра. Церковь—вѣстница мира и, не имѣя возможности искоренить зло войны, ограничиваетъ и смягчаетъ его. Станемъ ли мы обвинять ее за это? Любопытный образчикъ отношенія Церкви къ войнѣ вспоминаетъ Ренанъ изъ исторіи среднихъ вѣковъ. „Среди самаго средневѣковья, въ разгаръ тогдашнихъ войнъ, Церковь мужественно вступала въ ряды враждовавшихъ, проповѣдывала имъ согласіе и даже заговорила о вѣчномъ мирѣ, какъ *Божьемъ миръ*. Но какъ было ей склонить къ своей проповѣди желѣзныхъ людей XI вѣка, когда мы, сыны XIX, не можемъ заговаривать съ нашими современниками объ общемъ разоруженіи, выдвинутомъ тогда Церковью, не вызывая ихъ насмѣшекъ? Можно ли было переубѣдить тѣхъ суровыхъ воиновъ, видѣвшихъ почетное за-

нятіе въ однихъ военныхъ дѣлахъ, когда намъ доселѣ не удается провести идею мира въ ряды гражданъ столь трудолюбиваго вѣка, каковъ нашъ? Что удивительнаго поэтому, что великая мысль Церкви осталась непонятою? Она сама это увидѣла и стала тогда уже заботиться лишь объ ограниченіи зла. Вмѣсто *Божьяго мира* она начала требовать *Божьяго перемирія*. Съ материнскою любовію она постаралась, насколько могла, внести порядокъ и ограниченіе въ неустранимые безпорядки. Отсюда цѣлый рядъ любопытныхъ мѣръ, проведенныхъ ею въ видахъ обузданія войны во времени и въ пространствѣ". Таково отношеніе къ войнѣ и современной Церкви. Она всегда стоитъ на стражѣ высшихъ нравственныхъ началъ въ жизни людей, — она проповѣдница и носительница мира". (Радость Христіана. 1896. кн. III).

Но и этого мало: главное зло этого ученія состоитъ въ томъ, что оно такъ искусно переплетено съ внѣшними формами христіанства, что, исповѣдуя его, люди думаютъ, что ваше ученіе есть единое истинное христіанство, и другого нѣтъ никакого. Вы не то, что отвели отъ людей источникъ живой воды,—если бы это было, люди все-таки могли бы найти его,—но вы отравили его своимъ ученіемъ, такъ что люди не могутъ принять иного христіанства, какъ то, которое отравлено вашимъ толкованіемъ его.

Христіанство, проповѣдуемое вами, есть прививка ложнаго христіанства, какъ прививка оспы и дифтерита, дѣлающая того, кому она прививается, уже неспособнымъ принять истинное христіанство.

Люди, многими поколѣніями установившіе свою жизнь на началахъ, противныхъ истинному христіанству, вполнѣ увѣренные, что они живутъ христіанской жизнью,—не могутъ уже вернуться къ истинному христіанству.

Мы уже знаемъ, возражаетъ о. Михаилъ,—какъ относиться къ такимъ ламентаціямъ. Эта „прививка лжи къ истинному христіанству", по мнѣнію Толстого дана прежде *всего въ Евангеліи*, такъ что намъ остается одно изъ двухъ: или отказаться отъ всякаго будто бы ложнаго придатка къ христіанству, т. е. отбросить Христово Евангеліе и замѣнить его новыми поддѣлками или остаться съ Евангеліемъ и евангельскимъ Христомъ, хотя бы графу и казалось, что *Евангеліе—вредная и ужасная книга*. Что выберемъ?

Да и что останется у насъ, если мы примемъ „истинную религію“ Л. Н. Толстого?

Въ чемъ эта религія?

«Для насъ,—пишетъ онъ,—истинная регія есть христіанство въ тѣхъ положеніяхъ его, въ которыхъ оно сходится съ основными положеніями браманизма, конфуціанства таотизма, еврейства, буддизма, магометанства».

Истинная религія—христіанство, но изъ этихъ строкъ видно, что для Л. Н. истинная религія вовсе не христіанство. Если христіанство Л. Н. состоитъ изъ положеній, какія у него общи съ конфуціанствомъ, буддизмомъ, таотизмомъ, то, очевидно, что новое толстовское „евангеліе“ можетъ быть выкроено съ одинаковымъ успѣхомъ и изъ книгъ Будды и Конфуція, и корана, путемъ ихъ очищенія отъ примѣсей. по рецепту Льва Н—ча.

Но тогда зачѣмъ и называться христіаниномъ, зачѣмъ говорить, что *для насъ* истинная религія—христіанство... Христосъ, Который заповѣдуетъ молиться о хлѣбѣ насущномъ, вопреки ученію Льва Никол. будто въ молитвѣ нельзя о чемъ нибудь просить, Который говоритъ и объ ангелахъ и злыхъ силахъ, Который прямо указывалъ на Свои чудеса, какъ на доказательство Своего посланничества, для Толстого долженъ казаться такимъ же вреднымъ лжеучителемъ, какъ и мы—Его ученики.

Посмѣетъ ли Толстой сказать, что Господь Христосъ не учитъ ни о твореніи, ни о грѣхѣ, ни о искупленіи, что Онъ не молился въ храмѣ молитвой хвалебной и просительной?

VIII.

Вы, и никто другой какъ вы, вашимъ ученіемъ, насильственно внушаемымъ людямъ, причиняете то страшное зло, отъ котораго они такъ жестоко страдаютъ.

Ужаснѣе же всего при этомъ то, что, производя такое зло, вы не вѣрите въ это ученіе, которое вы проповѣдуете, не вѣрите не только во всѣ тѣ положенія, изъ которыхъ оно состоитъ, но часто не вѣрите ни въ одно изъ нихъ.

Я знаю, что, повторяя знаменитое «credo quia absurdum», многіе изъ васъ думаютъ, что, несмотря ни на что, они все-таки вѣрятъ во все то, что проповѣдуютъ. Но то, что вы скажете, что вѣрите, что Богъ есть Троица, или, что разверзлись небеса, и гласъ Божій заговорилъ оттуда, или, что

Христосъ вознесся на небеса и сойдетъ съ небесъ судить воскресшихъ въ своихъ тѣлахъ всѣхъ людей, никакъ не доказываетъ того, чтобы вы вѣрили въ то, что было или будетъ то, что вы говорите. Вы вѣрите, что надо говорить, что вы вѣрите въ это, но не вѣрите, что было то, что вы говорите. Не вѣрите вы, потому что утвержденіе, что Богъ одинъ и три, что Христосъ улетѣлъ на небо и прійдетъ оттуда судить воскресшихъ,—не имѣетъ для васъ никакого смысла. Можно произносить слова, не имѣющія смысла, но нельзя вѣрить въ то, что не имѣетъ смысла. Можно вѣрить въ то, что души умершихъ перейдутъ въ другія формы жизни, перейдутъ въ животныхъ, или въ то, что уничтоженіе страстей или любовь есть назначеніе человѣка, можно и вѣрить просто въ то, что Богъ не велѣлъ убивать людей, или даже что Онъ не велѣлъ ѣсть, и—многому другому, не представляющему въ себѣ внутренняго противорѣчія; но нельзя вѣрить въ то, что Богъ въ одно и то же время—и одинъ, и три, что разверзлись небеса, которыхъ для насъ уже нѣтъ, и т. п.

Странная манера увѣрять *вѣрующихъ, что они невѣрятъ*, справедливо замѣчаетъ о. Михаилъ. И по какимъ соображеніямъ Толстой не хочетъ допустить, что мы — служители алтаря вѣримъ, а не только стараемся *увѣрить себя* въ открытой Богомъ истинѣ? Говоря, что нельзя вѣрить безсмысленному, графъ допускаетъ переселеніе душъ, но не можетъ принять, что небо разверзлось, что Господь вознесся на небо и т. д. Здѣсь удивительное мѣщанство полемики, если такъ можно выразиться. Не хотѣлось бы и говорить объ этомъ небѣ разверзшемся, если бы Толстой не повторялъ этотъ аргументъ по крайней мѣрѣ двадцать разъ: такъ, значитъ, онъ кажется ему побѣдоноснымъ. Левъ Николаевичъ знаетъ, конечно, что люди никогда не понимали небо, куда вознесся Господь, въ смыслѣ атмосфернаго неба. Еще Давидъ, который такъ ярко выразилъ истину вездѣсущія, называетъ въ то же время небо престоломъ Божіимъ, но могъ ли онъ разумѣть здѣсь Коперниково небо, когда Богу, для Котораго небо престолъ, земля служитъ подножіемъ, когда Онъ одновременно и на небѣ, и во адѣ, и въ послѣднихъ моря и всюду „рука Его наставляетъ и десница Его поддерживаетъ немощь человѣка“. Перейти въ другія области жизни, скрыться отъ земли для человѣческихъ глазъ, и соединиться въ славѣ и любви съ Отцемъ вездѣсу-

щимъ — развѣ не значитъ вознестись на небо и сѣсть одесную Отца? Небо не можетъ раскрыться, въ смыслѣ физической географіи, но развѣ мы не говоримъ, что небо разверзлось, когда яркая молнія вдругъ раздѣляетъ небо на двѣ части и среди темноты отдѣляетъ ярко освѣщенную часть небосвода, какъ проблескъ свѣта за разорванными краями мрака. Положимъ, что небо разорвала не молнія, а видѣнія потусторонняго міра, свѣтъ проявившей себя въ извѣстномъ мѣстѣ (напр., на Іорданѣ) вездѣсущей руки Божіей, и изъ-за краевъ распавшагося неба взору Іоанна Крестителя открылся свѣтъ Божій, что же противорѣчащаго разуму, если мы скажемъ, что „небо разверзлось въ эту минуту“?.

Далѣе нашъ критикъ снова отмѣчаетъ забывчивость Льва Николаевича, который самъ признаетъ это небо, гдѣ живетъ Богъ. Я, пишетъ онъ, всегда молюсь: „Отче нашъ, Который на небесахъ“. Значитъ, онъ счелъ возможнымъ не поправлять слова Господа, не боится, что его вѣра въ этого Бога будетъ признана нелѣпымъ суевѣріемъ. Если же онъ можетъ допустить какое-то небо, гдѣ живетъ Богъ, „когда для него нѣтъ уже неба“, то почему въ нашихъ устахъ это исповѣданіе ложь, почему мы не можемъ вѣрить въ Бога живущаго, возносящагося на небо?

Навѣрное, наше небо не то, какое признаетъ Л. Толстой, но это всетаки не пространственное небо,—котораго, конечно, нѣтъ объективно.

Не стоитъ повторять, что и мы не вѣримъ, будто Богъ и одинъ и три. „Догматъ Троицы не математическая задача“,—пишетъ Кунъ. Выше въ трактатѣ о Силина.—„Миръ евангелія и трагизмъ толстовства“ достаточно выяснено, въ чемъ заключается сущность и значеніе догмата о Св. Троицѣ, а потому прослѣдимъ дальше до конца содержаніе новаго богохульнаго творенія Яснополянскаго лжеучителя.

Прежніе люди, установившіе эти догматы, могли вѣрить въ нихъ, но вы уже не можете. Если вы говорите, что вѣрите въ это, то вы говорите это только потому, что вы употребляете слово «вѣра» въ одномъ значеніи, а приписываете ему другое. Одно значеніе слова «вѣра» есть установленное человѣкомъ такое отношеніе къ Богу и міру, которое опредѣляетъ смыслъ всей его жизни и руководитъ всѣми его

сознательными поступками. Другое же значеніе слова «вѣра» есть довѣріе тому, что передаетъ извѣстное лицо или лица.

Въ первомъ значеніи предметъ вѣры, несмотря на то, что опредѣленіе отношенія человѣка къ Богу и міру большей частью берется уже установленное прежде жившими людьми провѣряется и воспринимается разумомъ.

Во второмъ же значеніи предметъ вѣры, не только принимается независимо отъ участія разума, но при непремѣнномъ условіи неупотребленія разума для провѣрки переданнаго.

На этомъ-то двоякомъ значеніи слова «вѣра» и основывается то недоразумѣніе, по которому люди говорятъ, что вѣрятъ въ положенія, не имѣющія смысла, или заключающія въ себѣ внутреннія противорѣчія. И потому то, что вы слѣпо довѣряете своимъ учителямъ, никакъ не доказываетъ того. что вы вѣрите въ то, что, не имѣя смысла и потому не представляя никакого значенія ни для вашего воображенія, ни для вашего разума,—не можетъ быть предметомъ вѣры.

О значеніи терминовъ вообще спорить трудно.

Но о. Михаилъ съ очевидностью доказываетъ, что понятіе „вѣры"—невѣдомо Л. Н. даже въ предѣлахъ катихизиса Филарета. „Вѣра (въ Церкви),—пишетъ Толстой,—довѣріе, принятіе истинъ, или не—истинъ, вопреки разуму, и даже довѣрію къ тому, что не имѣетъ смысла, тогда какъ допустима лишь другого рода вѣра, которая есть установленное человѣкомъ" и т. д. Съ нѣкоторымъ смущеніемъ,—говоритъ нашъ критикъ,—приходится сообщать автору „Обращенія къ духовенству" азбучныя для духовенства истины, что вѣра есть родъ знанія, *раскрытіе, а не признаніе* только „невидимыхъ вещей"

Вѣра есть усвояемое нравственнымъ подвигомъ жизни сближеніе съ міромъ потустороннимъ, съ Богомъ, міромъ небесной жизни, и приникновеніе къ этому міру очами сердца. Вѣра, какъ признаніе, есть, по Исааку Сирянину и по Симеону Новому Богослову, низшій видъ религіознаго вѣдѣнія,—нужно не только знать, но и опытно въ душѣ чувствовать прикосновеніе Бога и въ этомъ находить безспорное удостовѣреніе вѣры. Истину должно принимать не по довѣрію, а въ силу ея переживанія душой. „Христіане, которые не видятъ *умно* Господа, не освѣщаются явственно и значительно его Божескимъ свѣтомъ, пусть не говорятъ, *какъ невѣрные*, что невозможно Его видѣть". Великое дѣло вѣровать во Христа, но надобно научиться и познать Его. Воскресенію Христову вѣрятъ множество но мало такихъ, которые бы *чисто*

рѣли Его. Тѣ же, которые не зрятъ такъ воскресенія, не могутъ поклоняться Христу, яко Господу. Богъ долженъ вселиться въ насъ—и открыть намъ Себя; завѣдомо сознательно мы должны прозрѣть къ вѣдѣнію, „т. е. ощутить Бога въ Себѣ ясно и осязательно" (Мысли Симеона Новаго Богослова).

„Какъ я увѣровалъ въ Воскресшаго,—пишетъ одинъ бывшій толстовецъ,—ты знаешь: напомню только, что въ тотъ моментъ, когда я почувствовалъ прикосновеніе въ сердцѣ моемъ я сразу *узналъ* (*ибо болѣе реальнаго я ничего не испытывалъ въ жизни*), *что* это Онъ, Господь мой Воскресшій. Это было впервые, что я назвалъ Іисуса Христа Господомъ и, не переставая называть Его этимъ именемъ, я чувствовалъ въ томъ неизъяснимую сладость.

Хотя разумъ мой и долго бунтовался противъ сей истины, но, имѣя въ центрѣ своего существа несокрушимую вѣру въ Воскресшаго, мнѣ уже, какъ знаніе, какъ неоспоримый фактъ внутренней жизни, не трудно было и разумъ привести въ послушаніе вѣрѣ".

Извѣстный проповѣдникъ Père Didon въ предисловіи къ своей «Vie de Jesus» заявляетъ, что онъ вѣритъ не какъ либо иносказательно, а прямо безъ объясненій, что Христосъ, воскресши, вознесся на небо и сидитъ одесную Отца.

Знакомый же мнѣ безграмотный самарскій мужикъ, какъ мнѣ разсказывалъ его духовникъ, на вопросъ о томъ, вѣритъ ли онъ въ Бога, прямо и рѣшительно отвѣчалъ: грѣшенъ, не вѣрю. Невѣріе свое въ Бога мужикъ объяснилъ тѣмъ, что онъ не жилъ бы такъ, какъ живетъ, если бы вѣрилъ въ Бога: изругаешься, и нищему пожалѣешь, и завидуешь, и объѣдаешься, опиваешься,—развѣ такъ сталъ бы дѣлать, если бы вѣрилъ въ Бога.

Père Didon утверждаетъ, что онъ вѣритъ и въ Бога, и въ вознесеніе Христа, самарскій же мужикъ говоритъ, что не вѣритъ въ Бога, потому что не исполняетъ Его велѣнія.

Ясно, что Père Didon даже не знаетъ того, что такое вѣра, и только говоритъ, что онъ вѣритъ; самарскій же мужикъ знаетъ, что такое вѣра, и, хотя и говоритъ, что не вѣритъ въ Бога, истинно вѣритъ въ Него въ томъ самомъ смыслѣ, который составляетъ истинную вѣру.

Конечно, и самарскій мужикъ, какъ о. Дидонъ, вѣритъ въ то, что Христосъ вознесся на небо и сидитъ одесную Бога Отца, онъ только убѣжденъ, что это еще

не та вѣра, какой можно жить, ибо и „бѣсы вѣруютъ“.

Но такъ учитъ и Церковь: вѣра, какъ теоретическое признаніе не только не спасаетъ, но и не вѣра въ настоящемъ смыслѣ, потому что вѣра—сердечное переживаніе, а не разсудочное усвоеніе.—„Сердцемъ вѣруется“.

„Тщетно именуется христіаниномъ тотъ, кто не имѣетъ въ себѣ благодати Христовой ощутительно, т. е. такъ, чтобы опытно зналъ, что имѣетъ въ себѣ таковую благодать.

Надлежитъ человѣку здѣсь на землѣ родиться свыше отъ божественной благодати, и тогда возможетъ онъ видѣть Царствіе Божіе. Кто не видитъ въ себѣ царствія небеснаго, т. е. не видитъ, что въ немъ царствуетъ Богъ, тотъ не родился еще свыше отъ божественной благодати, и надлежитъ ему всячески взыскать того, чтобъ родиться свыше, да узритъ царствіе Божіе еще здѣсь на землѣ.

Кто, какъ должно вѣруетъ во Христа, тотъ имѣетъ жизнь вѣчную въ себѣ, которая есть благодать Господа нашего Іисуса Христа. Кто же вѣруетъ во Христа, а жизни вѣчной въ себѣ не имѣетъ, того тщетна и безполезна вѣра“.

X.

Но я знаю, что доводы, обращенные къ уму, не убѣждаютъ,—убѣждаетъ только чувство, и потому, оставляя доводы, обращаюсь къ вамъ, кто бы вы ни были: папы, епископы, архіереи, священники, и др.,—къ вашему чувству, къ вашей совѣсти.

Всѣ вы знаете, что неправда то, чему вы учите о сотвореніи міра, о боговдохновенности библіи и многое другое, такъ какъ же вы рѣшаетесь учить этому маленькихъ дѣтей и взрослыхъ необразованныхъ людей, ждущихъ отъ васъ истиннаго просвѣщенія?

Положа руку на сердце, спросите себя, вѣрите ли вы въ то, что проповѣдуете? Если вы дѣйствительно не передъ людьми, а передъ Богомъ, памятуя о своемъ смертномъ часѣ, спросите себя объ этомъ, вы не можете не отвѣтить себѣ, что нѣтъ, не вѣрите. Не вѣрите вы въ боговдохновенность всего того писанія, которое вы называете священнымъ, не вѣрите во всѣ ужасы и чудеса ветхаго завѣта, не вѣрите въ

адъ, не вѣрите въ безпорочное зачатіе, въ воскресеніе, въ вознесеніе Христа, не вѣрите въ воскресеніе мертвыхъ, въ троичность Бога. не вѣрите не только во всѣ члены того символа, который выражаетъ сущность вашей вѣры, но часто не вѣрите не въ одинъ изъ нихъ.

Невѣріе, хотя бы въ одинъ изъ догматовъ, включаетъ въ себя невѣріе въ непогрѣшимость церкви, установившей тотъ догматъ, въ который вы не вѣрите. А если не вѣрите въ церковь, то не вѣрите ни въ одинъ изъ догматовъ, установленныхъ ею.

Внушая же людямъ свою исключительную вѣру, вы дѣлаете именно то, чего не хотите дѣлать: лишаете людей единенія со всѣмъ человѣчествомъ, заключаете ихъ въ узкія рамки одного своего исповѣданія, невольно и неизбѣжно ставя ихъ этимъ если не во враждебное, то во всякомъ случаѣ въ отчужденное положеніе по отношенію ко всѣмъ остальнымъ людямъ другого исповѣданія.

Я знаю, что вы не сознательно дѣлаете это ужасное дѣло; знаю, что вы сами большей частью запутаны, обмануты, загипнотизированы, часто поставлены въ такія условія, при которыхъ для васъ признать истину—значитъ осудить всю свою предшествующую дѣятельность, иногда многихъ десятилѣтій; знаю я, какъ трудно именно *вамъ*, съ вашимъ воспитаніемъ, въ особенности съ общей всѣмъ вамъ увѣренностью въ томъ, что вы непогрѣшимые наслѣдники Христа-Бога, перейти къ трезвой дѣйствительности и признать себя заблудившимися грѣшниками, дѣлающими одно изъ самыхъ гадкихъ дѣлъ, которое только можетъ дѣлать человѣкъ.

Знаю всю трудность вашего положенія; но, вспоминая слова признаваемаго вами божественнымъ евангелія о томъ, что Богу пріятнѣе одинъ покаявшійся грѣшникъ, чѣмъ сотни праведниковъ, думаю, что каждому изъ васъ, какое бы онъ ни занималъ положеніе, все-таки легче покаяться и перестать участвовать въ томъ дѣлѣ, которое вы дѣлаете, чѣмъ, не вѣря, продолжать дѣлать.

Кто бы вы ни были: папы, кардиналы, митрополиты архіереи, епископы, суперинтенденты, священники, пасторы,—подумайте объ этомъ.

Удивляясь странной манерѣ гр. Толстого доказывать вѣрующимъ, что они не вѣрятъ, нашъ критикъ повторяетъ съ полнымъ и искреннимъ убѣжденіемъ слова епископа Антонія Волынскаго: „Въ Россіи есть священники пьяницы, священики грѣшные и недостойные, но, кажется (вѣруемъ, вѣруемъ), нѣтъ ни одного невѣрующаго“.

Самъ Л. Н. сомнѣвается въ успѣшности своей „гипнотизаціи“ и прибѣгаетъ къ методу устрашенія. Онъ внушаетъ своимъ собесѣдникамъ-священникамъ, что ихъ проповѣдь—преступленіе. Пусть даже они вѣруютъ въ истину того, чему учатъ, но вѣдь это ученіе—разъединяетъ людей.

Да, разъединеніе людей страшное дѣло; мы, пастыри и служители слова, считаемъ сущностью всего Евангелія, нашимъ „лозунгомъ“ заповѣдь Христа, *чтобы ученики Его, прежде всего искали „да вси едино будутъ“* и въ то же время мы вѣруемъ, что истина Евангелія, отнюдь не тожественна съ истиной Корана, и не пожертвуемъ Евангеліемъ во имя приспособленія, искусственнаго и *слѣдовательно ложнаго* единенія людей, въ сфабрикованной нами (или Толстымъ), укороченной лже-истинѣ. Далѣе о. Михаилъ напоминаетъ графу его собственныя же недавно сказанныя слова.

Какъ разсказываетъ о себѣ графъ и въ книгѣ „Мысли о Богѣ“, и въ книгѣ „Христіанское ученіе“ онъ одно время думалъ, что для цѣлей единенія съ буддистами, конфуціанами и проч. лучше признавать только Бога въ человѣкѣ, но вотъ ему стало больно и грустно, и онъ *пожертвовалъ единеніемъ во имя истины живого Бога, безъ Которой жить нельзя.*

Такъ испугаемся ли мы, восклицаетъ о. Михаилъ, призраковъ разъединенія: мы вѣримъ, что нельзя продавать правду за чечевичную похлебку объединенія въ „полуправдѣ“, т. е. лжи!

Вслѣдъ за указанной попыткой устрашенія, графъ обращается къ духовенству съ трогательнымъ призывомъ къ покаянію.

Въ отвѣтъ на этотъ предательскій призывъ о. Михаилъ выводитъ длинный рядъ святыхъ тѣней: вотъ Амвросій Оптинскій, весь обликъ котораго, выражаясь словами В, В. Розанова, свѣтитъ какой-то сверхъ-земной „озаренностью“, который многолѣтнимъ подвигомъ любви научился видѣть сокровеннѣйшее и тайное въ душахъ тѣхъ, кто приходилъ къ нему; св. Тихонъ Задонскій съ кристально прозрачной дѣтской душей, Серафимъ Саровскій; суровый рядъ молчальниковъ, которые десятки лѣтъ жили въ работѣ самоиспытанія и самоизслѣдованія, которые въ тишинѣ молчанія, одинокіе и самопогруженные, выдержали всякіе

приступы сомнѣнія, прошли „такія бездны отрицанія“ (слова Достоевскаго), какія и не чудились Толстому, а потомъ съ высоты „столповъ“ стали вѣщать Христову истину и пр. и пр. Что даетъ право Л. Н--чу, *какіе его труды и подвиги отреченія и евангельскаго дѣланія*—обращаться къ этимъ священникамъ, „имъ-же нѣтъ числа“, съ трогательнымъ обращеніемъ сознать себя недостойными грѣшниками и покаяться? Они за свою правду, за свою вѣру и нелицемѣріе этой вѣры выставляютъ, какъ свидѣтелей, свои труды, какъ мы сказали, десятки лѣтъ не только „думъ уединенныхъ“ о Богѣ и Его правдѣ, но и десятки лѣтъ жизни, по тому ученію, какое приняли. А ваши свидѣтели? Что дѣлаетъ васъ учителемъ покаянія для этихъ смиренныхъ и кроткихъ, всю жизнь отдавшихъ покаянію, вопрошаетъ нашъ критикъ гордаго яснополянскаго искусителя. Послѣдній однако продолжаетъ свою клевету и ложь на церковь и грубое безсовѣстное издѣвательство надъ священно-служителями. Эта неправда и издѣвательства сами лучше всего и обличаютъ и раскрываютъ нехристіанскую злобную настроенность яснополянскаго реформатора христіанства. Истинные христіане такъ не издѣваются, надъ ближними своими. Такъ говорить можетъ только врагъ озлобленный, или нетерпимый фанатикъ.

Если вы принадлежите къ тѣмъ духовнымъ лицамъ, каковыхъ въ наше время къ несчастью очень много и становится все больше и больше, которыя ясно видятъ всю отсталость, неразумность и безнравственность церковнаго ученія и, не вѣря въ него, продолжаете для своихъ личныхъ видовъ—священническихъ, епископскихъ окладовъ—проповѣдовать его, то не утѣшайтесь мыслію, что ваша дѣятельность оправдывается тѣмъ, что она можетъ быть полезна толпѣ, народу, не понимающему еще того, что вы понимаете.

Ложь никому не можетъ быть полезна. То, что вы знаете, что ложь есть ложь, зналъ бы точно такъ же и былъ бы свободенъ отъ нея тотъ человѣкъ изъ народа, которому вы внушили и внушаете ее. Мало того, что безъ васъ онъ былъ бы свободенъ отъ лжи, онъ нашелъ бы ту истину, которая открыта ему Христомъ, и которую вы своимъ ученіемъ скрываете отъ него, становясь между нимъ и Богомъ. То, что вы дѣлаете, вы дѣлаете не для пользы людей, а только ради своихъ честолюбивыхъ, корыстныхъ цѣлей.

А потому, какъ бы величественны ни были тѣ дворцы, въ которыхъ вы живете, и церкви, въ которыхъ вы служите

и проповѣдуете, и тѣ облаченія, которыми вы себя украшаете,—дѣло ваше отъ этого не становится лучше. Что велико передъ людьми, то мерзость передъ Богомъ.

Такъ это для тѣхъ, которые не вѣрятъ и продолжаютъ проповѣдывать ложь и поддерживать въ ней людей. Но есть еще среди васъ такіе, и число ихъ становится тоже все больше и больше, которые, хотя и видятъ несостоятельность въ наше время положеній церковной вѣры, не могутъ рѣшиться критически обсудить ихъ. Вѣра эта такъ сильно была внушена имъ съ дѣтства, такъ сильно поддерживалась въ нихъ окружающей средой и вліяніемъ толпы, что они, даже не пытаясь освободиться отъ нея, всѣ силы своего ума и образованія употребляютъ на то, чтобы хитроумными иносказаніями и ложными и запутанными разсужденіями оправдать всѣ несообразности и противорѣчія исповѣдуемаго ими ученія.

Если вы принадлежите къ этому разряду, хотя и менѣе преступныхъ, но зато еще болѣе вредныхъ, чѣмъ первыя, духовныхъ лицъ, не думайте, чтобы ваши разсужденія успокоили вашу совѣсть и оправдали васъ передъ Богомъ. Вы въ глубинѣ души не можете не знать, что все, что бы вы ни придумывали и ни выдумывали, не можетъ сдѣлать того, чтобы безнравственные разсказы священной исторіи, ставшіе въ противорѣчіе съ знаніемъ и пониманіемъ людей, и архаическія положенія никейскаго символа стали нравственны, разумны, ясны, согласны съ современнымъ знаніемъ и здравымъ смысломъ.

Вы знаете, что убѣдить въ истинности своей вѣры своими разсужденіями вы никого не можете, что ни одинъ свѣжій, взрослый образованный человѣкъ, не воспитанный въ дѣтствѣ въ вашей вѣрѣ, не только не повѣритъ вамъ, но или засмѣется или приметъ васъ за душевно больного, услышавъ ваши разсказы о началѣ міра, исторію первыхъ людей и грѣха Адама и искупленіе отъ него людей смертью сына Бога.

Вамъ, духовнымъ лицамъ этого разряда, нужно,—не запутывая себя и другихъ неясными разсужденіями, не стараться доказать, что истина—то самое, что вы считаете истиной, а, напротивъ, сдѣлавъ усиліе надъ собой, провѣрить принятыя вами за истину вѣрованія по принятымъ вами и всѣми за несомнѣнныя знаніямъ и по требованіямъ простого здраваго смысла.

Но есть еще самый распространенный третій разрядъ простодушныхъ духовныхъ лицъ, которыя никогда не усумнились въ истинѣ той вѣры, которую они исповѣдуютъ и проповѣдуютъ. Люди эти или никогда не думали о значеніи и смыслѣ тѣхъ положеній, которыя переданы имъ съ дѣтства какъ священная, божеская истина, или, если и думали, то такъ не привыкли самостоятельно мыслить, что не видятъ заключающихся въ нихъ несообразностей и противорѣчій,

или, хотя и видятъ ихъ, до такой степени подавлены авторитетомъ церковнаго преданія, что не смѣютъ думать объ этомъ иначе, чѣмъ такъ, какъ вѣрили прежде жившіе и теперешніе церковники. Люди эти успокоиваются обыкновенно мыслью, что церковное ученіе, вѣроятно, удовлетворительно объясняетъ кажущіяся имъ, только по ихъ недостаточному богословскому образованію, несообразности.

Если вы принадлежите къ этому разряду людей, искренно и наивно вѣрующихъ или еще не вѣрующихъ, но готовыхъ повѣрить и не видящихъ къ этому препятствій,—кто бы вы ни были: уже дѣйствующія духовныя лица, или еще готовящіеся къ духовному званію молодые люди,—остановитесь на время въ своей дѣятельности или въ своемъ приготовленіи къ этой дѣятельности и подумайте о томъ, что вы дѣлаете или собираетесь дѣлать.

Вы проповѣдуете или собираетесь проповѣдывать людямъ такое ученіе, которое опредѣлитъ для нихъ смыслъ ихъ жизни, опредѣлитъ цѣль ея, укажетъ признаки добра и зла и дастъ направленіе всей ихъ дѣятельности. И проповѣдуете вы это ученіе не какъ всякое людское ученіе, несовершенное и могущее быть обсуживаемо, а какъ ученіе, открытое самимъ Богомъ и потому не подлежащее обсужденію.

А что, какъ то, что вы проповѣдуете или собираетесь проповѣдывать,—неправда?

Неужели нельзя или не надо подумать объ этомъ? А если вы подумаете объ этомъ и сличите это ученіе съ другими ученіями, считающими себя точно такъ же едиными истинными, сличите его съ вашими знаніями, съ здравымъ смысломъ,—однимъ словомъ, безъ слѣпого довѣрія, а свободно обсудите его,—то вы не можете не увидать, что то, что выдается вами за священную истину, не только не есть священная истина, а есть только отсталое суевѣрное ученіе, которое такъ же, какъ и другія подобныя ученія, поддерживается и проповѣдуется людьми никакъ не для блага своихъ братьевъ, а для какихъ-то другихъ цѣлей.

„Дворцы, въ которыхъ вы живете?... Графъ, вы издѣваетесь, восклицаетъ нашъ критикъ! Да, наши храмы—дворцы среди селъ, они свѣтятся огнями, блестятъ золотомъ своихъ украшеній и мы горды этимъ, гордимся тѣмъ, что народъ любитъ храмы и несетъ ему свои дары, но вотъ рядомъ съ ними—наши священническіе „дворцы“. Намъ приходится ютиться въ хижинахъ, гдѣ зимой углы промерзаютъ насквозь, а осенью протекаютъ крыши. Наши дѣти умираютъ, потому что нельзя жить въ этихъ убогихъ развалившихся „дворцахъ“. Съ болью въ сердцѣ мы, какъ нищіе, побираемся по деревнѣ и всетаки намъ не-

на что содержать нашихъ дѣтей. Недаромъ еще Некрасовъ, далеко не сторонникъ священника, на вопросъ: „вольготно-ли и сыто-ли живется попу“, отвѣтилъ сценой, гдѣ священникъ, проклиная жизнь, съ тоской беретъ три пятака у голоднаго мужика, беретъ... *потому что и самъ съ семьей голоденъ*. За 11 лѣтъ средней школы (годы, когда можно пройти университетъ), священникъ бѣдствуетъ, и только вѣра въ народъ, да привязанность къ храму и Церкви заставляетъ ихъ жить въ этой убогой обстановкѣ и протекающихъ дворцахъ. Клевета и обидная и злая, нехристіанская, въ этихъ недобрыхъ словахъ о дворцахъ и о кладахъ. Неужели графъ станетъ утверждать, что Церковь даетъ священнику болѣе, чѣмъ онъ могъ бы взять, какъ „хищникъ“, борющійся за существованіе на аренѣ жизни?

Есть священники, которые живутъ обезпеченно, есть губерніи, гдѣ они богаты, но много ли такихъ губерній и много ли такихъ обезпеченныхъ? Не выгоднѣе ли за 3—4 года до окончанія курса идти въ акцизъ или полицію?

Священникъ, по „Обращенію“ долженъ отречься отъ своей правды, потому что въ его ученіи многое не согласно съ „современнымъ знаніемъ“. Не знаемъ, въ чемъ это противорѣчіе, думаемъ, что его нѣтъ, да если бы оно и было, разумно ли было бы истины нашей вѣры мѣнять на показанія знанія, какъ на что-то абсолютно во всемъ несомнѣнное“. Далѣе о. Михаилъ уличаетъ гр. Толстого въ противорѣчіи себѣ самому, послѣ того, какъ онъ вслѣдъ за Обращеніемъ далъ въ другой брошюрѣ: „Разрушеніе ада“ такой отзывъ о современномъ знаніи. „Знаніе, по его отзыву, отодвинуло отъ людей важнѣйшіе вопросы жизни, оно поставило пустяки на мѣсто существенныхъ проблеммъ познанія, знанія о Богѣ и жизни по Богу. Мало того, наука объявила себя непогрѣшимой и во имя своей непогрѣшимости выдаетъ за истину никому ненужныя и даже нелѣпыя глупости. И она требуетъ, чтобы человѣкъ отрекся отъ истиннаго знанія во имя этихъ глупостей“.

Такъ какъ же послѣ этого мы откажемся отъ ученія, переданнаго намъ отцами нашими, отъ ученія, въ которомъ всякая частность связана съ проповѣдью Христа о любви къ людямъ, Богу и т. д.—во имя и ради современнаго знанія, которое, по словамъ самого Т—го провозглашаетъ за несомнѣнныя истины не только ненуж-

ныя, но часто и нелѣпыя глупости... Да и вѣримъ,— свѣтъ науки идетъ не противъ вѣры, а наоборотъ, освѣщаетъ путь къ познанію Бога въ вѣрѣ.

Мы не станемъ доказывать, что во всѣхъ своихъ частяхъ ученіе Церкви, даже для безусловно невѣрующаго, отнюдь не такая явная нелѣпость, чтобы вѣра въ него могла держаться только гипнозомъ воспитанія. Доказательство замѣнитъ небольшая справка. Недавно въ одной газетѣ (Бирж. Вѣд.) перечислялись главнѣйшіе изъ послѣдователей графа, основатели культурныхъ скитовъ. Оказывеется, что всѣ наиболѣе талантливые изъ этихъ „учениковъ графа", ознакомившись съ истиной „чистаго евангелія" по Толстому, поработавъ много и усердно въ дѣлѣ распространенія толстовства, вскорѣ сознательно вернулись къ истинѣ Церкви (Н—въ, Ал—нъ и др.). Такъ какъ же графъ рѣшается утверждать, что всякій свѣжій, чуть чуть прикоснувшійся къ истинѣ человѣкъ не можетъ смотрѣть на церковное ученіе иначе, какъ на бредъ. Кого, кромѣ Чертковыхъ, удержало толстовство изъ дѣйствительно интеллигентныхъ образованныхъ людей?.

Вѣроятно и самъ Толстой не откажется считать образованными и Вл. С. Соловьева, и Б. Чичерина, и Н. Грота, и Аксаковыхъ, и Самариныхъ, и Хомякова, которые однако были людьми глубоковѣрующими во Христа и Церковь.

Графъ, далѣе, старается доказать, что самый распространенный разрядъ „простодушныхъ дух. лицъ" и эти въ простотѣ вѣрующіе—преступники.

Онъ пишетъ: «Вы проповѣдуете ученіе, которое должно опредѣлять для нихъ (народ. массъ), смыслъ жизни.

А вдругъ—оно неправда? Неужели не должно подумать объ этомъ?»

Плохо графъ слѣдитъ за своей логикой. Нѣсколько далѣе послѣ приведенныхъ словъ, онъ неосторожно бросаетъ такія слова:

«Ни одинъ разумный человѣкъ не возьметъ на себя опредѣлить тѣлесную пищу другихъ людей, какъ рѣшить и кто можетъ рѣшить, какая духовная пища нужна массамъ народу?»

Т—ой не замѣчаетъ, что даетъ собесѣднику оружіе,

какое можетъ быть обращено противъ него самого. „Я, можетъ отвѣтить Льву Николаевичу простецъ священникъ, вѣрю, какъ этотъ народъ, только осмысленнѣе, опредѣленнѣе и сознательнѣе. Да, я вѣрю церковной истинѣ, а когда она не ясна для меня, думаю, что духовно еще недоросъ до истины и молюсь, да поможетъ Богъ моему безсилію. Вы требуете, чтобы я отрекся отъ народной истины и замѣнилъ ее проповѣдью вашей истины. Но вѣдь наша собственная логика заставляетъ меня не вѣрить вамъ, не слушаться васъ. Я проповѣдую то, что составляетъ для народа истину, всосанную имъ съ молокомъ матери, напоминаю темному мужику тѣ завѣты, какіе давала ему умирающая мать или отецъ. Слѣдовательно, я ничего не отнимаю у него, не разрушаю его души и совѣсти, и слѣд. совѣсть моя спокойна: я не повиненъ въ соблазнѣ и убійствѣ душъ. Вы предлагаете отнять у народа ту правду, какой онъ доселѣ жилъ; но страшно мнѣ, боюсь я запретить ему ходить въ церковь и благоговѣйно молиться тамъ, гдѣ изъ дьяконскаго чтенія заучивать „блаженства", боюсь, потому что тогда мнѣ вправѣ будутъ крикнуть: зачѣмъ вы отнимаете *нашъ хлѣбъ*, которымъ мы живы? — „безбожники, заранѣе жилы перегрызаете".

Да, боюсь и боялся бы, даже если бы почти повѣрилъ въ вашу истину. Вѣдь повѣрить вамъ *совсѣмъ* нельзя по вашей логикѣ, гласящей, будто ни одинъ разумный человѣкъ не можетъ рѣшить, какая духовная пища нужна народу?

И не понимаю я, какъ смѣете это вы, при такой логикѣ, всетаки думать, что духовная пища, предлагаемая вами, нужнѣе народу, чѣмъ та, какую предлагали апостолы Матѳей, Маркъ, Лука, Іоаннъ, ап. Павелъ, Петръ; наше евангеліе съ *Христомъ Воскресшимъ и вознесшимся*?!.

XI.

— Но что будетъ съ людьми, если они перестанутъ вѣрить въ церковное ученіе? И не будетъ ли отъ этого хуже?—слышу я обычное возраженіе

— Что будетъ, если люди христіанскаго міра перестанутъ вѣрить въ церковное ученіе? Будетъ то, что людямъ христіанскаго міра будутъ доступны, открыты не однѣ еврейскія легенды, но религіозная мудрость всего міра. Будетъ то, что

люди будутъ выростать и развиваться съ неизвращенными понятіями и чувствами. Будетъ то, что, откинувъ принятое по довѣрію ученіе, люди установятъ разумное и соотвѣтствующее ихъ знаніямъ свое отношеніе къ Богу и признаютъ вытекающія изъ такого отношенія нравственныя обязанности.

— Но люди народа грубы и необразованы, и то, что не нужно намъ, образованнымъ людямъ,—говорятъ еще,—можетъ быть полезно и даже необходимо грубому народу.

Если всѣ люди равны, то всѣ идутъ однимъ и тѣмъ же путемъ отъ мрака къ свѣту, отъ невѣжества къ знанію, отъ лжи къ истинѣ. Вы шли этимъ путемъ и пришли къ сознанію неистинности той вѣры, въ которой вы были воспитаны. По какому же праву вы хотите остановить другихъ людей въ такомъ же движеніи?

Графъ такимъ образомъ признаетъ, что въ народѣ есть потребность именно той пищи, какую ему предлагаетъ Церковь. Гдѣ же основанія думать, что эти потребности не нормальны, не есть здоровыя требованія души, а созданы искусственно. Милліоны людей живутъ „церковной пищей", это питаніе создало великановъ духа, создало ту христіанскую стихію, которой живетъ русскій народъ, тѣ обычаи, поговорки, легенды, въ которыхъ графъ видитъ проявленіе Христовой правды, на той же истинѣ воспитанъ и Христосъ, Который „не пришелъ разрушить законъ Моисея".

Это достаточно убѣждаетъ, что церковная „пища" не была камнемъ, а слѣдовательно и исканіе ея не ложь, не тяготѣніе къ искусственно привитой потребности. А новая пища? Кто можетъ сказать, что она не камень!

„Кто можетъ рѣшить, повторимъ слова Толстого, какая духовная пища нужна массамъ народу"? Мы полагаемъ, что Евангеліе, но Толстой и *этого рѣшить не можетъ,— не смѣетъ.*

* *
*

Вы говорите, что хотя вамъ и ненужна уже эта пища, она нужна массамъ. Но ни одинъ разумный человѣкъ не возьметъ на себя опредѣлить тѣлесную пищу другихъ людей, какъ же рѣшить, и кто можетъ рѣшить, какая духовная пища нужна массамъ, народу?

То же, что вы видите въ народѣ потребность этого ученія, никакъ не доказываетъ того, чтобы нужно было удовлетворять ей. Есть потребность къ вину, табаку и еще другія, худшія потребности. Главное же то, что вы сами сложными пріемами гипнотизма возбуждаете ту потребность, существо-

ваніемъ которой вы хотите оправдать свою дѣятельность. Только перестаньте возбуждать эту потребность, и ея не будетъ, потому что какъ у насъ, такъ и у всѣхъ людей, не можетъ быть потребности ко лжи, а всѣ люди всегда шли и идутъ отъ мрака къ свѣту, и вамъ, стоящимъ ближе къ свѣту, надо стараться сдѣлать его доступнымъ другимъ, а не заслонять его.

Вотъ совѣтъ, передъ которымъ останавливаешься въ полномъ недоумѣніи—замѣчаетъ о. Михаилъ. Мы считаемъ свое ученіе—Христовымъ. Л. Н. не считаетъ, но онъ всетаки считаетъ насъ вѣрующими въ евангеліе. Ему кажется, что наше ученіе всетаки кое что имѣетъ христіанское въ себѣ и вотъ онъ предлагаетъ всѣмъ искреннимъ, честнымъ людямъ уйти отъ народа и предоставить его хищникамъ, наемникамъ, которые будутъ растлѣвать Христово ученіе, не оставятъ ничего отъ него. Это для того, чтобы убить вѣру въ Церковь и самую Церковь. Мы вѣримъ, что пастыри Церкви не разрушаютъ, а созидаютъ царство Божіе, но пусть Л. Н. правъ. Не грѣхъ-ли всетаки предлагать, чтобы мы отдали народъ на разстлѣніе въ волю злыхъ пастырей?

Не великое-ли кощунство, не преступленіе ли противъ всякой любви желать, чтобы хотя одно—два поколѣнія оказались во власти растлителей и развратниковъ? Пусть это увеличитъ паству его учениковъ, вышедшихъ изъ Церкви, но неужели не жаль ему милліоновъ, которыхъ растлятъ злые пастыри? И это любовь? „Не противься злу, потому что это значитъ столъ мыть грязной тряпкой — не отмоешь“. Это афоризмъ *Толстого*. Теперь онъ хочетъ купить толстовское царство Божіе цѣной растлѣнія и гибелью многихъ душъ. Графъ?.. Это хуже, чѣмъ мыть столъ грязной тряпкой.

Здѣсь живыя души, невинныя души продаются за увеличеніе прозелитовъ толстовства, за популярность „учителя изъ Ясной Поляны“!

— Но не будетъ ли хуже отъ того, что мы, люди образованные, нравственные, желающіе добра народу, вслѣдствіе возникшихъ въ нашей душѣ сомнѣній, оставимъ нашу дѣятельность, и мѣста наши займутъ грубые, безнравственные люди, равнодушные къ народному благу!—слышу я послѣднее возраженіе.

Несомнѣнно, что выходъ лучшихъ людей изъ духовнаго

сословія сдѣлаетъ то, что церковная дѣятельность, находясь въ грубыхъ, безнравственныхъ рукахъ, будетъ все болѣе разлагаться, обличая свою лживость и зловредность. Но отъ этого не будетъ хуже, потому что разложеніе церковнаго учрежденія, совершающееся и теперь, есть одно изъ средствъ освобожденія народа отъ того обмана, въ которомъ онъ находится. И потому, чѣмъ скорѣе это освобожденіе совершится черезъ выходъ изъ духовнаго сословія просвѣщенныхъ добрыхъ людей, тѣмъ это лучше. И потому, чѣмъ больше будетъ выходить изъ духовнаго сословія просвѣщенныхъ, хорошихъ людей, тѣмъ это лучше.

Знаю, что многіе изъ васъ связаны семьями или зависятъ отъ родителей, требующихъ отъ васъ продолженія начатой дѣятельности; знаю, какъ трудно отказаться отъ почетнаго положенія, отъ богатства или хотя отъ обезпеченія себя и семьи средствами для продолженія привычной жизни, и какъ больно идти противъ любящихъ семейныхъ. Но все лучше, чѣмъ дѣлать дѣло, губительное для своей души и вредное людямъ.

Вотъ это-то я и хотѣлъ, находясь теперь на краю гроба и ясно видя главный источникъ бѣдствій людей, сказать вамъ, чтобы содѣйствовать избавленію людей отъ того страшнаго зла, которое производитъ проповѣдь вашего ученія, скрывающаго истину, и вмѣстѣ съ тѣмъ помочь и вамъ проснуться отъ того гипноза, въ которомъ вы находитесь, часто не понимая всей преступности своей дѣятельности.

И помоги вамъ въ этомъ Богъ, который видитъ сердца ваши.

Левъ Толстой.

Ясная Поляна, 1 ноября 1902 г.

Итакъ, гр. Толстой жаждетъ разложенія церковнаго учрежденія, радуется, что оно совершается! Какое адское, злобное настроеніе духа у яснополянскаго лжеучителя!

И ужасно то, что все это говорится имъ на краю гроба.

Пожелаемъ Льву Никол. поскорѣе, — ранѣе того страшнаго часа, когда ему открыты объявлены будутъ всѣ дѣла и помышленія его — проснуться отъ того гипноза самообожанія, въ какомъ находится графъ, опутанный вражіею лестію, не понимая всей преступности своей разрушительной дѣятельности.

И помоги ему въ этомъ Богъ, Который видитъ сердца всѣхъ.

Пастырскій откликъ Л. Н. Толстому на его обращеніе къ духовенству.

I.

Левъ Николаевичъ!

Я только что прочиталъ ваше „Обращеніе“ и считаю своимъ долгомъ отвѣтить.

Вы пишете: „Кто бы ни были: папы, кардиналы, епископы, суперинтенденты, священники, пасторы какихъ бы то ни было церковныхъ исповѣданій, оставьте на время свою увѣренность въ томъ, что вы, именно вы, единые истинные ученики Христа Бога, призванные проповѣдать его единое истинное ученіе, а вспомните о томъ, что вы прежде всего люди, т. е., по вашему же ученію существа, посланныя въ міръ Богомъ для исполненія Его закона“.

Я не „папа, ни кардиналъ, ни епископъ, ни суперинтендентъ“, я православный, русскій священникъ, ни за папъ ни за кардиналовъ говорить не буду, отвѣчаю преимущественно за себя и исключительно отъ себя.

„Вспомните это и подумайте—продолжаете вы,—что вы дѣлаете? Вся ваша жизнь посвящена тому, чтобы проповѣдывать, поддерживать и распространять среди людей ученіе, по вашимъ словамъ, открытое намъ Самимъ Богомъ и потому единое истинное и спасительное“.

Согласенъ исполнить вашу просьбу: я „на время оставляю свою увѣренность, что я единый, истинный“ „ученикъ Христа Бога“, помню лишь то, что я „прежде всего существо, посланное въ міръ Богомъ для исполненія Его закона“. Я спрашиваю самъ себя, что я дѣлаю, и нахожу, что моя „жизнь посвящена тому, чтобы проповѣдывать, поддерживать“... и прочее, только лишь вами продиктованное.

Вы правы.

„Въ чемъ состоитъ это, проповѣдуемое вами, ученіе?“—спрашиваете вы и сами же отвѣчаете: ученіе ваше признается вами вполнѣ точно выраженнымъ въ символѣ вѣры, установленномъ на Никейскомъ соборѣ 1600 лѣтъ тому назадъ“.

Безусловно согласенъ съ вами

Я очень радъ, что проповѣдуемое мною ученіе вы признаете не самовольнымъ моимъ измышленіемъ, но общимъ вѣрованіемъ всѣхъ христіанскихъ народовъ въ теченіе 1600 лѣтъ (а по моему 1900).

Я не одинокъ въ своей вѣрѣ. Цѣлыхъ 1900 лѣтъ милліоны людей вѣровали и вѣруютъ подобно мнѣ. Это служитъ мнѣ огромной гарантіей надежности моей вѣры. 1900 лѣтъ христіанская вѣра исповѣдуется одинаковымъ образомъ. Не было времени, не было дня, со времени земной жизни Основателя христіанства, когда бы Его ученіе было инымъ въ той церкви, къ которой принадлежу я. 19 вѣковъ существуетъ моя Церковь, 19 вѣковъ „рѣки" язычества и „вѣтры" всевозможнѣйшихъ ученій, не исключая и подобныхъ толстовскому, бьютъ ее, разрушаютъ, ломаютъ, а она стоитъ могучая, невредимая, спокойная.

Церковь пребываетъ непоколебимой, ибо она основана на камени. Камень же былъ Христосъ. Мнѣ нечего сомнѣваться, безпокоиться и бояться за будущее. Самъ адъ не одолѣетъ Церкви, созданной на семъ Камени.

Вы отвергаете, Левъ Николаевичъ, этотъ Камень.

Вы воюете съ Нимъ. Напрасный трудъ. Камень наполняетъ Собою весь міръ, а вы думаете поразить Его своими жалкими усиліями.

О, ничтожный воитель!

Но вернемся къ „Обращенію".

Вы говорите, что христіане признаютъ 12 членовъ символа вѣры, въ которомъ выражены „основныя положенія истины, открытой Богомъ". Правда. „Хорошо! заключаете вы.—Вамъ открыта Самимъ Богомъ единая, спасительная для людей истина. Людямъ свойственно стремиться къ истинѣ, и когда она ясно передана имъ, они всегда съ радостью признаютъ ее и руководятся ею. И потому для сообщенія людямъ вашей истины, казалось бы достаточно просто и ясно, устно и печатно разумнымъ убѣжденіемъ передавать эту истину людямъ, способнымъ принять ее".

Такъ я и дѣлаю. Насколько могу „просто и ясно, устно и печатно передаю христіанскую истину" своимъ слушателямъ и читателямъ. Другихъ способовъ мнѣ не предоставлено. Такъ же дѣлаютъ и прочіе извѣстные мнѣ священники.

„Какъ же вы проповѣдуете свою истину?" Задаете

вы вопросъ и вмѣсто того, чтобы выслушать вышеприведенный правдивый отвѣтъ, торопливо замѣчаете, какъ нехорошо „преподавали эту истину мои предшественники“. Я за „предшественниковъ“ не отвѣчаю, истина не теряетъ своей истинности отъ нехорошаго „преподаванія“.

„Съ тѣхъ поръ, какъ образовалось общество, называющее себя Церковью (оно образовалось при жизни Г. І. Христа), ваши предшественники преподавали эту истину преимущественно насиліемъ?

„Они (предшественники) предписывали эту истину и казнили тѣхъ, которые не принимали ея“. Это не въ первые ли триста лѣтъ распространенія христіанства, не при Неронѣ ли, или Діоклетіанѣ? Неужели тогда христіанскіе священники „преподавали истину насиліемъ, и казнили тѣхъ, которые не принимали ея“?

„Предшественники... казнили“—значитъ, и я казню? Увѣряю васъ, я дѣйствую только словомъ, а не насиліемъ.

„Предшественники... казнили“,—значитъ ли отсюда, что исповѣдуемая мною истина не можетъ быть признана истиной?

„Средство это (казнь за непринятіе истины), очевидно не соотвѣтствующее своей цѣли, съ теченіемъ времени стало менѣе и менѣе употребляться“. Сдѣлаемъ ясный и простой перифразъ.

„Средство“ — казнь, „цѣль“ — истина. Средство не соотвѣтствующее цѣли“, т. е., проповѣдуемая моими предшественниками истина не только не была повинна въ употребленіи казни, но и не находила въ ней соотвѣтствія (проще—отрицала ее)? Поэтому оно (средство это) „стало менѣе и менѣе употребляться (кѣмъ?—предшественниками; слѣдовательно, они стали болѣе благоразумны? отлично!) и употребляется теперь изъ всѣхъ христіанскихъ странъ, кажется, въ одной только Россіи“.

Я русскій священникъ, но снова увѣряю васъ, я никогда не прибѣгалъ ни къ насилію, ни къ убійству; и никогда не слыхалъ, чтобы на русскихъ священникахъ или епископахъ лежало право и обязанность „мучить, убивать, сожигать“ не принимающихъ истины.

Сопоставляя ваше обвиненіе съ тѣми хулами, которыми вы безнаказанно позорите Христа и Церковь, и отъ которыхъ сердце обливается кровью и волосъ ста-

новится дыбомъ,—я считаю васъ не столько клеветникомъ, сколько человѣкомъ, ревнующимъ о собираніи фразъ, самыхъ злобныхъ, самыхъ оскорбительныхъ для христіанина.

Сколько лѣтъ вы издѣваетесь надъ русскимъ народомъ, надъ его вѣрой, надъ его Церковью, сколько вы богоборствуете, сколько людей вы растлили своимъ лжеученіемъ, сколько растлѣнныхъ вами въ свою очередь соблазнили прочихъ, никто васъ не трогаетъ—и вы, все-таки, кого то увѣряете, что въ Россіи употребляются казни, убійства, мученія за непринятіе истины!

И вамъ не стыдно?!

II.

Вы осуждаете, Л. Н., тѣ средства, которыми духовенство преподаетъ исповѣдуемую имъ истину. Первымъ такимъ нехорошимъ средствомъ вы считаете мученіе, убійство, сожиганіе, которыя, по вашему мнѣнію, употребляются въ настоящее время въ Россіи. Насколько справедливо ваше мнѣніе, я возражалъ въ первомъ письмѣ.

„Другимъ средствомъ, пишете вы, было (и есть?) внѣшнее воздѣйствіе на чувства людей посредствомъ торжественной обстановки, картинъ, статуй, пѣнія, музыки, даже драматическихъ представленій и ораторскаго искусства,—оно даже стало менѣе и менѣе употребляться, особенно въ протестантствѣ“.

Что же, это „другое средство“ тоже предосудительно? Если да, то почему же вы, для распространенія своего ученія, такъ неутомимо „воздѣйствуете на чувства людей„—сочиняете романы, сказки, легенды, драмы, комедіи? Остается только вамъ самимъ вскочить на театральныя подмостки. Вамъ можно? Вамъ все можно. Вы можете писать двумя руками. Вы только лишь сказали, что „людямъ свойственно стремиться къ истинѣ, и, когда она ясно передана имъ, они всегда съ радостью признаютъ ее и руководятся ею“. Если „людямъ свойственно съ радостью признавать истину“, то почему ее нельзя съ радостью же и исповѣдывать, радостнымъ голосомъ, при радостной обстановкѣ? *Какая женщина, имѣя десять драхмъ, если потеряетъ одну драхму,*

не зажжетъ свѣчи и не станетъ мести комнату и искать тщательно, пока не найдетъ. А нашедши, созоветъ подругъ и сосѣдокъ и скажетъ: порадуйтесь со мною, я нашла потерянную драхму (Лк. 15, 30). Какъ естественна и понятна эта радость. Но когда Церковь созываетъ къ себѣ своихъ чадъ, съ умиленіемъ показываетъ имъ драгоцѣнную „Жемчужину", въ ликующихъ звукахъ и словахъ выражаетъ свою радость, приглашая къ тому же собравшихся,—это вамъ кажется дѣломъ нехорошимъ? Ужели сочинять и читать сказки про Ивана дурака, про перваго винокура лучше, согласнѣе съ достоинствомъ истины?

Въ православныхъ храмахъ нѣтъ ни статуй, ни музыки, ни драматическихъ представленій, поэтому защищать и касаться ихъ не буду. Но что дурного въ торжественности нашей церковной обстановки, въ пѣніи, въ одушевленной проповѣди?

И то, и другое, и третье есть прежде всего не средство, а внѣшнее выраженіе нашей внутренней радости. Будь сильнѣе наше религіозное чувство, наша *радость о Дусѣ святѣ*, обстановка была бы еще торжественнѣе, пѣніе и проповѣдь одушевленнѣе. Иначе и быть не можетъ. Нѣтъ ни одной религіи безъ внѣшней обстановки, безъ наружнаго выраженія. Если бы вы даже убѣдили людей признать это выраженіе дурнымъ, вреднымъ, искоренить его было бы дѣломъ невозможнымъ. Когда человѣку грустно, онъ плачетъ; когда смѣшно—смѣется; когда онъ веселъ, всѣ видятъ, что веселъ, когда печаленъ, всѣ видятъ, что печаленъ. Точно также и Церковь. Она *не можетъ* сохранить внѣшнее безстрастіе при внутреннемъ одушевленіи, *не можетъ не* выразить своихъ чувствъ въ соотвѣтственныхъ формахъ. И какая нужда скрывать ихъ? Какая необходимость скрывать подъ ледяной оболочкой святые порывы души? Не для того ли, чтобы они не сообщались прочимъ? Не для того ли, чтобы предохранить людей отъ внутренняго воспріятія истины? Но, вѣдь, это не только нелѣпо, но и въ высшей степени опасно. Все, что мы видимъ и слышимъ непремѣнно воздѣйствуетъ на наши внѣшнія чувства. Ни одно живое слово, ни одинъ жестъ, взглядъ не остается безъ „воздѣйствія". Только лишенный способности славы и движенія не можетъ воздѣйствовать. Уничтожить взаимное воздѣйствіе одного чело-

вѣка на другого можно только уничтоженіемъ всякаго внѣшняго проявленія внутренней жизни. Но такое уничтоженіе равносильно уничтоженію человѣчества, чего вы, Л. Н., когда-то и добивались; но такъ какъ эта затѣя, достойная Калигулы, пока для васъ неосуществима, вы бросаете петлю на истину. Истина не должна воздѣйствовать на внѣшнія чувства; истина не должна имѣть другого выраженія, кромѣ словеснаго; истина должна восприниматься исключительно разсудкомъ; истина должна быть мертвымъ терминомъ, подобнымъ тѣмъ, изъ которыхъ состоитъ таблица умноженія.

За что, Л. Н., такая немилость? Чѣмъ васъ обидѣла истина? За что вы гоните ее съ глазъ долой? Вѣдь, вы лишаете ее послѣдняго угла, гдѣ она до сихъ поръ проявляла себя. Значитъ, вамъ желательно, чтобы не—истина заняла собою всю арену міра, чтобы право на внѣшнее выраженіе составляло привилегію зла. Другими словами, вы не только *не противитесь злу*, но сочувствуете, содѣйствуете ему, разрушая предъ нимъ всѣ преграды, созданныя для охраны истины. Пусть животные инстинкты попрежнему смѣло проявляютъ себя; пусть народъ растетъ, множится, живетъ, не опасаясь упрека въ воздѣйствіи"; пусть силы адовы — невѣріе, ложь, злоба,—пріобрѣтаютъ прозелитовъ; *не противьтесь злу*; міръ долженъ быть къ его услугамъ. Пусть блудники и блудницы всѣми средствами и способами растравляютъ нечистыя страсти; пусть милліоны зрителей, съ затаеннымъ дыханіемъ, созерцаютъ въ театрахъ картины похоти, безстыдства и злодѣйства; пусть хищные волки и львы терзаютъ и пожираютъ всѣхъ встрѣчныхъ,—это ничего, это можно, это заслуживаетъ поощренія. Но если Церковь возбуждаетъ въ вѣрующихъ святыя, возвышенныя чувства; если она обращается къ чувству, къ сердцу, къ волѣ, если представляетъ вѣрующимъ душамъ образцы любви, терпѣнія, цѣломудрія, смиренія, благоговѣйнства,—вамъ кажется, она поступаетъ дурно. Почему? Чѣмъ, скажите, пожалуйста, тревожитъ васъ „торжественная обстановка" православныхъ храмовъ? Что вы находите нетерпимаго въ этой обстановкѣ? Внѣшнюю обширность храмовъ? Но она необходима для множества вѣрующихъ. Красоту, богатство украшеній, особенности архитектуры? Но все это находится въ исключительной почти зави-

симости отъ культурнаго и матеріальнаго состоянія чадъ Церкви. Быть можетъ, вамъ ненавистенъ храмъ, какъ мѣсто религіозныхъ собраній? Но храмъ существовалъ всегда, у всѣхъ, вездѣ. Храмъ служитъ лучшимъ выраженіемъ и напоминаніемъ истины единства человѣчества, равенства предъ Богомъ.

Или вамъ ненавистно многолюдство церковныхъ собраній? Ненавистно именно тѣмъ, что малодушные, маловѣрные неофиты, колеблющіеся, при видѣ тысячи молящихся, укрѣпляются въ вѣрѣ, въ истинѣ, въ добрѣ. Да, храмъ имѣетъ огромное вліяніе на сближеніе людей и другъ съ другомъ, и съ Богомъ, и съ истиной. И дай Богъ, чтобы это вліяніе во вѣки вѣковъ перевѣшивало собою вліяніе беззаконной власти тьмы. Но вы, сочувствующій этой власти, другого мнѣнія. Вамъ ненавистны храмы, какъ лучшія укрѣпленія борцовъ за истину. Вы рекомендуете одно средство борьбы—разумное убѣжденіе,—рекомендуете съ несомнѣнной цѣлью задушить то, что люди почитаютъ за истину. Вамъ хорошо извѣстно, сколько христіанъ, въ настоящее время, *стыдятся* обнаружить свои разумныя убѣжденія; сколько этихъ стыдящихся щеголяютъ своимъ индифферентизмомъ, наперекоръ совѣсти, въ угоду лжеучителямъ; сколько малодушныхъ отрекаются отъ Христа не по убѣжденію, а потому, что вы, прославленный мудрецъ, отреклись отъ Него; сколько безхарактерныхъ, легкомысленныхъ плотоугодниковъ подчиняютъ свои „убѣжденія“ матеріальнымъ благамъ, авторитету моды, интересу минуты и настроенія; сколько, наконецъ, разсѣянныхъ, лѣнивыхъ, равнодушныхъ, утучненныхъ, самодовольныхъ, ожесточенныхъ и развращенныхъ Пирроновъ и Пилатовъ Самому Христу, *свидѣтельствующему о истинѣ*, съ презрительной усмѣшкой отвѣчаютъ: *что есть истина*? Что дѣлать съ ними, когда они на самыя разумныя убѣжденія возражаютъ: „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“? Оставить ихъ, бросить на произволъ судьбы? Но они то въ особенности и нуждаются въ истинѣ. Спасать этихъ погибающихъ, задавленныхъ ненормальностями жизни, испорченныхъ злодѣями, развращенныхъ духомъ времени,—составляетъ первую обязанность пастыря Церкви. *Проповѣдуй слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увѣщевай со всякимъ долготерпѣніемъ иназиданіемъ* (2 Тим. 4, 2). Если же ни

запрещенія, ни обличенія, ни увѣщанія не дѣйствуютъ, *повѣждь Церкви.* Еще не все погибло. Пока душа въ тѣлѣ, она еще способна къ добрымъ чувствованіямъ. Веди непокорнаго въ храмъ Божій. Можетъ быть, духъ вѣры, витающій въ храмѣ, видъ множества молящейся братіи, смиренныя мольбы, вдохновенныя пѣсни, святые восторги сломятъ его самодовольный скептицизмъ, пробудятъ отъ духовнаго сна, освободятъ отъ позорнѣйшаго ярма протестующаго демонизма.

Развѣ это плохо? Развѣ это противно Евангелію, или здравому смыслу или „разумнымъ убѣжденіямъ“? Нѣтъ, противно только вамъ. Только вамъ, двуликому янусу, апологету зла, противна всякая, самая законная преграда для распространяемаго, излюбленнаго вами зла. Все, что угодно, только не храмы; пусть порокъ, пусть безбожіе, пусть капища лжи, но только не храмы, не церковь, не богослуженіе, не пастырская исповѣдь. Вы твердой рукой производите „переоцѣнку цѣнностей“. Васъ неудержимо влечетъ къ себѣ слава Герострата и Люцефера. Непротивленіе злу у васъ выросло въ разрушеніе добра. Съ кощунственной ссылкой на Евангеліе, вы запрещаете ставить преграды злу, а проповѣдниковъ истины лишаете мѣста проповѣди и даже права голоса. Право голоса вы великодушно предоставляете только говорящей машинѣ, неспособной къ „воздѣйствію на внѣшнія чувства“.

Съ теченіемъ времени вы пойдете дальше.

Такая предупредительность къ интересамъ зла и такое цѣлесообразное великодушіе къ истинѣ свидѣтельствуютъ объ остротѣ вашего ума, Л. Н. Вы, очевидно, въ здравомъ разсудкѣ. Тѣмъ хуже. Значитъ, ваши вымученные софизмы диктуются не вашимъ сильнымъ умомъ, а исключительно злой волей.

Левъ Николаевичъ! позвольте и мнѣ обратиться къ вашей искренности.

Забудьте, что вы „великій писатель земли русской“, забудьте, что у васъ множество рабовъ почитателей, и что вамъ нужно обратить въ рабство весь міръ; оставьте мысль, что вы мудрѣйшій изъ мудрецовъ, не исключая Господа Іисуса; не думайте, что вы обязаны сказать какое то самое новое, самое нужное слово; вникните въ свою совѣсть; окиньте мысленнымъ окомъ всю свою писательскую дѣятельность. Отъ начала до конца она

превознесена до небесъ, засыпана розами, изъявленіями благодарности. Заслуженно ли? Вы поддались очарованію этой славы. Съ рѣдкимъ упорствомъ толпа идетъ за вашей измѣнчивой философіей, благодаря неизмѣнности вашего таланта. Сколько костюмовъ перемѣнила ваша философія. И каждый костюмъ приходится по вкусу публикѣ. Вы очаровываете публику своимъ талантомъ. Публика очаровываетъ васъ своими оваціями. Въ чаду этихъ чаръ вы сегодня говорите да, завтра— нѣтъ, а публика восторженно соглашается съ тѣмъ и другимъ. Она провозглашаетъ васъ мудрецомъ, учителемъ, вождемъ. Вы не противъ. Мало-по-малу вы начинаете разсуждать тономъ непогрѣшимаго. Публика не возражаетъ. Она даже довольна. Ей нуженъ кумиръ, вмѣсто Бога, и оракулъ, вмѣсто Церкви. Правда, ваши критики легко разрываютъ хитро сплетенную паутину вашихъ разсужденій и развѣваютъ по вѣтру труху вашихъ софизмовъ, но, благодаря таланту, вы остаетесь неуязвимы, какъ вода. Вы не унываете. Съ трудолюбіемъ и жестокостью паука, вы начинаете ткать новую ткань, а развѣянная труха, оплодотворенная вашимъ злымъ геніемъ, встрѣчаетъ сочувственный пріемъ въ благодарной почвѣ духа времени.

Вы не можете не видѣть этого, Л. Н., даже несмотря на свою очарованность. Чѣмъ же вы оправдаете, чѣмъ искупите этотъ грѣхъ многолѣтняго, постояннаго, вольнаго и невольнаго обмана, самообмана и соблазна? Будьте честнымъ человѣкомъ, Л. Н. Спросите себя, имѣете-ли вы право объявлять свои блужданія, какъ несомнѣнное слово истины.

Ваше ученіе состоитъ изъ безспорныхъ евангельскихъ истинъ и собственныхъ комментаріевъ вашего лжеименнаго разума, которому вы рекомендуете намъ довѣриться. Мы довѣряемся, Л. Н. Довѣрьтесь и вы. Довѣрьтесь и трижды прокляните то перо, которое написало столько вредной, безумной, самоуничтожающей лжи. *И если правая рука твоя соблазняетъ тебя, отсѣки ее и брось отъ себя, ибо лучше для тебя, чтобы погибъ одинъ изъ членовъ твоихъ, а не все тѣло твое было ввержено въ геенну* (Мѳ. 5, 30). Ей, аминь!

Священникъ *М. Платоновъ.*

Содержаніе и разборъ брошюры графа Л. Н. Толстого:

„Разрушеніе ада и возстановленіе его“.

Легенда Льва Николаевича Толстого.

I.

Вслѣдъ за „Обращеніемъ къ духовенству“ Яснополянскій лжеучитель издалъ въ томъ же 1902 г. новый религіозный трактатъ, подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ: „Разрушеніе ада и возстановленіе его“. Новое сочиненіе сначала ходило по рукамъ въ Москвѣ, а потомъ въ Петербургѣ въ гектографированномъ видѣ, а позже и въ печатныхъ экземплярахъ заграничнаго изданія фирмы г. Черткова; при чемъ брошюра названа „Листкомъ для народа“ №3.

Разсматривая содержаніе и форму изложенія этого „Листка“, нельзя не видѣть, что эта брошюра находится въ тѣсной связи съ новою (Обращеніемъ) и предназначена авторомъ именно для народной среды, при чемъ Левъ Николаевичъ для пропаганды и популяризаціи своихъ утопій прибѣгъ къ той формѣ изложенія, въ которой онъ такъ могучъ, какъ писатель и поэтъ. Религіозный трактатъ „Разрушеніе и возстановленіе ада“ по формѣ похожъ на простую сказку—легенду—„Первый винокуръ“. Трактатъ написанъ въ драматической формѣ, при чемъ дѣйствующими лицами выведенъ сатанинскій міръ, во главѣ съ княземъ духовъ злобы Вельзевуломъ. Благодаря своей формѣ изложенія, новое сочиненіе Толстого способно овладѣвать неразвитыми умами грамотной толпы читателей и глубоко растлѣвать мысль и чувство вѣрующаго простолюдина.

Хотя для богослова въ своемъ содержаніи новое твореніе Яснополянскаго лжеучителя ничего новаго не представляетъ въ ней повторено тоже, что много разъ высказано уже гр. Толстымъ ранѣе и въ частности въ выше разобранной брошюрѣ „Обращеніе къ духовенству“.

Для интеллигентнаго круга читателей „Разрушеніе ада“ можно считать даже и поучительнымъ: листокъ ознакомитъ интеллигенцію съ ярко выраженными здѣсь отрицательными взглядами гр. Толстого на науку, культуру, прогрессъ, которыя, по брошюрѣ являются ни болѣе, ни менѣе, какъ изобрѣтеніями діавола, „вредными и развращающими человѣчество“. Съ этой стороны и въ этой части своего листка Яснополянскій учитель написалъ памфлетъ на своихъ же поклонниковъ, по недоразумѣнію считающихъ Льва Николаевича передовымъ бойцемъ и знаменосцемъ того, что принято называть прогрессомъ. Брошюра еще разъ свидѣтельствуетъ о той истинѣ, что Толстой врагъ не Церкви только, но и науки, и культуры.

Въ виду поучительности этой стороны новаго творенія Толстого для нашей, вѣрующей только въ прогрессъ и Яснополянскаго пророка, интеллигенціи мы подробно знакомимъ съ содержаніемъ листка и критическими замѣчаніями на него нашего органа по статьѣ о. Михаила, напечатанной на страницахъ „Мисс. Обозр.“ (№ 19, 1903 г.) и проф. Лебедева („Богослов. Вѣстн.“, ноябрьск. кн.). Оговариваемся, что мы опускаемъ нѣсколько отвратительныхъ по тону и содержанію подробностей, столь пошло и грубо анархическихъ, что подобное едва ли изрѣкали когда и французскіе безбожники и анархисты..

Эти подробности также подтверждаютъ еще разъ ту мысль, что Толстой въ своемъ разрушительномъ походѣ страшенъ не Церкви, которая не одолеппа,—а государству.

Вотъ содержаніе брошюры.

I.

Это было въ то время, когда Христосъ открывалъ людямъ Свое ученіе.

Ученіе это было такъ ясно, и слѣдовать ему было такъ легко, такъ очевидно избавляло оно людей отъ зла, что нельзя было не принять его, и ничто не могло удержать его распространенія.

Вельзевулъ, отецъ и повелитель всѣхъ дьяволовъ, былъ встревоженъ. Онъ ясно видѣлъ, что власть его надъ людьми кончится навсегда, если только Христосъ не отречется отъ Своей проповѣди. Онъ былъ встревоженъ, но не унывалъ и подстрекалъ покорныхъ ему фарисеевъ и книжниковъ, какъ

можно сильнѣе оскорблять и мучить Христа, а ученикамъ Христа совѣтовалъ бѣжать и оставить Его одного. Онъ надѣялся, что приговоръ къ позорной казни, поруганіе, оставленіе его всѣми учениками и, наконецъ, самыя страданія и казнь сдѣлаютъ то, что Христосъ въ послѣднюю минуту отречется отъ своего ученія. А отреченіе уничтожитъ всю силу ученія.

Дѣло рѣшалось на крестѣ. И когда Христосъ возгласилъ: «Боже мой, Боже мой, для чего Ты меня оставилъ!»—Вельзевулъ возликовалъ. Онъ схватилъ приготовленныя для Христа оковы и, надѣвъ ихъ себѣ на ноги, прилаживалъ такъ, чтобы онѣ не могли быть расторгнуты, когда будутъ надѣты на Христа.

Но вдругъ послышались на крестѣ слова: «Отче, прости имъ, ибо не знаютъ, что дѣлаютъ». И вслѣдъ затѣмъ Христосъ возгласилъ: «Совершилось!» и испустилъ духъ.

Вельзевулъ понялъ, что все для него пропало. Онъ хотѣлъ снять съ своихъ ногъ оковы и бѣжать, но не могъ двинуться съ мѣста. Оковы скипѣлись на немъ и держали его ноги. Онъ хотѣлъ подняться на крыльяхъ, но не могъ расправить ихъ. И Вельзевулъ видѣлъ, какъ Христосъ въ свѣтломъ сіяніи остановился въ вратахъ ада, видѣлъ, какъ грѣшники отъ Адама и до Іуды вышли изъ ада, видѣлъ какъ разбѣжались всѣ дьяволы, видѣлъ, какъ самыя стѣны ада беззвучно распались на всѣ четыре стороны. Онъ не могъ болѣе переносить этого и, пронзительно завизжавъ, провалился сквозь треснувшій полъ въ преисподнюю.

II.

Прошло 100 лѣтъ, 200, 300 лѣтъ.

Вельзевулъ не считалъ времени. Вокругъ него былъ черный мракъ и мертвая тишина. Онъ лежалъ неподвижно и старался не думать о томъ, что было, и все-таки думалъ и безсильно ненавидѣлъ виновника своей погибели.

Но вдругъ,—онъ не помнилъ и не зналъ, сколько сотъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ,—онъ услыхалъ надъ собой звуки, похожіе на топотъ ногъ, стоны, крики, скрежетъ зубовный.

Вельзевулъ приподнялъ голову и сталъ прислушиваться.

Тому, чтобы адъ могъ возстановиться послѣ побѣды Христа, Вельзевулъ не могъ вѣрить, а между тѣмъ топотъ, стоны, крики и скрежетъ зубовъ становились все яснѣе и яснѣе.

Вельзевулъ поднялъ туловище, подобралъ подъ себя мохнатыя съ отросшими копытами ноги (оковы, къ удивленію его, сами соскочили съ нихъ) и, затрепавъ свободно раскрывшимися крыльями засвисталъ тѣмъ призывнымъ свистомъ,

которымъ онъ въ прежнія времена призывалъ къ себѣ своихъ слугъ и помощниковъ.

Не успѣлъ онъ перевести дыханіе, какъ надъ головой его разверзлось отверстіе, блеснулъ красный огонь, и толпа дьяволовъ давя другъ друга, высыпалась изъ отверстія въ преисподнюю и какъ вороны, вокругъ падали, разсѣлись кругомъ Вельзевула.

Дьяволы были большіе и маленькіе, и толстые. и худые, и съ длинными и короткими хвостами и острыми, прямыми и кривыми рогами.

Одинъ изъ дьяволовъ, въ накинутой на плечи пелеринкѣ, весь голый и глянцевито-черный, съ круглымъ безбородымъ, безусымъ лицомъ и огромнымъ, отвисшимъ животомъ, сидѣлъ на корточкахъ передъ самымъ лицомъ Вельзевула и, то закатывая, то опять выкатывая свои огненные глаза, не переставая улыбался, равномѣрно, изъ стороны въ сторону помахивая длиннымъ, тонкимъ хвостомъ.

III.

— Что значитъ этотъ шумъ?—сказалъ Вельзевулъ, указывая наверхъ.—Что тамъ?

— Все то же, что было всегда,—отвѣчалъ глянцевитый дьяволъ въ пелеринкѣ.

— Да развѣ есть грѣшники?—спросилъ Вельзевулъ.

— Много,—отвѣчалъ глянцевитый.

— А какъ же ученіе Того, Кого я не хочу называть?—спросилъ Вельзевулъ.

Дьяволъ въ пелеринкѣ оскалился такъ, что открылись его острые зубы, и между всѣми дьяволами послышался сдержанный хохотъ.

— Ученіе это не мѣшаетъ намъ. Они не вѣрятъ въ него,—сказалъ дьяволъ въ пелеринкѣ.

— Да вѣдь ученіе это явно спасаетъ ихъ отъ насъ, и Онъ засвидѣтельствовалъ его Своей смертью?—сказалъ Вельзевулъ.

— Я передѣлалъ его,—сказалъ дьяволъ въ пелеринкѣ, быстро трепля хвостомъ по полу.

— Какъ передѣлалъ?

— Такъ передѣлалъ, что люди вѣрятъ не въ Его ученіе, а въ мое, которое они называютъ Его именемъ.

— Какъ ты сдѣлалъ это?—спросилъ Вельзевулъ.

— Сдѣлалось это само собою. Я только помогалъ.

— Разскажи коротко,—сказалъ Вельзевулъ.

Дьяволъ въ пелеринкѣ, опустивъ голову, помолчалъ, какъ бы соображая, не торопясь, и потомъ началъ разсказывать:

— Когда случилось то страшное дѣло, что адъ былъ

разрушенъ и отецъ и повелитель нашъ удалился отъ насъ,— сказалъ онъ,—я пошелъ въ тѣ мѣста, гдѣ проповѣдывалось то самое ученіе, которое чуть было не погубило насъ. Мнѣ хотѣлось увидать какъ живутъ люди, исполняющіе его. И я увидалъ, что люди, жившіе по этому ученію, были совершенно счастливы и недоступны намъ. Они не сердились другъ на друга, не предавались женской прелести и или не женились, или, женившись, имѣли одну жену, не имѣли и ущества: все считали общимъ, не защищались отъ нападающихъ и платили добромъ за зло. И жизнь ихъ была такъ хороша, что другіе люди все болѣе и болѣе привлекались къ нимъ. Увидавъ это, я подумалъ, что все пропало, и хотѣлъ уже уходить. Но тутъ случилось обстоятельство, само по себѣ ничтожное, но оно мнѣ показалось заслуживающимъ вниманія, и я остался. Случилось то, что между этими людьми одни считали, что надо всѣмъ обрѣзываться и не надо ѣсть идоложертвенное, а другіе считали, что этого не нужно и что можно и не обрѣзываться и ѣсть все. И я сталъ внушать и тѣмъ, и другимъ, что разногласіе это очень важно и что ни той, ни другой сторонѣ никакъ не надо уступать, такъ какъ дѣло касается служенія Богу. И они повѣрили мнѣ, и споры ожесточились. И тѣ, и другіе стали сердиться другъ на друга, и тогда я сталъ внушать и тѣмъ, и другимъ что они могутъ доказать истинность своего ученія чудесами.

Они выдумывали то, чего никогда не было, и лгали во имя Того, Кто назвалъ насъ лжецами, не хуже насъ, сами не замѣчая этого.

Дѣло шло хорошо, но я боялся, какъ бы они не увидали слишкомъ очевиднаго обмана, и тогда я выдумалъ «церковь». И когда они повѣрили въ церковь, я успокоился: я понялъ, что мы спасены, и адъ возстановленъ.

IV.

— Что такое «церковь»?—строго спросилъ Вельзевулъ, не хотѣвшій вѣрить тому, чтобы слуги его были умнѣе его.

— А церковь это то, что когда люди лгутъ и чувствуютъ, что имъ не вѣрятъ, они всегда, ссылаясь на Бога, говорятъ: *«Ей Богу правда то, что я говорю»*,—это собственно и есть церковь, но только съ той особенностью, что люди, признавшіе себя церковью, увѣряются, что они уже не могутъ заблуждаться, и потому, какую бы глупость они ни сказали, уже не могутъ отъ нея отречься. Дѣлается же церковь такъ:

люди увѣряютъ себя и другихъ, что учитель ихъ, Богъ, во избѣжаніе того, чтобы открытый Имъ людямъ законъ не былъ ложно перетолкованъ, избралъ особенныхъ людей, которые одни или тѣ, кому они передадутъ эту власть могутъ правильно толковать Его ученіе. Такъ что люди называющіе себя церковью, считаютъ, что они въ истинѣ не потому что то, что они считаютъ себя едиными законными пріемниками учениковъ самого учителя—Бога. Хотя и въ этомъ пріемѣ было то же неудобство, какъ и въ чудесахъ, а именно то, что люди одновременно могли утверждать каждый про себя, что они члены единой истинной церкви (что всегда и бывало),—но выгода этого пріема та, что, какъ скоро люди сказали про себя, что они церковь, и на этомъ утвержденіи построили свое ученіе, то они уже не могутъ отречься отъ того, что они сказали, какъ бы нелѣпо ни было сказанное и что бы ни говорили другіе люди.

— Но почему же церковь перетолковала ученіе въ нашу пользу?—сказалъ Вельзевулъ.

— А сдѣлали они это потому,—продолжалъ дьяволъ въ пелеринкѣ—что, признавъ себя едиными толкователями закона Бога и убѣдивъ въ этомъ другихъ, люди эти сдѣлались высшими рѣшителями судьбы людей и потому получили высшую власть надъ ними. Получивъ же эту власть, они естественно возгордились и большею частью развратились и тѣмъ вызвали противъ себя негодованіе и вражду людей. Для борьбы же со своими врагами они, не имѣя другого орудія, кромѣ насилія, стали гнать, казнить, жечь всѣхъ тѣхъ, кто не признавалъ ихъ власти. Такъ что они самымъ своимъ положеніемъ были поставлены въ необходимость перетолковать ученіе въ такомъ смыслѣ, чтобы оно оправдывало и ихъ дурную жизнь, и тѣ жестокости, которыя они употребляли противъ своихъ враговъ. Они такъ и сдѣлали.

Вѣрно ли въ вышеприведенныхъ главахъ представляетъ Левъ Николаевичъ состояніе перваго христіанскаго общества—это читатель можетъ сейчасъ увидѣть въ лекціи проф. Лебедева, посвященной Толстовской брошюрѣ „Разрушеніе ада и возстановленіе его", напечатанной въ ноябрьской книжкѣ „Богословскаго Вѣстника" 1903 г., въ выдержкахъ приводимой ниже нами.

„Разрушеніе ада", по мысли гр. Толстого выразилось въ томъ, что вслѣдствіе явленія и дѣятельности Христа, Его ученики и послѣдователи стали вести высоко-нравственную жизнь и этимъ положили конецъ тому „аду",

какой представляла до этого времени жизнь человѣческая съ ея несправедливостію и жестокостію. Разумѣется, мы можемъ только радостно привѣтствовать такой взглядъ знаменитаго писателя на состояніе первенствующихъ христіанъ. Первенствующіе христіане, дѣйствительно, въ большой мѣрѣ отражали въ своей жизни возвышенныя заповѣди Христа. Таковымъ былъ въ особенности первый вѣкъ христіанства, апостольскій вѣкъ. Одинъ русскій очень извѣстный ученый церковный историкъ называетъ вѣкъ апостольскій „свѣтоноснымъ вѣкомъ церкви“ и не находитъ достаточно словъ, чтобы восхвалить добродѣтели этого вѣка: онѣ ему одинаково кажутся „славными, возвышенными и божественными“. А что это правда, приведемъ отзывы апостола Павла о такихъ церквахъ, или, примѣняясь къ языку Толстого, о такихъ христіанскихъ общинахъ, которыя основаны и утверждены были въ вѣрѣ самимъ этимъ миссіонеромъ. Вотъ, напримѣръ, какъ характеризуетъ онъ христіанъ города Коринѳа. „Вы не имѣете недостатка, пишетъ Павелъ, ни въ какомъ дарованіи (1 Кор. 1, 7); вы изобилуете всѣмъ: вѣрою, и словомъ, и познаніемъ, и всякимъ усердіемъ и любовію вашею къ намъ“ (2 Кор. 8, 7). Еще опредѣленнѣе и задушевнѣе отзывается Павелъ о христіанахъ прежде всего— Ѳессалоники (теперь: Солоники). Онъ говоритъ о нихъ: „вы стали образцомъ для всѣхъ вѣрующихъ въ Македоніи и Ахаіи; во всякомъ мѣстѣ прошла слава о вашей вѣрѣ, такъ что намъ, прибавляетъ апостолъ, ни о чемъ не нужно разсказывать“ (1 Ѳессал. 1, 7—8). И при другомъ случаѣ Павелъ спрашиваетъ себя: „кто наша надежда, или радость, или вѣнецъ похвалы? Не вы ли (т. е. Ѳессалоникійскіе христіане) предъ Господомъ нашимъ І. Христомъ“? И отвѣчаетъ: „вы наша слава и радость“ (—2, 19—20). Но по замѣчанію одного русскаго ученаго историка, „никто такъ, кажется, не веселилъ сердца Павлова, какъ христіанская община Филиппійская“ *), т. е. находящаяся въ македонскомъ городѣ Филиппахъ. Павелъ патетически писалъ объ этихъ христіанахъ: „за всѣхъ васъ съ радостію приношу молитву мою, братія мои возлюбленные и вожделѣнные,

*) *Протоіер. (проф.) А. В. Горскаго.* Исторія церкви апостольской. Прибав. къ твор. св. отц. Т. 31 (1883), стр. 407.

радость и вѣнецъ мой",—такъ онъ называетъ ихъ; онъ ставитъ въ примѣръ всѣмъ ихъ кротость, т. е. ихъ истинно-христіанскій духъ: „кротость ваша, пишетъ онъ, да будетъ извѣстна всѣмъ человѣкамъ" (Филип. 1, 4, 4, 1. 5). Обращаясь съ посланіемъ къ христіанамъ малоизвѣстнаго асійскаго города Колоссы, ап. говоритъ: „Духомъ я нахожусь съ вами и радуюсь, видя ваше благоустройство и твердость вѣры вашей"; единственное желаніе апостола заключается въ томъ, чтобы и въ будущемъ колоссяне такъ же „преуспѣвали", какъ было и ранѣе (Кол. 2, 5. 7). Апостолъ отъ всего сердца радуется за христіанскую общину въ Римѣ „благодарю Бога моего за всѣхъ васъ, что вѣра ваша возвѣщается во всемъ мірѣ. Я весьма желаю увидѣть васъ, утѣшиться съ вами общею вѣрою, вашею и моею" (Рим. 1, 8. 12).

Да, безъ сомнѣнія, вѣкъ апостольскій никогда не потеряетъ своей славы; въ этомъ отношеніи вполнѣ можно соглашаться съ графомъ Толстымъ. Но мы, говоритъ проф. Лебедевъ, не должны слишкомъ увлекаться похвалами его по адресу первенствующихъ христіанъ; эти похвалы, какъ ни пріятно слышать ихъ изъ устъ противника церкви, какимъ откровенно и намѣренно заявляетъ себя авторъ разбираемаго сочиненія, не должны прельщать насъ: онѣ имѣютъ цѣлію ввести насъ въ обманъ. Похвалы эти, скажу прямо, тенденціозны. Автору только и нужно, чтобы мы вполнѣ ему повѣрили въ данномъ случаѣ; а если мы ему повѣримъ, то онъ достигъ того, что ему пока только и надобно. Авторъ расточаетъ похвалы первенствующему христіанству для того только, чтобы поразить читателя, какъ потомъ все это будто-бы измѣнилось къ худшему; какъ потомъ исказились нравы и понятія христіанъ, и такимъ образомъ возвѣстить ту истину, что если было нѣкогда „разрушеніе ада", т. е. наступала эпоха прекращенія всякой несправедливости и всякой жестокости, то все такое тянулось недолго, имѣло преходящее значеніе, ибо вслѣдъ за тѣмъ въ христіанскомъ же мірѣ послѣдовало „возстановленіе ада", т. е. возвращеніе къ старой неправдѣ и уже забытой было жестокости. Вотъ въ чемъ хочетъ убѣдить, по справедливому мнѣнію критика,—своего читателя графъ Толстой, обольщая его идиллической картиной абсолютныхъ совершенствъ первенствую-

щихъ христіанъ. Когда началось „возстановленіе ада“ въ церкви, Толстой точной хронологической даты не указываетъ: то, по его лжеумствованію, дѣйствіе дьявола въ церкви начинается уже со времени „споровъ“ о степени обязательности для христіанъ Моисеева закона объ „обрѣзаніи“ и пр. стало быть, еще до апостольскаго собора (51 г.), то какъ будто бы христіанство пребывало истиннымъ „100, а можетъ быть, 200 или 300 лѣтъ“. Проф. Лебедевъ, видимо, обративъ вниманіе на послѣднюю дату, дѣлаетъ историческую справку, на сколько основательны „тенденціозныя“ похвалы Толстого членамъ первенствующей церкви, и, на основаніи апостольскихъ писаній, показываетъ, что и въ апостольскій вѣкъ въ церкви было, какъ выражается Златоустъ „злымъ смѣшеніе съ добрыми“, „какъ оно будетъ и до скончанія вѣка“.

Рисуя времена первохристіанскія, Толстой, повидимому, съ такимъ безпристрастіемъ говоритъ о христіанахъ этихъ временъ: „они не сердились другъ на друга“. Но эти сладкія слова говорятся только за тѣмъ, чтобы намекнуть читателю, что если, молъ, въ началѣ „они и не сердились“, то однакожъ, увы, какъ стали сердиться одинъ на другого тѣ же христіане, спустя извѣстный періодъ времени, и стали полагать въ подобной злобѣ сущность самой религіи.

Спрашивается: возможно ли вообще человѣку не сердиться на другого? Пока человѣкъ остается человѣкомъ допустить это невозможно. Не сердиться человѣку на человѣка, хотя бы при извѣстныхъ обстоятельствахъ, это—психологическій абсурдъ.

Въ вѣкъ апостольскій жили люди, слѣдовательно, и они подчинены были тому же закону; изъ книги „Дѣяній“ видно (15, 35—39), что сердился Павелъ на Марка, когда этотъ послѣдній отказался идти съ первымъ на проповѣдь? Сердился когда онъ отказалъ Варнавѣ въ его просьбѣ взять Марка для совмѣстнаго миссіонерскаго путешествія. Если между указанными тремя лицами, по выраженію автора книги „Дѣяній“, произошла „распря“, то вѣроятно ли, чтобы при этомъ дѣло обошлось безъ болѣе или менѣе сильныхъ душевныхъ движеній? Проф. беретъ другой случай изъ жизни тогоже Павла, когда первоверховный апостолъ Петръ подъ вліяніемъ ревнителей фарисейской праведности, пересталъ

обѣдать вмѣстѣ съ язычниками, его примѣру послѣдовалъ и Варнава, то это возбудило неудовольствіе въ душѣ Павла. Онъ не могъ перенести этого „лицемѣрія", какъ онъ выражается и рѣшился обличить Петра, что и исполнилъ. „Я—говоритъ о себѣ Павелъ, лично противосталъ ему, потому что онъ подвергся нареканію". И это произошло, по замѣчанію Павла, „при всѣхъ", значитъ не келейно, съ глазу на глазъ, а совершенно публично (Гал. 2, 11—14). Разсказывая объ этомъ случаѣ, Павелъ затѣмъ приводитъ и тѣ мысли, какія онъ развивалъ, подвергая своему суду поведеніе Петра. Спрашивается: можно ли себѣ представить, чтобы изобличая, какъ онъ выражается, „не прямо поступающихъ по истинѣ евангельской", онъ не возмущался духомъ?

Итакъ, заключаетъ почтенный историкъ, будетъ преувеличеніемъ, подобно графу Толстому, утверждать, что первенствующіе христіане тѣмъ будто бы отличались отъ христіанъ другихъ вѣковъ, что совсѣмъ, „не сердились другъ на друга". Въ первенствующихъ христіанскихъ обществахъ, безъ сомнѣнія, было много привлекательнаго и поучительнаго для послѣдующихъ поколѣній, но тамъ не было того, чего быть не могло по самой природѣ вещей. Апостолъ Павелъ въ посланіи къ римлянамъ говоритъ: „если возможно, съ своей стороны, будьте въ мирѣ со всѣми людьми"; онъ говоритъ „если возможно" и этимъ самымъ даетъ знать, что бываютъ случаи, когда это невозможно и когда по необходимости въ сердцѣ человѣка имѣютъ мѣсто чувства свойства не мирнаго. Затѣмъ апостолъ прибавляетъ: „не мстите за себя возлюбленные", т. е. другими словами, не выражайте активно свое оскорбленное чувство, „но дайте мѣсто гнѣву" (12, 19), т. е., удовольствуйтесь тѣмъ, что отмщаете и наказываете врага въ своей душѣ, исключая его изъ числа своихъ друзей.

Но проф. Лебедевъ идетъ далѣе за графомъ Толстымъ и указываетъ, какія еще допускаетъ онъ преувеличенія въ изображеніи первенствующаго христіанства, съ цѣлію найти потомъ глубокое несоотвѣтствіе между христіанствомъ первыхъ временъ и христіанствомъ временъ позднѣйшихъ, и тѣмъ укорить Церковь этихъ послѣднихъ временъ. Онъ возвѣщаетъ: „жизнь" первенствующихъ христіанъ „была такъ хороша, что" и т. д. Конечно, согласимся мы, жизнь ихъ была хо-

роша; но было бы заблужденіемъ воображать, что она не имѣла тѣней и чужда была пятенъ. Въ посланіи къ коринѳянамъ, напр., онъ требуетъ: „отрезвитесь, какъ должно, и *не грѣшите*, ибо къ стыду вашему скажу, нѣкоторые изъ васъ не знаютъ Бога“ (1 Кор. 15, 34), т. е. забываютъ Бога, хочетъ сказать апостолъ.

Въ частности апостолъ при различныхъ обстоятельствахъ указываетъ не мало недостатковъ въ состояніи христіанъ его времени,—недостатковъ, свидѣтельствующихъ по его словамъ, что нѣкоторые христіане оставались еще людьми „плотскими“, т. е. что они не прониклись высокими идеалами исповѣдуемой ими религіи. Христіанамъ того времени иногда недоставало согласія и единодушія. Обращая свою рѣчь къ коринѳянамъ, Павелъ говоритъ: „умоляю васъ, братія, чтобы всѣ вы говорили одно и не было между вами раздѣленій; ибо мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ о васъ, братія, что между вами есть споры“ (1 Кор. 1, 10—11). „Вы еще плотскіе, замѣчаетъ далѣе Павелъ; ибо если между вами зависть, споры и разногласія, то не плотскіе ли вы? и не по человѣческому ли (т. е. языческому) обычаю поступаете вы? (Тамъ же, 3, 3). Писалъ апостолъ Павелъ и коринѳянамъ: „не хвалю васъ, что вы собираетесь не на лучшее, а на худшее; ибо во-первыхъ слышу, что, когда вы собираетесь въ церковь, между вами бываютъ раздѣленія, чему отчасти вѣрю“ (1 Кор. 11, 17—18). Это, какъ видимъ: „во-первыхъ“. А затѣмъ, тотъ же апостолъ рисуетъ картину еще болѣе печальныхъ нестроеній. „Далѣе, продолжаетъ онъ, вы собираетесь такъ, что это не значитъ вкушать вечерю Господню. Ибо всякій поспѣшаетъ прежде другихъ ѣсть свою пищу (т. е. пищу, принесенную въ качествѣ пожертвованія), такъ что иной бываетъ голоденъ (т. е. кто нѣсколько опоздаетъ), а иной упивается“ (т. е. кто приносилъ какъ жертву, кромѣ пищи, и вино). Затѣмъ Павелъ укоризненно вопрошаетъ: „развѣ у васъ нѣтъ домовъ на то, чтобы ѣсть и пить? или пренебрегаете Церковь Божію и унижаете неимущихъ? Похвалить ли васъ за это? не похвалю“ (1 Кор. 11, 20—22). Апостолъ заключаетъ свою рѣчь такъ: „посему, братія мои, собираясь на вечерю, другъ друга ждите. А если кто голоденъ, пусть ѣстъ дома, чтобы собираться вамъ не на осужденіе“ (—11, 33—34).

Среди тѣхъ же коринѳянъ появлялись люди, которые причиняли ап. Павлу „огорченія", даже прямо были его „обидчиками", они вселяли въ его сердце „скорби и стѣсненіе"; въ подобнаго рода явленіяхъ Павелъ готовъ былъ видѣть обнаруженіе „умысловъ сатаны" (2 Кор. 2, 3—5. 11. Ср. 7, 12). Не менѣе печально для апостола было и то, что по легкомыслію или недовѣрію къ нему, иные изъ христіанъ, бывшихъ его чадами, переходили, по выраженію апостола, къ „иному благовѣствованію", каковы были, наприм., галаты (Гал. 1, 6—7).

Въ числѣ крупныхъ недостатковъ, характеризующихъ христіанскую общину въ Коринѳѣ, историкъ отмѣчаетъ *сутяжничество.* Апостолъ Павелъ говоритъ: „и то уже весьма унизительно для васъ, что вы имѣете тяжбы между собою, братъ съ братомъ судится. Для чего бы вамъ, скорбитъ апостолъ, лучше не оставаться обиженными? Для чего бы вамъ лучше не терпѣть лишенія?" (1 Кор. 6, 1—7). Люди того времени далеки были отъ того, чтобы не противиться злу, хотя Павелъ и Евангеліе стремились къ этому идеалу христіанства.

Другой недостатокъ общественнаго же характера Павелъ усматриваетъ и изобличаетъ въ христіанскихъ жителяхъ Ѳессалоники. Правиломъ апостольскаго времени былъ трудъ для всѣхъ, Апостолъ поставилъ заповѣдь: „кто не хочетъ трудиться, тотъ и не ѣшь". Заповѣдь эта однакожъ не всѣми исполнялась. Нѣкоторые изъ христіанъ оказывались людьми легкомысленными и по выраженію Павла: „ничего не дѣлали, а суетились". Такихъ „суетныхъ" людей апостолъ именуетъ „безчинниками" (2 Ѳессал. 3, 10—11).

Обращаясь къ характеристикѣ нравственнаго состоянія первенствующихъ христіанъ—въ строгомъ смыслѣ этого слова, проф. Лебедевъ говоритъ, что и въ этомъ отношеніи христіане не стояли на высотѣ своего евангельскаго призванія. Въ доказательство этого положенія онъ приводитъ прежде всего нѣкоторыя мѣста изъ посланія Павла къ Коринѳянамъ; такъ ап. Павелъ пишетъ: „вы (т. е. нѣкоторые христіане) сами обижаете и отнимаете притомъ у братьевъ" (1 Кор. 6, 8—9), т. е. у такихъ же христіанъ, и затѣмъ угрожаетъ: „или не знаете, что неправедные царства Божія не наслѣдуютъ?" Въ посланіи къ тѣмъ же коринѳянамъ тотъ же Павелъ

еще пишетъ: „я опасаюсь, чтобы мнѣ не найти васъ такими, какими не желаю, чтобы не найти у васъ раздоровъ, зависти, гнѣва, ссоръ, клеветъ, ябедъ, гордости, безпорядковъ, и чтобы не оплакивать мнѣ многихъ, которые согрѣшили прежде и не покаялись въ нечистотѣ, блудодѣяніи и непотребствѣ, какое дѣлали“ (2 Кор. 12, 20 — 21), очевидно, апостолъ, хотя точно и не знаетъ, есть ли перечисленные грѣхи и пороки среди коринѳянъ, но не сомнѣвается, что они могутъ быть и вѣроятно бываютъ. Что нѣкоторыя нарушенія христіанскихъ нравственныхъ правилъ и притомъ важнѣйшихъ въ самомъ дѣлѣ встрѣчались среди коринѳянъ, объ этомъ довольно ясно даетъ понять апостолъ, когда говоритъ: „я писалъ вамъ, чтобы вы не сообщались съ тѣмъ, кто, называясь братомъ (христіаниномъ), остается блудникомъ, или лихоимцемъ, или идолослужителемъ, или злорѣчивымъ, или пьяницею, или хищникомъ; съ таковымъ (не слѣдуетъ) даже и ѣсть вмѣстѣ“ (1 Кор. 5, 11).

Такимъ обр., заключааетъ проф. какъ видно изъ этихъ словъ Павла, характеризуя жизнь первенствующихъ христіанъ, Толстой едва ли имѣлъ право съ такою безусловною рѣшительностію утверждать, что во всякомъ случаѣ они „не предавались женской прелести“. Извѣстны и частные примѣры несоблюденія заповѣди о цѣломудріи въ разсматриваемое время. Таковъ былъ коринѳскій кровосмѣсникъ, который, впалъ, по словамъ апостола, во грѣхъ, неслыханный даже у язычниковъ. Онъ вступилъ въ преступную связь съ своею мачихою, причемъ впрочемъ нужно предполагать, въ нѣкоторое извиненіе тяжкаго грѣшника, или то, что отецъ и мачиха его были язычники, или что перваго изъ этихъ лицъ уже не было на свѣтѣ (1 Кор. 5, 1 — 2). Таковы были Николаиты, названные такъ по имени Николая, одною изъ семи діаконовъ, поставленныхъ апостолами. Они, по указанію Апокалипсиса, „любодѣйствовали“, повидимому отвергали бракъ и замѣняли его мимолетными связями. Николаиты стали синонимомъ плотской распущенности (Апок. 2, 6, 14—15) *).

Апостолъ Павелъ въ посланіи къ Филлипійцамъ говорилъ: „всѣ (т. е. христіане) ищутъ своего, а не того, что угодно Іисусу Христу“. Въ томъ же посланіи

*) Ср. 2 Петр 2, 1—2. 10. 13. 19.

къ Филлипійцамъ апостолъ еще говоритъ: „мнгіе, о которыхъ я часто говорилъ, а теперь даже со слезами говорю, поступаютъ, какъ враги креста Христова; они мыслятъ о земномъ“ (3, 18 — 19). Итакъ, по словамъ Павла, „многіе“ изъ христіанъ являлись „врагами креста Христова“. Врагомъ же креста надлежитъ признавать всякаго, кто, по выраженію апостола Петра, „идетъ во слѣдъ скверныхъ похотей плоти“ (2 Пет. 2, 10), ибо чрезъ такихъ, по словамъ того же апостола‘ „путь истины“, т. е. путь креста, „будетъ въ поношеніи“ („похулится“) (—2, 2).

Въ числѣ самыхъ характеристическихъ чертъ жизни первыхъ христіанъ графъ Толстой указываетъ слѣдующее: они „не имѣли имущества, все считали общимъ“. Человѣкъ, мало знакомый съ исторіей церкви, пожалуй подумаетъ, что такъ въ самомъ дѣлѣ и было во времена первохристіанства, что христіане безусловно отказались отъ собственности, и что общество послѣдователей новой религіи было коммуною. Конечно, Толстой именно и желаетъ, чтобы довѣрчивые его читатели думали такъ, а не иначе. Вѣдь, ему это очень нужно въ его интересахъ реформатора общества! Но правда ли то, что утверждаетъ онъ?

На основаніи анализа записанныхъ въ кн. Дѣяній фактовъ проф. Лебедевъ приходитъ къ заключенію, что и „общеніе имѣній“, о которомъ говоритъ Толстой на дѣлѣ заключалось въ слѣдующемъ: всѣ вѣрующіе въ Іерусалимѣ, желавшіе проявить чисто-евангельскую нестяжательность, продавали все или часть своего имѣнія и деньги „полагали къ ногамъ апостоловъ“. Деньги шли на дѣла благотворенія. Но кто не хотѣлъ этого дѣлать, тотъ могъ свободно оставаться собственникомъ своего имущества. Да и такое ограниченное „общеніе имѣній“ имѣло мѣсто только въ Іерусалимѣ, притомъ очень возможно, что и здѣсь оно осуществлялось только на первыхъ порахъ христіанской жизни. Представлять же себѣ, что будто всѣ общины христіанскія первыхъ временъ отказались отъ собственности и жили на началахъ коммунизма, значитъ превратно представлять жизнь первенствующихъ христіанъ, вопреки непреложнымъ фактамъ.

Такимъ образомъ, жизнь первенствующихъ христіанъ, взятую во всей ея совокупности, Толстой рисуетъ въ

исключительно свѣтлыхъ чертахъ; и это было бы дѣломъ похвальнымъ, если бы онъ имѣлъ въ виду отмѣтить поучительныя стороны первохристіанской эпохи и чуждъ былъ тенденцій. Но повторяетъ проф. Лебедевъ, что все это сдѣлано Толстымъ лишь затѣмъ, чтобы повѣдать и убѣдить читателя, какъ далеко послѣдующая церковь будто бы удалилась отъ этихъ идеаловъ, обративъ царство благодати въ царство сатаны.

Да и напрасно Толстой такъ усиленно старается выставить на первый планъ нравственно-общественныя качества первыхъ христіанъ; за исключеніемъ св. апостоловъ и ихъ сотрудниковъ, прочіе христіане тѣхъ временъ едва ли чѣмъ отличались отъ лучшихъ представителей церкви дальнѣйшихъ вѣковъ. Главное преимущество христіанства первыхъ временъ, точнѣе — апостольскаго вѣка, заключается въ особливой близости членовъ тѣла Христова, вѣрующихъ, къ ихъ Главѣ, самому Господу, — въ такой близости, какой нельзя отыскивать въ позднѣйшей жизни христіанскаго общества.

О такой близости членовъ тѣла Христова къ Своему главѣ—Христу Толстой не упоминаетъ при характеристикѣ первохристіанства, и это не случайность, по мнѣнію нашего почтеннаго историка а дѣло намѣренное. Онъ полагаетъ сущность Христіанства въ совершенствѣ нравственныхъ его принциповъ и въ практическомъ ихъ осуществленіи. А потому онъ не только равнодушенъ, но и враждебенъ ко всему, что даже лишь напоминаетъ христіанскую догматику. Недаромъ нарисованная имъ картина христіанской жизни первыхъ вѣковъ все же такъ тускла и одностороння!

А вотъ что говоритъ по поводу того же вопроса другой критикъ новаго творенія за Толстого, проф. Іером. Михаилъ. Для насъ нѣтъ никакой нужды доказывать, что первые христіане жили хуже, менѣе свято, чѣмъ это кажется Л. Н—чу. Слѣдуетъ остановиться только на одномъ его обвиненіи. По его мнѣнію, начало разрушенію Церкви было положено спорами между людьми, желавшими обрѣзываться и запрещавшими ѣсть идоложертвенное и тѣми, которые рѣшили, что этого не нужно и что можно и не обрѣзываться, и ѣсть все.

Конечно, этотъ случай былъ фактомъ нестроенія между христіанами, но для насъ важенъ не фактъ, а отношеніе того общества, которое мы называемъ Церковью, къ данному вопросу. Л. Н. не захотѣлъ отмѣтить, какъ рѣшила тогдашняя Церковь этотъ вопросъ. Общей волею и по ранѣе засвидѣтельствованному *изволенію Духа Святаго* (Дѣян. 15 гл.), на соборѣ она рѣшила, что христіанская свобода не можетъ и не должна стѣсняться такими вопросами,— что во Христѣ открыта истинная свобода духа и подлинная жизнь души. Ап. Павелъ, котораго такъ не любитъ Л. Н., въ своихъ писаніяхъ постоянно отстаиваетъ эту свободу, утверждая, что заповѣди, ограничивающія христіанскую свободу, должны имѣть мѣсто тамъ, гдѣ ограниченіе свободы нужно, чтобы не соблазнить брата своего. Чистота личной жизни и благо ближнихъ—основной христіанскій законъ. Поэтому и вопросъ о ядѣніи идоложертвеннаго, объ обрѣзаніи и необрѣзаніи рѣшенъ былъ не на фарисейской почвѣ законничества и буквы, а только на томъ же твердомъ основаніи Христовой и Евангельской любви.

Дѣйствительной и окончательной гибелью христіанства, по Л. Н—чу, было „изобрѣтеніе" Церкви. Какъ это вяжется съ хронологіей его легенды,—спрашиваетъ о. Михаилъ. Во всякомъ случаѣ то, что называетъ Л. Н—чъ и мы Церковью, создалось тотчасъ послѣ смерти Христовой. Ап. Павелъ, писанія котораго будто бы исказили ученіе Христово, пишетъ спустя первое десятилѣтіе послѣ смерти Христовой. Посланія другихъ апостоловъ написаны раньше, слѣдовательно діаволъ долженъ пробудиться тотчасъ послѣ того, какъ сошелъ въ область ада Христосъ, и Церковь должна была погибнуть тотчасъ съ Его смертію. Однако, по Л. Н—чу, эта Церковь существуетъ въ подлинномъ Христовомъ видѣ, „можетъ быть 100, можетъ быть 200, можетъ быть 300 лѣтъ". Какъ совмѣщается такая хронологія, понять трудно, какъ справедливо замѣчаетъ почтенный критикъ.

Затѣмъ перейдемъ къ сущности воззрѣній Толстого на Церковь.

„— Что такое „Церковь"?—строго спросилъ Вельзевулъ, не хотѣвшій вѣрить тому, чтобы слуги его были умнѣе его.

— А Церковь это то, что когда люди лгутъ и чувствуютъ, что имъ не вѣрятъ, они всегда, ссылаясь на

Бога, говорятъ: „Ей Богу правда то, что я говорю“, это собственно и есть Церковь, но только съ той особенностью, что люди, признавшіе себя Церковью, увѣряются, что они уже не могутъ заблуждаться, и потому, какую бы глупость они не сказали, уже не могутъ отъ нея отречься“.

Намъ приходилось уже не разъ и на страницахъ „Мисс. Обозр.“ разъяснять, что такое Церковь по православному церковному ученію и не хотѣлось бы повторять собственныя слова—замѣчаетъ о. Михаилъ. Вмѣсто этого предложимъ опредѣленіе Церкви, изложенное въ одномъ православномъ катихизисѣ и затѣмъ разъясненное въ писаніяхъ автора этого катихизиса, глубокоуважаемаго всей православной Церковью. Сущность жизни во Христѣ—говоритъ этотъ писатель—есть любовь. Сама вѣра не есть познаніе какой-нибудь истины, а постиженіе Бога и Его жизни въ законѣ любви. Простое признаніе, простое „я признаю, я вѣрую, я преклоняюсь есть нѣкоторое безбожіе, а вѣра есть внутреннее познаніе, подобно тому, какое мы имѣемъ о явленіяхъ нашей умственной жизни.“ Жизнь съ Богомъ, со Христомъ есть единеніе съ Нимъ въ законѣ Его и въ любви Его и тутъ—суть жизни церковной, предызображенной въ Христовыхъ и апостольскихъ изреченіяхъ объ ея свойствахъ. И изъ „катихизическаго“ опредѣленія Церкви можно видѣть, насколько христіанское пониманіе Церкви далеко отъ страннаго, болѣе чѣмъ страннаго опредѣленія Церкви, какое даетъ Толстой. „А Церковь есть то, что когда“...

По мнѣнію Л. Н—ча, Церковь устрояется такъ. „Люди увѣряютъ себя и другихъ, что учитель ихъ, Богъ, во избѣжаніе того, чтобы открытый Имъ людямъ законъ не былъ ложно перетолкованъ, избралъ особенныхъ людей, которые одни или тѣ, кому они передадутъ эту власть, могутъ правильно толковать Его ученіе“. „Какъ скоро люди сказали про себя, что они Церковь, и на этомъ утвержденіи построили свое ученіе, то они уже не могутъ отречься отъ того, что они сказали, какъ бы нелѣпо ни было сказанное и что бы ни говорили другіе люди“. Изъ этихъ словъ графа слѣдуетъ заключеніе, вовсе невыгодное для него. Если утвержденъ такой принципъ, что Церковь, установивши извѣстное ученіе, не можетъ отъ него отказаться, то

ясно, что іерархія всѣхъ вѣковъ, напротивъ, связала себя, уничтоживъ для себя возможность какого-нибудь обмана. Ясно, что въ силу этого принципа она не можетъ сказать ни одного слова, которое бы противорѣчило преданію и вѣрованіямъ предшествующихъ вѣковъ, потому что это значило бы отречься отъ того, что она сказала. Дѣйствительно, въ Церкви есть вѣра въ непогрѣшимость, хотя построенная на другихъ началахъ. Жизнь Церкви можетъ быть признана истинной только тогда, когда наличное сознаніе церковное стоитъ въ единеніи и связи съ сознаніемъ прошлыхъ вѣковъ, съ сознаніемъ всей прежней Церкви. Если истинна была Церковь временъ апостольскихъ и въ ней жила правда, то по церковному воззрѣнію и въ настоящей Церкви можетъ быть правда только при условіи единства съ этой Церковью. Церковь не можетъ измѣнять того, что она сказала, но именно потому, что истина по самому существу не измѣняема и вѣчна. Ясно, что еслибы Церковь создавалась на какихъ-нибудь своекорыстныхъ началахъ, то вся ея система была бы покушеніемъ на собственное счастье. Перетолкованіе ученія Христова въ духѣ и интересахъ своекорыстной іерархіи невозможно послѣ того, какъ признано уже истиннымъ то толкованіе ученія Христова, которое дано Церковью перваго вѣка, не своекорыстной, а только любящей, по характеристикѣ Толстого.

V.

— Но вѣдь ученіе было такъ просто и ясно, — сказалъ Вельзевулъ, все еще не желая вѣрить тому, чтобы его слуги сдѣлали то, чего онъ не догадался сдѣлать,—что нельзя было перетолковать его. «Поступай съ другими, какъ хочешь, чтобы поступали съ тобой»,—какъ же перетолковать это?

— А на это они, по моему совѣту, употребляли различные способы, — сказалъ дьяволъ въ пелеринкѣ. — У людей есть сказка о томъ, какъ добрый волшебникъ, спасая человѣка отъ злого, превращаетъ его въ зернышко пшена, и какъ злой волшебникъ, превратившись въ пѣтуха, готовъ уже былъ склевать это зернышко, но добрый волшебникъ высыпалъ на зернышко мѣру зеренъ. И злой волшебникъ не могъ съѣсть всѣхъ зеренъ и не могъ найти то, какое ему было нужно. То же сдѣлали и они, по моему совѣту, съ ученіемъ того, кто училъ, что весь законъ въ томъ, чтобы дѣлать другому то, что хочешь, чтобы дѣлали тебѣ: они признали

священнымъ изложеніемъ закона Бога 49 книгъ и въ этихъ книгахъ признали всякое слово произведеніемъ Бога, святого духа. Они высыпали на простую, понятную истину такую кучу мнимыхъ священныхъ истинъ, что стало невозможно ни принять ихъ всѣ, ни найти въ нихъ ту, которая одна нужна людямъ. Это ихъ первый способъ. Второй способъ, который они употребляли съ успѣхомъ болѣе тысячи лѣтъ, состоитъ въ томъ, что они просто убиваютъ, сжигаютъ всѣхъ тѣхъ, кто хочетъ открыть истину. Теперь этотъ способъ выходитъ изъ употребленія, но они не бросаютъ его и, хотя и не сжигаютъ людей, пытающихся открыть истину, но такъ клевещутъ на нихъ, такъ отравляютъ имъ жизнь, что только очень рѣдкіе рѣшаются обличать ихъ. Это второй способъ.— Третій же способъ—въ томъ, что, признавая себя церковью, слѣдовательно непогрѣшимыми, они прямо учатъ, когда имъ это нужно, противоположному тому, что сказано въ писаніи предоставляя своимъ ученикамъ самимъ, какъ они хотятъ и умѣютъ, выпутываться изъ этихъ противорѣчій. Такъ, напримѣръ, сказано въ писаніи: одинъ учитель у васъ Христосъ, и отцемъ себѣ не называйте никого на землѣ, ибо одинъ у васъ Отецъ, который на небесахъ. И не называйтесь наставниками, ибо одинъ у васъ наставникъ—Христосъ. А они говорятъ: мы одни отцы и мы одни наставники людей. Или сказано: если хочешь молиться, то молись одинъ втайнѣ, и Богъ услышитъ тебя, — а они учатъ, что надо молиться въ храмахъ всѣмъ вмѣстѣ, подъ пѣсни и музыку. Или сказано въ писаніи: не клянитесь никакъ, а они учатъ, что надо клясться въ безпрекословномъ повиновеніи властямъ, чего бы ни требовали эти власти. Или сказано: не убій. А они учатъ, что можно и должно убивать на войнѣ и по суду. Или еще сказано: ученіе мое—духъ и жизнь, питайтесь имъ, какъ хлѣбомъ. А они учатъ о такъ называемомъ таинствѣ евхаристіи—закончилъ дьяволъ въ пелеринкѣ, закатилъ глаза и осклабился до самыхъ ушей.

— Это очень хорошо,—сказалъ Вельзевулъ и улыбнулся. И всѣ дьяволы разразились громкимъ хохотомъ.

Здѣсь Левъ Николаевичъ повторяетъ тѣ же дерзкія глумленія съ буквальною точностью, какія имъ высказаны въ повѣсти его «Воскресенье» о Святѣйшемъ таинствѣ Тѣла и Крови Господа и Спасителя нашего Іисуса Христа.

Останавливаясь на томъ утвержденіи Толстого, что будто бы для того, чтобы скрыть истину, Церковь спрятала Христову истину въ тысячѣ предписаній; тамъ, гдѣ было зерно истины, высыпали кучу или мѣру дурныхъ зеренъ, такъ чтобы трудно было отыскать жемчужину, настоящую правду, о. Михаилъ съ силою заявляетъ, что

то *неправда,* чтобы Церковью одно зерно правды засыпано было цѣлой мѣрой негодныхъ зеренъ, и ссылается на тотъ фактъ, какъ въ первые три вѣка Церковь боролась противъ игры въ догматы, какъ строго она судила тѣхъ, которые вмѣсто проникновенія въ этическую идею догмы, въ самую жизнь Божественной Троицы, какъ высочайшую норму для жизни человѣческой, занимались спорами о словахъ и формулахъ въ „Силлогизмахъ Пиррона и Хризиппа“.. Въ позднѣйшее время въ русской Церкви одинъ богословъ обвинялъ Церковь запада въ томъ, что тамъ вліяніе Аристотеля и Платона, силлогизмы заступили мѣсто евангелія. Всю догматическую борьбу первыхъ вѣковъ, борьбу послѣдующую съ четвертаго по 19-й вѣкъ, можно охарактеризовать, какъ войну Церкви противъ раціонализма и фарисейскаго книжничества, склоннаго жизнь замѣнить словами. Слѣдовательно, обвиненіе Толстого, если и можетъ быть направлено противъ нѣкоторыхъ христіанъ, можетъ быть, даже противъ нѣкоторыхъ теченій въ Церкви научно-богословскихъ, наконецъ, противъ подчинившейся Аристотелю Церкви запада, то никакъ не можетъ касаться Церкви востока. Въ частности въ исторіи русской Церкви позднѣйшаго времени ведется тяжелая борьба противъ фарисейства въ старообрядчествѣ, которое хочетъ замѣнить исполненіемъ обряда и мелочами обряда необходимость духа.

„Второй способъ порабощенія людей, — пишетъ Л. Н—чъ, состоитъ въ томъ, что они просто убиваютъ, сжигаютъ всѣхъ тѣхъ, кто хочетъ открыть истину“. Противъ этой лжи графа говорилось подробно при разборѣ «Обращенія», да и по его мнѣнію, если прежде и практиковался такой способъ, то онъ уже выходитъ изъ употребленія.

Старые вопросы, на которые давно данъ уже отвѣтъ поднимаетъ графъ говоря далѣе:

„Третій же способъ—въ томъ, что, признавая себя Церковью, слѣдовательно непогрѣшимыми, они прямо учатъ, когда имъ это нужно, противоположному тому, что сказано въ писаніи и проч. Такъ, напримѣръ, сказано въ писаніи:

„Не называйтесь наставниками, ибо одинъ у васъ наставникъ Христосъ. А они говорятъ: мы одни отцы и мы одни наставники людей“ и т. д. Или сказано:

„если хочешь молиться, то молись одинъ втайнѣ, а они учатъ, что надо молиться вмѣстѣ... и т. д.

Да, въ писаніи сказано: „не называйтесь учителями“, но сказано также: „идите, *научите* всѣ народы“ и еще—„кто слушаетъ Меня, будетъ слушать и васъ“.

Неужели тотъ, кто учитъ, не учитель—хотя онъ, конечно, всегда заявитъ, что слово Его отъ Единаго Учителя.

Сказано: „молись одинъ“, но также сказано: „гдѣ собраны двое или трое во имя Мое, тамъ Я посреди ихъ“.

Эти вопросы уже и штундисты простецы перестали нынѣ поднимать, а Толстой все еще ихъ смакуетъ.

VI.

— Неужели у васъ по-старому: блудники, грабители, убійцы?—уже весело спросилъ Вельзевулъ.

Дьяволы, тоже развеселившись, заговорили всѣ вдругъ, желая выказаться передъ Вельзевуломъ.

— Не по-старому, а больше, чѣмъ прежде,—кричалъ одинъ.

— Блудники не помѣщаются въ прежнихъ отдѣленіяхъ,—визжалъ другой.

— Грабители теперешніе злѣе прежнихъ,—выкрикивалъ третій.

— Не наготовимся топлива для убійцъ,—ревѣлъ четвертый.

— Не говорите всѣ вдругъ, а пусть отвѣчаетъ тотъ, кого я буду спрашивать. Кто завѣдуетъ блудомъ,—выходи и разскажи, какъ ты дѣлаешь это теперь съ учениками того, кто запретилъ перемѣнять женъ и сказалъ, что не должно глядѣть на женщину съ похотью. Кто завѣдуетъ блудомъ?

— Я,—отвѣчалъ, подползая на заду къ Вельзевулу, женоподобный, бурый дьяволъ съ обрюзгшимъ лицомъ и слюнявымъ, не переставая жующимъ ртомъ.

Дьяволъ этотъ выползъ впередъ изъ ряда другихъ, сѣлъ на корточки, склонилъ на бокъ голову и, просунувъ между ногъ хвостъ съ кисточкой, началъ, помахивая имъ, пѣвучимъ голосомъ говорить такъ:

— Дѣлаемъ мы это и по старому пріему, употребленному тобою, нашимъ отцомъ и повелителемъ, еще въ раю и предавшему въ нашу власть весь родъ человѣческій, и по новому церковному способу. По новому церковному способу мы дѣлаемъ такъ: мы увѣряемъ людей, что настоящій бракъ состоитъ не въ томъ, въ чемъ онъ дѣйствительно состоитъ—въ соединеніи мужчины съ женщиной, а въ томъ, чтобы нарядиться въ самыя лучшія платья, пойти въ большое, устроенное для этого зданіе и тамъ, надѣвши на головы особенныя, приготовленныя для этого шапки, подъ звуки разныхъ пѣсенъ обойти три раза вокругъ столика. Мы внушаемъ

людямъ, что только это есть настоящій бракъ. И люди, увѣрившись въ этомъ, естественно считаютъ, что всякое, внѣ этихъ условій, соединеніе мужчины съ женщиной есть простое, ни къ чему ихъ не обязывающее удовольствіе, или удовлетвореніе гигіенической потребности, и потому, не стѣсняясь, предаются этому удовольствію.

Женоподобный дьяволъ склонилъ обрюзгшую голову на другую сторону и помолчалъ, какъ бы, ожидая дѣйствія своихъ словъ на Вельзевула.

Вельзевулъ кивнулъ головой въ знакъ одобренія, и женоподобный дьяволъ продолжалъ такъ:

— Этимъ способомъ, не оставляя при этомъ и прежняго, употребленнаго въ раю способа запрещеннаго плода и любопытства,—продолжалъ онъ, очевидно желая польстить Вельзевулу,—мы достигаемъ самыхъ лучшихъ успѣховъ. Воображая себѣ, что они могутъ устроить себѣ честный церковный бракъ и послѣ соединенія со многими женщинами, люди перемѣняютъ сотни женъ и такъ при этомъ привыкаютъ къ распутству, что дѣлаютъ то же и послѣ церковнаго брака. Если же имъ покажутся почему-либо стѣснительными нѣкоторыя требованія, связанныя съ этимъ церковнымъ бракомъ, то они устраиваютъ такъ, что совершается второе хожденіе вокругъ столика, первое же считается недѣйствительнымъ.

Женоподобный дьяволъ замолчалъ и, утерѣвъ кончикомъ хвоста слюни, наполнявшія ему ротъ, склонилъ на другой бокъ голову и молча уставился на Вельзевула.

Отвѣчая на эту главу, нашъ почтенный критикъ прекрасно выясняетъ отличіе опредѣленія брака Толстого отъ опредѣленія, какое даетъ Церковь.

Толстой говоритъ, что бракъ есть соединеніе мужчины съ женщиной. Церковь, совершенно принимая это опредѣленіе, прибавляетъ, что бракъ есть *нравственное* соединеніе мужчины съ женщиной, соединеніе при благодатномъ воздѣйствіи свыше для святой жизни, для христіанскаго подвига. Слѣдовательно, церковное пониманіе прибавляетъ къ его опредѣленію нравственныя черты. Чинъ брака, который дальше осмѣиваетъ Толстой, и долженъ всей своей обстановкой, всей своей символикой, выяснить для сознанія соединяющихся необходимость, важность такого нравственнаго построенія брака, жизни брачной, какъ жизни евангельской, христіанской и подвижнической. Ясно, что результаты церковнаго брака не могутъ быть такими, какими представляетъ ихъ Толстой. Признаніе обязательнымъ для человѣка именно такого освященнаго брака, брака съ

обязательствами, съ общецерковнымъ благословеніемъ, съ общецерковной молитвой, показываетъ, что всякое другое соединеніе будетъ недостойнымъ христіанина, всякое другое единеніе будетъ преступнымъ. Если же принять только опредѣленіе Толстого безъ церковнаго опредѣленія, т. е. опредѣленіе брака, какъ соединенія мужчины съ женщиной, то отсюда само собою можетъ слѣдовать только тотъ результатъ, что на соединеніе будутъ смотрѣть, какъ „на дѣло, ни на что не обязывающее, и будутъ, не стѣсняясь, предаваться этому удовольствію". Я напомню, говоритъ о. Михаилъ, взглядъ Л. Н—ча, выраженный въ Крейцеровой Сонатѣ, по которой въ бракѣ истинное и чистое существуетъ только тамъ, гдѣ на бракъ смотрятъ, какъ на таинство, гдѣ существуетъ бракъ, какъ вѣнчаніе. Впрочемъ, нѣтъ особенной нужды ссылаться на Сонату; изъ дальнѣйшихъ словъ той же легенды „Разрушеніе ада" слѣдуетъ такой же выводъ. Именно, немножко дальше графъ говоритъ слѣдующее. „Если кому покажутся почему-либо стѣснительными нѣкоторыя требованія, связанныя съ этимъ церковнымъ бракомъ, то они устраиваютъ такъ, что совершается второе хожденіе вокругъ столика, первое же считается недѣйствительнымъ". Ясно, что установленіе брака для свободы въ похотяхъ налагаетъ какія-то стѣсненія, мѣшаетъ, почему приходится людямъ разрушать стѣсненія брака, отказываться отъ него, чтобы жить свободно. Не слѣдуетъ ли отсюда, что съ Толстовской точки зрѣнія бракъ можетъ быть единственной, возможной здѣсь границей половой свободы или разврата?

„Воображая себѣ, что они могутъ устроить себѣ честный церковный бракъ и послѣ соединенія со многими женщинами, люди перемѣняютъ сотни женъ и такъ при этомъ привыкаютъ къ распутству, что дѣлаютъ то же и послѣ церковнаго брака". Здѣсь по существу нельзя ничего *„вообразить"*. Взглядъ Церкви на дѣло очень ясенъ. Она опредѣленно говоритъ, что честный церковный бракъ можетъ быть только при отсутствіи обязательствъ въ отношеніи къ другой женщинѣ. И объ этой чистотѣ, предшествующей жизни, она спрашиваетъ предъ вѣнчаніемъ. Слѣдовательно, можно не вообразить себѣ, а только можно „солгать" для того, чтобы добиться брака. И не смотря на эту

необходимость лгать для того, чтобы украсть себѣ бракъ, люди привыкаютъ къ распутству! Что же было бы, еслибы не было даже этого напоминанія о необходимости и нужности чистоты?

VII и VIII.

— Просто и хорошо,—сказалъ Вельзевулъ.—Одобряю. Кто завѣдуетъ грабителями?

— Я, — отвѣчалъ, выступая, крупный дьяволъ съ большими кривыми рогами, съ усами, загнутыми кверху, и огромными, криво приставленными лапами.

Дьяволъ этотъ, выползши, какъ и прежніе, впередъ и по-военному обѣими лапами оправляя усы, дожидался вопроса.

— Тотъ, кто разрушилъ адъ, — сказалъ Вельзевулъ, — училъ людей жить, какъ птицы небесныя, и повелѣвалъ давать просящему и хотящему взять рубашку отдавать и кафтанъ, и сказалъ, что для того, чтобы спастись, надо раздать имѣніе. Какъ же вы вовлекаете въ грабежъ людей, которые слышали это?

— А мы дѣлаемъ это,—сказалъ дьяволъ съ усами, величественно откидывая назадъ голову, — точно такъ же, какъ дѣлалъ это нашъ отецъ и повелитель при избраніи Саула на царство.

Болѣе распространенъ же по пространству этотъ способъ тѣмъ, что такъ называемые христіанскіе народы, не довольствуясь грабежомъ своихъ, грабятъ подъ разными самыми странными предлогами, преимущественно подъ предлогомъ распространенія христіанства, грабятъ и всѣ тѣ чуждые имъ народы, у которыхъ есть, что ограбить. По времени же новый способъ этотъ болѣе распространенъ, чѣмъ прежде, благодаря устройству займовъ, общественныхъ и государственныхъ: ограбляются теперь не одни живущія, а и будущія поколѣнія. Такъ что въ наше время грабежи явные, т. е. отнятіе силой кошелька, лошади, одежды, составляютъ едвали одну милліонную часть всѣхъ тѣхъ грабежей законныхъ, которые совершаются постоянно людьми, имѣющими способность это дѣлать. Въ наше время грабежи безнаказанные, скрытые, и вообще готовность къ грабежу установилась между людьми такая, что главная цѣль жизни почти всѣхъ людей есть грабежъ, умѣряемый только борьбою грабителей между собой.

— Что же, это хорошо,—сказалъ Вельзевулъ,—но убійства? Кто завѣдуетъ убійствами?

— Я,—отвѣчалъ, выступая изъ толпы, краснаго, кровя-

наго цвѣта дьяволъ съ торчащими изо рта клыками, острыми рогами и поднятымъ кверху толстымъ, неподвижнымъ хвостомъ.

— Какъ же ты заставляешь быть убійцами учениковъ того, кто сказалъ: не воздавай зломъ за зло, люби враговъ. Какъ же ты дѣлаешь убійцъ изъ этихъ людей?

— Дѣлаемъ мы это и по старому способу, — отвѣчалъ красный дьяволъ оглушающимъ, трещащимъ голосомъ, — возбуждая въ людяхъ корысть, задоръ, ненависть, месть, гордость, и также по старому способу внушаемъ учителямъ людей, что лучшее средство отучить людей отъ убійства состоитъ въ томъ, чтобы самимъ учителямъ публично убивать тѣхъ, которые убили. Этотъ способъ не столько даетъ намъ убійцъ, сколько приготовляетъ ихъ для насъ. Большее же количество давало и даетъ намъ новое ученіе о непогрѣшимости церкви, о христіанскомъ бракѣ и о христіанскомъ равенствѣ. Ученіе о непогрѣшимости церкви давало намъ въ прежнее время самое большое количество убійцъ. Люди, признававшіе себя членами непогрѣшимой церкви, считали, что позволить ложнымъ толкователямъ ученія развращать людей—есть преступленіе, и что поэтому убійство такихъ людей есть угодное Богу дѣло: и они убивали цѣлыя населенія и казнили, жгли сотни тысячъ людей. При этомъ смѣшно то, что тѣ, которые казнили и жгли людей, начинавшихъ понимать истинное ученіе, считали этихъ, самыхъ опасныхъ для насъ людей, нашими слугами, т. е. слугами дьяволовъ.

Сами же казнившіе и жегшіе на кострахъ, дѣйствительно бывшіе нашими покорными слугами, считали себя святыми исполнителями воли Бога. Такъ это было въ старину; въ наше же время очень большое количество убійцъ даетъ намъ ученіе о христіанскомъ бракѣ и равенствѣ. Ученіе о бракѣ даетъ намъ, во-первыхъ; убійства супруговъ другъ другомъ и матерями дѣтей. Мужья и жены убиваютъ другъ друга, когда имъ кажутся стѣснительными нѣкоторыя требованія закона и обычая церковнаго брака. Матери же убиваютъ дѣтей большею частью тогда, когда соединенія, отъ которыхъ произошли дѣти, не признаются бракомъ.

Такія убійства совершаются постоянно и равномѣрно. Убійства же, вызванныя христіанскимъ ученіемъ о равенствѣ, совершаются періодически, но за то, когда совершаются, то совершаются въ очень большомъ количествѣ и даютъ намъ сразу иногда десятки тысячъ убійцъ.

Касаясь любимаго обвиненія Л. Н—ча по поводу казни еретиковъ въ Западной Церкви, о. Михаилъ ука-

зываетъ на взглядъ Восточной Церкви, который ярко выразился уже въ словахъ заволжскихъ старцевъ, говорившихъ, что если Богу угодно наказать еретиковъ за ересь, то Самъ Онъ пошлетъ огонь съ неба, а людямъ неприлично предвосхищать эту власть. Поэтому Церковь православная никогда не была близка къ инквизиціи.

Останавливаясь далѣе на вопросѣ о томъ, что если мужья и жены убиваютъ другъ друга, потому что имъ кажутся стѣснительными требованія брака, то—говоритъ о. Михаилъ, приходится выбирать одно изъ двухъ: или уничтожить стѣсненія, чтобы спасти отъ убійства, или же рисковать возможностью убійства, сохраняя стѣсненія. Л. Н—чъ, конечно, всегда понимаетъ, что онъ хочетъ сказать. Убійство въ бракѣ происходитъ оттого, что нѣтъ свободы отъ обязательствъ, но на необходимости этихъ обязательствъ настаивалъ и настаиваетъ самъ Л. Н—чъ. Ранѣе онъ настаивалъ на полной нерасторжимости разъ установленнаго брака. Въ этомъ пунктѣ его обязательство можетъ быть суровѣе требованій Церкви. Если же такъ, то почему же считать эти требованія Церкви незаконными? Слѣдствія, которыя могутъ изъ нихъ вытекать, уже не могутъ ставиться на счетъ Церкви, тѣмъ болѣе, что изъ сказаннаго ясно, что причина убійства есть не обязательство, наложенное Церковью, а только желаніе полной свободы отъ „долга" „обязанности". Въ частности нужно прибавить, что Церковь, зная о такихъ послѣдствіяхъ церковныхъ обязательствъ, принимаетъ всякія мѣры для того, чтобы предотвратить гибель души и гибель человѣческой жизни, дѣлаетъ здѣсь все, что она можетъ сдѣлать, не поступаясь евангельской и церковной истиной, и если не можетъ сдѣлать всего, то потому, что ея законъ встрѣчается въ данномъ случаѣ съ болѣе суровымъ и безжалостнымъ закономъ обычая и гражданскаго общества.

Но самый фактъ рожденія дѣтей безбрачныхъ возможенъ только при отклоненіи отъ законовъ Церкви— не матери, даже въ данномъ случаѣ если виновной, то достаточно искупающей свою вину, а отцовъ, отказывающихся отъ закона Церкви. Съ другой стороны, эти убійства объясняются опять не строгимъ судомъ

Церкви, которая признаетъ дѣтей и родившихся внѣ брака своими дѣтьми, а только фарисействомъ общества, держащимся опять-таки на его развращенности и пренебреженіи къ законамъ Церкви и вообще къ закону Христову.

IX.

— Но убійства на войнѣ? Какъ вы приводите къ нимъ учениковъ того, кто призналъ людей сынами одного отца и велѣлъ любить враговъ?

Красный дьяволъ оскалился, выпустилъ изо рта струю огня и дыма и радостно ударилъ себя по спинѣ толстымъ хвостомъ.

— Дѣлаемъ мы такъ: мы внушаемъ каждому народу, что онъ, этотъ народъ, есть самый лучшій изъ всѣхъ на свѣтѣ, «Deutschland über alles» *), Францiя, Англія, Россія—«über alles», и что этому народу (имя рекъ) надо властвовать надъ всѣми другими. А такъ какъ всѣмъ народамъ мы внушали то же самое, то они, постоянно чувствуя себя въ опасности отъ своихъ сосѣдей, всегда готовятся къ защитѣ и озлобляются другъ на друга. А чѣмъ больше готовится къ защитѣ одна сторона и озлобляется за это на своихъ сосѣдей, тѣмъ больше готовятся къ защитѣ всѣ остальныя и озлобляются другъ на друга. Такъ что теперь всѣ люди, принявшіе ученіе того, кто назвалъ насъ убійцами, всѣ постоянно и преимущественно заняты приготовленіемъ къ убійству и самыми убійствами.

Не повторяя подробно высказанныхъ уже ранѣе мыслей по поводу толстовскихъ воззрѣній о національмѣ,—нашъ критикъ здѣсь ограничиваетъ свое возраженіе указаніемъ на то, что принципъ націонализма, преимущественнаго достоинства одной націи предъ другой, едвали совпадаетъ съ принципомъ патріотизма, не какъ преимущественной любви къ своему народу на счетъ любви къ другому народу, а только какъ любви къ ближайшимъ людямъ во имя воспитанія человѣческой личности, *въ цѣляхъ расширенія области и круга этой*

---

*) Германія—выше всѣхъ. Ред.

любви. Войну Церковь считаетъ всегда нежелательной и непозволительной. Возможна война одного народа противъ другого, такъ сказать, по полномочію и по порученію Божію. Богъ, Который можетъ уничтожить данную Имъ жизнь Своею волею, можетъ возстановить нарушенное правосудіе, нарушенную справедливость руками человѣческими. И съ этой стороны, говоря отвлеченно, можно было бы представить себѣ не грѣховную войну. Но Церковь всегда имѣла въ виду, что то, что отвлеченно представимо, то можетъ быть совершенно невозможно практически. Если возможно движеніе одного народа противъ другого, какъ грозной Божіей силы, совершенно свободно отъ своекорыстія, движимаго только желаніемъ пожертвовать своею жизнію для спасенія этого народа, то представить себѣ человѣка съ обыкновенною совѣстію, который не осквернилъ бы свою душу въ войнѣ, рѣшительно почти невозможно. Невозможно даже представить, чтобы человѣкъ, убившій на войнѣ своего ближняго, не запачкалъ своей руки, не внесъ въ свою душу разложенія, совершая противоестественное дѣло. Поэтому то Церковь считала необходимой и епитимію за убійство на войнѣ, чѣмъ опредѣленно и рѣшила, что война нежелательна и *ее быть не должно.*

Это не мѣшаетъ однако намъ, какъ и прежде, признавать, что иногда движеніе цѣлаго народа, будучи само по себѣ грѣховнымъ дѣломъ, есть для этого народа нѣчто лучшее, чѣмъ равнодушіе, созерцаніе чужой гибели.

X.

— Что же, это остроумно, — сказалъ Вельзевулъ послѣ долгаго молчанія.—Но какъ же свободные отъ обмана ученые люди не увидали того, что церковь извратила ученіе, и не возстановили его?

— А они не могутъ сдѣлать этого,—самоувѣреннымъ голосомъ сказалъ, выползая впередъ, матово-черный дьяволъ въ мантіи съ плоскимъ покатымъ лбомъ, безмускульными членами и оттопыренными большими ушами.

— Почему?—строго спросилъ Вельзевулъ, недовольный самоувѣреннымъ тономъ дьявола въ мантіи.

Не смущаясь окрикомъ Вельзевула, дьяволъ въ мантіи, не торопясь, покойно усѣлся не на корточки, какъ другіе, а по восточному, скрестивъ безмускульныя ноги, и началъ говорить безъ запинки тихимъ, размѣреннымъ голосомъ:

— Не могутъ они дѣлать этого оттого, что я постоянно отвлекаю ихъ вниманіе отъ того, что они могутъ и что имъ нужно знать, и направляю его на то, что имъ не нужно знать и чего они никогда не узнаютъ.

— Какъ же ты сдѣлалъ это?

— Дѣлалъ и дѣлаю я различно по времени,—отвѣчалъ дьяволъ въ мантіи. — Въ старину я внушалъ людямъ, что самое важное для нихъ — это знать подробности объ отношеніи между собою лицъ Троицы, о происхожденіи Христа, объ естествахъ его, о свойствѣ Бога и т. п. И они много и длинно разсуждали, доказывали, спорили и сердились. И эти разсужденія такъ занимали ихъ, что они вовсе не думали о томъ, какъ имъ жить. А не думая о томъ, какъ имъ жить, имъ и не нужно было знать того, что говорилъ имъ ихъ учитель о жизни.

Потомъ, когда они уже такъ запутались въ этихъ разсужденіяхъ, что сами перестали понимать то, о чемъ говорили, я внушилъ однимъ, чта самое важное для нихъ—эти изучить и разъяснить все то, что написалъ человѣкъ по имени Аристотель, жившій тысячу лѣтъ тому назадъ въ Греціи; другимъ внушилъ, что самое важное для нихъ—это найти камень, посредствомъ котораго можно было бы дѣлать золото, и такой эликсиръ, который излѣчивалъ бы отъ всѣхъ болѣзней и дѣлалъ людей безсмертными. И самые умные и ученые изъ нихъ всѣ свои умственныя силы направили на это.

Тѣмъ же, которые не интересовались этимъ, я внушилъ, что самое важное—это знать: земля ли вертится вокругъ солнца, или солнце вокругъ земли? И когда они узнали, что земля вертится, а не солнце, и опредѣлили, сколько милліоновъ верстъ отъ солнца до земли, то были очень радъ и съ тѣхъ поръ еще усерднѣе изучаютъ до сихъ поръ разстоянія отъ звѣздъ, хотя и знаютъ, что конца этомъ разстояніямъ нѣтъ и не можетъ быть, и что самое число ихъ звѣздъ—безконечно, и что знать имъ это совершенно не нужно. Кромѣ того я внушилъ имъ еще и то, что имъ очень нужно знать, какъ произошли всѣ звѣри, всѣ червяки, всѣ растенія, всѣ безконечно малыя животныя. И хотя имъ это точно также совсѣмъ не нужно знать, и совершенно ясно, что узнать это невозможно, потому что животныхъ такъ же безконечно много, какъ и звѣздъ, они на эти и подобныя этимъ изслѣдованія явленій матеріальнаго міра направляютъ

всѣ свои умственныя силы и очень удивляются тому, что чѣмъ больше они узнаютъ того, что имъ не нужно знать, тѣмъ больше остается неузнаннаго ими. И хотя очевидно, что по мѣрѣ ихъ изслѣдованія область того, что имъ остается узнать, становится все шире и шире, предметы изслѣдованія сложнѣе и сложнѣе, и самыя пріобрѣтаемыя ими знанія неприложимѣе и неприложимѣе къ жизни, это нисколько не смущаетъ ихъ, и они, вполнѣ увѣренные въ важности своихъ занятій, продолжаютъ проповѣдывать, писать и печатать, и переводить съ одного языка на другой всѣ свои большей частью ни на что непригодныя изслѣдованія и разсужденія, а если изрѣдка и пригодныя, то только на потѣху меньшинства богатыхъ или на ухудшеніе положенія большинства бѣдныхъ.

Для того же, чтобы они никогда уже не догадались, что единое нужное для нихъ—это установленіе законовъ жизни, которое указано въ ученіи Христа, я внушаю имъ, что закона духовной жизни они знать не могутъ, и что всякое религіозное ученіе, въ томъ числѣ и ученіе Христа, есть заблужденіе и суевѣріе, а что узнать о томъ, какъ имъ надо жить, они могутъ изъ придуманной мною для нихъ науки, называемой соціологіей и состоящей въ изученіи того, какъ различно дурно жили прежніе люди. Такъ что вмѣсто того, чтобы имъ самимъ, по ученію Христа, постараться жить лучше, они думаютъ, что имъ надо только изучить жизнь прежнихъ людей, и что они изъ этого изученія выведутъ общіе законы жизни, и что для того, чтобы жить хорошо, имъ надо будетъ только сообразоваться въ своей жизни съ этими выдуманными ими законами.

Для того же, чтобы еще больше укрѣпить ихъ въ обманѣ, я внушаю имъ нѣчто подобное ученію церкви, а именно то, что существуетъ нѣкоторая преемственность знаній, которая называется наукой, и что утвержденія этой науки такъ же непогрѣшимы, какъ и утвержденія церкви.

А какъ только тѣ, которые считаются дѣятелями науки, увѣряются въ своей непогрѣшимости за несомнѣнныя истины самыя, не только ненужныя, но и часто нелѣпыя глупости, отъ которыхъ они уже, разъ сказавши ихъ, не могутъ отречься.

Вотъ отъ этого-то я и говорю, что до тѣхъ поръ, пока я буду внушать имъ уваженіе, подобострастіе къ той наукѣ, которую я выдумалъ для нихъ,—они никогда не поймутъ того ученія, которое чуть не погубило насъ.

Въ приведенныхъ словахъ Л. Н—ча нашъ критикъ находитъ свою долю правды. Представители древней Церкви не разъ говорили, что *споры* изъ-за словъ о происхожденіи Христа, о естествахъ въ Немъ возбуждены

людьми по внушенію діавола. Истина Троичности остается истиною, происхожденіе Христа, какъ Бога, остается истиною,—въ эти истины нужно вѣрить и нужно ихъ знать, потому что чрезъ это, какъ подчеркивали отцы, познается жизнь. И слѣдовательно познаваніе этихъ истинъ не мѣшаетъ моральному движенію а, напротивъ, этимъ движеніе моральное только обусловливается. Но это изученіе дѣйствительно становится паденіемъ и искушеніемъ діавольскимъ, когда сводится къ познанію отношеній лицъ Св. Троицы и происхожденія Христа, какъ какихъ-то *теоретическихъ научныхъ* истинъ.

„И эти разсужденія такъ занимали ихъ, что они вовсе не думали о томъ, какъ имъ жить". Да, противъ этого возставалъ хотя бы Іоаннъ Златоустъ, который такъ часто упрекалъ свою паству за увлеченіе разсужденіями въ ущербъ жизни. По этой причинѣ тотъ же Іоаннъ Златоустъ постоянно съ своей каѳедры говорилъ о нравственныхъ истинахъ, напоминалъ о жизни по Богѣ, желая указать, что забывая эту жизнь, мы теряемъ всякое познаніе.

XI.

Очень хорошо! Благодарю,—сказалъ Вельзевулъ, и лицо его просіяло,—вы стоите награды, и я достойно награжу васъ.

— А насъ вы забыли!—закричали въ нѣсколько голосовъ остальные разношерстные, маленькіе, большіе, кривоногіе, толстые, худые дьяволы.

— Вы что дѣлаете? — спросилъ Вельзевулъ.

— Я—дьяволъ техническихъ усовершенствованій.

— Я—раздѣленія труда!

— Я—путей сообщенія!

— Я—книгопечатанія!

— Я—искусства!

— Я—медицины!

— Я—культуры!

— Я—воспитанія!

— Я—исправленія людей!

— Я—одурманиванія!

— Я—благотворительности!

— Я—соціализма!

— Я—феминизма!—закричали они всѣ вдругъ, тѣснясь впередъ передъ лицо Вельзевула.

— Говорите порознь и коротко,—закричалъ Вельзевулъ!—

Ты!—обратился онъ къ дьяволу техническихъ усовершенствованій.—Что ты дѣлаешь?

— Я внушаю людямъ, что чѣмъ больше они сдѣлаютъ вещей и чѣмъ скорѣе они будутъ дѣлать ихъ, тѣмъ это будетъ для нихъ лучше. И люди, губя свои жизни для произведенія вещей, дѣлаютъ ихъ все больше и больше, не смотря на то, что вещи эти не нужны тѣмъ, которые заставляютъ ихъ дѣлать, и не доступны тѣмъ, которые ихъ дѣлаютъ.

— Хорошо! Ну, а ты?—обратился Вельзевулъ къ дьяволу раздѣленія труда.

— Я внушаю людямъ, что такъ какъ вещи дѣлать можно скорѣе машинами, чѣмъ людьми, то надо людей превратить въ машины, и они дѣлаютъ это, и люди, превращенные въ машины, ненавидятъ тѣхъ, которые сдѣлали это надъ ними.

— И это хорошо! Ты?—обратился Вельзевулъ къ дьяволу путей сообщенія.

— Я внушаю людямъ, что для ихъ блага имъ нужно какъ можно скорѣе переѣзжать съ мѣста на мѣсто. И люди вмѣсто того, чтобы улучшать свою жизнь, каждому на своихъ мѣстахъ, проводятъ ее большею частью въ переѣздахъ съ мѣста на мѣсто. Очень гордятся тѣмъ, что они въ часъ могутъ проѣхать 50 верстъ и больше.

Вельзевулъ похвалилъ и этого.

Выступилъ дьяволъ книгопечатанія. Его дѣло, какъ онъ объяснилъ, состоитъ въ томъ, чтобы какъ можно большему числу людей сообщить всѣ тѣ гадости и глупости, которыя дѣлаются и пишутся въ свѣтѣ.

Дьяволъ искусства объяснилъ, что онъ, подъ видомъ утѣшенія и возбужденія возвышенныхъ чувствъ въ людяхъ, потворствуетъ ихъ порокамъ, изображая ихъ въ привлекательномъ видѣ.

Дьяволъ медицины объяснилъ, что его дѣло состоитъ въ томъ, чтобы внушать людямъ, что самое нужное для нихъ дѣло, — это забота о своемъ тѣлѣ; а такъ какъ зобота о своемъ тѣлѣ не имѣетъ конца, то люди, заботящіеся съ помощью медицины о своемъ тѣлѣ, не только забываютъ о жизни другихъ людей, но и о своей собственной.

Дьяволъ культуры объяснилъ, что внушаетъ людямъ то, что пользованіе всѣми тѣми дѣлами, которыми завѣдуютъ дьяволы техническихъ усовершенствованій, раздѣленія труда, путей сообщенія, книгопечатанія, искусства, медицины,—есть нѣчто вродѣ добродѣтели, и что человѣкъ пользующійся всѣмъ этимъ, можетъ быть вполнѣ доволенъ собой и не стараться быть лучше.

Дьяволъ воспитанія объяснилъ, что онъ внушаетъ людямъ, что они могутъ, живя дурно и даже не зная того, въ чемъ состоитъ хорошая жизнь, учить дѣтей хорошей жизни.

Дьяволъ исправленія людей объяснилъ, что онъ учитъ

людей тому, что, будучи сами порочны, они могутъ исправлять порочныхъ людей.

Дьяволъ одурманиванія сказалъ, что онъ научаетъ людей тому, что вмѣсто того, чтобы избавиться отъ страданій, производимыхъ дурною жизнью, стараясь жить лучше,—имъ лучше забыться подъ вліяніемъ одуренія виномъ, опіумомъ, табакомъ, морфіемъ.

Дьяволъ благотворительности сказалъ, что онъ, внушая людямъ то, что, грабя пудами и давая ограбленнымъ золотниками, они добродѣтельны и не нуждаются въ усовершенствованіи,—онъ дѣлаетъ ихъ недоступными къ добру.

Дьяволъ соціализма хвастался тѣмъ, что во имя самаго высокаго общественнаго устройства жизни людей онъ возбуждаетъ вражду сословій.

Дьяволъ феминизма хвастался тѣмъ, что для еще болѣе усовершенствованнаго устройства жизни онъ, кромѣ вражды сословій, возбуждаетъ еще и вражду между полами.

— Я — комфортъ! Я — мода! — кричали и пищали еще другіе дьяволы, подползая къ Вельзевулу.

— Неужели вы думаете, что я такъ старъ и глупъ, что не понимаю того, что, какъ скоро ученіе о жизни ложно, то все, что могло быть вредно намъ, все становится намъ полезно, — закричалъ Вельзевулъ и громко расхохотался. — Довольно! Благодарю всѣхъ,—и, всплеснувъ крыльями, онъ вскочилъ на ноги. Дьяволы окружили Вельзевула. На одномъ концѣ сцѣпившихся дьяволовъ былъ дьяволъ въ пелеринѣ— изобрѣтатель церкви,—на другомъ концѣ—дьяволъ въ мантіи, изобрѣтатель науки. Дьяволы эти подали другъ другу лапы, и кругъ замкнулся.

И всѣ дьяволы, хохоча, визжа, свистя и порская, начали, махая и трепля хвостами, кружиться и плясать вокругъ Вельзевула. Вельзевулъ же, расправивъ крылья и треплея ими плясалъ въ серединѣ, высоко задирая ноги. Вверху же слышались крики, плачъ, стоны и скрежетъ зубовъ.

У насъ лично,—говоритъ о. Михаилъ, нѣтъ цѣли бороться противъ этого похода Л. Н-ча противъ науки. Не отрицая значенія знанія въ такой мѣрѣ, какъ отрицаетъ его Толстой, думая, что движеніе къ знанію для человѣка обязательно, что оно можетъ расширять и его нравственное чувство и его познаніе Бога, мы, конечно, можемъ только согласиться съ тѣмъ взглядомъ, что это знаніе, поставленное, какъ единое благо, какъ единый предметъ стремленій человѣка, можетъ дѣйствительно отодвинуть человѣчество и отъ работы надъ созиданіемъ царства Божія въ жизни и отъ пониманія основъ истинной человѣческой жизни.

Представляя высказаться въ защиту науки и культуры другимъ, нашъ критикъ съ вѣрою и убѣжденіемъ утверждаетъ, что жестоко заблуждается Левъ Николаевичъ въ главной тенденціи своего листка, будто бы адъ снова возстановленъ со времени созданія Церкви. Мы вѣримъ, что адъ не сможетъ побѣдить, пока живетъ Церковь и она будетъ жить во вѣки, въ силу обѣтованія своего Основателя Христа сказавшаго:

„Созижду Церковь Мою и врата адова не одолѣютъ ей“.

Не побѣдить сатанѣ, пока въ Церкви будетъ жить вѣра, что Христосъ Богъ Воскресшій, что Онъ живъ и не умеръ, вѣра, которую хочетъ вытравить графъ и въ обществѣ и народѣ.

Въ заключеніе о. Михаилъ приводитъ одну поэтическую легенду, очень напоминающую по построенію „легенду“ Толстого „Разрушеніе ада“, но совсѣмъ непохожую на послѣднюю по духу и назначенію.

Можно думать, что эта послѣдняя легенда послужила конвой для легенды Толстого „Разрушеніе ада“, но только яснополянскій лжеучитель вдунулъ въ эту полную радостной животворной силы вѣрующаго духа— адское, разрушительное, злобное дыханіе смерти и безпросвѣтной безнадежности.

Тема легенды таже: борьба христіанства. Это выразилось въ поэтической легендѣ борьбою сатаны съ христіанствомъ на землѣ. Начинается легенда такъ же, какъ толстовская, съ изображеній страданій Христа, когда Онъ предсталъ на судъ человѣковъ, преданный однимъ изъ своихъ учениковъ.

„Полный торжества, смотрѣлъ сатана, какъ судили Того, Который недавно ѣхалъ на осляти, какъ царь, окруженный многотысячной толпой народа, устилавшей путь его одеждами и пальмовыми вѣтками, кричавшій Ему осанна.

И вотъ Онъ на судѣ, связанный, поруганный, въ терновомъ вѣнцѣ; сатана ликовалъ.

Неправедный судъ изрекъ смертный приговоръ Богочеловѣку.

И злоба распяла Учителя братской любви.

И подумалъ сатана: „Ты умеръ, побѣждающій адъ и смерть, и сталъ рабомъ смерти. Смерть не отдаетъ

своихъ жертвъ, не отдастъ она и Тебя, ибо и Ты былъ изъ плоти и крови и обратишься въ землю".

Успокоенный сатана подошелъ, влекомый невѣдомой силой, къ гробу Господню.

И вотъ видитъ сатана: снисходитъ ангелъ съ неба, отва иваетъ камень отъ гроба...

Въ страхѣ падаетъ замертво римская стража.

И воскресаетъ распятый Учитель.

И слышитъ сатана, какъ небо и земля, и всѣ миріады міровъ, и вся вселенная сотряслась, когда небесныя Силы возславили Сына Божьяго, вопія:

Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ!

Оледенѣлъ отъ ужаса сатана.

Онъ бросился бѣжать, и голоса небесныхъ Силъ преслѣдовали его. Звуки пѣсни жгли и терзали злобное сердце уничтоженнаго царя мрака, властелина попраннаго ада.

И ринулся сатана въ бездну, но и тамъ не давали ему покоя небесные звуки.

И смолкъ адъ, чувствуя приближеніе Побѣдителя.

Окруженный небеснымъ воинствомъ, сошелъ въ адъ Побѣдитель смерти съ лицомъ свѣтлымъ, какъ солнце, въ одеждѣ бѣлой, какъ снѣгъ.

Остановился Онъ противъ трепещущаго сатаны, взглянулъ на него, и не вынесъ этого взгляда сатана, и поникъ, и словно окаменѣлъ недвижимый.

И по манію Сына Божьяго ангелы наложили цѣпи на сатану, ибо царству его пришелъ конецъ.

И изрекъ Сынъ Божій:

„Истинно говорю вамъ! Доколѣ въ часъ Моего воскресенія хотя кто либо на землѣ скажетъ сіи слова: „Христосъ воскресе", дотолѣ не распадется цѣпь сія".

И запѣло все небесное воинство:

Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ!

Сатана не могъ покориться Богу.

Онъ началъ пилить свою цѣпь.

Но она не могла распасться, ибо изъ глубины катакомбъ, изъ мрака темницъ, съ костровъ, отовсюду вопіяли тысячи голосовъ:

Христосъ воскресе!

И вотъ пришелъ на землю одинъ изъ старшихъ

слугъ сатаны и началъ сѣять зло, возстановлять людей противъ Распятаго:

Онъ, этотъ слуга сатаны, говорилъ:

„Нѣтъ Бога, нѣтъ вѣчности, нѣтъ Христа, нѣтъ воскресенія“!

И этотъ шопотъ мало-по-малу сталъ проникать въ сердца людей. *Лжемудрые, вообразившіе себя свѣточами міра, прониклись мыслію вѣрнаго слуги ада и начали возглашать:*

„Нѣтъ Бога, нѣтъ вѣчности, нѣтъ Христа, нѣтъ воскресенія“.

Многіе изъ этихъ лжемудрыхъ поплатились смертію за свою проповѣдь. Но сѣмя, брошенное ими, дало плодъ.

За лжемудрецами пошли и глупые, соблазнившіеся словами лжеучителей, и стали говорить:

„Нѣтъ Бога, нѣтъ вѣчности, нѣтъ Христа, нѣтъ воскресенія“.

И имъ вторили другіе:

„Нѣтъ Бога, нѣтъ воскресенія! Все это сказка, годная для глупой черни. Мы поняли тайну бытія и устройства вселенной“.

За ними пошли и малодушные, которые хотя и вѣрили, что „есть Богъ, есть Христосъ, есть воскресеніе“, но боялись смѣха надъ собой, притворялись и также заодно съ другими говорили, что:

„Нѣтъ Бога, нѣтъ вѣчности, нѣтъ Христа нѣтъ воскресенія“!

И возликовалъ сатанинскій клевретъ, и полетѣлъ къ сатанѣ съ докладомъ о томъ, что па землѣ „нѣтъ вѣрующихъ въ Бога, въ Христа, въ вѣчность, въ воскресеніе“.

Но вдругъ изъ глубины сѣверныхъ лѣсовъ раздалось пѣніе.

Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ!

И цѣпь сатаны опять не распалась.

Наконецъ настало время, когда люди стали жить безъ вѣры и любви...

И спустился торжествующій князь тьмы на гигантскую скалу, воздвигавшуюся надъ моремъ, и сложилъ свои крылья, и съ торжествомъ окинулъ взглядомъ разстилавшуюся у его ногъ землю.

И стоялъ онъ такъ долго, долго, и все смотрѣлъ на дѣло рукъ своихъ.

А время все шло и шло; солнце свѣтило все ярче и ярче, грѣло сильнѣе и сильнѣе; живительная теплота проникла въ нѣдра земли, наступила весна, все зазеленѣло, запестрѣло цвѣтами. Сатана, погруженный въ свою думу, не замѣчалъ, что дѣлается у его ногъ. Онъ вспоминалъ, какъ Сынъ Божій снизошелъ въ адъ и сковалъ его; какъ предсталъ передъ нимъ любимый ангелъ его; какъ соблазнилъ онъ людей своей нехитрой и простою выдумкой. И съ искривленнымъ насмѣшкой лицомъ князь тьмы произнесъ:

„Нѣтъ Бога, нѣтъ вѣчности, нѣтъ Христа, нѣтъ воскресенія"!

И только сказалъ, какъ у его ногъ будто зазвенѣли милліоны серебряныхъ колокольчиковъ, раздались тихіе голоса, хоромъ прозвенѣвшіе:

„Есть Богъ, есть вѣчность, есть Христосъ, есть воскресеніе"!

Въ страшной ярости сатана наклонился къ землѣ и увидѣлъ, услышалъ, что это всѣ цвѣты, всѣ былинки, всѣ травки по всей землѣ хоромъ повторяли:

„Есть Богъ, есть вѣчность, есть Христосъ, есть воскресеніе"!

А солнце смѣялось на небѣ, прислушиваясь къ тихимъ, звенящимъ голосамъ, и свѣтило и грѣло, давая всему жизнь, радость и ликованіе.

Съ остервенѣлымъ безуміемъ взмахнулъ сатана крыльями, чтобы снова затмить солнце, но не успѣлъ онъ еще сорваться съ мѣста, какъ Архангелъ Божій съ пылающимъ мечомъ преградилъ ему дорогу.

Дрогнулъ сатана и скорчился, завопилъ и со страшными проклятіями ринулся въ бездну.

А солнце все ярче и ярче свѣтило въ небѣ; а цвѣты, травки, былинки все громче и громче, все радостнѣе и радостнѣе звенѣли на землѣ:

„Есть Богъ, есть вѣчность, есть Христосъ, есть воскресеніе"!

Да, есть воскресеніе, и пока люди вѣрятъ въ воскресеніе—не издѣваются надъ этой величайшей изъ истинъ—не погибнетъ міръ и не побѣдитъ зло!

Миссіонерскій откликъ на „Обращеніе къ духовенству", и разрушеніе и возстановленіе ада Л. Н. Толстого.

(Заключеніе).

„Утверди, Господи, Церковь"..

«Созижду Церковь Мою и врата адова не одолѣютъ ей» (Мѳ. 16, 18).
Въ послѣдніе дни... люди будутъ самолюбивы... горды, надменны, злорѣчивы... клеветники..., имѣющіе видъ благочестія, силы же его отрекшіеся" (2 Тим. 3, 1—5). „Возстанутъ лжехристы"... (Мѳ. 24, 24).

Христосъ въ преторіи Пилата. Предъ скептикомъ—Сама Истина. Грѣшная тварь судитъ Святого „Имъ же вся быша". Извѣрившійся въ человѣческой истинѣ безнадежно вопрошаетъ Божественную Премудрость „что есть истина?" Рабъ подписываетъ приговоръ распять Владыку и Господа вселенной.

Лиѳостротонъ понтійскаго правителя окруженъ озвѣрѣвшей толпой. Воздухъ оглашается бѣшенымъ—„распни, распни"! Не узнавъ, что есть Истина и „омывъ руки" неповинности въ крови „Праведника", Пилатъ предаетъ Его на распятіе.

Когда я прочиталъ „Обращеніе къ духовенству" Л. Толстого, мнѣ невольно представилась эта библейская картина... Дѣйствительно—„паки Голгоѳа и крестъ".. И „долготерпитъ Господь, не хотяй смерти грѣшнику, но еже обратитися и живу быти ему".

Толстой въ своемъ „Обращеніи" ставитъ и надъ всѣмъ Словомъ Божіимъ и надъ всѣмъ искупительнымъ дѣломъ Христа и Его спасительнымъ устроеніемъ вопросъ. И Слову Божію и Христу и Церкви онъ презрительный бросаетъ—„что есть истина?" И такъ же, какъ Пилатъ, уже самымъ тономъ вопроса заявляетъ о своемъ нежеланіи слышать на него отвѣтъ. Тутъ гордость зло-

художной души, въ которую „не входитъ премудрость“,—въ такой душѣ нѣтъ воспринимателей для истины. Христосъ не отвѣтилъ на вопросъ Пилата, поелику Понтійскій правитель, какъ ученикъ скептической школы, не вѣрилъ въ положительную истину и не хотѣлъ слышать рѣшенія его философскаго сомнѣнія какимъ-то „царемъ Іудейскимъ“ изъ Назарета. И мы не будемъ отвѣчать на всѣ безчинства пантеистически-философствующаго разума яснополянскаго Пилата. Разумъ человѣческій, разъ онъ внѣ круга откровеній Божественной Премудрости, ему нѣтъ опредѣленія: что мудрость для одного, то буйство для другого,—въ исторіи философіи мы видѣли это очень часто. Мы обращаемъ свое вниманіе на другое. Толстой въ своихъ богохульныхъ писаніяхъ, „предавая Христа на пропятіе“, хочетъ, подобно Пилату „омыть руки въ неповинности“... Онъ разрушаетъ дѣло Христово якобы оружіемъ истины, познанной имъ отъ Христа. Съ этой только стороны мы и хотѣли бы освѣтить для своихъ братій „врата адовы“, разверзшіяся въ послѣдніе дни въ Ясной Полянѣ. Потщися внять, дорогой читатель, отъ Христа-ли та лжеистина, которую художественной рукой сѣетъ въ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ „сіятельный еретикъ“. Нѣтъ и многократно нѣтъ! Истина есть Христосъ и толстовской лжи „нѣсть въ Немъ ни единыя“. Откуда начать, теряемся: у Толстого одно другого лживѣе. Скажемъ о главномъ.

Толстой, забывъ страхъ Божій—„начало премудрости“, глумится надъ Словомъ Божіимъ. Онъ вышучиваетъ вѣру въ его богодухновенность и надъ содержаніемъ его, не укладывающимся въ философской невѣрующей головѣ, смѣется страшнымъ смѣхомъ. „Горе же смѣющемуся..., яко возрыдаетъ! „Слово“, которое говорилъ Христосъ, и которое Толстому извѣстно, и осмѣивается имъ, оно будетъ судить его въ послѣдній день“ (Іоан. 12, 48), какъ „лукаваго раба—отъ устъ его“. Развѣ неизвѣстно Толстому, что Христосъ, ученикомъ Котораго онъ прикидывается и Котораго предаетъ іудинымъ цѣлованіемъ, ссылался на свящ. Писаніе, какъ Слово Божіе: „испытуйте Писаній... и та суть свидѣтельствующая о Мнѣ“, „что писано есть въ законѣ“ и пр. подговорилось Тѣмъ, Кто былъ „прежде нежели Авраамъ быть“. Цитація Христомъ ветхозав. Слова Божія въ Своей проповѣди была такъ обильна, что вызвала даже благо-

говѣйное изумленіе воспитанныхъ на писаніи Его слушателей: „како Сей книги вѣсть не учився“? Теперь одно изъ двухъ: если ветхозавѣтное Писаніе, какъ думаетъ Толстой,—однѣ сказки, то Христосъ, цитуя это Писаніе, или Самъ не понималъ цитуемаго надлежащимъ образомъ, или же пользовался сознательно цитуемыми „сказками“ для успѣха только Своей проповѣди; но то и другое предположеніе одинаково богохульны и едва ли пріемлемы для самого Толстого, который признаетъ Христа, если не за Бога, то во всякомъ случаѣ за учителя великаго, добро-нравственнаго и честнаго.

Великій избранникъ Христовъ, апостолъ языковъ, Павелъ учитъ насъ, что, вопреки толстовскому отрицанію, „все писаніе богодухновенно“ (2 Тим. 3, 16) и „можетъ умудрить во спасеніе“ (—15). Ап. Петръ пишетъ, что „отъ Святаго Духа просвѣщаеми глаголаша святіи Божіи человѣцы“ (2 Петр. 1, 20—21). И святая вселенская Церковь Христова постановила чтить, какъ богодухновенное слово, каноническія Писанія в. и н. завѣтовъ (Ап. пр. 85, 2 пр. 6 вс. соб.). Толстой не признаетъ писаній апостольскихъ, какъ и непогрѣшимости вселенскаго сознанія Христовой Церкви; за авторитетъ у него идетъ только „евангеліе“. Но не обличаетъ ли и оно его въ неправдѣ отверженія апостольскаго и церковно-вселенскаго авторитета?

II.

Христосъ обѣщалъ послать апостоламъ „Духа-Утѣшителя, Духа Истины, Который вспомянетъ имъ все, что Онъ говорилъ... и наставитъ ихъ на всякую истину и пребудетъ съ ними „во вѣки“ (Іоан. 14, 16—17, 26; 15, 26). Исполнилъ ли Христосъ Свое обѣтованіе? Если исполнилъ, то св. апостолы были руководимы Духомъ Истины. Если нѣтъ, то какъ вѣровать во Христа? Далѣе, Христосъ обѣщалъ, что и Онъ, какъ и Духъ Утѣшитель, пребудетъ съ апостолами, какъ учителями, „во вся дни до скончанія вѣка“ (Мѳ. 28, 20).

Если обѣтованіе это исполнилось, апостолы были учителями богодухновенными. Если съ ихъ учительствомъ кончилось въ Церкви руководительство „Духа Истины“, то куда Толстой дѣнетъ евангельское слово,

что и Духъ Утѣшитель и Самъ Христосъ пребудетъ въ церковномъ учительствѣ(„шедше *научите*“ и „се Азъ съ вами во вся дни“) „до скончанія вѣка“? Если со смертію апостоловъ Церковь Христова въ своей судьбѣ предоставлена уму и силамъ человѣка, не могущимъ безъ Христа „дѣлать ничего“ (Іоан. 15, 5) хорошаго, при „власти князя міра сего“, то гдѣ правда и смыслъ Христова обѣтованія: „созижду Церковь Мою и врата адова не одолѣютъ ей“ (Мѳ. 16, 18). Да, во истину предательское цѣлованіе творитъ яснополянскій Іуда, лобзая видимо „евангеліе“ въ адскихъ замыслахъ сокрушить дѣло Христово. „Власти тьмы“ слушаетъ графъ-писатель. Но Богъ поругаемъ не бываетъ и погубитъ „вся глаголющія лжу“.

III.

Толстой плачется особенно надъ тѣмъ, что „церковное ученіе внушается людямъ въ томъ состояніи, въ которомъ они не могутъ обсудить того, что передается... людямъ необразованнымъ, рабочимъ, не имѣющимъ времени думать, и, главное, дѣтямъ, которыя принимаютъ безъ разбора и навсегда запечатлѣваютъ то, что имъ передается“. Мы не знаемъ, въ какихъ видахъ графъ обрекаетъ дѣтей на дикое состояніе, разъ, при ихъ неразвитости, имъ нельзя сообщать никакихъ непонятныхъ для нихъ знаній (а имъ все непонятно), какъ понимаетъ его сіятельство евангельскія слова о *младенцахъ*, „изъ устъ которыхъ совершается хвала“ Богу, объ *Отрокѣ*-Іисусѣ, поучающемъ книжниковъ, о рыбакахъ-*рабочихъ*, которыхъ призвалъ Іисусъ Христосъ словами благовѣстія во апостолы Своего ученія, о благословеніи Спасителемъ *дѣтей*, которое могло „запечатлѣться въ ихъ душѣ“, о блаженствѣ „не *видѣвшихъ* и вѣровавшихъ“ и т. п. И хотѣли бы обратить вниманіе и графа и нашихъ братій на то, что цѣна вѣры во Христа, какъ вѣры,—въ „невиданности“. Тамъ нѣтъ вѣры, гдѣ знаніе: если я знаю, что дважды два—четыре или что сумма угловъ треугольника равняется двумъ прямымъ, я тутъ не вѣрю, я тутъ влагаю, такъ сказать, „перста въ ребра“, и тутъ ужъ не вѣра, тутъ не самоотреченіе во имя правды проповѣди учителя. А „вѣры“,

какъ самоотверженія ума, и требовалъ Христосъ. Иначе, чѣмъ объяснить Его проповѣдь *рыбакамъ*, благословеніе *дѣтей*, которыхъ „есть царство Божіе“, — чѣмъ объяснить Его слова: „если *вѣруешь*... возможно“... „блаженни *невидѣвшіе* и вѣровавшіе“, „если не обратитесь и не будете какъ дѣти, не войдете въ Царство Небесное“ и т. п. Да, графъ, если мы *вѣруемъ* во Христа, то должны вѣровать Его слову, хотя бы мы и „не вмѣщали его“, хотя бы оно и не вкладывалось въ наши скудныя головы. Тутъ только цѣна вѣрѣ и—въ насъ, вмѣсто насъ, „живетъ Христосъ“ съ Его Божественной волей и премудростью, и Онъ есть „дѣйствуяй въ насъ еже хотѣти и еже дѣяти“,—и я съ апостоломъ могу сказать о себѣ: „уже не живу азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ“. Не будетъ сей вѣры, не будетъ и „единаго стада“ (Іоан. X) Христова, ибо умъ милліоновъ людей создастъ и милліоны „стадъ“, поелику умы безконечно различны.

IV.

„Если бы вѣрили Моисею, говорилъ Христосъ іудеямъ, то повѣрили бы и Мнѣ. Если же его писаніямъ не вѣрите, то какъ повѣрите Моимъ словамъ (Іоан. 5, 46, 47)... и „самыя дѣла, Мною творимыя, свидѣтельствуютъ о Мнѣ, что Отецъ послалъ Меня“ (—36). Отвергши ветхозавѣтное писаніе, какъ басню, Толстой и евангельскія повѣствованія относитъ къ области „вредныхъ сказокъ“. Подъ таковымъ угломъ онъ и смотритъ на „хожденіе звѣзды, пѣніе съ неба, разговоръ съ дьяволомъ, превращеніе воды въ вино, хожденіе по водѣ, исцѣленія, воскрешеніе людей и, наконецъ, воскресеніе Самого Христа и улетаніе (вознесеніе) Его на небо... и искупительную для людей жертву Его смерти“. Если Толстой такъ смотритъ на искупительное дѣло Христово, такъ онъ такой же христіанинъ, какъ и любой жидъ, магометанинъ, буддистъ и т. п. Отъ таковыхъ „христіанъ“ Христосъ заповѣдывалъ Своимъ ученикамъ „выходить и отрясать прахъ отъ ногъ своихъ“ (Мѳ. 10. 14 и др.), и таковые христіане, „не вѣрующіе въ воскресеніе“ мертвыхъ и воскресеніе Христа, „несчастнѣе всѣхъ человѣковъ“. Все величіе христіанскаго подвига-смиренія, самоотреченія до „желанья разрѣшиться“ было бы тогда стихійною

глупостію и для самаго просвѣщеннаго и для самаго темнаго. Таковымъ въ сущности и является пантеистическое христіанство „изъ Назарета“ Тульской губерніи.

„Дѣла, яже Азъ творю, та суть свидѣтельствуютъ о Мнѣ“... говорилъ Христосъ, утверждая Свое Божественное происхожденіе. И евреи, какъ очевидцы чудесныхъ дѣлъ Спасителя, не могли отрицать ихъ, хотя, какъ повѣствуетъ евангеліе, и объясняли ихъ какъ дѣйствія силы Вельзевула, князя бѣсовскаго. Яснополянскій же проповѣдникъ мнимо-Христовой истины не вѣритъ ни словамъ, ни дѣламъ Христа и не повѣрилъ бы, „если бы кто и изъ мертвыхъ воскресъ“... Тутъ—болѣзнь отрицанія безъ достаточныхъ основаній,—и только. И мы лишаемся почвы для разсужденія съ Толстымъ о Христѣ и христіанствѣ. Толстой утверждаетъ: „для человѣка, въ умѣ котораго вложено, какъ священная истина, вѣрованіе въ сотвореніе міра изъ ничего... въ Троицу, грѣхопаденіе Адама... въ чудеса Христа и въ искупительную для людей жертву Его смерти,—для такого человѣка требованія разума уже необязательны“. Да, совершенно „необязательны“, но только касательно тѣхъ предметовъ, которые выше законовъ нашего оземленѣлаго разума и его силъ, какъ „необязательно“ горшку вопрошать горшечника и знать его мысль и волю. „А ты кто, человѣкъ, что споришь съ Богомъ“? (Рим. 9, 20—21). Исторія домостроительства нашего спасенія и искупительное дѣло Христа со всѣми открытыми Имъ истинами, въ томъ числѣ и Троицы,— „глубина Премудрости“ *Божіей*, и мы, хотя „отчасти...“ вѣрою разумѣвая ее, не имѣемъ нужды прислушиваться къ „требованіямъ разума“ міра сего. Они для насъ „необязательны“, какъ не обязателенъ костыль исцѣленному хромому и поводырь—прозрѣвшему. „Требованіями разума“ смущались когда-то и апостолы, когда Христосъ давалъ заповѣдь о вкушеніи Его плоти и крови: „многіе изъ учениковъ Его, слыша то, говорили: какія странныя слова! Кто можетъ это слушать? Но Іисусъ... сказалъ имъ: это-ли соблазняетъ васъ? Чтожъ, если увидите Сына Человѣческаго восходящаго туда, гдѣ былъ прежде“? (Іоан. 6, 51—62). Христосъ какъ бы соглашается, что сказанное Имъ—для человѣческаго разума дѣйствительно „странныя слова“, какъ еще болѣе страннымъ покажется для него и чудо вознесенія Христова, но тѣмъ не менѣе говоритъ это „истинно истинно“. Это

скажемъ и мы Толстому на его циничныя слово—изрыганія о чудесахъ и искупительномъ дѣлѣ Спасителя. Извѣстно намъ, что „слово о крестѣ... и Христосъ распятый для эллиновъ—безуміе“ (1 Кор. 1, 18, 23), и мудрецы аѳинскаго ареопага, услышавъ проповѣдь Павла о Воскресшемъ, остановили проповѣдника насмѣшливымъ—„объ этомъ послушаемъ тебя въ другое время“ (Дѣян. 17, 32), но это было потому, что проповѣдуемое есть—„сила Божія и Божія Премудрость“ и что „немудрое Божіе премудрѣе человѣковъ, и немощное Божіе сильнѣе человѣковъ... и Богъ избралъ немудрое міра, чтобы посрамить мудрыхъ и немощное міра, чтобы посрамить сильное..., чтобы никакая плоть не хвалилась предъ Богомъ“ (1 Кор. 1, 24—29). И напрасно, поэтому, Толстой навязываетъ намъ—„знаменитое credo, quia absurdum“,—„знаменитость“ эта справедливая психологически вообще, поелику *вѣрять* въ непознанное, совсѣмъ несправедлива въ приложеніи къ объектамъ моей христіанской вѣры: здѣсь я — „credo, quia *divinum*“,—и абсурдомъ послѣднее можетъ показаться только для мудрости „міра сего“—эллиновъ, „ареопагитовъ“ и лицъ, потерявшихъ послѣдніе признаки христіанской вѣры. Къ тому же, „обязательны ли требованія разума“ и ихъ рѣшенія для яснополянскаго философа, „живущаго и движущагося“ въ непостижимыхъ тайнахъ природы? Понятно-ли графу, *какъ и почему* кофе съ молокомъ питаетъ его тѣло (самая тайна химико-физіологическаго процесса?) и *какъ* и почему мысль и воля духа переходитъ въ мускульное движеніе (процессъ психико-физіологическій?), — когда его сіятельству послѣ завтрака захочется „пройтись“ и онъ идетъ? Графъ этого не понимаетъ, при всѣхъ „обязательныхъ требованіяхъ своего ума“, какъ не понимаютъ того физіологи, психологи и др. мудрецы вѣка сего, и однако, когда ему *захочется* идти, онъ *вѣритъ*, что нога его *двинется* и по *вѣрѣ* онъ идетъ... И „мы водимся *вѣрою*, а не видѣніемъ“.

Съ этимъ мы и хотѣли бы „отрясти прахъ отъ ногъ своихъ“, уходя отъ толстовскаго „Обращенія“. Убѣждать палача, что не нужно и не хорошо портить волосъ, когда онъ занесъ свой мечъ надъ самой головой, мы не будемъ—это излишне... Когда Толстой отвергаетъ богодухновенность слова Божія обоихъ завѣтовъ, Божественность Христа, Богоучрежденность Церкви Хри-

стовой со всѣми ея божественными установленіями, станемъ-ли мы говорить съ нимъ по дальнѣйшимъ пунктамъ „Обращенія“, касающимся явленій церковно-общественной жизни,—иконопочитанія, молитвы церковной и пр.? Толстой „поступаетъ, какъ врагъ креста Христова... и мыслитъ о земномъ“ (Филип. 3, 18—19). Не можемъ пройти молчаніемъ, однако, нѣсколькихъ словъ Толстого въ обращеніи къ чувству церковныхъ пастырей и послѣднихъ двухъ строкъ всего „Обращенія“.

V.

„Положа руку на сердце, взываетъ Толстой къ іерархіи, спросите себя, вѣрите-ли вы въ то, что проповѣдуете“... Какъ это въ нѣкоторомъ смыслѣ схоже съ извѣстнымъ искушеніемъ: „если Ты Сынъ Божій, бросься внизъ...“ (Мѳ. 4, 1—10). Ужели графу неизвѣстно, что мы содержимъ и исповѣдуемъ ту вѣру, которая побѣдоносно прошла гарнило и нероновскихъ и діоклитіановскихъ пытокъ, звѣрствъ и мучительствъ, за которую, „положа руку на сердце“, шли въ годины испытанія церкви, безъ страха и смущенія въ Колизей на растерзаніе звѣрями, на крестъ, подъ мечъ, въ огонь и воду? И кровь мучениковъ, орошавшая ниву Христову, все больше и больше возращала „вѣру апостольскую, вѣру православную, вѣру, яже вселенную утверди“. Вотъ этой вѣры, которая была уже подъ искушеніемъ и зубовъ тигровъ и львовъ, и крестнаго распятія и сѣкиры палача, и держимся мы—православные христіане! Отъ слабовѣрія же нѣкоторыхъ членовъ нашей Церкви заключать къ слабости и неразумности самой вѣры нашей „необязательно“ и для самого тупого ума, а не только для великаго писателя нашей земли. Церковная вѣра, имѣя своимъ идеаломъ—„единое стадо... на землѣ миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе“, прогрессивно стремится къ нему и по мѣрѣ духовнаго роста народовъ водворяетъ „миръ въ мірѣ“. А можетъ-ли Толстой, на глазахъ и совѣсти котораго судьба его несчастныхъ послѣдователей—канадскихъ духоборовъ, сказать, „положа руку на сердце“, что его безбожное ученіе устроитъ „царство Божіе“ на землѣ?.. Пусть отвѣтитъ онъ на это и именно, „положа руку на сердце“...

Въ концѣ своего „Обращенія“ Толстой, „находясь на краю гроба“, въ качествѣ побужденія къ своему богохульному писанію выставляетъ „хотѣніе содѣйствовать *избавленію* людей отъ того страшнаго зла, которое производитъ проповѣдь (церковнаго) ученія, и помочь (церковнымъ пастырямъ) проснуться отъ того гипноза, въ которомъ они находятся... И помоги вамъ въ этомъ Богъ, Который видитъ сердца ваши“, заключаетъ Толстой свое „Обращеніе“. Тутъ—не разберешь: то сатанинская гордость, то „образъ ангела свѣтла“; правда, одно другому нисколько не мѣшаетъ.. Но, Боже мой, ужели и „на краю гроба“ возможна для человѣка такая гордость! Сколько гордыхъ вый „мудрецовъ міра сего“ (Іустинъ философъ, Августинъ и др.) склонила истина Христова и сколько вошло „мудрыхъ міра“ подъ спасительную сѣнь церковную! А Толстой и на „краю гроба“ „возстаетъ на Господа и на Христа Его“. Ужели вся Церковь Христова пала, „одолѣна вратами ада“ (Мѳ. 16, 18), проповѣдуетъ „страшное зло“ и находится въ „гипнозѣ“ и будильникъ для нея и „*избавитель* людей“—теперь одинъ только Л. Н., „о немъ же подобаетъ спастися намъ“?

Нѣтъ, ваше сіятельство, помнимъ мы слова Христовы: многіе придутъ подъ именемъ Моимъ... Тогда если кто скажетъ вамъ: вотъ здѣсь Христосъ, или: вотъ тамъ,—не вѣрьте; ибо возстанутъ лжехристы и лжепророки... вы же берегитесь: вотъ, Я напередъ сказалъ вамъ все“ (Мр. 13, 21—23; Мѳ. 24, 4—24 и др.). Въ заключеніе,—отъ *какого* Бога—ужели своего *безличнаго* проситъ намъ Толстой помощи? Ужели философу яснополянскому непонятно, что безличное исключаетъ личное и не можетъ ему помочь? Или, можетъ быть, это сказано въ расчетѣ на довѣріе наше къ тому, отъ чего насъ „напередъ“ ограждалъ Христосъ?..

VI.

„Пасть у него (звѣря) какъ пасть у льва... и даны были ему уста, говорящія гордо и богохульно»... (Ап. 13, 2, 5).

„Отрясая прахъ отъ ногъ“, уходимъ отъ толстовскаго „Обращенія“... Но вотъ слышимъ уже не словоизверженія невѣрующаго, а адскій хохотъ „Асмодея“.

Предъ нами легенда Толстого „Разрушеніе ада и возстановленіе его". Прочитавъ ее, можно возопить только: „долготерпѣливъ Ты, Господи, и многомилостивъ" и „доколѣ, Владыка Святый и Истинный, не судишь и не мстишь живущимъ на землѣ"... (Апок. 6, 10). „Разрушеніе ада и возстановленіе его" это уже не еретичество, а богохульство апокалипсическаго „звѣря". И думается, Л. Н. теперь по праву могъ бы занять первое мѣсто среди сонма тѣхъ клеветниковъ, которые въ его „Разрушеніи и возстановленіи ада" извращали предъ Вельзевуломъ смыслъ всего происходящаго нынѣ на лицѣ земли — въ Церкви и государствахъ.

И находятся же люди, которые трепетно прислушиваются къ Толстому, преклоняются предъ нимъ и почитаютъ его непобѣдимымъ учителемъ истины!.. Хотя, правда, и неудивительно это.

„Звѣрь, котораго я видѣлъ, пишетъ тайнозритель будущихъ судебъ Церкви, былъ подобенъ барсу... а пасть у него какъ пасть у *льва*... и поклонились звѣрю, говоря: кто подобенъ звѣрю сему и кто можетъ сразиться съ нимъ? И даны были ему уста, говорящія гордо и богохульно... И отверзъ онъ уста свои для хулы на Бога, чтобы хулить имя Его и жилище Его, и живущихъ на небѣ... И дано было ему вести войну со святыми... И поклонятся ему всѣ живущіе на землѣ, которыхъ имена не написаны въ книгѣ жизни у Агнца, закланнаго отъ созданія міра... Кто имѣетъ ухо, да слышитъ" (Апок. 13, 2—9).

Въ своемъ «Разрушеніи ада" Левъ Толстой обнаружилъ нѣкоторую солидарность съ Вельзевуломъ. Свои возраженія «отъ писанія» противъ Церкви Христовой Толстой теперь вкладываетъ въ уста Вельзевула. Въ комъ нашелъ себѣ *единомышленника* яснополянскій «евангелистъ»! Представьте,—всѣ тѣ евангельскіе тексты, которыми Толстой возражалъ и возражаетъ противъ церковной жизни, характеризуя *«истинное»* якобы христіанство, «въ Разрушеніи и возстановленія ада» приводитъ сатана, «отецъ лжи». Можно отсюда судить, какова истина цитацій слова Божія въ вельзевуловскихъ устахъ... Въ Евангеліи говорится, что «отъ писанія» и сатана искушалъ Іисуса Христа въ пустынѣ въ сорокодневный постъ. Сатана указывалъ на библейскіе тексты, искушая Христа. Но Христосъ посрамилъ

его, обличивъ всю лживость его ссылокъ на то, что «писано есть». И лукавство Вельзевула и дьявола въ пелеринкѣ, цитующихъ въ толстовской легендѣ: «поступай съ другими, какъ хочешь, чтобы поступали съ тобой», «одинъ учитель у васъ — Христосъ, и отцомъ себѣ не называйте никого на землѣ, ибо одинъ у васъ Отецъ, Который на небесахъ, и не называйтесь наставниками, ибо одинъ у васъ Наставникъ — Христосъ... (противъ церковной іерархіи), если хочешь молиться, молись одинъ втайнѣ (противъ церк. общественной молитвы въ храмѣ), любите враговъ вашихъ, не убій (противъ войны), не клянись никакъ» (противъ присяги) и пр. под.,—св. Церковь ужъ давно и подробно обличила, наставляемая «Духомъ истины», не раздѣльнымъ съ нею «во вѣкъ». Неправда пониманія Толстымъ этихъ евангельскихъ мѣстъ уже показана. И повторять извѣстное братіи нашей мы не будемъ. Мы хотѣли бы откликнуться только на нѣкоторые пункты толстовской легенды.

VII.

Въ «Обращеніи къ духовенству» Толстой горько сѣтовалъ на то, что ветхозавѣтныя «басни» и новозавѣтныя «сказки» (т. е. вся исторія вет. и нов. завѣта домостроительства нашего спасенія) передаются дѣтямъ и народу, не могущимъ разобраться въ передаваемомъ... Теперь разсудите, насколько правъ и послѣдователенъ Толстой, предназначившій свое «Разрушеніе ада и возстановленіе его» для простого народа! Въ этой легендѣ онъ повѣствуетъ: Жизнію и ученіемъ Христа, съ послѣднимъ Его словомъ «свершилось», «*адъ* разрушенъ», «оковы на ногахъ *Вельзевула* скипѣлись и держали его ноги. Онъ хотѣлъ подняться на крыльяхъ, но не могъ расправить ихъ. И Вельзевулъ видѣлъ, какъ Христосъ въ свѣтломъ сіяніи остановился въ вратахъ ада, видѣлъ, какъ грѣшники *отъ Адама до Іуды* вышли изъ ада, видѣлъ, какъ разбѣжались всѣ дьяволы, видѣлъ, какъ самыя стѣны ада беззвучно распались на всѣ четыре стороны»... Чрезъ 100 лѣтъ, 200, 300 *дьяволы* докладываютъ Вельзевулу, что *адъ* возстановленъ ихъ хитростью—чрезъ «выдуманную» ими (начиная съ поддержанія споровъ объ обрѣзаніи и ядѣніи идоложертвеннаго) Церковь со всѣми ея установленіями, государ-

ство, науку и культуру. Упоминаютъ при этомъ дьяволы и о «прежнемъ, употребленномъ въ раю способѣ — запрещеннаго плода и любопытства» и т. п. Спросимъ же теперь Толстого, вѣритъ ли онъ въ *реальное бытіе* Вельзевула и дьяволовъ? Вѣритъ ли онъ въ *адъ?* Нѣтъ, не вѣритъ онъ въ это. Вѣритъ ли въ *искупительную* для всего міра голгоѳскую *жертву* Христа, заслугами которой выведены изъ ада «грѣшники отъ *Адама до Іуды*»? Нѣтъ. По его ученію: спасается, т. е. мирно и счастливо живетъ на *землѣ* (загробной сознательной жизни Толстой не признаетъ) только тотъ, кто усвоилъ себѣ слово Христа изъ толстовскаго «евангелія», а искупительная смерть Христова для *всего* міра, въ силу которой спаслось для вѣчной жизни въ духѣ и плоти за гробомъ все, до и послѣ Христа, человѣчество, по Толстому,— «вредная сказка» (см. «Обращеніе къ духовенству»). Вѣритъ ли Толстой въ *рай* съ его «запрещеннымъ плодомъ»? И въ это нѣтъ. По «Обращенію къ духовенству»— это—«сказка». Не вѣритъ онъ и во многое другое, что преподноситъ онъ въ своей богохульной брошюркѣ простому народу. Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ соблазнъ «малыхъ сихъ»? А вѣдь художественная легенда можетъ «запечатлѣться въ душѣ ихъ»?.. Если же въ отмѣченномъ нами (адъ, рай, загробная жизнь, искупительная жертва Христа, реальное бытіе духовъ злобы)— только «образы» художника и, по разуму писателя, только поэтическая *ложь*, хотя это—истина, то въ словахъ Вельзевула и дьяволовъ, которыхъ заставляетъ въ легендѣ повторять свое ученіе, какъ *правду*, ихъ яснополянскій единомышленникъ, уже ложь дѣйствительная, вполнѣ достойная «отца лжи».

VIII.

„Я боялся, какъ бы люди не увидали слишкомъ очевиднаго обмана и тогда я выдумалъ „Церковь“, говоритъ толстовскій дьяволъ, и когда они повѣрили въ Церковь, я успокоился: я понялъ, что мы спасены, и *адъ возстановленъ*“. Не удивляемся мы словамъ дьявола, ибо онъ „ложь бѣ искони“! Мы помнимъ слова самой Истины: „Я создамъ Церковь Мою и врата ада не одолѣютъ ея“ и „если Церкви не послушаетъ (братъ твой), то да будетъ онъ тебѣ, какъ язычникъ и мытарь“ (Мѳ. 16, 18; 18, 17).

Итакъ, „отойди отъ насъ, сатана“! Если ты и выдумалъ „церковь“, то только—„лукавнующихъ“, а не Христову, съ которой и Самъ Создатель ея и Духъ Истины пребудутъ «до скончанія вѣка» и которой „вратамъ ада не одолѣть“!

„Люди увѣряютъ себя и другихъ, продолжаетъ дьяволъ, что Учитель ихъ, Богъ, во избѣжаніе того, чтобы открытый Имъ людямъ законъ не былъ ложно перетолкованъ, избралъ особыхъ людей, которые одни или тѣ, кому они передадутъ эту власть, могутъ правильно толковать Его ученіе“.

Знаетъ дьяволъ, но скрываетъ слова Христовы: „*вамъ* (апостоламъ) дано знать тайны царствія небеснаго, а имъ (народу) не дано“ (Мѳ. 13, 11), извѣстно ему и то, что Христосъ для проповѣди „*призвалъ 12 учениковъ* Своихъ... *сихъ* послалъ... *избралъ* Господь и другихъ 70 учениковъ и *послалъ ихъ*“ (Мѳ. X, Лк. X.),—что ученики Христовы и апостолы, зная единаго Пастыреначальника, знали и *пастырей*, которымъ поручали „пасти стадо Божіе (Петра 5, 1—2), и коимъ должны были „повиноваться младшіе“ (—5) и—въ самыя первыя времена Церкви Христовой не „всѣ были учители, не всѣ пастыри“ (1 Кор. 12, 28—26; Еф. 4, 11). „Свидѣтели страданій Христовыхъ“ увѣщевали всѣхъ: „облекитесь *смиренномудріемъ*, потому что Богъ *гордымъ* противится“ (1 Петр. 5, 5—6). И если дьяволъ затѣмъ говоритъ, что „люди, получивъ власть (пастыре-учительскую), возгордились... и вызвали противъ себя вражду людей“, то опять говоритъ ложь, клевеща на *всѣхъ* пастыре-учителей Церкви Христовой. Вспомни, православный читатель, своихъ пастыре-учителей: святыхъ апостоловъ, мужей и учениковъ апостольскихъ: Игнатія Богоносца, Поликарпа Смирнскаго, вспомни священномученика Кипріана и др. пастыре-учителей Церкви... Коснулся-ли ихъ грѣхъ гордости? Презирали они этотъ грѣхъ и подъ мечемъ палача, ненавидѣли его и отдаваясь на растерзанія львовъ и тигровъ, чисты были отъ него и при крестномъ распятіи. И паства, «повиновавшаяся» имъ, благоговѣйно лобзала ихъ святые мученическіе останки, нерѣдко—кости, оглоданныя звѣрями... Кто обличитъ во грѣхѣ и гордости такихъ пастыре-учителей церковныхъ? Чей языкъ повернется сказать, что они были гордецы, возбуждавшіе къ себѣ

вражду паствы! Да,—только дьявольскій. „Гордыхъ“ пастыре-учителей, приносившихъ въ среду вѣрующихъ вражду, Церковь имѣла заповѣдь—„изъять, какъ злаго“ изъ ограды своей. И теперь имъ нѣтъ мѣста въ „дому Божіемъ“; они—или еретики или раскольники для Христовой Церкви.

Далѣе, въ толстовской легендѣ Вельзевулъ и дьяволъ въ пелеринкѣ искушаютъ Церковь Божію точно такъ же, какъ искушаемъ былъ и Христосъ въ пустынѣ. «И приступилъ къ Нему (Христу) искуситель и сказалъ: если Ты Сынъ Божій, скажи, чтобы камни сіи сдѣлались хлѣбами... Если Ты Сынъ Божій, бросься внизъ, ибо написано: ангеламъ Своимъ заповѣдаетъ о Тебѣ, и на рукахъ понесутъ Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею“ (Мѳ. 4, 1—10). Замѣть, православный христіанинъ, что дьяволъ, искушая Христа, ссылался на слова Писанія. *Ложь* прикрывается *буквой* «написаннаго»,—человѣкоубійственный ядъ подслащается... Также искушаетъ твою вѣру во святую Церковь Христову и Толстой словами Вельзевула и дьявола въ пелеринкѣ въ своей легендѣ. Толстой богохульно внушаетъ, что наша св. Церковь одолѣна силами ада и перестала быть Христовой,—и по примѣру искусителя, посрамленнаго Христомъ въ пустынѣ, говоритъ для прикрытія своей лжи: «писано бо есть»... Какимъ же евангельскимъ писаніемъ искушаетъ онъ насъ?

„Но вѣдь ученіе (Христа) было такъ просто и ясно,—сказалъ Вельзевулъ,—что нельзя было перетолковать. Поступай съ другими, какъ хочешь, чтобы поступали съ тобой“. Да, св. Церковь и до сихъ поръ содержитъ эту „простую и ясную истину“, и ложь говоритъ дьяволъ, будто бы Церковь, „по его совѣту“, „засыпала эту истину кучею мнимыхъ священныхъ истинъ“, признавъ священнымъ изложеніемъ закона Бога 49 (?) книгъ и всякое слово въ этихъ книгахъ—произведеніемъ Бога, Святаго Духа“. И во множествѣ священныхъ истинъ, признанныхъ Церковью не „по совѣту дьявола“, а наставленіемъ Духа Истины (см. выше), св. Церковь всегда проповѣдывала и проповѣдуетъ любовь къ ближнему—и даже врагу. И истинные ея сыны проявляютъ и нынѣ чудное послушаніе этой проповѣди, хотя и въ менѣе совершенныхъ своихъ братій „не бросаютъ камень“. Если же государства и общества

и не „вмѣстили" пока слова Церкви, чающей и молящейся о „мирѣ всего міра" и соединеніи святыхъ Божіихъ Церквей, то не ея тутъ вина: она, какъ и ея Основоположникъ, знаетъ „Божіе и кесарево", сознаетъ и то, что „не вси вмѣщаютъ словесе сего"... «Поступай съ другими, какъ хочешь, чтобы поступали съ тобой»— этому она и нынѣ учитъ и учитъ, освѣщая эту истину свѣтомъ любви христіанской, и христіанской *вѣры*. Внѣ же такого освѣщенія приведенное наставленіе можетъ быть и очень неопредѣленнымъ... Толстой, напр., недавно высказался, что онъ „старался изо всѣхъ силъ *быть повѣшеннымъ*, такъ какъ это—«*наилучшій* конецъ для человѣка» [1]). Такъ ужели же поэтому онъ сдѣлаетъ христіанское дѣло, если *самъ* кого-нибудь повѣситъ въ Ясной Полянѣ?

«Сказано въ Писаніи, продолжаетъ дьяволъ,—одинъ Учитель у васъ Христосъ, и отцомъ себѣ не называйте никого на землѣ, ибо одинъ у васъ Отецъ, Который на небесахъ. И неназывайтесь наставниками, ибо одинъ у васъ Наставникъ—Христосъ. А они (церковные пастыре-учители) говорятъ, мы *одни* отцы и мы *одни* наставники людей». Дьяволъ, какъ *клеветникъ*, и тутъ явилъ себя; когда же и гдѣ же церковные пастыри говорили: «мы *одни* отцы, мы *одни* наставники»? Клевета! Если же церковные пастыре-наставники, зная Единаго Отца на небесахъ и Единаго Наставника Христа, и сами именуются отцами и наставниками,—такъ это потому, что вѣдомо имъ, что и Христосъ послалъ апостоловъ, какъ „соработниковъ у Бога» (1 Кор. 3. 5, 9), «учить» (Мѳ. 28, 19) и пасти овецъ Его (Іоан. 21, 15—17), и апостолы, „*рождая* благовѣствованіемъ *чадъ*", поставляли „пастырей"—«*учить*» (1 Тим. 4, 11) и „пасти Церковь" (Дѣян. 20 28), которые въ свою очередь „*рождали* бы благовѣствованіемъ и т. д. Ужели апостолы, слышавшіе непосредственно отъ *Единаго Наставника* объ *Единомъ Отцѣ*, такъ плохо поняли своего Учителя, что писали христіанамъ: «дѣти *мои*! сіе пишу... имѣемъ ходатая предъ *Отцомъ* Іисуса Христа праведника... пишу вамъ, *дѣти*... пишу вамъ *отцы*... пишу вамъ, отроки, потому что вы познали *Отца*...» (1 Іоан. 2, 1—14)... «вразумляю васъ, какъ возлюбленныхъ *дѣ-*

---

[1]) См. „Мисс. Обозр." 1903 г. № 19. стр. 1193.

тей своихъ, ибо хотя у васъ тысячи *наставниковъ* во Христѣ, но не *много отцовъ*; я *родилъ* васъ во Христѣ Іисусѣ благовѣствованіемъ»... «для сего я послалъ къ вамъ Тимофея, *моего* возлюбленнаго и вѣрнаго въ Господѣ *сына*, который *напомнитъ* вамъ... какъ я *учу* вездѣ во всякой Церкви» (1 Кор. 4, 14—17)... «поминайте *наставниковъ* вашихъ, которые проповѣдывали вамъ слово Божіе» (Евр. 13, 7 и мн. др.)? И то, что сказано Христомъ противъ тщеславія фарисеевъ, никакъ не можетъ быть основаніемъ анархизма... Да не признаетъ-ли и самъ Толстой *наставниковъ*? Отъ кого онъ узналъ о Христѣ и Его ученіи, какъ не отъ *тѣхъ*, кого послалъ Христосъ «*научить* вся языки» и кто, исполняя эту заповѣдь Единаго Наставника, написалъ святое *Евангеліе*?

«Или сказано, говоритъ дьяволъ,—если хочешь молиться, то молись одинъ втайнѣ, и Богъ услышитъ тебя,—а они учатъ, что надо молиться въ храмахъ всѣмъ вмѣстѣ». Да, молясь «втайнѣ», молимся мы и во храмахъ, ибо «сказано также: принеси даръ твой... къ жертвеннику» (Мѳ. 5, 23—24), «домъ Мой *домомъ молитвы* наречется» (—21, 13), апостолы «пребывали всегда въ *храмѣ*, прославляя и благословляя Бога» (Лк. 24, 53; ср. Дѣян. 2, 46—47), «Петръ и Іоаннъ шли вмѣстѣ въ *храмъ* въ часъ *молитвы* девятый» (Дѣян. 3, 1), Павелъ «возвратился во Іерусалимъ и *молился* въ храмѣ» (—22, 17).

«Или сказано: не клянитесь никакъ», искушаетъ насъ дьяволъ. Но сказано и «клялся Господь и не раскается» (Пс. 109, 4)... «Богъ съ клятвою обѣщалъ»... (Дѣян. 2, 30); на первосвященническое заклинаніе Богомъ Живымъ Іисусъ Христосъ отвѣтилъ (клятвеннымъ)—«ты сказалъ». И въ Церкви Христовой, *пока члены ея не достигли христіанскаго совершенства*, при которомъ нѣтъ мѣста клятвѣ, «люди клянутся высшимъ, и клятва во удостовѣреніе оканчиваетъ всякій споръ ихъ» (Евр. 6, 16). «Или сказано», продолжаетъ дьяволъ, «не убій. А они учатъ, что можно и должно убивать на войнѣ и по суду»...—Но когда Церковь объявляла войну и кого осуждала на смерть? Война и судъ не отъ нея. А пока не пришелъ еще вожделѣнный для нея «миръ міра», она не можетъ сказать воину—«брось оружіе» и «кесареву» судьѣ—«не суди», какъ не сказано того и въ Евангеліи.

«Приходитъ Іоаннъ Креститель, писано въ Евангеліи... и говоритъ покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное, и спрашивалъ его народъ: что же намъ дѣлать? Пришли и мытари креститься и сказали ему: учитель, что намъ дѣлать? Онъ отвѣчалъ имъ: ничего не требуйте болѣе опредѣленнаго вамъ. Спрашивали его также и *воины:* а намъ что дѣлать? И сказалъ имъ: никого не обижайте, не клевещите, но довольствуйтесь своимъ жалованьемъ» (Мѳ. 3, 1—2; Лк. 3, 10—14), но не сказалъ имъ: бросьте оружіе и не будьте воинами.

«Или еще сказано», показываетъ дьяволъ: «ученіе мое духъ и жизнь, питайтесь имъ, какъ хлѣбомъ»... А *они* учатъ тому, что если положить кусочки хлѣба въ вино и сказать надъ этими кусочками извѣстныя слова, то хлѣбъ дѣлается тѣломъ, а вино кровью, и что ѣсть этотъ хлѣбъ и пить это вино очень полезно для спасенія души». Не мы этому учимъ, а училъ о томъ Самъ Христосъ, ибо сказано: «Хлѣбъ, который Я *дамъ*, есть Плоть Моя... Ядущій Мою Плоть и піющій Мою Кровь имѣетъ жизнь вѣчную... во Мнѣ пребываетъ, и Я въ немъ» (Іоан. 6, 48—56), такъ обѣщалъ Христосъ дать Себя въ евхаристическую снѣдь для жизни вѣчной ученикамъ Своимъ и всей Своей церкви. И рѣчь тутъ не объ *ученіи*, которое Христосъ всегда давалъ и о которомъ не могъ сказать *дамъ* (будущее время), и не о *простомъ* хлѣбѣ, который „ѣдятъ и умираютъ“ (—49). Нѣтъ! Тутъ рѣчь о причастіи Жизни,—чрезъ которое *Сущій* входитъ въ насъ и смертное пріобщаетъ къ безсмертному. Или: „Іисусъ взялъ *хлѣбъ* и благословивъ преломилъ и, раздавая ученикамъ, сказалъ: пріимите, ядите, *сіе* есть *Тѣло* Мое. И взявъ чашу (съ виномъ), и благодаривъ, подалъ имъ и сказалъ: пейте изъ нея всѣ, ибо *сіе* есть *Кровь* Моя новаго завѣта, за многихъ изливаемая, во оставленіе грѣховъ... сіе творите въ Мое воспоминаніе“ (Мѳ. 26; Мр. 14; Лук. 22). И, о, Боже долготерпѣливый и многомилостивый, Толстой, вмѣстѣ съ адской нечестью, богохульно смѣется надъ симъ страшнымъ Таинствомъ!..

IX.

Обнять въ краткомъ откликѣ и показать въ немъ всю ложь толстовскаго „Разрушенія и возстановленія ада“, гдѣ, помимо Церкви, дьявольски осмѣиваются и

государство, и наука, и культура, трудно. Вѣрующему тяжко мириться съ мыслію, чтобы столь богохульная неправда на Христову Церковь, художественно представленная въ „Разрушеніи и возстановленіи ада“, принадлежала перу „великаго писателя земли русской“; хочется думать и вѣрить, что эта новая хула на Духа Святаго—плодъ *діавольскаго навожденія.* Для вѣрующаго это и понятно, и вмѣстимо.

Припомните слова, напечатанныя въ нашемъ журналѣ (въ 1902 г.) вѣрующаго «друга дѣтства» Льва Николаевича,—лица ему слишкомъ близкаго: «Съ нѣкотораго времени» Левъ Ник. сталъ прямо *двойственнымъ* человѣкомъ: то онъ тотъ *подлинный* Левушка, какимъ всѣ его знаютъ по „Отрочеству и дѣтству“, — добрый, любящій, милый, мягкій, то вдругъ станетъ какой-то *иной*, точно *подмѣненный*, суровый, мрачный отрицатель и ненавистникъ... И тогда чувствуешь и ему говоришь: это не твои рѣчи, Левушка, это за твоей спиной стоитъ «невидимка съ рожками», онъ нашептываетъ тебѣ»...

И вотъ вѣрующему читателю брошюра «Разрушеніе и возстановленіе ада» представляется какъ *будто неоконченной*, дьявольскія рѣчи недосказанными и на послѣднюю страницу ея просится еще одно дѣйствующее лицо,—это тотъ самый «невидимка съ рожками»...

— Надѣемся, что не оскорбимъ ни «великаго писателя», ни почитателей его, если «невидимку» того поищемъ въ компаніи выведенныхъ Львомъ Николаевичемъ бѣсовъ и заставимъ его повѣдать о «яснополянскихъ навожденіяхъ». Вотъ онъ:

Когда дьяволы толпились вокругъ Вельзевула и наперебой лѣзли докладывать своему повелителю о радостныхъ для него дѣлахъ на землѣ, одинъ хмурый дьяволъ, съ огромными лапами, хвостомъ и пастью льва, съ нависшими бровями и большой всклокоченной сѣдой бородой, въ блузѣ, подпоясанной обрывкомъ, сидѣлъ поодаль, отъ времени до времени посапывая и выпуская страшные когти. За визгомъ и пискомъ другихъ дьяволовъ, Вельзевулъ не примѣчалъ его. Докладъ дьяволы кончили. Вельзевулъ пляшетъ въ ихъ кругу и, довольный тѣмъ, что „адъ возстановленъ“, еще разъ благодаритъ своихъ клевретовъ и готовъ былъ закончить адское сходбище.

Дьяволъ въ блузѣ не выдержалъ; невниманіе къ нему Вельзевула раздражало его и онъ во всю свою львиную пасть рыкнулъ.

Дьяволы присѣли. И Вельзевулъ съ изумленіемъ смотритъ чрезъ рога присѣвшихъ.

— Ты кто?—строго спрашиваетъ Вельзевулъ.

Львообразный дьяволъ въ блузѣ продолжаетъ рыкать отъ волненія.

— Смолкни и докладывай о дѣлѣ,—рычалъ Вельзевулъ,—ты уже старъ и долженъ понимать порядокъ. Кто ты и что сдѣлалъ, говори?

Дьяволъ понижаетъ тонъ рыканія и приближается къ Вельзевулу, другіе дьяволы даютъ ему дорогу, жмутся и конфузятся.

— Отецъ и повелитель,—началъ дьяволъ въ блузѣ,— мои братья хвалятся не своимъ дѣломъ, и притомъ не тѣмъ, что *уже есть*, но тѣмъ, что только по-нашему *можетъ быть*. Они подсмотрѣли мои дѣла, подслушали мои внушенія людямъ, перехватили это и поспѣшили первыми похвастаться тебѣ...

— Къ дѣлу, къ дѣлу,—строго перебилъ Вельзевулъ этого дьявола, предчувствуя что-то неладное.

— Я,—продолжаетъ дьяволъ, переминаясь на львиныхъ лапахъ и важно водя хвостомъ,—работаю въ извѣстной тебѣ Ясной Полянѣ и занимаюсь однимъ человѣкомъ; его называютъ на землѣ «вашимъ сіятельствомъ»,— онъ бывшій христіанинъ Левъ Толстой.

— Топчишься съ сѣдой бородой-то въ одномъ мѣстѣ и занимаешься только однимъ человѣкомъ, — злобно сверкнулъ огненными глазами Вельзевулъ и крякнулъ такъ, что всѣ дьяволы присѣли еще ниже.

— Не сердись, повелитель, но вникни,—оправдывается дьяволъ,—не первый годъ я на землѣ: я искушалъ жену Іова, я бесѣдовалъ со Христомъ въ пустынѣ, я топилъ гадаринскихъ свиней въ озерѣ, когда Сынъ Божій изгналъ меня изъ бѣсноватаго...

— А... помню, помню,—но всѣ твои старанія были неудачны, и ничего ты путнаго не сдѣлалъ,—прорычалъ Вельзевулъ.

— Это ужъ не отъ меня,—а старался я изо всѣхъ силъ и теперь стараюсь,—сказалъ хмурый дьяволъ.

— Въ одномъ-то селѣ и надъ однимъ-то человѣкомъ стараешься,—оскалилъ желѣзные зубы Вельзевулъ.

— Выслушай, повелитель,—докладываетъ дьяволъ:—

нами издавна заведенъ на землѣ такой порядокъ: если человѣкъ пріобрѣлъ себѣ большую извѣстность, если онъ чаруетъ людей своей особой, — кто бы онъ при этомъ ни былъ — босякъ-ли или графъ, то какую-бы потомъ глупость и ложь ни сказалъ человѣкъ тотъ, ему вѣрятъ, ему рукоплещутъ, за нимъ слѣдуютъ, хотя бы, по его неопытности въ нашемъ дѣлѣ, онъ противорѣчилъ себѣ каждый часъ и самъ не понималъ того, что онъ говоритъ и что дѣлаетъ. Вотъ я и нашелъ такого нужнаго мнѣ посредника. Это тотъ графъ. Его узналъ весь міръ и считаетъ всякое его слово истиной. Я и налегъ на него. Сидитъ онъ за столомъ съ палочкой въ рукѣ, помачиваетъ ее въ черной жидкости и наводитъ на бѣлую бумагу; а я внушаю ему, что на бумагѣ той выводить надо, и онъ выводитъ.

— Скорѣе и короче, и пора всѣмъ на землю, чтобы не случилось тамъ для насъ какой непріятности,— прорычалъ сквозь оскаленные зубы Вельзевулъ.—Что, по твоему внушенію, полезнаго для насъ вывелъ на бумагѣ тотъ человѣкъ?

— Прежде всего я внушилъ ему, по старой памяти, со ссылками на буквы писанія и законы такъ называемаго разума, самое упорное невѣріе въ ту, признаваемую и тобою, повелитель, истину, что Христосъ есть Сынъ Божій, что искупленіе на спасительной для людей Голгоѳѣ — сказка, какъ равно и столь хорошо извѣстныя тебѣ и мнѣ чудеса Христа и Его ученіе о величайшихъ тайнахъ: Троицы, причастіи и др., что описаніе о Христѣ Его учениковъ—не Божіи слова и что ихъ можно передѣлать по-своему и онъ, яснополянскій мой писарь, написалъ *особое евангеліе.* Затѣмъ онъ сталъ писать подъ мою диктовку, что Церковь съ ея отцами и наставниками и тайнами не отъ Христа, а отъ насъ; что въ евхаристіи ѣсть кусочки хлѣба съ виномъ и думать, что это необходимо для спасенія души, смѣшно; что считать настоящимъ бракомъ то, что люди нарядятся въ самыя лучшія одежды, пойдутъ въ большое устроенное для этого зданіе и тамъ, надѣвши на головы особенныя приготовленныя для этого шапки, т. е. церковные вѣнцы, подъ звуки разныхъ пѣсенъ обойдутъ три раза вокругъ столика, безсмысленно; а этому, внушаю ему, церковь и учитъ и т. п.

— Ты повторяешь то, что я уже слышалъ.

Вельзевулъ отыскиваетъ глазами дьявола въ пелеринкѣ. Тотъ молча ежится и виновато виляетъ хвостомъ.

— Скоро все узнаешь, повелитель; я внушаю далѣе тому человѣку писать, что противно словамъ Христа признавать „отцовъ и наставниковъ", молиться въ „храмахъ", клясться и пр., о чемъ твоему вельзевульству уже доложено другими.

— Но, вѣдь, ты внушаешь ему одни *слова* Сына Божія и въ таинствахъ показываешь одну *внѣшность*, за которою скрывается страшное для насъ внутреннее дѣло,—возрождающей и освящающей людей благодати Божіей. Какъ же онъ не догадается, что ты его обманываешь, что смыслъ Христовыхъ словъ и дѣло церковныхъ таинствъ не въ нашу пользу, — а чрезъ Церковь и таинства люди могутъ навѣки войти во Христа, сдѣлаться единымъ съ Нимъ и можетъ случиться, что въ адѣ останемся мы одни,—фыркнулъ Вельзевулъ.

— Не сердись, повелитель,—возражаетъ дьяволъ, почесавъ когтемъ верхнюю губу,—надъ смысломъ Христовыхъ словъ и глубокимъ существомъ таинствъ я ему не даю подумать: я скажу ему два-три слова Христовы, покажу ему только *обрядъ* таинства и *сейчасъ же* перевожу его мысль на убійства, блудъ, грабежи, ссоры и прочія любезныя намъ дѣла земли, а онъ думаетъ и пишетъ, что виною всего этого Церковь, ея таинства, ученіе о власти и пр., хотя они тутъ и не при чемъ и противъ всего этого, а я только напираю на то, что блудники, убійцы, грабители и пр. и пр. принимали участіе въ церковныхъ тайнахъ и были церковными людьми, хотя не напоминаю графу о томъ, что эти люди не слушаютъ Церкви, а внѣшне и недостойно принимаютъ ея тайны и давно невидимымъ судомъ Божіимъ отсѣчены отъ Церкви.

— Кончай скорѣе,—рявкнулъ Вельзевулъ, недовольный, такъ какъ понималъ, что особенныхъ плодовъ отъ яснополянскаго дѣла нельзя ожидать.—Говори, гдѣ же твой успѣхъ и твое послѣднее дѣло?

— Потерпи, отецъ,—рычитъ хмурый,—я внушаю еще тому человѣку, что государство, власть и наука *отъ насъ*, что всѣ земныя новинки: техническія усовершенствованія, пути сообщенія, книгопечатаніе, медицина и пр. и пр. нами завѣдуются, и не отъ Бога они. Я думаю этимъ одичить людей, влѣпить ихъ, какъ комы грязи, въ землю.

а тогда ужъ, при безначаліи, они у тебя, „князя міра“, въ въ полной власти и отъ насъ не уйдутъ. Только я хотѣлъ бы попросить совѣта отеческаго твоего, что дѣлать мнѣ съ яснополянскимъ кумиромъ людей, который уже много написалъ о томъ, что я ему внушилъ. Люди ему вѣрятъ, но начинаютъ соблазняться его поведеніемъ. Онъ увѣряетъ по моему указу людей, что отъ насъ книгопечатаніе, а самъ печатаетъ свои или, вѣрнѣе, мои писанія, — отъ насъ медицина, а самъ лечится, отъ насъ пути сообщенія, а самъ ѣздитъ по желѣзной дорогѣ, отъ насъ техническія усовершенствованія, а самъ катается на велосипедѣ и т. п. Намъ полезно, чтобы люди повѣрили его писаніямъ, но если онъ не поступаетъ по этимъ писаніямъ, люди могутъ и уже начинаютъ колебаться и въ довѣріи къ его словамъ о Христѣ и Церкви.

— За совѣтами приходи особо; надо подумать и разобраться, —грозно сказалъ Вельзевулъ.—Говори, въ чемъ твое послѣднее дѣло?

— Мое послѣднее дѣло,—обвелъ глазами хмурый дьяволъ прежнихъ докладчиковъ и потомъ уставился на Вельзевула,—мое послѣднее дѣло въ томъ, что тотъ человѣкъ—графъ по моему внушенію *только недавно написалъ* о томъ, что сейчасъ докладывали тебѣ мои собратья, а на самомъ дѣлѣ этого еще *нѣтъ*, и что изъ этого писанія выйдетъ, пока не знаю; я старъ и опытенъ и за успѣхъ не ручаюсь.

— Какъ? Значитъ адъ еще не возстановленъ?—заревѣлъ Вельзевулъ во все горло.

Ревъ страшнымъ эхомъ покатился по адскимъ развалинамъ; дьяволы затряслись и заползали, кружась по адскому дну.

— Нѣтъ, повелитель!—сказалъ хмурый дьяволъ, насупивъ брови и запустивъ страшные когти въ адское дно,—уже прошло не 100, 200, 300 лѣтъ послѣ разрушенія ада, когда еще не было того, о чемъ наговорили тебѣ предъ этимъ: о разныхъ техническихъ усовершенствованіяхъ, книгопечатаніи, искусствѣ, культурѣ и пр., а вотъ уже кончается вторая тысяча лѣтъ, и Церкви Сына Божія никакъ не можемъ одолѣть. Мы воздвигали жесточайшихъ гонителей на Церковь, вѣшали христіанъ на крестахъ, бросали на растерзаніе звѣрямъ, жгли ихъ, топили. воздвигали ереси, раско-

лы, прельщали прелестями міра; и все же пока безсильны... Оглянись самъ... гдѣ врата ада, гдѣ его стѣны и почему ноги твои еще въ оковахъ?..

Вельзевулъ проснулся и увидѣлъ, что адъ попрежнему разрушенъ. Онъ хотѣлъ взмахнуть крыльями, но только вздрогнулъ и крыльевъ не расправилъ. Оковы звякнули на его лапахъ, изъ пасти его вылетѣлъ клубъ дыма съ пламенемъ. Заскрежеталъ онъ зубами, поджалъ крылья, задѣлъ хвостъ подъ оковы на лапахъ и растянулся на адскомъ днѣ. Дьяволы всполошились и поползли во всѣ стороны. И лежитъ Вельзевулъ скованный среди развалинъ ада, страшно стонетъ, скрежещетъ зубами и грызетъ и лапы свои и оковы на нихъ. Все, что онъ слышалъ пріятнаго для себя, было его сновидѣніемъ...

Вверху же слышалось: „созижду Церковь Мою и врата адова не одолѣютъ ей“, „гдѣ ти, смерте, жало, гдѣ ти, адо, побѣда“!

Такъ, читатель, въ представленіи нашемъ должна бы закончиться легенда Толстого.

Да,—православный христіанинъ, „дніе—лукави“; „начатокъ вѣры съ концемъ согласуется“,—съ каждымъ днемъ попускаетъ Богъ испытаніе твоей святой вѣры. И вотъ Левъ Толстой „пустилъ изъ пасти своей вслѣдъ жены (Церкви) воду, какъ рѣку... и разсвирѣпѣлъ на жену, и пошелъ, чтобы вступить въ брань съ прочими отъ сѣмени ея, сохранившими заповѣди Божіи и имѣющими свидѣтельство Іисуса Христа“ (Апок. 12, 13—17). Да избавитъ же тебя Господь „изъ *львиныхъ* челюстей“ (2 Тим. 4. 17); „Господь знаетъ умствованія мудрецовъ, что они суетны“ (1 Кор. 3, 20; Пс. 93, 11); пребывай въ томъ, чему наученъ,.. зная, кѣмъ ты наученъ“ (2 Тим. 3. 14), „отвращаясь негоднаго пустословія и прекословій лжеименнаго знанія, которому предавшись, нѣкоторые уклонились отъ вѣры“ (1 Тим. 6, 20—21). Православные братіе, молитесь, да обратитъ Господь Льва отступника „къ свѣту заповѣдей Своихъ“, а наше помышленіе утвердитъ—„на недвижимомъ ихъ камени“.

Н. Гринякинъ.

СПРАВКА

по поводу третьяго печатнаго заявленія изъ семьи Толстыхъ.

Читатели помнятъ, конечно, заявленіе графини С. А. Толстой, супруги Льва Николаевича, въ письмѣ отъ 26 февр. 1901 г. на имя высокопреосвященнаго митрополита Антонія, гдѣ она говоритъ, что для отпѣванія своего мужа въ Церкви и молитвъ найдетъ „или порядочнаго священника, который не побоится людей предъ настоящимъ (?) Богомъ любви, или непорядочнаго, котораго она подкупитъ (!) большими деньгами".

Самъ же графъ въ своемъ „Отвѣтѣ" Св. Синоду, отъ 4 апрѣля, заявляетъ совсѣмъ другое: „я написалъ въ завѣщаніи своимъ близкимъ, чтобы они, когда я буду умирать, не допускали ко мнѣ церковныхъ служителей и мертвое мое тѣло убрали бы поскорѣе, безъ всякихъ надъ нимъ заклинаній и молитвъ".

Тутъ супруги Толстые явно противорѣчатъ въ своихъ заявленіяхъ. Графиня ли не знала воли своего супруга о погребеніи безъ церковно-служителей, когда писала свое письмо владыкѣ митрополиту, или графъ написалъ это завѣщаніе уже послѣ ея письма? Или же одинъ изъ супруговъ просто сказалъ неправду?

Но вотъ въ печати появилось третье заявленіе изъ семьи Толстыхъ, которое вызываетъ еще большее недоумѣніе и прямо недовѣріе къ сообщаемымъ въ ней обстоятельствамъ дѣла.

Въ 231 № „Новостей" сынъ Льва Николаевича, гр. Сергѣй Толстой, пытается доказать, что графъ В. Бобринскій, въ извѣстномъ нашимъ читателямъ письмѣ на имя высокопреосвященнаго Антонія, митрополита петербургскаго „категорически, но голословно утверждаетъ то, чего не было",—т. е. что будто бы Левъ Николаевичъ не говорилъ тѣхъ словъ по поводу бесѣдъ съ нимъ тюремнаго священника, какія лично слышалъ отъ него гр. Бобринскій: „удовольствіе (отъ бесѣдъ графа съ священникомъ тюремнымъ) отравляется сознаніемъ, что онъ присылается нашимъ архіереемъ для моего увѣщанія".

«Дѣло въ томъ (пишетъ графъ Сергѣй Толстой въ «Новостяхъ»),—что гр. Бобринскій не одинъ слышалъ годъ тому

назадъ слова, сказанныя Львомъ Николаевичемъ о тюремномъ священникѣ. При этомъ присутствовалъ мой пріятель и въ то же время пріятель гр. Бобринскаго,—г. Шарль Саломонъ, французъ, хорошо говорящій по русски.

Вотъ письмо, которое я недавно получилъ отъ него:

«Дорогой другъ.

Вотъ то мѣсто изъ письма моего къ Владиміру Бобринскому, которое васъ интересуетъ. Я ему сказалъ, что я собираюсь сообщить его вамъ. И вы съ нимъ можете дѣлать, что хотите:

«Дорогой Владиміръ, я нахожусь въ Ясной Полянѣ и естественно я здѣсь слышалъ о письмѣ, которое ты написалъ митрополиту; мнѣ дали его прочесть. Я его прочелъ и не могу не выразить тебѣ моего сожалѣнія о томъ, что ты напечаталъ его, а особенно о томъ, что ты его написалъ.

Я присутствовалъ въ прошломъ году при томъ разговорѣ твоемъ съ Л. Н., которымъ въ настоящее время хотятъ (?) воспользоваться, какъ оружіемъ (!) противъ него.

И если я не могу воспроизвести тѣ самыя слова, которыя сказалъ онъ, я, однако, въ случаѣ надобности могу утверждать, по меньшей мѣрѣ, то, что память тебѣ измѣнила, и что графъ при насъ не говорилъ, что онъ *знаетъ*, что священникъ былъ посылаемъ для увѣщеванія. Онъ высказывался неопредѣленно, и теперь, по прошествіи года, стараясь возстановить ту фразу, о которой идетъ рѣчь, я могъ бы ее выразить въ слѣдующихъ словахъ: «Тюремный священникъ иногда пріѣзжаетъ видѣться со мной. Зачѣмъ онъ пріѣзжаетъ? Не присылаютъ ли его ко мнѣ»?. Прежде, чѣмъ написать твое письмо, тебѣ бы слѣдовало черезъ посредничество Сергѣя Т. добиться объясненія кажущагося тебѣ противорѣчія.

И тогда ты бы этого письма не писалъ. Я слишкомъ тебѣ другъ, чтобы не высказать то, что думаю, и за это ты на меня не посѣтуешь.

Я сообщаю Сергѣю Т. это письмо и пр., и пр.

Шарль Саломонъ.

Вышеизложенное письмо достаточно освѣщаетъ сообщеніе графа Бобринскаго.

Однако, я не могу умолчать еще объ одномъ обстоятельствѣ, графу Бобринскому едва ли извѣстномъ. 28 іюня сего года тюремный священникъ вновь посѣтилъ Льва Николаевича, до котораго въ это время уже дошелъ слухъ объ увѣщательной миссіи этого священника. Чувствуя себя въ то время больнымъ, Л. Н., тѣмъ не менѣе, принялъ его и прямо спросилъ, правда ли, что онъ присылается для его увѣщанія. На это тюремный священникъ категорически (?) отвѣтилъ, что онъ никѣмъ присылаемъ не былъ, а пріѣзжаетъ просто

потому, что ему интересно бываетъ бесѣдовать. Этотъ разговоръ слышали всѣ присутствовавшіе.

Итакъ, какъ оказывается, утвержденіе гр. Бобринскаго, что Л. Н. Толстой былъ увѣщеваемъ тюремнымъ священникомъ, отрицается какъ увѣщеваемымъ, такъ и увѣщателемъ. Единственное доказательство—показаніе гр. Бобринскаго о сознаніи самого увѣщеваемаго—опровергается показаніемъ г. Шарля Саломона.

Предоставляю всякому судить, какое «большое значеніе» имѣетъ сообщеніе гр. Бобринскаго.

Надѣюсь, что другія газеты, напечатавшія письмо гр. Бобринскаго, не откажутся напечатать и настоящее мое письмо.

Сергѣй Л. Толстой.

20 августа 1901 г.

Таково печатное заявленіе, по счету третье, исходящее изъ семьи Толстыхъ. Думаемъ, что читатель самъ безъ коментаріевъ оцѣнитъ значеніе свидѣтельства француза, „хорошо говорящаго по русски, но не могущаго воспроизвести словъ", слышанныхъ имъ при разговорѣ гр. Бобринскаго съ Львомъ Николаевичемъ, и пускающагося въ рискованныя догадки.

Заинтересовавшись этимъ новымъ инцидентомъ въ толстовской исторіи, пишущій эти строки нарочно спутешествовалъ въ Тулу для изслѣдованія на мѣстѣ „пререкаемыхъ обстоятельствъ дѣла",—бесѣдовалъ съ епископомъ тульскимъ Питиримомъ и священникомъ о. Димитріемъ Егоровичемъ Троицкимъ, обозрѣвалъ документы, къ сему дѣлу относящіеся. И вотъ результаты нашего изслѣдованія.

На первомъ документѣ (копія увѣщательнаго письма свящ. о. Троицкаго на имя гр. Л. Н. Толстого, съ котораго и начинается знакомство и живой обмѣнъ мнѣній по вопросамъ вѣры гр. Толстого съ о. увѣщателемъ) написана рукою еп. Питирима такая резолюція: „Богъ Единый, въ Св. Троицѣ славимый, да дастъ силу и крѣпость доброму отцу, несущему погибающему сыну спасеніе. Благословляю на бесѣду съ гр. Л. Н. Толстымъ. Еп. Питиримъ".

На послѣднемъ документѣ (рапортѣ) о поѣздкѣ въ Ясную Поляну, состоявшейся 28 іюля, отъ 19 іюля 1901 г., рукою епископа написано: „Благослови Богъ".

О. Димитрій намъ рѣшительно заявилъ, что при первомъ же посѣщеніи дома Толстыхъ графъ Л. Н. Толстой спросилъ его, не отъ архіерея ли онъ посланъ, на что священникъ отвѣтилъ, что безъ благословенія епископа онъ не вправѣ ничего дѣлать, что владыка его благословилъ посѣтить графа, но подвигнула его, о. Димитрія, взять на себя эту миссію искренняя любовь къ Льву Николаевичу и желаніе спасенія ему.

И о. Димитрій, — чудный іерей молитвенникъ,— искренно расположенъ къ Льву Николаевичу, пламенно желаетъ ему спасенія и, что трогательно,—добрый пастырь-молитвенникъ не оскудѣваетъ въ надеждѣ!

Въ семьѣ графа, сколько могу судить изъ бесѣды о. Димитрія, къ нему относятся съ довѣріемъ и уваженіемъ.

Послѣдній разъ предъ моимъ посѣщеніемъ о. Димитрій былъ въ Ясной Полянѣ 3 сентября предъ выѣздомъ Льва Николаевича въ Крымъ. Таковы факты.

Отсюда самъ читатель можетъ судить, нужно ли было гр. Льву Николаевичу 28 іюня спрашивать о. Димитрія, посылаетъ ли его архіерей къ нему, и могъ ли 28 іюня этотъ іерей Божій категорически отрицать участіе архіерея въ этомъ его дѣлѣ, какъ объ этомъ заявляетъ графъ Сергѣй Львовичъ?

Затѣмъ ни французъ Шарль, ни гр. Сергѣй ничего не доказали и ничего не опровергли. Вопросъ вѣдь идетъ „о попыткахъ“ увѣщанія Льва Николаевича, одна изъ такихъ извѣстна гр. Бобринскому и онъ ее удостовѣрилъ. И попытка эта—фактъ неопровержимый, она была и продолжается со стороны о. Троицкаго, чего не отрицаютъ и возражатели. А что и какъ сказалъ когда-то Левъ Ник. г. Бобринскому это совсѣмъ не важно. А вотъ важно то, что въ семьѣ яснополянскаго учителя *не одно* говорятъ, да еще въ печати...

Э. Я.

БИБЛИОТЕКА

